



**ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Министерство культуры Российской Федерации
Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный Эрмитаж
Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Институт культурных программ
Институт Петра Великого
Фонд имени Д.С. Лихачёва

СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

- Е.В. Анисимов*, профессор НИУ Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, научный руководитель Института Петра Великого
- В.Е. Багно*, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
- Г.В. Вилинбахов*, заместитель директора Государственного Эрмитажа
- Д.Ю. Гузевич*, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж
- Е.Я. Кальницкая*, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- А.В. Кобак*, директор Фонда имени Д.С. Лихачёва, председатель совета Института Петра Великого
- А.Н. Колякин*, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга
- Н.Л. Корсакова*, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- О.Л. Лейкинд*, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачёва
- М.Б. Пиотровский*, директор Государственного Эрмитажа
- И.Ф. Свищерская*, руководитель Института Петра Великого
- Е.А. Смирнова*, директор Института культурных программ
- Ю.К. Чистов*, научный руководитель Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

РОССИЯ и ФРАНЦИЯ



Культурный диалог в панораме веков

Материалы
X Международного петровского конгресса

*Санкт-Петербург
9–10 июня 2017 года*



ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2018

Издано при поддержке
ПАО «Газпром»



Благодарим за содействие:

Генеральное консульство Франции
в Санкт Петербурге



Французский институт в России



Составители:

Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М.В. Петрова

Подготовка текста, указатель имён:

Г.Б. Богуславская

Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков. Материалы X Международного петровского конгресса. *Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года.* — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2018 — 584 с., илл.

ISBN 978-5-8015-0391-2

© Институт культурных программ, 2018

© Фонд имени Д.С. Лихачёва, 2018

© Издательство «Европейский Дом», 2018

Содержание

Предисловие	9
-------------------	---

ПОЛИТИКА, ДИПЛОМАТИЯ, ЭКОНОМИКА

<i>Э. Вагеманс</i> (Антверпен). Почему Пётр посетил Францию?	11
<i>М. Пфаффенбихлер</i> (Вена). Визит Петра I к мадам де Ментенон в июне 1717 года. Пер. с франц. <i>М. Г Шербины</i>	18
<i>Д.Н. Копелев</i> (Санкт-Петербург). Парижский след заговора Аттербери: Якобиты, пираты и российский посол князь В. Л. Долгоруков. Лето 1722 года	26
<i>С.А. Мезин</i> (Саратов). Императрица Елизавета Петровна и её двор глазами французского дипломата	35
<i>А.В. Гордон</i> (Москва). Культурно-исторические итоги петровских преобразований во французской мысли (середина XVIII – середина XIX веков)	47
<i>Т.Н. Гончарова</i> (Санкт-Петербург). Салоны как поле дипломатического действия: Посольство Франции и светская жизнь в Санкт-Петербурге (1814–1848)	58
<i>В.Л. Степанов</i> (Москва). Развитие финансовых отношений России и Франции как экономическая основа военно-политического союза 1891–1892 годов	67
<i>Н.Л. Корсакова</i> (Санкт-Петербург). Последний посол Франции при Императорском российском дворе Морис Палеолог	73

ФРАНЦУЗЫ В РОССИИ

<i>А.С. Добренко</i> (Санкт-Петербург). К вопросу о найме мастеров эпохи европейского путешествия 1716–1717 годов: Отец и сын Пангалло на русской службе	90
<i>П.А. Аваков</i> (Ростов-на-Дону). Братья де Бриньи на службе России	98
<i>П.А. Лизунов</i> (Архангельск). Царь Пётр I и финансист Джон Ло: Две великие личности XVIII столетия в Париже	118

<i>В.В. Аристов</i> (Будапешт). Французы в русском плену: Петербург, Копорье, Нарва (1734–1735)	125
<i>А.М. Пашков</i> (Петрозаводск). «Французские фабрики» в Петрозаводске (1765–1778): Из истории диффузии французских промышленных технологий в России	136
<i>Т.П. Петерс</i> (Москва). К вопросу адаптации французских иммигрантов в России (1750–1793) в правления императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II (по документам РГАДА)	145
<i>А.Н. Акинъшин</i> (Воронеж). Французы и их потомки в Воронеже в последней четверти XVIII – начале XX веков	155
<i>Е.Н. Марасинова</i> (Санкт-Петербург). «Русские подданные» и «французские граждане» в XVIII веке	164
<i>Н.В. Зайцева</i> (Санкт-Петербург). Влияние французской галантной модели на воспитание российского дворянина на примере педагогических проектов Я. Штелина	178
<i>М.В. Шкаровский</i> (Санкт-Петербург). Приход св. Екатерины и французская диаспора в Санкт-Петербурге	187
<i>С.В. Трофимов</i> (Москва). Судьба французского католического прихода в Москве	196
<i>И.А. Серова</i> (Ярославль). Французские каплуны в России и «service à la russe» в Париже: Гастрономия как часть русско-французского культурного диалога	203

АРХИТЕКТУРА

<i>М.Н. Микишатъев</i> (Санкт-Петербург). Пётр и Франция: К проблеме стилистики петербургской архитектуры петровского времени	214
<i>Е.А. Андреева</i> (Санкт-Петербург). Французский «десант» Ж.-Б. А. Леблона	231
<i>А.С. Корндорф</i> (Москва). О неизвестном прототипе петергофского Эрмитажа	240
<i>П.Е. Сорокин</i> (Санкт-Петербург). Крепостные сооружения в устье Невы в 1611–1717 годах. От Ниеншанца к Санкт-Петербургу	255
<i>Ю.Г. Клименко</i> (Москва). Николая Легран — первый (главный) архитектор Москвы последней трети XVIII века	269
<i>М. А. Барашев</i> (Владимир). Французские художественные идеи и новации в усадебном строительстве Российской провинции второй половины XVIII – начала XIX веков	278

<i>З.В. Юркова</i> (Санкт-Петербург). О деятельности архитектора А.Ф. Модюи в Петербурге (1809–1826)	285
<i>о. Александр Берташ</i> (Бремен). Архитектор Э.И. Жибер: Творческая биография	291
<i>Б.М. Соколов</i> (Москва). Парки Людовика XIV и Петра I в интерпретации Александра Бенуа	316

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, НАУКА

<i>С.О. Андросов</i> (Санкт-Петербург). Князь Б.И. Куракин как художественный агент	323
<i>Д.Я. Северюхин</i> (Санкт-Петербург). Начало петербургского художественного рынка	331
<i>А. Воль</i> (Париж). 14 мая 1717 года: Пётр I в Парижской Опере. Пер. с франц. <i>Б. Г. Лассерон</i> , под ред. <i>М. Г. Щербины</i>	346
<i>Х. Келенбек</i> (Гейдельберг). Пётр I и «Индийская серия» шпалер в Эрмитаже. Пер. с нем. <i>С. Зубеерова</i>	354
<i>Г.И. Смагина</i> (Санкт-Петербург). Петровский «Проект положения об учреждении Академии наук» (1724) в европейском контексте ...	364
<i>Т.Б. Витман</i> (Санкт-Петербург). Французские заимствования петровской эпохи в русском языке (галлицизмы в области науки)	371
<i>В.Д. Алташина</i> (Санкт-Петербург). Виже-Лебрэн в России	380
<i>Н.М. Вершинина</i> (Санкт-Петербург). Значение декоративных тканей и ковровых изделий производства французских мануфактур в формировании художественного убранства интерьеров Павловского дворца	388
<i>Е.Э. Эльц</i> (Санкт-Петербург). Вклад Л. Рео и Г.К. Лукомского в развитие русско-французских художественных связей	395
<i>В.А. Сомов</i> (Санкт-Петербург). Деятельность в России французских обществ по защите авторских прав (1912–1918)	405
<i>А.Д. Ерофеев</i> (Санкт-Петербург). Революционный держите шаг. Франция на карте Петербурга	414
<i>Г.Л. Тульчинский</i> (Санкт-Петербург). Франция и французская культура в творческой судьбе М.М. и Н.М. Бахтиных	422

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ СВЯЗИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

<i>Н.Ю. Болотина</i> (Москва). Грамоты французских монархов русским царям в собрании РГАДА	430
<i>Т.П. Мазур</i> (Санкт-Петербург). История российско-французских отношений в материалах Российского государственного архива Военно-морского флота	442
<i>Д.И. Раскин</i> (Санкт-Петербург). Русские дипломатические представительства и духовная миссия во Франции, французские дипломатические представительства в России в архивных документах гражданского и придворного ведомств Российской империи XVIII – начала XX века	448
<i>Е.И. Жерихина</i> (Санкт-Петербург). Аббат Ж. Маскле и книга французского прихода	457
<i>К. Лопатецкий</i> (Белосток), <i>П. Крокош</i> (Краков). Военные обозы в Российской империи, Австрии и Французском королевстве в середине XVIII века в свете трактата Антония Леопольда Эльсница	466
<i>Д.Ю. Гузевич, И.Д. Гузевич</i> (Париж). Французские инженеры — члены Петербургской Академии наук: Обзор архивов России и ближнего зарубежья	482
Список сокращений	503
Указатель имён	505

Предисловие

В сборнике публикуются статьи, подготовленные участниками юбилейного X Международного петровского конгресса «Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков». Конгресс проходил 9–10 июня 2017 года в Санкт-Петербурге.

Среди авторов сборника — историки и искусствоведы из Петербурга, Москвы, Архангельска, Владимира, Воронежа, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Саратова, Ярославля, а также Антверпена, Белостока, Бремена, Будапешта, Вены, Кракова, Парижа.

Петровские конгрессы проходят в Санкт-Петербурге ежегодно и посвящены изучению петровской эпохи, сохранению и популяризации петровского наследия, развитию культурного туризма.

Конгрессы проходят под эгидой Министерства культуры РФ и Комитета по культуре Санкт-Петербурга. Организаторами X юбилейного конгресса были Государственный Эрмитаж, Государственный музей-заповедник «Петергоф», Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт культурных программ, Институт Петра Великого, Фонд имени Д. С. Лихачёва.

В 2017 г. исполнилось 300 лет со времени Второго большого европейского путешествия Петра I, когда он посетил Германию, Данию, Нидерланды, Францию. 21 апреля 1717 г. Пётр I пересёк границу Франции, а спустя шестнадцать дней прибыл в Париж. Почти двухмесячное пребывание во Франции стало главным событием Второго путешествия Петра I. С этого визита берут начало официальные русско-французские дипломатические отношения.

В рамках перекрёстного Года культурного туризма России и Франции петровский конгресс был проведён не только в России, но и во Франции. 20–22 апреля 2017 г. в Париже состоялся IX Международный петровский конгресс «Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию».

Юбилейный X Международный конгресс в Петербурге продолжает русско-французскую тему. Пленарные и секционные заседа-

ния проходили в Государственном Эрмитаже и Государственной академической капелле Санкт-Петербурга.

Впервые в рамках конгресса работала молодёжная секция, подготовленная начинающими исследователями-стажёрами Эрмитажа.

9 июня, в день 345-летия со дня рождения Петра I, в Государственной академической капелле прошёл торжественный вечер по случаю открытия Международного петровского конгресса.

По традиции в ходе торжественного заседания состоялось вручение знамени «Путь Петра Великого» одному из петровских городов — активных участников программы. Почётного знамени был удостоен город Азов Ростовской области. Также награда была вручена Генеральному консульству Франции в Санкт-Петербурге.

Юбилейными памятными медалями были награждены российские и зарубежные деятели культуры и организации, внесшие значительный вклад в подготовку Международных петровских конгрессов.

Праздничный вечер завершился музыкальным выступлением артистов Академической капеллы под руководством дирижёра Владислава Чернушенко. Символично, что ровно 300 лет назад Придворный хор капеллы сопровождал Петра I во время поездки во Францию и выступал там с концертами.

Подлинный диалог культур России и Франции начался с визита в Париж Петра I. При Екатерине Великой французское культурное влияние в России возросло многократно. Во вновь открытой Петербургской Академии художеств преобладали французские профессора, французский театр стал образцом для русских драматургов и актёров. Русская тема заняла заметное место в произведениях Вольтера и Дидро, а их диалог с Екатериной II стал явлением общеевропейского значения.

Французский скульптор Фальконе именно в России создал свой единственный и неповторимый шедевр — Медного всадника. Французский архитектор Монферран построил Исаакиевский собор — один из архитектурных символов Петербурга.

Общеизвестны связи с Францией и её культурой многих русских писателей, художников, учёных XIX века. В начале XX в. взаимный культурный интерес достиг своего апогея: французский символизм и новая живопись находили самых тонких ценителей в России, а русский балет, музыка и искусство авангарда восхищали французскую публику.

А. В. Кобак

Директор Фонда имени Д. С. Лихачёва

ПОЛИТИКА, ДИПЛОМАТИЯ, ЭКОНОМИКА

Эммануэль Вагеманс
(Антверпен)

Профессор-эмерит Католического университета Лёвена

Почему Пётр посетил Францию?

В 1709 г. царь Пётр одержал победу над «непобедимым» Карлом XII, но Швеция не хотела заключить мир. После неудачного десанта союзными армиями в Швецию осенью 1716 г. Пётр решил поехать в Нидерланды. Наверное, он хотел попросить Генеральные Штаты стать посредником в переговорах о мире со Швецией. По дороге в Голландию он был в гостях у своего союзника, прусского короля Фридриха Вильгельма I. Некоторые предполагают, что это именно прусский союзник подсказал Петру идею поговорить с Францией. Министр кабинета Августа Сильного Мантейфель был свидетелем этих разговоров-застольев и пишет, что оба монарха были до того пьяны, что ничего путного не вышло¹. Вряд ли это так. Британский дипломат Витворт доложил своему королю Георгу I, что удержать Пруссию от договора с Россией британцам не удастся, ведь в Пруссии царя считают «душой Северной войны»².

¹ Als er kam, fand er beide Monarchen ziemlich angetrunken bei Tafel, und es war keine Möglichkeit, ernste Dinge zu besprechen // *Seydewitz Th., von. Ernst Christoph von Manteuffel. Kabinettsminister Augusts des Starken. Persönlichkeit und Wirken. Dresden, 1926. S. 42.*

² *Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 109.*

В декабре 1716 г. Пётр прибыл в Голландию. К весне 1717 он понял, что Генеральные Штаты не готовы вести переговоры со Швецией — Голландия ещё была союзником Карла XII и поэтому не могла признать завоевания Петра на Балтике. Республика опасалась слишком большого русского влияния на Балтике (*dominium maris Balthici*) и развития страны в большую морскую державу. Голландцам не нравилось, что русские сами начали строить корабли³. Русский дипломат Андрей Матвеев писал Петру, что голландцы боятся выгодного мира со шведским королём, «чего неусыпно остерегаются, трепещут великой силы вашей не меньше как и Француза»⁴. К тому же Пётр оскорблял голландцев. В 1713 г. у Гельсингфорса пять голландских торговых судов были уничтожены русским флотом. Царь в конце концов свою вину признал, однако возмещение убытков затянулось на долгие годы. Голландские купцы пришли в ярость, видя, что они теряют то господствующее положение, какое они занимали в Архангельске. Царь взимал на ввоз и вывоз высокие пошлины. В Петербурге взяточник Меншиков, фактический босс новой столицы, обложил голландских купцов произвольными поборами и обращался с ними неслыханно грубо. Русский посол в Гааге князь Борис Куракин предложил сделку: в обмен на признание Генеральными Штатами завоеваний Петра на Балтике все вопросы, связанные с торговлей (читай: произвол и помехи), будут немедленно устранены. Ничего не помогло: Петру пришлось обратиться к другому, новому союзнику.

Все архивные документы, дипломатические депеши, указывают на то, что не только Пруссия, но и сама Швеция хотела включить Францию в процесс мирных переговоров⁵. Советник шведского короля в Голландии барон Георг Хайнрих Гёртц летом 1716 г. обратился к французскому послу в Гааге маркизу Пьеру-Антуану де Шатонёфу с просьбой, чтобы Франция выступила посредницей в мирных переговорах России со Швецией⁶. Хорошо информированная британская дипломатия об этих планах знала и пыталась удержать французского короля от всякого содействия русским. Понятно, что такая антирусская позиция Великобритании побуждала Петра установить более тесные отношения с Францией.

³ См.: *Конингсбрюгге Х., ван.* История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. СПб.: Европейский Дом, 2014.

⁴ *Брикнер А.* Путешествия Петра Великого за границу в 1711 до 1717 г. // Русский вестник. 1881. Т. 2. С. 620–621.

⁵ Французский историк Грюнвальд упоминает только представителей Франции и царя. См.: *C. de Grunwald.* La Russie de Pierre le Grand. Paris, 1953. P. 160.

⁶ *Фейгина С. А.* Указ. соч. С. 118

Ещё в первую свою поездку за границу в 1697–1698 гг. Пётр выразил желание посетить Францию, но Людовик XIV об этом как будто и слышать не хотел. Враги России, турки, были одновременно друзьями Франции, и взятие Азова (1696) и растущее русское влияние в Польше французам было не по душе, а сам «король-солнце» смотрел на «князя Московии» с пренебрежением⁷. Только после смерти Людовика XIV в 1715 г. русско-французские отношения потеплели. Теперь Париж готов был принять властителя России, и тот надеялся, что Франция прекратит поддерживать Швецию и признает русские завоевания на Балтике. Помимо этого, Пётр задумал выдать свою дочь Елизавету за юного Людовика XV.

Есть мнение, что в путешествии царя в 1717 г. во Францию культурные аспекты играли куда большую роль, чем дипломатические. Тайный агент Испании маркиз де Гримальдо, которому было поручено следить за каждым шагом Петра в Париже, писал: «Судя по интересу, с каким он изучает всё относящееся к математической науке, механике и технике, и даже к изящным искусствам, думаю, что ближайшее знакомство с ними, дабы пересадить это всё в своё собственное отечество, есть важнейшая, если не единственная цель его поездки». Маркиз был уверен: наиболее очевидная причина визита — «чистое любопытство»⁸.

В том же убеждён и издатель переписки братьев Олсуфьевых, сопровождавших Петра во Францию: «Слава гениального преобразователя России слишком велика, его значение во всемирной истории всеми, даже врагами, так безусловно признано, что они никак не потеряют своего обаяния, ежели даже допустить предположение, что в глазах Петра Великого, как бы предугадавшего воззрение почти всех последовавших за ним в Париже Россиян, город этот был прежде всего столицей утех и забав»⁹.

Напротив, по мнению советского историка С. А. Фейгиной, главной целью поездки были именно дипломатические переговоры. Вывод её гласит: «Итог этой кропотливой работы заставляет нас отвергнуть версию, прочно укрепившуюся в учёной литературе, согласно которой Петра I интересовала в Париже возможность привлечь оттуда учёных, художников и мастеров, приобрести там картины, статуи и всевозможные технические приборы. Это было не

⁷ Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 21–22.

⁸ Цит. по: Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже // Русская мысль. 1884. Т. 1. С. 111–112.

⁹ Анонимно. Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. Переписка их с князем А. Д. Меншиковым // Русский Архив. 1883. Т. 3. С. 32.

целью его поездки, а только привходящим, хотя и очень заметным моментом в ней. Цель же Петра I, когда он ехал в Париж, заключалась в сближении с версальским двором для ослабления антирусской направленности нового франко-англо-голландского союза и для лишения Швеции той политической и финансовой поддержки, которую она систематически получала от Франции»¹⁰.

Не забудем, что цель визита держали в строжайшей тайне. Наша парижская коллега Доминик Лиштенан в монографии о Петре пишет, что официально царь воспользовался своим пребыванием в Гааге, чтобы приватно посетить Францию¹¹. Даже представитель французского двора, которому предстояло встретить русского государя в Дюнкерке (т.е. на границе Франции и Бельгии), был совершенно не в курсе его намерений¹².

Русский агент в Голландии Йоханнес ван ден Бюрг сообщил ведавшему внешней политикой России и сопровождавшему Петра в поездке канцлеру графу Гавриилу Головкину, что посол Франции в Гааге обо всех переговорах молчит и только хлопчет перед Генеральными Штатами в пользу Швеции¹³. Основательно изучив все обстоятельства дела и всю дошедшую до наших дней дипломатическую корреспонденцию, историк Фейгина пришла к заключению, что план посетить Париж созрел у Петра ещё до прибытия в Голландию, скорее всего — после встречи с королём Пруссии в Хавельсберге, хотя окончательного решения царь тогда ещё не принял¹⁴.

Договор с Фридрихом Вильгельмом I французов отнюдь не радовал. Так что Франции самой было выгодно сблизиться с возмужавшей далёкой державой, чтобы сохранить хоть какое-нибудь влияние на «Севере». На исходе 1716 г. Париж предложил тройственный союз Франции, России и Пруссии. Переговоры

¹⁰ Фейгина С. А. Указ. соч. С. 199.

¹¹ *Liechtenhan F.-D. Pierre le Grand. Le premier empereur de toutes les Russies.* Paris, 2015.

¹² Фейгина С. А. Указ. соч. С. 129. О секретности вокруг визита Франции в окружении Петра во время его пребывания в Бельгии, см.: *Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717).* СПб.: Европейский Дом, 2013. Князь Куракин написал Шатонёфу, что «царь держит свое путешествие в большой тайне, и он хотел бы, чтобы об этом не говорили во Франции до его приезда». *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717).* Documents inédits tirés des Archives étrangères, de la Guerre et de la Marine // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin. Dunkerque, 1902. Т. 5. Р. 120.

¹³ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1716 г. Д. 7. Л. 116.

¹⁴ Там же. С. 121.

велись совершенно секретно, причём инициатива исходила от французов¹⁵.

Французский регент и его дипломаты были готовы выступить посредниками между Швецией и её врагами. Французский посол в Гааге маркиз де Шатонёф получил инструкции, как вести себя по отношению к приехавшим русским (Пётр, Куракин, Шафиров): «ни в какое соглашение, со своей стороны, не вступать» и «переговоры затягивать»¹⁶. Подчёркивалось, что он должен действовать крайне осторожно, дабы о переговорах с царём не проведали британцы и незадолго до этого установленная дружба Парижа с Лондоном не пострадала. Британская корона внимательно следила за тайными беседами¹⁷, которые вели с французами Шафиров и Куракин, пока их государь осматривал парижские достопримечательности и посещал местных знаменитостей¹⁸ — как камуфляж.

Беспокойство по поводу слишком хороших отношений России с Пруссией испытывали в Вене. Голландский посланник при императорском дворе доносил 26 мая 1717 г.: «Путешествие царя во Францию <...>, новые связи между Его Царским Величеством и королём Пруссии <...>, слух о том, что царь мог бы совершить поездку туда [во Францию. — Э. В.], и уменьшение доверия и согласия между этими двумя монархами и королём Великобритании, как здесь заметили, возбуждают при этом [австрийском. — Э. В.] дворе изрядное удивление и немало недовольства и недоверия в отношении царя и короля прусского»¹⁹.

Мнения историков расходятся. Некоторые считают, что визит Петра в Париж «закончился неудачей и что неудача политическая

¹⁵ Там же. С. 119–123. Немецкий знаток петровского времени Виттрам, наоборот, утверждает, что инициатива исходила от Пруссии (см.: *Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Zweiter Band. S. 305*). Виттрам, так же как Фейгина, основывает своё суждение на глубоком изучении архивов, в том числе прусских.

¹⁶ *Sans que vous soyez entré de vostre part dans aucun engagement' en 'de tirer la negotiation en longueur' // Ministère des Affaires étrangères et européennes. Archives (Париж). Correspondance politique Hollande 1716–1717, vol. 313, f. 100. См. также: Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Т. 8: Russie. Paris, 1890. Ed. A. Rambaud. P. 138–146.*

¹⁷ *Guichen E., de Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. Paris, 1908. P. 148, 158.*

¹⁸ См.: *Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб., 2017, 2-е изд.*

¹⁹ *Antal G., von, Pater J. C. H., de Weensche gezantschapsberichten van 1670 tot 1720. Vol. II. Den Haag, 1934. P. 667–668.*

сопровождалась личным провалом»²⁰. Лиштенан пишет, что результаты переговоров в Париже были слабыми²¹. Другой крупный историк русско-французских отношений, Альфред Рамбо, пишет, что Пётр «остаётся величайшим иностранным гостем, которого когда-либо видел Париж. То, что он увёз от нас, это была будущая цивилизация России»²². Прав наш саратовский коллега Сергей Мезин, который указывает на необычайную популярность Петра в общественном мнении Франции XVIII века. Это именно французские писатели (в т.ч. Фонтенель и Вольтер) сделали Петра героем века Просвещения.

Французский историк Густав Вельтер в своей *Истории России* пишет, что первое поколение «новых русских» в петровской России было голландским, второе немецким, а третье французским²³. Хотя Пётр воспитывался на голландских и немецких образцах и говорил на смешанном немецко-голландском языке, он сам положил начало подражанию всему французскому. Это не исключает того, что Пётр критически относился к Франции. Тому есть несколько доказательств. Якоб Штелин в своих «анекдотах» пишет, что Пётр хотел издать в Голландии двуязычную библию: «Сим изданием всея Библии на Голландском и Славенском языках Государь намерен был доставить подданным своим двойную пользу, а именно: возбудить в них охоту к чтению Священного Писания, и притом подать им случай приучиться к любимому его Голландскому языку. Ибо он часто говаривал: Голландской язык нам нужен на море, Немецкой на сухом пути, а Французской совсем не нужен, для того, что с Французами мало имеем мы дела»²⁴. По мнению Нартова, Пётр высказался очень резко о Франции: чрезмерная приверженность церемониям, преувеличенная учтивость и расточительство французской аристократии Петра отталкивали. Самая импозантная в это время европейская столица произвела на Петра немалое впечатление, однако ему приписывают такие слова: «Добро перенимать у французов художества и науки. Сие желал бы я видеть у себя, а в прочем Париж воняет»²⁵.

²⁰ Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris, 1950. P. 20.

²¹ Liechtenhan F.-D. Op. cit. P. 421.

²² Rambaud A. Les Russes à Paris. Pierre le Grand (1717). Simples notes // Revue politique et littéraire. Revue bleue. T. LII. № 16. 14 octobre 1893. P. 502.

²³ Цит. по голландскому изданию: Welter G. Geschiedenis van Rusland. Brugge; Utrecht, 1966. P. 227.

²⁴ Штелин Я., фон. Подлинные анекдоты Петра Великого... Ч. 2. М., 1830. С. 50.

²⁵ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Пётр Великий в русской литературе. Воспоминания. Оценки. Образ. СПб., 2009. С. 69.

Царь не мог не понять, что рассчитывать на своих голландских приятелей, бывших учителей, больше не приходится. Два раза голландцы отказывали Петру в помощи: во время Великого посольства и во время визита в 1717 г. Пётр должен был глубоко разочароваться в своих голландских друзьях. В оставшиеся Петру годы (1717–1725) экономические и политические отношения с Республикой упали до низшей точки. Взаимное доверие, обоюдный интерес, уважение и симпатии друг к другу канули в прошлое. «Голландский период» в истории России, эпоха значительного влияния Нидерландов на развитие страны, закончился. Главное влияние отныне будут оказывать немцы и французы.

Подведём итоги. Согласиться с мнением некоторых, что парижская миссия Петра была неудачной, трудно. Как бы то ни было, Пётр предпринял опасный вояж. Ведь он ехал в страну союзника своего шведского противника, т.е. ехал прямо в логово врага. То, что он вышел неповреждённым и победителем (не сразу, но в конце концов), показывает, что Пётр многому научился за двадцать лет, прошедших со времён Великого посольства, что он и его помощники научились вести политические и дипломатические игры. Трудно не согласиться с немецким философом Лейбницем, с которым русский царь встречался в 1716 г.: «Я не смогу достаточно выразить восхищение живостью и природным смыслом сего великого государя»²⁶. Своим пребыванием Пётр не только положил начало русско-французским отношениям, он не только стал героем для многих французов и интеллектуалов века Просвещения, он не только создал положительную репутацию России в западном интеллектуальном дискурсе, он даже для Бельгии, где был только проездом, оказался своего рода благодетелем. Не зря моя страна поставила ему памятники (в Антверпене и Льеже), он даже стал героем оперы французского композитора Гретри, который на самом деле был бельгийцем, уроженцем Льежа. Своим пребыванием и поведением в наших краях Пётр продолжает будоражить фантазию и французов, и бельгийцев.

²⁶ «Je ne saurois assez admirer la vivacité et le jugement de ce grand Prince». Цит. по: *Wittram R.* Op. cit. Band 2. S. 286.

Матиас Пфаффенбихлер
(Вена)

*Директор Оружейной палаты
Венского Музея истории искусства*

Визит Петра I к мадам де Ментенон в июне 1717 года¹

Основная тема статьи — посещение Петром I госпожи де Ментенон в монастыре Сен-Сир вблизи Версаля в июне 1717 г.

Герцог де Сен-Симон, знаменитый автор придворных хроник эпохи Людовика XIV, так описывает визит царя Петра:

«Она удалилась в Сен-Сир сразу после смерти короля и, пожелав считаться умершей для всего света, никогда более не преступила порога этой обители. Она не желала там видеть решительно никого из прошлой жизни, исключая лишь очень узкий круг людей.

В пятницу 11 июня 1717г. царь приехал из Версаля в Сен-Сир, где осмотрел всё заведение и посетил классы, где занимались воспитанницы. Принимали его с королевскими почестями. Он также выразил желание увидеть Г-жу де Ментенон, которая, узнав о таком проявлении его любопытства, улеглась в постель и задернула все шторы, кроме одной, оставленной наполовину приоткрытой. Царь вошёл к ней в спальню и сразу открыл все шторы на окнах, затем отдёрнул полог кровати и стал разглядывать Г-жу де Ментенон, не говоря ей ни слова, равно как и она ему, после чего удалился, даже не подумав поклониться. Мне известно, что она была этим крайне поражена, а ещё более оскорблена, но покойного короля уже не

¹ Перевод с франц. М. Г. Щербины.



Пётр Великий посещает маркизу де Ментенон.
Гравюра. 1890.

было на свете. Действительно, удалившись в Сен-Сир после смерти короля, Госпожа де Ментенон наблюдала за тем, как мало-помалу рушилось всё здание, так тщательно созданное ей во времена её всецелия».

Почему Пётр I проявил такой интерес к тайной супруге покойного короля Людовика XIV? Не было ли возможной причиной сходство между госпожой де Ментенон и супругой Петра, Екатериной?

Герцог де Сен-Симон следующим образом характеризовал скромное происхождение г-жи де Ментенон:

«Непрерывное царствование знаменитой Франсуазы д'Обинье, Маркизы де Ментенон продолжалось целых тридцать два года. Она родилась 27 ноября 1635 года в Ньоре. Её отец, возможно, дворянин по происхождению, отправился вместе с её матерью в поисках пропитания на острова Америки. Там их поглотила тьма неизвестности. Франсуаза д'Обинье, обращённая в католичество гугенотка, вернулась во Францию одна в поисках счастливого случая устроить свою судьбу. В Ла Рошели её, как соседку, из жалости приютила Г-жа де Нейан, мать супруги маршала и герцога де Навайля, где, по причине собственной бедности и скупости этой старой дамы, ей пришлось быть ключницей при хлебных амбарах и ежедневно следить, как лошадям отмеряют овёс...».

Будущая царица Екатерина I была родом из ещё более низких социальных слоёв, чем мелкопоместная дворянка г-жа де Ментенон.

Происхождение Марты Скавронской неясно. О её жизни до 1703 г., когда произошла её встреча с царём, есть только предположения. Весьма вероятно, что она была одной из четырёх детей литовского крестьянина Самуила Скавронского, возможно, католика. Скавронские уехали из Литвы и впоследствии поселились в шведской провинции Ливония, где в 1684 г. в деревне Ринген около Дорпата родилась Марта. Когда она была ещё ребёнком, отец умер, немного позже умерла и мать. Дети-сироты попали на воспитание в разные семьи. Так Марта оказалась в доме Эрнста Глюка, служившего протестантским пастором в Мальборке.

Хотя с ней и не обращались как с прислугой, но от девочки ожидали, что она будет выполнять полезную работу в доме: стирать бельё, шить, печь хлеб и присматривать за младшими детьми. Когда она покинула семью Глюка, Марта не умела ни читать, ни писать. Она росла красивой и сильной. Марта была обручена со шведским драгуном и, согласно некоторым данным, вышла за него замуж летом 1702 г. Однако брак продлился всего 8 дней, поскольку сразу после свадьбы быстрое продвижение русских войск заставило шведов в спешке отступить. Марта никогда больше не увидела своего мужа.

Как и г-жа де Ментенон, Екатерина сменила вероисповедание. Г-жа де Ментенон перешла из протестантизма в католичество, а Екатерина из католической веры перешла в православие. Обе женщины рано вышли замуж. Герцог де Сен-Симон рассказывает о первом браке г-жи де Ментенон:

«В свите Г-жи де Нейан она прибыла в Париж, юная, ловкая, умная, не имеющая ни средств, ни родственников, и там ей повезло познакомиться со знаменитым Скарроном. Он нашёл её привлекательной, его друзья, возможно, и более того. Ей показалось большой и совершенно неожиданной удачей выйти за этого жизнерадостного и учёного обезножившего калеку, а люди, которым женитьба Скаррона нужна была, видимо, больше, чем ему, старательно принуждали его к этому браку и убедили спасти, таким образом, прелестную и несчастную девушку от нищеты».

«Брак был заключён, новобрачная понравилась всем представителям весьма разнообразного общества, бывавшего у Скаррона. Он тоже нашёл, что она хороша во всех отношениях; сам он был лишён возможности выходить из дому, но в ту пору было модно навещать его, и всех придворных, и городских остроумцев, всех лучших и достойнейших людей неизменно собирала у него в доме притягательная сила его ума,

учёности, воображения, бесподобная при всех недугах и ничуть не однообразная весёлость, редкостная плодовитость пера, и насмешки его, выдержанные в самом лучшем вкусе, которыми до сих пор восхищаются в его творениях».

«Г-жа Скаррон приобрела там знакомства самого разного рода, что не избавило её после смерти мужа от необходимости прибегнуть к благотворительности прихода церкви Св. Евстафия. Ей предоставили комнатку на лестнице в бедном доме, где она в большом стеснении жила со своей служанкой. Благодаря её прелестям, положение у неё понемножку поправилось».

После смерти своих первых супругов г-жа де Ментенон, как и Екатерина, прожили определённое время в глубокой бедности. Г-жа де Ментенон зависела от помощи церкви, а Екатерина работала прислугой в доме фельдмаршала Б. П. Шереметева.

После ухода шведов округ Дорпат был занят русскими войсками под командованием Шереметева, а пастор Глюк с семьёй захвачен в плен. Марта, привлекательная сирота, полгода оставалась прислугой у Шереметева. Некоторые даже подозревали, что девушка стала его любовницей, но доказательств тому нет. Позже, когда она стала супругой Петра, она не выказывала никакой неприязни к Шереметеву, но и ни в чём не покровительствовала ему.

Вероятно, будущая императрица лишь прислуживала в доме Шереметевых, и не более того. Отношения Марты с её следующим покровителем, Меншиковым, были теснее и сложнее. Встреча Екатерины и Меншикова решающим образом изменила их судьбы.

Меншиков уже был фаворитом царя, когда во время одного из посещений дома Шереметева увидел там девушку. К этому времени Марта обратилась в православие и приняла русское имя Екатерина. Неизвестно, как Меншикову удалось уговорить Шереметева отпустить литовскую девушку в его дом. Есть мнение, что он её купил. Как бы то ни было, в 1703 г. Меншиков увёз её в Москву.

Возможно, через какое-то время восемнадцатилетняя Екатерина разделила ложе царского фаворита, которому тогда было тридцать четыре года. В любом случае, единомыслие, возникшее у них в этот период, оказалось нерушимым и продолжалось до самой смерти. Эти два человека стали самыми влиятельными персонажами Российской империи, разумеется, после самого царя, хотя оба они полностью зависели от его прихоти из-за своего скромного происхождения.

За исключением протекции царя, для Екатерины и царского фаворита взаимная поддержка и солидарность были единственной их силой. Отметим ещё раз, нет никаких доказательств, что Екатерина была любовницей Меншикова.

Роль, подобную той, которую Меншиков сыграл в судьбе Екатерины, сыграла, в свою очередь, г-жа де Монтеспан, любовница короля Людовика XIV, в судьбе г-жи де Ментенон.

Герцог де Сен-Симон пишет:

«Почтительностью, старанием угодить, умом и приятностью Г-жа Скаррон сумела весьма понравиться Г-же де Монтеспан. Та исполнилась к Г-же Скаррон симпатией, и, когда у неё родились от короля первые дети, герцог Мэнский и герцогиня Бурбонская, и было решено их скрывать, Г-жа де Монтеспан предложила доверить их попечению Г-жи Скаррон, которой был предоставлен дом в квартале Марэ, а также средства, чтобы жить там с ними, содержать их и воспитывать в глубочайшей тайне».

Позже незаконнорождённых детей короля и их гувернантку, будущую г-жу де Ментенон, переместили в сельскую местность ближе к Версалю.

Сен-Симон также вспоминает:

«Имя Ментенон пошло в продажу и его близость от Версаля так соблазняла Г-жу де Монтеспан приобрести его для Г-жи Скаррон, что она приставала к королю до тех пор, пока не вытянула из него денег на покупку этих земель для этой женщины, которая то ли сразу, то ли немного спустя взяла фамилию де Ментенон. Г-жа де Монтеспан получила также средства на ремонт замка и долго добивалась у короля, чтобы он дал денег на приведение в порядок сада, поскольку Г-да д'Анжени очень запустили его».

Получив от короля титул герцогини де Ментенон, гувернантка восьми детей, родившихся от союза короля и г-жи де Монтеспан, вдова поэта Скаррона стала верной наперсницей Людовика XIV. Эта ситуация продлилась вплоть до дела об Отравительницах, вспыхнувшего в марте 1679 г. после ареста в Париже женщины по фамилии Монвуазен, известной по прозвищу Вуазен. Вскоре Людовик XIV с ужасом узнал, что г-жа де Монтеспан скомпрометировала себя в этой цепочке преступлений, отравлений, наведений порчи и «чёрных месс», что побудило его одновременно скрыть от правосудия часть дела и разорвать отношения с любовницей.

И г-жа де Монтеспан, и Меншиков способствовали знакомству своих наперсниц, а именно, г-жи де Ментенон и царицы Екатерины I, с их будущими супругами, даже не подозревая о предстоящих браках.

Когда Екатерина впервые встретилась с Петром осенью 1703 г., она уже была в числе домочадцев Меншикова. Её положение было

таково, что она имела доступ к царю и могла с ним разговаривать, хотя на тот момент Петру был тридцать один год, а ей только девятнадцать. Пётр любовался ею. В тот момент его отношения с Анной Монс, продолжавшиеся 12 лет, оказались вконец испорчены, и тут он встретил эту сильную, здоровую и привлекательную девушку в самом расцвете молодости. И хотя Екатерина была далеко не классической красоты, её внешние данные уже привлекли к ней внимание фельдмаршала и князя.

Екатерина приняла предложение царя и с осени того же года, несомненно, стала любовницей Петра. Она сопровождала царя в военных кампаниях, перемещаясь вместе с армией, чтобы быть ближе одновременно к Петру и Меншикову.

Обе женщины очаровали своих высокородных супругов не классической красотой, а соблазнительной натурой.

Сен-Симон пишет в связи с этим:

«Фортуна, поскольку я не смею произнести здесь слово “Провидение”, готовившая самому надменному из королей самое глубокое, публичное, долгое и неслыханное унижение, всё более усиливала его склонность к знающей своё дело ловкачке, а укрепляло его в ней постоянная ревность Г-жи де Монтеспан, устраивавшей частые сцены, при которых она, не сдерживаясь, изливала своё раздражение на короля и на неё...».

«<...> То же Провидение, самодержавный владыка времени и событий, всё устроило так, что королева прожила достаточно долго, чтобы помочь довести это новое чувство короля до предела, и недостаточно, чтобы способствовать его охлаждению. <...> через известное время после смерти королевы и возвращения короля из Фонтенбло в середине зимы произошло событие, в которое потомки с трудом смогут поверить, хотя оно совершенно доподлинно и удостоверено свидетельствами: в одном из версальских кабинетов глубокой ночью св. отец де Лашез, королевский духовник, отслужил мессу. Бонтан, управляющий Версальским двором и старший, самый доверенный, лакей из четвёрки ближайших королевских слуг, прислушивал на этой мессе, где государь и Г-жа де Ментенон были обвенчаны в присутствии парижского архиепископа д’Арле...».

Так же совершенно тайно, как и Людовик XIV с г-жой де Ментенон, Пётр I обвенчался с женщиной, происходившей из социального слоя, весьма далёкого от его собственного происхождения.

После венчания Меншикова царь всё более серьёзно рассматривал идею своего брака. Бракосочетание Петра и Екатерины состоялось в ноябре 1707 г. через пятнадцать месяцев после свадьбы Мен-

шикова. Вполне заурядная церемония состоялась в Санкт-Петербурге без той напряжённости, которая сопровождала бракосочетание царевича. И хотя с момента венчания Екатерина родила от него уже пятерых детей, Пётр хранил этот брак в тайне от народа и, даже, от министров и членов своей семьи.

В марте 1711 г., перед тем, как отправиться вместе с Екатериной в Прутский поход против турок, Пётр позвал свою сестру Наталью Алексеевну и Прасковью Фёдоровну с двумя дочерьми. Он представил им Екатерину, объявив, что она его супруга и что отныне к ней следует обращаться как к царице российской. При первой возможности Пётр собирался устроить публичное бракосочетание. Но даже если бы он не успел этого сделать до своей кончины, семья должна была признать Екатерину его законной вдовой.

Царь исполнил своё намерение, и второй раз открытое бракосочетание с Екатериной состоялось в феврале 1712 г., на этот раз в присутствии дипломатического корпуса. Светской церемонии предшествовала церковная церемония крещения, в которой царевич Алексей, приёмный сын Екатерины, выступал в роли крёстного отца. С этого момента она стала официальной супругой Петра и была публично объявлена императрицей Екатериной Алексеевной.

Обе морганатические супруги великих монархов, Людовика XIV и Петра Великого, оказывали тайное, но немаловажное влияние на своих супругов.

Став супругой короля, г-жа де Ментенон играла отныне политически скромную, но реально существенную роль. Она несомненно содействовала клану Кольбера в борьбе против клана маркиза де Лува, проявляла интерес к своим бывшим воспитанникам, сыновьям г-жи де Монтеспан, герцогу Мэнскому и графу Тулузскому, и более чем кто-либо способствовала смене общей атмосферы двора, приобретшего при ней, по крайней мере, афишировавшийся, ясный оттенок набожности. В то же время она ничего не предприняла против отзыва Нантского эдикта, который затронул её протестантских единоверцев, и очень быстро оставила Фенелона и его философских друзей квиетистов, которых одно время поддерживала.

Екатерина, в свою очередь, обладала качествами, которых Пётр не находил ни в одной другой женщине. Она была пылкой, жизнерадостной, сочувствующей, милой, великодушной, легко приспособившейся к изменениям, приятной в общении, крепкого здоровья и большой жизненной силы. Екатерина не делала сложных умозаключений. Её язык был, как и язык царя, прямым и честным.

Екатерина лучше, чем кто бы то ни было, справлялась с нервными срывами Петра, которые сопровождались конвульсиями. Лю-



Замок Ментенон. Шартр, Франция.
Фото *Eva Gstoettner*.

бовь и дружба, в которой оба они жили, а также сила Екатерины и её упорство, выразились и в том, как она превозмогла рождение двенадцати детей, шести мальчиков и шести девочек, и пережила смерть десяти из них, в том числе трёх в младенческом возрасте и двух через несколько месяцев после рождения.

Только две её дочери дожили до взрослого возраста: Анна, родившаяся в 1708 г., ставшая затем герцогиней Голштинской и матерью императора Петра III, и Елизавета, родившаяся в 1709, императрица России с 1740 по 1762 год.

Своим интересом, проявленным к г-же де Ментенон, в котором чувствуется желание сравнения её с царицей Екатериной, Пётр одновременно сравнивал своё положение с положением французского короля, которым он восхищался.

Дмитрий Николаевич Копелев
(Санкт-Петербург)

*Доцент кафедры истории
Российского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена*

Парижский след заговора Аттербери: Якобиты, пираты и российский посол князь В. Л. Долгоруков. Лето 1722 года

Хитросплетения «большой политики» с её множественностью слоёв и вариаций нередко оказываются за пределами понимания не только современников, но и тех, кто спустя много лет восстанавливает «вероятные события прошлого», пытаясь извлечь из них политические и моральные уроки. Объясняется это во многом тем, что «великие мира сего» не афишируют методы, с помощью которых решают поставленные задачи. Нередко используемые методы выходят за рамки законности, как видно на примере «тайной войны» Петра I 1720-х гг., активное участие в которой принимали заговорщики-якобиты и пираты.

Напомним геополитическую ситуацию. Готовясь к войне Четверного альянса (1718–1720), король Испании Филипп V искал союзников среди великих держав, обеспокоенных гегемонистскими амбициями Великобритании. Планы Мадрида строились в расчёте на Карла XII, рыцарственного «Льва Севера», считавшего себя защитником свергнутых Стюартов и открыто выражавшего недовольство «произволом» короля Георга I¹. Вдохновителями коалиции

¹ *Syveton G. G. L'erreur de Goertz // Revue d'histoire diplomatique. 1895. № 3. P. 417–444; Murray J. J. Sweden and the Jacobites // Huntington Library Quarterly.*

выступали первый министр Испании кардинал Д. Альберони и «великий визирь» Карла XII барон фон Гёртц. В своих проектах организаторы опирались на негласную поддержку происпанской партии во Франции в лице Н. Ш. дю Бле, маркиза д'Юкселля, президента Совета по иностранным делам, и рассчитывали с помощью якобитов добиться заключения сепаратного мира России со Швецией, что позволило бы высвободить военные силы для свержения Георга I².

При ганноверском дворе, разумеется, прекрасно понимали, каким большим влиянием пользуются в окружении царя Петра шотландские и ирландские дворяне, связанные с якобитским движением³. Внимательно отслеживая перемещения царя по Европе в 1717 г., правительственные агенты фиксировали его контакты с участниками якобитского подполья. Находясь в Париже, Пётр (в переписке якобитов обозначался псевдонимами «Мэттью», «Дэвис», «Мистер Блант», «Бакли») посетил монастырь Св. Марии в Шайо и виделся с «заморской королевой» Марией Моденской, вдовой короля Англии, Шотландии и Ирландии Якова II и матерью претендента на престол Якова III. Беседовал он и с руководителем якобитского восстания 1715 г. Д. Эрскином, графом Маром, от которого получил в подарок миниатюрный портрет Якова III⁴. 8 июля 1717 г., пребывая на минеральных водах в Спа, царь изыскал возможность тайно встретиться с лидером якобитов Джеймсом Батлером, герцогом Ормондом («Онслоу», «Симон», «Фишер»). Пётр подумывал дать ему аудиенцию ещё во Франции — герцог специально прибыл в Париж,

1944–1945. Vol. VIII. № 3. P. 259–276; *MacKenzie N.* Charles XII of Sweden and the Jacobites. *Coroban C.* Sweden and the Jacobite movement (1715–1718) // *Revista Română pentru Studii Baltice și Nordice*. 2010. Vol. 2. Issue 2. P. 131–152.

² См. подробнее: *The Jacobite attempts of 1719: Letters of James Butler, second duke of Ormonde* / Ed. by W. K. Dickson. Edinburgh, 1895; *Smith L. B.* Spain and Britain, 1715–1719: The Jacobite issue. New York, 1987.

³ *Bruce M. W.* Jacobite relations with Peter the Great // *Slavonic and East European Review*. 1936. № 14. P. 343–362; *Anderson R. C.* British and American officers in the Russian navy // *Mariner's Mirror*. 1947. № 33. P. 17–27; *Murdoch S.* Soldiers, sailors, Jacobite spy: The Scottish jacobites in Russia 1688–1750 // *Slavonica*. 1996. № 3/1. P. 7–28; *Wills R.* The jacobites and Russia, 1715–1750. East Linton, 2002; *Collis R.* Jacobite networks, freemasonry and fraternal sociability and their influence in Russia, 1714–1740 // *Politica Hermetica*. 2010. № 24. P. 89–99; *Coroban C.* Op. cit.; *Murdoch S.* Surfing the waves: Scottish admirals in Russia in their Baltic context // *Journal of Irish and Scottish Studies*. 2010. № 3/2. P. 59–86; *Конелев Д. Н.* Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723–1724 гг. // *Вопросы истории*. 2016. № 3. С. 90–107.

⁴ *Мезин С. А.* Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 124–125.

но царь решил не портить отношений с Регентом и отказался от встречи⁵. Здесь же, на территории Испанских Нидерландов, можно было вести переговоры «с большей свободой»⁶. Впрочем, о чём они говорили неизвестно; предположительно, миссия Ормонда заключалась в том, чтобы подтолкнуть Петра к мирным переговорам с Карлом XII. Об этом же, по-видимому, говорили и на тайной встрече царя с фон Гёртцем, одним из организаторов заговора Юлленборга 1717 г., получившего название по имени шведского посланника в Лондоне⁷. Их беседа состоялась 22 августа 1717 г. в усадьбе Ло под Апелдорном⁸. Детали поддержки Стюартов и русско-шведских переговоров обсуждались и в сентябре 1717 г. в Данциге, где возвращавшийся из Европы царь вновь увиделся с герцогом Ормондом и его доверенными: Д. Джернингхэмом, Ч. Воганом, Г. Стирлингом и полковником Д. О'Брайеном⁹.

Посредником в переговорах Петра I с якобитами выступал доверенный царя, лейб-медик и президент Медицинской коллегии Р. К. Арескин, родственник графа Мара¹⁰. Ещё в разгар заговора Юлленборга Арескин (в переписке якобитов: «Элдерли», «Мэрфи», «Мистер Дуддл»), в сопровождении некоего «шотландского капуцина», встречался в Амстердаме с фон Гёртцем и Джернингхэмом и обсуждал с ними размеры финансовых субсидий для организации вторжения в Шотландию¹¹. И граф Юлленборг из разговоров с ним преисполнился уверенности, что царь ненавидит короля Георга I

⁵ *Wills R.* Op. cit. P. 56.

⁶ Из письма графа Мара Якову III от 7 июня 1717 г. (*Calendar of the Stuart Papers*. Vol. IV. Hereford, 1910. P. 325).

⁷ О заговоре Юлленборга см.: *Chance J. F.* The Swedish plot of 1716–1717 // *English Historical Review*. 1903. Vol. XVIII. P. 81–106; *Fritz P. S.* The English ministers and jacobitism between the rebellions of 1715 and 1745. Toronto, 1975. P. 8–27; *Lenman B.* The Jacobite risings in Britain, 1689–1746. Edinburgh, 1980.

⁸ *Конингсбрюгге Х., ван.* История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. / Пер. с нидерландского В. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 95–96.

⁹ The Jacobite attempts of 1719... P. XXIII; *Wills R.* Op. cit. P. 57.

¹⁰ Об Арескине см.: *Appleby J. H.* Robert Erskine: Scottish pioneer of Russian natural history // *Archives of Natural History*. 1982. № 3. P. 377–398; *Лебедева И. Н.* Лейб-медик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // *Русские библиотеки и их читатель.* Л., 1983. С. 98–105. О связях Арескина с якобитами и его значении для становления русского масонства см.: *Wills R.* Op. cit. P. 41–49; *Collis R.* The Petrine instauration: religion, esotericism and science at the court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden; Boston, 2012. P. 121–207.

¹¹ *Schuhard M. K.* Emanuel Swedenborg, secret agent on Earth and in Heaven: jacobites, jews and freemasons in Early Modern Sweden. Leiden, 2012. P. 121.

(«Хэли», «Барнаби», «Херн») и «с охотой отправит его к самому дьяволу». Более того, Пётр I, по мнению Юлленборга, был убеждён в законности прав претендента Якова III (в переписке якобитов: «Трумэн», «Мистер Браун», «Мистер Пол», «Питер», «Мистер Филлис») и всеми силами будет способствовать восстановлению его на престоле¹².

Симптомом проякобитских настроений в Петербурге стала компания по приёму на русскую службу «англичан, противных двору»¹³. В Париже Пётр I встретился с находившимся здесь инкогнито участником якобитского восстания 1715 г. Т. Гордоном. Недавнему офицеру Британского флота, покинувшему без разрешения службу и удостоенному секретной аудиенции Марии Моденской¹⁴, был пожалован капитан-командорский чин (1.06.1717) и отдано распоряжение: «писать в Англию, призывая морских офицеров в Е.Ц.В. службу»¹⁵. На службу тогда приняли и других изгнанников, связанных с якобитами — будущего вице-адмирала Т. Сандерса, капитана 1 ранга У. Гея, впоследствии мажордома Якова III, капитана 3 ранга Р. Литгла, капитан-поручика А. Уркварта, корабельного мастера Д. Рамзи, экипажмейстера У. Купера¹⁶. Особым весом среди петербургских якобитов пользовался Кеннет Сазерленд, 3-й лорд Дuffас¹⁷. Обосновавшиеся в Петербурге якобиты вели переписку со своими родственниками в Британии и осевшими на континенте изгнанниками, а также выполняли поручения, связанные с наймом на русскую службу различных специалистов.

В Петербурге, разумеется, категорически отрицали участие в проектах реставрации Стюартов, тем более что на рубеже 1718–1719 гг. якобитское движение пережило серию ощутимых ударов. Сначала в Олонце скончался Арескин (19.11.1718), затем под крепостью Фредрикстен погиб Карл XII (30.11.1718), а в марте 1719 г. по обвинению в государственной измене был казнён фон Гёртц. Неудачей закончились и подготовленные якобитами военные экспедиции: в марте 1719 г. ураган разметал вышедший из Кадиса флот герцога Ормонда; вспомогательная эскадра лорда-маршала Д. Кита, правда, высадила

¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Д. 133/2. Л. 340.

¹³ Там же. 277. Оп. 2. Д. XI. Л. 128.

¹⁴ Calendar of the Stuart Papers. Vol. IV. P. 176.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 163. Л. 546 об.

¹⁶ Там же. Л. 41, 42, 544–546 об.; Д. 177. Л. 40.

¹⁷ Fedosov D. G. Under the saltire Scots and the Russian navy. 1690s–1910s // Scotland and the Slavs cultures in contact, 1500–2000. Newtonville MA; St. Petersburg, 2001. P. 21, 27, 30; Ноздрин О. Первый настоящий лорд. Одиссея петровского флага // Родина. 2009. № 2. С. 86–90.

десант в заливе Лохалш, но испано-шотландский корпус был разбит в битве при Глен-Шиле (10.06.1719).

Неудачи якобитов не остановили. Они подготовили новый заговор, названный по имени одного из его руководителей, Ф. Аттербери, епископа Рочестерского. Участники заговора рассчитывали воспользоваться парламентскими выборами и ранней осенью 1722 г. поднять мятеж в Лондоне. Одновременно, при поддержке Испании и Швеции, должно было состояться десантирование якобитских отрядов в Корнуолле и Шотландии¹⁸. Для переправки войск в Кадисе подготовили отряд судов, который возглавил бывший офицер Британского флота Д. У. Морган¹⁹. Ещё в июне 1718 г., выдавая себя за посланца «пиратов» с Мадагаскара, он прибыл в шведский Стрёмстад²⁰. При посредничестве фон Гёртца и секретаря Карла XII О. В. фон Клинкустрёма Морган встретился с Карлом XII и договорился, чтобы взамен обещанной королём протекции пиратам Мадагаскара передать Стокгольму нажитые ими сокровища и начать нападения на британские корабли²¹.

Впрочем, связи «Капитана Моргана» с пиратским сообществом вызывают сомнения: он был известен как «честный и надёжный» якобит, пострадавший за преданность дому Стюартов²². Выполняемая им миссия эмиссара «пиратов» преследовала совершенно иные цели и, в первую очередь, оказывалась удобной «ширмой» для тайных операций якобитов. Однако тогда, в 1718 г., шведская экспедиция сорвалась²³. Теперь же, осенью 1721 г., в разгар подготовки

¹⁸ *Cruickshanks E., Erskine-Hill H.* The Attenbury plot. New York, 2004.

¹⁹ Journals of the House of Lords. London, 1722. Vol. 22. P. 150.

²⁰ О связях пиратов с якобитами см.: *Woodard C.* The republic of pirates: being the true and surprising story of the Caribbean pirates and the man who brought them down. Orlando, 2007. P. 102, 103; 230, 231; *Fox E. T.* Jacobitism and the «Golden age» of piracy, 1715–1725 // International Journal of Maritime History. 2010. Vol. XXII. № 2. P. 277–303; *Bialuschewski A.* Jacobite pirates? // Histoire Sociale-social History. 2011. Vol 44. № 87. P. 154, 159.

²¹ *Lincoln M.* British pirates and society, 1680–1730. London; New York, 2016. P. 169–171; *Копелев Д. Н.* Имперская геополитика 1720-х годов: секретная экспедиция Петра Великого на Мадагаскар // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 3 (88) 2017. С. 44–58.

²² Calendar of the Stuart Papers. Vol. VII. London, 1923. P. 535; The Jacobite attempts of 1719... P. 54.

²³ *Wanner M.* The Madagascar pirates in the strategic plans of Swedish and Russian diplomacy 1680–1730 // Prague papers on the history of international relations. Prague, Vienna, 2008. P. 73–94; *Drakenlordh R.* King Charles XII of Sweden and the jacobite pirates of Madagascar // Splendid Encounters III: Diplomats and Diplomacy in the Early Modern World Department of History and Civilization

заговора Аттербери Морган (в переписке якобитов: «Уолтон», «Мсье Лакри»), скрывался от правительственных агентов в тайном убежище на острове Ба, неподалёку от бретонского порта Роскоф («остров Илдеба»). Здесь он ждал прихода шведских кораблей под командованием генерал-адъютанта и командора К. Г. Ульриха, направленных из Швеции через Кадис к Мадагаскару. Ульриху предписывалось «все сие предприятие зело тайно хранить и скрытно содержать, чтоб ни единая душа сего дознатися не могла, не токмо кому сие вскрыть, и дать малого о сем, что знать»²⁴. Моргана на «Илдебе» Ульрих не нашёл, тот исчез в неизвестном направлении и появился только в Кадисе, куда шведский адмирал прибыл в октябре 1721 г.

Отголоски этой истории внезапно обнаружились в бумагах российского посла в Париже князя В. Л. Долгорукова. В докладе от 23 апреля 1722 г. князь сообщал о визите к нему полковника О'Брайена («шевалье Абриен»), который рассказал о появлении в Лондоне «англичанина именем Норкрос, которой поехал отседа прошлаго году и принял в. и. в. службу». Теперь же, вернувшись в Англию, Норкросс, «офицер доброй и отважной, также способной ежели коли случай позовёт послать секретно для проведывания вестей», ищет контактов с представителями якобитского подполья и «желает говорить ... о некоем о важном деле и что ныне по прежнему проекту, о котором говорено, можно с мнейшим трудом учинить, нежели прежде»²⁵. Связавшиеся с Норкроссом якобитские агенты не смогли узнать от него никаких подробностей и переслали информацию О'Брайену.

Их интерес к Норкроссу был вполне объясним. Он родился в Ливерпуле в 1688 г., служил на флоте и был тесно связан с якобитским подпольем: принимал участие в восстании 1715 г. и сражался в войсках графа Мара при Престоне, после чего бежал в Бретань, в Сен-Мало. Здесь он каперствовал на собственном 4-пушечном судне, но был захвачен дюнкеркскими корсарами, передавшими его в Англию. Вскоре он был освобождён; в 1716 г. перебрался в Гётеборг, где познакомился с Морганом²⁶. В июне 1721 г. он перебрался в Россию и через полгода вышел в отставку.

European University Institute Florence 5th–6th March 2015. [Электронный ресурс] // https://www.academia.edu/11341203/King_Charles_XII_of_Sweden (дата обращения: 09.03.2018).

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 48.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 885. Д. 503. Л. 78, 78 об.

²⁶ Nordisk Familjebok [Электронный ресурс] // <http://runeberg.org/nfak/0611.html> (дата обращения: 09.03.2018); Fox E. T. Op. cit. P. 292; Drakenlordh R. Op. cit.

24 июня Долгоруков вновь встречался с якобитами: представителем Якова III во Франции генерал-лейтенантом А. Диллоном и О'Брайеном. Они передали послу для отправки Петру «грамоту твореную печатью от претендента». Спустя два дня, 27 июня, О'Брайен вновь явился к Долгорукову и показал «писменное прошение за бывшею печатью короля свейскаго капитану Норкросу, которой в службе вашего императорского величества». По словам О'Брайена, на него вышли некие шведские представители, нуждавшиеся в его услугах как посредника, «чтоб он уговаривал Норкроса возвратиться в Швецию».

Таким образом, князь Долгоруков неожиданно узнал о секретной миссии Норкроса, который был направлен из Петербурга в Лондон искать контактов с пиратами: «Повелено ему... обещать им протекцию в.и.в. и что позволено им будет жить в городе Архангелскаго или в ближних оттуда местах». Российская протекция предоставлялась пиратам на тех же условиях, что и шведская: они передавали в казну 1 млн экю²⁷. По словам Долгорукова, шведы опасались успеха миссии Норкроса и поэтому «хотят его, Норкроса, от того отратить и для того прислали ему... то прошение и зовут его в службу, чтоб его к тому делу с теми пиратами употребить». Приглашение ему шведы сопроводили угрозами: если он, по словам О'Брайена, «не вступит в то дело, которое ему поверено и которого он учинить не возможет, ибо люди, обыкные быть в теплых краях, не возмогут ужиться в тех местах, где зима не перестает»²⁸.

25 июня к Долгорукову прибыл сам Норкрос. При нём был документ от «адмиралтейства ... которой он почитает за абшит, ибо в оном написано, что жить ему, где он пожелает». Капитан доверия у Долгорукого не вызвал. По словам князя, Норкрос собирался ехать во Фландрию, оттуда в Швецию «для употребления его дела, понеже прошение получил, а по его разговорам и сам мог видеть, ежели он о вышедонесенном деле о тех пиратах указу в.и.в. не имеет, то он, Норкрос, пропустил как я чаю нарочно, тот голос, чтоб тем ему поправить дела его в Швеции и упомянутое б прошение получить»²⁹.

Заговор Аттербери, между тем, зашёл уже далеко. Якобиты рассчитывали, что Пётр I направит из Архангельска для десантирования якобитов в Шотландию транспортный конвой и экспедицион-

²⁷ Cruickshanks E. The second duke of Ormond and the Atterbury plot // The Dukes of Ormonde, 1610–1745 / Ed. by T. Barnard and J. Fenlon. Woodbridge, 2000.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 885. Д. 503. Л. 82, 82 об.

²⁹ Там же. Л. 82 об.

ный корпус в составе «4 тысячи инфантерии и 2 тысячи кавалерии без лошадей, только со всем оружием и принадлежащим к лошадям». Также они «просят 1000 фузей». Представители Якова III интересовались, «в которой вышине нам прислать фрегат», который мог бы встретить русский флот; в случае же, если фрегат не придёт к флоту, то его командующий «без всякой опасности может пристать к северным сторонам берегов Шкоции». Рассчитывали они и на военную диверсию против ганноверских владений Георга I³⁰.

Однако события развивались не в их пользу. В мае 1722 г. лондонские власти вышли на след заговора: епископ Аттербери и другие заговорщики были взяты под стражу, в руки правосудия попали документы с изложением их замыслов. События закружились. Новости о провале заговора вызвали кризис в Швеции. На курорте в Мелеви, где отдыхала королевская чета, шло напряжённое обсуждение перспектив Мадагаскарской экспедиции, и небольшая группа проякобитски настроенных политиков во главе с фон Клинкустрёмом пыталась убедить короля не отказываться от поддержки Стюартов³¹. Корабли же Моргана, с закупленными в Гётеборге и Гамбурге 2 тыс. мушкетов, 2 тыс. штыков, 1 тыс. карабинов и 400 бочонков пороха, готовились в Кадисе идти на соединение с войсками, собранными в Бильбао и Ла Корунье, чтобы затем начать проведение десантной операции. Там же, в Кадисе, стояли корабли Ульриха. Но, судя по его показаниям, замыслы якобитов рушились на глазах: Морган «едва начал помышлять на экспедицию», «к походу не мог изготовица», «обезденежал»³², а затем и вовсе покинул Кадис, отправившись к Генуе, куда должен был прибыть Яков III.

На шведской эскадре также происходили странные события. Сначала пропала королевская инструкция, она, якобы, упала в море. Затем вспыхнул мятеж, офицеры отказались подчиняться Ульриху. Командор вынужден был возвращаться в Швецию. Здесь влиятельные организаторы якобитского заговора, оказавшись перед угрозой разоблачения «истинных» планов экспедиции, поспешили избавиться от ненужного «свидетеля»: его обвинили в провале операции и отдали под суд. Ульрих чудом избежал смертной казни³³. Его направили в ссылку в крепость Марстранд, «где не можно человека сыскаать, которому бы мне всюду мог помощь учинить»³⁴. Выйдя в 1723 г.

³⁰ Там же. Л. 79 об., 80, 80 об.

³¹ *Schuhard M. K.* Op. cit. P. 166.

³² РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 59 об., 62, 66.

³³ *Schuhard M. K.* Op. cit. P. 166, 167.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 54 об.

на свободу, Ульрих в январе 1724 прибыл в Петербург, встретился с Петром I и передал секретные шведские документы³⁵. Следы остальных участников «пиратско-якобитской» игры Петра I затерялись. Морган, по-видимому, нашёл прибежище в бретонском поместье герцога Ормонда в Морле. Норкросс же, как выяснилось через много лет, оказался узником датского правительства и скончался в 1758 г. в камере Копенгагенского замка.

³⁵ *Копелев Д. Н.* «Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов // Век Просвещения / Отв. ред. С. Я. Карп, сост. Г. А. Космолинская. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. М., 2015. С. 186–211.

Сергей Алексеевич Мезин
(Саратов)

*Заведующий кафедрой истории России и археологии
Саратовского государственного университета
имени Н. Г. Чернышевского*

Императрица Елизавета Петровна и её двор глазами французского дипломата¹

В сентябре 2016 г. я получил от французских экспертов по антиквариату Рока де Колиньи и Гули Маретт транскрипцию рукописи XVIII в. «Anecdotes secretes sur la cour de l'Impératrice de toutes les Russies» («Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской»). Они передали мне французский текст для изучения и возможной публикации. Рукопись была обнаружена ими в 2013 г. и остаётся не известной историкам. Зато имя её предполагаемого автора, — шевалье д'Эон — хорошо известно.

Шарль Женевьев Луи Огюст Андре Тимоте, шевалье д'Эон де Бомон (1728—1810) — один из знаменитых авантюристов века Просвещения. Его имя давно попало на страницы исторических исследований и романов. Известный французский писатель Фредерик Гайярде опубликовал вымышленные «Мемуары шевалье д'Эона»², в которых описывал приключения юного кавалера в женском обличье при дворе русской императрицы Елизаветы Петровны. Он же включил в так называемые «Мемуары» приписанный Петру I «план евро-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00131.

² *Gaillardet F. Mémoires du chevalier d'Éon, publiés pour la première fois sur les papiers fournis par sa famille, et d'après les matériaux authentiques déposés aux Archives des affaires étrangères. Paris, 1836. Т. 1–2.*

пейского господства», который французский дипломат якобы добыл в русских архивах около 1756 г. Этот фантастический «план» последующие авторы будут называть «Завещанием Петра Великого». Полвека назад, став героем романа В. С. Пикуля «Пером и шпагой», выжившего огромными тиражами и пользовавшегося читательским спросом, «кавалер де Еон, который 48 лет прожил мужчиной, а 34 года считался женщиной», получил поистине всеобщую известность. Не забывали об этом дипломате, военном, шпионе, библиофиле и писателе, выступавшем то в мужском, то в женском обличье, и историки русско-французских отношений. Миф о шпионе, проникшем под видом девушки в спальню русской императрицы, был развеян ещё в классической работе Альбера Вандаля³. Достоверные сведения о жизни и сочинениях шевалье д'Эона можно найти в работах П. П. Черкасова⁴, А. Ф. Строева⁵, Ф.-Д. Лиштенан. Французская исследовательница опубликовала «Записку о России в 1759 году шевалье д'Эона»⁶. Мне также приходилось писать об этом представителе французской Россики, опровергая принадлежность ему одной из самых известных исторических мистификаций — так называемого «Завещания Петра Великого»⁷.

Французские эксперты, работавшие с рукописью «Секретных анекдотов о дворе императрицы Всероссийской», высказали ряд обоснованных положений о её авторстве и датировке. Оригинал представляет собой рукопись в сафьяновом переплёте, написанную почерком середины XVIII в. Сочинение принадлежит французцу, связанному с шевалье А.-П. Макензи Дугласом, который посещал с тайной дипломатической миссией Санкт-Петербург в октябре 1755 г. и в апреле 1756 — августе 1757 гг.⁸ Автор — молодой француз, побывавший в России в составе второй миссии Дугласа и написавший свою записку для руководства французского Министерства иност-

³ *Vandal A.* Louis XV et Élisabeth de Russie. Étude sur les relations de la France et de la Russie au dix-huitième siècle d'après les Archives du Ministère des affaires étrangères. Paris, 1882. P. 223, 265–269, 300–310.

⁴ *Черкасов П. П.* Двуглавый орёл и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. М., 1995. С. 98–100.

⁵ *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.

⁶ *En Russie au temps d'Élisabeth. Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon / présenté et annoté par Francine-Dominique Liechtenhan.* Paris, 2006.

⁷ *Мезин С. А.* «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // *Российская история.* 2010. № 5. С. 18–27.

⁸ *Les Français en Russie au siècle des Lumières. Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski.* Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 555–556.

ранных дел с целью лучшей подготовки посольства маркиза де Лопиталья, направленного летом 1757 г. в качестве полномочного посла в Петербург⁹. События, упоминаемые в «Анекдотах» (отправка посольства Лопиталья, прибытие в Париж молодого графа Шувалова¹⁰ и др.), позволяют довольно точно датировать записки июлем-августом 1757 г. Текст составлен в Париже, где летом 1757 г. находился шевалье д'Эон де Бомон между двумя поездками в Россию¹¹. Это позволяло автору быть более откровенным и не шифровать фамилии героев своего повествования.

В пользу принадлежности «Анекдотов» перу шевалье д'Эона свидетельствует перекличка их содержания с другими сочинениями этого автора о России, написанными в 1759 г. и опубликованными Ф.-Д. Лиштенан. В частности, в записке «О России» содержится раздел «О дворе», близкий по тону изложения и оценкам к рассматриваемым «Анекдотам». Имеются явные параллели и в характеристиках российских вельмож. Правда, записка 1759 г. претендует на обобщение сведений о России, что предполагает использование другой «оптики» при рассмотрении российских реалий (вид с высоты птичьего полёта — в записке и подглядывание в замочную скважину — в анекдотах). Текст «Анекдотов» не использовался напрямую в более поздних сочинениях автора. Однако сравнение двух отрывков, в которых речь ведётся от первого лица, не оставляет сомнений в том, что они написаны одним и тем же человеком. В «Анекдотах» 1757 г. автор сообщал о своём посещении камергера И. И. Шувалова: «*В то время, когда я был у него... чтобы известить его о подарке, который король ему сделал в виде сборника эстампов своего кабинета, он задал мне множество вопросов о различных членах, составляющих Академию наук. Из этих вопросов я уяснил, что он желал бы стать её членом. Я обнадежил его...*»¹². В записке 1759 г. шевалье д'Эон включил в характеристику И. И. Шувалова (как человека влиятельного, но лично скромного) следующий пассаж: «*По возвращении [в Париж между поездками в Россию] я добился для него явных свидетельств*

⁹ Ibid. P. 353–355.

¹⁰ Автор анекдотов ошибочно называет «молодого графа Шувалова» Петром, но речь явно идёт о графе Андрее Петровиче Шувалове (1744–1789), который в июле 1757 г. приехал в Париж. *Кобеко Д. Ф.* Ученик Вольтера гр. А. П. Шувалов // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 245.

¹¹ Les Français en Russie au siècle des Lumières. P. 305–307.

¹² Anecdotes secretes sur la cour de l'Impératrice de toutes les Russies. Manuscrit. Collection privée. Здесь и далее текст «Секретных анекдотов» цитируется по транскрипции Рока де Колины, представляющей собой компьютерный текст на 14 листах формата А 4, в переводе автора статьи.

благосклонности короля. Его Величество проявил снисхождение, пожаловав ему в подарок сборник эстампов своего кабинета. Если к этому добавится звание почётного академика одной из наших академий, это понравится российской императрице и завершит завоевание её фаворита»¹³. Хотя во второй записке автор искажил последовательность событий и приписал себе хлопоты по поводу королевского подарка, в обоих случаях речь, несомненно, идёт о действиях одного человека и автора — шевалье д'Эона.

Сведения о дворе императрицы Елизаветы Петровны были собраны шевалье д'Эоном во время его пребывания в Петербурге с августа 1756 по июнь 1757 г. Он был связан с тайной миссией шевалье Дугласа, шотландца, который одновременно был агентом Министерства иностранных дел Франции и «Секрета короля» — параллельной дипломатической службы Людовика XV. Целью миссии было зондирование почвы для восстановления дипломатических отношений между Францией и Россией, что во многом диктовалось условиями Семилетней войны.

Каковы были источники сведений автора «Анекдотов»? Несомненно, он бывал на придворных приёмах (куртагах), видел императрицу и её окружение, наблюдал устройство парадных столов, танцы, карточную игру, манеру общения придворных. Описывая внешность Елизаветы и блеск её двора, автор, конечно, опирался на собственные впечатления. «Я видел стол более чем на 500 приборов, весь сервированный одинаковой серебряной посудой», — живописал он. Вероятно, автор присутствовал в зале, наблюдая, как *«великий канцлер в большом парике танцует и делает неверные па, по привычке выпив немного лишку ликёра»*.

Однако, как отмечал автор, во время его пребывания императрица редко появлялась на публике, а её личные покои были закрыты для скромного молодого дипломата. По всему видно, что шевалье д'Эон усерднейшим образом собирал устную информацию, включая слухи и сплетни. «Говорят», «говорят под большим секретом», «утверждают», «меня заверили» — подобными выражениями пестрит текст «Анекдотов». Д'Эон был вхож в дом фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина, более известного своей придворной службой и особой благосклонностью императрицы Елизаветы Петровны, чем воинскими подвигами. *«Я в тесной дружбе с господином Бутурлиным-сыном [Пётр Александрович Бутурлин], — сообщает автор, — он приглашает меня на обед дважды в неделю с его невестой [Мария Романовна Воронцова] и молодым графом Воронцовым [Алек-*

¹³ En Russie au temps d'Élisabeth. P. 165.

сандр Романович]. Вследствие этого я узнаю множество анекдотов, даже не задавая им никаких нескромных вопросов. Господа в России, даже министры, не проявляют сдержанности перед своими жёнами и детьми. Таким образом, поддерживая дружбу с детьми русских вельмож, можно многое узнать». Д'Эон хвастался своей информированностью и в дальнейшем предлагал министерству свои услуги осведомителя: «Министр и посол в силу их официального положения не могут устанавливать широких связей, тогда как благодаря моему возрасту (29 лет. — С. М.) я могу их установить». В дом Дугласа, где проживал или часто бывал д'Эон, приглашали на обед придворных итальянских музыкантов и шута Компасси, которые имели свободный доступ к императрице и использовались иностранными дипломатами в своих целях. Автор отмечает, что простой народ не осведомлён о том, что происходит при дворе, а кроме того с подозрительностью относится к вопросам иностранцев, касающимся правительства и религии, на которые они обычно отвечают: «Бог знает».

Сочинение шеваляе д'Эона уже по своему названию отнесено к очень популярному в XVIII в. жанру анекдотов. Тогда это был серьёзный жанр «неопубликованных» (происходящих из устных источников) рассказов о скрытых, неизвестных сторонах жизни известных людей. В трактовке французских словарей того времени, анекдоты — это «истории, посвящённые тайным и секретным делам монархов, то есть записки, которые вовсе не должны были увидеть свет»; в них «говорят слишком свободно, слишком откровенно о нравах и поведении лиц высшего ранга»¹⁴. В полном соответствии с этими установками автор «Секретных анекдотов» отнюдь не стремился рассмешить или развлечь своих читателей. Конечно, он не прочь был блеснуть умом и стилем, однако его главная цель — снабдить руководителей дипломатического ведомства полезной информацией о дворе русской императрицы, которую можно и должно использовать в интересах французской политики. Характеристика императрицы и её ближайшего окружения, обозначение возможных каналов влияния, описание повседневной жизни при дворе и обычаев, знание которых поможет французским дипломатам адаптироваться к своеобразной российской действительности — вот главные цели автора.

Структура текста, разделённого на четыре части, не отличается особой стройностью и включает следующие сюжеты. Часть 1: распорядок дня императрицы, её стол, фавориты; часть 2: круг обще-

¹⁴ См.: Мезин С. А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 19.

ния императрицы (вельможи, статс-дамы, фрейлины, артисты, дипломаты) одежда императрицы и придворных, приёмы во дворце; часть 3: дипломатические приёмы, опалы и наказания, ссылка в Сибирь, личные качества императрицы; часть 4: театр в Петербурге, придворные свадьбы, гвардия.

В центре повествования находится личность императрицы. Автор не называет 48-летнюю и уже не вполне здоровую Елизавету Петровну красавицей, но отмечает, что она тщательно следит за своим лицом и нарядами, а её торжественные выходы поражают иностранцев. Описание внешности императрицы отличается особой подробностью:

«Она высокого роста, очень дородная, белозубая, что редкость для России. У неё светлые ярко-рыжие волосы, но она исправляет этот цвет с помощью обильной пудры. Её лицо очень круглое снизу, глаза голубые, широко раскрытые.

У неё широкий и круглый лоб, мне кажется, слишком покатым сверху. Она старается спрятать этот недостаток с помощью причёски и больших бриллиантовых эгретов.

Поскольку нос у неё немного коротковат, я заметил, что она всегда старалась прикрепить мушку в уголке носа. Оптически чёрное тело, помещённое в угол, делает его выступающим, никогда мушка не была лучше расположена!

Императрица использует много мушек и румян. Её плечи полные и округлые, кожа тонкая, белая и нежная, ладонь маленькая и пальцы тоже. Ноги, вопреки обыкновенному у русских, очень пропорциональны. Каждый год в день своего восшествия на престол, она одевается в мундир капитана Лейб-компани, и поскольку она обедает с ними, всем легко узнать, что у императрицы хорошо сложенные ноги».

Шевалье д'Эон, имевший склонность одеваться в женское платье, уделял много внимания нарядам императрицы и придворных дам. Елизавета Петровна в дни праздников отдаёт личные распоряжения относительно нарядов и причёсок придворных дам. Никто не имеет права являться в платье того же цвета, что надето на императрице. Никто из дам не может появиться одетой и украшенной в то время, когда туалет Елизаветы ещё не окончен. Никто не должен затмить красоту императрицы. Её платье всегда сильно декольтировано. *«Её голубая лента точно прикрывает грудь, а снизу имеется роскошный бриллиантовый цветок, который завершает всё платье».* Одним словом, сведения д'Эона вполне вписываются в традиционный образ Елизаветы — «тирана моды», по выражению Е. В. Анисимова.

Среди личных качеств Елизаветы автор выделял не только пристрастие к нарядам и любовь к роскоши. По его словам, *«императрица — самая гуманная женщина с нежным сердцем, и она не хочет, чтобы ей говорили о наказаниях... Маленький, но показательный пример того, до какой степени она простирает своё сострадание: если она видит зимой муху в своей комнате, которая может погибнуть от холода, она берёт её за крылья и переносит на печь»*. Доброта — самая яркая черта её характера: *«императрица занята только тем, чтобы творить добро своим подданным, она это делает реально и часто»*. Автор отмечает также набожность императрицы.

Ещё одна привлекательная черта, усмотренная французским дипломатом в русской императрице — это её франкофильство и симпатия к Людовику XV.

«Она желает делать всё то, что делает король, и её двор насколько это возможно напоминает версальский».

Она имеет естественную и непобедимую склонность к Франции. Великие качества короля, которого она страстно любит, величие его царствования, являются основными мотивами, которые оживляют и поддерживают эту склонность в императрице. Достаточно произнести имя короля, чтобы вызвать её улыбку».

Как только в Петербург привезли новый портрет короля, она велела его принести, рассматривала его и сожалела о том, что его потеряла. Видя портрет господина дофина, она много раз сказала: “Я должна была быть матерью этого принца”».

Шевалье д’Эон рекомендовал поддерживать эту склонность Елизаветы с помощью личных писем короля, изредка направляемых в Петербург.

Пожалуй, основное место в «Секретных анекдотах» занимает описание повседневной жизни Елизаветы Петровны и её двора. Автор начинает с характеристики распорядка дня императрицы. Встаёт она в 11 часов. Иногда до вечера остаётся одетой по-домашнему. Обедает между часом и двумя часами, чаще всего в узком кругу. Спит после обеда. *«Остаток дня она посвящает внутренним и внешним делам своей империи, занимается своим туалетом и игрой»*. Она ужинает и ложится спать очень поздно. *«Часто ночью она встаёт с постели одетая в простую ночную накидку и в сопровождении своей горничной, а иногда и в одиночку она обходит все караулы внутри дворца»*. Эти ночные бдения автор объясняет страхом перед возможным заговором. *«Может быть, она боится, что придут её арестовать, как она арестовала ночью императрицу Анну и принца»*

*Ивана*¹⁵. Меня утверждает в этом мнении то, что меня заверили, что, прогуливаясь ночью в своём дворце, она с большой добротой разговаривала со своими гвардейцами и время от времени одаривала их деньгами».

Не только любовь, но и страх одиночества привязывали императрицу к её фаворитам. Их два: старый — обер-егермейстер Алексей Григорьевич Разумовский (он мало вмешивается в дела, особенно в иностранные) и новый — камергер Иван Иванович Шувалов. Оба они живут рядом с императрицей во дворце и прекрасно ладят друг с другом. Д'Эон передавал известный слух о тайном браке Елизаветы с Алексеем Разумовским, добавляя при этом, что свидетелем венчания был Шувалов. Ещё один слух, принятый французским автором за достоверный: у императрицы с Разумовским родились три мальчика, которые выдаются за племянников обер-егермейстера. В качестве большого секрета д'Эон добавлял к этому, что молодой граф Пётр Шувалов — тоже сын императрицы. Личность Ивана Ивановича Шувалова вызывала у дипломата преимущественный интерес, ибо он просвещённый франкофил и «хочет выглядеть учёным или французским шёголем». *«Пока он будет в фаворе, необходимо всегда стараться его использовать в наших интересах. Хотя он держит себя скромно, он очень любит похвалу, и чтобы к нему обращались. Хотя он и говорит, что не вмешивается ни во что, тем не менее, на деле он вмешивается почти во всё. В щекотливых делах, если посол захочет ему написать в частном порядке, втайне, то можно рассчитывать на удачное решение императрицы»*.

Как истинный француз, шевалье д'Эон не мог не высказаться о гастрономических пристрастиях Елизаветы Петровны. По его словам, у императрицы есть разные повара — французы, немцы, русские, однако она предпочитает русские блюда. У автора сложилось крайне негативное впечатление о русской кухне: русские блюда *«так дурны, что в глубине души я бы пожелал, чтобы Пётр I начал свои реформы с поваров, которые являются настоящими отравителями. Императрица ест охотнее всего такие малосъедобные вещи, как грибы, салаты, корнеплоды, картофель, маленькие сырые рыбки — сушёные и солёные, огурцы, консервированные в уксусе, арбузы, называемые ещё Астраханскими арбузами, которые очень большие и тают во рту, фрукты, которые вообще плохи, поскольку являются тепличными»*.

Одна из любимых зимних забав императрицы — катание на санях. *«У неё есть сани величиной с комнату. К ним прицепляется ряд из*

¹⁵ Речь идёт о правительнице Анне Леопольдовне (1740–1741) и императоре Иване Антоновиче.

24 других саней меньших по размерам, в которых размещаются вельможи её двора. 50 татарских лошадей впряжены в сани императрицы, которые своим хвостом напоминают комету».

Круг каждодневного дружеского общения императрицы составляют А. Г. Разумовский и его брат Кирилл, И. И. Шувалов, А. Б. Бутурлин, барон С. Г. Строганов, граф П. Б. Шереметев, вице-канцлер М. И. Воронцов. Автор замечает, что канцлер А. П. Бестужев-Рюмин не принадлежит к числу её личных друзей. Только две женщины имеют свободный доступ к императрице — статс-дамы Анастасия Михайловна Измайлова и Мавра Егоровна Шувалова. *«Это две самые некрасивые женщины при дворе»*, — добавляет автор. Елизавета не терпит рядом с собой конкуренток по части женской красоты. Комнатных девушек она тоже выбирает из дурнушек. Впрочем, автор противоречил себе, утверждая в другом месте, что женщины, окружающие императрицу *«хорошо сложены, и имеют приятный цвет лица»*, и на придворных куртагах *«фрейлины напоминают маленькую группу нимф, достойную интереса иностранцев»*.

Придворные приёмы бывают по воскресеньям в восемь часов вечера, а также в праздники. Зал, где собирается двор, полон зеркал и освещён тысячами свечей. Императрица появляется в зале «блестящая как солнце» не ранее десяти часов. Музыка и танец сразу прекращаются, все взгляды устремлены на неё. После приветствий все принимаются за игру и танцы. Императрица уже не танцует, она играет в карты или прогуливается по залу, беседуя с дамами и господами. Около полуночи императрица встаёт и трижды кланяется присутствующим, все отвечают ей глубоким поклоном. Она удаляется, а танцы продолжают до часу, после чего все расходятся.

Шевалье д'Эон особое внимание уделял одежде придворных, отмечая её чрезмерную роскошь при недостатках вкуса и гигиены. Автор иронизировал по поводу пристрастия русских дам к макияжу, мушкам, а также к высоким фижмам, *«которые подняты почти до плеч»*, и потому они *«носят на бёдрах что-то вроде подушек»*:

«Кроме шуток, я представляю, что они наполняют эту подушку соломой или сеном, либо чтобы сделать её более лёгкой, либо не имея ничего другого. И меня заставляет верить, что эти дамы имеют бёдра из сена то, что всякий раз, когда я вижу их садящимися в карету, лошади ржут и поворачивают голову в сторону этих прекрасных русачек... Они носят платья, покрытые золотом и серебром, но часто чулки у них не очень белые, а бельё не слишком чистое. Их головы полны бриллиантами, и они больше уважают величину бриллианта, чем чистоту головы».

Мужчины при дворе также отличаются тягой к роскошной одежде. *«Русские вельможи не решаются появиться на придворных праздниках два раза в одном и том же костюме. Золотые и серебряные ткани у них украшены шитьём или двойными галунами, так что костюм их больше похож на броню, чем на богатую и элегантную одежду».*

Из этих «галантерейных» наблюдений автор делает полезные для соотечественников экономические выводы. Ткани, галуны, шитьё русские господа получают из Лиона и Парижа, значительно обогащая французов. Поддерживать роскошь русского двора и налаживать торговлю очень выгодно. Однако при этом не стоит просвещать русских, которые однажды *«могут стать нашими врагами».* Шевалье д'Эон цинично рекомендовал насаждать у иностранцев *«наши пороки, а не наши добродетели».* Судя по другим его замечаниям, французы уже преуспели в этом деле, ибо большинство соотечественников автора, выдающих себя за актёров или учителей, — *«это отрепье, они не решаются снять рубашку в присутствии честного человека»*, будучи клеймёнными преступниками.

В «Анекдотах» содержатся любопытные, по большей части критические замечания в адрес театральной жизни Петербурга. Развлечением для императрицы служили не только театральные представления, но и придворные свадьбы. *«Императрица сама и по своей воле женит своих фрейлин, ей доставляет удовольствие их украшать и одевать самой в день свадьбы, она им делает подарки и даёт в долг почти все свои бриллианты. Она также присутствует на церемонии».*

Хотя описание политических порядков и управления страной не входило в задачи автора «Анекдотов», они содержат немало косвенных данных, проливающих свет на императорский двор как на центр политической жизни.

Вся власть в России сосредоточена в руках императрицы. От её воли зависит возвышение и опала государственных людей. *«Достаточно лишь понравиться императрице, чтобы быть возведённым в самое высокое достоинство».* Тайный муж императрицы Разумовский, по словам автора, был гайдуком у московского купца. Барон и камергер Сиверс был лакеем и возвысился из-за того, что делал принцессе Елизавете хороший кофе. *«Одним единственным словом»* императрица может уничтожить любого из своих «рабов». Даже двух своих фаворитов императрица держит в такой же строгости, *«как султан своих жён в гареме».* Обладая по сути деспотической властью, правительница живёт в постоянном страхе заговора.

Описывая распорядок дня Елизаветы Петровны, автор даёт понять, что государственные дела занимают в нём небольшое место.

Несколько раз в неделю во дворце имеют место советы «министров», однако императрица присутствует на них лишь тогда, «когда обсуждаются важные дела». *«Иногда требуется несколько месяцев, чтобы получить подпись императрицы даже на срочных указах»*. Императрица не даёт частных аудиенций иностранным послам: все иностранные дела предварительно проходят через руки «двух русских министров» (очевидно, А. П. Бестужева-Рюмина и М. И. Воронцова).

Хотя императрица *«покаялась при восшествии на престол, что она никого не подвергнет смертной казни, и старательно держит своё слово»*, наказание батогами, битьё кнутом и ссылка в Сибирь — обычное дело в России. У сосланных конфискуется всё их движимое и недвижимое имущество, наказания распространяются на членов семей и *«даже на домашних животных»*. Автор, уклоняясь от своей основной темы, даёт подробную классификацию видов ссылки в Сибирь (самая страшная — это ссылка на Камчатку). Бывший император Иван, фельдмаршал Миних, герцог Бирон испытали на себе самый лёгкий вид ссылки. Гораздо серьёзнее поплатился князь Меншиков, которого автор «сослал» на Камчатку. Виновник его опалы князь Долгоруков также не избежал Сибири. Туда же угодили в своё время граф Остерман и граф Санти.

Образ императрицы рисуется в «Анекдотах» на первый взгляд привлекательным — она эффектна, роскошна, добродетельна и во всём, по мнению автора, ориентируется на дела французского короля (!?). Однако автор ничего не говорит о её уме и образованности; переодеваниями она занята гораздо больше, чем государственными делами; она никого не казнит, но преступлений не становится меньше. Преступников наказывают конфискацией имущества, ссылкой на галеры, им урезают ноздри, их клеймят калёным железом, наконец, их ссылают в Сибирь. При этом императрица *«не хочет, чтобы ей говорили о наказаниях»*. В сущности, она деспот, даже в отношении к своим фаворитам и придворным дамам. Однако другого образа правления, русские, по мнению автора, и не заслуживают. Они в массе своей суеверны, невежественны и упрямы. *«Требуются суровые наказания, чтобы заставить русских исполнять свои обязанности. Они не боятся ни преступлений, ни наказания. Они начинают становиться людьми, но в большинстве сохранили зверскую злобу»*.

Свидетельства автора «Анекдотов» о придворном быте императрицы Елизаветы Петровны принадлежат к той традиции, которую представляют записки придворного ювелира И. Позье, дипломата де ла Мессельера, Екатерины II. В то же время сочинение шевалье д'Эона отличается многими родовыми чертами французской России первой половины — середины XVIII в. Для неё характерно преоб-

ладание сюжетов персонального, придворного, политического и дипломатического характера; склонность к беллетристике, к жанру анекдотов, что в сумме приводило к довольно поверхностному взгляду на Россию. Приверженность к стереотипу «русского варварства», противопоставление «цивилизованного» правителя варварскому «рабскому» народу определяли общий настрой и, в сущности, недружелюбное отношение авторов к далёкой стране Севера¹⁶.

Характеристика повседневной жизни русского двора, вышедшая из-под пера шеваляе д'Эона, в целом вписывается в общую картину повседневности елизаветинской эпохи, нарисованную историками разных поколений – от В. О. Ключевского¹⁷ до Е. В. Анисимова¹⁸, К. А. Писаренко¹⁹, Ф.-Д. Лиштенан²⁰. «Секретные анекдоты» добавляют к этой картине некоторые колоритные штрихи.

¹⁶ См.: *Мезин С. А.* Французская Россия конца XVII – первой четверти XVIII в. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 7. М., 2016. С. 332–343.

¹⁷ См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989.

¹⁸ См.: *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. М., 2005.

¹⁹ *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. Автор этого оригинального исследования несколько преувеличивает неизученность повседневной жизни двора Елизаветы Петровны и идеализирует личность самой императрицы.

²⁰ *Lichtenhan F.-D.* Élisabeth I-re de Russie. Paris, 2007; русский перевод: Лиштенан Ф.-Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М., 2012.

Александр Владимирович Гордон
(Москва)

*Заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии
Института научной информации по общественным наукам РАН*

Культурно-исторические итоги петровских преобразований во французской мысли (середина XVIII – середина XIX века)

Середина XVIII в. ознаменовалась резким поворотом во французской мысли. Рассеялся ореол петровских преобразований, отразившийся в литературе появлением термина «русский мираж»¹. Причин было несколько. Главное, во Франции усиливались радикальные настроения, на смену просвещённому абсолютизму пришёл протестный демократизм, Вольтера как властителя дум потеснил Руссо. В таком контексте переосмысливалось понятие Цивилизации. «Создания могучей империи и завоевания новых земель, введения искусств и ремёсел, подчинения церкви — всего этого, — подчёркивает С. А. Мезин, — уже было недостаточно для звания цивилизатора... Происходила смена внешних аспектов на внутренние: необходимость преобразования общества и экономики, создания третьего сословия. Исполдволь формируется идея органического, поэтапного развития»².

¹ *Lortholary A. Les «philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris: Boivin, 1951. 269 p.; Le Mirage russe au XVIIIe siècle / Karp S., Wolff L. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2001. 264 p.; Гордон А. В. «Русский мираж» Просвещения в исторической перспективе // Россия и западноевропейское Просвещение. СПб., 2016. С. 29–39.*

² *Мезин С. А. Пётр I как цивилизатор России: Два взгляда // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 9.*

Сыграла роль эпистемологическая революция, обусловленная кризисом просвещенческого рационализма и подъёмом романтизма. Происходил распад универсалистских схем, освобождая место для национально-особенного, акцентирования «характера нации», «духа народа». Задумались об особенностях культурных традиций.

В изменившемся мировосприятии завеса, отделившая историческую Россию от философско-просветительской утопии, была сорвана сообщениями путешественников, самым впечатляющим из которых оказалось сочинение Шаппа д'Отероша «Путешествие в Сибирь». От Шаппа д'Отероша лейтмотивом оценок становится диссонанс между столичной жизнью и бытием российской глубинки, между проявлениями европейской цивилизованности и вековыми устоями.

Особенностью XIX в. сделался негативный фон. Даже консервативным мыслителям при личном пietetе к российским монархам самодержавная власть представлялась чрезмерной. Активную неприязнь вызывало рабство знати. Распространённым предметом осуждения оказывалось крепостничество, отождествлявшееся с рабством. Крайней настороженностью сопровождалось возрастание международной роли России после падения Наполеона.

Возродились стереотипы восприятия России, относившиеся к допетровскому времени: Цивилизация — Варварство, Европа — Азия. Рассмотрение преобразований России сквозь призму подобных стереотипов накладывало неблагоприятный отпечаток на основную коллизию модернизационного сдвига. Динамика преобразований при стереотипности заменялась антитезой «ложной», поверхностной и насильственной модернизации — «подлинной», глубинной и органичной.

Начало было положено Руссо. Возражая творцам *mirage russe*, конкретно Вольтеру, автор «Общественного договора» утверждал: у Петра «не было подлинного гения, того, что творит и создает всё из ничего». Оценивая преобразовательные усилия царя, Руссо отверг их как преждевременные и подражательные: Пётр хотел «создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских»³. Цивилизация в России, а именно та, что пришла в Европу с Новым временем — та, что в современной литературе называют «модерностью» (*modernity, modernité*) — должна была вызреть на национальной почве. Этот постулат утвердился во французской мысли и стал доминировать в оценке петровских преобразований вплоть до середины XIX в.

³ Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Изд. подгот. Алексеев-Попов В. С. и др. М., 1969. С. 183.

Французские авторы, исходя из обретенных ими культурных стандартов «модерности», склонялись к объяснению особенностей России культурно-исторической отсталостью. Такая позиция оказалась характерной для Шаппа д'Отероша, который, как считается, стоял на «полпути между Вольтером и Кюстином»⁴. Шапп разделял с создателями философского «миража» России просветительское мировоззрение, веру в прогресс, цивилизацию традиционных обществ. Ему даже не чужды были идеи просвещенного абсолютизма, как очевидно из надежд на Екатерину II, правление которой началось в год его поездки. Но именно, ориентируясь на те мировоззренческие новации, что привнесло в европейскую культуру Просвещение, аббат провозгласил суровый вердикт государственному и общественному строю России.

Аббат критически отнёсся к деяниям Петра I и итогам его реформаторских усилий: «Замыслив просветить свой народ», царь создал новое государство, однако не внёс «ни малейших благих изменений в систему управления». Народ так и «остался в рабской зависимости, ещё пуще ужесточённой сим государем»⁵. Нецивилизованное правление, наиболее одиозным проявлением которого Шапп считал крепостничество, а также развращающее влияние последнего на русский народ и есть главная тема заметок аббата.

Несомненным достоинством Шаппа можно считать желание приглядеться к русским традициям, избирательный подход к ним. В то же время в своём отношении к традициям аббат во многом руководствовался просветительскими убеждениями, отождествлявшими их с «предрассудками». Его понимание прошлого, в данном случае России, весьма характерно для просветительского сознания — более семисот лет «прозябания в невежестве», которое и положило начало «извращённости нравов». Шапп предлагал стандартные средства эпохи Просвещения, включая распространение «цивилизованных нравов остальной Европы»⁶.

Особые надежды возлагались на новую правительницу России. Наделённая «широкими взглядами и дарованиями», Екатерина II, полагал Шапп, «понимает всю порочность» государственного устройства России. Зная о задуманных правительницей реформах, он предлагал ей не ограничиваться «пожалованием свободы дворян-

⁴ *Besançon A. Chappe d'Auteroche, voyage en Sibérie // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1964. Vol. 5, N 2. P. 234.*

⁵ *Шапп д'Отерош Ж. Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году // Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М., 2005. С. 167.*

⁶ Там же. С. 143.

ству», а распространить «сию милость» на всех подданных. «Без одного переустройства, — убеждал царицу аббат, — Россия останется... феодальной страной, где феодальные порядки плодотворно станут мелких тиранов, подрывающих могущество императрицы». В своих собственных политических интересах и на благо России она должна создать «новое государство⁷», используя «проект Петра Великого» и подготовленную им почву⁸.

Итак, в сохранявшей влияние просветительской парадигме петровские преобразования всецело не отвергаются, а провозглашаются недостаточными. Консерватизм, ставший реакцией на Французскую революцию, отвергнув просветительскую парадигму, оспорил и благодетельность преобразований. Крупнейший представитель реакционного консерватизма Жозеф де Местр обосновывал свою позицию историческими построениями, напоминающими дифференциацию «культурно-исторических типов» в сочинении Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Однако в отличие от русского мыслителя культурная антропология Местра носит пессимистический характер, а отправным пунктом послужил извечный стереотип «азиатчины». «Вот они, скифы и татары, пришедшие сюда с Северного полюса !/, чтобы перерезать с французами друг другу горло», — пишет будущий «русифил», увидев в Италии корпус Суворова⁹.

Затем место примитивной «азиатчины» занимает концепция «недо-Европы». Чем дальше Россия будет оставаться в стороне от общеевропейских процессов, тем лучше, мыслил Местр, поскольку «это не Европа», а скорее «азиатская раса, оказавшаяся в Европе»¹⁰. Иностранность России обусловлена в местровской историософии особенностями её цивилизационного развития и, в конечном итоге, как следствие международной изоляции — культурной отсталостью. Россия не пережила вместе с Европой политическое и духовное становление: «То нравственное возрастание, которое постепенно ведёт народы от варварства к цивилизации, было остановлено» в X–XIII веках¹¹.

⁷ В оригинале «nation». Речь у Шаппа действительно идёт о «нации» в понимании этого термина, присущем XVIII в.

⁸ *Шанп д'Отерош Ж.* Указ. соч. С. 120, 175.

⁹ *Местр Ж., де.* Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 9.

¹⁰ Цит.: *Дегтярёва М. И.* Два кандидата на роль государственного идеолога: Ж. де Местр и Н. М. Карамзин // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 67.

¹¹ *Местр Ж., де.* Петербургские письма. С. 140; *Местр Ж., де.* Четыре неопубликованные главы о России; Письма русскому дворянину об испанской цивилизации. СПб., 2007. С. 33.

По Местру, получалось, что Россию миновали и время расцвета христианской культуры, и эпоха Возрождения: «Весьма ошибаются те, кто думает, что живёт здесь в 1815 году, надобно писать 1515, ибо это воистину шестнадцатый век»¹². Однако именно из-за этой отсталости, удержавшей традиционные устои государственности и народной жизни, стране суждено, в надеждах графа, сделаться опорой восстановления в Европе легитимно-монархических порядков.

Россия сделалась для посланника Сардинского королевства, по его признанию, второй родиной. Даже в местровской критике России и русских, весьма язвительной, пробивается сочувствие. Местр едва ли не раньше всех предсказал победу России над Наполеоном. И центральное место в его уверенности занимали, как ни удивительно, отнюдь не царская власть и не имперское могущество. Отталкиваясь от фактов мужественного сопротивления испанского народа, граф подчёркивал значение духовно-нравственного фактора. Он был убеждён, что русский народ проявит аналогичную силу духа. Местровская диалектика впечатляет: «Нет другой такой страны, где было бы больше противоположностей. Один скажет, что здесь последняя степень рабства, другой — что полная свобода, и оба будут правы»¹³.

В кульминационный момент отступления русской армии, в августе 1812 г. Местр развивал свою мысль о примитивности тех самых бинарных схем, которые сам же использовал. Наполеон, убеждён он, не учёл российской парадоксальности, «не понял характер сей нации». И это объяснимо: «Все книги полны деспотизмом и рабством русских». В действительности, «тяготы рабства... не исключают национальное воодушевление», монархизм не исключает возможности общественной самоорганизации, ассоциируемой с республиканским строем¹⁴. Граф, по собственным словам, проникся любовью к России, но то была Россия традиционная, допетровская.

Больше всего Местр опасался влияния на Россию цивилизационных нововведений, явленных XVIII веком. Заодно с Н. М. Карамзиным — эту параллель отчётливо выявила М. И. Дегтярёва¹⁵ — граф отговаривал Александра I от преобразований по западноевропейскому типу и прежде всего от демократизации русского общества. Как антагонист просветителей, он трактовал свободу сословной привилегией, доказывая, что «слава и благоденствие империи заключа-

¹² Местр Ж., *де*. Петербургские письма. С. 270.

¹³ Там же. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 217.

¹⁵ См.: Дегтярёва М. И. Два кандидата на роль государственного идеолога.

ются не столько в освобождении крепостной части нации, сколько в совершенствовании тех, кто свободен и прежде всего благороден»¹⁶.

Пугая царизм «университетским Пугачёвым», Местр предлагал ограничить образование высшими слоями и профминимумом для остальных. Крайне настораживало Местра обнаруженное им в российском обществе стремление «свести воедино наставления всех наук», иными словами — распространение научного мировоззрения. Другая причина страха перед Российским просвещением — темпы. «*В науку вползают, а не влетают*», — декларировал граф «закон Вселенной»¹⁷.

Историцизм Местра оказывался, так сказать, с обратным знаком. «Пророк минувшего» (как его назвал французский философ XIX в. Балланш)¹⁸ уповал на обратимость исторического процесса. При том он слабо верил в реставрацию дореволюционных порядков для той же Франции, отсюда пессимизм его историософии. Но России, не пережившей столь резкого разрыва с прошлым, сулил — в случае вмешательства Провидения (стоит ли уточнять, что граф был религиозным мыслителем) — благодетельное возвращение к умозрительно трактуемому традиционному состоянию. Основатель консервативной традиции во Франции явился и творцом консервативного образа России, заодно с близкой различным русским мыслителям XIX в. доктриной «особого пути»¹⁹.

«Вернуться назад» — квинтэссенция поучений Местра для царизма. Он будто понимал необходимость петровских реформ: «возникла надобность наверстать упущенное время». Но Пётр I — его важнейший тезис — «замедлил, а отнюдь не ускорил дело». Ибо модернизацию нельзя насадить усилиями государственной власти, и тем более этот процесс нельзя форсировать. Он будет бесплодным и даже вредным, «пока не явится очевидное для всех внутреннее созревание» общества²⁰. Как может произойти это «созревание» без просвещения, Местр не разъяснял.

Провозгласив царя-реформатора «убийцей своей нации», Местр утверждал: «Отняв собственные обычаи, нравы, характер и религию, он отдал её под иго чужеземных шарлатанов и сделал игрушкой нескончаемых перемен». Презрев национальные традиции, царь

¹⁶ Местр Ж., де. Четыре неопубликованные главы о России. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 51–52.

¹⁸ См.: Актуальность Жозефа де Местра / Редкол.: В. Мильчина и др. М., 2012. С. 52.

¹⁹ См.: Дегтярёва М. И. «Особый русский путь» глазами «западников»: де Местр и Чаадаев // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 97–105.

²⁰ Местр Ж., де. Петербургские письма. С. 140–141.

научил нацию «ненавидеть самоё себя»²¹. Таким образом, России нужно обрести себя, презрев, в свою очередь, эти преобразования, а заодно и последовавшие нововведения²².

Развитие России всё более страшило графа, слово «ужас» не сходит с его уст, притом ему внушает тревогу почти равномерно как подрыв устоев национальной государственности, так и навязчивое стремление усилить мощь государственной власти. Последнее, что крайне озадачило Местра в России, была милитаризация государства. Огромная армия, которую император, вместе с моральным авторитетом «спасителя Европы», предьявляет в поддержку плана послевоенного устройства, внушает графу панический страх. Однако, в отличие от Кюстина, его пугает не гегемония России на континенте. Самое опасное — последствия наращивания военной мощи для самой России. Весьма прозорливо — за десятилетие до восстания декабристов — он указывает на отягощённость государственного бюджета военными расходами вместе с плохим содержанием армии.

Поражает Местра и другое проявление милитаризации: царизм всё более обретает черты военного правления (о чём напишет Кюстин) или правления военных. Россия — государство чиновников: чин по введённой царём-преобразователем «табели рангов» определяет положение человека при дворе и значение в общественной жизни, государственный порядок — пирамида чинов. Констатируя это, Местр указывает на почти безраздельное верховенство военных в иерархии бюрократической власти²³.

И уезжал граф из России (1817) со смешанными чувствами — «с любовью, но и с ужасом», вспоминая социальные контрасты («изба и дворец, утончённая роскошь и дикая суровость») и духовный разлад: «слепая вера, грубая обрядность» и философские теории века, «дух свободы» и «нерассуждающая покорность». «Во что превратятся, — задавался он вопросом, — эти несогласные элементы, приведённые в движение страстью к новизне?», страстью, которую он находил главной чертой национального характера и которая внушала ему величайшую тревогу²⁴.

В дальнейшем консервативное восприятие России как бы расщепилось, породив равно как прославление полутрадиционной

²¹ Почти дословное совпадение с рассуждениями Карамзина в «Записке о древней и новой России».

²² *Детярёва М. И.* Два кандидата на роль государственного идеолога. С. 68–69; Местр Ж., *де.* Петербургские письма. С. 179.

²³ *Местр Ж., де.* Петербургские письма. С. 294, 303.

²⁴ Там же. С. 296; *Местр Ж., де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998. С. 606.

Империи, так и резкую критику. У идейных последователей Местра были схожие политические мотивы. Россия, став главным двигателем восстановления во Франции монархии, сделалась как бы ангелом-хранителем для династии Бурбонов. В глазах легитимистов империя Александра I — Николая I оказывалась оплотом Старого порядка, а сами цари становились объектами пиетета и идеализации²⁵. Опора традиционного государственного порядка, Российская империя виделась французским монархистам воплощением порядка вообще, как ценностной категории.

Удар по преклонению легитимистов перед упорядоченностью самодержавного правления нанёс человек из их среды. Под влиянием поездки ко двору Николая I Кюстин в корне пересмотрел отношение между властью и обществом. Идеализировавшийся монархистами строгий государственный порядок в наблюдениях за властью, подчиняющей «население целой империи воинскому уставу», утратил для него привлекательность. И вслед за откровениями Местра его оценки укладываются преимущественно в контрверзу Европа—Азия.

Маркиза восхищает «Петра творенье», он называет набережные Невы самыми прекрасными в Европе; но, вместе со всеми творениями царя-преобразователя, осуждает Санкт-Петербург как неподобающую сухопутной стране столицу, как вызов самой природе²⁶. В величественной, по его же признанию, панораме уникального города преобладает копирование античных образцов и заимствование архитектурных стилей Запада, впрочем, он не упускает случая назвать шпиль Адмиралтейства «христианским минаретом»²⁷.

Кюстин рисует картину некоего незавершённого синтеза. Самодержавная власть — исходно восточное явление; но в результате реформ, начатых Петром I, она цивилизовалась, точнее, адаптировалась к западной цивилизации. Отождествляя Цивилизацию с вестернизацией, Кюстин доказывал, что модернизация России, принятая царём-преобразователем и его преемниками, не могла не быть подражательной и поверхностной: не было «внутренней работы», «в один прекрасный день всё ввезли из-за границы». Императорская Россия превратилась в «царство фасадов»; точнее, возникли

²⁵ Мильчина В. А. «Русский мираж» французских легитимистов: 1830-е — 1840-е годы // *Она же*. Россия и Франция: дипломаты, литераторы, шпионы. СПб., 2006. С. 334–389.

²⁶ В полном соответствии с критиками петровских реформ в самой России: «Противу чаяния и *противу естества вещей*», как выразился о сотворении Града Св. Петра М. М. Щербатов (цит.: *Артемяева Т. В.* Михаил Щербатов. СПб., 1994. С. 48).

²⁷ Кюстин А., *де*. Россия в 1839 году. М., 2000. Т. 1. С. 182.

две России — «Россия, как она есть, и Россия, какой её желают представить перед Европой»²⁸.

Это было неизбежно: «Россия расположена на границе двух континентов, и то, что пришло сюда из Европы, по природе своей не может *до конца* слиться с тем, что было привнесено из Азии (курсив мой. — А. Г.)»²⁹. Всё-таки, проникательный наблюдатель, Кюстин не может отрицать некоего культурно-цивилизационного единства. Но то, что получилось в развитии государственности, ему категорически не нравится.

Царизм предстаёт в его глазах «ужасающим соединением европейского ума и науки с духом Азии», «западными правилами управления» со всей их изошрённостью на службе «восточного деспотизма», «европейской дисциплиной», поддерживающей «азиатскую тиранию». Российские императоры, утверждал Кюстин, постарались использовать «административные успехи европейских наций», чтобы править «на восточный лад»³⁰.

Тему имперского деспотизма можно признать ведущей в сочинении Кюстина. Первое его впечатление — некий анахронизм: «Эта колоссальная империя... на востоке Европы, той самой Европы, где повсюду общество страдает от отсутствия общепризнанной власти, кажется... посланницей далекого прошлого». И в отличие от «той самой Европы» в России «деспотическая система действует как часы». Кюстин поражён: «Непостижимо, но великолепно!» Однако, «с возмущением и ужасом» (вспоминаются «ужасы» Местра) замечает он, «следствием этой чрезвычайной размерности является чрезвычайное угнетение»³¹.

Главный вывод Кюстина — российская цивилизация в её имперско-самодержавном виде не может служить образцом для Европы. «Вы намерены вершить судьбами Европы», дерзаете «притязать на руководство миром», а что вы можете предложить Европе и миру? — риторически вопрошает Кюстин правителей России. Маркиз оставлял в стороне значение связей с передовыми странами Европы для самой России. Он усматривал причины движения страны в западном направлении исключительно в тщеславии её правителей и верхушки российского общества, чья зависимость от «злосчастного мнения Европы»³² превращалась в фатальную озабоченность имиджем России вместо подлинных перемен.

²⁸ Там же. Т. 1. С. 281, 305, 310; Т. 2. С. 226, 414.

²⁹ Там же. Т. 1. С. 302; Т. 2. С. 196.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 274, 303.

³¹ Там же. Т. 1. С. 179.

³² Там же. Т. 1. С. 304.

Во имя органичного развития России, считал Кюстин, следовало повернуться спиной к Европе и восстановить национальную самобытность. Вторя Местру и в выражениях, будто заимствованных у российских консерваторов, маркиз клеймил европеизацию и изобличал её зловредность для России. «В сущности — как ни парадоксально это покажется на первый взгляд, — отмечает К. С. Мяло, — в политических взглядах де Кюстина есть нечто общее с Константином Леонтьевым»³³. И в не менее возвышенных выражениях, чем русские романтики-славянофилы, Кюстин воспевал «чистый образ патриархального общества»: юные девы, «чертами своими напоминающие богородиц на православных иконах», «божественные лица старых русских крестьян», «благородство сельских хижин»³⁴.

Будто прописал маркиз и умозаключения философов евразийского направления о цивилизаторской миссии России на Востоке. «Призвание русских, — провозглашал Кюстин, — переводить европейскую цивилизацию для азиатов»³⁵. «Если бы российские государи... постигли, что приобщать русский народ к цивилизации следует исподволь, медленно развивая те задатки, которые Господь вложил в сердца здешних жителей... тогда, не так сильно поражая Европу, они зато завоевали бы славу долговечную, всемирную... Даже европейская часть Турции испытала бы на себе влияние России, а другие державы не смогли бы жаловаться на рост этого подлинно благотельного влияния»³⁶.

В соображениях о миссии России на Востоке Кюстин по существу декларировал то же, что столетием раньше изложил Вольтер в письмах к Екатерине II. И было с удовлетворением воспринято императрицей и её двором³⁷. Круг замкнулся! Россия заняла прочное место в европейском концерте держав и соответственно в европейской мысли. Сходство позиций французских и российских консер-

³³ Мяло К. Г. Хожение к варварам или вечное путешествие маркиза де Кюстина [Электронный ресурс] // www.pseudology.org/Literature/HozhdenieMyalo.htm (дата обращения 07.12.2017).

³⁴ Кюстин А., де. Указ. соч. Т. 2. С. 234–235, 284–285.

³⁵ Там же. Т. 2. С. 224–225, 412.

³⁶ Проницательность подвела маркиза, и он мог вскоре убедиться, что западные державы и та же Франция отнюдь не собирались отдавать России влияние на Востоке и воспрепятствовали ей утвердиться в Константинополе, который Кюстин любезно обещал России: «Русских ждёт Константинополь» (Кюстин А., де. Указ. соч. Т. 2. С. 161).

³⁷ См.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой половине XIX века. М., 2001. С. 39–45.

ваторов в оценке петровских преобразований подсказывает, что вопреки существующему в отечественной литературе мнению критика этих преобразований в консервативной французской мысли не превратилась в фобию.

Следует вместе с тем подчеркнуть и другое. Проникнутость привычными стереотипами европейского мышления придаёт консервативным оценкам развития российского общества и государственности явственный оттенок роковой предопределённости, и пророчество Руссо «русские никогда не станут истинно цивилизованными» видится эмблемой для всего направления.

Татьяна Николаевна Гончарова
(Санкт-Петербург)

*Доцент кафедры истории Нового и новейшего времени
Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета*

Салоны как поле дипломатического действия: Посольство Франции и светская жизнь в Санкт-Петербурге (1814–1848)

В дворянском обществе Санкт-Петербурга XIX столетия салон являл собой не только то место, где протекала насыщенная светская жизнь столицы Российской империи. Как следует из дипломатических донесений, отправленных сотрудниками французского посольства в Париж между 1814 и 1848 гг., салоны были тем местом, откуда черпалась информация, где велись политические беседы, завязывались нужные контакты, осуществлялось воздействие на общественное мнение, продвигались разного рода проекты и принимались судьбоносные решения. Именно в столичных салонах дипломаты имели возможность с наибольшей выгодой для дела, в неформальной обстановке, обсудить с сановниками, а иногда и с самим императором актуальные вопросы двусторонних отношений. Светские приёмы проходили и на территории французского посольства — в роскошном особняке Волконского на Дворцовой набережной, как того требовала вверенная дипломатам представительская функция.

Адъютант Наполеона, генерал Рене Савари, на долю которого выпало исполнять роль дипломатического разведчика в столице Российской империи после заключения Тильзитского мира и союза 1807 г., отмечал исключительно большую роль иностранных пред-

ставителей в светской жизни Санкт-Петербурга. «Обществом, по своему усмотрению, повелевает дипломатический корпус, он направляет умы и руководит развлечениями»¹. Встретив холодный приём среди столичной знати, выражавшей таким образом свою неприязнь к союзу с Францией, Савари склонен был объяснять свой неуспех враждебным влиянием английского и австрийского посланников. В своём неприятии Тильзитского союза свет шёл наперекор пожеланиям императора Александра I, так что этому последнему пришлось приложить усилия, прежде чем посланник Наполеона был принят в петербургских гостиных. Назначенный на пост посла в Санкт-Петербурге, генерал Арман де Коленкур встал во главе пышного представительства, которое, по мнению Савари, только и могло произвести благоприятное впечатление на упорствовавшую в своём недоброжелательстве часть петербургских дворян. Тем не менее, расчёт этот оправдал себя лишь отчасти. В тильзитскую эпоху Савари и Коленкур являли собой в глазах наиболее реакционной части петербургского общества представителей революционной Франции, замешанных в убийстве герцога Энгиенского, чем вызывали неприятие, которое ни роскошь представительства, ни расположение императора, ни посулы развития торговых связей с Францией не были в состоянии затмить.

В отличие от предшествующего периода, в эпоху Реставрации петербургская знать не имела каких-либо идеологических расхождений с представителями Бурбонов. Восшествие на трон в результате революционных событий июля 1830 г. Орлеанской династии в лице Луи-Филиппа было встречено в штыки наиболее консервативно настроенными русскими дворянами, но в этом неприятии они были заодно с императором Николаем I. Приходится констатировать, что между 1814 и 1848 гг. общение между посольством и обществом неоднократно полностью или частично прерывалось, и посольство в силу определённых обстоятельств политического свойства оказывалось под запретом и в опале. Эти случаи неприятия находятся в центре внимания данной статьи, написанной с опорой на дипломатические донесения.

По традиции, после вручения императору верительных грамот, посол имел возможность войти в непосредственный контакт с наиболее влиятельными сановниками и придворными. Приняв у себя первого посетителя, дипломат без промедления наносил ему ответный визит, далее обоюдным приглашениям и визитам не было кон-

¹ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи: В 3 т. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 2. С. 148.

ца. Жюст де Ноайль, первый посол восстановленного на троне своих предков Людовика XVIII, смог отчитаться уже в сентябре 1814 г. о том, что исполнил долг, предписанный обычаем «с точностью необходимой в стране, где много значения придаётся формам»².

Тем не менее, уже через несколько месяцев после столь позитивного дебюта посольство Ноайля оказалось в неловкой ситуации вследствие неожиданной высадки Наполеона в бухте Жуан (1 марта 1815). Не получив никакого категорического предписания из бельгийского города Гент, куда укрылись король и двор, Ноайль счёл за благо закрыть посольский дом для посетителей³. Как объяснял он Жокуру, временно исполнявшему обязанности министра иностранных дел в отсутствие Талейрана, посольство оказалось в катастрофической ситуации, поскольку с тех пор как Наполеон вторично воцарился в Тюильри, Париж прекратил выплату жалованья⁴. Закрывание дома для визитов должно было избавить посла от неподобающего выставления напоказ внешних признаков бедственной ситуации, в которой находился французский король в эпоху «Ста дней», с марта по июнь 1815 г.

Вторично дипломатическое представительство Франции закрыло свои двери по решению посла Огюста де Ла Ферронэ в так называемый период междуцарствия, в декабре 1825 г. После внезапной кончины императора Александра I в Таганроге, когда столичное чиновничество и армия были приведены к присяге вел. кн. Константину Павловичу, при том, что слухи о подписанном тем заранее отречении от престола в пользу младшего брата Николая Павловича становились всё настойчивее, создалась ситуация политической неопределённости. В обществе бушевали страсти, одни выступали в поддержку великого князя Константина, другие — Николая, в то время как посол Франции О. де Ла Ферронэ решил придерживаться строгой нейтральности, поставленный в неловкую ситуацию в силу особого дружеского расположения, которым одаривали его оба потенциальных наследника.

Одно лишь невзначай уроненное слово посла могло быть истолковано как предпочтение, отданное одному или другому. Дабы не давать повода пересудам, Ла Ферронэ предусмотрительно ограничил общение с высшим светом, отказавшись от посещения

² Деша Ноайля без даты и номера (предположительно сентябрь 1814 г.) // Сб. РИО. Т. 112. С. 83. Далее — Сб. РИО.

³ *Cussy, chevalier de. Souvenirs du chevalier de Cussy, garde du corps, diplomate et consul général (1795–1866). 2 t. / Publiés par le comte Marc de Germiny. 2e éd. Paris, 1909. Т. 1. P. 257.*

⁴ Деша Ноайля от 19 мая 1815, СПб. // Сб. РИО. Т. 112. С. 226.

столичных домов, в которых имел обыкновение бывать. «Партии начали здесь объясняться громче, — доносил австрийский посланник Л. фон Лебцельтерн, — и настолько громко, что мы приняли решение, г-н посол Франции и я, удалиться из русских домов и пригласить сотрудников наших миссий последовать нашему примеру, тем более, что недоверие читается на всех физиономиях, и естественно, что этот врождённый недостаток национального характера проявляет себя, прежде всего, по отношению к чужеземцам. Все ощущают неловкость, которая существует только потому, что все позиции ложные»⁵. Л. фон Лебцельтерн, предположительно, допустил всё-таки некоторые отклонения от намеченной им линии поведения, в то время как упомянутая тактика дала положительные результаты для О. де Ла Ферронэ. После восстания на Сенатской площади 14 (26) декабря 1825 г., тогда как посланник Австрии, скомпрометированный неосторожными словами и семейными узами с несостоявшимся «диктатором» С. П. Трубецким, был отозван по требованию Николая I, французское посольство осталось в прежнем составе.

Вышеизложенные ситуации отстранённости от жизни высшего света в России были спровоцированы самими послами из соображений осторожности, совпав с кризисными моментами в истории двух стран. Лишь однажды, с мая по сентябрь 1816 г., когда «бесподобная» палата, известная крайне реакционными взглядами своих представителей, чрезвычайно докучала Александру I, французское посольство эпохи Реставрации оказалось в ситуации, которая напоминала опалу⁶. Император, а вслед за ним и высший свет Санкт-Петербурга, перестали искать общества французского посла Ж. де Ноайля. И так редкие встречи с императором по причине уединённого образа жизни, которому следовал Александр I, сделались и вовсе несуществующими. Такая ситуация больно била по престижу посольства, негативно сказываясь на порученных его вниманию делах, поскольку в самодержавной России император мог в считанные минуты решить вопросы, которые при другом раскладе требовали значительно большего времени. Посольство, как и вся либеральная Франция, вздохнуло поэтому с облегчением, когда принятый по внушению из России королевский ордонанс от 5 сентября 1816 г. распустил «бесподобную» палату.

⁵ Секретная депеша Лебцельтерна Меттерниху от 6 января 1826. *Les rapports de l'ambassadeur d'Autriche à Saint-Petersbourg sur la conjuration des Décabristes // Le Monde Slave*. 1926. P. 310–311.

⁶ Депеша Ноайля от 21 мая 1816, СПб. // Сб. РИО. Т. 112. С. 517.

После Июльской революции, несмотря на старания Луи-Филиппа загладить свою «вину»⁷, император Николай I рассматривал новый режим как насильственное изменение в международной системе, учреждённой Венским конгрессом, и попрание прав законного наследника престола герцога Бордоского, внука Карла X. В отношениях с представителями Июльской монархии Николай I взял в привычку проводить чёткое различие между ними как частными лицами и представителями короля французов Луи-Филиппа. Это несколько надуманное различие диктовало и разницу в обращении императора с королевскими посланцами: любезное по отношению к частному лицу и неучтивое по отношению к представителю короля, которого Николай I считал «узурпатором» и предпочитал избегать всякого упоминания его имени в беседах.

Даже таким ценным им представителям Луи-Филиппа, как посол Казимир де Мортемар и поверенный в делах Поль де Бургуэн⁸, приходилось сносить удары по самолюбию, которые они предпочитали держать в секрете, чтобы не портить политические отношения, и так уже натянутые. Маршал Эдуар Мортье на посту посла в Санкт-Петербурге в 1832 г. вёл себя подобным же образом, делая вид, что ничего не замечает, и намеренно заостряя внимание на случаях, свидетельствующих о любезности в обхождении с ним⁹. Но его преемник, поверенный в делах Теодор де Лагрене, проявил меньше осторожности в и без того накалённой атмосфере, когда наиболее консервативные представители петербургского света, сторонники легитимистов, повторяли на разные лады, что французам нельзя доверять, что вечно у них что-то происходит. В 1833 г. петербургское общество тем больше демонстрировало холодность к посольству Франции, что Восточный кризис и французский протест против Ункяр-Искелесийского договора оживляли трения. «Вследствие внезапного удвоения плохого настроения по отношению к посольству, некоторые лица, с которыми я с давних пор нахожусь в близ-

⁷ В частности, в письме от 19 августа 1830 г., в котором Луи-Филипп представлял себя спасителем порядка. См.: *Молок А. И.* Царская Россия и Июльская революция 1830 г. // Литературное наследство. № 29/30. М., 1937. С. 744–745.

⁸ К. де Мортемар дважды представлял Францию в России, при Карле X с 1828 по 1830 г. и при Луи-Филиппе с 1830 по 1831 г. П. де Бургуэн как первый секретарь французского посольства неоднократно исполнял обязанности поверенного в делах между 1828 и 1831 гг. Оба приняли участие в русско-турецкой кампании 1828 г., чем завоевали особое расположение императора Николая I.

⁹ Делегация Мортье от 29/17 апреля 1832, СПб. // Archives du ministère des Affaires étrangères. Mémoires et documents: Russie. Vol. 36. F. 189–193. Далее: АМАЕ. MD Russie.

ких отношениях, — доносил Лагрене, — получили в последние дни внушение сделать менее частыми встречи, которые вызывают порицание в определённом месте»¹⁰.

Поверенный в делах французского посольства в 1835 г. Эдуар де Серсэ отмечал «нечто вроде инстинктивного сговора, по которому все действуют в соответствии с намерениями Двора»¹¹. Расположение императора гарантировало хороший приём в обществе, в противном случае все двери оказывались закрыты. Тогда же Серсэ констатировал почтительное отношение высокопоставленных особ к своей персоне. Император сменил гнев на милость, и позиция королевского посольства претерпела улучшение: «Сегодня оно более не внушает того чувства страха или реального отвращения, от которых так долго страдало по воле общества, трепещущего под властью страстной природы. Так, те же самые люди, которые ещё в прошлом году скрывали свою близость с некоторыми сотрудниками этого посольства и не осмеливались ни за что показываться с ними на публике, сегодня заискивают перед ними и признаются в дружбе, в недавнем прошлом ещё столь опасной. Это грустно говорить, но, тем не менее, необходимо признать, что в Петербурге ничто не доказывает более чувства государя как приём, который вам устроен в свете»¹².

В январе 1836 г., сразу после прибытия в город на Неве, посол Проспер де Барант удостоился торжественного приёма, проведённого с соблюдением протокола, сведения о котором дошли до А. де Сен-При, в то время полномочного министра Луи-Филиппа в Португалии. «Один из наших самых элегантных писателей и самых приятных собеседников должен был найти понимание в столице Екатерины II», — радовался он от всей души¹³. В 1840 г., во время очередного Восточного кризиса, благосклонность общества к послу вызвала даже раздражение Николая I. «Относясь ко мне так хорошо, как я могу этого желать, — писал П. де Барант, — всегда открыто выражая большое уважение ко мне, ему случалось проявлять в узком кругу некоторое недовольство тем, что посол Франции оказывает

¹⁰ Депеша Лагрене от 13 ноября 1833, СПб. // Archives du ministère des Affaires étrangères. Correspondance politique: Russie. Vol. 187. F. 232–233. Далее: АМАЕ. СР Russie.

¹¹ Конфиденциальный рапорт Серсэ от 14 августа 1835, СПб. // АМАЕ. СР Russie. Vol. 190. F. 164.

¹² Депеша Серсэ от 6 ноября 1835, СПб. // Ibid. F. 245.

¹³ Письмо А. де Сен-При к Баранту от 10 мая 1836 из Лиссабона // Barante, baron de. Souvenirs du baron de Barante de l'Académie française (1782–1866). 7 t. / Publiés par son petit-fils Claude de Barante. Paris, 1895. T. 5. P. 373.

влияние на дипломатический корпус и общество Санкт-Петербурга»¹⁴. Кто-то из знакомых Баранта из придворных кругов пересказал ему следующую фразу императора: «Долго ли ещё мне придётся слышать, что ходят в посольство Франции?»¹⁵.

Но самый серьёзный инцидент был вызван намеренным отсутствием поверенного в делах Огюста Казимира-Перье на дипломатическом рауте 6 (18) декабря 1841 г., в день именин Николая I. Инициатором инцидента явился министр иностранных дел Ф. Гизо, который решил таким образом ответить на внезапный отъезд российского посла графа П. П. Палена из Парижа. Не без основания усмотрев в этом злую волю императора Николая I, не пожелавшего, чтобы его представитель по заведённому при Тюильрийском дворе порядку, как дуайен дипломатического корпуса, произнёс приветственную речь в адрес Луи-Филиппа, Гизо решил раз и навсегда положить конец долготерпению своего короля. В результате, Франция вплоть до 1848 г. была представлена в российской столице исключительно поверенными в делах. Но непосредственным следствием неоявления Казимира-Перье на императорских именинах в день Святого Николая стал бойкот посольства столичным обществом.

До инцидента Казимир-Перье описывал своё личное положение как хорошее и приятное одновременно. «Я понёс большие расходы на общество, чем это можно было ожидать от простого поверенного в делах; мой дом и стол были открыты как дипломатическому корпусу, так и русским. Довольный своими отношениями с Двором и городом, видя благоволение Императора ко мне, его любезность и внимание к мадам Перье, мне было, что терять»¹⁶. По приказу императора посольство оказалось под запретом и изгнанным из петербургского общества. «Все двери должны быть закрыты; ни один русский не появится у меня. Вечера и ужины, на которые я был приглашён, так же как и мадам Перье, были отсрочены; особы, чей дом был открыт для нас, и которые имели постоянные дни приёма, просят нас через посредников не ставить их в неловкое положение нашим появлением у них, и ссылаются, в обмен на обещание хранить секрет, на данные им приказания»¹⁷.

Император сделал вид, что не имеет никакого отношения к сложившейся ситуации, но факты опровергали его слова. «Во француз-

¹⁴ Депеша Баранта от 8 января 1840, СПб. // Ibid. Т. 6. Р. 373.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Письмо Казимира-Перье к Гизо от 23 декабря 1841, СПб. // *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. 8 t. Paris, 1864. Т. 6. Р. 472.

¹⁷ Депеша Казимира-Перье от 24 декабря 1841, СПб. // Ibid. Р. 474.

ском театре, — докладывал поверенный в делах, — молодой человек, расположившийся по соседству с нашей ложей, имел неосторожность спросить у госпожи Перье, как она поживает. Император узнал его имя, и назавтра виновный получил нагоняй и приглашение на будущее быть более осторожным. Инквизиция дошла до того, что в помещение для игры в мяч, упражнение, которому я люблю предаваться, был подослан некто, чтобы выпросить у арбитра имена тех, с кем я мог играть. К счастью, не нашлось ни одного человека, кого можно было бы поместить в этот список изгнанников нового рода»¹⁸.

Казимир-Перье отправился, тем не менее, на бал, который был дан в дворянском собрании, открытом для всего дипломатического корпуса, и не имел причины жаловаться на кого бы то ни было. В январе 1842 г. он показался в салоне супруги руководителя внешнеполитического ведомства, графини Марии Дмитриевны Нессельроде, которую нашёл «холодной, но вежливой»¹⁹. Но ни один русский не записался более к нему на приём, даже по случаю трагической гибели герцога Орлеанского, старшего сына Луи-Филиппа и наследника французского престола²⁰. Молодая жена Казимира-Перье особенно страдала от навязанного ей одиночества.

Гизо просил своего подчинённого держаться и делать вид, что ему безразлична холодность света. «Необходимое», под которым подразумевались деловые отношения, было в порядке, оставалось потерпеть, пока «излишек», то есть светские знакомства, возобновятся²¹. Но Казимир-Перье напрасно терял время в ожидании, и его преемник барон Жан-Мари д'Андре, прибыв в Санкт-Петербург в августе 1842 г., нашёл высший свет столь же неприветливым. Таков был каприз царя, который поняв, наконец, нелепость ситуации, потихоньку отменил запрет на общение с сотрудниками французского посольства в ноябре 1842 г.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что салонная жизнь французских представителей в Санкт-Петербурге выполняла роль настоящего барометра двусторонних отношений. Если дипломат пользовался расположением императора, ему был уготован наилучший приём в петербургских гостиных. Но в случаях политической напряжённости столичные аристократы, в чьих салонах француз-

¹⁸ Деша Казимира-Перье от 28 декабря 1841, СПб. // Ibid. P. 476.

¹⁹ Деша Казимира-Перье от 11 января 1842, СПб. // AMAE. CP Russie. Vol. 198. F. 22.

²⁰ Письмо Казимира-Перье к Гизо от 4 августа 1842, СПб. // Ibid. F. 165.

²¹ Гизо — Казимиру-Перье от 24 февраля 1842, Париж // *Guizot F. Op. cit.* P. 490.

ские дипломаты казались завсегдаятами, получали сверху внушение сделать менее частыми встречи, а иногда и закрыть свой дом для сотрудников посольства. Петербургская знать отдалялась на некоторое время, в то время как император продолжал расточать любезности, но не официальному лицу, а частному человеку. Таким образом, плохое настроение императора, его недовольство политикой режима Реставрации и особенно Июльской монархии отражалось и на положении французского посольства в обществе. При этом в дипломатической переписке за 1814–1848 гг. не упоминается ни одного случая, когда бы столичное общество отважилось противопоставить себя императору, не исполнив его указания в отношении французских представителей. Такая ситуация, без всякого сомнения, имела негативные последствия для деятельности посольства в условиях самодержавия, когда часть своей информации дипломаты черпали в придворных кругах и просто из светских знакомств. И хотя большая часть этих сведений принадлежала к разряду слухов, нельзя недооценивать её значение в общей осведомлённости сотрудников французского посольства.

Валерий Леонидович Степанов
(Москва)

*Ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН*

Развитие финансовых отношений России и Франции как экономическая основа военно-политического союза 1891–1892 годов

В последнее десятилетие XIX в. произошла смена внешних финансовых приоритетов Российской империи. Главным кредитором страны в пореформенный период была Германия: в руках немецких банкиров к середине 1880-х гг. сосредоточились 80% всех российских займов. Соседняя империя занимала первое место среди экспортёров капитала в Россию. Вложения направлялись в железнодорожные акционерные общества, государственные займы, ипотечный кредит, строительные и промышленные компании и др.¹ Российская финансовая система оказалась прочно связанной с немецким денежным рынком, а курс рубля во многом зависел от конъюнктуры на Берлинской бирже. Однако эта зависимость была опасна не только в финансово-экономическом отношении, она мог-

¹ *Кумф З.* К вопросу о причинах и следствиях запрещения Бисмарком приёма в залог русских ценностей германскими банками (ноябрь 1887 г.) // Вестник МГУ. Серия: История. 1968. № 3. С. 73–74; *Субботин Ю. Ф.* Россия и Германия: партнёры и противники (торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). М., 1996. С. 25.

ла иметь и негативные политические последствия: на Берлинском конгрессе в 1878 г. отчётливо проявились серьёзные противоречия между двумя странами. В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Россия была вынуждена заключить крупные внутренние и внешние займы. Расходы по системе государственного кредита в 1877–1886 гг. увеличились с 27,77% до 38,14% доходной части бюджета². Иностранные рынки были переполнены облигациями российских займов. Избыток этих ценных бумаг на Западе стал постоянной причиной колебаний и понижения курса рубля, роста цен на российские товары за границей и на внутреннем рынке, вывоз золота из страны достиг небывалых масштабов. Это порождало сильную тревогу среди иностранных держателей облигаций, которые всячески стремились избавиться от ненадёжных бумаг. Их массовый сброс, в свою очередь, способствовал падению курса рубля и вызывал у держателей ещё большее желание продать свои облигации. Тяжесть платежей по займам способствовала росту бюджетных дефицитов, что, в свою очередь, усиливало упадок российского кредита на внешних рынках. В западной прессе распространялись слухи о грядущем государственном банкротстве России.

Способом облегчения долгового бремени могла стать конверсия, т.е. замена ранее заключённых займов новыми с целью понижения процента выплаты. Наиболее выгодной формой конверсии был прямой обмен облигаций старого займа на облигации нового без увеличения капитального долга, выплаты процентов и значительных потерь. К тому времени подобные операции в финансовой практике западных стран стали обычным явлением. Длительный застой в делах и падение среднего процента на капитал вызвали накопление свободных средств, не находящих помещения. В этих условиях возрос интерес населения к ценным бумагам с фиксированным доходом, что привело к повышению их курса и создало благоприятную почву для конверсий. В 1880-е гг. успешные конверсионные операции были проведены в Англии, Франции, Германии, Дании, Бельгии, Голландии, Португалии, Венгрии, Северо-Американских Соединённых Штатах.

Однако в Петербурге долгое время не могли последовать этому примеру, поскольку даже в условиях избытка ссудного капитала курс облигаций российских займов продолжал оставаться низким по сравнению с курсом облигаций западных стран. Начавшийся в 1885 г. общеевропейский политический кризис остро поставил вопрос о платёжеспособности России в случае войны, способствовал

² Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Т. I. Харьков, 1899. С. 599.

дальнейшему падению курса её ценных бумаг и национальной валюты. В этой ситуации Министерство финансов начало подготовку конверсии нескольких старых займов. Однако подобная операция была невозможна без содействия иностранных банков, так как казна не располагала свободными денежными средствами для выпуска новых долговых обязательств. Министр финансов вступил в переговоры с немецкими банкирами, но обострение русско-германских отношений отсрочило реализацию этих планов. В начале 1887 г. российская сторона отказалась от переговоров о политическом союзе с Германией, а также от заключения торгового соглашения. Правда, в июне 1887 г. Берлин и Петербург подписали тайный договор «перестраховки», но это не привело к смягчению напряжённости между странами.

Правительство канцлера О. фон Бисмарка стало считать нежелательным размещение облигаций российских займов в Германии. К тому времени падение средней доходности на капитал привело к тому, что твёрдодоходные российские бумаги становились более выгодными в качестве объекта инвестиций, чем вклады в промышленное производство. Возникла угроза, что они начнут отвлекать капитал, необходимый для развития экономики страны. Помимо этого, в связи с ухудшением отношений с Россией, германское правительство считало опасным держать у себя долговые обязательства потенциального противника. Бисмарк учитывал то, что средства, полученные Россией от железнодорожных займов, в основном шли на финансирование строительства стратегических линий к границам рейха. Наконец, в Германии велась подготовка к конверсии собственных займов, поэтому правительство было заинтересовано в создании в стране избытка ссудного капитала и изгнании российских облигаций. Прусское юнкерство выступало против экспорта капитала в Россию и требовало жёстких санкций против экспорта её зерна, который создавал им сильную конкуренцию на внутреннем хлебном рынке. С весны 1887 г. в немецкой печати при поддержке Бисмарка развернулась кампания против российских бумаг, а 9 ноября этого года «железный канцлер» запретил Имперскому банку и Банку для морской торговли выдавать под них ссуды. Это было расценено в России как преднамеренный удар по её финансовой системе. Тем самым Бисмарк рассчитывал заставить соседнюю империю пойти на серьёзные внешнеполитические и экономические уступки³.

В Германии сразу же последовал массовый выброс бумаг на берлинском фондовом рынке. Это объяснялось особенностями струк-

³ *Кумф* З. Указ. соч. С. 75–79.

туры национального капитала. Поскольку немецкие предприниматели были лишены возможности широко вывозить капитал в колонии и зависимые страны, они вкладывали средства в сферу производства. Организация банковской системы позволяла активно осуществлять именно прямые вложения, создавая непосредственную заинтересованность банков в делах промышленных предприятий. В Германии сложился благоприятный инвестиционный климат: банки (в отличие от английских и французских) могли выдавать предпринимателям ссуды без солидного обеспечения. Объём не находящих помещения капиталов был здесь гораздо меньше, чем в других странах. Разумеется, в Германии также существовал слой мелких собственников, вкладывавших накопления в ценные бумаги для получения ренты. Однако эти держатели предпочитали бумаги частных ипотечных банков, предлагавших очень надёжное обеспечение. Поэтому российские ценности не имели в Германии твёрдого размещения и рассматривались преимущественно как объекты временного вложения капитала. Они выбрасывались на рынок при каждом ухудшении конъюнктуры и легко становились объектом спекуляции.

Расчёты Бисмарка не оправдались — его попытки надавить на Россию обернулись значительными потерями для Германии и убытками для мелких владельцев российских ценностей, которым пришлось продавать их по сниженной цене. Канцлер потерпел крупное внешнеполитическое поражение, толкнув Россию в объятия своего противника. Изгнание российских бумаг привело к их перемещению во Францию, которую называли «банкиром всего света» и «главным резервуаром свободных средств континентальной Европы»⁴. Французские банкиры создали специальный синдикат для скупки российских ценностей на Берлинской бирже. Всего за 1887—1889 гг. во Францию поступило бумаг на сумму до 3 млрд франков, из них 1,8 млрд перешли из Германии. Приливу российских ценностей благоприятствовала структура местного финансового рынка, которая позволяла размещать твёрдодоходные бумаги на значительные суммы. Преобладание в стране мелкой собственности и преимущественное развитие лёгкой промышленности затрудняли инвестирование крупных средств в расширение производства. Население осторожно относилось к бумагам промышленных и торговых компаний. В большей степени инвесторы проявляли интерес к иностран-

⁴ Соловьёв Ю. Б. Международные финансовые отношения и французский денежный рынок в конце XIX в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 311, 314.

ным облигациям, сулившим гарантированный доход. Размещение российских бумаг во Франции облегчалось также высоким уровнем концентрации капитала в банках, которые через свою разветвлённую сеть отделений в провинции и целую армию агентов могли мобилизовать рассредоточенные средства мелких и средних собственников.

К Франции перешла роль главного кредитора России: население активно раскупало размещённые в стране облигации российских займов 1889–1896 гг. на общую сумму 4,3 млрд франков. Это было следствием не только широкой рекламной компании, организованной в печати французскими банкирами. Мелкие держатели быстро убедились, что ценные бумаги России являются выгодным помещением капитала. Если французские займы были в основном 3%-ми, то российские давали 4–4,5% прибыли. Поэтому эти облигации стали для французов наиболее предпочтительными и надёжными ценными бумагами, символом существования «сердечного согласия» между странами. Им импонировала мощь Российской империи, которая воспринималась как олицетворение стабильности и порядка. Держателей привлекала сама возможность быть непосредственно причастными к сближению двух держав перед лицом растущей угрозы со стороны Германии⁵.

Французские банкиры оказали содействие России в решении задачи облегчения бремени внешнего долга. Российское министерство финансов планировало унифицировать государственный долг, создать единый рынок российских ценных бумаг и основной тип российского займа, подобного английским консолям, германским имперским займам, французской и австрийской рентам. Эта мера должна была способствовать расширению рынка сбыта для бумаг, устойчивости их размещения, упрочению курса рубля и облигаций займов. Всего в 1887–1892 гг. было конвертировано 14 внешних и внутренних займов на общую сумму 1 868 млн руб. Из-за низкой оценки кредитоспособности России иностранными инвесторами эти операции были проведены отнюдь не на самых выгодных условиях — при значительной разнице между номинальным и действительным понижением процента, многочисленных уступках держателям займов и др. Итогом конверсий стало увеличение государственного долга на 277 млн руб. Однако пересрочка займов на 81 год дала существенную экономию по ежегодным платежам, которая уже в первые годы составила в среднем 21,5 млн руб., а дальнейшем ещё

⁵ Там же. С. 324–325; *Жиро Р.* Финансы и политика во франко-русских отношениях 1887–1889 гг. // Французский ежегодник. М., 1967. С. 137, 139–140.

более возросла. Если в 1887 г. оплата долговых обязательств составляла 34,54% государственных доходов, то в 1892 г. — 28,26%⁶.

В результате конверсий сократился отток бюджетных средств за границу, была проведена унификация государственного долга, создан основной тип российского 4%-го займа, улучшились условия заключения новых займов, упрочился курс российских бумаг и национальной валюты, укрепился государственный кредит страны, расширились возможности Министерства финансов в сбалансировании бюджета и накоплении золотого запаса. Конверсионные операции окончательно переместили российские бумаги на французский рынок. Их значение для французских инвесторов чрезвычайно возросло. Размещение бумаг во Франции вызвало быстрое повышение их курса, что принесло держателям сотни миллионов франков чистой прибыли. Возникшая сильная финансово-экономическая взаимозависимость России и Франции способствовала сближению двух стран и заключению в 1891–1892 гг. военно-политического союза.

⁶ О конверсиях см. подробнее: *Мигулин П. П.* Указ. соч. Т. II. Харьков, 1900. С. 86–257; *Сидоров А. Л.* Конверсия внешних займов России в 1888–1890 гг. // Исторический архив. 1959. № 3. С. 99–125; *Girault R.* Emprunts russes et investissements françaises en Russie: 1887–1914. Paris, 1973; *Лебедев С. К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. СПб., 2003. С. 249–310.

Наталья Леонидовна Корсакова
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН*

Последний посол Франции при Императорском российском дворе Морис Палеолог

Отправной точкой для установления постоянных дипломатических отношений между Русским царством и Французским королевством послужил визит Петра I во Францию в 1717 г. До этого знаменательного события интересы Франции в Санкт-Петербурге представлял консул А. де Лави. Тогда русско-французское сближение оказалось недолговременным, хотя назначенный в 1721 г. посланником в Россию Ж. де Кампредон и выступил посредником при заключении Ништадтского мира¹. Бурная активность следующего посланника Ж.-И. Тротти, маркиза де ла Шетарди, приехавшего в Россию в 1739 г., привела к высылке его из страны в 1744 г. Первым французским дипломатическим агентом в России, имевшим ранг посла, был П.-Ф. Галуччо, маркиз Л'Опиталь. Однако, едва дипломат с огромной свитой в 1757 г. появился при дворе Елизаветы Петровны, как сразу выразил недовольство нарушением церемониала его приёма при въезде в страну², что отнюдь не способствовало

¹ См.: *Черкасов П. П.* Двуглавый орёл и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995; *Мезин С. А.* Пётр I во Франции. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Европейский Дом, 2017.

² См. об этом: *Киндинов М. А.* Французский посол Поль-Франсуа де Галюцци маркиз де л'Опиталь: «первые затруднения» во время пребывания в Риге // Известия алтайского университета. Т. 2. № 4 (88). 2015. С. 82–86.

улучшению отношений между странами, которые на протяжении всей своей истории никогда не отличались стабильностью и многократно прерывались, порой более чем на десятилетие. В последний раз это произошло в 1917 г. вследствие Октябрьской революции, свергнувшей признанное Францией Временное правительство. Последним послом Французской Республики при русском императорском дворе был Морис Палеолог³. Его фигура несколько теряется в ряду знатных и прославленных фамилий Франции: графа де Сегюра, посла при дворе Екатерины II, маркиза де Коленкура, герцога Виченцкого, представлявшего Францию при дворе Александра I; маршала Франции маркиза де Мезона и барона де Баранта — историка и публициста, почётного члена Петербургской академии наук, аккредитованных при дворе Николая I; графа де Морни, единоутробного брата Наполеона III, возглавлявшего французскую делегацию на коронации Александра II, ко двору которого постоянным представителем был назначен Л.-О.-Н. Ланн, 2-й герцог де Монтебелло. Его сын Г.-Л. Ланн, маркиз де Монтебелло был послом в России в царствование Александра III. При прощании с послом Т. Делькассе — французским политическим деятелем, в разное время занимавшим министерские посты, Николай II выказал особое расположение, дав 17 января 1914 г. в его честь «высочайший обед»⁴. Делькассе был отозван в Париж, чтобы вторично занять пост министра иностранных дел в сложный период углубившегося международного кризиса. В Санкт-Петербурге его сменил М. Палеолог.

Не ставя здесь сложной задачи всесторонней оценки дипломатической деятельности Палеолога в России, попытаюсь в общих чертах, следуя порядку записей в его дневнике⁵, рассказать о пребывании дипломата в российской столице, где он стал свидетелем и участником многих исторических событий, столетие которых приходится на 2017 г.

Жорж Морис Палеолог (Georges Maurice Paléologue) родился 13 января 1859 г. в Париже в семье румынского подданного, выход-

³ Деятельность дипломата долгое время не привлекала внимание исследователей, его первая научная биография появилась сравнительно недавно (*Halfond I. Maurice Paléologue: The Diplomat, the Writer, the Man, and the Third French Republic. University Press of America, 2007*).

⁴ См.: РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (219/2728). Д. 38 (Черновой камер-фурьерский журнал за 1914 г.). Л. 69–75.

⁵ В работе над статьёй использовался русский перевод: *Палеолог М. Дневник посла / пер. с фр. Ф. Ге, Л. Зайцева и Д. Протопопова. М., 2003*; в переводе, однако, немало неточностей и шероховатостей, так что при работе приходилось сверяться с французским оригиналом: *Paleologue M. La Russie des tsars pendant la Grande Guerre. 3 vols. Paris: Plon, 1922*.

ца из семьи греков-фанариотов Александра Палеолога (1824–1866), валахского революционера, вынужденного бежать во Францию после покушения на жизнь господаря Валахии Георге III Бибеску во время революции 1848 г., произошедшей в Дунайских княжествах⁶. В 1851 г. А. Палеолог женился на бельгийке Фредерике де Риддер (de Ridder, 1829–1902). Обладая прекрасными музыкальными способностями, госпожа Палеолог держала салон, который посещали композиторы К. Сен-Санс и Г. Форе, философы И. Тэн и Э. Ренан, и всячески развивала интеллектуальные дарования своего сына. Будущий дипломат учился в Лицее Людовика Великого, где подружился с Раймоном Пуанкаре, будущим президентом Франции. Со степенью лиценциата права М. Палеолог в 1880 г. начал дипломатическую карьеру, занимая в 1883 г. должность 3-го секретаря сначала дипломатической миссии в Танжере, а затем — посольства в Риме. В 1885 г. он возглавил специальную миссию в Пекин. С 1893 г. Палеолог работал в различных структурах МИД (политическом отделе, кабинете министра), в 1901 г. получил ранг полномочного министра 2-го класса и в 1906 стал членом чрезвычайного посольства в Мадрид на коронацию короля Испании. С 1907 г. Палеолог — дипломатический агент, с 1909 — посланник в Софии. С 1910 — в центральном аппарате МИД, где с 1912 по 1914 г. возглавлял политический отдел⁷. 12 января 1914 г. ввиду всё углубляющегося международного кризиса правительство Франции

⁶ Есть основания считать, что отец дипломата был незаконнорождённым ребенком Елизаветы Вэкэреску (Văcărescu), происходившей из боярского рода, и Александра Думитреску (Dumitrescu); мальчику была дана девичья фамилия бабушки — Палеолог (Paleologu). Если принять эту версию, то А. Палеолог участвовал в покушении на своего родственника, т.к. и мать Георге III Бибеску и его вторая жена (с 1845) были из рода Вэкэреску. Родство наших Палеологов с византийскими императорами весьма сомнительно (подробнее о родителях дипломата см.: *Djuvara N. Între Orient și Occident. Țările române la începutul epocii moderne, 1800–1848.* București, 1995. P. 131–132). М. Палеолог, как будто, не настаивал на своём знатном происхождении, однако, находясь в Москве в августе 1914 г., «с удовольствием» вспоминал о роли Софьи Палеолог в истории России, благодаря которой Иван III «стал считать себя наследником византийского престола» (*Палеолог М.* Указ. соч. С. 81).

⁷ См.: Archives Nationales. Site de Paris. Cote LH/2039/7 (Etat des services de M. Paléologue Georges Maurice) [Электронный ресурс]. // URL: http://www.culture.gouv.fr/LH/LH175/PG/FRDAFAN83_OL2039007V013.htm (дата обращения: 09.12.2017). Этому периоду деятельности дипломата посвящена книга: *Paleologue M. Au Quai d'Orsay: à la veille de la tourment: Journal, 1913–1914.* Paris: Plon, 1947, которая осталась для меня недоступной, равно как брошюра: *Silhouettes d'ambassadeurs Paul Cambon, Jules Cambon, Camille Barrère, J. J. Jusserand, Maurice Paléologue, Philippe Berthelot.* Paris: Pédone, 1953.

назначило Палеолога послом в Санкт-Петербурге. Ему была поставлена задача: в ожидании скорой войны всемерно усиливать русско-французские союзнические связи.

Дипломатическая миссия в М. Палеолога началась 4 февраля 1914 г., когда он вручил Николаю II верительные грамоты. Камер-фурьерский журнал даёт пространное описание торжественной церемонии приёма посла в Александровском дворце, ставшим для семьи императора «незаменимым укрытием, прибежищем тайных недугов и постыдных склонностей, надёжно маскирующим приезды и отъезды»⁸. Дипломат прибыл в Царское Село по железной дороге. Со станции «Императорский Павильон» (здание вокзала сохранилось в руинированном состоянии) парадная карета доставила его во дворец, где он был встречен обер-церемониймейстером, церемониймейстером, гофмейстером, двумя секретарями Церемониальной части министерства императорского двора, а также дежурным камер-юнкером «и в сопровождении сих Особ в предшествовании камер-фурьера, двух гоф-фурьеров и двух скороходов, залами дворца был проведён в малую библиотеку», где дипломата встретили обер-гофмаршал и дежурный флигель-адъютант. Из малой библиотеки для встречи с императором и вручения ему верительных грамот посол «был прошен» в Угловую гостиную, у дверей которой стояли два камер-пажа, при этом в Портретном зале ставился почётный караул лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. В дальнейшем Палеолог бывал и в других императорских резиденциях — Большом Царскосельском, Петергофском и Аничковом дворцах — и отмечал пышность придворного церемониала и живописность костюмов чинов двора.

После окончания торжественной приёмной аудиенции, посол «имел честь» представить императору сотрудников французского посольства «числом восемь лиц»⁹. «*Journal de Saint-Pétersbourg*» — печатный орган министерства иностранных дел — в рубрике «Новости Двора» привёл их список: полномочный министр М.-О.-Ж. Дульсе, 1-й секретарь посольства граф Л.-Ш. Пинетон де Шамбрэн, 2-й секретарь Ф. Сабатье д'Эспейран, атташе Ж.-Ф.-Ш. Дюлон, военный атташе генерал маркиз П.-А.-А.-В. де Лагиш, помощник военного атташе майор Верлен, коммерческий атташе Вотье¹⁰ и военно-

⁸ *Берар Е.* Империя и город. Николай II, «Мир искусства» и Городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. М., 2016. С. 286.

⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (219/2728). Д. 38 (Черновой камер-фурьерский журнал, январь-июнь 1914 г.). Л. 175 об.—176.

¹⁰ Газетная заметка даёт только фамилии и должности дипломатов, личность не всегда удаётся идентифицировать; имена Вотье и Верлена установить не удалось.

морской атташе капитан 2-го ранга Ж.-Ж. Галло¹¹. Кроме названных сотрудников посольства, в состав дипломатического корпуса традиционно включались супруги и незамужние совершеннолетние дочери дипломатов. В российской столице вместе со своими мужьями в это время находилась графиня М. де Шамбрэн, а также госпожа Галло и госпожа Верлен. Летом 1914 г. в качестве атташе посольства прибыли граф Луи де Робьен¹² и его супруга графиня Лор де Робьен. За исключением Сабатье д'Эспейрана, Вотье и Верлена, все названные лица работали под руководством Палеолога вплоть до завершения его дипломатической миссии. Дипломатам помогал вспомогательный персонал: технические секретари, шифровальщики, переводчики, машинистки, водители и т. д.

Французское посольство в Санкт-Петербурге с 1892 г. располагалось в доме № 10 по Французской (ныне Кутузова) набережной. Здание, построенное в 1816 г. генерал-лейтенантом А. У. Болотниковым, в 1842–1843 гг., в 1840-х перестраивалось в неоренессансных формах по проекту архитектора Г. А. Боссе¹³. Палеолог не оставил описания своей резиденции, но его преемник Ж. Нуланс отмечал, что «парадные залы были пышными, их украшали прекрасные гобелены, оценивавшиеся в миллионы франков. Один из залов был обставлен мебельным гарнитуром в стиле Марии-Антуанетты <...>, деревянный позолоченный декор которого вызывал в памяти самые лучшие образцы искусства XVIII века». Правда, по его признанию, помещения, предназначенные для проживания посла, не были ни

¹¹ Journal de St.-Petersbourg. Dimanche, 9/2 février 1914.

¹² В Петрограде Л. де Робьен вёл дневник, охватывающий период с 8 марта 1917 г. (н. ст.) до 11 января 1919 г. (с перерывами); записи велись в Петрограде, Вологде, Архангельске, Гельсингфорсе и Москве, последняя сделана по возвращении в Париж. Изданный сначала в английском переводе, а затем и в оригинале, этот дневник, наряду с трудами послов М. Палеолога и сменившего его Ж. Нуланса, а также британского посла Дж. Бьюкенен, является ценным и востребованным исследователями документом эпохи (*Robien L., de. The Diary of a Diplomat in Russia, 1917–1918 / transl. from the French by C. Sykes. London: Joseph, 1969; Journal d'un diplomate en Russie (1917–1918). Paris: Vuibert, 2017*).

¹³ Дом не раз менял владельцев. В 1825 г. его купил генерал и сенатор кн. В. С. Трубецкой, при котором в 1827–1830 гг. там жил А. Н. Оленин — президент Академии Художеств и директор Публичной библиотеки; затем здание перешло к генерал-майору А. В. Пашкову. При его сыне, гвардии полковнике В. А. Пашкове, в доме проходили собрания религиозной секты пашковцев. В середине XX в. (1952–1960 г.) здание занимал институт полупроводников, в нём работал академик А. Ф. Иоффе (мемориальная доска). В настоящее время там находится Институт прикладной астрономии РАН.

роскошными, ни комфортными¹⁴. Фотографии парадных интерьеров посольства Франции (как и других дипломатических миссий) в начале XX в. сделал известный петербургский фотограф К. К. Булла. До сих пор в доме сохраняются лестницы и вестибюли, планировка парадных помещений с огромными окнами, камин, лепнина (частично) на потолках и стенах залов.

Французское посольство работало в постоянном контакте с другими дипломатическими представительствами. До начала войны посольствами в Санкт-Петербурге были представлены 9 государств: Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, США, Турция, Франция и Япония; около 30 стран (цифра колебалась) имели представительства более низкого ранга. Всего через дом от посольства Франции, в № 14 по Французской набережной, располагалось посольство Японии; в доме 4 по Дворцовой набережной (Дом Салтыкова), продолжавшей Французскую, — посольство Великобритании, которое возглавлял сэр Дж. У. Бьюкенен — дуайен дипломатического корпуса и постоянный собеседник Палеолога. Неподалеку, на Фурштатской улице, находились посольства США (№ 32) и Испании (№ 52). Посольство Италии размещалось в доме № 43 по Большой Морской улице.

Министерство иностранных дел, где дипломаты проводили немало времени, занимало восточное (левое) крыло здания Главного штаба (в 1988 г. помещения бывшего МИД переданы Государственному Эрмитажу). За время пребывания в России Палеологу довелось работать с тремя министрами иностранных дел Российской империи: С. Д. Сазоновым, Б. В. Штюрмером и Н. Н. Покровским. Последний так характеризовал посла: «Очень живой и симпатичный человек, старый холостяк, любитель женского пола, весёлый как все французы, всегда очень ревниво относился к защите французских интересов, к русским же делам [не] проявлял большую любознательность. Он был слабо осведомлён в делах того государства, где, однако, жил в течение нескольких лет <...>. Окружавшие его сотрудники были в этом отношении не лучше его»¹⁵.

В самом начале июня 1914 г. Палеолог был отозван в Париж для консультаций, связанных с подготовкой визита в Санкт-Петербург президента Франции Р. Пуанкаре, целью которого было выработка общей политической линии в условиях международного кризиса.

¹⁴ *Noulens J.* Mon Ambassade en Russie Soviétique, 1917–1919. 2 Vols. Paris: Plon, 1933. P. 23.

¹⁵ *Покровский Н. Н.* Последний в Маринском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 191.

В Россию посол возвратился 26 июня. Р. Пуанкаре вместе с премьер-министром Р. Вивиани прибыли в Петергоф морем 7 (20) июля. Их визит длился три дня. Подробным описанием этого визита, за участие в котором Николай II наградил Палеолога орденом Александра Невского, дипломат начинает свой петербургский дневник¹⁶.

10 (23) июля 1914 г. Пуанкаре с Вивиани отбыли на родину, 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России, а ещё через день — Франции. 20 июля (2 августа) Николай II обратился к народу с манифестом о начале войны с Германией. В Николаевском зале Зимнего дворца состоялся «высочайший выход» к торжественному молебствию «о ниспослании русскому оружию победы над врагом». «Я единственный иностранец, допущенный к этому торжеству как представитель союзной державы», — записал Палеолог в этот день¹⁷. Документ свидетельствует, однако, что во дворец был также приглашён сербский посланник Мирослав Спалайкович¹⁸, а текст телеграммы Палеолога в МИД — что в царской резиденции были в этот день все сотрудники посольства¹⁹. Присутствовавший там начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А. А. Мосолов вспоминает «особую овацию», адресованную Палеологу, «представителю нашей славной союзницы»²⁰.

23 июля (5 августа) император вызвал Палеолога в Александрию и почти без церемоний принял его в Коттедже, своей летней резиденции. Он пожелал выразить «самую сердечную благодарность» правительству вступившей в войну Республики. «Показав себя столь верной союзницей, Франция дала миру незабвенный пример патриотизма и верности», сказал император²¹.

Дневниковые записи первых месяцев войны содержат наблюдения дипломата над проявлениями патриотического подъёма, охватившего разные слои российского общества: он отмечает горячий военный энтузиазм и твёрдое намерение до конца следовать союзническому долгу. На этом этапе основной своей задачей дипломат считал всемерное поддержание подобных настроений. Главным оп-

¹⁶ Записи в дневнике Палеолога датированы по григорианскому календарю, в то время как на территории России ещё сохранялся юлианский календарь.

¹⁷ Палеолог М. Указ. соч. С. 46.

¹⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1825 («О Высочайшем выходе в Зимнем Дворце, 20-го июля, на молебствие по случаю объявления войны с Германией. 1914»). Л. 2.

¹⁹ Documents diplomatiques françaises (D.D.F.). Sér. 3. № 623. P. 622.

²⁰ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С. 243.

²¹ Палеолог М. Указ. соч. С. 52.

понентом в этом вопросе ему представлялся граф С. Ю. Витте, убеждённый, что война станет для России катастрофой. 10 сентября 1914 г. граф нанёс визит во французское посольство (он познакомился с Палеологом в Париже ещё в 1905) и вступил с дипломатом в дискуссию о войне. Позднее, «прокрутив в уме эту долгую беседу», посол пришёл к мысли, что распространение идей Витте «для страны со столь эмоциональным и нестабильным общественным мнением» может стать «пагубным»²². В день скорострительной смерти Витте 28 февраля (13 марта) 1915 г., телеграфируя об этой новости в МИД, посол добавил: «Большой очаг интриг погас вместе с ним»²³.

8 (21) ноября 1914 г. Николай II вновь принимал Палеолога в Александровском дворце, на этот раз — в своём рабочем кабинете. Аудиенция, носившая частный характер, продолжалась около полутора часов. Разговор шёл о готовности вести войну до полной победы над Германией, о желательности выработки совместного плана на случай, если Германия и Австро-Венгрия захотят вступить в переговоры о мире, об «общих основаниях мира» и необходимости уничтожения германского милитаризма и империи Гогенцоллернов²⁴.

С началом войны в центре внимания дипломата находились сводки с фронтов, число которых росло по мере того, как в войну на стороне Германии вступили Австро-Венгрия, Османская империя и Болгария; его дневник пестрит записями о военных победах и поражениях союзников. Обязанностью посла была подготовка визитов и многочисленных французских делегаций, приезжавших для переговоров с российской администрацией по военным проблемам, и участие в их приёмах. Так, в марте 1915 г. в российскую столицу прибыл генерал П. По (*Pau*), назначенный французским представителем при Ставке Верховного главнокомандующего. В конце ноября — начале декабря 1915 г. с официальным визитом прибыл сенатор П. Думер с целью убедить российское командование перебросить во Францию войска численностью в 400 тыс. человек. 22 апреля (5 мая) 1916 г. Р. Вивиани, теперь министр юстиции, и А. Тома, министр вооружений, приехали, чтобы «выяснить военные ресурсы России и постараться дать им большее развитие»²⁵, а также настоять на отправке во Францию значительной части российского воинского контингента. 16 (29) января 1917 г. в Петроград на конференцию союзников съеха-

²² Там же. С. 107.

²³ Там же. С. 262.

²⁴ Journal de St.-Petersbourg. Mardi, 11/24 novembre 1914; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 166–175.

²⁵ *Палеолог М.* Указ. соч. С. 503.

лись делегаты от Франции (её возглавил министр колоний Г. Думерг), Великобритании и вступившей в войну ещё в мае 1915 г. Италии. Наконец, в середине апреля 1917 г., уже при Временном правительстве, в Петроград прибыли французские социалисты М. Муте, М. Кашен и Э. Лафон с целью выяснить, способна ли новая Россия продолжать войну. Последний, кого Палеолог встречал в Петрограде 9 (22) апреля 1917 г., вновь был А. Тома.

Для получения разнообразной и достоверной информации дипломату необходимо было приобрести знакомства при дворе, в аристократических, правительственных, общественных кругах. Со временем Палеолог был представлен всем членам императорской фамилии и полагал, что у него сложились особо доверительные отношения с великими князьями Павлом Александровичем и Николаем Михайловичем, а также с великой княжной Марией Павловной. Посол вступил в Императорский яхт-клуб, членом которого были великие князья, чины императорского двора, высокопоставленные чиновники и гвардейские офицеры. Дипломаты, принимавшиеся в клуб без баллотировки, узнавали там последние новости — придворные, общественные, политические²⁶. Он сблизился со многими представителями петербургской знати, стал завсегдатаем великосветских салонов, свёл знакомство с членами Государственной Думы, заседания которой регулярно посещал. Тёплые отношения связывали Палеолога с проживавшими в столице польскими аристократами. Его волновал вопрос о восстановлении Польши, беспокоило бедственное положение евреев Польши и Литвы, для которых война стала «величайшей катастрофой из всех тех, которые когда-либо приходились на их долю»²⁷.

Несмотря на военное положение, культурная жизнь российской столицы не прекращалась вплоть до начала революции. Посол посещал Эрмитаж, регулярно бывал в Мариинском театре, на сцене которого тогда блистали Матильда Кшесинская и Тамара Карсавина (балерина входила в близкий круг знакомых Палеолога²⁸), старался не пропускать выступления Фёдора Шаляпина в Народном доме, приглашал в посольство молодого композитора Сергея Прокофьева, который исполнял там свои произведения. Дневник свидетельствует о знакомстве Палеолога с русской историей, литерату-

²⁶ Санкт-Петербургский Императорский яхт-клуб находился в Доме Лобановых-Ростовских по адресу: Большая Морская ул., 31.

²⁷ *Палеолог М.* Указ. соч. С. 154.

²⁸ Т. П. Карсавина в 1915 г. вышла замуж за секретаря британского посольства в Петрограде Г. Д. («Бенджи») Брюса.

рой, музыкой. Из числа деятелей культуры, с которыми Палеолог познакомился в России, он особенно ценил общество А. Н. Бенуа. «Даже с точки зрения политической, — записал дипломат в марте 1916 г., — беседа с ним часто была для меня драгоценна, потому что у него много связей не только с цветом представителей искусства, литературы и университетской науки, но и с главными вождями либеральной оппозиции... Его личное мнение, всегда основательное и глубокое, имеет тем больше цены в моих глазах, что он — в высшей степени характерный представитель того активного и культурного класса, <...> который называется интеллигенцией»²⁹. На страницах дневника А. Н. Бенуа французский посол тоже упоминается не раз: Александр Николаевич бывал с визитами в посольстве Франции, а Палеолог посещал дом супругов Бенуа (из числа сотрудников французского посольства ещё граф де Шамбрэн, а также граф и графиня де Робьен бывали в доме Бенуа, графиня, в частности, приходила туда на уроки рисования). Иллюстрацией может служить запись, сделанная 24 ноября (7 декабря) 1916 г.: «Дома в 8 ч. грандиозный обед в честь Палеолога за столом, раздвинутым во всю его длину. <...>. Милый Палеолог *faisait la roue*³⁰ перед дамами, рассыпался в обаятельности, рассказывал с большим остроумием исторические анекдоты. Разошлись около одиннадцати. Палеологу я изготовил меню с видом венецианской *Salute*³¹ (у него такой же культ Венеции, как у меня)³².

Французского дипломата не оставляла равнодушным красота российской столицы — ей посвящены многие страницы дневника, восхищали белые ночи: «В это время года, когда темнота северной ночи не длится более двух часов, когда атмосфера словно перенасыщена светом, Петроград постоянно заставляет меня думать о Венеции. Река, острова, каналы, изогнутые мосты и дома с розовыми фасадами; солёный привкус вечернего морского ветерка, дующего с Финского залива; запах смолы, тины и плесени, который чувствуется на набережных; необъятная воздушная перспектива, знаменитая яркостью неба, прозрачностью и изменчивостью теней, — всё это зрелище перед глазами заставляет меня ежеминутно думать о том, что я нахожусь в Венеции. Когда мне хочется, чтобы иллюзия была совсем полной, я отправляюсь на вечернюю прогулку в лесопарк в конце Крестовского острова <...>»³³.

²⁹ Палеолог М. Указ. соч. С. 49–50.

³⁰ Бенуа А. Н. Мой дневник, 1916–1917–1918. М., 2003. С. 50.

³¹ Т.е. венецианской базилики Санта-Мария-делла-Салуте в Венеции.

³² Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 49–50.

³³ Палеолог М. Указ. соч. С. 305.

Частыми собеседниками французского посла были министр внутренних дел Н. А. Маклаков, председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, председатель Государственной думы М. В. Родзянко. С симпатией отзывался дипломат об историке М. М. Ковалевском, а также о П. Н. Милюкове, А. И. Шингарёве, А. И. Гучкове, которых считал «генеральным штабом» и цветом либеральной интеллигенции. У А. И. Путилова, «виднейшего русского заводчика-металлурга и финансиста-миллионера», дипломат ценил «дух инициативы и творчества» и всегда получал «удовольствие и пользу от встреч с этим дельцом, человеком оригинальной психологии»³⁴.

В марте 1916 г. Палеолог просил императора принять его, чтобы изложить «программу цивилизаторской деятельности, которую Франция намерена предпринять в Сирии, в Киликии и Палестине»³⁵ после победы над державами Тройственного союза. Аудиенция была дана в Ставке верховного главнокомандующего в Барановичах 3 (16) марта 1916 г.

Имя Ленина впервые встречается в дневнике в записи, сделанной в октябре 1914 г.: «Один из моих информаторов, который вхож в круги прогрессивно настроенной части русского общества, сообщил мне, что в настоящее время там живо дискутируется один странный тезис, автором которого является анархист Ленин, русский эмигрант в Швейцарии. <...> Он провозглашает, что военное положение России является необходимой прелюдией к свершению русской революции и условием её успеха. Следовательно, он призывает русский пролетариат всеми средствами способствовать победе немцев». Информатор утверждал, что «эта абсурдная доктрина не встречает никакой поддержки среди рабочих, за исключением анархистов»³⁶. В октябре того же года дипломата информировали о «весьма активной работе социал-демократической партии и, в особенности, её крайней фракции, большевиков»³⁷.

Тяжёлое впечатление произвело на Палеолога убийство Распутина, фигура которого интересовала дипломата и с которым он был знаком лично. Их случайная встреча и беседа о войне состоялись 11 (24) февраля 1915 г. в доме «Г-жи О». Тогда Распутин спросил дипломата, получит ли Россия Константинополь в случае победы. «Да, если мы победим», — заверил Палеолог³⁸. Причины и механиз-

³⁴ Там же. С. 306.

³⁵ Там же. С. 266. Имеются в виду планы союзников по разделу Османской империи.

³⁶ *Палеолог М.* Указ. соч. С. 149.

³⁷ Там же. С. 594.

³⁸ Там же. С. 254–258.

мы влияния «старца», в частности, на императрицу весьма занимали французского посла. В этой связи примечательна запись 17 (30) мая 1915 г.: «Думая о всё возрастающем влиянии Распутина и о его пагубной деятельности в области русской политики, я иногда размышляю над тем, а не стоит ли союзникам попытаться использовать мистические и другие дарования этого чародея для собственного блага путём его подкупа...»³⁹. В день, когда тело «царского друга» было найдено, А. Н. Бенуа записал: «В 4 ч., как и следовало ожидать, Палеолог — весь какой-то заряженный сенсационными сведениями об убийстве Распутина». Однако посол «отнюдь не считает, что это убийство есть какой-то поворот к лучшему. Он снова заговорил о грядущей анархии»⁴⁰.

25 декабря 1916 г. (7 января) 1917 г. Палеолог получил у императора аудиенцию, которой добивался, чтобы высказать всё, что у него «накипело»: русское командование не спешило с переброской воинских частей на Румынский фронт. Разговор, однако, не получился. Согласно воспоминаниям дипломата, император остался безучастным, он чувствовал себя «подавленным и побеждённым событиями», не верил более «ни в свою миссию, ни в своё дело», «отрёкся внутренне», «примирился с мыслью о катастрофе и готов на жертву»⁴¹.

1 (14) января 1917 г. Николай II последний раз принимал новогодние поздравления дипломатического корпуса в Большом зале Царскосельского дворца. Экстренный поезд отправился из Петрограда «с императорского пути» в 2 часа 35 минут дня. «Жестокий холод: — 38 градусов, — записал Палеолог. — Лошади, впряжённые в придворные экипажи, ожидающие нас перед императорским вокзалом, обледенели»⁴². Традиционная церемония поочерёдного представления императору лиц дипломатического корпуса (*cercle diplomatique*) была соблюдена: на торжественном приёме присутствовали министры императорского двора и иностранных дел, первые чины двора, чиновники церемониальной части, дворцовый комендант. На верхней площадке парадной лестницы стоял караул дворцовых гренадер. «Лицам, приносившим поздравление, подавался чай с рук»⁴³. Но посол Италии и Палеолог «одновременно»

³⁹ Там же. С. 301.

⁴⁰ Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 64.

⁴¹ Палеолог М. Указ. соч. С. 678–679. Этот пассаж из дневника посла представляется, однако, более поздней вставкой в текст.

⁴² Палеолог М. Указ. соч. С. 688.

⁴³ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (1 доп.). Д. 23 (Камер-фурьерский журнал. Январь 1917 г.). Л. 4.

сделали одно и то же наблюдение: «во всей пышной и покрытой галунами свите, сопровождающей царя, нет ни одного лица, которое не выражало бы тревоги...»⁴⁴.

18 (31 января) 1917 г. «от 11 час<ов>» Николай II принимал в Александровском дворце послов Великобритании, Италии и Франции, сопровождавших представителей своих государств, прибывших в Петроград на конференцию для обсуждения военных вопросов. Делегаты «имели честь представляться» в Портретном зале. По окончании церемонии император и делегаты «изволили сняться в фотографической группе»⁴⁵. Через два дня в Овальном зале того же дворца император давал парадный обед для «первых делегатов» конференции союзников. Дипломат отметил «совершенно буржуазную простоту» меню обеда, «к которому принуждают моральные обязательства во время войны»⁴⁶. После кофе императрица в своих апартаментах по очереди принимала глав делегаций. «После бесконечной серии завтраков, обедов, приёмов в посольстве, в Министерстве финансов, в русско-французской Торговой палате, в квартире председателя Совета министров, в городской думе, у великой княгини Марии Павловны, в Яхт-клубе и т. д.», на которых обязан был присутствовать посол, «иностранные делегаты отправляются, наконец, обратно на Запад... через арктический Ледовитый океан»⁴⁷, а Николай II 22 февраля (7 марта) отбыл в Ставку в Могилёв, откуда вернулся в свой дворец уже «бывшим царём», гражданином Николаем Романовым.

Сразу после отъезда императора в Петрограде начались массовые волнения. «В воздухе столицы чувствуется восстание», отметил дипломат 23 февраля (8 марта) 1917 г. Однако на следующий день во французском посольстве состоялся приём. А. Н. Бенуа записал в дневнике: «Сегодня состоялся большой обед у Палеолога. Начинает твориться что-то неладное! На Выборгской стороне произошли большие беспорядки из-за хлебных затруднений (надо только удивляться, что они до сих пор не происходили!). Гр. Робьен видел из окон посольства, как толпа рабочих на Литейном мосту повалила вагон трамвая и стала строить баррикаду. Навстречу им поскакали жандармы, и произошла свалка. Разобрать дальнейшее было трудно... <...> Что же касается Палеолога, то очень характерно для него, что он, в качестве эстета, особенно скорбит о том, что “больше не

⁴⁴ Палеолог М. Указ. соч. С. 689.

⁴⁵ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (1 доп.). Д. 23. Л. 4, 23.

⁴⁶ Палеолог М. Указ. соч. С. 702–703.

⁴⁷ Там же. С. 713.

слышит Вагнера” и что Франция совершенно угнетённо обезображена индустриализацией, расплзающейся по стране, как саркома»⁴⁸.

Действительно, как дневник дипломата за эти дни, так и текст его телеграмм в МИД, выглядят беспристрастной хроникой событий, исход которых ему безразличен. 28 февраля (13 марта) толпа восставших остановила французского посла у Летнего сада. На настойчивый призыв поприветствовать русскую революцию, он воскликнул: «Я не могу лучше почтить русскую свободу, как предложив крикнуть вместе со мной “Да здравствует война!”»⁴⁹. Удержание России в войне — единственное, что заботило Палеолога.

Не выражая никаких сожалений по поводу падения царизма, 2 (15) марта 1917 г., в день отречения Николая II, Палеолог вспомнил, что «уже месяцы несчастный монарх чувствовал себя осуждённым», «давно уже он внутренне принёс эту жертву и примирился со своей участью»⁵⁰. Посол настаивал, чтобы только что сформированное Временное правительство «не откладывало дальше торжественного объявления своей воли продолжать войну до конца и подтверждения верности Союзу»⁵¹.

11 (24) марта в 5 часов вечера послы Британии, Италии и Франции прибыли в Мариинский дворец на официальную церемонию признания Временного правительства, прервавшего заседание для приёма послов. Как дуайен дипломатического корпуса, первое слово взял Бьюкенен, подчеркнувший, что «союзники признают новое правительство в твёрдой надежде, что обновлённая Россия не остановится ни перед какими жертвами для того, чтобы остаться верной союзническому долгу»⁵².

Французскому дипломату довелось, хоть и недолго, работать с двумя министрами иностранных дел Временного правительства: П. Н. Милюковым и М. И. Терещенко. Милюков считал Палеолога дипломатом «старой школы», находил, что он «хорошо осведомлён» о России, но при этом «полон мрачных предчувствий» из-за «неизбежного ослабления военной мощи России после переворота»⁵³. Сам же Палеолог оценивал деятельность Временного правительства следующим образом: «Ни один из людей, стоящих в настоящее время у власти, не обладает ни политическим кругозором, ни решительно-

⁴⁸ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 109.

⁴⁹ Палеолог М. Указ. соч. С. 736.

⁵⁰ Там же. С. 679.

⁵¹ Там же. С. 751.

⁵² Journal de Pétrograd. Mardi, 14–27 mars 1917.

⁵³ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 488–489.

стью, ни бесстрашием и смелостью, которых требует столь ужасное положение». Прогнозируя перспективу развития событий, решающее место он отводил Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов: «Назову лишь Чхеидзе, Церетели, Зиновьева и Аксельрода. Вот настоящие герои начинающейся драмы»⁵⁴. Впрочем, характеристика взаимоотношений французского посла и Временного правительства выходит за рамки данной работы⁵⁵.

Полагая, что интересы дела требуют, чтобы он передал свои полномочия, ибо «пользовался доверием старого режима» и «не питал доверия к новому», 23 марта (5 апреля) 1917 г. Палеолог телеграфировал в МИД о своей готовности уступить место⁵⁶.

9 (22) апреля 1917 г. в Петроград приехал А. Тома, чтобы поддержать Временное правительство и обеспечить продолжение участия России в войне⁵⁷. Кроме того, он привёз приказ об отставке Палеолога, которого министерство сочло неподходящим для работы с новым правительством.

31 апреля (13 мая) 1917 г., совершая прощальные визиты, французский посол остановил машину у «Медного всадника» с мыслью: «Если бы Пётр Алексеевич воскрес на миг, какой жестокой скорбью терзался бы он, видя, как совершается или готовится разрушение его дела, отказ от его наследства, отречение от его мечтаний, распад империи, конец русского могущества»⁵⁸.

(2) 15 мая Миллюков дал прощальный завтрак в честь Палеолога, на следующий день дипломат покинул Петроград, оставив поверенным в делах Ж. Дульсе. Фактически же посольством руководил А. Тома — вплоть до приезда в июле Ж. Нуланса, который стал свидетелем Октябрьской революции и при котором посольство Франции и дипломатические представительства других государств вынуждены были переехать в Вологду, ставшую на время дипломатической столицей России⁵⁹. С отъездом из России Ж. Нуланса русско-французские дипломатические отношения прервались до 1924 г., когда Франция 28 октября 1924 г. признала советскую Россию.

⁵⁴ Палеолог М. Указ. соч. С. 752, 753.

⁵⁵ 16 телеграмм Палеолога в МИД за период с 11 по 16 марта 1917 г. (н. ст.) см.: *La Révolution de 1917 vue par Maurice Paléologue, ambassadeur a Petrograd // Trésors et secrets du Quai d'Orsay / par P.-J. Rémy. Paris: JC Lattes, 2001. P. 699–705.*

⁵⁶ Палеолог М. Указ. соч. С. 784.

⁵⁷ О визите А. Тома в Петроград и публикацию дневника его пребывания в России см.: *Sinanoglou I. Journal de Russie d'Albert Thomas, 22 avril – 19 juin 1917 // Cahiers du monde Russe. Vol. 14. № 1–2. Janvier–juin 1973. P. 86–204.*

⁵⁸ Палеолог М. Указ. соч. С. 825.

⁵⁹ См.: *Быков А. В., Панов Л. С. Дипломатическая столица России. Вологда, 1998.*

По возвращении на родину М. Палеолог работал в центральном аппарате МИД, в 1920–1921 гг. был его генеральным секретарём и играл одну из ключевых ролей в подготовке военной интервенции против советской России. Декретом от 8 сентября 1920 г. возведён в достоинство Великого офицера Почётного легиона. После выхода в отставку в 1921 г. он посвятил себя литературной деятельности, создав ряд исторических трудов, в том числе по российской истории⁶⁰, о которых В. Н. Воейков, последний дворцовый комендант, позднее отозвался нелестно: «Морис Палеолог использовал свою миссию посла при русском Дворе отчасти и для обогащения французской литературы произведениями, дававшими его соотечественникам сведения довольно сомнительного свойства, так как он знакомился с жизнью России по циркулировавшим в петербургском обществе сплетням»⁶¹.

В 1928 г. Палеолог был избран во Французскую Академию, куда безуспешно баллотировался в 1923 и 1924 гг. Он скончался 21 ноября в 1944 г. в Париже, уже освобождённом от немецкой оккупации, в своей квартире на *rue de Téhéran* (8-й округ). Похоронен на кладбище в Пасси.

Как уже говорилось, оценка дипломатической активности французского посла в России не была задачей данной статьи⁶², для её решения необходимо изучение материалов личного фонда посла в Дипломатическом архиве Франции⁶³ и дипломатической корреспонденции⁶⁴. Замечу только, что для поставленной

⁶⁰ Перечисление всех трудов дипломата заняло бы много места. Приведу лишь связанные с нашей темой: *La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre*. 3 vol. Paris: Plon, 1921; *Un grand tournant de la politique mondiale (1904–1906): Guillaume II et Nicolas II*. Paris: Plon, 1934; *Les précurseurs de Lénine*. Paris: Plon, 1938; *Aux portes du Jugement Dernier: Elisabeth Feodorovna, grande duchesse de Russie*. Paris: Plon, 1940.

⁶¹ *Воейков В. Н. С царём и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 72.*

⁶² Из краткой статьи о М. Палеологе в «Дипломатическом словаре»: «Прилагал усилия к укреплению франко-русского союза. Содействовал вовлечению в войну Румынии, а также участвовал в заключении англо-франко-русского секретного соглашения 1915 г. о проливах и в переговорах о присоединении России к Сайкс-Пико соглашению. После свержения самодержавия настаивал, чтобы Временное правительство торжественно заявило, что оно будет продолжать войну до конца и сохранит верность союзу <...>». (Дипломатический словарь / гл. редакция А. А. Громыко, И. Н. Земсков, В. М. Хвостов. М., 1971. С. 451).

⁶³ Archives du Ministère des affaires étrangères. Papiers d'agens – Archives privées (РААР–133: Papiers Maurice Paléologue, 1859–1944).

⁶⁴ Значительное число донесений Палеолога из С.-Петербурга/Петрограда за 1914–1915 гг. опубликовано в известном издании «Documents diplomatiques

ему задачи удержания России в войне Палеолог приложил все усилия.

Личность дипломата едва ли может вызвать симпатию у русского читателя дневника (его пространные рассуждения о русском народе, русском характере, русской женщине выдают полную его неосведомлённость в этих вопросах). Однако дневник даёт (при всей его тенденциозности) обширный и ценный материал для изучения дипломатических контактов между государствами в период Первой мировой войны, а также для характеристики отношений к международному конфликту представителей разных слоёв русского общества. Этот памятник эпохи ещё ожидает своего исследователя, а также научного, комментированного издания.

française»: D.D.F. 1914 (2 août – 31 décembre). Paris, 2003; D.D.F. 1915. T. I (1^{er} janvier – 25 mai). Paris, 2002; D.D.F. 1915. T. II (26 mai – 15 septembre). Paris, 2003; D.D.F. 1915. T. III (15 septembre – 31 décembre). Paris, 2004.

ФРАНЦУЗЫ В РОССИИ

Александр Алексеевич Добренко
(Санкт-Петербург)

Старшина Гильдии судомodelистов Санкт-Петербурга

К вопросу о найме мастеров эпохи европейского путешествия 1716–1717 годов: отец и сын Пангало на русской службе

Споры о том, какой из Пангало был нанят в 1716 г. и служил в России, ведутся давно и разгорелись в самом конце 1990-х гг. в связи с находками П. Кротова, считающего, что отец умер во Франции, а в Россию приехал его сын, не имевший нужной квалификации. Однако детальный анализ известных материалов показывает, что на двух человек, — отца и сына Пангало, — имеются данные о трёх смертях, что нельзя не признать избыточным. В статье предполагаем прояснить ситуацию и предложить реконструкцию событий, позволяющую объединить без внутренних противоречий все известные на сегодня факты, представить, кто из семейства Пангало и когда приезжал в Россию, а также чем они конкретно занимались.

Блез Пангало родился в 1650 г. на острове Искья в 20 милях от Неаполя. При рождении он получил неаполитанское имя Бьяджио. Во Франции, куда он прибыл с обозом маршала Турвиля в 1680 г., Пангало сменил имя на Блез. Есть переписка Турвиля с Кольбером,

где маршал высоко отзывается о необыкновенной форме кормы кораблей, построенных Блэзом Пангалом. Первый свой заказ Пангало получает в 1682 г. и в 1683 спускает на воду фрегат «Ла Лежер». Модель этого фрегата хранится в Центральном Военно-морском музее в Санкт-Петербурге. Всего Пангало построил 17 кораблей и 13 фрегатов. Последним из них был «Аргонавт» 1708 г.

С 1708 по 1716 г. — пробел в его биографии. Но дальше начинается интересное. В России сохранилась переписка Петра I со своим верным слугой Конаном Зотовым, который обнаружил мастера Пангало в Померании. Напарником Зотова был некий итальянец. Предположительно, он мог лично знать Блэза Пангало.

В результате переговоров Пангало был нанят на русскую службу, что подтверждается документами¹. Далее возникает исторический прецедент. Пётр заказывает мастеру Пангалу лёгкий фрегат, который должен быть построен во Франции на подставное имя, чтобы не дискредитировать французского мастера перед своим королём: Россия воюет со Швецией, а Франция симпатизирует последней. Об этом свидетельствуют документы из петровской переписки, которые приводит в своей книге Берх²:

Страница 123. Послу князю Василию Долгорукому.
16 июня 1717 года из Парижа. Пётр.

Велели мы отправить из Французской пристани Гавр де Грас один Гукор в Петербург, на котором будет мастеровых людей со 100 человек и больше, да матросов и солдат наших, которые на тот же гукор придадутся, человек 60, или 70.

И когда оной в Копенгаген придет, тогда вели им дать провианту, соли, круп и вина на месяц. И понеже, мяса, масла и пива готового нет, то вели продать провианту и на деньги оное им купить, и отдать именно Шипору, чтоб он тот провиант вышеупомянутым пассажирам давал с запискою, и приехав в Петербург, подал оному расход.

Страница 133. Послу князю Василию Долгорукому.
2 августа 1717 года из Амстердама.

Когда придет в Копенгаген гукор наш именуемый Кроншлот из Французской пристани Гавр де Грас, с мастеровыми людьми Французами и прочим. Тогда по первоначальному тебе Указу, дайте тем мастеровым людям на проезд до Петербурга провианту и отправьте с тем гукором в конвое фрегат Ландсдоу.

¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 27.

² Берх В. Н. Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Часть 3, стр. 123. Послу Князю Василию Долгорукому. 16 июня 1717 г.

Страница 135. Послу князю Василию Долгорукому.

Письмо твоё Августа от 6-го дня до Нас дошло в котором пишешь, что гукор наш отправленный из Франции с мастеровыми людьми, Датчане задержали за пошлину. И пониже на том гукоре, кроме помянутых мастеровых никаких товаров нет, токмо положена некоторая Наша собственная посылка, а именно: несколько свинцовых статуй, каменных педесталов и огородных горшков. И ежели паче чаяния того Гукора они еще не отпустят, то старайся дабы оный как наискорее был отпущен и отправлен в Петербург. И отправь за ним в конвой фрегат Ландсдоу, как Мы прежде писали.

Во французском Гавре Пангало строит для царя лёгкий фрегат (для конспирации фрегат проходит по документам как гукор) (илл. 1).



*Илл. 1. Модель гукора «Кроншлот».
Автор Алексей Баранов. Частная коллекция.*

По окончании строительства все мастеровые, принимавшие участие в строительстве корабля, во главе с мастером на построенном фрегате в 1717 г. прибывают в Россию. Фрегат для конспирации объявляется голландским и называется «Гукур Кроншлот»³.

Пангало строит в Петербурге машину для вытягивания кораблей на берег для ремонта: «Сделать геленг (элинг) французским маниром с машиною, чтоб всякие большие корабли можно вытягивать было на землю»⁴ (илл. 2).

Чуть позже Пангало получает заказ от Петра I на постройку 66-пушечного корабля: «Чтобы корабельному мастеру французскому заложить один корабль длиною 151 фут английских и широта и глубина в воде по своему рассуждению только чтобы на середине не выше был от воды как в воде, также корма б была круглая»⁵.

³ Там же.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 166. Л. 34. Письмо К. Крюйса Ф. М. Апраксину от 21 июля 1718 г.; Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 106. Пётр I Черкасскому 22 августа 1718 г.

⁵ Там же. Д. 87. Л. 180. Пётр I. Собственноручное. 1718 год, марта 28. Мемория господину Вице-Адмиралу Крейцу.

Закладка состоялась в 1719 г. Далее Пётр I постоянно интересуется ходом постройки корабля⁶. Существует интересная рукопись английского капитана на русской службе Джона Дена под названием «История Российского флота в царствование Петра Великого». В ней Ден описывает смерть Пангалло в России.

Если верить этой рукописи, написанной в России в 1723 г., то весной (в апреле—мае) 1720 г. французский инженер умер, простудившись при строительстве машины по вытягиванию кораблей на берег.

На этом сделаем короткую паузу и вернёмся чуть назад, к версии доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Павла Кротова, который в 1999 г. в журнале «Морская история» написал обширную статью о мастере Пангалло. Он предлагает версию, согласно которой на службу был нанят не отец, а сын Пангалло. Его аргументы, как и мои, базируются на одних и тех же документах, только понимание их у нас разное.

В России в Архиве иностранных дел существует сертификат о смерти Пангалло, датированный 1722 г. Он опубликован⁷.

«Санкт-Петербург,
25 сентября 1722 года.

Согласно распоряжения Совета от 23 августа, имею честь приложить к этому скромному посланию Свидетельство о смерти господина Пангалло, который был королевским строителем и был направлен на службу Царице Господином Правящим Регентом с предоставлением жалованья 600 рублей в течение первого года и жилья с двумя прислугами на иждивении, которое увеличивается, если не будет возможности существовать на эту сумму, которая соответствует 100 французским франкам. Жалование ему было повышено на 1000 ливров сверх получаемого вознаграждения в 600 рублей...».



Илл. 2. Автограф Жозефа Пангалло, сына Блэза Пангалло, на чертеже 66-пушечного корабля «Пантелеймон-Виктория». 1719. РГА ВМФ.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 12. Л. 352. Пётр I А. Д. Меншикову из Риги 2 апреля 1721 г.; Л. 360. Пётр I А. Д. Меншикову из Риги 15 апреля 1721 г.; Л. 410. Пётр I А. И. Ушакову 29 апреля 1721 г.

⁷ Общий морской список. СПб., 1885–1907. Ч. 1: От основания флота до кончины Петра Великого. С. 299; Сб. РИО. Т. 49. СПб., 1885. С. 104.

Но ведь существует письмо Конана Зотова Петру I от августа 1716 г.⁸ о французе, корабельном мастере: «...а он из лучших мастеров королевских...».

Если внимательно проанализировать это письмо, то можно прийти к выводу, что на русскую службу был нанят именно опытный отец, а не его сын. Не мог 26-летний Конан Зотов нанять 30-летнего мастера, почти своего ровесника, послужной список которого — 30 спущенных на воду кораблей и фрегатов. Для этого мастер должен был спускать в год по одному кораблю, начиная с младенческого возраста!

Позволю себе процитировать переписку Конана Зотова и Петра. 27 июля 1716 г. Конан Зотов пишет из Гамбурга: «О махине, которую карабли встаскивают на берег, что оной махине модель велел одделать **СЫНУ ТОГО ИНВЕНТОРА**, которой ту машину издал, и что **ОНОЙ МАСТЕР ТУ МОДЕЛЬ МОЖЕТ САМ ОТВЕСТИ** в Копенгаген, ежели его царское величество соизволит»⁹. Речь идёт о том, что отец заказывает сыну построить модель, которую сам мастер (отец) отвезёт царю и передаст при личной встрече. В конце концов, французский мастер с моделью доставляется в Копенгаген и лично встречается с Петром на борту «Ингерманланда»¹⁰.

А что же сын Жозеф? Всё время, пока отец в Гавре строит «Гукор Кроншлот» для царя, сын старается «засветиться» в полицейских хрониках во Франции, о чём есть соответствующие документы¹¹.

С какой же целью он это делает? Возможно, для того, чтобы покрывать отца, работающего на врага Франции? Но одним из пунктов договора о найме на русскую службу является официальное разрешение короля на эту работу. И задним числом Пётр I это разрешение получает, посетив Версаль в 1717 г. Согласно изученным французским документам, мастер Пангало (Жозеф) получает возможность в 1719 г. покинуть Францию и поехать в Петербург.

При сопоставлении всех этих документов возникает следующая версия: отец и сын Пангало работали на царя по очереди. Вероятно, отец и сын в Петербурге могли поработать вместе некоторое время. Но ещё очень долго в документах упоминается только фамилия или звание «французский инженер». Найден всего лишь один документ, где можно увидеть имя Осипа Пангало, видимо, секретность опубликования этого имени уже не была актуальной.

⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 27. Л. 65.

⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 27. Л. 65.

¹⁰ Там же. Л. 80. Письмо Конана Никитича Зотова Петру I от 29 августа 1716 г. из Гамбурга.

¹¹ *Veucelin E.* Revue des etudes franco-russes. Paris, 1907. Annee 7. P. 278–288.

С другой стороны, существует запись в приходской книге от 1714 г. о смерти Пангало. Копию этой записи любезно предоставил мне известный французский популяризатор кораблестроения Жан Будрио. Обратим внимание, запись странная: имя Блэз повторено дважды и выглядит так: Антуан Блэз Блуаз Пангало.

Можно предложить на основании этой записи три версии:

1. истинная запись, но о смерти какого-то другого Пангало — например, родственника корабельного мастера;
2. истинная запись о смерти Блэза Пангало — корабельного мастера;
3. поддельная запись, инспирированная с какой-либо целью (например, скрыться от кредиторов).

Рассмотрим аргументы по каждой версии:

Первое предположение сразу отпадает, потому что нет ни одного документа, в котором бы упоминался какой-либо родственник.

По поводу **второй** версии есть два аргумента:

1. Если верна вторая версия, значит на Петра I работал только Жозеф Пангало, сын Блэза Пангало, после встречи с Конаном Зотовым в 1716 г. Косвенным доказательством этого могут служить неважные результаты ходовых испытаний корабля «Пантелеймон-Виктория». Такое мнение было представлено Д. Вильстером 14 июня 1723 г. И. М. Головину¹².

Но я считаю, что результаты испытаний могли быть неудачными только по одной причине: испытания проводили англичане, которые были крайне заинтересованы в том, чтобы их сорвать и дискредитировать французскую школу кораблестроения перед Петром. Что же они могли сделать для этого? А всего лишь неправильно отцентровали корабль. У Пангало мореходные качества кораблей были превосходными за счёт придаваемого им дифферента на корму в 3 фута. А англичане всего лишь поставили корабль на ровный киль. В результате площадь пера руля, опущенного в воду, уменьшилась. Управляемость снизилась, валкость повысилась за счёт поднятия кормы на те же 3 фута, и все мореходные качества были резко разбалансированы. Косвенным доказательством этого является вывод, который сами же англичане предложили Петру: спилить часть кормы, уменьшить высоту мачт на 2 фута...

Таким образом, неудачу испытаний нельзя считать аргументом в пользу второй версии.

¹² Материалы для истории русского флота / Под ред. С. И. Елагина. СПб., 1865. Ч. 2. С. 679.

2. В уже цитированной книге Дена, которую подготовил к печати П. Кротов, ничего не говорится о том, когда точно умер французский инженер, руководивший вытаскиванием корабля — только о том, что он простудился и умер при этой операции, а она продолжалась 2 месяца (с. 90—91). Но записи из путевого журнала (Юрнала) Петра I говорят, что операция проводилась в апреле 1720 г. (4 апреля, указанное в Юрналае, не обязательно начало операции).

Пётр возвращается с Марциальных вод только 27 марта. На следующий день, 28 марта, он уже посетил Адмиралтейство — там явно ведутся какие-то работы, которые после месячного отсутствия (с 29 февраля по 27 марта) Пётр инспектировал. О корабле, который вытягивается на берег («Ле Ферм»), не говорится ничего, но журнал — вещь очень краткая. А 4 апреля Пётр уже наблюдает вытаскивание. Сам процесс вытаскивания — дело быстрое, а 2 месяца работы — это время на подготовку, за которую Пангало и простудился, а сам процесс занял один день, 4 апреля. Далее — ещё какие-то вспомогательные работы. Подготовительные работы должны были начаться в начале февраля.

Пётр не так уж часто ездил в Адмиралтейство. Предыдущий визит зафиксирован 16 февраля — за 2 недели до отъезда на Марциальные воды. А по возвращении — сразу в Адмиралтейство. Скорее всего, как раз в это время завершались работы. И далее — само вытаскивание.

Этот аргумент тоже говорит против второй версии — и в 1714 г., и позже отец Пангало был жив и работал на Петра I.

3. Когда был построен корабль Пангало? У Дена ведь есть и вторая временная (верхняя) граница: мастер Пангало умер, «не успев окончить постройку под его надзором корабля» (с. 91). Другими словами, если инженер простудился и умер, то это между апрелем и июнем 1720 г. (в зависимости от того, когда началась операция), но никак не 28 марта 1722 г., когда умер сын. Это тоже аргумент против второй версии.

4. Внимательное изучение выкопировки из приходской книги по поводу смерти показывает следующее: дважды повторенное имя Блез («Blaise») очень странно. Но если присмотреться, то ситуация проясняется. Основное написание имени сделано с ошибкой, написано «bloise» (блуаз) — это не имя, а просто описка. Поэтому на полях написано правильное имя. Такое ощущение, что писавший не был уверен в имени умершего, не знал его и делал ошибки, которые потом исправлял. Такое будет скорее при фальсификации записи, чем при нормальном течении событий, когда человек, вносящий записи в приходскую книгу, прекрасно знает своих прихожан. Да и

другие французские документы, любезно предоставленные мне Жаном Будрио, имеют ошибки в написании и фамилии Пангало, и его звания (подмастерье, или мастер). Похоже, сын Жозеф мог постараться...

Третью версию мы вынуждены признать основной — в ней нет никаких противоречий.

Подведём итоги. Представленные документы позволяют зафиксировать две группы фактов:

а) на двух человек — отца и сына — есть три свидетельства о смерти (запись 1714 г.; свидетельство Дена о смерти мастера весной 1720 г.; данные о смерти мастера весной 1722);

б) два Пангало действовали в 1716 г.: есть создатель модели, и есть его сын.

Как можно непротиворечиво объединить эти факты? Возможны два объяснения: либо одно из свидетельств о смерти (а именно, 1714 г., ибо деятельность отца зафиксирована и после этого года) ложное (прятался от кредиторов); либо речь идёт о другом человеке (родственнике). Однако, как было сказано выше, ни в одном документе не найдено упоминания о третьем человеке с фамилией Пангало на русской службе.

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что на царя Петра I работали и отец, и сын Пангало: с 1716 по 1720 г. — отец, а далее, после смерти отца — сын. Именно к сыну относится найденный сертификат о смерти 1722 года.

Пётр Ашотович Аваков
(Ростов-на-Дону)

*Старший преподаватель
Ростовского государственного экономического университета*

Братья де Бриньи на службе России

Одним из долгосрочных благотворных последствий пребывания Петра I во Франции в 1717 г. стало принятие им на службу братьев Пьера и Адриена де Бриньи. В России они стали известны как Пётр Петрович и Андреян Петрович Дебриний. Французские шевалье посвятили служению России всю оставшуюся жизнь и оставили в её военной истории заметный след, хотя и не играли в ней главных ролей.

Несмотря на довольно активную деятельность, братья де Бриньи до сих пор не удостоились полноценных научных биографий. Тем не менее, внимание на них обратили ещё младшие современники. Пожалуй, самое раннее литературное известие об одном из братьев де Бриньи принадлежит известному деятелю науки и культуры Якову (Якову Яковлевичу) Штелину (1709–1785). В историческом очерке «Подборка собранных сведений об инженерах в России», написанном около 1743 г. и до сих пор неопубликованном, он упомянул о генерал-майоре де Бриньи¹, не называя его по имени, что само по себе симптоматично². Неоднократно упоминает о генерал-майорах

¹ *Stählin J. von. Rapsodie aufgetriebener Nachrichten von Ingenieurs in Rußland // ОР РНБ. Ф. 871. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об. (на немецком языке). См. об этом сочинении: Stählin K. Aus den Papieren Jacob von Stählins. Königsberg; Berlin, 1926. S. 113.*

² «Генерал-май[ор] де Бриньи из Франции построил несколько пограничных крепостей, заложил на персидской границе превосходный шедевр — крепость Святого Креста», которая впоследствии была [по условиям] трактата разрушена.

де Бриньи-старшем и де Бриньи-младшем на страницах своего знаменитого исторического памфлета Кристоф Герман Манштейн (1711–1757)³, а его анонимный критик назвал их фамилию в ряду тех российских деятелей, которые явили «и мужество и дарования отличные на ратном поле»⁴.

Братья де Бриньи часто фигурируют в трудах по истории России 1730-х — первой половины 1740-х гг., но почти все авторы путают их друг с другом и ещё с одним современником — итальянцем Андре де Брилли (Андреем Францевичем Дебрилли, или Дебрильи). В результате, в историографии факты биографий трёх разных людей оказались перемешанными и слитыми воедино. Наглядными примерами возникшей путаницы могут служить вышеупомянутый очерк Я. Штелина, а также справочные статьи о Петре и Андрее де Бриньи и Андрее де Брилли, опубликованные в таком авторитетном издании, как «Русский биографический словарь»⁵.

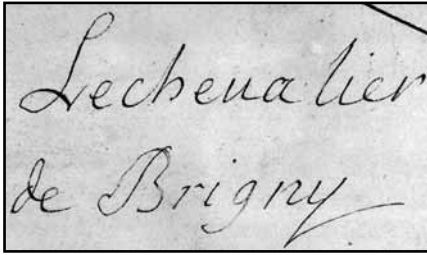
Под пером некоторых авторов Андрей де Брильи даже трансформировался в третьего брата де Бриньи — иначе невозможно объяснить причину курьёзной ошибки, допущенной с разницей в 111 лет французским военным историком шевалье Л.-Ф. Гинемо де Кералио (1731–1793) и его российским коллегой князем С. П. Урусовым (1859–1918). Первый упомянул об участии в русско-турецкой войне 1736–

В здешнем Инженерном корпусе ещё имеется её модель, а также Нового Бризака, исполненные в камне; в их создании генералу принадлежит особая роль» (пер. с нем. д.и.н. Ю. Н. Беспятых, которого автор благодарит за помощь в работе с этим историографическим источником). Судя по всему, Я. Штелин имел в виду Петра Петровича — именно он изготовил модели (макеты) крепостей Св. Креста и Нёф-Бризака. Правда, автор ошибочно приписал ему участие в строительстве первой из них — крепость Св. Креста построил Андреев Петрович, который ко времени написания этого очерка уже был генерал-лейтенантом (об этом см. далее в статье).

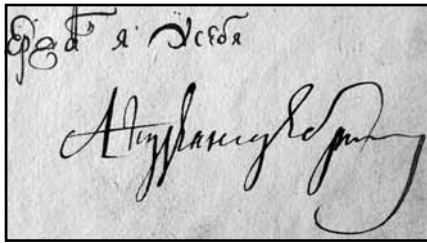
³ Манштейн Х. Г. Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997 (История России и дома Романовых в мемуарах современников: XVII–XX вв.). С. 83, 85, 109, 133.

⁴ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Там же. С. 449.

⁵ Лихач Е. Бриньи (де), Пётр // РБС. Т. Бетанкур — Бякстер. СПб., 1908. С. 355–356; Брилли, Андрей // Там же. С. 351–352; М. Дебриний, Андреев // Там же. Т. Дябелов-Дядьковский. СПб., 1905. С. 149–150. Ср.: Брилли // Военный энциклопедический лексикон, изданный Обществом военных и литераторов. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1853. С. 497; Брини // Там же. С. 498; Брилли, или де Брилли // Энциклопедический словарь [Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона]. Т. 4а. СПб., 1891. С. 674–675; Бриньи, Пётр // Военная энциклопедия. Т. 5. СПб., 1912. С. 75–76;

A handwritten autograph in cursive script. The text reads "Lescena licr" on the top line and "de Brigny" on the bottom line. The ink is dark on a light background.

Автограф П. П. де Бриньи.

A handwritten autograph in cursive script. The top line contains the Cyrillic text "Петр я. де Бр" and the bottom line contains "Андреяну де Бриньи". The ink is dark on a light background.

Автограф А. П. де Бриньи.

1739 г. в «троих де Бриньи», а второй писал о трёх братьях де Бриньи, задействованных в осаде Азова 1736 г.⁶

Не избежали подобных оплошностей и новейшие исследователи. Так, Н. Н. Петрухинцев приписал руководство строительством Украинской линии Андреяну де Бриньи⁷, тогда как этим занимался его старший брат Пётр, а С. Г. Нелипович, наоборот, поименовал оставшегося в Азове после его взятия в 1736 г. генерал-майора де Бриньи-старшего Андреяном⁸. Аналогичную зеркальную ошибку допустил И. В. Курукин: он определил командированного в 1726 г. в

Западный Прикаспий генерал-майора де Бриньи как Андреяна⁹, хотя это был Пётр, а служившего тогда же в Низовом корпусе полковника де Бриньи назвал Петром¹⁰, в то время как речь должна идти об Андрее. Отправленного в 1731 г. на службу в Низовой корпус генерал-майора Андрея де Брилли, будущего коменданта Баку, историк принял за Петра де Бриньи, а затем превратил его в несуществовавшего Андреяна де Брильи¹¹ (один из вариантов русской транслитерации итальянской фамилии Brilly). В алфавитном указателе книги И. В. Курукина неурядица усугубляется отсутствием в нём имени Андрея де Брилли (де Брильи), в результате чего все

⁶ Kéralio L.-F. Guinement, de. Histoire de la guerre des Russes et des impériaux, contre les turcs, en 1736, 1737, 1738 et 1739, et de la paix de Belgrade qui la termina. T. 1. Paris, 1780. P. 63; Урусов С. П. История 4-го Лейб-драгунского Псковского Ее величества полка: 1701–1883 г. 2-е изд. СПб., 1886. С. 201.

⁷ Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 231, 237, 238.

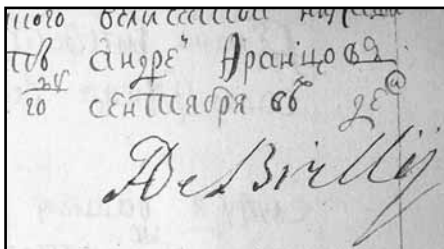
⁸ Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 200.

⁹ Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 164.

¹⁰ Там же. С. 157–158.

¹¹ Там же. С. 176, 340.

имеющиеся в тексте упоминания о нём были отнесены к Андреяну де Бриньи¹². Челябинский исследователь А. Н. Андреев запутался в генеалогических связях братьев де Бриньи и посчитал Петра отцом Андреяна¹³, а его украинский коллега Г. Г. Шпиталёв позиционировал последнего как



Автограф А. Ф. де Брилли.

итальянца и инженер-генерал-майора. Петру де Бриньи он приписал чин инженер-генерал-лейтенанта, должность «генерал-квартирмейстера Донской армии» и командование военно-морской Кубанской экспедицией 1739 г. В действительности её возглавил генерал-лейтенант А. Ф. де Брилли, которого автор почему-то считал не реальной исторической личностью, а ошибкой публикаторов многолетнего сборника документов «Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг.», неоднократно допущенной при передаче имени П. П. де Бриньи¹⁴.

Причина неразберихи вполне ясна: все трое иностранцев проходили службу в одних и тех же регионах примерно в одно и то же время, зачастую — в качестве военных инженеров, при этом ступени их карьеры частично совпадали, а в официальной документации тех лет имена офицеров указывали редко, ограничиваясь обычно чинами и фамилиями. Впервые на эту путаницу обратила внимание Е. В. Гусарова, попытавшаяся уточнить биографию Петра де Бриньи и рассмотревшая последний год его жизни в Астрахани. Исследовательнице впервые удалось установить год смерти генерала¹⁵.

Дошедшие до нас многочисленные документы делопроизводства Кабинета Петра I, Кабинета министров Анны Иоанновны, Сената, Военной коллегии и Фортификационной конторы, вкупе с дневни-

¹² Там же. С. 340, 343, 346, 349, 369.

¹³ Андреев А. Н. Католик на русской службе: Пётр Петрович Ласси // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. Т. 15. 2015. № 3. С. 42.

¹⁴ Шпиталёв Г. Г. Донська і Дніпровська флотилії в російсько-турецькій війні 1736–1739 років. Київ, 2015. С. 57, 111–113.

¹⁵ Гусарова Е. В.: 1) Недоросль Смолянинов, майор Кутузов и другие лица Астраханской инженерной команды первой половины XVIII в. // Петровское время в лицах—2004: Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 114–116; 2) Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб., 2009. С. 308–311.

ком генерального подскарбия (казначея) Войска Запорожского Якова Андреевича Марковича (1696–1770), записками доктора Йохана Якоба Лерхе (1708–1780) и памфлетом генерала К. Г. Манштейна, позволяют разобраться в путанице, расставить всё по своим местам и реконструировать биографии братьев де Бриньи.

Об их жизни и деятельности во Франции известно очень мало. По свидетельству французского посланника Жака де Кампредона от 1725 г., семья шевалье де Бриньи вела своё происхождение из Сен-Мало — портового города на берегу пролива Ла-Манш, в Бретани. Позже, в 1747 г., французский консул в Санкт-Петербурге Жан-Батист Декюри де Сен-Совёр упомянул в одном из своих донесений, что Андреян де Бриньи (младший из братьев) «был родом из Версаля»¹⁶. Восходящее к «Военно-энциклопедическому лексикону» (1853) мнение о принятии Петра де Бриньи на российскую службу в начале Северной войны и об его участии в Прутском походе 1711 г.¹⁷ следует признать ошибочным (в действительности, это события жизни Андрея де Брилли¹⁸). Как гласит учётная документация Инженерного корпуса, «вступление в службу» в России Пётр де Бриньи состоялось 17 августа 1717 г.¹⁹ Эти данные подтверждаются свидетельством самого француза, который в прошении на имя императора Петра II от 31 октября 1729 г. писал: «Именным указом блаженныя и вечно достойныя памяти деда Вашего величества, государя императора Петра Перваго, служу я в Российской империи с бытности Его императорскаго величества в Париже, тому двенадцать лет...»²⁰. Приглашение П. П. де Бриньи на службу царём было подготовлено российским агентом в Париже Иваном Исаевичем (Жаном) Лефортом, который навёл о нём справки у регента герцога Филиппа Орлеанского и других «высших лиц», которые «подлинно удостове-

¹⁶ Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand a Paul Ier. [Т.] 2. Paris, 2011. P. S. 118.

¹⁷ Брини // Военный энциклопедический лексикон... Т. 2. С. 498.

¹⁸ См.: РГВИА. Ф. 495. Оп. 1. Д. 71. Л. 5, 10, 11–11 об., 15; Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Полевая армия: Сборник документов в 2-х томах. Т. 1. М., 2015. С. 1144; С-в Д. Брилли, Андрей // РБС. Т. Бетанкур — Бякстер. С. 351–352.

¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерала-фельдцейхмейстера. Д. 80. Л. 416; Оп. Командное отделение. Д. 28. Л. 104; *Савельев А. И.* Исторический очерк Инженерного управления в России. [Ч. 1]. СПб., 1879. Прибавл. 45. С. 296.

²⁰ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета (1726–1730). Т. 8 // Сб. РИО. Т. 101. СПб., 1898. С. 288.

рили его способности». В донесении от 3 июля 1717 г. (по новому стилю) И. И. Лефорт сообщал Петру I, что шевалье П. П. Бриньи служил во Франции в должности главного инженера провинции с патентом полковника, обладает талантами в области фортификации, навигации и, очевидно, скульптурного искусства (ранее он создал в Лувре какие-то рельефы — возможно, речь идёт о лепных архитектурных украшениях), «страстно желает своей службой заслужить благосклонность Вашего величества», и надеется получить соответствующий ранг при приёме российскую службу²¹. Просьба его была удовлетворена.

В отличие от старшего брата, Андреян де Бриньи подвизался на родине в качестве строевого офицера, причём служил как в пехоте, так и в коннице — сначала в мушкетёрском, а затем в жандарском полку, и дослужился до чина подполковника²².

Пока нам не удалось обнаружить в архивах документы о выезде братьев де Бриньи в Россию и поступлении их на царскую службу, поэтому обстоятельства и детали этих событий неизвестны. В особенности это касается А. П. де Бриньи. Сам он в 1732 г. писал в прошении, поданном в Военную коллегию, что поступил на российскую службу в 1719 г. и был зачислен подполковником в Астраханский пехотный полк. В его составе он принял участие в Персидском походе 1722–1723 гг., во время которого исполнял обязанности генерал-квартирмейстера, руководил строительством Аграханского ретраншеманта на западном побережье Каспийского моря и крепости Святого Креста при впадении р. Сулак в р. Аграхань²³.

В течение пяти лет службы в Западном Прикаспии подполковник возглавлял строительство крепости Св. Креста и Сулакской плотины, инспектировал фортификационные работы в городах Дербент, Баку и российских крепостях в провинции Гилян, участвовал в войсковых операциях в Дагестане, например — в походе против тарковского шамхала Адиль-Гирея 1726 г.²⁴ По вопросам строительства крепости и плотины А. П. де Бриньи в 1723–1724 гг. переписыва-

²¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Д. 32. Л. 850–850 об. Документ выявлен и переведён с фр. к.и.н. В. С. Ржеуцким, которому автор выражает признательность за помощь.

²² М. Дебриний, Андреян // РБС. Т. Дябелов-Дядьковский. С. 149.

²³ Глиноецкий Н. П. История Русского генерального штаба: В 2-х т. Т. 1. СПб., 1883. С. 24; Курукин И. В. Указ. соч. С. 50, 54.

²⁴ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета (1726–1730). Т. 2 // Сб. РИО. Т. 56. СПб., 1887. С. 345–347; Курукин И. В. Указ. соч. С. 94, 117–118, 157–158 (на последних двух страницах А. де Бриньи ошибочно назван Петром).

вался непосредственно с Петром I, который рассматривал его проектные планы и затем давал ему технические указания (корреспонденция между де Бриньи-младшим и царём до сих пор не введена в научный оборот)²⁵. К сожалению, роль французского специалиста в строительстве крепости Св. Креста осталась неизвестна современным исследователям истории этого главного форпоста России на Северном Кавказе 1722–1735 гг.²⁶

Судя по записям в дневнике украинского казачьего старшины Якова Марковича, который в бытность бунчуковым товарищем в 1725–1727 гг. проходил службу в Низовом (Персидском) корпусе и с момента приезда в крепость Св. Креста и был близко знаком с А. П. де Бриньи, последний в то время уже довольно хорошо владел русским языком. Он свободно общался с русскими и иностранными офицерами не только по долгу службы, но и в часы досуга, причём не только обедал, пил водку и играл в карты вместе с ними, но и пересказывал им новости из французских газет, например — о женитьбе короля Людовика XV на Марии Лещинской и о заключении Ганноверского союза, а также читал письма на русском языке²⁷. Не забывал подполковник переписываться и со своим старшим братом — так, в марте 1724 г. вместе с донесением царю он отправил кабинет-секретарю А. В. Макарову письмо, адресованное «господину инженер-полковнику Дебрине», и просил его «пожаловать отдать брату»²⁸. Завоёванные Петром I «персидские провинции», должно

²⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 16. Л. 19 об.; Оп. 2. Отд. 1. Кн. 30. Л. 376; Кн. 55. Л. 143; Оп. 4. Отд. 2. Д. 62. Л. 1200–1302, 1304–1306 об., 1308–1310 об.; Д. 66. Л. 840–841; Персидская война 1722–1725: (Материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. Т. 68. 1867. № 4. С. 612.

²⁶ См., напр.: *Гарунова Н. Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С. 47–51; *Чекулаев Н. Д.* Строительство крепости Святого Креста в Дагестане (1722–1724) // Новые материалы по истории фортификации: Статьи и материалы Первой международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование», Архангельск, 18–19 сентября 2009 г. Вып. 1. Архангельск, 2012. С. 203–213; *Суздальцева И. А.* Основание, социальная организация и население российского города-крепости Святой Крест (20–30-е гг. XVIII в.) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. 2016. № 2. С. 14–19.

²⁷ *Маркович Я. А.* Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767 гг.). Ч. 1. Киев, 1893. С. 275–277, 298, 300–305, 307–311, 317–319; Ч. 2. Киев, 1895. С. 2–4, 9–12, 14, 15, 17–19, 21–24, 61, 67, 69, 72–75, 80–81, 83, 86, 91, 93, 107–108.

²⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. 2. Д. 66. Л. 1303 об.

быть, казались Андреяну Петровичу не менее экзотическим местом, чем Луизиана, Гвиана, или любая другая колония Франция. Условия жизни военнослужащих Низового корпуса разительно отличались от армейской повседневности в любой другой части Российской империи. Особый колорит их будням придавало соприкосновение с народами Кавказа, исповедующими ислам. Так, 27 ноября 1725 г. кумыкский бий (князь) Айдемир, владелец аула Эндери, прислал французу «в гостинец кумичку девчину и вина»²⁹. Благодаря дневниковой записи Я. А. Марковича о праздновании дня рождения А. П. де Бриньи мы знаем, что он родился 25 декабря (по старому стилю)³⁰, однако год его рождения остался нам неизвестен.

17 апреля 1725 г. Андреян Петрович был произведён в полковники и назначен командиром Выборгского пехотного полка³¹. В августе 1726 полковник на время был отпущен командующим Низовым корпусом генералом князем В. В. Долгоруковым в Астрахань для поправления здоровья, ослабленного в непривычном климате. В 1727 г. он исходатайствовал себе 11-месячный отпуск и отбыл во Францию, откуда вернулся в свой полк, находившейся на винтерквартирах в Калуге³².

Тем временем полковник П. П. де Бриньи трудился на Северо-Западе России в качестве инженера, демонстрируя всем свои обширные познания и опыт в области фортификации и гидравлики. В декабре 1721 г. он в ряду других специалистов был привлечён царём к проектированию порта и города в Рогервике, в результате чего создал, по характеристике французского посланника Ж. де Кампредона, «прелестнейший в мире рельефный план укреплений» (вероятно, речь идёт о макете знаменитой французской крепости Новый Бризак (Нёф-Бризак)³³, построенной в конце XVII в. великим инженером Себастьяном Вобаном). Около сентября 1723 г. инженер в составе организованной по указу Петра I экспертной комиссии исследовал строительство Ладожского канала и в том же году изготовил его модель, которую одобрил царь и Правительствующий Сенат.

²⁹ *Маркович Я. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 308.

³⁰ Там же. С. 317.

³¹ РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 107. Л. 15 об.

³² Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета (1726–1730). Т. 2. С. 346; Т. 6 // Сб. РИО. Т. 84. СПб., 1893. С. 548; *Маркович Я. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 80, 81; *М. Дебриний, Андреян.* С. 150.

³³ Впоследствии «модель» Нового Бризака долгие года хранилась в Инженерном корпусе (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерала-фельдцейхмейстера. Д. 80. Л. 239 об.; *Stählin J. von.* Rapsodie aufgetriebener Nachrichten von Ingenieuren in Rußland. Л. 1 об.).

По именному указу царя от 23 января 1724 г. полковник вместе со своим соотечественником и начальником — «генерал-директором над всеми крепостями», генерал-майором от фортификации Алферием Степановичем (Альбрехтом) де Кулоном — совершил поездку в Выборг для осмотра и составления плана крепости и прилегающей местности. В конце того же года Пётр I поручил П. П. де Бриньи рассчитать, сколько людей и лесоматериалов понадобится для запланированного строительства плотины у Хутынского озера недалеко от Новгорода³⁴. 23 мая 1725 г. Пётр Петрович был пожалован чином генерал-майора³⁵. Примерно в это время ему довелось участвовать в благоустройстве императорской резиденции в Петергофе, а именно — руководить сооружением свода из изобретённого им цемента, предназначенного воспрепятствовать проникновению воды из фонтана в расположенный под ним грот³⁶.

В январе 1726 г. П. П. де Бриньи отбыл в «персидские провинции», чтобы «о всех крепостях, гарнизонах и гаванях, також о знатных реках, кои в Каспийское море коммуникацию имеют, а особливо о Куре учинить чертежи и обстоятельныя ведомости, сколько к строениям тех крепостей и гаваней надобно каких материалов и припасов по цене». Примечательно, что в 1725 г. он сам, «имея к государственной пользе ревность», предложил Военной коллегии дать ему это задание. Перед отъездом из Санкт-Петербурга Пётр Петрович не сумел найти необходимых инструментов (астролябии и ватерпаса) даже в императорском Кабинете. В ходе командировки он по устному приказу императрицы Екатерины I изготовил за свой счёт «модели» завоёванных и построенных в Западном Прикаспии городов и крепостей (Дербента, Баку, Энзели, Перибазара, Решта, Катеринополя, Кескера, Новой крепости, Аграханского ретранше-

³⁴ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. [Ч. 1] // Сб. РИО. Т. 40. СПб., 1884. С. 417; Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. [Ч. 2] // Сб. РИО. Т. 49. СПб., 1885. С. 390–391; *Миних Б. К.* Известие фельдмаршала Миниха о Ладожском канале // Сын Отечества. Ч. 43. 1818. № 4. С. 134–137; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106. Л. 225; Д. 107. Л. 314; Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оные. Ч. 3. СПб., 1830. С. 377–378.

³⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерала-фельдцейхмейстера. Д. 80. Л. 416; Оп. Командное отделение. Д. 28. Л. 104; *Савельев А. И.* Указ. соч. С. 296; РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 107. Л. 6.

³⁶ *Дешизо П.* Путешествия в Петербург 1724 и 1726 гг. // Русская культура первой четверти XVIII века: Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 146.

мента, крепостей Святого Креста, Сулакской и Прорва)³⁷. Новый год генерал-майор встретил в Астрахани (1 января на праздничном обеде у него, помимо прочих, присутствовали губернатор А. П. Волынский и брат грузинского царя Вахтанга VI) и вернулся в столицу в марте 1727 г.³⁸ Впоследствии созданные им в ходе поездки модели, планы и карты долго хранились в архиве Инженерного корпуса. В 1729 г. они впечатлили юного императора Петра II, который удовлетворил челобитье француза и возместил ему 2 500 рублей, потраченные на изготовление моделей крепостей и постройку квартир в «Петергофской маленькой крепости». Просьбу безземельного генерал-майора о пожаловании ему местечка Старый Ропск Топольской сотни Стародубского полка с семью сёлами и двумя деревнями монарх проигнорировал³⁹.

С мая 1727 г., когда обер-директором «над фортификациями всей Российской империи» и начальником А. С. де Кулона был назначен произведённый в полные генералы граф Б. К. Миних, П. П. де Бриньи стал третьим после них инженером России, а с марта 1732 г., после удаления из Инженерного корпуса А. С. де Кулона, вновь стал вторым в этой иерархии, имея старшинство перед другим генерал-майором бароном Йоханом Людвигом Люберасом фон Поттом, получившим этот чин на семнадцать месяцев позже⁴⁰.

³⁷ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета (1726–1730). Т. 8. С. 286–288; *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 164; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера. Д. 84. Л. 239–239 об.

³⁸ *Маркович Я. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 109, 110; *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 164.

³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера. Д. 84. Л. 239–239 об.; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета (1726–1730). Т. 8. С. 286–288; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 455. Л. 579 об.

⁴⁰ *Фабрициус И. Г.* Главное инженерное управление: Исторический очерк. Ч. 1. СПб., 1902 (Столетие Военного министерства. Т. 7. Ч. 1). С. XXVI–XVIII; *Бенда В. Н.* Начало деятельности Б. Х. Миниха по управлению инженерным и артиллерийским корпусами (1727–1729) // *Война и оружие: новые исследования и материалы: Труды Шестой Международной научно-практической конференции*, 13–15 мая 2015 года. Ч. 1. СПб., 2015. С. 162–163 (оба автора ошибочно относят назначение А. С. де Кулона обер-комендантом Выборга к 1730 г. — в действительности это произошло двумя годами позже); *Проскурякова М. Е.* «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск, 2012. С. 42–43; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета (1726–1730). Т. 3 // Сб. РИО. Т. 63. СПб., 1888. С. 585; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 1 // Сб. РИО. Т. 104. Юрьев, 1898. С. 157, 178–179; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерала-фельдцейхмейстера. Д. 80. Л. 416; Д. 84. Л. 234; Оп. Командное отделение. Д. 28. Л. 104; *Савельев А. И.* Указ. соч. С. 296.

Около 1728 г. вместе с генерал-аншефом графом Б. К. Минихом и генерал-лейтенантом А. С. де Кулоном Пётр Петрович участвовал в конкурсе на создание проекта укрепления Выборга с северной стороны (к исполнению был принят проект А. С. де Кулона, в соответствии с которым в 1731 г. началось строительство кронверка Святой Анны, известного также как крепость Корон-Санкт-Анна)⁴¹.

В феврале 1728 г. Инженерная контора командировала П. П. де Бриньи во главе группы военно-инженерных специалистов на южную границу для обследования и починки обветшавших Киевской, Черниговской, Переволочинской, Переяславльской и Брянской крепостей, снабдив его пространной инструкцией из восемнадцати пунктов. В феврале 1729 г. Пётр Петрович предложил перенести Брянскую крепость на другое место, но его проект был отклонён руководством. Во время фортификационных работ в Брянске генерал-майор сломал ногу, что, по его признанию, значительно ограничило его возможность ездить верхом и затруднило выполнение своих обязанностей⁴².

6 июля 1729 г. Пётр Петрович выехал из Киева в низовья р. Дон с поручением осмотреть крепость Транжамент и её окрестности, в соответствии с указом Верховного тайного совета от 11 июня. Целью поездки было определение возможности укрепления Транжамента, выбор места для строительства новой крепости, съёмка плана местности, составление сметы материалов, необходимых для починки старой и сооружения новой крепости. Прибыв в Транжамент 28 июля, П. П. де Бриньи выполнил задание в условиях наводнения, вызванного весенним разлитием Дона. Результаты его работы были доложены Верховному тайному совету в октябре. Инженер предложил перестроить Транжамент и обнести его земляную ограду каменной стеной, но его проект был раскритикован на совещании военных инженеров под председательством графа Б. К. Миниха, состоявшемся в Санкт-Петербурге в январе 1730 г. В результате, в марте Правительствующий Сенат принял решение о строительстве вместо Транжамента новой крепости на близлежащих Васильевских буграх, кото-

⁴¹ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. СПб., 1865. С. 167–169; Дмитриев В. В.: 1) Крепость Корон-Санкт-Анна в Выборге // Цитадель: Исторический альманах. 2004. № 11. С. 21–23; 2) Крепость Корон-Санкт-Анна в Выборге // Выборг: Фортификация. Изд. 2-е, доп. и испр. СПб., 2006. С. 34–37.

⁴² Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета (1726–1730). Т. 7 // Сб. РИО. Т. 94. СПб., 1894. С. 786, 787; Ласковский Ф. Ф. Указ. соч. Ч. 3. С. 227–228, 230–231; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 455. Л. 444 об., 446–449; там же. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 148.

рые П. П. де Бриньи первоначально признал непригодными для этого. Именно там в 1730 г. и была заложена крепость Святой Анны⁴³.

Во исполнение указа Правительствующего Сената от 14 мая 1730 г. П. П. де Бриньи осмотрел территорию между реками Орель и Северский Донец и спроектировал укрепленную линию для обороны южной границы от набегов крымских татар. Сенатским указом от 15 января 1731 г. ему и генерал-майору Алексею Ивановичу Тараканову было поручено строительство Украинской линии и формирование 20 полков ландмилиции для ее охраны, к чему они приступили в том же году. По именному указу императрицы Анны Иоанновны от 31 января 1732 г. Пётр Петрович выехал «на почте» в Петербург для доклада о ходе строительства линии. В феврале его доклад заслушал Сенат, а в апреле инженер вернулся на линию⁴⁴. Он работал на Украинской линии до лета 1736, испытывая немалые трудности при передвижении на местности. Как писал 19 сентября 1736 г. в Кабинет министров генерал-фельдмаршал граф Б. К. Миних, П. П. де Бриньи «за ножною болезнию... для осмотра работ верхом по всей линии ездить не может, а в коляске не способно...»⁴⁵.

Карьера де Бриньи-младшего, который, являясь штаб-офицером полевой армии, в отличие от старшего брата по своему служебному положению не имел никакого отношения к инженерному делу, развивалась именно благодаря фортификационной практике. В мае 1730 г. Андреян Петрович с Выборгским пехотным полком был командирован в низовья Дона для участия в строительстве той самой крепости Св. Анны, к проектированию которой имел косвенное отношение его брат. Руководил её строительством другой французский инженер — полковник Александр Клапье де Колонг⁴⁶.

⁴³ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета (1726–1730). Т. 7. С. 724; Т. 8 // Сб. РИО. Т. 101. СПб., 1898. С. 382, 386–387, 391–298; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 455. Л. 65, 70–76, 623–623 об., 644–645 об.; ПСЗ. Т. 8. СПб., 1830. С. 255; РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–1 об.; *Ласковский Ф. Ф.* Указ. соч. Ч. 3. С. 254–257.

⁴⁴ *Ласковский Ф. Ф.* Указ. соч. Ч. 3. С. 68–76, 713–715; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 1 // Сб. РИО. Т. 104. Юрьев, 1898. С. 149, 151, 166, 171, 172, 177, 178, 185; Архив ВИМАИ-ВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера. Д. 84. Л. 338.

⁴⁵ Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4 // Сб. РИО. Т. 111. Юрьев, 1901. С. 278, 362; Т. 5 // Сб. РИО. Т. 114. Юрьев, 1902. С. 316; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 10а. Л. 280 (опубл.: *Всеподданейшие донесения гр. Миниха.* Ч. 1 // Сб. военно-исторических материалов. Вып. 10. СПб., 1897. С. 160).

⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 466. Л. 22; Кн. 455. Л. 80 об., 391, 623, 625, 642, 643; *Ласковский Ф. Ф.* Указ. соч. Ч. 3. С. 254; РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–4 об.

4 октября 1733 г. А. П. де Бриньи был произведён в генерал-майоры и назначен на должность генерал-квартирмейстера, о чём он ходатайствовал годом ранее. Но в 1732 г. Военная коллегия отказала ему в этом назначении и повышении в чине, мотивируя это тем, что пятнадцать других армейских полковников были старше его по службе. По указу императрицы Анны Иоанновны от 29 ноября 1733 г., инициированному графом Б. К. Минихом, новоиспечённый генерал-квартирмейстер отправился на южную границу России, чтобы возглавить заготовку военно-инженерных материалов и инвентаря для армии и завершить постройку крепости Св. Анны. В строящуюся уже четвёртый год крепость он прибыл в конце августа 1734 г.⁴⁷ Весной 1735 г. Андреян Петрович совершил поездку с Дона на Северный Кавказ для выполнения нового ответственного поручения, продиктованного условиями заключённого в марте Гянджинского договора, в соответствии с которым Россия возвращала Сефевидскому Ирану ранее завоёванные провинции. Он должен был сравнить с землёй построенную им ранее крепость Св. Креста и выбрать место для строительства нового российского форпоста в регионе. Судя по запискам очевидца — доктора Й. Я. Лерхе, в этом путешествии Андреяна Петровича сопровождала супруга — «генеральша де Бриньи». Он прибыл в крепость Св. Креста 24 мая и вскоре приступил к её разрушению, а 12 июля вместе с командующим Низовым корпусом генерал-аншефом Василием Яковлевичем Левашовым и генерал-майором Иваном Ивановичем Бибиковым отправился вверх по течению р. Терек в поисках подходящего для переноса крепости места. Таковое было найдено на берегу речки Кизляр (ныне известна как Таловка) — протока Терека, от которой новая крепость и получила своё название. Но ещё 19 июня генералу В. Я. Левашову из Кабинета министров был послан указ о срочной отправке А. П. де Бриньи на почтовых обратно на Дон — «к делам, определённым ему»⁴⁸. Срочность была обусловлена тем,

⁴⁷ РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 109. Л. 6 об.; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 2 // Сб. РИО. Т. 106. Юрьев, 1898. С. 483, 587, 592; Т. 3 // Сб. РИО. Т. 108. Юрьев, 1900. С. 85–88; *Глиноецкий Н. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 24–25; *Шеленговский И. А.* История 69-го Пехотного Рязанского полка: 1700–1900 гг. Т. 1. Люблин, 1909. С. 212; ПСЗ. Т. 9. СПб., 1830. С. 258–259.

⁴⁸ *Глиноецкий Н. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 25–26; *Лерхе И. Я.* Выписка из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 года по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790. Ч. 45. Месяц март (№ 3). С. 78–81 (переводчик иногда путает фамилию А. П. де Бриньи и называет его де Брильи); Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. С. 214.

что Россия стояла на пороге войны с Османской империей, и на границе с ней уже полным ходом шла подготовка военного похода к Азову.

По плану главнокомандующего российской армии генерал-фельдмаршала графа Б. К. Миниха, в предстоящей кампании предполагалось задействовать обоих генерал-майоров де Бриньи⁴⁹. Согласно указу императрицы Анны Иоанновны от 12 сентября 1735 г., им следовало находиться при «Крымской экспедиции» — в составе той части армии, которая готовилась к походу в Крым⁵⁰. Однако главнокомандующий распорядился иначе, и в ходе начавшейся вскоре русско-турецкой войны 1735–1739 гг. братья почти всё время проходили службу на разных фронтах (кроме кампании 1736 г.) и, разумеется, в разном качестве.

Пётр Петрович, перед началом кампании по-прежнему руководивший строительством Украинской линии⁵¹, в октябре 1735 принял участие в безуспешном Крымском походе генерал-лейтенанта М. И. Леонтьева, корпус которого даже не дошёл до Крымского полуострова⁵². В соответствии с именным указом императрицы, главнокомандующий граф Б. К. Миних намеревался задействовать П. П. де Бриньи в следующем году в «Донской экспедиции» — то есть при осаде крепости Азов. Граф даже назначил французу зимнюю квартиру в крепости Св. Анны, одако тот подал ему 17 ноября 1735 г. донесение, в котором сообщил о невозможности своего участия в предстоящей осаде Азова по состоянию здоровья, вследствие чего он был оставлен на прежнем месте службы⁵³. Зиму 1735–1736 гг. генерал-майор от фортификации опять провёл на Украинской линии. Находясь в Изюме в феврале 1736 г., он участвовал в обсуждении проекта укрепления городка Царичанка комиссией из генералов и штаб-офицеров во главе с Б. К. Минихом⁵⁴.

Деятельность П. П. де Бриньи на Украинской линии к апрелю 1736 г. успела вызвать нарекания вездесущего графа Б. К. Миниха,

⁴⁹ В составленной графом Б. К. Минихом в августе 1735 г. «Репортиции о генералитете и войске, которые по имянному Ея императорского величества всемиловитвейшему указу на Украину собрать можно...» братья фигурируют как генерал-майор «Инженерного корпуса Дебриний» и «генерал-квартирмейстер Дебриний» (см.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 22).

⁵⁰ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 13. Л. 199.

⁵¹ Там же. Л. 189.

⁵² РГВИА. Ф. 47. Оп. 1/192. Св. 94. Л. 191 об.; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 313–314 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 148.

⁵⁴ Ласковский Ф. Ф. Указ. соч. Ч. 3. С. 343–344.

инспектировавшего её строительство⁵⁵. С началом новой кампании главнокомандующему всё же удалось отправить инженера на Дон. 4 июня 1736 г. француз прибыл под Азов, осаждённый генерал-фельдмаршалом П. П. Ласси. После взятия Азова в 1736–1739 гг. он руководил там фортификационными работами (К. Г. Манштейн ошибочно назвал его комендантом крепости). Это задание было дано ему именным указом императрицы от 12 октября 1736 г. по инициативе графа Б. К. Миниха, и с его подачи мотивировано не только состоянием здоровья инженера (в частности — старой травмой ноги), но другими недостатками, из-за которых он, якобы, был «порученную ему при Украинской линии комиссию надлежаше исправлять не в состоянии». Но перевод генерал-майора в Азов нельзя расценивать как проявление опалы, тем более что в указе отмечалось, что он «к починке и приведению в совершенную исправность Азовской крепости и протчих тамошних работ по инженерскому своему искусству определен»⁵⁶. Познакомившийся с П. П. де Бриньи в Азове датский пастор Педер фон Хавен оставил нам любопытный портрет француза: «Он обладал хорошими познаниями в инженерном искусстве. Ему было присуще красноречие большее, чем необходимо для генерала и коменданта. А также он любил вино больше, чем, по мнению медиков, было полезно для его здоровья»⁵⁷. В соответствии с распоряжением императрицы от 11 января 1737 г. Пётр Петрович осмотрел мыс Таган на северном берегу Азовского моря и составил проектный план восстановления крепости и гавани, существовавших там в 1699–1711 гг., но воплощён он не был⁵⁸.

Адреян Петрович принял в войне более активное участие, проявив себя при осаде Азова в 1736 г. и в Крымских походах генерал-фельдмаршала П. П. Ласси 1737, 1738, 1739 гг. С начала 1736 г. генерал-квартирмейстер находился близ р. Северский Донец и руководил приготовлением необходимых для осады Азова припасов (рогаточного леса, фашинов, кольев, туров и плетней) и сплавкой их на

⁵⁵ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 20 // Соловьёв С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 10. М., 1993. С. 394.

⁵⁶ Журнал фельдмаршала Ласси о воинских операциях с 1733 по 1737 год // Сб. Военно-исторических материалов (ВИМ). Вып. 3. СПб., 1893. С. 241; Манштейн Х. Г. Указ. соч. С. 83, 85; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 8. Л. 259 об.—260; Д. 10а. Л. 147 об., 280 (опубл.: Всеподданейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1. С. 200).

⁵⁷ Хавен П., фон. Путешествие в Россию. СПб., 2007. С. 107.

⁵⁸ ПСЗ. Т. 10. СПб., 1830. С. 16–17; Материалы для истории русского флота. Ч. 6. СПб., 1877. С. 183–184, 191–194, 202–203, 219–220, 212–213; РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 567. Л. 113–135а об.; Оп. 160. Д. 76, 77.

плотах в крепость Св. Анны. 5 мая под его руководством была проведена рекогносцировка осаждённого Азова, позволившая приступить к его постепенной инженерной атаке. После капитуляции крепости 20 мая А. П. де Бриньи участвовал в принятии её боевого имущества. В начале июня граф Б. К. Миних решил поручить генерал-квартирмейстеру «починку Азовской крепости и крепости Святыя Анны», только с тем условием, чтобы он там вновь ничего «не зачинал» без утверждения главнокомандующего. Андреяну Петровичу предстояло построить мосты или организовать переправы через реки Аксай и Мёртвый Донец, а также обеспечить сухопутную коммуникацию между крепостью Св. Анны и Аксайскими горами на правом берегу р. Аксай⁵⁹. Однако всем этим планам графа не суждено было сбыться. По решению военного совета в октябре 1736 г. А. П. де Бриньи выехал в Самарский и Усть-Самарский ретраншементы, располагавшиеся на месте современного г. Днепр (бывший Днепропетровск, Украина), чтобы возглавить работы по их укреплению, где он пробыл до начала новой кампании. Во время Крымского похода 1737 г. генерал-квартирмейстер участвовал во взятии г. Карасубазара⁶⁰. По возвращении из Крыма он провёл очередную зиму 1737–1738 гг. в низовьях Днепра, командуя размещёнными в ретраншементах и редутах пехотными, ландмилицейскими и украинскими казачьими полками⁶¹. В следующем Крымском походе 1738 г. Андреян Петрович осадил Перекоп, а после его капитуляции 29 июня «отобрал» у османского гарнизона крепостные ворота, артиллерийские батареи, пороховые погреба и магазины (склады)⁶². В кампанию 1739 г., когда четвёртое вторжение в Крым осуществить не удалось, в рядах отряда генерал-лейтенанта барона К. Л. Шпигеля он опять дошёл до Перекопа⁶³.

⁵⁹ *Маништейн Х. Г.* Указ. соч. С. 83; Журнал фельдмаршала Лесси о воинских операциях с 1733 по 1737 год. С. 187, 190–192, 218, 224, 234, 240, 261–262, 276–277; *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг. [Т. 1]. СПб., 1906. С. 191–192, 220, 226; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 10. Л. 390 об.–391.

⁶⁰ *Маништейн Х. Г.* Указ. соч. С. 109; Всеподданейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1. С. 176, 181; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 13. Л. 228; Д. 17а. Л. 285 об., 341.

⁶¹ Всеподданейшие донесения гр. Миниха. Ч. 2 // Сб. военно-исторических материалов. Вып. 11. СПб., 1899. С. 175, 182–183; *Масловский Д. Ф.* Материалы к истории военного искусства в России. Вып. 2. М., 1890. С. 18; *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 471–472.

⁶² РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1738 г. Д. 20. Л. 139–139 об.; *Маништейн Х. Г.* Указ. соч. С. 133; *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 549–550.

⁶³ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1739 г. Д. 17. Л. 309–309 об.; *Баиов А. К.* Указ. соч. [Т. 2]. СПб., 1906. С. 273, 278.

Следует отметить, что у братьев де Бриньи сложились весьма натянутые отношения с графом Б. К. Минихом. Не вполне ясно, что стало причиной его неприязни к двум французам: профессиональная ревность на инженерном поприще или что-то иное. Известно, что, как фортификаторы, все трое были приверженцами бастионной системы С. Вобана. Именно по его лекалам строились крепости Украинской линии, проект которой разработал П. П. де Бриньи. То обстоятельство, что этот проект был утверждён Сенатом, могло задеть его непосредственного начальника Б. К. Миниха, известного своим тщеславием и честолюбием. Граф, хотя и признавал Петра Петровича искусным инженером⁶⁴, но результаты его работы по сооружению линии оценил отрицательно, о чём сообщил императрице в апреле 1736 г. «Генерал-майор Дебриньи, управлявший работами по линии, только испортил дело, потому что сам не смотрел, а полагался на рапорты, на лошади он ездить не может, пешком линии обходить далеко и трудно, в коляске объезжать нельзя по причине ям и неровностей», — писал Миних⁶⁵. Возможно, его предвзятость к П. П. де Бриньи связана с событиями 1723 г., когда при обследовании строительства Ладожского канала между ними возникли разногласия на профессиональной почве — не случайно в своём «Известии... о Ладожском канале», написанном 42 года спустя (1765), граф причислил его к своим «ненавистникам»⁶⁶. В записке, поданной императрице Анне Иоанновне в декабре 1737 г., генерал-фельдмаршал дал Петру Петровичу нелицеприятную характеристику: «Весьма дурно ведет себя, зол и ни во что не может быть употреблен. Самое лучшее, если уволить его от службы с награждением деревни или с пансионом 300 рублей, и столь важно место, какое он занимает, поручить другому»⁶⁷. Вскоре после окончания войны, в марте 1740 г., генерал-майор был вынужден выйти в отставку⁶⁸. Французский посланник маркиз Ж. Ж. де ля Шетарди в донесении от 8 августа 1741 г. прямо утверждал, что П. П. де Бриньи «был несправедливо устранён от службы вследствие ненависти, пита-

⁶⁴ В частности, Миних констатировал это в донесениях в Кабинет министров от 19 сентября 1736 г. и от 20 августа 1737 г. (РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 10а. Л. 280; 1737 г. Д. 13. Л. 228).

⁶⁵ Цит. по: *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 394.

⁶⁶ *Миних Б. К.* Известие фельдмаршала Миниха о Ладожском канале. С. 141.

⁶⁷ *Миних Б. К.* Записка, поданная генерал-фельдмаршалом графом Минихом государыне императрице Анне Иоанновне, 1737 году декабря 22 дня, о свойствах и характере генералов, во вверенной ему армии // Северный архив. Ч. 1. 1822. Февраль. № 3. С. 210–211.

⁶⁸ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 11 // Сб. РИО. Т. 138. Юрьев, 1905. С. 133.

емой к нему фельдмаршалом Минихом». Его возвращению в Инженерный корпус способствовала отставка со всех постов старого недруга — «первого министра» графа Миниха⁶⁹. К Андреяну Петровичу последний испытывал не столь явную антипатию. В вышеупомянутой декабрьской записке 1737 г. граф отмечал, что младший де Бриньи «может быть употреблен, только весьма беспокойного характера, интригант и искательный. Надобно весьма держать его в руках». Когда в июле 1737 г. Кабинет министров приказал Миниху рассмотреть присланные А. П. де Бриньи предложения и планы, касающиеся фортификационных работ в Азове, граф дал понять в ответном донесении от 20 августа, что генерал-квартирмейстер вторгается не в своё дело, ведь укреплением Азова занимаются ведущие специалисты Инженерного корпуса — генерал-майор П. П. де Бриньи и полковник Людвиг Гаргунг, «люди искусные», которые от него «надлежащею резелюциею всегда снабдевались»⁷⁰. Тем не менее, граф был высокого мнения о способностях Андреяна Петровича в инженерном деле. По крайней мере, отвечая после дворцового переворота 1741 г. на вопросы следователей, подозревавших «бывшего фельдмаршала» в покровительстве офицерам иностранного происхождения, он пояснил, что рекомендовал де Бриньи-младшего на должность ревельского обер-коменданта по причине «его искусства в инженерстве»⁷¹. Хотя это объяснение и было дано Минихом при специфических обстоятельствах, у нас нет оснований не доверять ему.

А. П. де Бриньи был назначен обер-комендантом Ревеля (ныне Таллин, Эстония) 3 марта 1740 г. Находясь там и выслуживаясь перед ревельским губернатором графом Ульрихом Фридрихом Вольдемаром фон Левендалем, он притеснял начальника артиллерийской команды крепости и приятеля своего старшего брата подполковника Абрама Петровича Ганнибала (прадеда А. С. Пушкина), пытаясь отнять у него казённую квартиру⁷². 1 декабря 1741 г. Андрей Петрович был произведён в генерал-лейтенанты⁷³.

⁶⁹ [Донесения французского посла при русском дворе, маркиза де ла Шетарди, и распоряжения французского правительства за 1741 г., по июнь. Ч. 10] // Сб. РИО. Т. 96. СПб., 1896. С. 262.

⁷⁰ *Миних Б. К.* Записка, поданная генерал-фельдмаршалом графом Минихом... С. 211; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 13. Л. 228–228 об.

⁷¹ Исторические документы 1742 года // Русский архив. Вып. 1. 1864. № 5–6. Стб. 532–533.

⁷² Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 11. С. 133; *Леец Г. А.* Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. 2-е изд. Таллин, 1984. С. 107–113.

⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 387. Д. 224. Л. 1023 об.; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7009. Л. 6.

В августе 1741 г. по указу генералиссимуса герцога Антона Ульриха Брауншвейгского П. П. де Бриньи был отправлен Фортификационной конторой в Астрахань «для приведения тамошней и прочих крепостей в доброе состояние», в связи с ожидавшейся военной угрозой со стороны Ирана. В 1741–1742 гг. в качестве главы Астраханского департамента крепостей генерал-майор укрепил Астрахань и Кизляр, спроектировал Енотаевскую крепость, подготовил проект перестройки Черноярской крепости. В это время он тесно сотрудничал с астраханским губернатором, тайным советником В. Н. Татищевым, у которого с ним были творческие разногласия⁷⁴. Пётр Петрович умер 22 марта 1742 г. в Астрахани⁷⁵.

Его брат указом Правительствующего Сената от 12 июня 1742 г. был назначен командующим группировкой войск на Укрпинской линии, куда прибыл 6 июля. Под началом А. П. де Бриньи находились 20 конных полков Укрпинского ландмилицейского корпуса и три драгунских полевых полка. 30 августа 1744 г., находясь в Киеве, императрица Елизавета Петровна наградила генерал-лейтенанта орденом Святого Александра Невского⁷⁶. По указу Сената от 19 декабря 1744 г. весной следующего года Военная коллегия командировала его в низовья Дона во главе группы инженерных специалистов с целью выбора места для строительства новой пограничной крепости, призванной заменить крепость Св. Анны, составления карт, чертежей и описания местности. Андреян Петрович остановил свой выбор на местности при урочище Богатый Колодезь на правом берегу Дона, где в 1760 г. и была заложена крепость Святого Димитрия Ростовского, положившая начало будущему г. Ростову-на-Дону⁷⁷. Но

⁷⁴ Сенатский архив. Т. 4. СПб, 1891. С. 389; [Донесения французского посла при русском дворе, маркиза де ла Шетарди... Ч. 10]. С. 262–263, 365–366, 371; *Гусарова Е. В.* Астраханские находки... С. 311–312, 338–340; *Ласковский Ф. Ф.* Указ. соч. Ч. 3. С. 273–274, 325–326; *Торопицын И. В.*: 1) Записка В. Н. Татищева о планах застройки крепости Чёрный Яр. Сентябрь 1742 г. // Исторический архив. 2001. № 2. С. 205; 2) В. Н. Татищев: «В Чёрном Яру, Енотаевской и Кизлярской крепостях... иметь крепкую предосторожность»: Строительство и реконструкция укреплений в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе в 1740-х годах // Военно-исторический журнал. 2013. № 3. С. 48–49.

⁷⁵ *Гусарова Е. В.* Астраханские находки... С. 309–310.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 300. Л. 66; Сенатский архив. Т. 5. СПб., 1892. С. 373; Т. 6. СПб., 1893. С. 413; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения до установления в 1797 году орденского капитула. М., 2005. С. 133.

⁷⁷ Сенатский архив. Т. 6. С. 138–140, 165, 294–295 (на двух последних страницах публикаторы ошибочно передали фамилию француза как «Дебриллий»),

А. П. де Бриньи не дожил до этого времени, 17 ноября 1746 г. он скончался⁷⁸. По иронии судьбы, в краеведческой литературе о Ростове его роль в судьбе города никак не отражена.

Братья де Бриньи служили России около четверти века и обрели здесь вторую родину. Их деятельность — очередное подтверждение тенденциозности распространённых в отечественной историографии стереотипных представлений о служивших в России в XVIII столетии европейцах как о поголовно беспринципных авантюристах и карьеристах. Учитывая, что в реалиях XVIII в. инженеры и фортификаторы, будучи обладателями специальных знаний, являлись элитой вооружённых сил, то получивших образование и профессиональные навыки во Франции братьев де Бриньи, несомненно, можно считать одними из наиболее ярких представителей российской технической интеллигенции своего времени. Свой профессионализм они доказывали неоднократно в ходе многолетней и многотрудной службы, в том числе преодолевая недоброжелательность начальства в лице строившего им препоны Б. К. Миниха. Вклад этих французов в развитие военно-инженерного дела в России и повышение её обороноспособности сложно переоценить. Работа над укреплением рубежей огромной страны, братья де Бриньи исколесили её просторы вдоль и поперёк. Пётр де Бриньи спроектировал, построил и отремонтировал десятки укреплений на северо-западе, юге и юго-востоке Российской империи, а Андреян де Бриньи не только воздвиг и усилил несколько крепостей, но и способствовал появлению двух городов, сыгравших впоследствии важную роль в социально-экономическом и культурном развитии Юга России — Ростова-на-Дону и Кизляра.

С. 351–352, 413–414, 569–573; Т. 7. СПб., 1895. С. 361–362; *Ласковский Ф. Ф.* Указ. соч. Ч. 3. С. 258–259.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7009. Л. 6.

Павел Владимирович Лизунов

(Архагельск)

*Заведующий кафедрой истории, философии
и права Гуманитарного института
Северного (Арктического) федерального
университета имени М. В. Ломоносова*

Царь Пётр I и финансист Джон Ло: Две великие личности XVIII столетия в Париже

Пётр I ещё во время своего первого путешествия в Западную Европу, ознакомившись с Амстердамской и Лондонской биржами, пожелал создать в России для купцов, главным образом иностранных, привычные для них условия торговли, а заодно и приобрести русское купечество к европейским торговым обычаям. В Амстердаме Пётр I не мог не видеть большого (230 футов в длину и 130 футов в ширину) кирпичного здания биржи, украшенного тёсаным камнем. Здание было построено в 1611 г. на площади Дам, напротив Амстердамского Разменного банка (Amsterdamsche Wisselbank) и главной конторы Ост-Индской компании. И хотя нет прямых свидетельств посещения русским царём Амстердамской биржи, но, работая на верфи, он не раз проходил мимо неё и не мог не заинтересоваться этим необычным учреждением. Подтверждением тому — заимствование целого ряда обычаев и правил Амстердамской биржи, которые стали известны Петру I, при учреждении биржи в Санкт-Петербурге.

В 1699 г., после возвращения Петра I из-за границы, был опубликован царский указ о торговле по примеру «сторонних чужих земель» компаниями. Попытка Петра учредить купеческие компании

в России вызвала в среде иностранных купцов боязнь потерять преимущество в российской торговле. Голландский резидент Ван-дер-Гульд с большим опасением доносил Штатам об этом намерении царя и со своей стороны принимал всевозможные меры для предотвращения петровской инициативы. Через некоторое время Ван-дер-Гульд не без удовольствия доносил, что замысел царя Петра не имел успеха, поскольку русские купцы в большинстве своём ещё не были готовы торговать сообща компаниями¹.

Заложив в 1703 г. Петропавловскую крепость, Пётр I повелел неподалёку от неё, на Городском острове (Финляндская, Карельская, Санктпетербургская сторона), на центральной площади, построить гостиный двор, а при нём выделить особое место для биржевых собраний купцов. Здесь же стояла временная деревянная церковь св. Троицы, давшая название всей площади. В одном из первых сочинений о Санкт-Петербурге, принадлежащем Феофану Прокоповичу, указывается, что «на той же площади... от северной стороны превеликое квадратное здание (гостиного двора. — *П. Л.*), лицом на полдень к реке смотрящее, в котором камеры, или лавки, отвне купеческие, а внутрь двора художнические, всяких товаров всегда полныя»².

По свидетельству первого историка Санкт-Петербурга А. И. Богданова, первая биржа (в виде собраний купцов) уже существовала в 1704 г. и располагалась внутри гостиного двора, недалеко от Троицкой пристани. Богданов писал, что «сперва за гостиный двор считались просто ряды, в которых продавались товары всякие смешанные» прямо под открытым небом. Здесь же собирался «первоначальный сход купечества для коммерческих сделок»³. Просуществовал этот купеческий «сход» до конца 1704 г., может быть, до начала 1705 г. С постройкой новых торговых рядов, состоящих из нескольких сот грубо сколоченных деревянных лавок, было выстроено особое одноэтажное здание с большим внутренним двором и единственными воротами. Оно больше было похоже на склад товаров, чем, скорее всего, и являлось. В своём историческом описании Санкт-Петербурга Богданов называет его «Большой биржей». Вскоре после сооружения особого здания купеческой биржи по распо-

¹ Мельгунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М., 1905. С. 243.

² Феофан Прокопович. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочине, включительно. М., 1788. С. 89.

³ Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779. С. 108, 125.

ряжению царя было установлено время — с 11 до 13 часов — для ежедневных собраний купцов, которых следовало даже «приневоливать ходить на биржу»⁴.

Намерение Петра I учредить в России торговые компании и биржи окрепло ещё сильнее после его второго путешествия в Западную Европу в 1716—1717 г. В конце декабря 1716 он посетил Амстердамскую биржу, а затем 10 февраля снова был на бирже, разговаривал со многими купцами, расспрашивал о состоянии и потребности голландской и английской торговли⁵. М. Д. Чулков писал, что царь в иностранных государствах «бывая в компаниях с искусными купцами, искал доведываться секретов знатного Голландского банка и вексельных обрядов; а притом с амстердамскими и лондонскими банкирами заблаговременно договорился о корреспонденции, чтоб в землях своей державы те же самые дела завести»⁶.

Из Голландии Пётр I отправился во Францию. По пути он побывал в Антверпене, Брюсселе, Генте, Брюгге. Из «Походного журнала» Петра I известно, что 1 апреля 1717 г. он посетил биржу в Антверпене.

Пребывание Петра I во Франции совпало с началом акционерной горячки и биржевой игры, охватившей всё парижское общество, что едва ли могло остаться без царского внимания⁷. Спекулятивное увлечение ценными бумагами было вызвано финансовыми операциями знаменитого шотландского финансиста Джона Ло оф Лористона (John Law of Lauriston)⁸. Учреждённый им 2 мая 1716 г. Генеральный банк (Banque Générale de France) уже в первые два года своей деятельности имел поистине потрясающий успех. Банкноты

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 1069. Л. 1.

⁵ [Голиков И. И.] Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинения И. И. Голикова. Изд. 2-е. Т. 6. М., 1838. С. 171—172, 197, 580.

⁶ [Чулков М. Д.] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего и всех преимущественных узаконений по оной императора Петра Великого... Т. IV. Кн. 1. М., 1785. С. 56.

⁷ Первые сделки с ценными бумагами в Париже появляются после учреждения в 1702 г. заёмной кассы (Caisse des Emprunts) на улице Кэнкампуа (rue de Quincampoix).

⁸ См.: Бабст И. К. Джон Ло или финансовый кризис во Франции в первые годы регентства. М., 1852; Бэр А. История всемирной торговли. Ч. II. М., 1876. С. 213—222; Горн Э. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов / Пер. с нем. И. П. Шипова с предисловием И. Х. Бунге. СПб., 1895; Троицкий С. М. «Система Джона Ло и её русские последователи // Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970. С. 90—138.

банка, выпуск которых Д. Ло успешно реализовал во Франции, широко внедрили в обращение и даже пользовались преимуществом перед звонкой монетой.

В августе 1717 г. Джон Ло основал во Франции своё второе «гигантское предприятие» — Западную компанию (Compagnie d'Occident). Современники чаще называли её Миссисипской компанией, поскольку первоначально она была создана для «разработки сокровищ» в бассейне реки Миссисипи — территории, принадлежавшей тогда Франции. В отличие от процветавших уже более столетия английской и голландской Ост-Индских компаний, акции Компании Миссисипи предназначались для продажи на бирже самому широкому кругу лиц, желавших их приобрести. Западная компания была тесно связана с государством. Она получила от правительства огромные привилегии и монополии. В правление компании входил сам регент Франции Филипп Орлеанский. Миссисипская компания была тесно связана с Генеральным банком, который 4 декабря 1718 г. перешёл к государству и стал называться Королевским банком. Однако все нити управления остались у Д. Ло. 5 января 1719 г. он был назначен директором этого банка. В мае того же года вышел декрет, по которому две большие компании, Ост-Индская и Китайская, были слиты с Западной, получившей новое название Индейской компании (Compagnie des Indes).

Финансовая система Джона Ло породила ажиотаж и спекуляцию при купле-продаже акций учреждённой компании. Спрос на акции значительно превышал их выпуск, и при объявлении очередной подписки у дверей компании выстраивались огромные очереди, стоявшие и днём, и ночью. Новые акции можно было выкупать с рассрочкой в 20 выплат, необходимо было только внести задаток. Через полгода цена акций в несколько раз превышала номинальную стоимость. В середине 1719 г. компания продавала свои акции номиналом в 500 ливров по 1000 ливров, в конце года цена поднялась до 10—11 тыс. ливров. 30 декабря вечером, после отчётного собрания компании, акции поднялись до 15 170 ливров. Через шесть дней, 5 января 1720 г., они продавались уже по 18 тыс. и вскоре остановились на 20 тыс. ливров⁹. В расчётах за акции золото и серебро принимали с большой неохотой. Почти все расчёты производились в банкнотах, выпускаемых Д. Ло.

Знаменитая небольшая улочка Кэнкампуа (rue Quincampoix) в Париже, где под открытым небом возникла неофициальная биржа,

⁹ Горн Э. Указ. соч. С. 339.

во времена Джона Ло могла соперничать с биржами Амстердама и Лондона¹⁰. С раннего утра до позднего вечера здесь с целью поменять луидоры на ассигнации теснилась самая разнородная толпа игроков и спекулянтов, от знатных лиц до простого люда. Население Парижа за счёт приехавших провинциалов возросло до полумиллиона человек, цены на квартиры и продукты поднялись неимоверно.

Н. М. Карамзин, побывавший в Париже в 1790 г., застал ещё память о тех событиях: «Тут горбатые торговали своими горбами; то есть позволяли ажиотёрам писать на них и в несколько дней обогащались. Слуга покупал экипаж господина своего; демон корыстолюбия выгонял философа из учёного кабинета и заставлял его вмешиваться в толпу игроков, чтобы покупать мнимые ассигнации»¹¹. Эта неестественная ситуация не могла продолжаться бесконечно. Осенью рокового 1720 г. произошёл крах, и система Д. Ло рухнула: «Сон исчез, осталось простая бумага...»¹². Когда обнаружилась полная несостоятельность банка, по книгам было раскрыто, что выпущено 3 миллиарда билетов, а в качестве обеспечения в кассе было на 21 млн звонкой монеты, на 28 млн слитков и на 289 млн векселей, из которых большая часть была безнадежной. Д. Ло бежал из Парижа и после долгого скитания умер в 1729 г. в бедности, оставив после себя недобрую память. Джон Ло оставил в наследство своему семейству несколько картин и бриллиант, оценённый в 40 тыс. ливров.

¹⁰ В Париже ранняя биржа долгое время располагалась на Плас-о-Шанж, возле Дворца Правосудия. Во времена Джона Ло биржевые собрания происходили на узкой улице Кэнкампуа, где большинство банкиров имели свои конторы. Когда знаменитое предприятие Д. Ло рухнуло и полиция разогнала торговцев, спекулянты перебрались на площадь Людовика Великого, переименованную впоследствии в Вандомскую, а затем в сад при Отеле де Суасон принца Кариньо. Разорённый Джоном Ло принц Кариньо выхлопотал разрешение на сдачу торговцам внаём своего сада, где были устроены 600 деревянных будок с платой по 300 ливров в месяц. Но из-за творившихся здесь «безобразий» и эта биржа была в 1720 г. запрещена. Только четыре года спустя после постановления Совета биржа обосновалась в Отель де Невер (или Отель Мазарини) на улице Вивьен. Когда в 1789 г. вспыхнула революция, биржевики были оттуда изгнаны. Новым их пристанищем временно стал Божий дом, церковь *Petits-Perees*. Лишь в 1826 г. при Людовике XVIII после долгих мытарств они нашли себе постоянное убежище. См.: *Филипов Ю. Д.* Биржа. СПб., 1912. С. 16; *Кулишер И. М.* История биржи // Банковая энциклопедия. Т. 2. Биржа. Киев, 1916. С. 68–71; *Kaufmann E.* Фондовые биржи во Франции // Там же. С. 98–100; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 97–99; *Milles R. S.* Die Pariser Börse. Berlin, 1910; *Tacuber B.* Die Börsen der Welt. Berlin; Leipzig; Hamburg, 1911.

¹¹ *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., 1964. С. 432.

¹² Там же.

В «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин приводит разговор с французским аббатом, который не без основания полагал, что «Жан Ла несчастною выдумкою банка погубил и богатство, и любезность парижских жителей, превратив... маркизов в торгашей и ростовщиков; где прежде раздроблялись все тонкости общественного ума, где все сокровища, все оттенки французского языка истощались в приятных шутках, в острых словах, там заговорили... о цене банковских ассигнаций, и дома, в которых собиралось лучшее общество, сделалось биржами»¹³. В России нечто подобное произойдёт только через 150 лет.

Несомненно, Пётр I знал о Джоне Ло и был наслышан о его финансовых предприятиях. Находившийся в 1719–1721 гг. в Англии для изучения «свободных наук» князь Иван Андреевич Щербатов перевёл книгу Д. Ло «*Considérations sur le numéraire et le commerce par J. Law*», озаглавив её «Деньги и купечество, рассуждено с предложениями к присовокуплению в народе денег, чрез господина Ивана Ляуса, ныне управителя королевского банку в Париже...». Щербатов преподнёс свой труд Петру I, чтобы тем содействовать склонности всепресветлейшего государя «ко установлению художеств и купечества, такожде как и наук...»¹⁴. К своему переводу князь Щербатов присоединил своё посвящение царю и предисловие.

После бесславного изгнания в декабре 1720 г. Джона Ло из Франции Пётр I хотел пригласить его на русскую службу, чтобы использовать его финансовые знания и опыт. Царь повелел ассессору Берги и Мануфактур-коллегии Габриелю Багарету де Пресси (*G. Vargueret de Pressi*) подготовить наказ, который вчерне сам правил, чтобы тот предложил Джону Ло (названому в царском наказе Ляусом) княжеский титул, чин действительного тайного советника, звание обергофмаршала, орден св. Андрея Первозванного, 2 тысячи крестьянских дворов, право строить укреплённые города, населять их иностранными мануфактуристами. Ему также предлагалось, если пожелает, «рудокопные дела, такожде персидскую торговую компанию в российском государстве сам сочинить и учредить». За всё это была определена сумма в размере «токмо одного миллиона рублей, или по той цене серебром в его царского величества казну»¹⁵. Подобное предложение, на случай отказа самого Джона Ло, «было велено сде-

¹³ Там же. С. 379.

¹⁴ *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 244–245; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 90–138.

¹⁵ *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. 247; Наказ Петра I Берг-коллегии Багарету де Пресси о приглашении Д. Ло на русскую службу. См.: *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 136–138.

лать его сыновьям или зятьям его, если только они способны к делам, которыми занимается Д. Ло». Если же и это не удастся, то Пётр I готов был ждать от него предложение: «коим образом и какими кондициями он сам в персидскую компанию, или в рудокопная, или в иныя здешнего государства дела вступить намерен, и в чем его царское величество во ином деле свою царскую склонность и почтение ему оказать может?»¹⁶. Никому из иностранцев при Петре I не предлагались такие привилегии и такого огромного жалования, как Д. Ло. Габриель де Пресси встречался с Д. Ло и передал предложение Петра I, но не смог убедить его принять приглашения приехать в Россию. Что заставило того отказаться от столь щедрого предложения, можно только догадываться.

¹⁶ Понятие о банках в России при Петре Великом // Биржа. 1872. 1 июня.

Вадим Владимирович Аристов
(Кингисепп, Будапешт)

Президент Исторического общества Ямбурга – Кингисеппа

Французы в русском плену: Петербург, Копорье, Нарва (1734–1735)

Впервые русские и французские войска столкнулись на поле сражения во время Войны за польское наследство (1733–1735). Война началась после смерти саксонского курфюрста и короля Польши Августа II. Новым польским королём был избран Станислав Лещинский. Его кандидатуру активно поддерживала Франция. Король Людовик XV был женат на дочери Лещинского, Марии.

Россия и Австрия (Священная Римская империя германской нации) выступила в поддержку Августа III сына покойного Августа II. Императрица Анна Иоанновна послала в Польшу русские войска под командованием фельдмаршала Миниха и генерала Ласси с целью свергнуть Лещинского. Но Лещинский покинул Варшаву и укрылся в Данциге. Когда русские подошли к этому городу, Людовик XV прислал на помощь Лещинскому эскадру с французским десантом. Это были три полка — Блезуа, Ламарш и Перигор. Их общая численность составляла около 2 тысяч солдат и офицеров¹. Они были высажены в устье реки Эльбы и заняли форт Вейксельмюнде, возле Данцига. Французы провели смелую атаку на русские войска, но, потеряв 300 человек убитыми и ранеными, вынуждены были отступить². Французская эскадра ушла. Спустя месяц французский десант сдался.

¹ Историк Русской армии Антон Керсновский писал о четырёх французских полках общей численностью 5 тысяч человек. См.: *Керсновский А. А. История Русской армии*. М., 1999. С. 58.

² *В. Т. Иностранцы о России // Исторический вестник*. СПб., 1899. Т. 78. С. 721. (Автор статьи Тимирязев В. А.).

По условиям капитуляции французские полки должны были быть вывезены в один из шведских портов, где получали свободу. Миних и командующий русской эскадрой адмирал Гордон поклялись, что эти условия будут выполнены. Французы погрузились на корабли, но вместо шведских берегов оказались на рейде Ревеля (Таллина). Когда на другой день корабли продолжили путь, Гордон «заявил французам, что везёт их в Россию, где её величество, русская императрица, желала их видеть»³.

12 июля 1734 г. (все даты в статье даны по новому стилю) русская эскадра прибыла к Кронштадту. Из кабинета министров пришло распоряжение: прислать старших офицеров от всех трёх французских полков во главе с бригадиром де Ламоттом в Петербург, а остальных пленным держать на кораблях. Как пишет в своих мемуарах о русском плене подполковник Блезуаского полка Агей де Мион, даже русские офицеры были удивлены нарушением условий капитуляции. В Кронштадте адмирал Головин дал в честь де Ламотта обед. Головин сказал, что «Если бы с ним случилось нечто подобное <...> то он сломал бы свою саблю и не стал бы более служить её величеству императрице»⁴.

21 июля де Ламотт и другие французские офицеры (всего 10 или 12 человек) были приняты Анной Иоанновной в Гроте Летнего сада, где стоял её Летний дворец. Она позволила им поцеловать руку. Пленным было сказано, что императрица хотела сохранить условия их капитуляции в силе, однако ещё до начала военных действий французские корабли захватили русский фрегат «Митава» и три почтовых судна. Поэтому императрица будет удерживать французских военных до тех пор, пока ей не возвратят захваченные русские суда⁵.

Была и другая причина, переданная в письме Клавдия Рондо, английского посланника при русском дворе. В Петербург дошли слухи, что из Франции под Данциг направляется новая эскадра с 8-тысячным десантом. Поэтому у русских властей возникло опасение, что отпущенные на свободу в Швеции французы могут снова быть использованы против русских войск⁶.

Чтобы как можно скорее закончить обмен пленным на русские суда, царица разрешила трём французским офицерам отвезти её декларацию во Францию. До возвращения их назад она «назначила каждому французскому солдату по пяти су в день, кроме хлеба, соли

³ Там же. С. 723.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Сб. РИО. Т. 76. СПб., 1891. С. 235.

и мяса. Что же касается офицеров, то императрица обещала при-
слать им денег, если они нуждались в них»⁷.

После встречи с русской императрицей всем прибывшим в Петер-
бург офицерам была устроена небольшая экскурсия по новой столице
России. Главным местом их посещения стали Академия наук, Импе-
раторская библиотека и Кунсткамера, где французам показали всё,
что «смотрения достойно», а также угощали напитками. Как сообща-
ла газета «Санкт-Петербургские ведомости», из Академии наук фран-
цузы «возвращались... с превеликим удовольствием»⁸.

Вероятно, это была самая первая группа французских экскур-
сантов в Петербурге. По иронии судьбы они оказались и первыми
французскими военнопленными в России.

Три французских офицера отправились с декларацией импе-
ратрицы Анны Иоанновны в Версаль к Людовику XV. Остальных
же было приказано выгрузить с кораблей на южном берегу Фин-
ского залива, между Ораниенбаумом и Красной Горкой⁹. С 16 июля
здесь был разбит первый палаточный лагерь французских воен-
нопленных¹⁰.

В охрану французов власти назначили батальон Ингерманландс-
кого полка во главе с майором лейб-гвардии Людвигом (Иван Ива-
новичем) Альбрехтом. Это был надёжный человек императрицы
Анны. Он осуществлял негласный надзор за царевной Елизаветой
Петровной. В награду от Анны Иоанновны получил в Ямбургском
уезде столичной губернии мызу Котельскую с прилегающими де-
ревнями и крестьянами¹¹.

Власти думали, где разместить военнопленных французов. Сна-
чала планировалось несколько сот человек оставить в Петербурге, а
тысячу отправить в Ивангород, входивший тогда на правах пригоро-
да в состав Нарвы. В Ивангороде пленные должны были разме-
щаться на территории обширной крепости. При этом жить они там
могли свободно — в казармах и квартирах¹². Однако нарвский ко-
мендант Голенищев-Кутузов сообщил, что возможности принять
тысячу человек у него нет. Тогда последовал приказ перевести всех
пленных в Копорье. В этом маленьком уездном центре Петербург-

⁷ В. Т. Указ. соч. С. 724.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 11 июля 1734 г.

⁹ Сб. РИО. Т. 108. Юрьев, 1900. С. 262.

¹⁰ См.: Там же. С. 263.

¹¹ Мурашова Н. В., Мыслина Л. П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской
губернии. Кингисеппский район. СПб., 2003. С. 103–104.

¹² См.: Сб. РИО. Т. 108. С. 260.

ской губернии тоже имелась крепость, правда, совсем небольшая. Поэтому размещаться пленные должны были не в ней, а «в лагере пристойным образом в полковых палатках»¹³.

23 июля пленные прибыли в Копорье и расположились лагерем вокруг крепости. Для их охраны в помощь Альбрехту и батальону Ингерманландского полка были посланы 300 морских солдат под командованием капитана Тетау¹⁴.

По всей видимости, майор Альбрехт — немец по происхождению и воспитанию — по понятиям того времени был излишне строг и придирчив к французам. Об этом говорят их жалобы на него¹⁵. Но всё-таки даже при нём Копорский лагерь военнопленных не представлял собой концлагеря, как это пытаются представить некоторые современные исследователи¹⁶.

Французы жили в своих полковых палатках так же, как и охранявшие их русские солдаты. Пленным офицерам были оставлены их шпаги. По словам де Миона, пребывание военнопленных в Копорье «было довольно спокойное, особенно после того, как пленным дозволено было охотиться и гулять одним без конвоя, а также писать письма во Францию...»¹⁷.

На содержание пленных французов русское правительство сначала выделило 2 тысячи рублей. 27 июля добавило ещё 6 тысяч. А ещё через четыре дня, 31 июля, императрица Анна Иоанновна предписала Миниху: «Пленным солдатам в прибавок к провианту по три копейки (в день. — В. А.) добавить позволяется»¹⁸.

При этом у пленных имелись свои деньги, которые они могли свободно менять через командира русской охраны. Из Петербурга в Копорье пришло разрешение менять «германские, венгерские и голландские дукаты... по 2 рубля» за один дукат. А те же европейские монеты, но лучшего качества — по 2 рубля 10 копеек¹⁹.

Денег у французских военнопленных, по-видимому, оказалось достаточно. Они обращались к русскому начальству за разрешением послать трёх своих товарищей в Петербург или Нарву для покупки дополнительной провизии²⁰.

¹³ Цит. по: *Назарова И.* Свидетель. Санкт-Петербургская губерния. XVIII век. Новые материалы. СПб., 2005. С. 19.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 108. С. 258.

¹⁵ См.: *Назарова И.* Указ. соч. С. 30.

¹⁶ См.: Там же. С. 68.

¹⁷ *В. Т.* Указ. соч. С. 724.

¹⁸ Там же. С. 282.

¹⁹ Там же. С. 287.

²⁰ Там же. С. 317.

6 августа прежнюю охрану Копорского лагеря французских военнопленных заменили на новую. Вместо майора Альбрехта был назначен подполковник Василий Лопухин, а батальон Ингерманландского полка заменён солдатами и офицерами Астраханского полка. Вместе с Лопухиным прибыл капитан флота Полянский. По всей видимости, ему было поручено командовать морскими солдатами охраны.

8 августа Лопухин написал свой первый рапорт о больных французах и потребовал для них от начальства постелей, одеял и рубашек. Уже на следующий день кабинет-министры Остерман и Черкасский распорядились, чтобы из Сухопутного госпиталя «без умедления» было выделено 150 одеял, под которыми могли бы спать по два человека²¹. 11 августа Лопухин сообщал уже не только о больных, но и об умерших французах²².

Болезни и смерти среди французов распространились вовсе не от того, что содержание в Копорье было сравнимо с жизнью в концлагере. При всей нелюбви историков к императрице Анне Иоанновне, такое сравнение несправедливо ни в отношении неё, ни в отношении русских властей XVIII века. И, конечно, цинично в отношении жертв концлагерей века XX-го.

Следует помнить, что вплоть до конца XIX столетия во всех армиях Европы санитарные потери зачастую превышали потери боевые. Эпидемии заразных и простудных заболеваний выкашивали больше солдат, чем их погибало на поле боя. Вероятно, какая-то эпидемия началась и среди французов в Копорье.

Подполковник Лопухин старался, как мог, помочь пленным и вёл себя с ними по-рыцарски. «Он всегда общался с нами мягко и предупредительно, — писал де Мион в своих воспоминаниях, — а его молодая красивая жена (Екатерина. — *В. А.*), близкая родственница царицы (через своего мужа Василия Лопухина. — *В. А.*) и дочь Ягужинского, русского посланника в Берлине, говорила очень хорошо по-французски и была чрезвычайно любезна с нами. <...> Новый начальник нашего конвоя всегда старался сделать нам приятное, принимал нас у себя очень радушно и устраивал нам иногда праздники. Он помещался так же, как и мы, в палатках... У него всегда был открытый буфет с различными винами и водкой, так что когда мы приходили к нему, то, по обычаю страны, нам подавали сначала трубки, а потом вина и водки»²³.

²¹ Там же. С. 305–306.

²² См.: Там же. С. 307.

²³ Там же. С. 724.

Василий Лопухин был родным племянником первой жены Петра I — царицы Евдокии Фёдоровны. Василий Лопухин остался в русской истории как отважный генерал. Он погиб в 1757 г. в сражении при Гросс-Егерсдорфе, командуя левым флангом армии.

В 1734 г. подполковник Лопухин проявлял истинное благородство в отношении пленных французов, оказавшихся в России. Вместе с капитаном флота Полянским Лопухин не просто просил, а требовал в своих рапортах для больных французов одеял и медикаментов²⁴.

Однако медицина того времени против многих болезней была бессильна. В целом за время пребывания в России первых французских военнопленных здесь умерло до 400 солдат и 15 офицеров²⁵. Таким образом, санитарные потери французов в русском плену в 1734 г. составили примерно 20 %. Лопухин даже требовал от русского правительства выплаты жалования семьям некоторых французских солдат, умерших в Копорском лагере²⁶.

Следует сказать, что не все французы вели себя в плену спокойно. В рапорте Лопухина от 18 августа сообщалось, что в Копорском лагере был найден убитым французский капрал²⁷. Через пять дней последовал рапорт «о двух французских поручиках, которые к копорскому жителю в окошко и в ворота ломились и шпагою кололи фурыера и на караульных солдат бросались колоты»²⁸. Речь идёт о нападении на местного жителя и охрану лагеря.

В ответ на это известие из кабинета министров последовал указ «о содержании за предрзости французских поручиков под караулом и фельгера и кригс-рехта»²⁹. Режим был ужесточён только для этих четырёх нарушителей. Несмотря на факт применения поручиками шпаг против русской охраны, личное холодное оружие всем остальным офицерам по-прежнему было оставлено. Правительство Анны Иоанновны продолжало оставаться к пленным французам достаточно лояльным.

Забота русского правительства о военнопленных проявилась в переводе их на зимние квартиры из Копорья в Нарву. Указ об этом появился 2 сентября (22 августа по старому стилю). В указе предписывалось: в Нарве «разставить их по квартирам на обывательских

²⁴ Сб. РИО. Т. 108. С. 329.

²⁵ В. Т. Указ. соч. С. 724.

²⁶ Сб. РИО. Т. 108. С. 338.

²⁷ Там же. С. 328.

²⁸ Там же. С. 320.

²⁹ Там же. С. 335.

дворех, прибавя к тому <...> и из казарм, смотря по числу покоев, по рассмотрению тамошнего коменданта и подполковника Лопухина, того ради надлежит военной коллегии старание иметь, дабы для оного полку и французов потребный провиант <...> отправлен был <...> заблаговременно, також и для отвозу оных французов и больных и полковой амуниции и прочаго заготовлены были <...> уездные подводы, сколько потребно будет <...> а ежели которых больных французов ныне везти будет невозможно, то оных оставить по-прежнему в Копорье, покамест они к тому переезду в состояние придут (то есть выздоровеют. — *В. А.*)»³⁰.

Нарва для французских военнопленных оказалась местом значительно более предпочтительным, чем Копорье. Это был европейский город по своей архитектуре и населению. Де Мион вспоминал, что существование французов в Нарве «было гораздо приятнее, чем в копорском лагере, только их помещения были очень тесны, так как в небольшой комнате (в узких средневековых домах. — *В. А.*) находилось до 12 офицеров. Зато пища была обильная: белый хлеб, хорошая говядина и очень дешёвая дичь, лишь одно вино стоило дорого»³¹.

4 октября Лопухин объявил пленным, что в Россию для переговоров об их выдаче приехал посланец Футон де Лестан. Начальник русской охраны сообщил также, что «Взятый французами фрегат “Митава” отправлен в Россию и прибыл уже в Копенгаген, что в Кронштадте снаряжается шесть судов для отправки французов на родину и что <...> императрица дозволила Ламоту с некоторыми офицерами приехать в Петербург проститься с нею»³².

Вместе с Ламотгом в русскую столицу отправились полковники и по два офицера от каждого полка. Среди них находился и цитируемый де Мион.

9 октября пленные офицеры прибыли в Петербург. В первый день их разместили в небольшом доме, «куда привезли из дворца роскошный ужин, поданный на серебре». Правда, спасть положили на полу, на соломе. На другой день их перевели в дом Лопухина, где тоже подавался обед на серебре, но уже «с императорскими гербами»³³.

11-го была назначена аудиенция у императрицы. Утром за французами прибыли придворные экипажи, каждый из которых сопро-

³⁰ Там же. С. 336.

³¹ *В. Т.* Указ. соч. С. 724–725.

³² Там же. С. 725.

³³ Там же.

вождали 4 гвардейца. Французов отвезли в Летний дворец Анны Иоанновны, который, по словам Миона, хотя и «был деревянный, но так хорошо выкрашен, что можно было принять его за каменный»³⁴.

Во дворце французов повели к вице-канцлеру Остерману. «Он принял нас вместе с князем Черкасским очень любезно, говорил с нами на прекрасном французском языке и выказал большой ум, — писал Мион. — Он сам проводил нас в императорские апартаменты, и мы были удивлены необычайным блеском как придворных особ, так и придворной прислуги. <...>

Остерман представил нас императрице, и Ламот произнёс речь, в которой благодарил её за оказанные нам милости во время пребывания в её государстве. Она отвечала <...> что всегда желала, чтобы с нами хорошо обращались <...> Потом она дозволила нам поцеловать свою руку и удалилась в сопровождении принцесс Анны и Елизаветы (будущих правительниц России Анны Леопольдовны и Елизаветы Петровны. — *В. А.*), которые находились при ней. Мы нашли, что императрица отличалась величественным видом <...> У неё, кажется, очень мягкий и добрый нрав»³⁵, — замечает де Мион в своих мемуарах.

Вечером того же дня французские офицеры осмотрели Петропавловскую крепость. На следующий день посетили Бирона и графа Лёвенвольде. Потом присутствовали на параде Преображенского полка и осматривали Зимний дворец.

В целом прибывшие из Нарвы французы пробыли в Петербурге 10 дней. Они присутствовали на смотрах войск, придворных приёмах, посвящали время осмотру городских достопримечательностей и посещению знатных персон.

На смотре Семёновского полка они снова встретились с императрицей, и она опять позволила им поцеловать руку. Французы осмотрели манеж Бирона, где им показали его лучших лошадей. Больше всего они разговаривали с князем Б. И. Куракиным, «который очень любезен и прекрасно знает Францию»³⁶.

14 октября императрица снова пригласила французских офицеров во дворец, и они присутствовали при её туалете. Это был знак особого расположения к приглашённым. «Все туалетные принадлежности, — пишет де Мион, — были из чистого золота»³⁷.

³⁴ Сб. РИО. Т. 108. С. 726.

³⁵ Там же. С. 726–727.

³⁶ Там же. С. 728.

³⁷ Там же.

Французов оставили обедать при дворце. По словам Лёвенвольде, это «было необыкновенной почестью, так как со времени <...> восшествия (Анны Иоанновны. — В. А.) на престол она не делала этого ни для одного принца и ни для одного посланника». За обедом присутствовали представители высшей элиты тогдашней России: фельдмаршал Миних, адмирал Головин, князь Куракин, Бирон. «Обед был великолепный, посуда богатая. Гости провозглашались... за русскую императрицу, за французского короля...»³⁸.

Спустя три дня начались прощальные аудиенции. Состоялось последнее свидание французов с Анной Иоанновной. «Императрица была ещё милостивее и любезнее»³⁹. Прощальные визиты французские офицеры нанесли и двум царевнам — Анне Леопольдовне и Елизавете Петровне.

Миних сообщил Ламотту, что императрица отпускает на свободу 30 пленных французов, которые тоже были взяты под Данцигом, но почему-то содержались в одной из тюрем Петербурга. Очевидно, пребывание этих французов в России было менее приятным, чем у пленных из Копорского лагеря и Нарвы.

Приближалась зима, и императрица явила ещё одну милость к пленным. Она «приказала выдать всем французским солдатам по полушубку и по паре тёплых чулок и башмаков»⁴⁰.

21 октября пленные офицеры вернулись в Нарву, а Лопухин получил указ об отправке всех пленных на кораблях домой через Копенгаген. Три дня спустя для французских офицеров, числом 140 человек, Лопухин устроил в Нарве прощальный обед. Как сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», «Все столы наилучшими конфетами, кушаньями и презрядным венгерским, бургундским и шампанским вином в довольстве уставлены были. Помянутые французские офицеры показывали себя при том так весело, что <...> до полуночи у одного <...> подполковника просидели»⁴¹.

Началась подготовка к отъезду. Французские офицеры сами наняли один корабль (галиот), чтобы погрузить на него своих больных солдат. Русское правительство этому не препятствовало. Кроме того, французским офицерам разрешили сажать своих людей на другие корабли, как они сами хотят «для простору и покою своего»⁴².

³⁸ Там же. С. 729.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 730.

⁴¹ Санкт-Петербургские ведомости. 17 октября 1734 г.

⁴² Сб. РИО. Т. 108. С. 411.

К тому времени в Нарву прибыли выздоровевшие солдаты и сержанты из Копорья, а также капитан де Буси из Кронштадта⁴³.

Суда из Кронштадта пришли в конце октября. Выйти в море из Нарвы смогли только через несколько дней. Причиной задержки стал лёд. Когда же море немного освободилось и суда двинулись в путь, начался шторм. В результате судно, на котором находился де Мион, оставивший свои воспоминания о первых французах в русском плену, достигло берегов Дании только к концу ноября.

9 декабря «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили, что три судна с французами прибыли в Копенгаген. Прибытие четырёх других судов ожидалось. Очевидно, они тоже благополучно добрались до Копенгагена. Оттуда французы были переправлены во Францию.

Однако осенью 1734 г. из Нарвы были отправлены не все французские военнопленные. Триста больных были оставлены здесь до выздоровления. В Нарве им были выделены квартиры. Вероятно, эти французы отправились на родину весной 1735 г.

И всё-таки небольшая часть французских военнопленных, числом 14 человек, навсегда осталась в России. Это были 11 военных, двое мастеров и лекарь. Они нанялись на русскую службу, находясь ещё в Копорском лагере. За это получили по 5 рублей от подполковника Лопухина и по 15-ти «от надворного интенданта». Письмо кабинет-министров императрицы Анны Иоанновны от 30 декабря 1734 г. предписывало отослать их всех в Москву и выдать там ещё по 10 рублей. После этого 11 французов определялись в капралы и унтер-офицеры и немедленно направлялись «в полевые полки <...> при царицынской линии». Двоих мастеров — чулочного и суконного дела — распределили на фабрики, а лекаря — в медицинскую канцелярию⁴⁴.

Освободив всех французских пленных, Анна Иоанновна гордо отказалась от денежной компенсации, предложенной Людовиком XV, хотя расходы по их содержанию были достаточно велики. Очевидно, таким жестом императрица Анна Иоанновна хотела показать французскому королю, а заодно и всей Европе, что Россия при её правлении — это вовсе не варварская страна. В ней чтут правила ведения войны, принятые в тогдашнем цивилизованном мире, и по-рыцарски относятся к своим побеждённым противникам. Ну, и, конечно, приглашённые ко двору Анны французские офицеры должны были рассказать на родине, что русский императорский двор не уступает французскому в роскоши,

⁴³ Там же. С. 408.

⁴⁴ Там же. С. 485–486.

а новая столица России, Санкт-Петербург, является одним из самых красивых городов Европы.

Что же касается государственных отношений России и Франции, они оставались холодными. 21 декабря 1734 г. английский посол Клавдий Рондо писал о позиции императрицы Анны Иоанновны: «Государыня твёрдо решила не входить с версальским двором ни в какие сделки»⁴⁵.

Так закончилась история пребывания в России первых французских военнопленных во времена императрицы Анны Иоанновны и войны за Польское наследство.

⁴⁵ Сб. РИО. Т. 76. С. 338.

Александр Михайлович Пашков
(Петрозаводск)

*Профессор кафедры отечественной истории
Петрозаводского государственного университета*

«Французские фабрики» в Петрозаводске (1765–1778): Из истории диффузии французских промышленных технологий в России

В 1765 г. в Петровской слободе, в пойме реки Лососинки возникло предприятие, названное современниками «французскими фабриками». Его основателями были предприниматели из Лиона Пьер-Жан Барраль (Pierge-Jean Barral) и Дени Шанони (Denis Chanony), прибывшие в Россию по манифесту Екатерины II от 22 июля 1763 года¹.

Молодая императрица, придя к власти в июне 1762 г., понимала, что Россия — это огромная страна с богатейшими природными ресурсами и довольно большим населением, но испытывающая нехватку в специалистах и передовых промышленных технологиях. Поэтому она сразу начала политику по привлечению в страну квалифицированных европейцев.

В 1762 г. П.-Ж. Барраль, купец из Лиона и протестант, пытался организовать в своём родном городе производство жести по английскому образцу совместно с Д. Шанони, у которого был опыт работы

¹ О позволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованным им правах [Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 года] // ПЗС. Т. 16. № 11880. С. 313–316.

в металлургии и в лионской шёлковой промышленности. Но вскоре их предприятие закрылось, и компаньоны решили откликнуться на манифест Екатерины II к иностранным подданным от 22 июня 1763 г. и попытаться создать предприятие по производству жести и жестяных изделий в России. Судя по всему, они имели хорошие связи в Петербурге, поскольку уже 24 февраля 1765 г. заключили выгодный контракт с Берг-коллегией на создание на Петровских заводах (ныне Петрозаводск) фабрики по производству «белого железа» (так тогда называли жечь) и изделий из него².

По условиям контракта Пётр Бараль и Денис Шаноний (как их именовали в России) должны были создать на Онежском озере, «на так называемых Петровских заводах» фабрики по производству жести («белого железа») и «из оного делания всякой поваренной посуды, лужению железных листов», выплавке стали и изготовления из неё панцирей для кавалеристов — кирас, а также кос, пил, серпов и даже напёрстков.

Им выделялось «в вечное и потомственное владение» одна квадратная верста земли на Петровском заводе «у вышнего пруда с плотиною». Канцелярия Петровских заводов обязана была силами приписных крестьян обеспечивать французские фабрики «потребным лесом, углём и дровами», включая доставку, а фабриканты должны были оплачивать эти работы по фактическим затратам («за истинную цену»). Адмиралтейская коллегия должна была выделить «по требованию оных фабрикантов» даже дефицитный «дубовый сухой лес к построению машин вододействующих» также по существующим расценкам.

Для обеспечения своего предприятия рабочей силой П.-Ж. Барраль и Д. Шанони получили из Петровских заводов необходимое число рабочих. Им разрешили взять, когда потребуется, всех «молотовых и дошатых мастеров, подмастерьев и учеников». Российские власти в свою очередь настояли на том, чтобы к каждому производству, кроме кирасного, было приставлено по четыре человека из местных «бергауэров» — горнозаводских рабочих, «которые помоложе, и, буде можно, набрать читать и писать умеющих». Предполагалось также прислать на французские фабрики для обучения мастеров, подмастерьев и учеников из Екатеринбургa «с прежних лудильных фабрик». Всех нанятых на фабрики русских казённых мастеров,

² О заведении в Новгородской губернии, на Петровских заводах, фабрики для делания разных изделий из белого железа. Высочайше утвержденный контракт, заключенный в Берг-коллегии с фабрикантами французской нации Баралем и Шанонием [от 22 июля 1763 года] // Там же. Т. 17. № 12333. С. 63–66.

подмастерьев и учеников фабриканты должны были содержать «на своём жалованье», но «не ниже того, как ныне из казны получают». Если «по обширности их фабрик» этих людей будет мало, разрешалось на фабрики «вольных работных людей нанимать, где и по какой цене достать могут», а также привлекать «до 50 человек из приписных крестьян» с двойной плакатной оплатой.

Кирасы как продукцию военного назначения разрешалось изготавливать «только для употребления в России, а не для вывозу в чужие области». Их изготовлением должно было заниматься «пристойное число людей» из артиллерийского ведомства, уже имеющих такой опыт «для наивысшего привода и обучения в совершенство и делания оных легче против нынешнего».

Жалованье работникам французы должны были платить сами, причём его размер должен был быть не ниже, чем на их прежней работе. Если «по обширности фабрик» казённых мастеровых будет мало, контракт разрешал фабрикантам нанимать «вольных людей», то есть наёмных рабочих, «где и по какой цене достать смогут». Для тяжёлых вспомогательных работ («для исправления всякой чёрной работы») разрешалось привлекать на фабрику до 50 приписных крестьян. Для производства кирас на фабрики должно было прибыть «пристойное число людей» из артиллерийского ведомства.

В подписанном контракте особо оговаривались задачи обучения россиян европейским промышленным технологиям. Всех привлечённых на фабрики российских «казённых мастеровых, подмастерьев и учеников» французы должны были обучать всем производствам «без всякого укрывательства», чтобы через пять лет работы эти россияне были «приведены в такое совершенство, чтобы они одни те дела производить могли». Затем часть обученных мастеров могла быть переведена на казённые заводы, а на их место должны были прийти новые ученики. При этом П.-Ж. Барраль и Д. Шанони должны были следить, чтобы численность «казённых людей» при их фабриках постоянно была не меньше, чем при их открытии.

Инструменты, привезённые фабрикантами из-за границы, не облагались таможенной пошлиной, но за материалы, предназначенные для фабрик («олово и прочее») фабриканты должны были платить пошлину, согласно действующему тарифу. Произведённую на фабриках продукцию, кроме кирас, французам разрешалось вывозить для продажи за границу («за море») с оплатой положенных таможенных пошлин.

Каждые полгода фабриканты должны были посылать в Берг-коллегию отчёт «сколько каких вещей на оных фабриках делаться и

за море отпускать будет... дабы она Коллегия видеть могла, с каким успехом фабрики их производят».

Для обеспечения французских фабрик сырьём Берг-коллегия согласилась привозить в караванах до Ладogi ежегодно в течение 10 лет по 25 тысяч пудов железа из Сибири и передавать там представителю фабрикантов для дальнейшей доставки на фабрики «своим коштом». Сибирское железо продавалось П.-Ж. Барралю и Д. Шанони по 70 коп. за пуд, причём первые пять лет французам была дана отсрочка от оплаты, следующие пять лет они платили только за поставленное в этом году железо, а затем, в течение двух лет оплачивали поставки первого пятилетия. При этом фабриканты обязались под угрозой прекращения поставок «оное железо» никуда не продавать, а использовать только на своей фабрике.

Кроме того, «к построению, размножению и приведению оных их фабрик в цветущее состояние», а также «в рассуждении новости и в России оных до сих пор ещё не бывалых» (говоря современным языком, для поддержки инновационного проекта) Екатерина II согласилась выдать фабрикантам беспроцентную ссуду в сумме 20 тысяч рублей на десять лет с оплатой по 4 тысячи рублей в год через 5 лет после получения. Императрица даже не указала имён поручителей — гарантов возвращения ссуды фабрикантами, «утверждаясь только на их честности, что оные деньги исправно и в назначенный срок заплатят». Если же фабриканты не сумеют вернуть деньги в казну, то, по условиям контракта, через 14 лет после его подписания (т. е. в 1779) «их фабрики, продукты (продукция. — А. П.), и всё движимое и недвижимое имение (имущество. — А. П.) подвергаются конфискации». Контроль за деятельностью фабрик осуществляла Берг-коллегия. Раз в год чиновник из Берг-коллегии должен был приезжать на фабрики «для свидетельства оных».

Контракт был утверждён лично Екатериной II, которая наложила резолюцию с необычной формулировкой «Быть по сему, а поручики (поручители. — А. П.) мне одной известны».

Содержание контракта позволяет сделать вывод, что главной целью правительства Екатерины II в этом случае было устройство в России неизвестного доселе производства жести по простой схеме — привлечение на льготных условиях иностранных, в данном случае, французских, специалистов. Особо следует отметить, что по условиям контракта уже через пять лет в России должны были появиться кадры отечественных специалистов в этой области. Несомненно, российское правительство шло на риск, доверяя малоизвестным иностранцам большие деньги даже без поручителей. Вероятно, горячей сторонницей проекта была сама императрица. Можно

предположить, что её вовлечение в контракт должно было повысить ответственность французских предпринимателей.

Предпринятые российским правительством усилия по созданию на основе французских технологий неизвестного ранее в России жестианого производства не остались незамечены. Французский консул сообщал в Париж о контракте П.-Ж. Барралья и Д. Шанони с Берг-коллегией: «С этой помощью они создадут жестианую фабрику на Онежском озере, и они уверены, что шведские и другие производители не смогут выдержать конкуренцию»³.

Чтобы выполнить условия контракта, компаньоны должны были нанять во Франции специалистов для работы на «французских фабриках», а для этого сначала найти во Франции вербовщиков. Таких людей называли тогда в России «вызыватели». На эту роль пригласили французского металлурга по имени Карон (Caron), но он вскоре умер, и брата Барралья — Давида (David Barral). Д. Барраль тоже был уроженцем Лиона и занимал там видное положение. Известно, что он был избран депутатом в парламент провинции Дофинэ (Dauphinais). Д. Барраль занимался продажей в Россию лионского шёлка и ввозом во Францию русских мехов, т.е. постоянно ездил в Россию и продавал там шёлк за меха. Чтобы обеспечить предприятие своего брата рабочей силой, Д. Барраль взялся нанять в Европе квалифицированных мастеров. Деятельность Д. Барралья приобрела такой размах, что в августе 1766 г. он был арестован в Лионе и заключён в знаменитую королевскую тюрьму Бастилия. В тюрьме Д. Барраль представил объяснительную записку, в которой утверждал, что просто торгует пушниной и жестью, присылаемой из России, и сам ездит туда для торговли лионским шёлком, но никогда не нанимал рабочих во Франции⁴.

В качестве «вызывателя» выступал и сам П.-Ж. Барраль. В 1767 г. он нанял рабочих для «французских фабрик» через посредство братьев Меннер (frères Menner), предположительно швейцарцев, и Николя Антуана (Nicolas Antoine) из Коммерси (Commercy)⁵ (город на северо-востоке Франции, древний железорудный район с традициями металлообработки).

³ *Bartlett R. P. Human Capital: The settlement of foreigners in Russia. 1762–1804. Cambridge etc., 1979. P. 172.*

⁴ *Ibid. P. 172; Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul I^{er} / Sous la direction de A. Mézin & V. Rjéoutski. Vol. 1. Ferney-Voltaire, 2011. P. 46.*

⁵ *Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 1. P. 46.*

Д. Шанони также был известен как активный вербовщик «мануфактуристов» в 1765 и 1766 гг. В «Обзоре становления Русских колоний и эмиграции французских семей» (документ из Архива Бастилии в Российской национальной библиотеке, датируемый 1766 г.) сделано описание Д. Шанони: «...возраст 40 лет, рост 5 футов 5 дюймов, довольно красивая внешность, лоб немного с залысинами, руководит жестяными мануфактурами и служит в мануфактуре шёлковых тканей»⁶.

В другом французском документе он был отмечен как один из основных организаторов вербовки в Россию. Этот документ приписывал лично ему вызов в Россию около 100 семей (60 из Германии и 40 из Франции). Сколько иностранных специалистов прибыло в Петровскую слободу, неизвестно, но, вероятно, не все сто семей. Известно, что у Д. Шанони был помощник по имени Гогуэль (Goguel)⁷.

Все перемещения Шанони были известны французской разведке: в ноябре 1765 г. он проезжал через Гамбург, по дороге в Саксонию, вернулся в Голландию, потом возвратился в Базель, чтобы быть ближе к Монбельяру (французский город в регионе Франш-Конте, в 13 км от границы со Швейцарией. — *А. П.*), где действовал его агент Гогуэль⁸.

Итак, французская мануфактура, принадлежавшая компании «Барраль, Шанони и К^о» начала действовать в январе 1768 г. Она включала в себя выплавку стали, плющильную, лудильную и лакировальную фабрики и лесопильный завод. Было организовано производство всех видов оговоренной в контракте утвари. В июле 1765 г. П.-Ж. Барраль и Д. Шанони представили докладную записку во французское посольство в Петербурге по их запросу, в которой сообщили, что планируют изготавливать столовую посуду и кухонную утварь из простой (гладкой) жести, из железа, покрытого лаком всех цветов, разрисованного и золочёного. Французский дипломат и посол Франции в России Дюран⁹ писал тогда: «Их предприятие стоило им более пятисот тысяч ливров; так они могут обеспечивать ежегодно 2000 бочек жести по 450 листов, 1000 центнеров стали и более 100 тысяч бочек с разными другими изделиями»¹⁰.

⁶ Ibid. P. 159.

⁷ *Bartlett R. P. Op. cit. P. 172.*

⁸ *Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 1. P. 159.*

⁹ Франсуа-Мишель Дюран де Дистрофф (François-Michel Durand de Distroff) — посол Франции в России в 1772–1774 гг., покинул Петербург в середине 1775.

¹⁰ *Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 1. P. 47.*

П.-Ж. Барраль утверждал, что он и Д. Шанони вложили в эту мануфактуру более 500 000 ливров, включая и 10-летний заём на 100 000 ливров, в результате чего объём производства жести примерно вдвое превосходил российские потребности. В первые годы французские фабрики действовали успешно. Историк горного дела А. С. Ярцов писал, что изготовление жести и посуды «сначала происходило с довольно успешным успехом, деланная же ими жечь, составлявшая главное их изделие, как то и многие другие жестяные вещи, лакированные железные подносы, вазы, чайники, поваренная посуда и прочее отправлялись водою для продажи в Петербург для заморского отпуска и внутри государства с желаемою ими пользою». Кроме того, удалось получить заказ на большую партию листовой белой жести для покрытия кровли нового Кремлевского дворца, который в 1772–1775 гг. начинал строить В. И. Баженов. Известно, что в 1772–1775 гг. П.-Ж. Барраль и Д. Шанони вывозили свою продукцию за границу через Петербургский порт¹¹.

Конкурентами французов выступали «расторопные англичане», которые с целью «подрыва» производства изделий из жести стали продавать привезённую ими посуду по дешёвой цене, «хотя она и самим многим дороже была». Поэтому из-за сильной конкуренции продажа продукции французских фабрик как в России, так и в Европе шла слабо.

Постепенно определяющей продукцией французских фабрик стали художественные лаковые изделия, в основном посуда. Для росписи изделий был вызван живописец из Петербурга. Посуда лакировалась «на английский манер по золоту, серебру и живописи из разных красок». На современников наибольшее впечатление производили сделанная из белой лужёной жести посуда и лакированные железные подносы. Вот что писал о продукции «французских фабрик» петрозаводский горнозаводской краевед Т. В. Баландин: «[фабрики] ...производили выписными иностранными искусными мастерами, с присовокуплением к оным к разным поделиям в пособие наемных желающих крестьян, разные лучшей доброты изделия из сибирского железа, как то: белую луженную жечь, жестяную разную посуду, лакированные железные подносы и прочее, с наилучшим вкусом и с преузорочною на оных живописью трав, цветов, фруктов, птичек и прочего, изображающих удивительную живность и привлекательную пленительность, подходящую к натуральному

¹¹ *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 197–198, 613.

свойству (изображения выглядели, как настоящие. — А. П.). И по выделке оных производили продажу в разные места»¹².

Компаньоны тогда же начали переговоры с российским правительством о производстве пушек и даже получили французское разрешение нанять мастеров по литью пушек во Франции, но эта идея реализована не была.

В 1773 г. П.-Ж. Барраль и Д. Шанони решили построить южнее Петровской слободы, на реке Мегре, новый литейный завод, в связи с прекращением в 1775 г. поставок сибирского железа. Мегро-Михайловский завод начал действовать в 1776 г. с одной домной и тремя молотами. В это время к обоим предпринимателям примкнул третий — проживавший в Петербурге французский купец Анри Фуллон (Henri Foulon). Однако деятельность Мегро-Михайловского завода была неудачной. Французские литейщики не могли выплавлять из местных болотных руд железа, пригодного к изготовлению жести. К этим объективным трудностям добавились и субъективные. П.-Ж. Барраль, выполнявший функции представителя фабрик в Петербурге, был человеком расточительным, пристрастным к роскоши и легкомысленным. Он бездумно тратил деньги, вырученные от продажи продукции фабрик. Это вызвало его «взаимное несогласие» с Д. Шанони¹³.

Постепенно у французских фабрик стали накапливаться долги перед государством. В 1778 г., когда долги достигли значительной суммы в 193 977 рублей, предприятие было «взято в секвестр», то есть конфисковано. Часть готовой продукции и оборудования была распродана в 1791 г. на аукционе, причём выручка составила всего 6,5 тысяч рублей, а остальное оставалось на месте до августа 1800 г., когда мощное наводнение на Лососинке разрушило завод и унесло его постройки в Онежское озеро.

В 1793 г. долг с французов, как совершенно безнадежный, был списан, поскольку к тому времени Д. Шанони уже умер, а П.-Ж. Барраль жил без средств к существованию в Петербурге. Из этого краха сумел выпутаться только А. Фуллон, который предусмотрительно переписал всё своё имущество в России на имя владелицы пильной мельницы капитанши Делонжевиль (или де Лонгсевиль)¹⁴. Позднее,

¹² *Баландин Т. В.* Краткое повествование о Петровских заводах // *Баландин Т. В.* Петрозаводские вечерние северные беседы. СПб., 2016. С. 174.

¹³ *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII века: заводы и заводладельцы. М., 1962. С. 212.

¹⁴ Весной 1932 г. в Петрозаводск приехал начинающий писатель К. Г. Паустовский. Целью его поездки был сбор материалов для создания книги об истории Александровского завода. В 1933 г. такая историко-краеведческая повесть

в 1788 г., А. Фуллон получил «в содержание» на льготных условиях Мегро-Михайловский железоделательный завод, поставлявший в казну чугунные ядра. Кроме того, А. Фуллон приобрёл «пильную мельницу», с которой продавал казне доски. Сын А. Фуллона, Александр, стал российским подданным в 1793 г., а в июне 1793 его приняли на службу в комитет по управлению Александровским заводом. Впоследствии А. А. Фуллон был в 1818–1832 гг. начальником Олонецких горных заводов.

История французских фабрик, действовавших в Петровской слободе в 1765–1778 гг., даёт богатую пищу для размышления. Удивительно уже то, что большая группа французских ремесленников бросила свою родину — «прекрасную Францию» и переселилась на берега Онежского озера. Созданное ими предприятие было частной мануфактурой, ориентированной на получение прибыли и использовавшей новейшие по тем временам технологии. Нельзя не отметить мудрость российского правительства, системой льгот стремившегося привлечь иностранных специалистов, закрепить их в России и передать их знания и навыки россиянам. Но всем этим надеждам не суждено было сбыться. В условиях крепостнической России потребительский рынок был настолько мал, что частное предприятие, зависевшее от получения прибыли, выжить в таких условиях не могло. Тем не менее, пример французских фабрик показывает, что в середине XVIII в. Петровская слобода пыталась играть роль промышленного центра, основанного на восприятии и распространении европейских промышленных технологий.

под названием «Судьба Шарля Лонсевилья» была издана. Её главным героем К. Г. Паустовский сделал пленного офицера наполеоновской армии, могилу которого он якобы нашёл в Петрозаводске. Но на самом деле некий француз Франциск де Лонгсевиль (или Лонжевиль) действительно жил в Петрозаводске, был домашним учителем в семье наместника Т. И. Тутолмина и здесь же умер, но это случилось ещё в мае 1795 г. Некий Лонжевиль (Longueville) упоминается как актёр французской труппы, выступавшей в Петербурге в 1794 г. (*Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 1. P. 545*).

Татьяна Павловна Петерс
(Москва)
*Старший преподаватель
Московского государственного института
международных отношений*

К вопросу адаптации французских
иммигрантов в России (1750–1793)
в правления императриц
Елизаветы Петровны и Екатерины II
(по документам РГАДА)

В статье предполагается рассмотреть на основе обнаруженных архивных источников два аспекта: 1) статус французов, въезжавших в Россию в указанный период и 2) процесс и результаты их адаптации.

Сведения о вхождении французских иммигрантов в российское общество в период 1754–1793 гг. были обнаружены среди документов фонда Правительствующего Сената в РГАДА. Они включают рапорты правителей наместничеств, приложенные к ним списки французов, доношения некоторых французов. Наибольший интерес представляют списки. Приведённый в них количественный состав французов является лишь небольшой частью от общего числа французских иммигрантов, проживавших в России в XVIII–XIX вв.

Списки составлялись в наместнических правлениях в соответствии с указом Екатерины II от 8 февраля 1793 г. о разрыве отношений с революционной Францией и о повелении французам «отречься от правления возмутительного в их отечестве установившемся» через принятие присяги.

Списки из наместничеств различаются полнотой сведений о выходцах из Франции, потому что писали их в произвольной форме. Самые короткие ведомости содержат имя и фамилию на русском языке и профессию. Максимально полные ведомости включают такие разделы, как «Имя и прозвание на русском языке и французском языках; в какой провинции или городе родились и от каких родителей; когда в здешний край приехали; какой ведут торговый промысел, другое упражнение или звание; где ныне находятся». Также имеется отметка о религиозной принадлежности, дате принятия присяги (число, месяц), имя священника, её принимавшего, и запись о выезде из России в силу указа от 8 февраля 1793 г.

Секретари делали в них записи или со слов французов, или из представленных ими документов. Например, в ведомости из Костромского наместничества о французе по имени Иван Дюмесни сообщается: «Предки его провинции Лангедок из города Марселя. Дед его выехал в Голштинию и был в городе Киле танцмейстером, отец его там же родился и был голштинской службы обер-офицер. Он, Иван, родившись тоже в оном городе Киле, служил в голштинских полках ротным фельшером, а получа увольнение от службы в 1773-м году, выехал в Россию. Ныне живет в городе Костроме у титулярного советника Петра Алексея сына Степанова»¹. О супругах из Олонекской губернии записано: «Ганц Бастьянов, 40 лет. Рожден французской провинции Элзас в городе Мансманштет, сын молотового мастера. [Состоит] у ковки железа Олонекского уезда на Усланских пилних и железных аглинского купца Рекса заводах. Агафья Денисьева, 36 лет. Рождена в России. Жена его»² и другие.

Списки поступали в Правительствующий Сенат на протяжении 1793—1794 гг. Они содержат сведения о 2 422 французах (мужчинах, женщинах, детях, кроме малолетних), которые проживали в 41 губернии России и оставались подданными Франции. Не отмечено их присутствие только в двух губерниях: Тобольской и Якутской. В документах имеется помета, что 11 французов вступили в Российское подданство и 2 человека «оставлены без отрицания по восприятии веры Греческого исповедания».

Тот, кто отказывался принять подобную присягу, был обязан покинуть Россию в течение трёх недель. Выезжающему выдавали паспорт, в котором оговаривался срок его нахождения в дороге до российской границы, отмечались возраст и приметы. Также предписывался маршрут следования до границы империи. Если на пути

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4728. Л. 577.

² Там же. Л. 533.

предстояло проезжать через губернские города, то он должен был являться в соответствующие правления, которые, в свою очередь, получали почтой уведомления о проезде высланного француза для наблюдения за его последующим отъездом.

Так, Пётр Петров Девользай, уроженец г. Страсбурга, проживал в губернском г. Курске и служил учителем. По рапорту из Курского наместнического правления следует, что Девользай не пожелал сделать отрицание и принести присягу 22 апреля 1793 г., что 15 марта того же года ему выдали паспорт, и он подлежал высылке из России. Ему «...дан для распоряжения его дел трехнедельный срок. А на проезд за границу чрез город Киев, <...> назначено время двенадцать дней, который с данным 15-го числа марта с прописанием срока, також лет его и примет пашпортом и выслан отсюда, обязан подпискою оставить границы российские в течение онго времени...»³. Он не мог впредь возвращаться в Россию, и в паспорте предписывалось, «...буде он Девользай после времени назначенного окажется в границах Российских, представить его для поступления по законам, куда надлежит»⁴.

Мотивы, которыми руководствовались французские иммигранты, покидая родину и въезжая в Россию, возможно, следует искать, с одной стороны, в политике России относительно иммигрантов из Европы. Документы свидетельствуют о том, что иммигранты представляли для России значительный интерес как носители знаний и ремёсел и источник пополнения культурного слоя в России.

С другой стороны, следует принимать во внимание религиозные войны в самой Франции, европейские войны, в которых Франция участвовала, Великую французскую революцию 1789 г. — всё это вызывало отток населения. Например, в 1680-е гг. король Людовик XIV «...учал в Государстве своем ближних и иных людей неволить в вере Евангелической, и многих мучениями из государства своего разогнал и принуждал в неволю к католической вере, многих смерти предал, и разлуча мужей с женами и с детьми, держит в крепях...»⁵. Подданные французского короля бежали в окрестные государства, в том числе в королевство Пруссию, которое не могло их всех принять и обеспечить достойное проживание. В связи с этим прусские власти просили русского царя принять беженцев. Решение русского царя было однозначным: «...которые выгнанцы Евангелической веры пожелают быть в подданстве у нас..., надеясь на

³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4728. Л. 582 об.

⁴ Там же.

⁵ ПСЗ. Т. 3. С. 8–9. № 1331 от 21 января 1689 г.

нашу премногую милость, ехали б к рубежам нашим...не с сумненною надеждой и безо всякого опасения, которым от рубежей пропуск будет невозбранный, и в нашу Царского Величества службу приняты и пожалованы будут нашим Царского Величества призрением, по оказуемой их службе, и по породе, и чести, и сану их. А если кто, послужа нам, похочет возвратиться в отечество свое: и тогда тем хотящим то возбранено не будет, и отпуск им учинится свободный»⁶.

География городов и селений Франции, из которых приезжали французские иммигранты, весьма обширна и охватывает всю территорию страны. Они различались по своему социальному статусу: крестьяне, мастеровые, ремесленники, военные разных званий, титулованные особы, священники, по профессиям, по матримониальному состоянию.

Имеются имена французов, прославившихся на русской службе — граф Ланжерон, полковник (1793 г.), известных в силу родства — брат деятеля Французской революции Марат граф Нефшательский родом из Будри графства Нефшатель в Швейцарии, учитель, и его жена Марат Мария; три предка французского художника А. де Тулуз-Лотрека — генерал-поручик граф де Тулуз-Лотрек, майор граф Александр де Тулуз-Лотрек, аббат граф де Тулуз-Лотрек. Есть и такие, чьи имена увековечены в русской мемуаристике и как прототипы литературных персонажей — московские знакомые и соседи Пушкина Мишель Альберт из Бордо (8-я городская часть), Андрей Иосиф Трике из Литтиха (Льеж) с женой Елизаветой и тремя детьми (16-я часть), Катерина Обер с двумя детьми из Монбельяра и Батист Гильо из Сен-Жермена (20-я часть), художник Жан-Луи Вуаль (на 7 марта 1793 г. он записан, как выехавший из России).

Среди документов, которые французы представляли в наместничества, были паспорта, аттестаты, свидетельства, именные указы. Эти документы они получали у себя на родине или в России. Например, паспорта — из Саратовской Конторы опекуинства иностранцев от 1782 г. сроком на год, от генерала Елчанинова⁷ (паспорт получил

⁶ Там же.

⁷ На 1793 г. известны три генерала с такой фамилией: Елчанинов Николай Тимофеевич, генерал-поручик (1778), бригадир (1793); Елчанинов Яков Васильевич, 1710–1781, генерал-поручик (1778), Киевский губернатор (с 1780); Елчанинов Матвей Максимович, 1756–1816, генерал-майор флота (1799), выпускник Морского кадетского корпуса (1775), старший советник при Московской адмиралтейской конторе (1798–1804); если соотноситься с годом въезда француза в Россию, то, вероятно, упомянут Елчанинов Яков Васильевич.

Матвей Антонов сын Мерие, 84-х лет, уроженец г. Нанси, въехал в Россию в 1757 г.), от симбирского губернатора и кавалера Чичерина⁸ (паспорт получил Яков Иванов сын Паон, 71 год, уроженец Парижа), от российского консула Ивана Иванова⁹ в Кёнигсберге, столице Пруссии (паспорт получил Иван Гаврилович Матью, 36 лет, уроженец г. Экс в Провансе), от проживающего при Российском императорском дворе министра Марка Дефирака¹⁰ (паспорт получил Пётр Петрович Олигард, 48 лет, уроженец провинции Бретань), от полномочного посланника Якова Булгакова¹¹ (паспорт получил Андрей Безансон сын Равель, 41 год, в России с 1793 г.), от короля Франции Людовика XV, из Страсбургского городского магистрата 10 июля 1789 г. Французы предоставляли указы, свидетельства и аттестаты различных ведомств, в том числе правительственных. Например, указ Коллегии иностранных дел за подписью надворного советника Василия Обезьянинова¹² от 1768 г. (получил Матвей Яковлев сын Брюнет, 60 лет, уроженец Парижа), свидетельства от французского генерального консула в России Лессепа¹³ (получил Мари Феофиль Воель, уроженец г. Ниоф-Мулен), от поверенного в делах господина Женета¹⁴ от 1782 г. (получил Николай Балтазар Маион, уроженец г. Ионвиль провинции Ивеше), аттестат из Императорской Академии наук и др.

В документах некоторых французов отмечалось право на обратный выезд. Например, «Аделаида Тюреин, уроженка французского

⁸ Ошибка в рукописи: следует читать не «симбирский», а сибирский губернатор; в списке симбирских губернаторов фамилия Чичерин не значится; Чичерин Денис Иванович, 1720–1785, генерал-поручик, сибирский губернатор (1763–1781), после увольнения от должности проживал в своём родовом имении.

⁹ Есаков Иван Иванович, родился в 1745 г., коллежский асессор, первый русский консул в Кёнигсберге (1783–1799).

¹⁰ Искажение фамилии в рукописи: вероятно, упоминается Шарль-Оливье де Сен-Жорж, маркиз де Верак (Charles-Olivier de Saint-Georges, marquis de Vêrac), консул короля Франции в Петербурге (1782–1784).

¹¹ Булгаков Яков Иванович, 1743–1809, русский дипломат, действительный тайный советник (1798), выпускник Московского университета (1763), чрезвычайный и полномочный министр России в Турции (1781–1789), русский посланник в Варшаве (1789–1793).

¹² Обезьянинов Василий Фролович, лейб-гвардии прапорщик (1782), чиновник Московской конторы коллегии иностранных дел, помещик Раненбургского уезда Рязанской губернии.

¹³ Лессепс Жан-Батист Бартеlemi де (Lesseps Jean-Batiste Barthélemy de), 1766–1834, генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге (1792–1812).

¹⁴ Жене Эдмон-Шарль (Genêt Edmond-Charles de), родился в 1765, французский поверенный в делах при русском дворе с 1789.

столичного города Парижа», жившая во 2-й городской части Ярославля, имела паспорт из иностранной коллегии с пометой «для свободного во Францию проезда»¹⁵.

Также имеются сведения о наличии контрактов как условия для устройства на работу. «Уроженец Бургундии из города Дижона Антон Дево» приехал в Россию в 1779 г., был «учителем по контракту» и проживал «в Нижнем у детей в доме г-на генерал-поручика правителя наместничества Нижегородского и кавалера Ивана Савиновича Балахнина»¹⁶.

Относительно профессиональной принадлежности приезжих следует отметить, что французские иммигранты с профессией и образованием составляли от общей численности 53,5%, неработающие (жёны и дети) — 24,5% и слуги — 23%.

В составе первых, социально-активных с профессией, в основном были учителя, специалисты в разных областях экономики, дефицит которых ощущался в России. Среди учителей, например, остро требовались не только преподаватели французского языка, но и других иностранных языков, математики, живописи, театрального искусства, танцев.

Отмечено несколько случаев приезда мастеровых: специалисты литейного дела, кузнецы, горшечники, каменных дел мастера. Также приезжали повара, садовники, канцеляристы, переводчики, архитекторы, живописцы, купцы, врачи.

Самыми ранними случаями приезда французов в Россию, согласно спискам, являются 1750-е гг.: в 1752 прибыл Жозеф Дилер, мастеровой, сын инженера, уроженец г. Люневиля; в 1755 г. — Жозеф Дюшен, учитель, уроженец г. Везу провинции Франшконте с семейством: жена Мария, сын Жан с женой Елизаветой, неженатый сын, Анри и дочь Элеонора; в 1757 — Матвей Мерие, учитель французского языка из г. Нанси в Лотарингии; в 1759 г. — Жан Корбо из г. Сен-Кантен в Пикардии.

Социальную адаптацию, как процесс активного приспособления индивидуума к условиям социальной среды на двух уровнях, кроме физиологического, можно проследить по обнаруженным архивным источникам. Активное целенаправленное усвоение норм, правил, ценностей российского общества правлений Елизаветы Петровны и

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4728. Л. 561.

¹⁶ В списке наместников Нижегородского наместничества фамилия Балахин не значится; упоминается Белавин Иван Савинович, 1745–1807, военный и государственный деятель, генерал-майор, сподвижник прославленного фельдмаршала Румянцева, нижегородский губернатор (1780–1796).

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4728. Л. 523.

Екатерины II в целом и конкретного ближайшего социального окружения в тех местах, где французы проживали, давало им доступ в дворянские имения, открывало двери государственных учреждений, позволяло служить в армии и на флоте, начинать собственные дела. В результате анализа документов можно сказать, что в области профессиональной деятельности к 1793 г. все иммигранты успешно адаптировались, чему, в ряде случаев, возможно, способствовали их документы об образовании.

В образовательных учреждениях они служили, например, в Петербурге — в Кадетском корпусе, в Воспитательном доме, в Морском корпусе, в Санкт-Петербургской Академии наук, в Академии художеств, в сухопутном Шляхетском Кадетском корпусе. В г. Новгороде-Северском — в Вольном благородном пансионе. В Москве — в Московском университете. В Могилёвском уезде в местечке Шилове в Шиловском училище, и др.

Те, кто не имел подобных аттестатов, работали учителями в семьях, в которых находили и жильё. В Курске в доме у коллежской советницы Стромилловой жил и служил Иосиф Этьен Миранвиль, «для обучения танцевать и в представлении театра» с женой и Анной Степановой (дочерью). В той же Курской губернии в Путивльской округе у помещика Кирилы Черепова служил Иоганн Батист Иосиф Шаберт из города Лиона «для обучения детей» и др.

Были специалисты, работавшие мастерами, в том числе на металлургических заводах Сибири. Например, токарный мастер Леонтий Биргер из Страсбурга проживал в Курске, Павел Петрович Ару из Парижа, 45 лет, часовой мастер, проживал в Смоленске у купца Семёна Чапа. По списку из Олонецкой губернии отмечен Франц Иванов сын Ретруде, 48 лет, рождён во французской провинции Эльзас города Гранвиля, сын молотового мастера, состоял «уковки железа, Олонецкого уезда на Уланских железных заводах английского купца Рекса» и др. Некоторые завели собственное дело, как фабрикант Андрей Михайлов сын Фулон, 66 лет, сын суконного фабриканта из Нормандии. Фулон имел собственный железодельный завод в Олонейцкой губернии и проживал в Вытегорском уезде при Мегромихайловском железном и чугунном собственном заводе. Имелись владельцы фабрик и в других областях — в Петербурге «фальговый фабрикант» Жак Шоль, «карташный фабрикант» Боньер Жак, «содержательница картушной фабрики Абе де Лондес Магдалена». Но преимущественно, французские фабриканты занимались ткацким делом, например, суконные фабриканты из Петербурга Жан Делери и Барбазан Амброаз. «Осип Михайлович Лефебр, французской нации, из крестьян деревни Санкт-Сулпис Камбрес-

кого уезда», в России с 1774 г., «фабрикант полотняный», жительство имел у князя Петра Ивановича Бабичева в Симбирской губернии. «Иоганн Баптист Декер, фабрикант шёлковой фабрики, жительство имел в Могилёвском уезде в местечке Шилове» и др.

Многие занимались торговлей, причём записывались по-разному в зависимости от степени интеграции в русское общество: «французскими купцами», «здешними гостями», «в здешнее купечество».

Имелись факторы, которые облегчали адаптацию французов в России. Подавляющее большинство были убеждёнными роялистами. В списках отмечены случаи, когда не принявшие присягу французы заявляли, тем не менее, о поддержке действий Екатерины II в отношении революционной Франции. Так, жители Риги французы Филипп Споль и Иоганн Якоб Клейн заявили, что «Предписанную присягу хотя и нашли согласно с своим родом мыслей, но не принесли оной по причине, что опасаются потерпеть убыток в своём отечестве по семейственным связям»¹⁸. Франсуа Лапиер из г. Меца, «рещик» по профессии, приехал в Россию и поселился «в Саратове в числе прочих поселённых в здешней губернии колонистов»; при принятии присяги он «доказал, что сердечное его убеждение в том, что будет верным и послушным королю»¹⁹.

Также документы показывают, что в означенный период времени в России соблюдалась веротерпимость относительно религиозных чувств иммигрантов как со стороны административных органов, так и со стороны коренных жителей. Динамика веротерпимости прослеживается по обнаруженным архивным источникам. На протяжении всего XVII в. власть использовала различные меры, чтобы поощрить французов, как и прочих иноземцев, переходить в православие. За крещение давали жалованье в виде денежных сумм и подарков, как следует из документов Иноземного приказа. Например, в 1651 г. в Россию прибыли «французские немцы» братья Жан и Карл де Грон с просьбой принять их на службу. В православие они перешли под именами Антон и Данила Дегроновы. За это царь Алексей Михайлович пожаловал их не только аудиенцией на своём Государевом дворе в Государевой Палате, но и велел одарить каждого из братьев подарками, кормовыми и деньгами по 25 рублей на 1-й месяц жизни в России. Среди подарков называются шуба на соболе с серебряными позолоченными пуговицами, шапка лисья хохлатка, кубок серебряный золочёный, сабля, 40 соболей, бархат рытый, сукно. В 1680 г. французы, крещённые в православие, ещё

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4728. Л. 494.

¹⁹ Там же. Л. 526, 529.

продолжали получать ряд льгот в силу царских указов, например, они наследовали вотчины после крещёных родственников, а на некрещёных родственников и ближних это право не распространялось²⁰. Но уже в апреле 1685 г. вышел царский указ «О крещении иноверцев только по свободному их желанию безо всякого принуждения», в соответствии с которым «Буде которые иноземцы похотят креститься в православную Христианскую веру волею своею, и их велеть принимать и крестить, а неволею никаких иноземцев крестить не велеть, и по крещении велеть их расспрашивать, какие они люди, вольные ль или чьи они купленные, и у кого они похотят жить...»²¹.

Согласно спискам, все французы были католиками: «кальвинистского закона», «католического закона», «римско-католического закона», «протестантского исповедания», «реформатского закона», «лютеранского закона» с преобладанием французов «римско-католического закона», и губернская администрация создавала условия, чтобы принятие присяги проходило в присутствии пасторов соответствующего исповедания. Например, в Петербурге при принятии присяги присутствовали пасторы Мишеле²², Берольдинген²³, Маселети (Миссалет)²⁴, Волер (Вулер).

Кроме того, отмечены случаи смешанных браков. За неполные 100 лет, с конца XVII до середины XVIII в., произошли изменения в менталитете русских. Если один из петровских указов призывал «Московских всех полков стрельцов... на Москве и в городах... с иноземцами, которые служат Великому государю, никаких раздоров и ссор не чинить и никаких поносных слов не говорить, ничем никого не дразнить и не бесчестить. А буде кто учнет каких иноземцев дразнить или бранить, и какими укорными словами поносить и бесчестить, тем за то быть в наказанье»²⁵, то в послепетровской России французы уже не вызывали подозрений и насмешек у русского населения, а отцы благословляли дочерей и сыновей на смешанные браки.

Например, «отставной подпоручик Пётр Христофоров сын Волау жительствоует в вотчине жены своей капитанской дочери Ефро-

²⁰ ПСЗ. Т. 2. С. 262. № 814 от 29 марта 1680 г.

²¹ Там же. С. 662. № 1117 от 5 апреля 1685 г.

²² Возможно, петербургский католический пастор Филипп Мерсье.

²³ Возможно, петербургский католический пастор Грегори Мангэн, де.

²⁴ Маскле (Маселе) (Mascllet) Жан-Батист-Луи-Жозеф, выпускник теологического факультета Сорбонны, каноник Смоленский, приехал в Петербург в 1791 г., кюре, префект французской общины.

²⁵ ПСЗ. Т. 2. С. 475–476. № 963 от 3 ноября 1682 г.

синии Васильевой Порецкой округи в деревне Малостаривиною»²⁶ Смоленской губернии. Житель Нижнего Новгорода Севастьян Степанов д'Элестрад, из Лотарингии г. Меца, дворянин, проживавший в России с 1764 г., содержал пенсион для обучения детей и женился на Анне Егоровой дочери «из воспитанниц монастырских русской нации», которая получила фамилию мужа «д'Элестрадова»²⁷. Француженка Анна Филен, уроженка города Шало из провинции Шампань, вышла замуж за Московского мещанина Годунова и жила у г-на коллежского советника Александра Татаринова в Боровицкой округе Нижегородской губернии, и др.

Нередко такой брак, которому предшествовало принятие православия, воспринимался самими французами как переход в российское подданство. Так, француженка Марья Иванова дочь из Пермской губернии, проживавшая в Перми, вышла замуж за председателя Пермской гражданской палаты коллежского советника Ивана Даниловича Прянишникова²⁸. Будучи замужем за православным, «объявила, что, почитая себя российсковерноподданной, присяги принять не согласилась»²⁹.

В цифровом выражении степень адаптации к 1793 г. в России французов, въезжавших в империю в 1752–1793 гг. и принявших присягу по императорскому указу 8 февраля 1793 г., выражена тем, что из России выехало лишь 2,8 % человек.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4728. Л. 548 об.

²⁷ Там же. Л. 523.

²⁸ Прянишников Иван Данилович, родился в 1752 г., председатель Верхнего земского суда в г. Перми (1781–1785), председатель Пермской гражданской палаты (1785–1799), отличался независимостью суждений, служил с А. Н. Радищевым в Комиссии составления законов (1801–1803), после отставки жил в своём имении в селе Володимировке Подольского уезда Московской губернии; жена — француженка действительная статская советница Мария Ивановна.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4728. Л. 480.

Александр Николаевич Акиншин
(Воронеж)

*Доцент кафедры истории
Воронежского государственного университета*

Французы и их потомки в Воронеже в последней четверти XVIII – начале XX в.

Массовое появление иностранцев в Воронеже относится к концу XVII в., когда из Европы прибыли иностранные мастера для участия в строительстве военных кораблей. Однако французов среди них не было.

Тяготение к французскому языку и культуре у воронежцев отмечается с середины XVIII в. Среди первых россиян, отправленных Петром I на службу к французскому королю в качестве гардемарина, был Алексей Михайлович Пушкин, в 1748–1760 гг. губернатор в Воронеже. В 1769 г. И. А. Гюльденштедт упоминает француза Буссероля, которому на реке Савале был дан участок в две тысячи десятин и денежная ссуда на десять лет для заведения шелковичной плантации и основания колонии на тридцать семей¹. В 1780 г. «шёлковый завод умершего заводчика француза Букероля» продолжал существовать в 12 верстах от города Новохоперска². Василий Алексеевич Чертков в 1765 г. переложил комедию Жана-Батиста Руссо «Кофейный дом», которая была поставлена на любительской сцене³. Воз-

¹ Гюльденштедт о Воронежской губернии / пер. Н. Томановского и Т. Попова // Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 год. Воронеж, 1914. Отд. III. С. 118.

² ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 4. Л. 223; Д. 174. Л. 71–73.

³ Лаппо-Данилевский К. Ю. Чертков Василий Алексеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 404–405.

можно, она шла и в Воронеже, где Чертков с 1782 по 1793 г. был наместником. В библиотеках воронежцев со второй половины XVIII в. присутствуют книги французских авторов, в том числе философов-энциклопедистов. Часть книг из собрания губернатора Ивана Алексеевича Потапова сохранилась в библиотеке Воронежского университета. Члены кружка Е. А. Болховитинова (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий) в 1790-е гг. переводят с французского языка труды по философии и истории (к примеру: «Размышления о красноречии...» Николая Трюбле, «Вольтеровы заблуждения» Клода Ноннота) и издают в Москве, а затем, с возникновением собственной типографии, в Воронеже⁴.

После французской революции 1789 г. в Россию хлынул поток французов-роялистов. Добрался он, хотя и не сразу, до Воронежа в виде небольшого ручейка. 10 февраля 1793 г. в воронежском наместническом правлении был получен указ Сената «о высылке всех обоего пола французов, признающих нынешнее в земле их правление и оному повинующихся, из всех мест империи, с оставлением токмо тех, которые отрекутся присягою <...> от правил безбожных и возмутительных в земле их ныне исповедуемых»⁵. По сообщению губернского правления от 8 июня 1793 г., в самом Воронеже жил француз Пётр Петров Молво, в Ливенском уезде — Иван Петров сын Гемар Делавальер (Гемар де Лавальер), и в Землянском обитала семья из трёх человек: Антон Иванов сын Руер с женою Маргаритой и дочерью Катериной⁶. Дальнейшая судьба всех трёх семей неизвестна.

Проникновение французов усилилось в XIX в. В первую очередь эмигранты становятся гувернёрами, преподавателями французского языка в учебных заведениях. Одним из первых в Воронеже упоминается Дюбуа де Ливри, из офицеров французской службы. Он преподавал французский язык в Главном народном училище с ноября 1804 г. до ноября 1811 г., когда решил возвратиться на родину. С 1808 г. губернский секретарь де Ливри содержал в Воронеже один из первых частных пансионеров⁷. В мае 1808 г. к мещанскому сословию Воронежа был приписан дезертир-француз Жан Бейлал⁸.

В ходе Отечественной войны 1812 г. в Воронеже появились пленные французы. Губернатор Матвей Штер сообщил городскому го-

⁴ Зорин А. Л. Евгений (Болховитинов) // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 207.

⁵ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 268. Л. 2, 46–48; д. 271, л. 2 об.

⁶ Сообщила Т. П. Петерс (Москва).

⁷ ГАВО. Ф. И-64. Оп. 2. Д. 321. Л. 3–4, 7, 12.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

лове Самуилу Мещерякову о том, что назначенные в Воронеж «военнопленные неприятельской армии» выступили из Курска 22 августа 1812 г., и потребовал срочно отремонтировать назначенный им для размещения сахарный завод купца Тулинова. В сентябре там содержалось «немалое число пленных», на их питание собирались деньги с владельцев салотопенных заводов, как приносящих «немалые прибыли»⁹. Французов вскоре отправили в Тамбов. Некоторые военнопленные решили остаться в Воронеже. Очевидно, первым среди них стал однофамилец наполеоновского маршала Карл Иванович Журдан (ок. 1792–1847). Сын судьи гражданского трибунала из г. Сен-Дени, в 1800–1807 гг. он учился в Ecole secondaire, а затем в лицее de Sainte Barbe. Служил подпоручиком в «Великой армии», в 1813 г. был взят в плен русскими войсками. С 1819 г. преподавал французский язык в воронежской губернской гимназии. Умер от холеры. Дважды был женат на местных уроженках, исповедовавших православие¹⁰. Гимназисты весьма нелестно отзывались о нём. Вот мнение Н. И. Костомарова, который учился у Журдана и в пансионе, и в гимназии (1831–1833): он «не отличался ничем особенным, был вообще ленив и апатичен, ничего не объяснял и только задавал уроки по грамматике Ломонда <...> Только когда припоминались ему по какому-нибудь случаю подвиги Наполеона и его великой армии, обычная апатичность оставляла его и он невольно показывал неизбежные свойства своей национальности, делался живым и произносил какую-нибудь хвастливую похвалу любимому герою и французскому оружию»¹¹. Костомарову вторит фольклорист А. Н. Афанасьев (учился в 1837–1844), он говорит об учителях немецкого и французского языков, каждого из которых звали Карл Иванович: «Карлы Ивановичи наши были люди жалкие; видно было, что они не получили никакого образования и никогда не думали поучать юношество; но коварная судьба, издавна привыкшая всякого рода иностранца превращать на Руси в педагога, разыграла и с ними ту же старую комедию <...> Карл Иванович Француз, кажется, остался на Руси от великой наполеоновской армии; говорил порусски порядочно, любил выпить и посещал гимназию весьма редко; случалось, целые месяцы не показывал глаз»¹². В 1821 г. местное купечество протестовало против наличия в Воронеже иностранцев,

⁹ Там же. Д. 11. Л. 1, 6, 8 об.

¹⁰ Там же. Ф. И-29. Оп. 129. Д. 31.

¹¹ *Костомаров Н. И.* Автобиография. Бунт Стеньки Разина. Киев, 1992. С. 87.

¹² *Афанасьев А. Н.* Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. С. 270.

которые ведут торговлю, но не платят гильдейского сбора. Среди них назывался француз Жерве, владелец винного погреба¹³.

В письме сосланного в Воронеж польского аристократа графа Михала Ромера к жене 28 февраля 1831 г. упоминаются два француза. Один из них, уже знакомый нам Карл Журдан, назван «бывшим учителем французской литературы в гимназии», а второй — пан Gergais — «даёт уроки французского языка в разных домах». В письме от 27 января 1831 г. Ромер рассказывает о 72-летнем «пане Petre», уроженце Франции, до 1794 г. служившего офицером в польской армии, а затем перешедшего на русскую службу¹⁴.

В 1825 г. в Воронеж по службе был переведён чиновник Комиссариатской комиссии (интендантства) Николай Осипович Ге (1796—1855). Внук французского эмигранта-роялиста Матвея Ге (Gay), офицер русской армии, вошедший со своим полком в Париж в 1814 г., он был назначен смотрителем запасных магазинов всей губернии. В Воронеже Н. О. Ге женился на Елене Яковлевне Садовской. Её отец, отставной капитан Яков Леонтьевич, был выходцем из среды духовенства и владел имением в с. Садовое Бобровского уезда. Названию села он и обязан своей фамилией. Факт отнесения его к числу ссыльных поляков, который имеет место в ряде публикаций, недостоверен¹⁵. В Воронеже родились и жили до лета 1837 г. математик Осип Николаевич (1828—1892), драматург Григорий Николаевич (1830—1911) и художник Николай Николаевич (1831—1894) Ге. Уцелел дом, в котором родился последний и жила семья до отъезда из Воронежа¹⁶.

В 1834 г. в Воронеже появился Николя (Николай Иванович) Сомме, французский подданный, выпускник Римского лицея. В течение четырёх лет он преподавал родной язык в гимназии. В 1838 г. умер, оставив вдову Шарлотту Ивановну¹⁷. Эстафета перешла к его сыну Карлу (1821—1886), который принял российское подданство,

¹³ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1, д. 30. Л. 1 и об.

¹⁴ *Ромер М.* Письма из Воронежа (1831—1832) / перевод с польского; публ. и предисл. О. Г. Ласунского. Воронеж, 2013. С. 15—16, 33.

¹⁵ Николай Николаевич Ге. Письма. Статьи. Критика. Воспоминания современников / вступ. ст., сост. и примеч. Н. Ю. Зограф. М., 1978. С. 307.

¹⁶ *Акиншин А. Н., Попов П. А., Чернявская Е. Н.* Улица Освобождения труда, дома 7, 7б // Историко-культурное наследие Воронежа. Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронеж, 2009. С. 198—199.

¹⁷ ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 18827; *Пантелеевский Н. Н.* Материалы для истории Воронежской гимназии. Должностные лица гимназии за столетие (1786—1886) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 г. Воронеж, 1899. Отд. III. С. 30—31.

выдержал экзамен на звание учителя при Харьковском университете и в течение 42 лет учительствовал в Воронеже.

В 1812 г. выходец из Франции коммерции советник Мартин Львович Лион (?–1836) стал владельцем нескольких суконных фабрик в Воронежской и Тамбовской губерниях, прежде принадлежавших купцу Онуфрию Гарденину, но доведённых до разорения. В 1815 г. он пожертвовал одно из зданий в Воронеже для сиротского военно-учебного заведения — школы кантонистов¹⁸ (ныне здесь размещается отдел краеведческого музея, посвящённый Великой Отечественной войне). Его сын Сергей Мартинович (1820 — после 1896) был крупным предпринимателем, общественным деятелем и благотворителем. В 1854–1860 гг. он состоял предводителем дворянства Тамбовской губернии¹⁹.

Среди воронежского дворянства было лишь несколько семей, имевших французские корни: маркиз де Траверсе, бароны Бодэ (внесены в 1873 г.), братья Александр и Иван Дебриньи (внесены в 1793 г.).

Морской министр Иван Иванович де Траверсе (1754–1831) в 1810 г. купил у отставного полковника Н. Петрово-Соловова имение в с. Русская Гвоздевка Воронежского уезда в сто душ мужского пола и на этом основании в 1812 г. вместе с тремя сыновьями и двумя дочерьми был внесён в дворянскую родословную книгу²⁰. Продолжения дело не имело.

Барон Яков Львович Бодэ (1846 — после 1892) являлся правнуком бежавшего из революционной Франции Карла Бодэ²¹. Родители Якова, Лев Львович (1820–1855) и Анна Петровна (1824–1867) владели имением в Землянском уезде Воронежской губернии. Анна Петровна после смерти супруга основала на принадлежавшей ей земле Знаменский женский монастырь²². Я. Л. Бодэ продолжал жить в с. Богоявленка Землянского уезда.

Значительный интерес представляет фамилия Дебриньи (Де-Бриньи, де Бриньи). Отставной надворный советник Александр (ок. 1727 — между 1795 и 1810) и отставной полковник Иван

¹⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 34. Л. 9 об.–10 об.; РНБ. Ф. ВЭО. Д. 20 1/40. Л. 374.

¹⁹ Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. Л. Г. Протасов. Тамбов, 2004. С. 302.

²⁰ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 12. Л. 239; Оп. 127. Д. 41.

²¹ Там же. Л. 158; Оп. 124. Д. 106.

²² *Правдин А. М.* Женские монастыри Воронежской епархии, основанные в XIX веке // Памятная книжка Воронежской губернии. 1901 г. Воронеж, 1901. Отд. III. С. 23.

(ок. 1742 – 24.02.1794)²³ были сыновьями поступившего на русскую службу военного инженера Клода Петра Дебрины. По сведениям П. А. Авакова, тот был принят лично Петром I во время посещения Франции, указ же царя о производстве его в чин полковника подписан 17 августа 1717 г. в Амстердаме. Обосновывая своё право на дворянство, братья представили копии этого указа, а также указа императрицы Екатерины I о производстве 23 мая 1725 г. Петра Дебрины в генерал-майоры. Пока неясно, каким образом (скорее всего, в результате женитьбы)²⁴ Дебрины появились в Воронежском крае. Иван Петрович уже в 1780–1783 гг. исполнял обязанности предводителя дворянства Острогожского уезда, в 1793–1794 гг. был судьёй совестного суда. Он владел имением в сл. Писаревка Острогожского уезда. 1 ноября 1793 г. братья были внесены в четвёртую часть дворянской родословной книги Воронежской губернии²⁵. Летом 1793 г. полковник И. П. Дебрины был уволен в трёхмесячный отпуск «для надобности его по опекунству над имением генерал-поручицы графини Дебальмен»²⁶. Речь идёт о вдове Антона Богдановича де Бальмена (1741–1790), Елене Антоновне, урожд. графине Девиер. Можно предположить какое-то родство Дебрины с де Бальменами или Девиерами.

Судя по всему, сыновья французского инженера были не гугенотами, а православными, поскольку Иван похоронен в Алексеевском Акатовом монастыре в Воронеже²⁷. Продолжателем рода стал Александр Петрович Дебрины. По данным пятой ревизии 1795 г., ему и жене Аграфене Васильевне принадлежали 11 крепостных душ и винокурный завод близ Острогожска²⁸. В семье было четыре сына и две дочери, хорошо известна линия отставного полковника Пере-

²³ Год рождения указан в соответствии с возрастом, приведённым в документах. Между тем в статье А. Н. Андреева со ссылкой на метрическую книгу церкви Греческой слободы в Петербурге отмечено, что 21 января 1728 г. были крещены сыновья Петра Де-Бриньи – Фридерик-Якоб и Иоанн. Возможно, последний имел двойное имя Иоанн-Александр. См.: *Андреев А. Н.* Католик на русской службе Пётр Петрович Ласси // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2015. Т. 15. № 3. С. 42.

²⁴ Во второй четверти XVIII в. вдове генерал-майора Елизавете де Бриньи принадлежали два дворовых человека в г. Севске. См.: *Черников С. В.* Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII века. Рязань, 2003. С. 252.

²⁵ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 24. Л. 198–199; Оп. 127. Д. 17.

²⁶ Там же. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 268. Л. 4 об., 143.

²⁷ См.: *Летописный синодик г. Елисеевых. 1737–1800 гг.* / [предисл. и публ. архимандрита Димитрия (Самбикина)]. Воронеж, 1886. С. 70.

²⁸ ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 173. Л. 374 и об.

яславского драгунского полка, участника войны 1812 г. Егора Александровича Дебриньи (ок. 1778–29.03.1857)²⁹, четверо его детей были причислены к воронежскому дворянству в 1818 и 1840 гг.³⁰ В 1810-е гг. в Острогжском уезде значились Аграфена Васильевна Дебриньи и её сын, ротмистр Пётр Александрович, их имущественные дела находились в расстроенном состоянии. Сын Михаил, тоже ротмистр, в 1809 г. назван умершим³¹. Их сестра Анастасия (?–1861) вышла замуж за местного помещика, подпоручика Василия Тихоновича Лисаневича (ок. 1774 — между 1854 и 1861), брак был бездетным³².

Окончательно в дворянстве род Дебриньи указом Временного присутствия Герольдии 22 ноября 1844 г. не утверждён в четвёртой части «на том основании, что род этот показан из иностранцев, но о принятии на вечное подданство России присяги не имеется», к тому же нет объяснения родственных связей лиц этой семьи между собой³³. Непонятно, почему в этой ситуации полковник Е. А. Дебриньи не предпринял попытку внести себя и членов семьи во вторую часть родословной книги, на что он имел право по военному чину. В архиве Департамента герольдии Сената рода Дебриньи нет совсем.

В открытом в 1845 г. в Воронеже кадетском корпусе преподавали французский язык (каждый — короткое время) некие Жаке и Муо, Гутт и Мери, Августин Деболи, Иосиф Паж и Дмитрий Юмбер. На длительный срок задержались здесь Феликс Спримон и Карл Баллен де Балю³⁴. В реальном училище родной язык преподавал Карл Буланже (1860–1913)³⁵.

В 1854 г. архитектором Воронежского Кадетского корпуса был назначен выпускник Академии художеств Александр Антонович Кюи (1824–1909). Потомки уроженца Франции Антуана Кюи (Cui) приобрели в России известность благодаря композитору и военному инженеру Цезарю Кюи, а его братья Николай, Наполеон и Александр менее известны. Сведения о раннем этапе жизни самого Антуана противоречивы: то ли он прибыл в Россию и обосновался в

²⁹ Русский провинциальный некрополь. М., 1914. С. 241.

³⁰ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 76. Л. 78; Д. 230. Л. 17.

³¹ Там же. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 169; Ф. И-167. Оп. 1. Д. 21836. Оп. 2. Д. 10625.

³² См.: Акинъшин А. Н., Литвинова Т. Н. Дворянский род Лисаневичей // Генеалогический вестник. Вып. 51. СПб., 2015. С. 108–121.

³³ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 12. Л. 133.

³⁴ Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845–1895 / сост. С. Е. Зверев. Воронеж, 1898. С. 214–219.

³⁵ Воронежский телеграф. 1913. 6, 8 дек.

1811 г. в Вильно с целью стать педагогом, то ли пришёл вместе с «Великой армией» и в Вильно остался из-за болезни. Деятельность Александра Антоновича в Воронеже, занимавшего здесь должности городского (11 лет) и губернского (36 лет) архитектора, была очень плодотворной. Благодаря ему в Воронеже в 1860 г. появился памятник Петру Великому работы петербургского скульптора Антона Шварца. Будучи учеником Константина Тона, Александр Кюи построил в его стиле Владимирский собор — храм в честь 900-летия крещения Руси. Потомки Александра Кюи (а у него от двух браков было десять детей), в жилах которых стала преобладать польская кровь, живут сейчас в Воронеже (носители фамилии — Кюи) и в Польше³⁶.

Французским происхождением и польской службой отмечен ещё один офицер наполеоновской армии, попавший в русский плен при Торгау — Людовик Менглет (Mainglet). Потомки его сына, обосновавшиеся в Воронежском крае, уже во втором поколении стали православными, о их прошлом напоминала лишь фамилия. Праправнуком Людовика был уроженец Воронежа известный актёр Георгий Павлович Менглет (он с большим огорчением воспринял факт участия своего далёкого предка в походе на Москву в 1812 г.)³⁷. Французские корни были у педагога Александра Пуле (Poulet), прадеда Мстислава Ростроповича³⁸.

Сохранившаяся за 1863—1913 гг. метрическая книга католического костёла³⁹ позволяет выявить имена пребывавших в Воронеже французских подданных: владельцы модных магазинов Софья Формаж и Александр Коэн, преподаватели Александр Куан, Антон Сыроватко, Берта Баньоль, Людвиг Лепельтье и его сыновья Валентин и Георгий, владелица аптеки в уездном Острогожске Екатерина Бальбони. В Воронеже в эти годы жили Пий Дюма, Анжелина Ляреноль, Альфред Берри, Генрих, Александра и Генриетта Дем, Людовик, Анна и Адольфина Мобеш, Пьер, Жанна и Альберт Сестакк, уроженцы Дижона Константин, Ирма и Мишель Лямарш, Матильда Дэш и Людовик Перрье, Леонила Лефевр и Евгения Женев, Клаудиа Гебгард, Жан Филипп Мизери и Элеонора Рено — правда, у нас

³⁶ См.: *Акинъшин А. Н.* Семья Кюи: Вильно, Петербург и Воронеж // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2017. Вып. 32. С. 67–72.

³⁷ *Акинъшин А. Н., Шумков А. А.* Менглеты: [Поколенная роспись] // Дворянский календарь: справочная родословная книга российского дворянства. СПб., 2003. Тетр. 11. С. 103–109.

³⁸ *Акинъшин А. Н.* Воронежские Ростроповичи: Семейный портрет на фоне истории. Воронеж, 2006. С. 12–13.

³⁹ ГАВО. Ф. И-329. Оп. 1. Д. 1–3.

нет информации о роде их занятий. Лишь про скончавшегося 5 января 1883 г. Жана Людвиг Куртолье в метрической книге сказано, что он — клоун. В качестве редкого явления можно привести имена француженок, вышедших замуж за воронежцев и живших на родине мужа, среди которых Берта Баньоль, по мужу Кологривова, и имена жительниц Воронежа, побывавших замужем во Франции. В 1904 г. Прасковья Дюпуи, муж которой умер в Лиможе, просила возвратить ей российское гражданство⁴⁰. В 1867 г. в Острогжске умерла французская подданная, купчиха второй гильдии Мария Люц, урождённая Ларионова⁴¹. В 1904 г. к воронежскому мещанству приписалась гражданка Франции Александра Сеппи⁴².

Несмотря на то, что в количестве отношении обитавшие в Воронеже французы заметно уступали представителям других национальностей — немцам, полякам и евреям, они оставили заметный след в экономической и культурной жизни края⁴³.

⁴⁰ ГАВО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2204а.

⁴¹ Там же. Ф. И-167. Оп. 2. Д. 5744.

⁴² Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2127. Л. 13.

⁴³ *Акинъшин А. Н., Ласунский О. Г.* Инонациональная прослойка провинциального общества и её роль в развитии местной культуры // Российская провинция XVIII—XX веков: Реалии культурной жизни. Материалы Всероссийской конференции. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 202—211.

Елена Нигметовна Марасинова
(Москва)

Ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

«Русские подданные» и «французские граждане» в XVIII веке¹

Каждая эпоха отличается своим уникальным спектром представлений о *рабстве* и *свободе*, которые причудливо соединяют религиозные догматы, нравственные ценности и отражение в сознании современников социальных реалий. Именно поэтому любая дискуссия о столь абстрактных и в то же время значимых сущностях должна начинаться с терминологии. Особое значение этот вопрос приобретает для российского общества, пытающегося через историю найти путь к собственной самоидентификации.

Данная статья посвящена сравнительному анализу понятий *подданный* и *гражданин* в русском и французском языках второй половины XVIII в., что имеет значение не только для понимания века Просвещения, но и преодоления некоторых мифов, заслоняющих от нас прошлое.

«Горожане» и «граждане»

В русском языке XVIII в. уже существовал термин — *гражданин*, выражающий взаимоотношения государства и личности и встречающийся в законодательстве, публицистике, а также в художественной и переводной литературе.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-09-00461.

На основании словарей русского языка XVIII в. можно было бы сделать вывод, что первоначальное значение слова *гражданин*, подразумевающее жителя города (града), сохраняло свою актуальность и в рассматриваемое время². Однако в данном случае словари отражают более раннюю языковую традицию. Неслучайно в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. жители городов именуются не просто *гражданами*, а «верноподданными гражданами городов наших», которые по терминологии официальных документов Екатерининского царствования объединялись в неопределённую по своему социальному составу группу «в городе живущих»³. Показательно, что Павел I с тем, чтобы выхолостить из понятия *гражданин* все в той или иной степени опасные для самодержавия смыслы, вынужден был волей императорского указа возвращать содержание этого термина к своему первоначальному значению. В апреле 1800 г. приказывалось не употреблять слова *гражданин* и *именитый гражданин* в донесениях на высочайшее имя, а писать «купец или мещанин» и соответственно «именитый купец или мещанин»⁴.

В Новое время термин *гражданин*, исторически связанный во всех языках романо-германской группы с понятием *горожанин* (*Bürger, Stadtbürger, citizen, citoyen, cittadino, ciudades*), также утрачивал своё исконное значение. Это так называемое расхождение между семантикой слова и его этимологией фиксировалось как современниками, так и исследователями последующих поколений⁵. Однако тот факт, что новое понимание взаимоотношений власти, об-

² См.: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Стб. 577; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) М., 1989. Т. II. С. 380–381; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 117–118; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1801. Ч. I. Стб. 1234.

³ ПСЗ. Т. XXII. № 16187. С. 358–384. 1785, 21 апреля. См. также: Там же. Т. XX. № 14490. С. 403. 1776, 4 августа; Т. XXXIII. № 17006. С. 287. 1791, 23 декабря; и др.

⁴ Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 98. См. об этом: *Песков А. М.* Павел I. М., 2000. С. 87–88.

⁵ См., напр.: *Dictionnaire universel François et latin vulgairement appelé dictionnaire de Trévoux*. P. 1771; *Féraud J.-F.* Le Dictionnaire critique de la langue française informatisé. Tübingen, 1994; *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart, 1972. Bd. I. S. 672–725; *Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa*. München, 1995. S. 70–72; *Будагов П. А.* Развитие Французской политической терминологии в XVIII веке. М., 2002. С. 102–106; *Preuß U. K.* Citizenship and the German Nation // *Lineage of European Citizenship: Rights, Belonging, and Participation in Eleven Nation-states*. N.Y., 2004. P. 22; и др.

щества и личности в монархических государствах выражалось именно через понятие *гражданин*, имел историческую закономерность. По всей Европе горожане были самой независимой частью населения. С. М. Каштанов справедливо замечает, что и на Руси «более свободный класс подданных формировался в XVI—XVII вв. в городах»⁶.

Важнейшим этапом углубления смыслового значения понятия *гражданин* в русском языке второй половины XVIII в. стал Наказ Уложенной комиссии, в котором только этот термин, без учёта таких выражений, как «гражданская служба», «гражданская свобода» и т.п., встречается более 100 раз, в то время как упоминаний слова *подданный* насчитывается лишь 10 раз. Для сравнения следует отметить, что в законодательных актах второй половины XVIII в. это соотношение выглядит приблизительно как 1 к 100 и свидетельствует о достаточно редком употреблении понятия гражданин в официальных документах рассматриваемого периода. В Наказе, лишённом жёстких регламентирующих функций и основанном, прежде всего, на трудах Монтескье, Беккариа, Бильфельда и других европейских мыслителей, возникал абстрактный образ гражданина, имеющего в отличие от «ревностного российского подданного» не только обязанности, но и права. Гигантское расстояние между социальной утопией Наказа и реальностью не умаляет, однако, принципиального воздействия юридических штудий императрицы на образ мыслей образованной элиты. Сам факт присутствия в документах, исходящих от престола, пространных рассуждений о «гражданской вольности», «равенстве всех граждан», «спокойствии гражданина», «гражданских обществах» и т.п., подспудно стимулировал усложнение смыслового содержания этих понятий в языке и сознании современников.

В данном контексте слово *гражданин* употреблялось как близкое по смыслу термину *гражданство*, который значительно раньше был адаптирован в русском языке, чем собственно понятие *гражданин* в значении «член общества, наделённый определёнными гарантированными законом правами». Многочисленные словари и, прежде всего, уже упоминаемые словарь древнерусского языка И. И. Срезневского, словарь древнерусского языка XI—XIV вв. и словарь русского языка XI—XVII вв., свидетельствуют, что понятие *гражданство*, обозначающее общество с определённым устройством, а также законы, социальную жизнь и этику, появляется уже в переводных памятниках XIII—XIV вв.⁷ Однако представители этого «обще-

⁶ Каштанов С. М. Государь и подданные на Руси в XIV—XVI вв. // *Империям*. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 217—218.

⁷ См. об этом также: Хорошкевич А. Л. Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // *Российское самодержавие*

ства» воспринимались не как отдельные индивидуальности, а как единая группа, которая именовалась тем же термином гражданство, но уже в собирательном значении: «все гражданство принялося за оружие против неприятеля»⁸. В XVIII столетии данная языковая традиция сохранялась. Для В. Н. Татищева смысл термина *гражданство* также был тождественен слову «общество»⁹. Таким образом, термин «гражданин» для характеристики взаимоотношений личности и государства актуализируется в политической лексике лишь ко второй половине XVIII в., чему немало способствовала публицистика российской императрицы, оперирующая просветительскими понятиями и являющаяся неотъемлемой частью европейской общественной мысли этого периода. В Наказе непосредственно заявлялось о существовании «союза между гражданином и государством», а в книге «О должностях человека и гражданина» целая глава посвящалась «Союзу гражданскому»¹⁰.

Однако контекст употребления понятия *гражданин* в документах, исходящих от престола, обнаруживает всю специфику его смыслового содержания в русском политическом языке XVIII в. Обращает на себя внимание полное отсутствие конфликтного противопоставления терминов *гражданин* и *подданный*. В книге о «Должностях человека и гражданина» в обязанности каждого вменялось «твердо

и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000. С. 167–168; *Кашианов С. М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. С. 217–218.

⁸ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1801. Ч. I. Стб. 1235. См. также: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Стб. 577; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 118; и др.

⁹ «Гражданин, гречески поликус, латынски цивиль, точно значит всякого во граде жителя, но по обстоятельствам иногда разумеется в каком-либо сообществе живучий, иногда человек, живущий по законам в благочинии и осторожности. Кратко же разумеется токмо посадкой человек, яко купец, ремесленник или торгоша» (*Татищев В. Н.* Лексикон российской исторический, географический, политический и гражданский. СПб., 1793. Ч. 1. С. 79). См. также: *Нордстет И.* Российский, с немецким и французским переводами, словарь. СПб., 1780–1782. В 2-х тт.; *Гейм И. А.* Новый и полный словарь: Первое отделение, содержащее немецко-российско-французский словарь. М., 1796–1797. В 2-х тт. См. также: *Gleason A.* The Terms of Russian Social History // Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton NJ, 1991. P. 18–19; *LeDonne J. P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order. 1700–1725. NY, 1991. P. VIII.

¹⁰ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 34; О должностях человека и гражданина. Книга, к чтению определённая в народных городских училищах Российской империи // Русский Архив. 1907. Кн. I. № 1–4. С. 346.

уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно»¹¹. В законодательстве о «гражданине» упоминалось, как правило, лишь когда в именных указах императрицы цитировался Наказ¹² или когда речь шла о «состоянии граждан Республики Польской, отторгнутых от анархии и перешедших во владение Ее Величества» на «правах древних подданных»¹³. В общественной публицистике нередко были случаи прямого отождествления понятий *гражданин* и *подданный*. Так, Новиков полагал, что в учении розенкрейцеров нет ничего «противного христианскому вероучению», а орден «требует от своих членов, чтобы они были лучшими подданными, лучшими гражданами»¹⁴.

Подобное словоупотребление свидетельствовало, прежде всего, о том, что в середине XVIII в. и для власти, и для большинства современников понятие *гражданин* не было символом противостояния абсолютизму. Этот термин часто употреблялся с тем, чтобы акцентировать не только существование всеобщей зависимости подданных от престола, но и наличие так называемых горизонтальных отношений между жителями империи.

«Citoeyn» и «bourgeois»

В это время в другой части Европы происходили принципиально иные процессы, также нашедшие отражение в языке. По меткому выражению писателей и политических деятелей конца XVIII в. Жозефа Шенье и Бенжамена Констана, «пять миллионов французов умерли для того, чтобы не быть подданными»¹⁵. Во время Француз-

¹¹ О должностях человека и гражданина. С. 347. В этом контексте показательное сравнение текста данного вольного переложения работы Пуфендорфа и оригинала философского трактата немецкого мыслителя. В частности, в главе «Обязанности граждан» Пуфендорф пишет не о полном подчинении подданных самодержавию, которому доступно исключительное знание о сущности «гражданского общества», а об обязанностях гражданина или «подданного гражданской власти» в равной степени и перед государством и его правителями, и по отношению к другим «согражданам» (*Pufendorf S. De Officio Homini et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo*. NY, 1927. P. 144–146).

¹² См., напр.: ПСЗ. Т. XXIII. № 17090. С. 390. 1792, 8 декабря.

¹³ См., напр.: Акты, учиненные с Польским Королевством, вследствие тракта 18 сентября 1773 (ПСЗ. Т. XX. № 14271. С. 74. 1775, 15 марта).

¹⁴ Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 616–617. В журнале «Трутень» Новиков также утверждал, что «добросердечный сочинитель» «хвалит сына Отчества, пылающего любовью и верностью к государю, изображает миролюбивого гражданина» (Там же. С. 44).

¹⁵ См.: Лабулэ Э. Политические идеи Бенжамена Констана. М., 1905. С. 70–77.

ской революции термин *гражданин* становится самым употребительным, полностью вытеснив понятие *подданный* не только из сферы законодательства, но даже из практики повседневных обращений. *Sujet, monsieur, madame* превратились в *citoyen* и *citoyenne*. В 1797 г. историк и публицист Жозеф де Местр, явно не сочувствующий драматическим событиям в восставшем Париже, писал: «Слово гражданин существовало во французском языке даже до того, как революция завладела им, дабы его обесчестить, слово, которое не может быть переведено на другие европейские языки <...>. Луи Расин <...> адресовал королю Франции эту прекрасную строфу:

При короле-гражданине
каждый гражданин — король.

Дабы восхвалить патриотизм Француза, говорили: это великий гражданин. Напрасны были старания переложить это выражение на другие наши языки; выражения *gross bürger* — на немецком, *gran cittadino* — на итальянском вряд ли будут удовлетворительны¹⁶. Автор отказывает революции в стремительном наполнении понятия *гражданин* новыми смыслами и клеймит «нелепое замечание» Руссо о значении этого слова во французском языке. На самом же деле знаменитый философ в трактате 1752 г. «Об общественном договоре» провёл своеобразный семантический анализ понятия *гражданин* и тонко уловил главное направление эволюции его содержания. «Истинный смысл этого слова почти совсем стёрся для людей новых времён, — пишет Руссо, — большинство принимает город за гражданскую общину, а горожанина за гражданина <...> Я не читал, чтобы подданному какого-либо государя давали титул *civis*. <...> Одни французы совершенно запросто называют себя *гражданами*, потому что у них нет, как это видно из их словарей, никакого представления о действительном смысле этого слова; не будь этого, они, незаконно присваивая себе это имя, были бы повинны в оскорблении величества. У них это слово означает добродетель, а не право»¹⁷.

Таким образом, Руссо указал на единый семантический корень понятий *горожанин* и *гражданин*. Затем философ выявил постепенное наполнение последнего термина новым содержанием, отражающим усложнение взаимоотношений власти и личности в XVIII столетии, и, наконец, отметил присутствие в современном ему понимании слова *гражданин* двух смыслов — добродетель и

¹⁶ Местр Ж. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 105–106.

¹⁷ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 161–162.

право¹⁸. Позже, во время Французской революции, «правовая составляющая» полностью восторжествует, потеснив «добродетель» и окончательно уничтожив понятие *подданный* в политическом языке революционного Парижа. Сходные, правда, не столь радикальные лексические процессы происходили и в немецком языке. Уже в раннее Новое время двойное значение понятия *Bürger* было зафиксировано в двух терминах с одинаковой корневой основой — *Stadtbürger*, что означало собственно *горожанин*, и *Staatsbürger*, иначе говоря, «член государства» или *Staatsangehörige*. Понятия *Staatsbürger* и *Staatsangehörige*, а также наименование жителей немецких земель в соответствии с их национальностями (баденец, баварец, пруссак и т.п.) постепенно вытесняли понятие *Untertan* (*подданный*)¹⁹.

Принципиальное отличие русской официальной политической терминологии последней трети XVIII в. заключалось не только в безоговорочной монополии слова *подданный* для определения реальных отношений личности и самодержавной власти. Специфика социальной структуры русского общества, практически лишённого «третьего сословия» в его европейском понимании, отразилась и на эволюции понятия *гражданин*, которое, теряя первоначальное значение *горожанин*, наполнялось исключительно государственно-правовым или нравственно-этическим смыслом и не отягощалось этимологической связью с наименованием класса «буржуа»²⁰. Во французском и немецком языках необходимо было чётко разграничить

¹⁸ Ю. М. Лотман очень точно писал об этом: «Превращение человека (самодовлеющей единицы) в гражданина (часть политического тела) возможно, по мнению Руссо, лишь в “нормальном” и “правильном” государстве. Современные Руссо европейские государства таковыми не являются, и поэтому жители их — не “граждане” в терминологии трактата “Об общественном договоре”» (Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX в. // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. М., 2000. С. 164).

¹⁹ См. об этом подробнее: Bürger, Staatsbürger, Bürgertum // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972. Bd. I. S. 672–725; Bürger / Bürgertum // Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa. München, 1995. S. 70–72.

²⁰ В «Генеральном плане Московского Воспитательного дома» признавалось существование только двух социальных групп в российском обществе — «дворян» и «крепостных», и ставилась задача воспитания людей «третьего чина», которые «достигши искусства к различным до коммерции касающимся заведениям, вступят в сообщество с нынешними купцами, художниками, торговщиками и фабрикантами». Характерно, что наименование этого нового «третьего сословия» никак не связывается с понятиями «горожанин» и «буржуа» (ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 290–325. 1767, 11 августа).

образ набирающих силу *Bürger* и *bourgeois*, которые оспаривали привилегии аристократии и составляли главную деятельную и интеллектуальную часть городского населения, и «жителя свободного государства». Показательно, что в первом издании французского академического словаря понятие *citoyen* и *bourgeois* практически сливались — «*citoyen — bourgeois, habitant d'une cité*»²¹. В пятом издании 1798 г. появляется развёрнутое определение — «имя граждан (*citoye*) в точном смысле слова даётся жителю города, жителю свободного государства, имеющему право выбора в публичные собрания и являющемуся представителем высшей власти»²². В России второй половины XVIII в. слово «буржуа» практически не употреблялось, а понятие *гражданин* наиболее активно использовалось самой «просвещенной императрицей», связывалось с правами некоего абстрактного подданного «благоустроенного государства» Наказа и имело назидательный смысл. Права *гражданина*, заявленные на страницах высочайшей публицистики, ограничивались лишь сферой имущества и безопасности, абсолютно не затрагивая область политики. При этом не реже, чем о правах, упоминалось об обязанностях *истинного гражданина*²³, которые ничем не отличались от обязанностей *истинного подданного*.

В таких документах, как «Генеральный план Московского Воспитательного дома», а также высочайше утверждённый доклад И. И. Бецкого «О воспитании юношества», основные идеи которого были практически дословно воспроизведены в XIV главе Наказа «О воспитании», заявлялось, что «Петр Великий создал в России людей: <императрица Екатерина II> влагает в них души». Иными словами, престол второй половины XVIII в. разрабатывал «правила,

²¹ Le Dictionnaire de l'Académie française dédié au Roy. P. 1694. P. 193.

²² «Le nom de *Citoyen*, dans une acception stricte et rigoureuse, se donne à l'habitant d'une Cité, d'un état libre, qui a droit de suffrage dans les Assemblées publiques, et fait partie du Souverain» (Dictionnaire de l'Académie française. P. 1798. P. 247, 767). См. об этом также: Wild R. Stadtkultur, Bildungswesen und Aufklärungsgesellschaften // Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literatur vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. München, 1980. Bd. 3: Deutsche Aufklärung bis zur Französischen Revolution 1680–1789. S. 103–132, 845–848.

²³ Показательно, что даже в так называемых «Правилах управления» Екатерина писала не о правах, а об обязанностях «гражданина», формирование сознания которого становилось делом государственного значения: «Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед высшим существом, перед собой, перед обществом, и нужно ему преподать некоторые искусства, без которых он почти не может обойтись в повседневной жизни» (*Екатерина II*. [Правила управления] // Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 647–648).

приготавливающие» быть «желаемыми гражданами» или «прямыми Отечеству подданными», что полностью отождествлялось. Наименование новых граждан и истинных подданных означало высокий порог ожиданий власти, что предполагало «любовь к Отечеству», «почтение к установленным гражданским законам», «трудолюбие», «учтивость», «отвращение от всяких предрозостей», «склонность к опрятности и чистоте». На «полезных членов общества» возлагалась обязанность «паче прочих подданных исполнять августейшую волю». Определённая политическая зрелость и приверженность «общему благу» должна была проявляться у *гражданина* в ясном понимании необходимости сильного самодержавного правления или «нужды иметь государя»²⁴. Так объективная экономическая потребность России в ведущей роли государственной власти и способность её осознания трансформировались в официальной идеологии в высшую добродетель *гражданина* и *подданного*. Среди главных положений «краткой нравоучительной книги для питомцев» Московского Воспитательного дома, будущих *годных граждан*, в качестве основного выдвигался следующий тезис: «Нужда иметь государя есть самая большая и важнейшая. Без его законов, без его попечения, без его домостроительства, без его правосудия истребили ли бы нас неприятели наши, не было бы у нас свободных дорог, ни земледелия, ни ниже других художеств, для жизни человеческой потребных»²⁵.

«Есть подданные, но нет граждан»

Некоторые представители образованной элиты вообще осмелились противопоставить понятие *подданный* понятию *гражданин* и превратить данное противопоставление в орудие политического дискурса. В проекте канцлера Никиты Панина «О фундаментальных законах», который сохранился в записи его друга и единомышленника Дениса Фонвизина, говорилось: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединились бы узлом взаимных прав и должностей»²⁶. Приведённые слова

²⁴ См.: Наказ императрицы Екатерины II. С. 103–105; ПСЗ. Т. XVI. № 11908. С. 346, 348, 350; 1763, 1 сентября; № 12103. С. 670. 1764, 22 марта; Т. XVIII. № 12957. С. 290–325. 1767, 11 августа.

25 ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 316. 1767, 11 августа.

26 Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е. С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 4;

являются одним из первых случаев употребления прямой антитезы *подданный-гражданин*. В этом политическом трактате смысловое содержание слова *гражданин* конфликтно сталкивалось и с такими антонимами, как «право сильного», «раб», «деспот», «пристрастное покровительство», «злоупотребления власти», «прихоть», «любимец», а также углублялось с помощью синонимического ряда, включающего понятия «закон», «благородное любочестие», «прямая политическая воля нации», «свободный человек»²⁷. Таким образом, в общественном сознании второй половины XVIII в. постепенно складывалась иная, альтернативная официальной, трактовка слова *гражданин*, в котором высшая политическая элита дворянства начинала видеть человека, защищённого законом от своеволия самодержца и его личных высочайших пристрастий. Спустя несколько лет после появления проектов Панина-Фонвизина+ новый канцлер А. А. Безбородко напишет: «<...> да истребятся все способы потаенные и где кровь человека и гражданина угнетается вопреки законов»²⁸.

В то же время *гражданин* наделялся не только сугубо нравственными добродетелями, свидетельствующими, в частности, о его чистоплотности или целомудрии. Мыслящий дворянин ожидал от *истинного гражданина*, коим почитал и себя, определённой политической зрелости и чувства личной ответственности за Отечество, но не за самодержавное государство. Неслучайно в проекте Панина-Фонвизина отчётливо прозвучало мнение, что понятие «Отечество» не исчерпывается образом абсолютной монархии Екатерины. Вспоминая о конфликте императрицы и частного издателя, мыслителя и розенкрейцера Новикова, Н. М. Карамзин писал: «Новиков как гражданин, полезный своею деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы»²⁹. Наконец, в текстах неко-

см. также: Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к вел. кн. Павлу Петровичу) 1784–1786 гг. // РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.

²⁷ РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 6об., 13–14.

²⁸ Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив. 1877. Кн. I. № 1–4. С. 297–300.

²⁹ Карамзин Н. М. Записка о Н. И. Новикове // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 232. Фонвизин упоминал в письмах к П. И. Панину о «патриотических» чувствах «истинного гражданина», всем сердцем радеющего за военные победы России: «Патриотические о мире рассуждения ваши, милостивый государь, конечно, не найдут противоречия ни от кого из истинных граждан. Ваше сиятельство <...> имеете причины радоваться тому, что всё уже устроено к трактованию о мире» (Письмо Д. И. Фонвизина П. И. Панину. 1772, май // Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2-х томах. М.; Л., 1959. Т. II. С. 383).

торых представителей дворянской элиты понятие *гражданин* сопоставлялось с понятием «человек». Следуя за взглядами Руссо «о переходе от состояния естественного к состоянию гражданскому»³⁰, Радищев полагал, что «человек рождается в мир равен во всем другому», соответственно «государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы», не может назваться «блаженным» — «земледельцы и дондесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека»³¹.

Однако следует отметить, что в целом понятие *гражданин* довольно редко употреблялось в художественных произведениях и публицистике второй половины XVIII столетия, а в частной переписке и вовсе почти не встречалось. Как ни странно, наибольшей популярностью этот термин пользовался у «просвещённой императрицы». В то же время показательно, что и в Наказе³², и законодательстве довольно редко употреблялось слово *сограждане*. Исключения составляют действительно исключительные случаи выбора от «сограждан» депутатов Уложенной комиссии³³ и включения «сограждан» присоединённых территорий в число российских подданных.

С другой стороны, на первый взгляд парадоксально, что человек, единственный из всех российских публичных деятелей и мыслителей XVIII в. удостоенный звания *гражданин* от самого авторитетного историографа, практически не употреблял это понятие в своих публицистических произведениях. В журналы «Трутьень», «Кошелёк», «Живописец» используется только термин *согражданин*: издания Новикова преследовали одну высшую цель — «пользу сограждан», «исправление нравов сограждан», «возбуждение в сердцах сограждан отвращение к худым делам»³⁴. Императрица, выступая от

³⁰ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 164.

³¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 227, 248, 279, 293, 313–315, 323; и др.

³² Три случая употребления слова сограждане против ста упоминаний о гражданине.

³³ См., напр.: «Присяга депутатам, вступающим в комиссию о сочинении проекта нового уложения» (ПСЗ. Т. XVIII. № 12945. С. 181–182. 1767, 24 июля); «Начертание о приведение к окончанию комиссии проекта нового уложения» (ПСЗ. Т. XVIII. № 13095. С. 503. 1768, 8 апреля). Достаточно упомянуть, что звание депутата давало небывалые привилегии. Депутаты были объявлены под «собственным охранением» императрицы, они освобождались пожизненно от смертной казни, пыток и телесных наказаний. Их личная безопасность обеспечивалась двойной карой покушавшемуся на неё. Наконец, депутатам комиссии даны были особые нагрудные знаки, которые впоследствии дворянские депутаты могли включать в свои гербы.

³⁴ Новиков Н. И. Указ. соч. С. 3–220.

лица «Всякой всячины», пытаясь соответствовать тону новиковского «Трутня», писала также о *согражданах*, однако, отождествляя их с *подданными*, главная доблесть, которых состоит в признании справедливости и правосудия современного правления. Таким образом, в контексте противоречивой риторики XVIII столетия однокоренные понятия *гражданин* и *согражданин* могут быть даже противопоставлены. Официальные документы, включая Наказ, придавали правам *гражданина* оттенок высочайше дарованного благоволения, независимая публицистика видела в *согражданах* представителей формирующегося сообщества, относительно не зависимого от престола.

В рамках же всего комплекса привлечённых к работе текстов³⁵ понятие *гражданин* использовалось не спорадически, а для целенаправленной характеристики отношений личности и государства лишь в проектах Панина-Фонвизина и «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. В первом случае *гражданин* становился символом монархии, где престол окружают не фавориты, а защищённая законом государственная элита, во втором же — право на политическую дееспособность признавалось и за крепостным, имеющим «одинакое от природы сложение»³⁶. Данные идеи нельзя признать уникальными и существующими лишь в сознании упомянутых авторов — подобные мысли были весьма характерны для оппозиционно настроенного дворянства, однако далеко не всегда выражались с помощью термина *гражданин*³⁷. Так, М. Н. Муравьёв, выражая отношение к личности крестьянина, использовал антитезу «простой» — «знатный»: «В тот же самый день простой крестьянин внушил в меня почтение, когда я взирал с презрением на знатного, недостойного своей породы. Я почувствовал всю силу *личного достоинства*. Оно одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние»³⁸. И даже Фонвизин в собственных литературных про-

³⁵ Напомню, что источникная база работы включает более трёх тысяч писем дворянства, около 50-ти художественных и публицистических произведений XVIII столетия, а также все законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, и несколько сотен архивных текстов.

³⁶ *Радищев А. Н.* Указ. соч. С. 314.

³⁷ Например, Новиков неслучайно выбрал в качестве эпиграфа своего журнала «Трутень» слова: «они работают, а вы их хлеб едите». В 1773 г. он заметил в одном из писем: «Хлеб <...> нужнейшая вещь для продолжения человеческой жизни, вот истинное <...> всего государства богатство» (Письмо Н. И. Новикова Г. В. Козицкому. 1773, май // Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 7). Однако в своих размышлениях к понятию гражданин он не прибегал практически никогда.

³⁸ *Муравьёв М. Н.* Обитатель предместья // *Муравьёв М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1819. Т. 1. С. 101.

изведениях довольно редко обращался к понятию гражданин, которое вообще не встречается в его «Опыте российского словника», а в размышлениях о положении крепостных используются другие термины: «Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низость* принадлежит к состоянию, а *подлость* к поведению»³⁹.

Действительно, русская *фронда* периода правления Екатерины II не собиралась умирать за республику, конституцию и право вместе с собственными крестьянами «именоваться гражданами»: представители самоопределяющейся дворянской культуры даже к дарованной им привилегии подписываться в посланиях императрице *подданный*, а не *раб*, отнеслись прохладно. Самодержавие в России второй половины XVIII в. будет ограничено не *гражданином*, требующим гарантированных законом прав, а личностью с независимой духовной жизнью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Начавшееся ослабление союза образованной элиты и государства применительно к данному периоду проявится на уровне оценочных реакций и терминологических предпочтений. Преодоление непререкаемого авторитета самодержавного правления будет заключаться в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата, престола, светской массы. Наиболее думающая и остро чувствующая часть интеллектуалов отдалится от верховной власти и всё более настойчиво будет пытаться осуществить себя на социальной периферии, удалённой от эпицентра действия официальных ценностей. Этот по-своему уникальный для европейской истории процесс, в силу неоднозначности проявлений приобретший в литературе целый репертуар наименований — возникновение общественного мнения, самоопределение интеллектуальной аристократии, эмансипация культуры, формирование интеллигенции⁴⁰ — начнётся уже в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX столетия. Суть его была парадоксально сформулирована Ломоносовым и спустя несколько десятилетий воспроизведена Пушкиным. В 1761 г.

³⁹ Фонвизин Д. И. Опыт российского словника // Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 1. С. 225–226.

⁴⁰ См. об этом, напр.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994; Smith D. Working the Rough Stone. Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb, 1999. P. 53–90; Wirtschaftler E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, 2003; и др.

учёный заявил блистательному вельможе И. И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу; но ниже у самого господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет». В дневнике 1833—1835 гг. поэт запишет: «Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного»⁴¹.

⁴¹ Цит. по: *Пушкин А. С. Дневники, записки.* СПб., 1995. С. 40, 238.

Наталья Владимировна Зайцева
(Санкт-Петербург)

Генеральный директор ООО «Вуаяжер»

Влияние французской галантной модели на воспитание российского дворянина на примере педагогических проектов Я. Штелина

Социальные изменения во Франции в процессе формирования централизованного государства, трансформация рыцарского сословия в придворное, смена рыцарского идеала, появление салонов и светского общества приводят к рождению идеала галантного человека, который выступает как социальный цемент в формирующемся абсолютистском государстве, соединяя родовую знать, мелкое дворянство, третье сословие¹. Во Франции вырабатывается новая модель социального поведения и социальной этики всей правящей элиты во главе с королём. Этот кодекс был направлен не только на внешнюю благопристойность, но гармонизацию внутреннего и внешнего, подчинения чувств разуму. Новая европейская образовательная система отражала революционные аспекты новой культурной модели, о которых пойдёт речь в данной статье².

¹ Вопросу формирования галантного этоса посвящены несколько работ Мориса Маженди: *Du nouveau sur l'Astrée*, Paris, 1927; *Le Premier des grands romans français: L'Astrée. Analyse et extraits*. Paris, 1928; *L'Astrée d'Honoré d'Urfé*. Paris, 1929; *Le Roman français au XVIIe siècle. De l'Astrée au Grand Cyrus*. Paris, 1932; *Honoré d'Urfé. L'Astrée. Extraits*. Paris, 1935 (Classiques Larousse); *Nicolas Faret L'Honneste Homme ou l'Art de plaire à la Court*. Paris, 1925.

² Roger Lathuillière *Etude Historique et linguistique*. Genève, 1969; Micheline Cuenin *Roman et société sous Louis XIV: Madame de Villedieu*. Paris: Champion, 1979.

Появление светского общества привело к тому, что новая образовательная система ставила целью воспитание светского галантного человека. В России этот процесс происходит в эпоху Екатерины II. Это время было связано с ещё одним важным социальным процессом — изменением понимания роли и назначения дворянского сословия, адаптация его к европейскому пониманию. По мнению Элери Шалка, во Франции в XVII в. утвердилась рождённая средневековым концепция, которая делала акцент на военную роль знати, рассматривая дворянство всего лишь как «профессию доблести», благородство же не являлось наследуемым качеством³. Петровские реформы, «Табель о рангах» и этатизм, присущий императору, также укореняют в сознании российского общества представление о дворянстве как о служилом сословии. В этом отношении показательна записка, составленная Я. Я. Штелиным для князя А. М. Голицына «О правах русского дворянства в комиссию по составлению уложения законов»⁴. В ней Штелин так формулирует это понимание: «В общих чертах знатность предполагает лучшее, чем обычно образование, чувства бескорыстного великодушия, свободы, благородства, доброты, качества сообразные божественному и естественному закону. Качества, присущие истиной знати, которые стали причиной появления выражения: аристократии мысли, чувства и действия. Для всех дворян разного положения, наделённых этими качествами, и для почтенных, и для низших, которые осыпаны милостями, не существует никакого императорского закона, ни привилегий их сословия. Ибо, в сущности, сословие существует только так, как его причисляют, это значит в военном или гражданском состоянии, в службе и в должностях, где одни всегда подчинены другим, или, соответственно низшие подчинены высшим

Alain V. Qu'est-ce qu'un classique? // *Littérature classique* № 19. 1993. P. 11–34; «D'une politique des formes: la galanterie», XVII siècle, n° 183, 1994; *Delphine D.* Le Parnasse galant. Institution d'une catégorie littéraire au XVII e siècle, Paris: H. Champion. 2001. P. 95–111; *Sophie R.* Le style de Vincent Voiture. Une esthétique galante. Saint-Etienne. 2006. P. 18–22.

³ *Schalk E.* L'épee et le sang: une histoire du concept de noblesse (ver 1500-ver 1650). Princeton Univerty presse, 1986. P. 8.

⁴ ОР РНБ. Ф. 871. Ед. хр. 67. Записка была составлена, вероятно, для Голицына А. М. (1723–1807), который в октябре 1763 г. вошёл в состав Совета при Высочайшем Дворе. В 1767 в качестве депутата от Санкт-Петербурга участвовал в работе комиссии по составлению проекта нового Уложения. Комиссия работала до декабря 1768, после чего указом императрицы повелевалось по случаю начавшейся войны с Турцией прекратить заседания общего собрания, оставив только частные комиссии, которые проработали до 1774 г., следовательно, документ можно датировать 1767–1768 гг.

по рангу»⁵. Из этого взгляда на дворянство вытекает важный аспект воспитания — воспитание дворянина как гражданина и образованного человека.

Галантная модель — это модель светская. Свет рассматривается как начало цивилизующее, образовательное, человек может быть счастлив только в свете. Мадам Делаंबर так сформулировала этот закон: «Любовь к почёту является также душой общества. Оно нас объединяет одних с другими. Я нуждаюсь в вашем одобрении, вы нуждаетесь в моём. Отдаляясь от людей, отдаляешься от добродетелей, необходимых обществу, ибо когда ты один, ты не следишь за собой. Свет вас заставляет следить за собой»⁶. Счастье человек может найти только в светской жизни⁷.

Несмотря на то, что новая культурная и педагогическая модели были персонцентрическими, раскрыться галантный человек мог только в свете или при дворе, то есть только в общении. Более того, общество защищает индивидуум против него самого. Идеи цивилизующего влияния света в екатерининское время абсолютно укоренились в русском обществе. Андрей Петрович Шувалов в рукописи «Нравственное завещание сыновьям и тем молодым людям, которые пожелают им пользоваться»⁸ так формулирует этот принцип: «Общество может существовать только сношением самым частым своих членов между собой. Привычка визитов по этикету, часто очень скучных и тем, кто их совершает, и тем, кто принимает, необходима для поддержания этих взаимоотношений. И поэтому она не должна нисколько утрачиваться. Званые обеды, ассамблеи, пышные балы, — все эти вещи, достаточно мало привлекательные, должны поддерживаться и культивировать взаимоотношения людей между собой. Как великолепие и слава двора, также как праздники, которые устраиваются, поддерживают взаимоотношения и различные общественные между монархом и его подданными»⁹.

Галантная культура — это культура светская, в которой жизнь индивидуума невозможна без общества, желание нравиться в обществе является социальным мотивом жизни. Вся светская теория благородства предполагает и завершается выходом на простор искусства нравиться. Многочисленные издания по этикету, которые выхо-

⁵ ОР РНБ. Ф. 871. Ед. хр. 67.

⁶ *Oevres completes de madam la marquise de Lambert*. Paris, 1808. P. 27.

⁷ *Dens J.-P. L'honnête homme et la critique du gout esthetique et societe au XVII siècle*. 1981. Lexington. Kentuchy. P. 19.

⁸ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 136. Р. 13 об. Завещание написано на французском языке и датировано 1781 г.

⁹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 136. С. 13 об.

дят во Франции, начиная с середины XVII в., переросли в педагогическую систему воспитания светского человека, предложенную Джоном Локком.

Светское воспитание является основополагающим в учебных программах Я. Штелина, а его педагогические проекты, без сомнения, базируются на работе Джона Локка «О воспитании»¹⁰. В 1764 году он составил «План обучения молодого кавалера» для сына оберкамергера графа Шереметева¹¹: «Молодой кавалер этого возраста должен мало-помалу подготовиться к своему будущему положению: это значит изучать то, что он должен знать, чтобы поддержать характер благородного воспитания»¹². Штелин видит будущего дворянина как христианина, благоразумного человека, гражданина мира и, в частности, своей родины, он станет однажды придворным или офицером: «Он станет в один из дней придворным»¹³.

Из идеи воспитания светского галантного человека вытекает система образования, которая противоположна схоластической. В основе всех программ занятий, предложенных Я. Штелиным, лежит принцип разнообразия, смены направлений, он делал упор на любопытство, которое, по его мнению, есть ни что иное, как влечение к знанию, сочетал теоретические занятия с практическими: «Например, ученик прогуливается на черепичной фабрике, следует обратить его внимание на выбор земли, её маслянистости, песок, на различные качества; мануфактуру по изготовлению кирпичей, их цену, рабочую плату, транспортировка кирпича по воде и по земле, средства добыть лучшие рынки»¹⁴.

Антисхоластическая направленность определяется в том числе декартовской философией и тем колоссальным влиянием, которое она имела в высшем свете. Основной постулат её заключается в том, что человек приходит в мир невежественным, поэтому он находится в плену бесчисленных ложных мыслей до того, как разум примет на себя руководящую роль. Человеку, получившему знания, в дальнейшем для того, чтобы избавиться от ложных теорий, не следует тратить много времени на изучение книг. Сила характера и наставления мудреца помогут отыскать в самом себе знание для правильного

¹⁰ Впервые изданная на французский язык в 1695 г., на русском языке книга Локка появилась в 1759 г. и была переведена учеником Ломоносова Н. Поповским.

¹¹ Для младшего сына Петра Борисовича Шереметева (1713–1788) от брака с княжной Черкасской В. А. Николая Петрович Шереметева (1751–1809).

¹² ОР РНБ. Рукописный отдел. Ф. 871. Ед. хр. 26.

¹³ Там же. Ед. хр. 26.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 817.

жизненного поведения. «Разыскание истины посредством истинно-го света, который сам по себе, не прибегая к содействию религии или философии определяет мнения, которые должен иметь учтивый человек относительно всех предметов, могущих занимать его мысли, и проникает в тайны самых любопытных наук»¹⁵. Один из первых исследователей в работе «Декарт и Принцесса Палатинская или влияние картезианства на женщин XVII века» назвал Декарта интеллектуальным властителем XVII в. и подчёркивает своевременность появления философии Декарта и то, как легко она усваивается светским обществом: «Картезианство нравилось, прежде всего, элите общества своей благородной смелостью и своей свободной поступью... Это была философия благородного человека. Гёте, которого трудно заподозрить в пристрастии к Декарту или его веку, заметил, что для того, чтобы понять этого философа, нужно всегда помнить, что он был дворянин и французский дворянин, носивший шпагу и видевший свет. Отвергнутая школой его философия была встречена салонами. Женщины, которые составляли суверенную империю, были его первыми адептами»¹⁶. Мадам Деламбер в своих советах к сыну, вторя Декарту, говорит, что «четверть часа размышлений расширяет и формирует ум более, чем много часов чтения»¹⁷. В мемуарах и переписке мадам Жофрен, императрицы Екатерины II, Екатерины Дашковой звучит одна и та же мысль — естественность ума, который сам себя образует и отрицание чьего-либо влияния извне: «Правду моего характера, естественность моего ума, простота и разнообразие моих вкусов делали меня счастливой во всех ситуациях моей жизни; я испытывала нежность, вспоминая об этих событиях и пикантное удовольствие думая, что я развивалась сама по себе»¹⁸.

Взгляд на свет как на цивилизующее и образующее начало определяет ещё одну особенность новой образовательной системы — роль беседы. Эта традиция была заложена в салонах XVII в. Мишель Пюр пишет о прециозницах: «Одна из её бесед более полезна, чем чтение лучших книг, и наполнена большим умом, чем лекция доктора»¹⁹. Многочисленные издания о политесе, светских манерах учат искусству вести беседу. В дальнейшем это переходит в образова-

¹⁵ *Декарт Р.* Сочинения в двух томах. М., 1989. Т. 1. С. 156.

¹⁶ A. Foucher de Careil. *Descartes et la Princesse Palatine ou l'influence du cartesianisme sur les femmes au XVII siècle.* P. 5.

¹⁷ *Oevres completes de madam la marquise de Lambert. Avis d'une mere a son fils.* Paris, 1808.

¹⁸ *Eloges de madame Geoffrin.* Paris, MDCCCXII. P. 28.

¹⁹ *Pur M. de.* La Pretieuse. Paris, 1938. Т. I. P. 10.

тельную систему. Выходят теоретические работы, например, книга Джонатана Свифта «Полное собрание благородных и остроумных бесед»²⁰. Согласно Свифту, беседа — это великая школа ума, не только потому, что она обогащает знаниями, которые трудно было бы черпать из других источников, но в беседе знания излагаются более сильно, более точно, более пронизательно, более глубоко. Ему вторит Шевалье де Мере: «Чтобы иметь возможность сказать великолепные вещи в приятной и галантной манере, не достаточно изучить некоторые книги, какими бы хорошими в своём жанре они ни были, ни приобрести науки или эрудицию. Источник этого в сердце и в разуме, все деликатные вещи происходят от вкуса и чувств. И некоторые светские персоны могут этому служить больше, чем большинство из авторов»²¹. Те же мысли мы находим у Монтеня: «обучение по книгам — это движение вялое и слабое, которое не разжигает нисколько там, где беседа развивает сразу»²². Конечно, Монтень описал здесь диспут, спор, но есть ещё беседа, которая даёт огромную выгоду, чтобы упражнять и формировать ум. Желание быть благосклонно выслушанным побуждает использовать все средства красноречия, которые позволяет непринуждённая беседа и нередко формирует ораторское мастерство, поскольку оно может там найти своё место, вызванное природой сюжета или обстоятельствами²³. Идеи образующей роли беседы формулирует и Екатерина II. В «Наставление императрицы Екатерины II, данные великим княгиням российским» она пишет: «Стоит же однако избегать света, как и любить его. Если она [великая княгиня. — Н. З.] имеет власть над собой, власть, которую должен усвоить себе всякий просвещенный ум, надо, чтобы она не скучала светом всякий раз, когда долг будет обязывать ее быть в обществе, что будет легко, если только она захочет образовывать себя разговорами с просвещенными людьми»²⁴. В программах Штелина говорится о необходимости приобретения навыков беседы: «нужно изучить иностранные языки, упражнения, такие как танцы, занятия верховой ездой, чувство прекрасного или прекрасных искусств, чтобы уметь говорить со знанием дела о рисунке, живописи, скульптуре, архитектуре, мифологии, или о сюжетах, аллегориях, гербах, церемо-

²⁰ De la conversation // *Eloges de madame Geoffrin*. Paris, MDCCCXII. P. 158.

²¹ *Oeuvres posthumes de M. Le Chevalier du Mere*. Paris, 1700. P. 147.

²² *Les Essais de Michel, seigneur de Montaigne*. Paris, 1725. P. 157.

²³ *Ibid.* P. 160.

²⁴ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел. Т. III. 1874. С. 234.

ниале, современной истории европейских государств, географии, глобусе и о музыке»²⁵.

Галантная культура — это культура, рождённая в общении двух полов. Николя Фаре²⁶, Жак Дю Боск²⁷ в полемической литературе, Декарт в философии провозглашают, что благородство у женщины то же самое, что и у мужчин. Благородная женщина может служить тому, чтобы формировать благородных мужчин. Вторая мысль — женщина равна мужчине, у них те же добродетели и пороки²⁸. В светском общении женщинам отводилась главная, цивилизующая роль: «их благородность, их доброта, их очаровательная чувствительность, столь нежно и столь счастливо заразительны», что мужчина, который желает нравиться женщине, смягчает постепенно естественную суровость²⁹.

По мнению французского исследователя Алена Виала, галантная культура основывалась на революционной морали любви: роль собеседницы, донныне незнакомая женщине, и любовный код, который перерос в эстетику. Не следует ограничивать галантность любовью, быть галантным — это глобальное состояние. Галантная эротика вписана в глобальную этику уважения себя и других. Поэтому возможно сказать, что любовь составляла большую часть галантности, но не исчерпывала её³⁰. Вторая половина XVII и весь XVIII век знаменуются выходом на литературное и интеллектуальное поле блестящей плеяды женщин, которые, по меткому замечанию Сен-Симона, стали тем судом, с которым следовало считаться. Это хозяйки литературных салонов, писательницы — Мадлен де Скюдери, графиня де Лафайет, маркиза Деламбер, мадам Жоффрен, мадам Леспинас, к ним в полной мере можно отнести Екатерину II и Екатерину Дашкову.

Новое положение женщины ставит вопрос о создании системы женского образования в России. В своём «Плане обучения молодой девицы благородного происхождения», предназначенного для обучения дочери графа И. Г. Чернышёва³¹, которое датируется 1778 г.³², Якобы

²⁵ ОР РНБ. Ф. 871. Ед. хр. 26.

²⁶ *Faret N.* L'Honnête Homme. Ou L'Art De Plaire A La Cour. Strasbourg, 1664. P. 103.

²⁷ *Jaques Du Bosc.* L'honnête femme. Paris, 1632. P. 34.

²⁸ Marie-Madelein de Vigneront, madame de Combalet, duchesse d'Aiguillon (1604—1675) племянница кардинала Ришельё, писательница, знавшая 4 языка, Густав III называл её живым журналом Академии.

²⁹ *Les Essais de Michel, seigneur de Montaigne.* P. 163.

³⁰ *Alain V.* La France galante. Paris, 2008. P. 326.

³¹ Возможно, речь идёт о Екатерине Ивановне Чернышёвой, которой в это время было 12 лет.

³² ОР РНБ. Ф. 871. Ед. хр. 35.

Штелину удалось переступить через ограниченность женского образования, которое в то время виделось в предметах, полезных для будущей семейной жизни. В отличие от традиции своей эпохи, Штелин предлагает программу для девочки, в которой основное внимание уделяется естественным, историко-географическим и точным наукам. В этой программе отражены представления просветителей о том, что естественные науки представляют собой важнейший инструмент трансформации окружающей действительности. Он, возможно, впервые наравне с «наукой о Боге» и «наукой о природе» ввёл недавно сформулированное передовыми философами «науку о человеке» (анатомия, физиология, психология и т.д.). В программу обучения входили «принципы практической философии, естественное право, экономика».

Эта программа отражает ещё одну особенность, присущую новой образовательной системе — её рационализм, воспитание дворянина или дворянки как практичного человека. Выражается это в том, что образовательной концепции Штелина свойственен утилитаризм, поскольку каждый предмет программы должен готовить молодого человека к практической жизни. К середине XVIII в. по всей Европе экономические идеи стали предметом глубокого осмысления, философы стали превращаться в экономистов. Точнее, в просветительский идеал проникла экономическая наука о построении разумного, рационального общества. В университетах этого времени появились кафедры экономики. С 1760–1770-х гг. Франция стала центром экономической мысли, можно привести в пример работу Кене «Экономическая картина» или работы Де Брюкура, который в книге, посвящённой образованию знатных юношей, пишет: «Не учёного хотел бы я сформировать здесь, а человека с положением, который своими общими знаниями и своими правильными принципами в искусстве, науке и письме, был бы в состоянии углубить предметы, которые ему будут нужны для того, чтобы быть полезным своему монарху и своей родине, в занятии, которое он выберет. Это человек чувств и вкуса, который может быть любезным в обществе достойных людей, проявляет себя достойным уважения и почёта»³³.

В свои образовательные программы Якоб Штелин вводит знания по экономике не только страны, но и конкретного имени, он ставит задачу воспитания дворянина, который станет однажды владельцем своей собственности и администратором своих имений: «Это значит, что он обязан изучить правила хорошего ведения хо-

³³ *Brucourt Ch.-F. O. R. chevalier de. Essai sur l'éducation de la noblesse. Paris, 1747. P. 157.*

зайства, иметь полное представление о почвах и о расположении земель, агрокультуре, растениях, рыбной ловле, коммерции, фабриках, продуктах земли, об их продаже, об их использовании, о способе извлекать из них пользу, о хорошей административной экономике, деньгах, обмене и способах держать деньги на счетах»³⁴. В программу образования девушки Я. Штелин включает: «Основы экономики — сохранения и увеличения своего состояния посредством хорошего распоряжения, управления, руководство расходами пропорционально доходам», «специальная или сельскохозяйственная экономика, точное знание своих земель и того, что возможно оттуда получить, пример или детальные идеи сельскохозяйственной экономики»³⁵.

Образовательные программы Я. Штелина, таким образом, демонстрируют появление в России новой системы норм и оценок, новой философско-эстетической программы, которая могла объединить и сementировать неоднородный в культурно-историческом и социальном отношении правящий класс, а также способствовала формированию в России новой элиты европейского толка.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 871. Ед. хр. 26. *Штелин Я.* План обучения молодого кавалера.

³⁵ Там же. Ед. хр. 35.

Михаил Витальевич Шкаровский
(Санкт-Петербург)
*Главный архивист
Центрального государственного архива
Санкт-Петербурга*

Приход св. Екатерины и французская диаспора в Санкт-Петербурге

История французской католической общины Санкт-Петербурга с первой трети XVIII в. на протяжении почти двух веков была связана со старейшим католическим храмом города — собором св. Екатерины. Деревянное здание католического храма (тогда св. ап. Петра) появилось вблизи Главной аптеки (ныне Аптекарский пер., 3) в 1710 г., в 1720-х гг. оно было перестроено в камне и уже тогда имело прихожан-французов. В частности, в 1726 г. её описал в своих заметках французский путешественник Обри де ля Мотре¹.

14 сентября 1738 г. императрица Анна Иоанновна по просьбе петербургских католиков выделила участок для строительства католического собора на Невском проспекте, где в 1739 г. по проекту Пьетро Антонио Трезини выстроили временный деревянный храм. 16/27 июля 1763 г. был заложен каменный собор по проекту французского архитектора Жана-Батиста Валлен-Деламота. После его отъезда во Францию работами руководили Антонио Ринальди и Иосиф Минчаки. При храме на основании полученных им привилегий в 1769 г. было создано мужское училище для детей-католиков.

¹ Шульц С. С. Храмы Санкт-Петербурга (история и современность). Справочное издание. СПб., 1994. С. 232.

Храм был освящён 7/18 октября 1783 г. Помимо главного алтаря св. Екатерины, в нём было два придела: св. Доминика (с правой стороны) и Распятия Иисуса Христа (слева). С левой стороны в 1801 г. освятили часовню Благовещения Пресвятой Богородицы².

Среди прихожан собора преобладали поляки и немцы. В 1790-е гг., после Французской революции, в Санкт-Петербург переселилось или временно переехало большое количество эмигрантов-католиков. У прихожан-французов, число которых значительно увеличилось, появился свой священник.

В сентябре 1813 г. здесь был захоронен известный французский генерал Жан Виктор Моро, главнокомандующий союзными армиями, смертельно раненный в августе 1813 г. в битве с наполеоновскими войсками под Дрезденом. Прихожанами храма являлись скульптор Фальконе, архитекторы Тома де Томон и Монферран, в нём молились бывавшие в Петербурге Ж. де Местр, О. Бальзак, А. Дюма. В январе 1837 г. здесь состоялось бракосочетание Жоржа Дантеса и Екатерины Гончаровой. В 1813 г. торжественно отпевали Жана Тома де Томона, а в 1858 г. — Огюста Монферрана. Его гроб некоторое время находился в крипте, а позже был отправлен во Францию³.

Первоначально собором управляли доминиканцы, но 18 октября 1800 г. он был предоставлен Ордену Иисуса (иезуитам), которому разрешили организовать коллегия (школу-интернат для воспитания детей дворян), в которой были и французские преподаватели. В 1816 г. собор возвратили доминиканцам, а основанная иезуитами коллегия была преобразована в мужскую гимназию. В 1839 г. организовали женскую гимназию. В 1835–1838 гг. со стороны Итальянской улицы был построен дом для священников. В 1860-е гг. у петербургских французов появился замысел построить собственную католическую церковь, но его долго не удавалось реализовать. Поэтому в 1891 г. слева от входа в собор французы устроили часовню Непорочного Зачатия Девы Марии (Лурдской Божией Матери) с чтимой скульптурой Мадонны.

С 1884 г. при храме действовало Римско-католическое благотворительное общество, разносторонняя деятельность которого постепенно приобрела большой размах, а средства позволяли ежегодно оказывать помощь сотням нуждающихся, в том числе французам. С 1892 г. храмом управляли не имевшие монашеского пострига священники. В 1907 г. при соборе были основаны три начальные школы и 4-классная профессиональная школа для подготовки сельских

² См.: Ханковская Р. Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.

³ Шульц С. С. Указ. соч. С. 237.

учительниц. В 1907 г. была учреждена ссудо-сберегательная касса для тех, кто работал в учебных заведениях⁴.

В самом конце XIX в. французскому послу в Российской империи удалось добиться разрешения на постройку отдельной церкви. В это время в Петербурге проживало около 3 700 французов-католиков⁵. 7 ноября 1898 г. российское Министерство иностранных дел в ответ на ноту от 14 августа известило французское посольство о разрешении императора Николая II проживавшим в Санкт-Петербурге французским гражданам построить церковь и содержать её на свои средства. При выборе места церкви прихожане должны были предварительно получить разрешение министра внутренних дел⁶.

Летом 1900 г. французские католики приобрели участок по адресу Ковенский переулок, д. 7, на котором вскоре была построена деревянная часовня. Планы каменного храма и жилого дома при нём утвердили 3 марта 1903 г. Через полгода — 29 декабря 1903 г. — была заложена каменная церковь, которая строилась до 1909 г. по проекту петербургских архитекторов Л. Н. Бенуа и М. М. Перетятковича. Храм был возведён в романском стиле с элементами модерна на пожертвования верующих. Алтарный образ написал художник-академист Э. К. Липгарт. Французская церковь Божией Матерью (Notre Dame de France) была освящена 22 октября 1909 года. В храме хранилась частица Креста Господня⁷.

Настоятелем церкви с 1908 по 23 августа 1935 г. служил французский священник (с 30 апреля 1935 г. епископ) Иоанн Морис-Мария-Феликс Амудрю, который с 30 ноября 1907 г. проживал в Санкт-Петербурге. 22 октября 1909 г. он участвовал в освящении французской церкви. До 1918 г. отец Иоанн преподавал французский язык в католической Петроградской Духовной семинарии⁸.

Следует отметить, что настоятель и викарии церкви назначались французским правительством с одобрения российского правительства и местного епархиального начальства, а само здание церкви до 1919 г. принадлежало французскому посольству в России. 23 февраля о. Иоанн сообщил в Петроградский совет о принадлежности храма французскому посольству, однако иностранный отдел Петро-

4 Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 406–408.

⁵ Там же. С. 404.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 242. Л. 14.

⁷ Шульц С. С. Указ. соч. С. 239.

⁸ Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР / Авт.-сост. о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М., 2000. С. 305.

совета 25 марта заявил об отсутствии у него таких сведений, и 2 апреля отдел юстиции Петросовета потребовал от настоятеля представить доказательства, что и было сделано⁹. В том же году здание и имущество церкви, в соответствии с декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», были национализированы.

20 октября 1919 г. прихожане приняли от совета 1-го Городского района здание церкви со всеми богослужебными предметами в «бесплатное и бессрочное пользование». 18 июня 1920 г. последовало указание райисполкома снять все кружки для сбора пожертвований и сдать их в райсовет. В том же месяце в храме была проведена первая послереволюционная опись имущества¹⁰.

21 июля 1922 г. во Французской церкви состоялась проверка богослужебных предметов, но они оказались изготовлены не из драгоценных металлов, поэтому их оставили в храме. В это время советские власти, помимо проведения кампании изъятия церковных ценностей, стали требовать от прихожан католических храмов заключения договоров на их использование, что вызвало сопротивление духовенства и верующих. 1 августа 1922 г. архиепископ о. Иоанн Амудрю запросил Святейший Престол о возможности заключения договоров на право пользования храмами. Однако ожидание ответа Ватикана затянулось. 16 января 1923 г. настоятель Французской церкви был вынужден написать в райисполком о невозможности заключить договор, так как разрешения Папы Римского не получено. 17 января был выдан мандат на опечатывание церкви, и в этот же день состоялось её временное закрытие¹¹. Открыли храм только через несколько месяцев, после заключения договора.

В конце 1920-х гг. в связи с новой волной антирелигиозных гонений ситуация ухудшилась. Так, на заседании приходского совета от 26 июня 1927 г., рассматривался вопрос об аресте 13 января 1927 г. органами НКВД одного из членов «двадцатки», высланного из Ленинграда на три года¹². 18 июня 1928 г. не без проблем был заключён ещё один договор о передаче храма в пользование верующих, в связи с чем французское посольство в СССР в апреле вело переписку с о. Иоанном Амудрю¹³.

Доверием властей община не пользовалась. В январе 1931 г. заведующая Смольнинским районным столом регистрации обществ и

⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 242. Л. 1–5.

¹⁰ Там же. Л. 15–22.

¹¹ Там же. Л. 24–34.

¹² Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР. С. 502.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 329. Л. 3–9.

союзов написала в областной административный отдел докладную записку о том, что «двадцатка» храма, чувствуя покровительство французского посольства, не считается с требованиями райсовета, прежде всего в отношении пополнения состава «двадцатки», ремонта здания и уплаты налогов (которые росли с каждым годом)¹⁴. Согласно указанию райисполкома, с 15 июля 1933 г. в храме был полностью запрещён колокольный звон.

С 1929 г. о. Иоанн Амудрю, помимо Французской церкви, обслуживал большую часть католических храмов Ленинграда и пригородов из-за отсутствия священников. Особенно значительную роль он стал играть в середине 1930-х гг. В 1933–1934 гг. он находился под следствием по делу «Контрреволюционной католической организации в Ленинграде», которую якобы возглавлял, но ему удалось избежать ареста¹⁵.

Летом 1933 и в 1934 г. состоялись встречи русских католиков, прихожанок Французской церкви, с православным епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем), выразившим желание перейти в католичество. В будущем он стал митрополитом Крутицким и Коломенским, поэтому информация о данных встречах выглядит сенсационной¹⁶. В то время у части православного епископата в условиях массовых гонений на Церковь появились идеи о сближении с Ватиканом с целью совместного противостояния «безбожной власти».

Во время переговоров с епископом Николаем выяснилось, что он желает быть принятым только по восточному обряду. Неясным было — останется ли Владыка епископом или только монахом. Ему порекомендовали обратиться к о. Иоанну Амудрю. Через несколько недель о. Иоанн получил от епископа Николая письмо с просьбой о встрече. Встреча состоялась на квартире о. Иоанна, и после переговоров епископ взял несколько богословских книг. На этом контакты практически оборвались¹⁷.

30 апреля 1935 г. о. Иоанн Амудрю был тайно рукоположен во епископа с назначением Апостольским администратором Ленинграда. Советские власти, узнав об этом через несколько месяцев, вынудили епископа Иоанна 14 августа 1935 г. уехать во Францию¹⁸.

¹⁴ Там же. Д. 130. Л. 79.

¹⁵ Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР. С. 305–306.

¹⁶ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71478. Л. 154.

¹⁷ Там же. Л. 25–26 об.

¹⁸ Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР. С. 306.

На посту настоятеля епископа Иоанна сменил французский священник Михаил-Кловис Флоран. До 4 января 1935 г. он служил в церквях Франции, а 9 января того же года переехал в Ленинград из Парижа. С 10 января о. Михаил служил викарием Французской церкви Божией Матери, а с 14 августа 1935 г. — её настоятелем. С этого же времени обслуживал почти все оставшиеся незакрытыми католические храмы Ленинграда и пригородов и являлся апостольским администратором Ленинградской администрации (т. е. церковного округа)¹⁹.

Новый настоятель начал служение в тяжёлый период второй половины 1930-х гг., когда на верующих обрушилась особенно жестокая волна гонений. Пострадали и многие прихожане Французской церкви. 19 марта 1938 г. отец Михаил оказался первый раз задержан и до 1 апреля должен был покинуть СССР. Священнику помогло остаться в Ленинграде заступничество французского поверенного в делах. После кратковременного ареста в апреле 1938 г. о. Михаил Флоран возобновил служение, но за ним была установлена слежка²⁰.

17 мая 1938 г. Наркомат иностранных дел прислал председателю Ленсовета ходатайство о продлении аренды на дом при храме, где проживал священник М. Флоран, в результате 4 июня Ленсовет предписал Дзержинскому райисполкому продлить аренду дома и 8 июня известил об этом НКВД²¹. Но давление на общину продолжало усиливаться. Так, на предпасхальной неделе в апреле 1939 г. Ленгорисполком запретил вывешивать объявления на стенах храма, в том числе с расписанием богослужений. В этот период во Французскую церковь были переданы некоторые святыни из закрытого в сентябре 1938 г. собора св. Екатерины на Невском проспекте. Одна из прихожанок этого собора с риском для жизни спасла большой алтарный крест и 15 мая 1940 г. передала его во Французскую церковь²².

В результате насильственных акций, репрессий и выселения из города верующих различных конфессий к началу Великой Отечественной войны в Ленинграде остался лишь один действующий католический храм — Французская церковь Божией Матери. Она уцелела, т. к. советское правительство не хотело портить отношения с Францией. Единственному легально служившему в Ленинграде католическому священнику о. Михаилу Флорану запретили проводить крестные ходы (процессии), а также проповеди на русском языке, разрешалось читать их только по-французски.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 130. Л. 144–145, 194.

²⁰ Там же. Д. 50. Л. 79–79 об.

²¹ Там же. Оп. 36. Д. 12. Л. 87–89.

²² Шульц С. С. Указ. соч. С. 239, 243.

30 июня 1941 г., после нападения нацистской Германии на СССР, профашистское французское марионеточное правительство в Виши разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. Вскоре в Ленинграде начались репрессии в отношении французских граждан. Прежде всего был разгромлен приют для престарелых французов на Васильевском острове (13-я линия, д. 52). Этот приют существовал при Французском благотворительном обществе с 1885 г. Все проживавшие в приюте были прихожанами Французской церкви Божией Матери. 5 июля 1941 г. органы НКВД арестовали директора «французского убежища» и 2 августа этапировали его в г. Андижан Узбекской ССР. Также в июле были интернированы и отправлены в Оранский лагерь НКВД Горьковской области шестеро проживавших в приюте престарелых французов. Одновременно с ними интернировали и отправили в тот же лагерь пятерых проживавших индивидуально французских граждан. На запрос Наркома иностранных дел от 14 августа 1942 г. о приюте престарелых французов Ленгорисполком ответил, что с 15 сентября 1941 г. его помещения заняты детской больницей, а в городе осталось лишь пять французских подданных²³.

Репрессии коснулись и о. Михаила Флорана, которого обвинили в шпионаже и выслали из СССР. 15 июля 1941 г. он произнёс свою последнюю проповедь в Ленинграде и выехал в Москву, 21 июля 1941 г. священнику пришлось покинуть страну. Он прибыл в Бейрут через Тегеран и там присоединился к борющемуся с нацистами генералу де Голлю. В дальнейшем о. Михаил работал на патриотической радиостанции в Алжире, вешавшей на оккупированную нацистами Францию. В годы войны рассматривалось даже возможное назначение священника в СССР представителем «Сражающейся Франции», но Ватикан не дал санкции на его кандидатуру. В 1945 г. о. Михаил безуспешно пытался вернуться в Ленинград²⁴.

После высылки отца М. Флорана Французская церковь официально закрыта не была и числилась действующей, однако богослужения в ней в период блокады не проводились. Тем не менее, верующие пытались собираться в храме. Особенной активностью отличалась группа католической молодёжи, что вызвало подозрения у органов НКВД и стало причиной проведения в феврале 1942 г. арестов по делу «контрреволюционной католической груп-

²³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 67. Л. 138–143.

²⁴ Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю., Шикер А. К. Римско-Католическая Церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 гг. СПб., 1998. С. 241–242.

пы». 1 июня 1942 г. по обвинению в нелегальном обучении катехизису из Ленинграда была выслана в административном порядке одна из членов приходского совета Французской церкви²⁵.

Несмотря на фактическое закрытие храма и репрессии против прихожан, тайные католические богослужения во время блокады всё же совершались. Перед своим отъездом из города в июле 1941 г. о. Михаил Флоран сумел передать полномочия Апостольского администратора пережившему заключение на Соловках священнику Павлу Хомичу, который нелегально проживал в Ленинграде с августа 1939 г.²⁶

С Флораном о. Павел поддерживал отношения с осени 1939 г., но лично с ним не встречался. Прихожане взаимно информировали священников об их жизни и передавали Хомичу от о. Михаила ежемесячно 600–700 рублей. Перед отъездом же Флоран оставил 4 тыс. рублей²⁷. Летом 1942 г. о. Павел был арестован, по его делу проходило ещё несколько человек. 1 сентября 1942 г. о. П. Хомича приговорили к высшей мере наказания, трёх человек — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, а двое были оправданы и освобождены. О. Павла расстреляли 10 сентября²⁸.

Деятельность Католической Церкви в северной столице временно прекратилась. Оставались верующие, которые в 1943–1944 гг. неоднократно пытались возобновить богослужения в своём храме. Это вызывало негативную реакцию у органов госбезопасности. Так, в «Заключении об итогах агентурно-оперативной работы Управления НКГБ Ленинградской области за 1944 г.», утверждённом 14 марта 1945 г. наркомом госбезопасности, говорилось: «В производстве УНКГБ имеется представляющее серьёзный оперативный интерес агентурное дело «Парижане» на группу французских подданных — активистов католического костёла в Ленинграде, поддерживающих подозрительную связь с работниками французского посольства в СССР и нелегальную связь с установленным французским разведчиком — настоятелем католического собора в Москве Брауном. Однако 2-му Отделу УНКГБ за это время не удалось выявить конкретных фактов шпионской работы агентуры английской, американ-

²⁵ Там же. С. 254, 258–259.

²⁶ Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР. С. 178; Священник Павел Хомич // «Кровь мучеников есть семя Церкви». М., 1999. С. 117–133.

²⁷ Архив Управления Федеральной службы безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-83605. Л. 319–321.

²⁸ Там же. Л. 149–154, 320–321 об.

ской и французской разведок»²⁹. В дальнейшем агентурное дело «Парижане» так и не стало оперативно-следственным. Видимо, повлияла заинтересованность советского руководства в хороших отношениях с Францией в 1945–1946 гг.

Так, 23 августа 1945 г. Ленинградское Управление НКВД приняло постановление об административной высылке из города французки Ж. Ф. Степановой, бывшей несколько лет заместителем председателя приходского совета церкви в Ковенском пер. В 1941 – начале 1942 г. она оказывала активную помощь П. Хомичу, и по признанию самой Жанны Степановой «имела инструкцию» пригласить священника в храм, «когда в Ленинград войдут немцы». Весной 1942 г. Жанна Фёдоровна была эвакуирована и к лету 1945 г. вернулась в Ленинград. Постановление о её высылке не было выполнено³⁰.

Возрождение католического прихода произошло в августе 1945 г., когда в Ленинград приехал священник Леопольд Браун из французской церкви св. Людовика в Москве. В храме на Ковенском состоялось первое за четыре года богослужение (по оценке властей, в городе в то время проживало около 15 тысяч католиков).

В сентябре–октябре 1945 г. в церкви служил французский священник Шарль Бурджуа. С тех пор в городе святого Петра католические службы не прекращались. В 1947 г. церковь стала именоваться храмом Лурдской Божией Матери. С этого времени она утратила свою французскую идентичность: из состава приходского совета были выведены последние граждане Франции, и в храме начали служить исключительно священники литовцы, латыши и поляки.

²⁹ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб., 2004. Кн. 2. С. 64.

³⁰ Архив Информационного центра Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 106–109.

Сергей Викторович Трофимов
(Москва)

*Заместитель декана социологического факультета
Московского государственного университета*

Судьба французского католического прихода в Москве

Католическое меньшинство в России долгое время представляло собой сообщество живущих и работающих здесь иностранцев. Французы занимали особое место — благодаря престижу культуры, которую они представляли, своим образовательным и инженерным компетенциям, политическим связям между нашими странами.

Ещё в «Трактате о дружбе, торговле и мореплавании», заключённом между Россией и Францией 31 декабря 1786 г., упоминается, что «совершенная свобода веры дозволяется французским подданным в России»¹.

Первый французский приход в России был учреждён в 1789 г. после разрешения московских властей и одобрения Екатериной II строительства отдельного прихода для проживающих в Москве французов. Тогда ходатайство представителей французской колонии в Москве, подписанное вице-консулом К. де Боссом, было поддержано архиепископом Могилёвским Станиславом Богуш-Сестренцевичем и московским генерал-губернатором генералом П. Д. Еропкиным.

Именным указом императрица Екатерина II от 5 декабря 1789 г. не только дала согласие на строительство храма за счёт французской колонии, но и указала предполагаемое место строительства храма —

¹ Трактат между Россией и Францией «О дружбе, торговле и мореплавании» от 31 декабря 1786 г. // ПСЗ. Т. XXII. СПб., 1830. № 16489.

Немецкая слобода, однако в итоге после необходимых согласований храм занял своё место вблизи Кузнецкого моста, куда уже давно переселились московские французы. В 1791 был построен небольшой деревянный храм, освящённый во имя французского короля Людовика IX Святого, освящённый 10 марта 1790 г. Первоначально занимаемое храмом и приходским домом место было весьма скромно. Вплоть до 1926 г. приход всегда возглавляли французские священники.

Репрессии Великой французской революции привели к потоку беженцев-монархистов из Франции, и колония в Москве разрослась. В 1806 г. приходскому совету удаётся приобрести в полную собственность два прилегающих к приходскому участку сада, что значительно увеличило землевладение прихода и позволило в дальнейшем построить многочисленные благотворительные учреждения и школы, которыми стал известен в Москве приход.

Новым испытанием для французской колонии стало нашествие наполеоновских войск и пожар Москвы, в котором были обвинены их соотечественники. Аббат Адриан Сюррюг (*Adrien Surrugue*), бывший в то время настоятелем, близкий семье графа Фёдора Ростопчина, оказался в центре горящего города и позже описал драматические события в письмах в иезуиту Буве, в том числе уделив внимание судьбам французских прихожан и русских жителей города².

Другим источником информации о трагических днях прихода св. Людовика могут послужить воспоминания французской актрисы Л. Фюзиль, вышедшие в Париже уже в 1814 г.: «Довольно большая площадь, принадлежащая церкви, была застроена деревянными домиками, где бедные иностранцы находили во всякое время приют. Пока город горел, солдаты грабили его. Все женщины, дети и старики попрятались в церкви. Когда появились солдаты, аббат А. Сюррюг открыл двери и в полном облачении с распятием в руках, окружённый этими несчастными, единственной опорой которых был он, с уверенностью предстал перед озверелыми солдатами, которые с уважением попятнулись перед ним». Далее Л. Фюзиль пишет: «Аббат Сюррюг попросил стражу для охраны несчастных семей, и ему её тотчас же дали. Наполеон хотел его видеть и всячески убеждал вернуться во Францию. “Нет, — отвечал тот, — я не хочу бросать своё стадо, которому могу быть ещё полезен”. Хотя в съестных припасах

² *Surrugue A. Lettres sur l'incendie de Moscou — écrites de cette ville au R. P. Bouvet. Paris, 1823.*

уже чувствовался недостаток, их всё-таки посылали аббату, и он делил их как добрый пастырь»³.

Вместе с тем, красивый миф о том, что в алтаре церкви св. Людовика (тем более в современном) молился или размышлял император Наполеон I не соответствует действительности и, вероятно, относится к фантазии некоторых московских экскурсоводов.

Ни сама церковь св. Людовика, ни постройки прихода не пострадали от пожара, однако старое деревянное здание не могло удовлетворить возросшего числа прихожан и амбиций перестройки и украшения города после войны.

Сооружение нового здания было осуществлено благодаря вкладам прихожан и займу в 50 тысяч рублей ассигнациями, выданному на весьма льготных условиях российским правительством. В 1833–1835 гг. было построено современное каменное здание, освящённое 17 июня 1849 г., о чём свидетельствует латинская памятная доска в правой части алтарной части храма. Здание в стиле позднего ампира построено по проекту швейцарского архитектора, работавшего в Москве, Александра (Алессандро) Осиповича Жиллярди. В отделке храма принимал участие российский скульптор итальянского происхождения Сантин Петрович Кампиони, упомянутый в закладном камне храма, вероятно, создавший мраморный главный алтарь церкви.

Знаменитый архитектор Дементий (Доменико) Иванович Жиллярди, восстанавливавший здание Московского университета на Моховой и прославившийся другими памятниками Москвы, двоюродный брат Алессандро Жиллярди, часто указываемый в путеводителях по Москве как автор проекта, к строительству нового здания церкви св. Людовика прямого отношения не имел, хотя его влияние может быть уловлено в проекте.

За XIX в. при приходе был организован целый ряд благотворительных и образовательных заведений, которые в ту эпоху считались образцовыми и принесли приходу значительную известность: богадельня св. Доротеи (св. Дарьи) (1821), мужское реальное училище св. Филиппа Нери (1861) и женская гимназия св. Екатерины (1888), в которых работали монахини французской конгрегации св. Иосифа Шамберийского. Организация в 1861 г. мужского реального училища св. Филиппа Нери связана с вкладом вдовы Детуш (Detouches), урождённой Депре (Deprez), решившей уйти в монас-

³ Записки актрисы Луизы Фюзиль // Русский архив. 1910. № 2. С. 169–223. (Позже переиздано: Записки актрисы Л. Фюзиль // *Де ла Флиз*. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., 2003. С. 136–165).

тырь и часть своего состояния пожертвовавшей приходу для строительства школы. Поскольку мадам Детуш принадлежала к семье знаменитых московских виноторговцев Депре, в последующие годы на развитие приходских школ последовало ещё несколько солидных пожертвований от этой семьи⁴. Приходу принадлежала часовня св. Магдалены на немецком Введенском кладбище, где нашли упокоение многие прихожане. К 1917 г. прихожан насчитывалось 2 700.

Приют для пожилых прихожан во имя св. Доротеи возник в 1821 г. на щедрое пожертвование частных лиц и принимал людей преимущественно французского происхождения, оставшихся без попечения. Профессия гувернантки, привлекавшая французов в Россию, далеко не всегда позволяла составить небольшое состояние, достаточное для проживания в старости. Для них было построено деревянное здание по улице Малая Лубянка, в 1885 г. перестроенное в кирпиче.

Реальное училище св. Филиппа Нери было основано в 1861 г., а несколько позже, в 1888 на пожертвования княгини Любомирской в размере 30 тысяч рублей было основано женское училище св. Екатерины. Средства позволили построить в 1898 г. для размещения обоих училищ специальное здание по проекту архитектора О. Ф. Дидио — дом из красного кирпича с белыми украшениями, выходящий фасадом в Милютинский переулок. В 1899 г. училище св. Екатерины получило статус гимназии. Для организации деятельности образовательных учреждений и приюта были приглашены монахини конгрегации св. Иосифа из Шамбери, которые с 1865 г. работали в приюте св. Доротеи, а с 1872 г. — в училище св. Екатерины.

Благоприятное развитие французской церкви св. Людовика превратилось с Октябрьской революцией и приходом революционных властей. Накануне революции в Москве существовали два католических прихода и три храма, школы, благотворительные заведения. При новой власти начались репрессии, закрытия заведений, конфискации имущества, аресты.

5 августа 1918 г. прошли массовые аресты французов и англичан, проживавших и работавших в Москве. Была арестована директор женской гимназии св. Екатерины мадам Дежай. Только в результате вмешательства правительства Франции заложники были освобождены к январю 1919 г., начался массовый отъезд французов из СССР.

⁴ См. устав прихода 1908 г.: *Une association culturelle catholique et une élection de curé catholique en 1908 // Les Textes de la Politique Française en Matière Ecclésiastique (1905–1908)*. Paris: Librairie critique Émile Nourry, 1909. P. 175–180.

Настоятель прихода с 1913 г. Жан-Мари Видаль вспоминает, как в мае 1919 г. в церковь для обыска вошла толпа агентов ЧК во главе с семнадцатилетним парнем. Они искали подземные ходы между храмом и соседними зданиями, считая, что в подземельях сокрыто оружие и боеприпасы. Обследовав подвалы церкви, чекисты ничего не нашли, однако продолжили поиски подземного хода, думая, что он находится под главным алтарём и даже, несмотря на протесты священника, подняли мраморную плиту. Все последующие протесты также не дали никаких результатов. Новый обыск последовал 22 июля в квартире священника, но ему не рассказывали о предмете поисков. Во время одного из таких обысков власти конфисковали некоторые реликвии, в том числе мощи римской мученицы Грацианы, хранившиеся под алтарём французских святых в стеклянной раке. Свои воспоминания он описал в изданном в 1933 г. дневнике, рассказывающем о событиях 1917–1920 годов⁵. В 1920 Видаль был арестован, выслан из России и уже не смог вернуться к пастве.

Все приходские здания, кроме самой церкви, к весне 1919 г. были конфискованы. Не обошли приход и репрессии 1938 г. После закрытия всех католических приходов и учреждений в Москве Церковь св. Людовика осталась единственным действующим католическим приходом Москве, а постепенно и одним из двух католических храмов в РСФСР.

Одной из важных персон французской истории в Москве является Алиса Отт, урождённая Лапьер. Она родилась в Москве в 1886 г., её родители были французы из Лиона. В 1907 г. Алиса вышла замуж за Альберта Отта, родившегося в Москве в 1881 г., инженера, затем профессора гидрологии в Инженерной школе. 28 апреля 1907 г. они обвенчались в церкви св. Людовика в Москве. В 1912 г. у них родилась дочь Алиса; второй ребёнок, Луи, умрёт в 1919 г. из-за отсутствия лекарств, которые могли бы его спасти. После высылки в 1920 г. отца Ж.-М. Видаля А. Отт возьмёт на себя ответственность за церковь св. Людовика.

С 1920 по 1925 г., до прибытия первого посла Французской Республики в СССР, г-жа А. Отт была неофициальным представителем проживающих в СССР французов. В 1926 г. она стала работать в открывшемся французском посольстве в качестве советского сотрудника.

До своей высылки из СССР епископ Пий Эжен Невё, ассумпционист (августинец Успения Пресвятой Девы Марии), тайно рукоположенный в ризнице церкви св. Людовика в Москве и фактически

⁵ *Mgr Vidal J.-M. À Moscou durant le premier Triennat Soviétique (1917–1920). Paris: Maison de la Bonne Presse, 1933. 242 p.*

назначенный приходским священником, несмотря на не всегда простые отношения, нашёл в лице Алисы Отт в 1926 г. помощника и «проводника в Стране советов». Она знала подводные камни советского права о религиозных культах и, защищённая статусом работника посольства Франции, пыталась спасти свой приход.

5 марта 1937 г. Альберт Отт был арестован на улице и приговорён к восьми годам исправительно-трудовой колонии, однако умер во Владивостоке в транзитном лагере 16 января 1938 г., как сказано в постановлении о реабилитации.

В годы Великой Отечественной войны две женщины — две Алисы Отт, мать и дочь, остались в Москве, оказывали помощь и поддержку новому настоятелю храма св. Людовика, американцу отцу Леопольду Брауну, ассумпционисту, который с августа 1936 до декабря 1945 г. руководил приходской службой после высылки епископа Невё⁶. 6 декабря 1947 г. мать и дочь Отт, были арестованы по обвинению в шпионаже и смогли вновь увидеться только через десять лет. Ещё через два года Французским дипломатам удалось добиться их репатриации.

После войны советское государство начало процесс «вывода» прихода из-под покровительства французского посольства, которым храм пользовался с 1920-х гг. С 1950 в храме служили священники, направляемые в Москву Рижским архиепископом⁷.

После 1990 г. началось возрождение французского прихода св. Людовика в Москве. Сегодня большая часть его прихожан — франкоязычные дипломаты, бизнесмены и студенты. С 1991 г. в здании бывшей приходской гимназии располагается Французский лицей им. А. Дюма. Приход активно развивается.

Сегодня приходской совет церкви св. Людовика оценивает количество французских прихожан в 600–700 человек при общей оценке количества французов, работающих и учащихся в России, в 5 000 чел. в 2016 г. В основном прихожане представляют собой семьи (примерно 2/3 числа прихожан), имеющие от 3 детей и больше⁸. Число оди-

⁶ *Браун Л.* В тени Лубянки... О судьбах настоятелей церкви Святого Людовика Французского в Москве. Воспоминания Леопольда Брауна и обзор материалов следственных дел. М., 2012, 456 с. Оригинал: *Braun L.* In *Lubianka's Shadow: The Memoirs of an American Priest in Stalin's Moscow, 1934–1945.* University of Notre Dame Press, 2006. 464 p.

⁷ Более подробно о советском периоде — см.: *Wenger A.* Rome et Moscou, 1900–1950. Desclée de Brouwer, 1987. 684 p. Русский текст: *Венгер А. а. а.* Рим и Москва: 1900–1950. М., Русский Путь, 2000. 633 с.

⁸ Данные приводятся по интервью с членами Приходского совета и статистике прихода (14/07/2017).

ноких людей относительно невелико, это связано со спецификой политики направления работников за рубеж на французских предприятиях.

Вместе с тем, только 10 % прихожан занимают достаточно активную позицию в жизни прихода, стремясь участвовать в организационных и других мероприятиях за рамками литургии и приходских праздников. В связи с относительно недолговременным пребыванием за рубежом (два-три года, как правило) состав прихожан сильно обновляется каждый год. Вместе с тем, к наиболее интересным чертам французского прихода св. Людовика в Москве следует отнести солидарность, социальную неоднородность прихожан и отсутствие «местной специфики», т.к. каждый приносит в приход что-то своё: традиции, привычки, даже акценты, обмениваясь этим с другими.

Прихожане церкви, как и сто лет назад, работают в самых важных областях международного сотрудничества Франции и России — от дипломатии, нефте- и газодобывающей промышленности, фармацевтики и торговли до банковской и страховой деятельности и образования.

Ирина Александровна Серова
(Ярославль)
*Старший научный сотрудник
Музея истории города Ярославля*

Французские каплуны в России и «service à la russe» в Париже: Гастрономия как часть русско-французского культурного диалога

Бурное развитие с начала XVIII в. дипломатических, торгово-промышленных, военных, образовательных контактов между Россией и Францией породило такое явление, как галломания в России и мода на Россию во Франции. «Влияние нравов и обычаев, литературы и науки Запада на Россию постепенно усиливалось во время царствований преемников Петра I. Чаще всего именно Париж был в это время целью поездок русских за границу. Не сделавшись при Петре немцами, голландцами и англичанами, русские после Петра I обнаруживали некоторую способность превращаться в полу-французов»¹, — писал А. Г. Брикнер.

Особенно ярко это проявилось во время царствования Екатерины II. Немало российских дворян, воспользовавшись правом не служить государству, предоставленным манифестом «О вольности дворянства» 1762 г., проживало в Париже. Многие из них были членами французских масонских лож. В свою очередь в Москве, Петербурге и некоторых других крупных городах находилось нема-

¹ *Брикнер А. [Г.] История Екатерины Второй.* Репринтное издание А. С. Суворина 1885 г. М., 1991. Т. I. С. 16–18.



Луи-Филипп де Сегюр.
Неизвестный художник.

ло французов, среди которых были владельцы модных магазинов, парикмахеры, повара. Наряду с танцами, нарядами и французским языком, господствующим при дворе и среди дворянства, немаловажной частью русско-французского культурного диалога стала тогда и гастрономия.

Традиционную еду «москвитян» большинство иностранцев считало варварской. «Каша и жареное мясо служат им обыкновенною пищею; они пьют квас и мед; к несчастью, они кроме этого употребляют водку, которую не проглотит горло европейца. Богатые куп-

цы в городах любят угощать с безмерною и грубою роскошью; они подают на стол огромнейшие блюда говядины, дичи, рыбы, яиц, пирогов, подносимых без порядка, некстати и в таком множестве, что самые отважные желудки приходят в ужас»², — писал французский посол (1785–1789) при дворе Екатерины II граф Луи-Филипп де Сегюр. По его мнению, кулинарная культура в России изменилась лишь с проникновением европейского просвещения: «Русская молодёжь, которую война и жажда познаний рассеяли по всем европейским городам и дворам, показала, до какой степени усовершенствовались искусства, науки и вкус в государстве, которое в первую пору царствования Людовика XV считалось необразованным и варварским»³.

Это же позднее в предисловии к своей кулинарной книге «Альманах гастрономов» отмечал и основатель русской кухни с «европейским лицом» Игнатий Радецкий: «Гастрономия или изящество в яствах и напитках появлялась у всех народов вместе с образованностью и просвещением»⁴.

Ещё во времена Людовика XIV поварское искусство стало «мирным» оружием французского государства. Он ввёл в Версале тради-

² Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 329.

³ Там же. С. 330.

⁴ Радецкий И. М. Альманах гастрономов. Кн. 2. СПб., 1853. С. V.

цию, которая прочно обосновалась во внешней политике — «дипломатию гастрономии». Позднее Екатерина II непринуждённую беседу за накрытым столом также сделала одним из своих дипломатических приёмов. Нередко вопросы международной политики затрагивались, а то и решались, между развлечениями и обедами. Французский посол де Сегюр подробно рассказал в записках, что во время совместной поездки с императрицей по России в 1785 г. для осмотра водного пути из Балтийского моря на Волгу и в 1787 — в Крым именно так и была подготовлена почва для заключения франко-русского торгового договора.

Тогда же начал практиковаться и обмен кулинарными любезностями между двумя странами. Большой популярностью при русском дворе пользовались «бараньи отбивные а-ля мадам Помпадур», названные в честь легендарной фаворитки Людовика XV, создававшей свои фирменные блюда, которые, как тогда считалось, распалили страсть и поддерживали любовный пыл. Французы же в порядке «взаимности» сочли необходимым «отблагодарить» Россию и назвали заливное из фазана «Принц Орлофф» — по имени екатерининского фаворита графа Г. Г. Орлова.

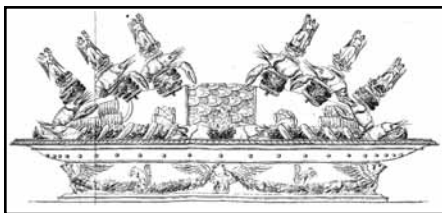
Серьёзный удар русско-французским отношениям был нанесён Великой французской революцией. После казни короля Людовика XVI Екатерина II приказала разорвать все политические контакты с Францией. Тем не менее, французское влияние на быт российского дворянства не только не ослабло, но ещё более усилилось, чему в немалой степени способствовали эмигранты. По словам англичанки Кэтрин Уилмот, жившей в России в 1805—1807 гг. в качестве компаньонки княгини Е. Р. Дашковой, здесь высшие сословия «... во всём подражают французам... <...> И как странно видеть, что среди французских манер, языка и нравов русские кричат против Бонапарта, когда не могут съесть обеда без французского повара, когда не могут воспитать детей без парижских бродяг, принимающих здесь обязанности наставников и гувернанток, словом, когда весь внешний лоск взят из Франции»⁵.

Следует, однако, отметить: хотя в дворянском быту традиционная русская кухня и была потеснена французской, а французские повара считались непререкаемыми авторитетами, касалось это в основном столицы. «Каждый почти вельможа в Петербурге имел повара француза, которому жители Петербурга (с ограниченным даже состоянием) отдавали в учение по несколько учеников, с пла-

⁵ Записки княгини Е. Р. Дашковой. Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 456–457.



Мари-Антуан Карем.



Сервировка рыбного блюда.
Из книги М.-А. Карема.

тою, от чего в короткое время французская кухня стала общею»⁶, — писал Игнатий Радецкий. В провинции же, как отмечал Ф. Ф. Вигель, «французские блюда почитались как бы необходимым церемониалом званых обедов, а русские кушания: пироги, студени, ботвиньи оставались привычною любимую пищею»⁷. В «Дневнике» ростовского дворянина П. О. Яковлева сохранилась запись об обеде с городничим «августа 25 дня 1786 году». Из неё мы узнаём, что в тот день было приглашено 22 человека, на стол подали «ветчину, студень говяжий, щи из говядины и потроха, гуся и 2 утки, пиро-

жное “колцы” и сладкий пирог, соусов три: с уткой — красный, с цыплятами — белый с морковью, с битой говядиной — неизвестно какой»⁸. Любопытно, что меню в основном составляли традиционные русские блюда, но, явно не желая отставать от моды, провинциальный помещик дополнил их французскими соусами.

С французской «высокой кухней», приравнивающей кулинарию к искусству, русский двор познакомил известный повар-француз Мари-Антуан Карем, работавший несколько месяцев в 1819 г. в Зимнем дворце по приглашению метрдотеля Александра I. Именно А. Карему мы обязаны, с одной стороны, осмысленной адаптацией французской гастрономической школы к русской почве, а с другой — признанием французами вкусовых достоинств некоторых русских национальных блюд. Он разработал их «экспортные» версии, и дворянство Европы узнало о борще, пирогах, осетрине, икре. Кроме того, по одной из версий, благодаря А. Карему во Франции, признанной законодательнице кулинарной моды, прижилась русская традиция подавать блюда на стол по очереди.

⁶ Радецкий И. М. Альманах гастрономов. СПб., 1877. С. IV.

⁷ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 70.

⁸ Яковлев П. О. Дневник 1786 г. Изложение и отрывки // Голос минувшего, 1915. № 9. С. 275.

Иллюстрация из книги М.-А. Карема
«Искусство французской кухни XIX
столетия». 1867. Справа — автор.

«Поварня французская очень хороша: эту справедливость ей от-
дать надобно, но <...> услуга за сто-
лом очень дурна, — писал в 1777 г.
из Парижа родным Д. И. Фонви-
зин. — Я, когда в гостях обедаю,
принужден обыкновенно вставать
голодный. Часто подле меня стоит
такое кушанье, которого есть не
хочу, а попросить с другого края
не могу, потому что слеп и чего
просить — не вижу. Наша мода об-
носить блюда есть наиразумней-
шая»⁹. Во Франции во время обеда
было принято ставить все блюда

сразу, поэтому гости могли есть только то, что находилось рядом с
ними. Русские же привыкли садиться за стол, необременённый «мно-
жеством кушаний». В течение обеда горячее по очереди, заявленной
в обеденной карте, приносили официанты.

Введение в Париже моды на «service à la russe» (сервировка по-
русски) приписывают ещё и русскому дипломату, известному гур-
ману князю Александру Борисовичу Куракину, которого интересо-
вали рецепты самых утончённых блюд и тонкости ритуала обеден-
ного стола. Гастрономия была одной из его слабостей, соперничать
с которой могли разве что любовь к портретированию и страсть к
драгоценностям, за что этот вельможа был прозван «бриллианто-
вым князем». Так или иначе, но этот способ весьма французам
понравился. Сейчас в самых дорогих школах отельного бизнеса учат
трём типам сервиса: сервис по-русски (service à la russe), сервис по-
французски (service à la française) и сервис по-английски (service à
l'anglaise).



⁹ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 431.



В. Л. Боровиковский.
Портрет князя А. Б. Куракина.
1801. ГТГ.



Л. Гуттенбрунн.
Портрет князя С. Б. Куракина.
1801. Орловский музей
изобразительных искусств.

Французы отдали дань и ещё одной русской традиции, которую отметил в своей «гастрономической» поэме «Обед» (1837) В. С. Филлимонов:

Как пред обедом водку пить
Не ставит в грех обычай русский,
Солёной потчуйте закуской
За миг до супа... В ней не быть
Горячим мясам, сдобным тестам,
Ни маслу, сыру в ней нет места.
Закуске быть и без вина.
Она, обедное предвкусье,
Обеда портить не должна¹⁰.

Обычай под закуску выпить рюмку-другую водки перед обедом был непривычен для Европы. Хотя не сказать, что он вызывал какое-то неприятие при более близком знакомстве европейцев с русской кухней. И здесь опять же не обошлось без А. Карема. В его

¹⁰ Филлимонов В. С. «Я не в Аркадии — в Москве рождён...»: Поэмы, стихотворения, басни, переводы. М., 1988. С. 161.

исполнении закуска и приобрела уникальный характер, ставший впоследствии специфической особенностью русского стола. Француз расширил ассортимент закусок, включив ряд старинных русских мясных, рыбных, грибных и квашеных овощных блюд, предложил сервировать их на специальном столе и каждый вид красиво оформлять на отдельном блюде.

Подробное описание закусочного стола оставил в своих воспоминаниях французский путешественник маркиз Астольф де Кюстин. Приехав 18 августа 1839 г. в Ярославль — «столицу одной из самых примечательных губерний во всей империи», маркиз был приглашён на обед в губернаторский дом, где рассчитывал встретиться «с исконно русскими людьми», «чистокровными москвитями», а оказался среди «европейских путешественников», «александровских придворных», «космополитических вельмож». Генерал-губернатор Константин Маркович Полторацкий участвовал в Отечественной войне 1812 г. и зарубежных походах русской армии. Будучи раненым, он попал в плен к французам, откуда был освобождён после взятия Парижа. Не понаслышке он был знаком с французским образом жизни. Его супруга Софья Борисовна, урождённая княжна Голицына, была воспитана француженкой Альбертиной де Нуазвиль, побочной дочерью графа де Водрёя, приближённого Марии-Антуанетты. Поэтому ничего удивительного не было в том, что в ярославской гостиной маркиз нашёл «лучшие черты парижского большого света той эпохи, когда наше (французское. — *И. С.*) общественное превосходство было неоспоримо». Маркиза поразил обычный подавать прямо в гостиной, за четверть часа до того, как садиться за стол, некое предварительное угощение — своего рода завтрак, переходящий в обед. «Он служит для возбуждения аппетита и называется по-русски, если только я не ослышался, “закуска”, — отметил маркиз в своих записках. — Слуги подают на подносах тарелочки со свежеею икрой, какую едят только в этой стране, с копчёною рыбой, сыром, мясом, сухариками и различным печением, сладким и несладким; подают также горькие настойки, вермут, водку, лондонский портер, венгерское вино и данцигский



Портрет маркиза
Астольфа де Кюстина. 1846.
Акварель графини де Мену.



Меню парадного обеда 14 мая 1896 года.
По рис. В. М. Васнецова.

бальзам; всё это едят и пьют стоя, прохаживаясь по комнате. Иностранец, не знающий местных обычаев и обладающий не слишком сильным аппетитом, вполне может всем этим насытиться, после чего будет сидеть простым зрителем весь обед, который окажется для него совершенно излишним»¹¹.

Русский обычай сервировать перед обедом в гостиной отдельный закусочный стол в 1860-е гг. стал пользоваться популярностью и во Франции. Спустя почти полтора века «закусочный стол» вернулся в постсоветскую Россию, но уже под французским названием «фуршет» («la fourchette», «вилка»).

Был в России ещё один интересный обычай — «съестные» подарки. В Ярославле, например, традиционно гостям, включая царственных путешественников, подносили живых волжских осетров и шекснинских стерлядей. Влияние Франции сказалось на расширении ассортимента этих подарков. В одном из писем Василия Львовича Пушкина князю Петру Ивановичу Шаликову читаем:

Индеек, каплунов и уток посылаю;
Ты на здоровье кушай их¹².

С индейками и утками всё понятно. А вот каплун? Этот особым образом выращенный петух был главным рождественским блюдом во Франции. Представляется, что широкому распространению каплунов в России мы во многом обязаны инициативе упоминавшегося выше князя Александра Борисовича Куракина. Вместе со своими братьями Алексеем, Иваном и Степаном он владел в ярославской губернии вотчиной, занимавшей большую часть Приемковской во-

¹¹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 2. С. 210.

¹² Записки в стихах Василия Львовича Пушкина. М., 1834. С. 51.

лости Ростовского уезда с центром в селе Семибраты-Макарово. Реально все заботы по управлению лежали на среднем брате Степане Борисовиче Куракине. Соседи-помещики считали его чудачком и «вольнодумцем» за утверждённый им удивительный устав, оговаривающий не только обязанности крепостных — «кураковцев», но и их права. Вот в этой-то вотчине, прозванной в народе «Кураковщиной», как раз и занимались выводкой каплунов и пулярок¹³. Для выкормки птицу скупали по всей губернии. Дело это было довольно хлопотное, но прибыльное. Ежегодно их здесь откармливали до 100 тысяч штук¹⁴. Об этом пишет и Владимир Гиляровский в своей знаменитой книге «Москва и москвичи»: «Каплуны и пулярки шли из Ростова Ярославского»¹⁵. Нежнейшее мясо «необычных» птиц поставлялось в обе столицы вплоть до крушения империи.

Когда в конце XIX в. произошло сближение внешнеполитического курса России и Франции, каплун занял прочные позиции и в гастрономической дипломатии, выступив неким «символом» дружеских отношений между двумя странами. Во время коронации Николая II в меню всех дипломатических обедов входили блюда из каплунов и пулярок — своеобразный «реверанс» России перед новыми французскими союзниками.



Меню обеда Высшему духовенству и Особам первых двух классов в Грановитой палате 15 мая 1896 года. По рис. А. Н. Бенуа.

¹³ *Титов А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. Репр. воспроизведение изд. 1885. Рыбинск, 2002. С. 298–299.

¹⁴ *Он же.* Статистико-экономическое описание Ростовского уезда Ярославской губернии. СПб., 1885. С. 41–42.

¹⁵ *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. М., 2006. С. 119.

Каплуна нашёл широкое применение не только в арсенале кули-наров. Этот термин часто встречается в русской литературе. Так, для достижения пародийного эффекта в шуто-трагедии И. А. Крылова «Трумф, или Подшипа» фарсовый мотив каплуна особым образом выявлен в торжественно-выспренной речи Дурдурана:

Мне ныне случай есть явить весь разум мой:
Кухарка, чай, давно в стряпушьей ждёт за мной,
А чтоб гофмаршальский мой сан достойно справиться,
На кухню каплуна я сам бегу доставить¹⁶.



П. Лавров. Иллюстрация к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя.

Грубоватая двусмысленность шутки как раз и состояла в том, что автор связал «достоинство» новоиспечённого гофмаршала с каплуном — охолощённым петухом. «Возможности» каплуна использовал и Н. В. Гоголь в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». С его помощью он подверг сатирическому осмеянию выразительное в своей пошлости «порядочное общество» на ассамблее у городничего: «Дамы, которые до того времени были заняты довольно интересным разговором, о том, каким образом делаются каплуны, вдруг прервали разговор»¹⁷.

Говоря о русско-французской кулинарной дружбе, нельзя не упомянуть о проводившихся раз в 10 лет с 1862 по 1912 г. в Санкт-Петербурге гастрономических неделях, в которых участвовали лучшие повара Франции. Спустя почти 100 лет эта традиция возродилась. В рамках перекрестного года Россия-Франция в Париже 7 сентября 2010 г. открылась русская гастрономическая неделя в ресторане «Амбассадор», расположенном на площади Согласия.

¹⁶ Крылов И. А. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 297.

¹⁷ Гоголь Н. В. Собрание сочинений и писем: В 17-ти т. Кн. I. Т. 2 М., 2009. С. 493.

В последующие годы в этом мероприятии стали принимать участие не только русские повара, но и русские артисты, музыканты, моделиеры. По аналогии с Дягилевскими балетными сезонами их стали называть «Русско-французские гастрономические сезоны». Со времени празднования 200-летия победы над Наполеоном в 2012 г. эти сезоны стали проводиться и в Москве. Через призму кулинарного искусства эти сезоны призваны познакомить русскую и французскую публику с культурой и историей наших стран.

Весь историко-гастрономический опыт России и Франции свидетельствует об их плодотворном взаимодействии друг с другом. Именно в кулинарии знакомая по классике «смесь французского с нижегородским» стала весьма искусной попыткой соединения двух национальных традиций, не игнорирующей, а всячески подчёркивающей и использующей положительные стороны каждой кухни. Россия успешно освоила новые и передовые французские кулинарные тенденции, растворив их в своём древнем хлебосольстве и радушии, и одновременно поделилась с французами собственной самобытностью и оригинальностью. Так гастрономия, являющаяся наименее изолированной частью общечеловеческой культуры, стала одним из самых надёжных способов установления диалога между Россией и Францией.

АРХИТЕКТУРА

Михаил Николаевич Микишатъев
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник НИИ
теории и истории архитектуры и градостроительства*

Пётр и Франция: К проблеме стилистики петербургской архитектуры петровского времени

В 1717 г. Пётр I посетил Францию. Если в годы Великого посольства юный царь пытливно вглядывался в европейский мир, столь отличный от России, то теперь в сердце Европы приехал давно разменявший пятый десяток полновластный монарх великой державы, который успел перекроить политическую карту мира. По-иному воспринимал он увиденное. Практический ум и заботы создателя будущей Российской империи заставляли его трезво оценивать пользу французского опыта и степень его применимости для российских условий.

Вряд ли можно говорить, что этот визит ознаменовал собою перелом в развитии петровского зодчества. Ещё в меньшей степени он послужил отправной точкой для строительных начинаний Петра. Пётр с юных лет любил рукотворение, — и плотницкое дело, и архитектура увлекали его не меньше, чем кораблестроительство. Понятно, что вкусы царя и архитектурные пристрастия претерпевали в его созидательной деятельности известную эволюцию.

Впечатления юности — самые яркие. Немудрено, что побывав в 1697–1698 гг. в странах Северной Европы, Пётр надолго полюбил зодчество этих стран. Голландская архитектура импонировала ему компактностью, опрятностью и вместе с тем живописностью построек эпохи Северного Возрождения, осложнённого явлениями вернакулярности, которые теперь принято отождествлять с маньеризмом. Это делало её релевантной применительно к тенденциям отечественной культуры того периода. Недаром архитектура Москвы в конце XVII в. активно оплодотворялась художественными образами Нидерландов, родственными природе русского Ренессанса. Началось это ещё до вступления Петра на престол. Да и сам выбор маршрута Великого посольства был предопределён прочными русско-голландскими контактами. Вместе с тем Пётр сумел оценить новые тенденции в архитектуре Голландии, которые принесла вторая половина XVII в. Практичная сдержанность и геометрическое совершенство отличали произведения П. Поста, Я. Кампена, братьев Фингбонс.

Как показал А. Л. Пунин, тогдашние впечатления от британского зодчества, а возможно, и знакомство с сэром Кристофером Реном, тоже сыграли заметную роль в формировании вкусов молодого Петра, а также в характере его петербургского строительства¹. Мне попалось курьёзное суждение известного специалиста по архитектуре Петербурга петровского времени, писавшего: «нелепым является утверждение о влиянии английской архитектуры на архитектуру <петровского> Петербурга, особенно если учесть, что до конца XVIII века ни одного английского архитектора здесь не было»². Характер архитектуры того времени определял один «зодчий» — государь Пётр Алексеевич. Достаточно того, что, помимо личных впечатлений царя и привезённых им из Лондона бумаг и чертежей, в обширной библиотеке царя хватало профессиональной литературы.

Не говоря о колокольне Петропавловского собора, британским прототипам которой была посвящена публикация А. Л. Пунина,

¹ Пунин А. Л. Пётр I и Кристофер Рен: К вопросу о стилевых истоках петровского барокко // Искусство архитектуры. СПб., 1995. С. 34–42; Пунин А. Л. К вопросу об англицизмах в архитектуре петровского барокко в Санкт-Петербурге // Архитектура мира. Вып. 5. Запад–восток: Искусство композиции в истории архитектуры. М., 1996. С. 131–136; Пунин А. Л. Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности Петровского барокко. СПб., 2014. С. 45–46.

² Малиновский К. В. Плод невежества [рецензия на кн.: Власов В. Г. Архитектура «Петровского барокко». СПб., 1996] // Газета «Современное строительство». № 23 (77), 1997.

можно отметить английские корни такого общественного сооружения петровского времени, как «Зала для славных торжествований» (арх. М. Земцов, 1725)³, прототипом которой, скорее всего послужил Банкетингхаус, сооружённый Иниго Джонсом для тех же целей. Другая постройка Джонса, Куинсхауз в Гринвиче, была своеобразно интерпретирована С. ван Звигеном при строительстве Новых палат Петра Великого (1725)⁴. Источником идей могло послужить издание «Британский Витрувий», где были опубликованы известные произведения И. Джонса. Этот увраж имелся в библиотеке Петра⁵.

Любовь Петра Великого к книгам, увражам и чертежам позволяла ему быть в курсе новейших архитектурных веяний. Своё представление об архитектуре Франции царь составил задолго до посещения этой страны. Петра поначалу привлекал не «Большой стиль» Людовика XIV, о чём скажем несколько позже, а переходные формы «раннего классицизма» рубежа XVI и XVII вв.

Некоторые черты московских храмов петровского времени, в особенности лучковые завершения центральных компартиментов, ставшие своего рода «опознавательным знаком» культовых сооружений той поры (церковь Архангела Гавриила — «Меншикова башня», церковь св. Панкратия, собор Варсонофьева монастыря, Тихвинская надвратная церковь Донского монастыря и многие другие), были особенно характерны для французского культового зодчества начала XVII столетия. Достаточно указать на фасад и портал часовни иезуитского коллежа в нормандском городке Э (1613–1624), на фасад церкви Сен-Жерве в Париже (С. де Бросс, 1616–1621) и другие памятники «иезуитского направления»⁶, которые в настоящее время относят к французскому маньеризму. Вместе с тем Пётр почти никогда не сле-

³ «Зала» была построена после смерти Петра, как и «Новые палаты», однако известно, что в проектировании «палат» принимал участие сам Пётр. Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. Собрание Эрмитажа: Научный каталог / Научн. ред. Н. В. Калязина. Л., 1981. С. 45, 118–119. Кат. № 49–50, 206. Эти здания полностью сохраняли принципы петровского строительства.

⁴ *Грaбарь И. Э.* История русского искусства: История архитектуры. Т. III. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. М., [1911] С. 114–115, 157; Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. С. 45–47. Кат. № 49–50, 52.

⁵ *Хмелевских И. В., Карначёв А. Е.* Библиотека Петра Великого: Западноевропейские печатные книги. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2016. С. 216–229. Кат. № 71. Л. [11], [13]. Р. 13, 15.

⁶ *Ward W. H.* The Architecture of the Renaissance in France. Vol. I. London, [1911]. Р. 257–261.



Церковь Ивана Воина на Якиманке, 1701 (слева) и Спасский собор
 Заиконоспасского монастыря, 1737 (справа) и их прототипы:
 Северная церковь в Амстердаме, арх. Х. де Кейзер (вверху) и церковь
 Посещения девы Марии в Париже, арх. Ф. Мансар (внизу).

давал образцам напрямую. Как правило, он смело сочетал понравившиеся ему элементы композиции, взятые из разных источников. Стоит ещё раз подчеркнуть, что «источником вдохновения» для царя в ту пору являлись преимущественно не современные ему произведения западных зодчих, а строения 1620–1630-х гг.

Когда-то автор этих строк показал, что яркая композиция московского храма Ивана Воина на Якиманке (1713), возможно, имеет своим прототипом известный фасад церкви Посещения св. Марии в Париже (Ф. Мансар, 1632–1634)⁷. Позднее удалось установить, что детали архитектурного убранства московского памятника заимствованы из декоративного репертуара Северной церкви в Амстердаме (Х. де Кейзер, 1620–1623). Это легко объяснимо: Петру принадлежал громадный альбом работ этого великого голландского зодчего переходного периода. Увраж «*Architectura Moderna*» был составлен Корнелисом Данкертсом в 1631 г., спустя 10 лет после смерти де Кейзера. У Петра было издание 1641 г.⁸

Кажется, никто из исследователей архитектуры петровского Петербурга до сих пор не догадался порыться в этом альбоме. А жаль. Ведь всякому стало бы ясно происхождение плана, да и объёмного решения Петропавловского собора в Санкт-Петербургской крепости. Здесь Пётр «скрестил» два храма, построенных Кейзером, —

⁷ Всеобщая история архитектуры. Т. 7. М., 1969. С. 130.

⁸ Хмелевских И. В., Карначёв А. Е. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 474–477. Кат. № 166.



Церковь Сен-Жерве в Париже, арх. С. де Бросс, 1616–1621 (слева) и Тихвинская надвратная церковь Донского монастыря, 1713–1714 (справа). Применение лучковых завершений.

Западную и Южную церкви Амстердама. План Петропавловского собора воспроизводит план Западной церкви даже по числу компартиментов — по расположению проёмов и столбов. А проектируя Южную церковь, Кейзер «вдвинул» колокольню в тело собора, что сделал вслед за ним и Пётр, переместив башню с угла на среднюю ось храма.

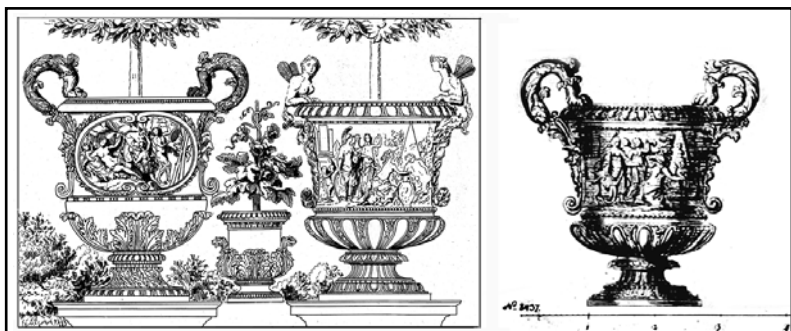
Метод контаминации был совершенно типичен для архитектурных задумок Петра. Когда-то давно в его библиотеке мною был найден увраж голландского архитектора-классика П. Поста⁹. И выяснилось, что для надстройки Красной башни Троице-Сергиевой лавры Пётр использовал не только выполненный этим зодчим проект башни ратуши в городе Маастрихте (о чём много писал В. В. Згура¹⁰), но и проект башни Сваненбурга — здания, в котором размещалось управление мелиоративными работами¹¹, — которая увенчана шпилем с фигурой лебедя наверху¹². Другой пример контамина-

⁹ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 619. Кат. № 247. ([*Post P.*] *Alle de Wercken van Architectuure. Tot Amsterdam.*)

¹⁰ См., напр.: *Згура В. В.* Проблемы и памятники, связанные с В. И. Баженовым. М., 1928. С. 69.

¹¹ [*Post P.*] *Op. cit.* Pl. 15–20.

¹² *Микишаев М. Н.* Ранний памятник петровской эпохи // Проблемы синтеза искусств и архитектуры: Тематический сборник научных трудов ИЖСА им. И. Е. Репина. Вып. XIV. Л., 1983. С. 18–25.



Рисунки трёх ваз из увража Даниэля Маро (слева) и проект вазы для Петергофа (1720-е) на основе контаминации двух образцов.

ции, — особенно наглядный. В 1971 г., во время работы над проектом воссоздания ансамбля Марли в Петергофе наш научный консультант А. Г. Раскин продемонстрировал нам эскиз вазы времён строительства Петергофа и источник её композиции — лист из увража Даниэля Маро, голландского (а затем британского) архитектора французского происхождения¹³. На гравюре Маро помещены две вазы. Неизвестный отечественный мастер (тогда считалось, что эскиз выполнен Н. Микетти) взял оформление тулова от одной вазы, а рисунок ручек — от другой¹⁴. Так Пётр Великий работал с архитектурной книгой. Однако личные впечатления не могут заменить любые увражи, даже если они точны и великолепны.

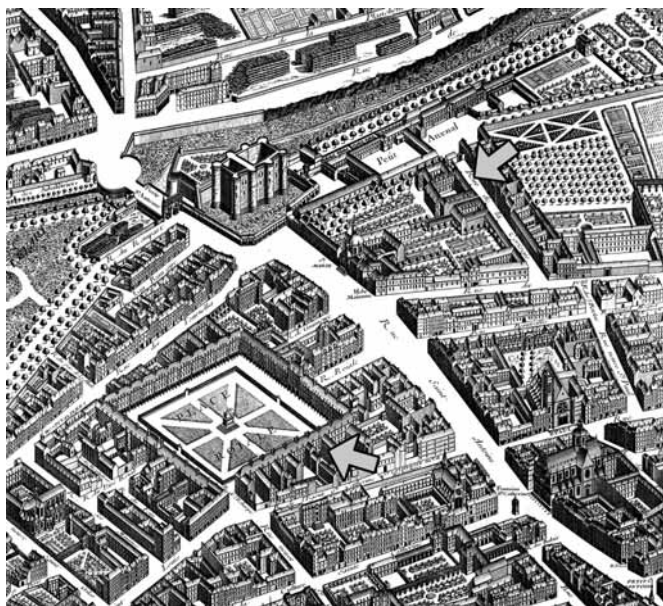
С завершением Северной войны Россия выдвинулась в число ведущих европейских держав. Не за горами было и провозглашение Российской империи. Каковы бы ни были личные вкусы и пристрастия Петра, он осознавал необходимость придания должного статуса новой столице. Недаром в 1716–1717 гг. в Европе публикуются и распространяются во многом фантастичные, но эффектные гравированные планы Санкт-Петербурга¹⁵.

Архитектура Франции была образцом, на который при создании своих резиденций ориентировались монархи Центральной Европы, у которых не раз гостил русский царь. Полезно было познакомиться с первоисточником вживую. Репрезентативность двора Российской

¹³ *Marot D. Oeuvres du Sr. D. Marot, Architecte de Guillaume III, Roy de la Grande Bretagne <...> à Amsterdam, MDCCXII.* См. также: *Хмелевских И. В., Карначёв А. Е.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 543–544. Кат. № 198.

¹⁴ *Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века.* С. 99–100. Кат. № 151. Инв. № 8437а.

¹⁵ *Семенцов С. В.* Санкт-Петербург. Планы и карты. СПб., 2004. С. 32–36.



Королевская площадь и отель Ледигьер на аксонометрическом плане Парижа 1734–1736 («план Тюрго»); указаны стрелками. Вверху – Бастилия и Арсенал.



Застройка Королевской площади в Париже (слева) и здание Двенадцати коллегий в Петербурге (справа). Общность композиции городского пространства при разной стилистике застройки.

империи не должна была уступать великим державам. Личная неприхотливость царя вынужденно подчинялась политической целесообразности. Поэтому он так рвался в Париж. И дипломатические задачи едва ли не отходили на второй план по сравнению с жадной личной изучением французского строительного опыта.

«Большой стиль» французского зодчества не мог не разочаровать Петра. Грандиозная монументальность, величественная серьёзность казались ему холодными и мрачными. Подразумеваемая скупость декоративного убранства внешних фасадов, объяснял он свои впечатления в письме Ивану Коробову: «Во Франции я сам был, где никакого украшения в архитектуре нет и не любят; а только гладко и просто и очень толсто строят, и всё из камня, а не из кирпича»¹⁶.

Прибывший в Париж Пётр I расположился в особняке Ледигьер¹⁷, в двух шагах от Арсенала и поблизости от Королевской площади. Апартаменты, приготовленные для него в Лувре, он нашёл чрезмерно роскошными. Нечто подобное произошло и в Версале, где он предпочёл ночлег в Трианоне¹⁸. В своё время Людовик XIV, оказавшись рабом установленных им же пышных и торжественных ритуалов, и создал для себя Трианон как место отдыха от них. Там он мог провести какое-то время в обществе приятных ему лиц.

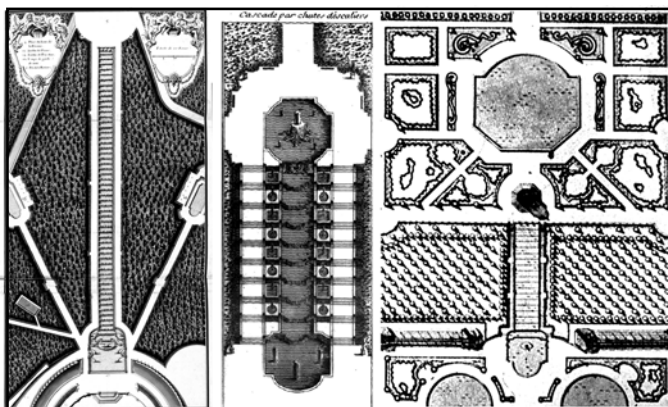
За годы, прошедшие после смерти Короля-Солнца, версальский дворец пришёл в некоторое запустение. Да он и не слишком занимал царя, чужавшегося грандиозной пышности. А вот обследованию парка, зарисовкам и даже обмерам некоторых элементов композиции и отдельных объектов он уделил много времени и внимания. Впоследствии многое он воспроизводил у себя. Достаточно вспомнить шутихи, «фабольные» фонтаны, фонтаны Пирамида в Летнем саду и в Петергофе, а также многое другое.

Ещё больше понравилась Петру другая резиденция Людовика XIV — Марли, недалеко от Версаля. При изрядной живописности, удивительной включённости в природный холмистый ландшафт, она производила впечатление уединённого уголка. Это впечатление поддерживалось небольшими размерами и простотой уютных домиков для гостей и придворных, разместившихся по берегам обширного зеркального пруда. В двух из этих домиков Пётр I расположился со своей свитой.

¹⁶ Иогансен М. В. Иван Коробов // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 196.

¹⁷ «Отель (от фр. *hôtel* — особняк) Ледигьер — особняк маршала де Вильруа, который наряду с апартаментами в Лувре был заранее подготовлен для проживания Петра I и его свиты в Париже». Мезин С. А. Пётр во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 64.

¹⁸ Относительно пребывания Петра Великого в Париже существует необъятная литература. Наиболее полным и выверенным описанием поездки царя во Францию на сегодняшний день является книга: Мезин С. А. Пётр во Франции. Хроника пребывания Петра I в королевстве изложена на с. 60–77.



Королевский каскад в Марли. Чертёж из рукописного фолианта, подаренного Петру I герцогом д'Антенем (слева). Ж.-Б. А. Леблон. Проект каскада из трактата Д'Аржанвиля (в середине). Каскад «Золотая гора» в Петергофе. Фрагмент плана ансамбля Марли (справа).



Дворец Марли близ Версаля. Фасад и разрез. Сложная внутренняя структура скрыта замкнутым внешним объёмом.

Дворец в Марли тоже выглядел довольно простым и изящным. Во всяком случае, его можно было окинуть взглядом и запросто обойти вокруг. Внутренние помещения были уютны и отделаны с исключительной элегантностью. При этом ядром дворца оказывался восьмигранный зал, пронизанный светом, падавшим из окон второго яруса. Внешний облик дворца никак не предполагал такого эффекта, а Пётр обожал всякие фокусы и сюрпризы. Внешне второй этаж дворца был отчасти «обманкой». Его габариты скрывали заглублённые кровли, а между ними были устроены световые галереи для освещения холла. Конечно, французов выручал климат. Поэтому впоследствии Пётр предполагал построить в Стрельне лишь отдалённо подобное сооружение¹⁹. В Марли Пётр проводил целые дни и неоднократно туда возвращался, хотя ему показывали и другие загородные резиденции.

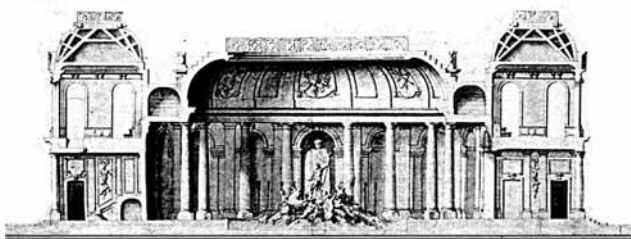
Государь понимал, что книги и уважи — это прекрасно, но без французских специалистов в Петербурге теперь не обойтись. Поэтому в ходе подготовки к визиту в Париж он, с помощью своих эмиссаров, прежде всего Ивана (Жана) Лефорта, выписал в Россию целый десант французских специалистов. Как пишет исследователь, «русским агентам удалось пригласить таких замечательных мастеров, как архитектор Ж.-Б. Леблон, скульпторы Б. К. Растрелли, Н. Пино, живописцы Л. Каравак, Ф. Пильман»²⁰, а также мастеров в области литейного дела, слесарного искусства, резчиков, плотников, обойщиков, столяров и паркетчиков.

Гостеприимных хозяев поражала осведомлённость царя. Государь Пётр Алексеевич хорошо подготовился к поездке. Он заблаговременно «получил из Франции иллюстрированные книги по архитектуре, военному делу, кораблестроению, искусству, истории: 15 книг и несколько сотен гравюр»²¹. Пётр ехал в Париж, уже зная, что могло его там заинтересовать. Кроме того, заранее был составлен рукописный путеводитель, дополненный в Париже аналогичным перечнем достопримечательностей, которым Петра снабдил принимавший его герцог д'Антен, смотритель королевских дворцов и садов. Царь постоянно сверялся с этими списками, отмечая увиденное и записывая свои впечатления. Помимо личных впечатлений, Пётр привёз из Франции целую библиотеку великолепных изданий по всем областям человеческого знания, и в том числе по

¹⁹ «Водяной замок» для Стрельны спроектировал Ж.-Б. Леблон. — См.: Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. С. 55–56. Кат. № 71.

²⁰ Мезин С. А. Указ. соч. С. 50.

²¹ Мезин С. А. Указ. соч. С. 51.



Ж.-Б. А. Леблон. Павильон «Водяной замок» в Стрельне.
Фасад и разрез. Проект. 1717. Оригинальная структура
объёмов открыта во внешнее пространство.

архитектуре, фортификации и садово-парковому искусству. Среди последних уникальную ценность представляют два рукописных фолианта чертежей парков Марли и Версаля, подаренные царю герцогом д'Антенем²².

Многokrатно описана история создания каскада Золотая гора ансамбля Марли в западной части Нижнего парка. Если весь этот ансамбль, как и следует из его названия, отражает впечатления Петра от посещения одноимённой королевской резиденции под Парижем, то для каскада царь указал в качестве прямого образца чертёж из подаренного ему д'Антенем рукописного фолианта²³. Действительно, при изумительной сохранности этой книги, разворот с планом большого марлинского каскада заметно потрёпан, он явно «был в работе»²⁴. Однако и в этом случае мы встречаем петровский метод контаминации.

²² *Khmelevskikh I.* L'album de Marly dans la bibliothèque de Pierre le Grand // Marly: art et patrimoine. Revue des Amis du Musée-Promenade de Marly le Roi. Louveciennes. № 7. De Marly à Peterhof: L'album de Pierre le Grand. 2013, p. 19–24.

²³ *Гейрот А. Ф.* Описание Петергофа (1701–1863). СПб., 1868. С. 23; *Раскин А. Г., Архипов Н. И.* Петродворец. Л.; М., 1961. С. 136–138; *Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века.* С. 71–73. Кат. №№ 98–99; *Хмелевских И. В., Карначёв А. Е.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 30.

²⁴ De Marly à Peterhof: L'album de Pierre le Grand, p. 29.

В трактате Д. Д'Аржанвиля «Теория и практика садоводства», проиллюстрированном гравюрами Леблона, имеется план каскада, который и по габаритам, и по прорисовке деталей гораздо ближе к реально осуществлённому в петергофском ансамбле, чем марлинский.

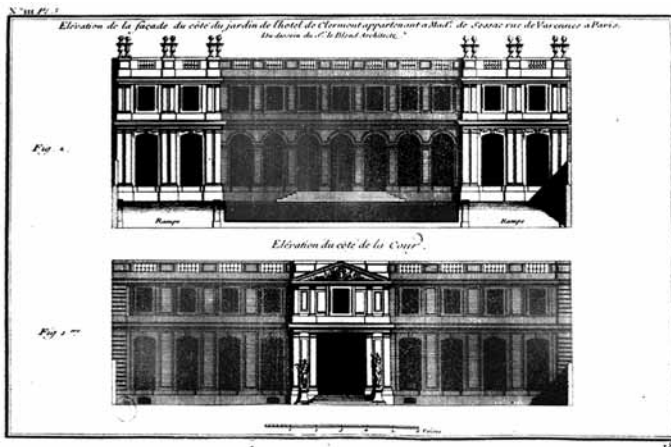
В результате нового европейского вояжа государя Петра Алексеевича русская архитектура не могла не измениться. Но каков был характер этих перемен, и какие стилевые черты в итоге приобрело явление, которое традиционно характеризуют как «петровское барокко»? Принесли ли французы веяние «большого стиля» Людовика XIV? В чём оно проявилось? А может быть, с приездом Леблона пришло что-то иное? Эти вопросы постоянно встают перед исследователями зодчества петровского времени.

При возведении нового города на берегах Невы Пётр хотел придать ему истинно европейский вид, отличающий его от рыхлой дискретной застройки Москвы и других русских городов. Отсюда его знаменитое требование застраивать улицы и особенно набережные «единою фасадою». Наиболее ярко такое единство осуществлено в здании Двенадцати коллегий. Невольно напрашивается параллель с застройкой Королевской площади в Париже, ставшей одним из первых «туристических объектов» Петра, посещённых им в мае 1717 г. Эта площадь была построена К. де Шатийоном во времена Людовика XIII (1606–1612)²⁵. Тем не менее, петербургское здание Коллегий, при относительной скромности убранства демонстрирует характерные черты позднего барокко²⁶. На василеостровской набережной Большой Невы принцип «единого фасада» был выдержан посредством применения образцового проекта двухэтажных палат, выполненного по заказу Петра Ж.-Б. Леблоном²⁷.

²⁵ Всеобщая история архитектуры. Т. 7. С. 117–119.

²⁶ *Микишатов М. Н.* От хором и «приказов» до дворцов и «коллегий» // Архитектурное наследство. Вып. 49. М., 2008. С. 101. А. М. Соколов когда-то обратил наше внимание ещё на один возможный парижский прототип здания Двенадцати коллегий — галерею Лувра, построенную в начале XVII в. При Петре она была полностью открыта со стороны двора, что хорошо видно на «плане Тюрго».

²⁷ *Микишатов М. Н.* Застройка Петербурга петровского времени // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. СанктПетербург, 5–7 июня 2015 года. СПб.: Европейский Дом, 2016. С. 34–36. — Существующие сомнения в авторстве Леблона устраняются записью в бумагах Петра — 29 апреля в Кале «Дано рисовальщику, который делал копию с «Леблонова чертежа палат», 15 ливров». — *Мезин С. А.* Указ. соч. С. 63. См. также: *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Жан Леблон // Зодчие СанктПетербурга. XVIII век. С. 108–109.



Ж.-Б. А. Леблон. Отель Клермон на улице Варен в Париже. Главный и садовый фасады (с гравюры П. Ж. Мариэтта).

Если говорить о наиболее мощной фигуре среди приехавших французских специалистов, — Жане-Батисте Леблоне, — сегодня она уже не является такой загадочной, как в середине прошлого века. Этому способствовали публикации Нинель Васильевны и Евгения Андреевича Калязиных. В их монографическом исследовании немалая часть уделена французскому периоду деятельности Леблона и историческому месту его творческого наследия²⁸. Впрочем, ещё в дореволюционных работах И. Э. Грабаря, в статьях Б. Р. Виппера отмечалось, что Леблон *не был выразителем эпохи французского классицизма и барокко*. Напротив, вместе с Р. де Коттом и П. Лепотром, он выступил как зачинатель *нового направления*, которое впоследствии получит название стиля регентства и быстро перерастёт в рококо²⁹.

Помимо теории и практики паркостроения, где Леблон уже был признанным и известным Петру авторитетом, он разработал новый подход к проектированию жилого дома, с компактной объёмно-пространственной структурой, с ясным членением комнат и кабинетов умеренных и уютных габаритов, с комфортабельной средой и новым инженерно-техническим оборудованием. Именно он предложил обшивать комнаты деревом. Это отменяло необходимость штукатурки, а рекомендация окрашивать ламбри в различные, пре-

²⁸ Калязина Н. В., Калязин Е. А. Указ. соч. С. 67–111.

²⁹ Грабарь И. Э. Указ. соч. С. 119–120; Виппер Б. Р. Архитектура русского барокко. М., 1978. С. 49.

имущественно светлые тона, повышало гигиеничность среды, отменяя пыльные обои. Увражи сохранили чертежи отеля Клермон, построенного Леблоном на улице Варен в 1708 г.³⁰ Особняк существует, но был перестроен в конце 1760-х гг.

Увлечённый своими идеями, зодчий, несомненно, горячо излагал их русскому государю ещё во время их встречи в Пирмонте, что не могло не понравиться Петру, так как совершенно отвечало его вкусам и желаниям³¹. Горестно оборвавшаяся на чужбине жизнь Леблona не позволила во всю ширь развернуться его дарованиям в Париже, но была подхвачена его единомышленниками. Правда, простота планировок со временем сменилась изощрёнными изысками рококо, но таков был естественный ход эволюции. В том же русле было ориентировано и творчество его товарищей по российскому эксперименту. Ф. Пильман ещё до отъезда из Франции конкурировал с А. Ватто³², а Н. Пино стал по возвращении на родину одним из ведущих мастеров рокайльного интерьера. Из-за преждевременной смерти сам Леблон не успел и в Петербурге сделать много, но и то, что нам известно, характерно.

Оставив в стороне грандиозные садово-парковые работы, обратимся к дворцам и павильонам Петергофа. Несомненно, впечатляет работа Леблona в Монплезире. Внешний облик «голландского дома с французским названием» построен на дерзком сочетании кирпичных стен с невероятной кровлей, даже не мансаровской, а почти китайской, что отвечает утверждающейся ориентализации загородных резиденций. Достаточно вспомнить загородный дворец Пильниц, выстроенный в те же годы под Дрезденом другом Петра саксонским курфюрстом Августом Сильным³³. Интерьер главного зала Монплезира не имеет себе равных. Деревянная обшивка стен и излюбленный в Европе мраморный пол в шахмат (есть рисунок этого пола, сделанный Петром) в своей строгости контрастируют с блеском и великолепием разработки верхних ярусов зала, расписанных аль фреско Ф. Пильманом и его учениками и виртуозно украшен-

³⁰ Петру Великому это произведение Леблona было известно по изданию Мариэтта «L'Architecture françoise...». См.: *Хмелевских И. В., Карначёв А. Е.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 68. Кат. № 8. Лл. 8–10.

³¹ *Грaбарь И. Э.* Указ. соч. С. 120–121.

³² *Наследова Е. Д.* Орнаментальный стиль французского Регентства в росписях Филиппа Пильмана // Россия–Франция: Alliance культур. Материалы XXII Царскосельской научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2016. С. 38–51.

³³ Водный дворец (Wasserpalais) в Пильнице был возведён в 1720–1721 гг. на берегу Эльбы архитекторами М. Пёппельманом и З. Лонглюном, Горный дворец (Bergpalais) — двумя годами позже.



Монплезир в Петергофе (вверху) и Водный дворец в Пильнице близ Дрездена (внизу). Стилизация крыши в характере *chinoiserie* – в контаминации с мансардной кровлей.

ных скульптурой, авторство которой было принято приписывать Б. К. Растрелли³⁴. По предположению Калязиных, модели для неё выполнил Н. Пино³⁵. А. Г. Раскин назвал убранство этого зала ярким примером рококо³⁶.

Верхние палаты в Петергофе были завершены Лебломом в 1717–1720 гг. Помимо их внешнего облика, изменённого Ф. Б. Растрелли, но сохранившего свой характер благодаря высоким мансардовским

³⁴ *Раскин А. Г., Архипов Н. И.* [Памятники архитектуры города Петродворца] // Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1985. С. 394.

³⁵ *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Указ. соч. С. 100.

³⁶ *Raskin A.* *Petrodvorets (Peterhof).* Leningrad, 1978. P. 290.



Эрмитаж в Петергофе. Фасад и интерьер выполнены с тонкостью и изяществом, характеризующими «стиль Регенства».

кровлям, несомненно, обращает на себя внимание Дубовый кабинет, обшитый панелями с виртуозной резьбой по рисункам и моделям Н. Пино³⁷. Несмотря на последующие переделки, он выглядит эталонным воплощением *стиля регентства*. Уюту и интимности кабинета Петра в Петергофе противостоит элегантная представительность отделки Ореховой залы в доме А. Д. Меншикова в Петербурге, скорее всего, тоже выполненной по проекту Леблona. Не без основания роскошный живописный плафон приписывается Ф. Пильману³⁸.

Инъекция французского вкуса была столь интенсивна, что и после внезапной смерти Леблona она продолжала своё воздействие. К тому же его мастера продолжали свою деятельность в Петербурге до второй половины 1720-х гг. Интересно сохранение французской традиции в постройках И. Ф. Браунштейна, который начинал работу в Петергофе ещё до приезда Леблona, а потом сотрудничал с ним³⁹. Это очевидно в архитектуре дворца Марли, особенно же в архитектуре Эрмитажа. Возможно, проект Эрмитажа успел выполнить сам Ж.-Б. Леблон. Скромность, компактность и изящество этого сооружения выделяют его среди многочисленных построек Нижнего парка.

Подводя итоги, приходится признать справедливость существующих суждений о стилистике архитектуры петровского времени. Ещё Б. Р. Виппер писал о «разностильности петровской архитектуры»⁴⁰. Так же трактовала проблему стиля в русском искусстве пер-

³⁷ Калязина Н. В., Калязин Е. А. Указ. соч. С. 94–97.

³⁸ Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В. Меншиковский дворец. М., 1986. С. 84–95

³⁹ Раскин А. Г., Архипов Н. И. [Памятники архитектуры города Петродворца]. С. 322, 426–430.

⁴⁰ Виппер Б. Р. Указ. соч. С. 42.

вой четверти XVIII в. О. С. Евангулова⁴¹. В девяностых годах Б. М. Кириков писал о «стилевом универсализме и плюрализме петровского зодчества»⁴². На тех же позициях стоят авторы новейших исследований А. Е. Ухналёв⁴³ и С. В. Клименко⁴⁴. Привычное определение «петровское барокко» воспринимается современным научным сознанием не только как условное, но и как устаревшее, потерявшее реальный смысл.

⁴¹ *Евангулова О. С.* Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в.: Проблемы становления художественных принципов Нового времени. М., 1987. С. 223–224.

⁴² *Кириков Б. М.* Прообразы композиции Петропавловского собора // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 2. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. СПб., 1994. С. 19.

⁴³ *Ухналёв А. Е.* Особенности стилистической ситуации в архитектуре Петербурга первой четверти XVIII века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2011. Вып. 140. С. 136–148; *Ухналёв А. Е.* Метаморфозы «петровского барокко». Судьба «больших» стилей в архитектуре первоначального Петербурга // Искусствознание. 2011. № 1–2. С. 228–247.

⁴⁴ *Клименко С. В.* Генезис стиля русской архитектуры 1730х годов в оценках отечественной историографии XX – начала XXI века // «Мощно, велико ты было, столетье»: Сборник научных статей, посвящённый юбилею Т. В. Ильиной. СПб., 2014. С. 101–113.

Екатерина Александровна Андреева
(Санкт-Петербург)

Старший научный сотрудник
Государственного Эрмитажа

Французский «десант» Ж.-Б. А. Леблона

Благодаря активной деятельности архитектора Ж.-Б. А. Леблона в Петербурге оказалось большое количество французских мастеровых. До сих пор в литературе нет чёткого представления о том, кто из них прибыл с французским архитектором, а кто на следующий год; сколько «партий», в каком количестве и каким путём были отправлены в 1717 г., кто из них состоял на царском жалованье, а кто нет¹. Кроме того, выявленные источники позволяют осветить новые подробности их пребывания в Петербурге.

9/20 декабря 1715 г.² датируется письмо Петра I К. Н. Зотову «О приёме в службу архитектора Леблona и механика Ламбота [фонтанный мастер Пьер Ламбо (Pierre Lambot). — *Е. А.*] с мастерами, коих они написали с собою»³. Здесь оговариваются подробности найма французских специалистов: «... и будет лучше, чтобы они приискали их [т.е. мастеровых. — *Е. А.*] сами, а о жалованье тем мастеровым договоритесь с помянутым архитектором, и имянно, чтоб они взяли их платеж на себя... однако ж смотрите того, чтоб они принимали тех мастеровых добрых и достойных художников...»⁴.

¹ См. об этом подробнее: *Андреева Е. А.* Второе европейское путешествие Петра Великого и приезд французских мастеров в Петербург // *Quaestrio Rossica*. Екатеринбург, 2018 (в печати).

² Все даты даются по юлианскому и григорианскому календарям.

³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. 1715 г. Кн. 57. Л. 12. Опись.

⁴ *Михайлова А. Ю.* Французские художники при русском императорском дворе в первой трети XVIII века: Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2003. Приложение 9. С. 211–212.

1/12 января 1716 г. была составлена «Роспись выезжим в Россию разных художество мастеровым людям», насчитывавшая 88 мастеровых, среди которых было много французов. В документе значится и Ж.-Б. А. Леблон. Контракт с архитектором сроком на 5 лет был подписан 19 февраля того же года. Тогда же были составлены контракты с другими французскими мастеровыми⁵. Выявленные размеры годовых окладов сведены в Таблицу⁶.

Мастер	Специальность	Годовой оклад по контракту (в руб.)
Леблон Жан-Батист Александр (Le Blond Jean-Baptiste Alexandre)	архитектор	5 000
Пино (Пинау) Николя (Pineau Nicolas)	скульптор, резчик по дереву	1 200
Белин (Белен) Гийом (Bellin Guillaume)	кузнец, слесарь	1 000
Сен-Манж (Саманж, Сенкт Манж, Санкт-Манж) Жан (Иван) Нуазе (Ноазет) де (de Saint-Mange Jean Noiset)	полировщик на меди, штукатур	500
Соваж (Саваж) Этьен (Степан, Стефан) (Sauvage Estienne)	литейный мастер	400
Мишель (Михель) Жан (Иван) (Michel Jean)	столяр	320
Бурбон (Бурбом, Бурман) Эдмед (Эдм) (Bourbon Edmede)	каменотёс, резчик по камню	300
Кардасиер (Кандастер) Антон	«подмастерье в каменном обчерчении в резбе»	240

15 апреля 1716 г. герцог д'Антен и кардинал Дюбуа подписали «Список лиц, которые пожелали ехать в Санкт-Петербург, чтобы вступить в службу Его Царского Величества»⁷. На переезд в Россию Ж.-Б. А. Леблону было выдано подъёмных денег 10 тысяч ефимков. С ним ехали его жена Мария Маргарита Левек, 6-летний сын, его рисовальщик Николя Жирар (Girard (Gégar) Nicolas), племянница архитектора Катерина Гуэт, «женщина г-жи Леблонд» и два лакея. Машинисту-гидротехнику Жерару Суалему (Girard Sualem) на проезд выдавалось 4 500 ефимков, литейщику Э. Соважу — 1 000. Скульптору и резчику Н. Пино, названному в документе «штукотором»,

⁵ «Контракт архитекта Леблона» // РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 23: «Книга входящим в Кабинет писмам от разных персон 1715 году». Л. 376. Опись. Л. 163; РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. № 3. Опись. Именной указатель; Малиновский, с. 130.

⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 5г. № 91. Л. 865; № 92. Л. 870.

⁷ Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 168–169.

было выдано 3 000 ефимков. Он ехал с двумя подмастерьями Николя Пераром (Nicolas Perard) и Бартеlemi Гийомом (Barthélemy Guillaume)⁸. Столяру Ж. Мишелю было выдано 2 000 ефимков⁹.

10/21 июня 1716 г. в Пирмонте (ныне: Бад-Пирмонт, земля Нижняя Саксония) состоялась встреча Ж.-Б. А. Леблona с Петром I, о чём на следующий день монарх писал А. Д. Меншикову: «на сих днях приехал сюды Конон Зотов и привез с собою из Франции славного архитектурта и механика Леблona и протчих мастеровых, которые приняли нашу службу, и оных на сих днях к вам отправим сухим путем»¹⁰. Ж.-Б. А. Леблон приехал в Петербург 7/18 августа 1716 г.¹¹ С архитектором прибыло 29 человек.

Быстро были организованы мастерские, и 4/15 октября 1716 г. выбраны в каждой начальники. В литейной мастерской для изготовления украшений к фонтанам и проч. — литейщик Э. Соваж, в резной, созданной для «обучения новым приёмам разных украшений» — резчик по дереву Н. Пино. В письме к Петру I архитектор подчёркивал, что резчики будут «делать резбу на дверях, на каминах и другие вещи, на которые будут образцы...». Для изготовления моделей строящихся сооружений была создана модельная мастерская, размещившаяся вначале в доме С. Л. Рагузинского на Адмиралтейском острове, а с ноября 1717 г. в построенном для Ж.-Б. А. Леблona доме на Васильевском острове. Над всеми слесарями и кузнецами был выбран Г. Белин, над каменотёсами — Э. Бурбон и Ф. Бателле (Batellier Franpois). Архитектор распорядился найти возле Кроншлота и Петергофа мрамор, а также привезти из Москвы и Ревеля «камень» мягкие и жёсткие к строению дворцов Петра I. Ж.-Б. А. Леблон также просил к созданию каскадов и пещер в Петергофе собрать и привезти из Москвы и других мест «образцы всех раковин и маленьких камешков разноцветных». 4/15 октября 1716 г. начальником над столярами был назначен Ж. Мишель.

⁸ Антонов В. В. Б. Симон — помощник Пино // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX века. М., 1984. С. 124. В. В. Антонов называет резчика Бартеlemi (Варфоломей) Симон (Гийом).

⁹ Калязина Н. В. Архитектор Леблон в России (1716—1719) // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX века. М., 1984. Примеч. 30 а). С. 118.

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 81. Л. 613; *Малиновский К. В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 130; *Мезин С. А.* Указ. соч. С. 138. Н. В. Калязина по датировкам писем определила, что Пётр I провёл в обществе Ж.-Б. А. Леблona 12 дней с 10 по 22 июня в Пирмонте, и в пути до Шверина (*Калязина Н. В.* Указ. соч. С. 96—97).

¹¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. 1716 г. Л. 102—102 об.

17/28 ноября 1716 г. французский архитектор просил А. Д. Меншикова определить квартиру для садовника Андрея Годо (Gaudet), чтоб он «работал во всю зиму в мастерских, которые обретаются в доме» светлейшего князя, чтобы он «вместе с столярами и решиками делал бы решетки в Летней дом Его Императорского Величества, что в Санкт-Питер-Бурхе»¹².

* * *

В письме от 22 июня / 3 июля 1716 г. Пётр I среди прочего писал А. Д. Меншикову о Ж.-Б. А. Леблоне: «...ибо сей мастер... кредит имеет великой в мастеровых во Франции и кого надобно, чрез него достать можем...». И следующая партия мастеровых, «вызванных из Франции Леблоном», подписала контракты 10/21 мая 1717 г. и прибыла в Петербург 28 сентября / 9 октября. Мастеровых отправлял в Петербург царский агент в Париже и племянник Ф. Я. Лефорта И. И. Лефорт¹³.

В июне 1717 г. в письмах к торговому комиссару в Голландии О. А. Соловьёву царь распоряжается как можно быстрее переправить купленный в Нидерландах гукор¹⁴ во французский Гавр-де-Грас¹⁵, чтобы И. И. Лефорт мог отправить сто человек мастеровых «мужеска и женска полу» в Петербург. Царский агент Жан Шевалье сообщал в челобитной, что в 1717 г. сопровождал из Парижа в Петербург 112 мастеровых, по всей видимости, речь шла об одной партии мастеровых¹⁶.

Из письма кабинет-секретаря А. В. Макарова из Амстердама А. Д. Меншикову в Петербург от 19/30 июля 1717 г. следует, что в это время мастеровые всё ещё находятся в Гавр-де-Гасе, поскольку гукор не прибыл. Кроме того, кабинет-секретарь отмечает, что эти мастеровые «пожелали в Питер-Бурхе жить своею волею без жало-

¹² Там же. Ф. 198. Оп. 1. № 696. Л. 42, 43, 88 об.; Антонов В. В. Указ. соч. С. 124; Калязина Н. В. Указ. соч. С. 96, 118 (Примеч. 31).

¹³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. № 3; 1717 г. № 16. Описание; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84. Л. 461; Малиновский К. В. Указ. соч. С. 130.

¹⁴ Гукор (hoeker — нидерл.) — парусное двухмачтовое судно с широким носом и кормой.

¹⁵ Гавр-де-Грас (Le Havre-de-Grâce — фр. «Гавань благодати») — город-порт в Нормандии на правом берегу Сены.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84. Л. 463—468 об.; Челобитная царского агента Жана Шевалье, состоявшего курьером на русской службе. 1727 г. // Михайлова А. Ю. Французские художники при русском императорском дворе в первой трети XVIII века: Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2003. Приложение 2. С. 205.

ванья». А. В. Макаров передаёт царское распоряжение: «...когда оныя в Питербурх приедут, тогда изволте, ваша светлость, милостиво их принять и определить им квартиры и заставить их работать, чтоб они без дела не были, и в чем потребно, изволте их снабдить»¹⁷.

Из переписки А. В. Макарова и А. Д. Меншикова следует, что ещё одна партия французских мастеровых была отправлена в том же 1717 г. в Петербург другим путём. 3/14 марта кабинет-секретарь писал светлейшему князю из Амстердама о том, что царём наняты на русскую службу французские мастеровые, которые отправлены из Амстердама в Росток, с письмом А. В. Макаров посылал также подлинные контракты этих мастеровых, чтоб «против того их довольствовать, как в тех контрактах с ними постановлено». В Росток эти мастеровые поступили под начало кн. П. М. Голицына, который в начале августа сопровождал их на шняве в Ревель. Царская приписка к письму кабинет-секретаря: «мастеровыя люди... изрядныя, а особливо кузнецы..., когда прибудут, чтоб даром не гуляли, и ученики добрыя даны были». Из ответа А. Д. Меншикова на царском письме от 2/13 августа 1717 г. об этих мастеровых узнаём их количество: «Оныя французы, а имянно 17 человек, по прибытии сюда, приняты и отданы в диспозицию господина Леблону»¹⁸. Следовательно, в сентябре 1717 г. в Петербург двумя партиями (112 и 17 чел.) прибыло 129 французских мастеров.

1/12 ноября 1717 г. Ж.-Б. А. Леблон отправляет Петру I обстоятельный «Реестр художникам новоприбывшим и делам, которые мочно им роздать для усмотрения В. И. В»: «Понеже число решиков на дереве употребленных при стрениях Е. И. В. не есть довольно, ибо токмо один Пино с двумя его товарищами [Н. Пераром и Б. Гийомом. — *Е. А.*] и через то и дело тихо производится. Того ради надлежит употребить трех решиков, а именно Сант Лоранта [Jean Saint-Laurent. — *Е. А.*], Руста [Ruste Charles. — *Е. А.*] и Фоллета [Follet Estienne. — *Е. А.*] с товарищами новоприбывшими к работам, которые надлежит делать для окончания тою зимою всех резных вещей, принадлежащих к внутреннему и внешнему украшению Питергофских палат и других вещей, кои повелит делать В. И. В. И. В. не имеет в своей службе столяров, как токмо Мишель [Jean Michel. — *Е. А.*] с товарищем, которые не может одолеть всех нужных им столярных работ. Того ради мочно роздать дела Перону [Peron Charles. — *Е. А.*], Фарсуре [Луи Фарсюр, Louis Farsure. — *Е. А.*] и товарищам новоприбывшим, которые могут довольствоваться... Литейщик Вассу

¹⁷ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 737. Л. 103–104 об.

¹⁸ Там же. Л. 33, 37–38 об., 73–75; Ф. 5. оп. 1. № 26. Л. 234.

[François Pascal Vassou. — *Е. А.*]¹⁹ с двумя товарищами [Пьер Лишер (Pierre Lechere), Жан Гильот (Jean Guillot). — *Е. А.*] может быть употреблён весьма пристойно для литья бронзовых рам для зеркал, стальных шандалов, паникадил, решеток в комли и других бронзовых вещей для украшения внутри палат и прочего... Чеканщики или полировщики и Дюфу [Jille Dufour. — *Е. А.*] могут быть употреблены для полирования вещей, которые выльет Васу. Позолотчик Пиллон [Nicolas Pillon. — *Е. А.*] с двумя товарищами может быть также в употреблении для позлащения посеребрения вышепомянутых бронзовых вещей...»²⁰.

Как же на самом деле были «употреблены» эти мастера? По сказке «резного дела мастера» Н. Пино от 12/23 августа 1724 г., он работал на службе царского величества в Петергофе с 1716 по 1723 г. с двумя подмастерьями. Они работали в Большом дворце по собственным эскизам Н. Пино: делали потолки, двери, «стенные уборы и протчее, а также картинные рамы, столовые ноги, подсвешники, на которых шанданы ставят и иные мебели» и дубовые балясины. На себя и помощников в 1723 г. резчик получал 1 200 руб. в год. Согласно выписке из Канцелярии от строений от 1/12 апреля 1726 г., Н. Пино продолжал здесь работать и получал месячное жалованье вместе с подмастерьем Б. Гийомом — 336 руб. 66 копеек, и ещё 8 руб. на наём квартиры. Итого, в год вместе с квартирными деньгами: 4 135, 92 руб.²¹

Как отмечалось выше, подмастерья, работавшие с Н. Пино — это Николя Перар и Бартеlemi Гийом. Н. Перар был старшим помощником и получал 200 руб. в год, Б. Гийом — 180 руб. Н. Перар умер в Петербурге 16/28 мая 1722 г. Б. Гийом приходился Н. Пино шурином, то есть родным братом его жены Марианны, которая хорошо рисовала и, возможно, помогала мужу в работе²².

Столярный мастер Жан (Иван) Мишель трудился по договору с Ж.-Б. А. Леблонем под ведением Канцелярии городских дел в царских резиденциях, в частности в Петергофе. При нём выполняли «всякую столярную работу» 37 наёмных русских столяров Фёдор

¹⁹ С. А. Мезин говорит о литейщике Филиппе Васу (Philippe Vassoux) (*Мезин С. А. Указ. соч. С. 169*).

²⁰ Реестр художникам новоприбывшим и делам, которые мочно им роздать для усмотрения в.и.в. // *Калязина Н. В. Указ. соч. Примечание 30 б*). С. 118.

²¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. № 341. 1721 г. Л. 1–3; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 103. Л. 159; *Антонов В. В. Указ. соч. С. 125*.

²² Там же. С. 129. Примеч. 4; *Рош Д.* Рисунки Н. Пино, предназначенные для России // *Старые годы: Ежемесячник для любителей искусства и старины. СПб., 1913. № 5. С. 4.*

Иванов «с товарищи». Согласно «Докладным пунктам», в 1723 г. Ж. Мишель получал 800 рублей окладного годового жалования²³.

10/21 марта 1718 г. было заключено два контракта между архитектором Ж.-Б. А. Леблонем и тремя французскими резчиками: Шарлем Рюстом, Этьеном Фолле и Ж. Сен-Лораном. Мастера должны были сделать дубовые ионические капители на колонны и пилястры. Работы освидетельствовал Н. Пино, после чего дубовые капители были отправлены в Петергоф. По договору от 2/13 сентября 1718 г. Ш. Рюст и Э. Фолле нанимались сделать деревянный фронтон из липы в каменном дворце в Петергофе «на задней стене ко огороду». По всей видимости, чертёж фронтона был выполнен Н. Пино. Согласно договору от 10/21 ноября 1718 г., они должны были сделать по чертежу Н. Пино четыре дубовые «штуки» в Петергоф на кабинет Петра I. Размер каждой «штуки»: 5 футов в длину (152,40 см) и 2 фута в ширину (61 см)²⁴. В 1724 г. с Ж. Сен-Лораном был подписан очередной контракт, по которому француз обязался работать у царя три года и обучать своему мастерству русских учеников. Из его донесения в Канцелярию от строений за август 1725 г., ему было определено 10 учеников: дети каменщиков, плотников и солдат²⁵.

В своём «Реестре...» от 1/12 ноября 1717 г. Ж.-Б. А. Леблон предлагает царю: «Пильман, живописец гротеске и арабеске и украшительных вещей есть только один сего таланта, который обретается в службе В. И. В. Можно употребить его писать потолки и ламбри в палатах Питергофских и других»²⁶. Согласно поданному в Канцелярию городских дел донесению, Пётр I в 1719 г. отдал распоряжение живописцу Филиппу Пильману расписать две «каморы» во дворце в Петергофе «живописным писмом по объявленным чертежам». Стоимость работ была договорная и обсуждалась с главой Канцелярии городских дел князем А. М. Черкасским: 150 руб. за одно помещение и 100 руб. за второе²⁷.

Слесарь Г. Белин летом 1719 г. работал в Петергофе. Под его началом находилось 12 слесарей, «замочников» и «чернодельцев» из Оружейной канцелярии, которые изготавливали «разная кузнеч-

²³ Мезин С. А. Указ. соч. С. 169; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 641. Л. 41–41 об.; РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 4г. № 158. Л. 308; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 103. Л. 159. О дальнейшей судьбе Ж. Мишеля см.: С. 22–23.

²⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 3 (560/1579) № 8. Л. 1–5; № 4. Л. 1–1 об.; Оп. 3 (565/1475) № 12. Л. 1–3 об.; Оп. 4. № 332. Л. 1–3 об.

²⁵ Там же. Оп. 4. № 332. Л. 1–3 об.

²⁶ Реестр художникам... С. 118.

²⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 3 (565/1475). № 6. Л. 1-2.

няя фигуры»²⁸. Постигшая его в России участь говорит как о вспыльчивом характере француза, так и его сугубо негативном отношении к воровству. В январе 1722 г. к нему в гости заглянул царский садовник Григорий Рейбан с женой. У них вышла громкая ссора: «и между собою дрались». Дело в том, что садовник просил дать в долг четыре рубля, на что француз стал его бранить, схватил пистолет и хотел выстрелить, но пистолет оказался незаряженным. В светлицу на крики подоспели солдаты и «вытлкали вон» и садовника, и его жену. Г. Рейбана это настолько расстроило, что он стал кидать в окна кирпичами, разбил несколько окончин и зашиб одного из солдат. Солдатам ничего не оставалось, как выйти и взять садовника «под караул». Таким образом, в этот раз Г. Белину не удалось никого застрелить, а виновным оказался садовник²⁹. 5 марта того же года Г. Белин привёл в Канцелярию городских дел адмиралтейского кузнеца Фаддея Дубинина, который в Малой Морской слободе продавал четыре железные петли. Г. Белин узнал в них изделия, которые он сам делал, украденные на Оружейном дворе³⁰.

16 декабря 1722 г. случилось событие, резко изменившее судьбу французского столяра. Он работал в Петергофе, поскольку получил от директора Канцелярии от строений У. А. Синявина заказ сделать «в малых полатах» решётку у лестниц. Г. Белин, как и другие иностранные мастера, у себя на квартире хранил чертежи, модели и инструменты. Для охраны ему со Стрельнинских заводов был определён караульный Осип Кузьмин. В тот день француз днём прилёг на час поспать, а проснувшись, не нашёл свои серебряные карманные часы на цепочке, которые должны были висеть на стене — осталась только цепочка. Он спросил караульного, тот сказал, что ничего про часы не знает. Тогда Г. Белин «оного караульщика почал бить по щекам». И, как показал француз в допросных речах: «и тот де караульный... учинился ему противен». Слесарь схватил со стены пистолет, чтоб его пострашать, но случайно застрелил дробью в лицо. В допросе француз показал, что думал, что пистолет не заряжен. Крики и выстрел слышали итальянский мастер каменного дела Павел Компанилий, подмастерье Г. Белина Антуан Барбье (Barbier Antoine), служитель Василий Яик и караульный солдат Степан Кухтырев. Они стучали в дверь и просили слесаря открыть им. В конце концов он открыл. Г. Белина взяли под караул, свидетелей допросили, тело осмотрели и приобщили к делу.

²⁸ Там же. Оп. 1. Кн. 5г. № 92. Л. 882.

²⁹ Там же. Оп. 4. Д. 53. Л. 47. Выражаю огромную благодарность Е. В. Анисимову, указавшему этот документ.

³⁰ Там же. Л. 55.

Составили опись всего его имущества. Интересно, что в процессе описи в скринке были найдены те самые потерянные серебряные часы, «за которые он Белин караульного своего застрелил». Цепочка от них лежала на полу.

Это описание даёт представление о быте французского мастера: «Баук обит телятиной сыромятной, а в нем посуды 6 чашек, 3 блюда да чашка побольши ценинные. 1 чайник медной неболшей. 2 подноса один оловянной, другой деревянной. Писана бутылка маленькая стеклянная. 3 жестянки чайные порозжие. Стокан хрустальной. Сапоги смазные ведчаные. Стол китайской складной... 3 шляпы бумажные ведчаные, в том числе одна с позументом серебряным, штаны суконные лимонные с позументом, шляфор выбойчатой холодной ведчаной... Шарф суконной на нем бахрама золотая. 4 рубахи муских немецкого полотна. 2 рубахи ж русского полотна. 2 бострока штыковые белы. Чулки черные шелковые другие гарусные серые...»³¹.

17 января У. А. Синявин ездил к государю в Москву, где, среди прочего, докладывал об этом деле. Пётр I распорядился доставить французского слесаря в Юстиц-коллегию и до своего приезда в Петербург «розыску о том и экзекуции над ним не чинить»³². 24 мая 1724 г. Г. Белина отправили «в каторжную работу». Однако в январе следующего года его вернули. Он поступил в ведение Канцелярии городовых дел для обучения учеников слесарному делу. Француз должен был находиться под караулом, жалованья не получал. Царское распоряжение гласило, чтобы его «кормили, чем бы мог он пропитатца»³³.

В 1729 г. Г. Белин в Стрельне продолжает работать и обучать учеников «под караулом» и без жалованья. Он подаёт прошение. Производится расследование, которое заключает: «то учинил он в пьянстве, бес всякого умыслу». Слесаря отпускают из-под караула и назначается жалованье «для пропитания ево сдесь и для посылки во Францию к жене ево и детям» в прежнем размере: 200 руб. в год³⁴. Таким образом, вспыльчивый и, по всей видимости, любивший выпить французский мастер, продолжает работать в России, обучать русских учеников и отправлять деньги оставшейся на родине и по каким-то причинам не приехавшей с ним семье.

³¹ Там же. Л. 65 об.—68 об.

³² Там же. Л. 86.

³³ 14 января 1724. Об отсылке в Канцелярию над строениями приговоренного за убийство в катаржную работу француза слесарного мастера Гильома Белэн, для обучения рабочих слесарному мастерству // Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11. № 417. С. 528. Выражаю огромную благодарность Е. В. Анисимову, указавшему на эту публикацию.

³⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 53. Л. 144.

Анна Сергеевна Корндорф
(Москва)

*Ведущий научный сотрудник
сектора искусства Нового и новейшего времени
Государственного Института Искусствознания*

О неизвестном прототипе петергофского Эрмитажа

Садовые Эрмитажи занимают в истории русской усадебной культуры XVIII в. особое место. И по количеству — их действительно в середине столетия появляется множество, и по своей интереснейшей иконографии, и по своему предназначению для уединённых обедов и развлечений в кругу приближённых. При всём этом судьба эрмитажей как объекта исследовательского интереса крайне скудна. Никто никогда не рассматривал русские усадебные эрмитажи как единое явление, особый тип построек, иконографически и композиционно связанных друг с другом. Поэтому история русских эрмитажей, начиная с их первого и образцового для всех последующих павильонов примера — Петергофского эрмитажа, оказалась овеяна целым сонмом легенд и догадок. Более того, по стечению обстоятельств в русских переводах записок иностранцев оказались опущены как раз места, посвящённые эрмитажам и подвижным столам¹.

¹ Речь идёт об изданных в начале XX в. записках швейцарского астронома Иоганна Бернулли и воспоминаниях маркграфини Вильгельмины Байрейтской: *Бернулли И.* Записки. [Отрывки и излож. Пер. с нем., предисл. и примеч. П. И. Бартенева] // Русский архив, 1902. Кн. 1. Вып. 1. С. 5–30; *Вильгельмина Байрейтская.* Эпизод из посещения Берлина Петром Великим. Рассказанный маркграфиней Вильгельминой Байрейтской в ея мемуарах / Пер. С. Клейнер //

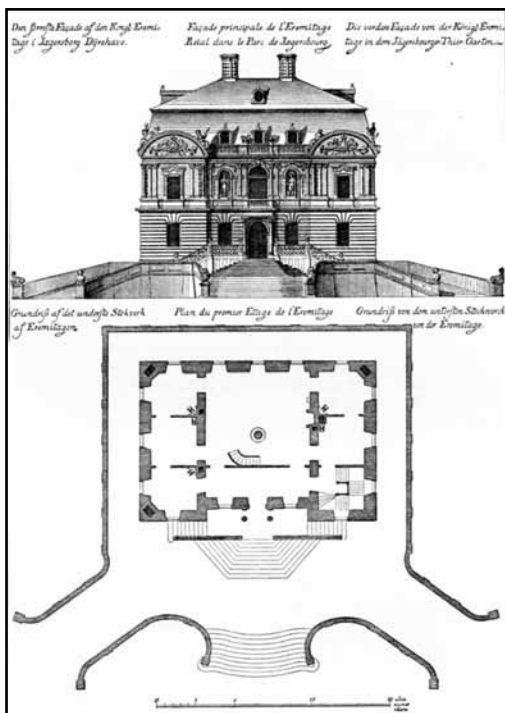
Традиционно считается, что строительство первого русского эрмитажа связано с впечатлением Петра от посещения загородных дворцов французской короны — Версаля и Марли. Эта идея выглядит столь логически безупречной², что, несмотря на отсутствие очевидных прототипов, признанный эклектизм художественных пристрастий Петра I и главное, явную несхожесть русских «эрмитажей» с их французскими тезками, родословную петергофского павильона чаще всего возводят к наиболее влиятельной для европейской дворцовой архитектуры барокко французской иконографии.

В данной статье я хотела бы предложить совершенно иное направление для поисков архитектурного образца петергофского эрмитажа. Ведь вполне вероятно, что его следы можно обнаружить не на Западе Европы, а на Севере, на тех маршрутах, которыми двигался русский монарх в ходе реализации грандиозной внешнеполитической программы по расширению территорий страны на Балтике.

Рискну предположить, что таким источником для петровской идеи эрмитажа стало одноимённое охотничье шале датского короля Фредерика IV, расположенное в «Оленьем парке» (Dyrehaven) в местечке Йегерсборг на севере Копенгагена. Пётр, находившийся в датской столице с небольшими отлучками с 5 июля до 16 октября 1716 г., имел случай не раз посетить его. И хотя целью визита русского царя была организация военного десанта в Скании, который должен был принудить Карла XII к быстрому заключению мира и стать поворотным пунктом в Северной войне, за три с лишним месяца, проведённые в Копенгагене, Пётр, по своему обыкновению, не упускал случая, чтобы осмотреть интересовавшие его достопримечательности, как вещи полезные в собственном хозяйстве,

Голос минувшего, 1913. № 9. С. 169–172. (Полный текст воспоминаний см., напр.: *Bernoulli J. Reisen nach Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen in den Jahren 1777 und 1778. Bd. 1–6. Leipzig, 1779–1780; Mémoires de Frédérique Sophie Wilhelmine, Margrave de Bayreuth, soeur de Frédéric le Grand, depuis L'année 1709 jusqu'a 1742, écrit de sa main. Mercure de France, Paris. 1967.*

² К строительству Марли и Эрмитажа — двух последних, возведённых при жизни Петра павильонов Нижнего сада Петергофа, приступили по царскому указу вскоре после возвращения Петра из второго европейского турне, во время которого русский монарх несколько дней посвятил подробному знакомству с резиденциями французского короля — Версалем и Марли. Поэтому большинство серьёзных исследователей связывает строительство петергофского Эрмитажа с французским влиянием. См.: *Знаменов В. В., Тенихина В. М. Эрмитаж. Павильон-музей XVIII века в Нижнем парке Петродворца. Л., 1973. С. 10; Дубяго Т. Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. С. 141; Skodock C. Barock in Russland. Zum oeuvre des Hofarchitekten Francesco Bartolomeo Rastrelli. Wiesbaden, 2006. S. 105–106.*

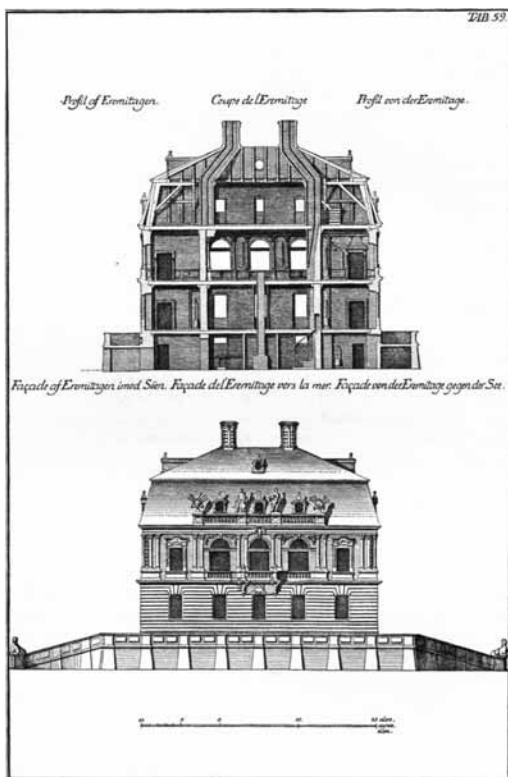


Лауриц де Тура. План первого этажа и главный фасад нового эрмитажа в Йегерсборге. 1734. Гравюра из кн.: Den Danske Vitruvius. Vol. II. København. 1749.

так и «курьезитеты» — крепостные укрепления и валы, университетскую библиотеку, корабельные верфи, дом умалишённых и многое другое.

По свидетельству Иоанна Шелкунова, священника датской православной церкви, составившего на основании изученного им внушительного архивного материала подробный дневник пребывания Петра в Копенгагене, король Фредерик, желая развлечь своего русского гостя, неоднократно приглашал царя на охоту. Поначалу обстоятельства препятствовали реализации этой затеи: так, «19 июля предложена была охота, но была отменена по случаю траура царя» (накануне ему пришло известие о смерти любимой сестры Натальи Алексеевны)³, «25 июля король пригласил царя на охоту, но по слу-

³ Шелкунов И. Житьё-Бытьё Петра Великого в Дании (дневник) // Русская старина. 1915. № 3. С. 489. (даты приводятся по старому стилю).



Лауриц де Тура. Разрез и обращённый к морю (так написано в подписи в книге) фасад нового Эрмижа в Йегерсборге. 1734. Гравюра из кн.: Den Danske Vitruvius. Vol. II. København. 1749.

чаю дождя и бури охота не состоялась»⁴. И лишь 23 августа, наконец, «все отправились на охоту в Егерсборгский парк. Пётр одним ударом отрубил голову оленю, и перерубил спину другому, наконец, третьего застрелил из пистолета. Обед был устроен в павильоне Эрмижа. К вечеру все вернулись в столицу»⁵. В следующий раз «Пётр опять выехал на охоту» в «сопровождении одного коро-

⁴ Там же. № 4 С. 5.

⁵ Там же. С. 7. Примечательно, что эти же сведения приводит, ссылаясь на датские источники, и Баудиц, сообщая дополнительно, что на обед было подано блюдо, приготовленное из царских охотничьих трофеев. (*Bauditz O. Jagtslottet Eremitagen i Aegersborg Dyrehave 1736–1936. København, 1936. P. 15*).



Вид нового Эрмитажа
под Копенгагеном.
Раскрашенная фотография.
Конец XIX века.

ля» 27 августа⁶ и, наконец, в последний раз Пётр с Фредериком побывали на охоте и в Эрмитаже 5 сентября⁷.

Что же представлял собой королевский Эрмитаж ко времени визита русского государя? К сожалению, об архитектуре этого дворца сегодня мало что известно, и сведения, приводимые в датских источниках, довольно скудны. Прежде всего, не сохранились ка-

кие-либо изобразительные материалы, позволяющие представить планировку или внешний облик королевского шале до 1734 г., когда здание было кардинально перестроено⁸. Тем не менее, восстановить историю строительства Эрмитажа и некоторые детали его архитектурного решения по дошедшим до нас вербальным источникам вполне возможно.

Это был небольшой двухэтажный фахверковый павильон-бельведер, построенный в 1694 г. по заказу отца Фредерика IV короля Кристиана V придворным архитектором Хансом ван Стенвинкелем (1639–1700). Расположенный на холме в центре охотничьих угодий, он получил сразу два имени — французское «Эрмитаж» (Eremitagen) и датское «дом Хубертуса» (Hubertushuset). Разумеется, оба эти названия были даны неспроста. Святой Хуберт, или Хубертус (Сен-Юбер) считался покровителем охотников, оптиков и механиков, и его небесный патронат должен был как нельзя лучше способствовать успешной реализации охотничьей функции усадьбы, к тому же

⁶ Шелкунов И. Указ. соч. № 4. С. 9.

⁷ Там же.

⁸ К сожалению, несмотря на приводимые словарём Тимме и Беккера данные о том, что в копенгагенской Королевской библиотеке хранится чертёж Ханса Стенвинкеля, предположительно связанный со строительством Эрмитажа, на сегодняшний момент этот лист в коллекции библиотеки не определяется. (Steenwinckel Hans van. [Thieme / Becker / Vollmer]. Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Band 31. E. A. Seemann, Leipzig, 1937). Более того, автор единственной изданной в 1936 г. монографии, посвящённой истории датского эрмитажа, Уве Баудиц пишет, что изображения первоначального Эрмитажа не сохранились. (Bauditz O. Op. cit. P. 10).

устроенной по последнему слову техники, как своего рода механический кунштюк.

Французское имя «Эрмитаж» со своей стороны свидетельствовало об отшельнической функции павильона, задуманного как частное королевское «убежище», и служило несомненной отсылкой к королевской резиденции Людовика XIV Марли ле Руа, пребывание в которой подчинялось строжайшим правилам и позволяло высочайшей особе уединиться с избранным кругом приглашённых и на краткое время сбросить с себя бремя государевых обязанностей и придворного церемониала.

Знаменитая метафора Людовика XIV, назвавшего свой уединённый дворец в Марли ле Руа, спроектированный Ж. А. Мансаром, «*mon ermitage*», широко разошлась по свету ещё до того момента, как герцог Сен-Симон увековечил его в своих «мемуарах». И хотя король дал своему дворцу в Марли имя «Эрмитаж» по образцу белого дома в парке Гайон (*Gaillon*) в верхней Нормандии, для европейских дворов конца XVII – начала XVIII столетия, вдохновенно nasledовавших новую идею частной королевской резиденции, слова «марли» и «эрмитаж» стали восприниматься если не как синонимы, то уж во всяком случае как явления одного порядка.

Заказчик же датского Эрмижа Кристиан V провёл несколько лет юности при дворе Людовика XIV и даже застал начало строительства Версаля. Поэтому, воцарившись и освоившись на отеческом престоле, Кристиан вознамерился создать собственную по-датски скромную виллу в соответствии с последней новейшей программой резиденции короля-солнца. Как водится, в таких случаях, он выписал набор увражей чаемого образца и заодно пригласил на службу человека, непосредственно причастного к строительству Марли. Однако в силу экономических обстоятельств таким человеком оказался не архитектор, а учёный — физик, астроном и механик Оле Рёмер, вернувшийся в Данию из Парижа в 1681 г. и с тех пор занимавший пост профессора копенгагенского университета⁹.

За девять лет, проведённых во Франции, Рёмер успел прославиться не только как выдающийся астроном и учитель дофина, но и как талантливый механик. Он изобрёл несколько важнейших астрономических инструментов: полуденную трубу, меридианный круг, эк-

⁹ Рёмер уехал в Париж в 1672 г. в качестве помощника французского астронома Жана Пикара и работал в Парижской Обсерватории. Важнейшей из научных работ Рёмера во Франции было определение скорости света, основанное на ряде наблюдений, произведённых над затмениями спутника Юпитера Ио. Вернувшись на родину, он получил пост профессора астрономии и математики Копенгагенского университета. Архив Рёмера сгорел во время большого пожара в Копенгагене в 1728 г.

ваториал с часовым кругом и дугой склонений, а главное, был привлечён Людовиком к созданию системы водоснабжения, фонтанной сети и механических затей для своего камерного дворца в Марли. И хотя после отъезда Рёмера в Данию большинство его марлинских проектов так и остались на бумаге, домой учёный вернулся с полным портфелем идей и технических расчётов, вдохновлённых строительством королевского замка.

Один из этих проектов, по всей вероятности, и воплотился в особый подъёмный механизм, который должен был довести до своего логического апофеоза главную символическую функцию Эрмитажа-Марли как «убежища» для уединённого времяпровождения короля в кругу друзей, в обращении с которыми можно было не придерживаться придворного этикета. Им стал созданный специально для королевского Эрмитажа механический стол, помещённый в обеденном зале на втором этаже павильона. Центральная «общая» часть стола опускалась на блоках и канатах через открывающийся в полу проём на первый этаж в расположенную под столовой кухню, а затем так же плавно возвращалась вверх с уже сервированным обедом, позволяя гостям Кристиана V наслаждаться кушаньями и предаваться застольным беседам без видимого присутствия слуг¹⁰. Благодаря спроекти-

¹⁰ Считается, что первый механический подъёмный стол был использован в 1600 г. во Флоренции во время придворных торжеств по случаю бракосочетания французского короля Генриха IV с Марией Медичи, племянницей правящего герцога Фердинанда. Но в дальнейшем подобный обеденный стол и связанные с ним традиции, по-видимому, прижились в Дании и пришли в Европу через Саксонию, благодаря браку Иоганна-Георга III с Анной Софией, сестрой Кристиана V Датского. Их сын курфюрст Саксонии Август Сильный установил такие столы в своих королевских дворцах в Дрездене и Варшаве и заказал ещё один для резиденции в Пильнице, но в итоге механизм этого стола так и не был установлен из-за высокого уровня грунтовых вод вблизи Эльбы, на берегу которой стоял дворец. Придворный архитектор Августа II К. Ф. Пёппельман лично привёз подаренный его королём правителю Пруссии механический стол в Берлин в 1728 г., где он был установлен в городском замке (о чём сохранились воспоминания Вильгельмины). Второй такой стол Пёппельман отвёз в 1742 г. в Париж в подарок от своего короля для Людовика XV. Кроме того, две модели такого рода столов были отправлены из Дрездена в 1732 г. в Веймар. (Подробнее об этом см.: *Maureen Cassidy-Geiger*. Meissen porcelain for Sophie Dorothea of Prussia and the exchange of visits between the kings of Poland and Prussia in 1728 / *Essays in honor of Clare Le Corbeiller* // *Metropolitan Museum journal*. 2002. # 37. P. 150, n. P. 165–166; *Bencard M.* Notes on the Table in the ate 17th and Early 18th Century Denmark / *Rosenborg Studier*. Copenhagen, 2000. P. 228–256, n. P. 271–275; *Haase G.* Dresdner Möbel. Leipzig, 1983. P. 47, 230, n. P. 90; *Haase G.* The Eighteenth-Century Interior Decorations of the Pillnitz Wasser- and Bergpalais / *Furniture History Society Journal*. 1985, #21. P. 95; *Grimm U.* Die Wohnungen Friedrich Wilhelms I / *Der Soldaten König als Maler*. Sanssouci, 1990. P. 24).

рованному Рёмером подъёмному лифту, работавшему на ручной тяге за счёт расположенных в кухне лебёдок и сложной системы гирь и противовесов, блюда в столовую могли подаваться несколько раз в течение одной трапезы, не доставляя ни малейшего неудобства приглашённым.

В столовой датского Эрмиажа было 12 кресел, обитых красным бархатом (для королевских особ) и кожей для остальных гостей, и 4 больших зеркала. Обеденный зал имел большие — в рост — окна, позволявшие трапезничающим гостям короля, не поднимаясь от стола наблюдать за приближением дичи. По соседству со столовой располагался личный кабинет для отдыха короля с красным бархатным диваном. Попастъ в него, как и в столовую, можно было из небольшого вестибюля, который украшали пять живописных панно на сюжеты метаморфоз Овидия — три в овальных и два в квадратных чёрных рамах. В нижнем этаже под столовой размещалась кухня, а также конюшня на 20 лошадей. О внешней отделке Эрмиажа практически ничего не известно за исключением того, что павильон украшали аллегорические фигуры времён года. В таком виде Эрмиаж просуществовал до 1734 г., когда, несмотря на проделанный за три года до этого капитальный ремонт, состояние шале нашли безнадёжным. Тогда молодой король Кристиан VI приказал снести его и построить немного севернее прежнего новый павильон, сохранив при этом подъёмную машину, имя и само предназначение дворца. Разработку проекта нового Эрмиажа поручили королевскому архитектору Лаурицу де Туру (Lauritz de Thurah), который и стал автором построенного в 1734—1736 гг. представительного четырёхэтажного барочного дворца, до сих пор существующего в Оленьем парке. Сейчас сложно судить, насколько новый проект наследовал иконографии первого шале. Известно лишь, что в новый дворец попали две из четырёх аллегорических скульптур времён года, некогда украшавших фасады старого Эрмиажа. Это были фигуры лета и зимы, которые по традиции установили на балюстраде восточного фасада нового павильона.

В отличие от нового, первый скромный охотничий Эрмиаж, предназначенный не для проживания, а лишь кратковременного отдыха гостей, тем не менее был вполне способен воплотить все самые главные тенденции дворцовых программ барокко — стремление к приватности, демонстрацию механических кунштюков и любовь к театральным эффектам. Участие в королевской охоте, а затем в банкете по случаю её удачного завершения было уделом лишь нескольких избранных. Более того, удовольствие от лестного августейшего приглашения войти в этот круг должно было неизменно

подкрепляться добычей достойных трофеев. Поэтому охота была устроена таким образом, чтобы доставить максимальное наслаждение участникам. Задолго перед началом охоты загонщики со сворам собак охватывали кольцом лес вокруг Эрмитажа и гнали всех попавших в окружение оленей по специально проложенным дорожкам парка, сходящимся к центру. В итоге на открытую поляну перед Эрмитажем выбегало целое стадо животных, и поджидавшим их охотникам оставалось лишь подстрелить мчащуюся на них во весь опор добычу¹¹.

Датские источники, скрупулезно фиксировавшие передвижения Петра I, отмечают, что Фредерик прикладывал все усилия, чтобы развлечь «своего странного и неловкого гостя». Но королевские приёмы, комедии и оперы, специально дававшиеся в честь русского царя и его супруги, казалось, мало «забавляли их». И только охота в Эрмитаже в Ейгерсборге, по свидетельству датчан, могла отвлечь Петра от его интереса к государственным учреждениям, верфям и астрономической лаборатории¹².

На самом деле Пётр, как известно, охоты не любил, но стрельба с места по устремляющейся навстречу дичи, видимо, прельщала его всё же больше предложенной несколькими месяцами позже во Франции конной охоты. Можно также предположить, что привлекала в Эрмитаже царя не столько охота, сколько механический кунштюк Оле Рёмера. Во всяком случае, находясь в Копенгагене, Пётр четы-

¹¹ Благодаря такому «беспроегрышному» принципу охоты, 19 октября 1698 г. произошёл трагический случай, ставший причиной смерти короля Кристиана V. В этот день король вместе со своим сводным братом Ульриком и двумя сыновьями отправился на охоту в Олений парк. Пока собаки гнали оленей, королевская семья расположилась отдохнуть в Эрмитаже. Однако как только послышался приближающийся лай, бывший страстным охотником, датский монарх первым выскочил, чтобы встретить бегущего навстречу оленя. Король выстрелил, но промахнулся, и зверь нанёс ему тяжёлый удар, от которого Кристиан V так и не оправился и после продолжительной болезни скончался 25 августа 1699 г. (*Bauditz O. Ibid. P. 10-11*).

¹² Пётр I был с помпой принят датским королём. При этом Фредерик IV был весьма озабочен формальностями и ритуалами и еще в 1715 г. запланировал церемонию приёма русского царя в случае, если тот решит нанести визит в Данию. Пётр же прибыл в Данию не для парадных встреч и приёмов, а для быстрейшего приготовления к десанту в Сканию. «В противоположность царю Фредерик IV был ленив и питал почти обломовскую любовь к лежанию в постели. Король редко бывал готов к переговорам ранее конца дня, что день ото дня вызывало всё большее раздражение русского монарха. Напряжённая обстановка привела к неприятным эпизодам, описанным польским посланником бароном Лоосом с журналистским любопытством» (Сб. РИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 61–64.).

режды навещал обсерваторию Рёмера¹³, чтобы осмотреть инструменты и проекты недавно умершего великого мужа и побеседовать с её служителями.

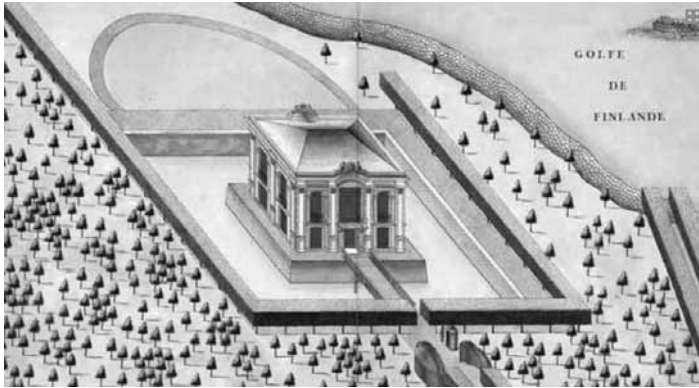
Надо сказать, что к моменту знакомства с эрмитажным «столом-машиной» (*taffelmaskine*), или «столом желаний», «самобранкой» (*tischlein-deck-Dich*), как называли это устройство современники, Пётр был довольно хорошо осведомлён о последних новинках в области прикладной механики. Он уже давно не упускал случая позаботиться о приобретении последних разработок в этой сфере. В частности, приглашая в 1713 г. на службу архитектора Андреаса Шлютера, царь поручил ему не только проект Монплезира, но и создание вечного двигателя¹⁴. Проработав год, Шлютер скончался, но поиски вечного двигателя продолжились. Сохранилась оживлённая переписка, которую Пётр I вёл в 1715–1722-х гг. по поводу приобретения вечного двигателя в Пруссии, придуманного неким доктором Орфиреусом¹⁵. «Вечный двигатель» в результате так и не купили, но государева страсть к механическим затеям постоянно требовала выхода¹⁶. Возможность создания различных самодвижущихся автоматов царь не раз обсуждал с А. Нартовым, а незадолго до прибытия в Копенгаген в июне 1716 г. в Пирмонте и Херренхау-

¹³ В том числе сохранилась легенда, что во время одного из своих визитов на 36-метровую башню обсерватории Пётр I проскакал до самого верха на коне по спиральному подъёму длиной 209 м в сопровождении кареты с царицей Екатериной.

¹⁴ Брюс П. Г. Из «Мемуаров...» // *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 177–178.

¹⁵ Изобретатель, прославившийся на всю Германию своим «самодвижущимся колесом», соглашался продать русскому царю эту машину лишь за огромную сумму. И. Д. Шумахер, посланный Петром в Европу для собирания редкостей, доносил царю о притязаниях Орфиреуса, с которым он вёл переговоры о покупке: «Последняя речь изобретателя была: на одной стороне положите 100 000 ефимков, а на другой я положу машину» (ефимок (*joachimsthaler*) — около рубля). О самой же машине изобретатель, по словам библиотекаря, говорил, что она «верна есть, и никто же оную похулить может, разве из злонравия, и весь свет наполнен злыми людьми, которым верить весьма невозможно». (*Бродянский В. М.* Вечный двигатель — прежде и теперь. От утопии — к науке, от науки — к утопии. М., 2001. С. 13–15.

¹⁶ В частности, благодаря материальной поддержке Петра I в 1724–1726 гг. увидели свет первые семь томов обстоятельного «Театра машин» Якоба Лейпольда. В этой работе саксонский механик и математик высказал свои соображения относительно общей теории машин, а также привёл сведения обо всех существовавших тогда механизмах и сделал попытку произвести анализ их действия. Дополненный уже после смерти русского государя ещё двумя томами труд Лейпольда сохранял свою ценность вплоть до начала XIX в.



Эрмитаж в Нижнем парке Петергофа.
Чертёж П.-А. де Сент-Илера. 1775.

зене состоялись последние свидания Петра с Г. В. Лейбницем. Здесь они общались в течение недели. Известно, что речь во время этой встречи шла в основном о «механических искусствах»¹⁷, а поскольку Лейбниц проектировал для Херренхаузена гидравлическую систему фонтанов, то вероятно царь советовался с ним по поводу устройства водной системы своих строящихся резиденций.

Можно предположить, что визит в королевский охотничий парк Йегерсборг не прошёл для Петра даром, и идея завести собственный Эрмитаж завладела Петром ещё до его знакомства с французским Марли. Строительство же Эрмитажа началось только в 1721 г., когда мирные переговоры со Швецией подходили к концу. И хотя до окончания отделки своего детища император так и не дожил (строительство было полностью завершено лишь в 1725), дотошное следование петровским указаниям в постройке архитектора Иоганна Браунштейна очевидно.

Эрмитаж был возведён на самом краю берега и защищён от морских волн крупными гранитными валунами. Он представлял собой прямоугольное в плане двухэтажное здание, покоящееся на массивном кирпичном подиуме, весь верхний этаж которого занимал зал для приёмов. Павильон окружили глубоким и широким рвом — «каналом», идея которого пришла Петру в голову уже во время строительства¹⁸. Стенки канала, наполняемого водой из Марлинского

¹⁷ Горбатенко С. Б. Архитектура Стрельны. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 53.

¹⁸ Возможно, идея превратить свой обеденный павильон в окружённый водой остров была навеяна Петру воспоминаниями о ещё одной «дипломатической» охоте, состоявшейся 20 мая 1718 г. во время посещения царём дворцового комплекса в Фонтенбло. Сама конная охота на оленя государю не понравилась

пруда, были выложены из кирпича, а края «окладены дерном (...) скосом». Чтобы попасть на остров, в первой половине XVIII в. во время «высочайших присутствий» от южной двери павильона опускался механический подъёмный мост (идею которого Пётр, возможно, подсмотрел в Париже, где, по свидетельству, Сен-Симона «очень долго и внимательно рассматривал» строительство



Механизм подъёмного стола в петергофском Эрмитаже. Современное фото.

разводного моста в Тюильрийском саду)¹⁹. Вообще механическое оснащение петергофского Эрмитажа было задумано куда более изощрённым, чем у его датского тезки. По желанию царя в павильоне установили целых три подъёмных устройства: мост, по которому гости подходили к дворцу, подъёмное кресло на две персоны, доставлявшее гостей на второй этаж прямо к трапезе, и собственно стол.

Наследующий идее Рёмера большой овальный стол имел собственный механизм, созданный мастером Мишелем. Он был рассчитан на 14 персон и состоял из двух частей — неподвижной облицованной орехом основы и подвижной центральной части, которая приводилась в действие с помощью ручной тяги. В отверстие, проделанное в полу столовой, можно было опустить и поднять на канатах оклеенную зелёным сукном среднюю часть стола, уставленную основными кушаньями и напитками. Отдельные блюда подавались снизу на специальных «исподних» (нижних) деревянных тарелках, окованных по краю оловом. Эти тарелки двигались на подставках-стержнях в специальных трубах. Сигнал к смене кушаний и посуды давался колокольчиками, каждый из гостей мог заказать себе блю-

(не имея привычки и пристрастия к такого рода развлечениям, Пётр чуть не упал с лошади), но обед, устроенный для царя по её окончании «один на один со своею свитою на острове в пруде на фонтанном дворе», произвёл на Петра благоприятное впечатление. (Из записок герцога де Сен-Симона // Пётр Великий: Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. Париж; Москва; Нью-Йорк, 1993. С. 148).

¹⁹ О пребывании Петра Великого в Париже в 1717 году: Из записок герцога де Сен-Симона // Пётр Великий: Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. Париж; Москва; Нью-Йорк, 1993. С. 148.

до, положив на нижнюю тарелку записку и потянув за колечко, привязанное к верёвке, протянутой к колокольчику, находящемуся в буфетной. Так что достаточно было дёрнуть за кольцо, и стоявшая перед ним подставка, укреплённая на стержне, опускалась служителем по железной трубе вниз, лакей, в соответствии с заказом, ставил новое блюдо и тем же способом поднимал подставку наверх²⁰.

Таким же кунштюком, как и стол, было подъёмное кресло, обитое зелёным сукном и белым шёлковым галуном. При помощи этого «кресла» все четырнадцать гостей по очереди поднимались на второй этаж, усаживаясь по двое на диванчик, установленный на квадратном деревянном щите, и по сигналу колокольчика поднимались при помощи блока по направляющему брусу, вмонтированному в стену, поскольку до конца столетия никакого иного пути в верхние покои не существовало²¹.

В первом этаже эрмитажа, высланном мраморными плитами, находится вестибюль с двумя «чуланцами», отделёнными дверьми с резным декором, кухня с очагом и буфетная — среднее помещение, где был установлен механизм подъёмного стола. Второй этаж занимал обеденный зал площадью 80 кв. м, стены которого по периметру были прорезаны огромными оконными проёмами от плинтуса до карниза, заливавшими столовую светом и открывавшими виды на морскую гладь и аллеи парка.

Строительство и отделка этого небольшого павильона потребовали больших трудов, поскольку уже в ходе работы Пётр постоянно вносил всякого рода дополнения и изменения. Однако это не значит, что замысел будущего павильона складывался у императора лишь в процессе строительства. Скорее наоборот, заменяя детали и

²⁰ Стол с механизмом был уничтожен во время Второй мировой войны, но в перекрытии между первым и вторым этажами сохранилась его дубовая основа. Долгое время воссоздать подъёмный стол не представлялось возможным из-за отсутствия чертежей — лишь в 2007 г., когда в архиве автора проекта восстановления Большого петергофского дворца Е. Казанской были обнаружены фотографии, датированные 1920-е–1930-е гг., началась его реставрация. Не всё было просто и с подгонкой грузов, выступающих основными стопорами (каждый весит по 50 кг и опускается вниз по одному из двух особых каналов). В итоге подъёмный стол был оборудован современными механизмами, но выглядит сегодня так же, как и в XVIII в., для чего был сохранён принцип приведения механизмов в движение при помощи ручной тяги.

²¹ Только в 1797 г., из-за того, что Павел I с семьёй не смог покинуть Эрмитаж, так как подъёмное кресло сломалось (лопнул подъёмный трос) и застрявшим на втором этаже августейшим особам пришлось выбираться из павильона через балкон по приставной лестнице, подъёмный механизм ликвидировали и построили небольшую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж (*Знаменов В. В., Тенихина В. М.* Указ. соч. С. 12).

внося новые акценты, он лишь оттачивал свой первоначальный план. Так, по указу Петра павильон в Петергофе украсили отлитыми из алебастра четырьмя декоративными фигурами — аллегориями времён года, установленными по сторонам фронтонов, как и в йегерсборгском Эрмитаже²². Желая подчеркнуть связь павильона с самым славным эпизодом датского десанта Северной войны, 8 января 1724 года Пётр отдал особое распоряжение «в Питергофе... к Армидажи сделать два балкона дубовые, как на корабле “Ингерманландия”, у окон железные решетки чистою работою»²³ точно такого рисунка, какой был на корабле. Для этого мастер Жан Мишель должен был зарисовать решётки, находившиеся на флагмане Балтийского флота. Этот, казалось бы, малозаметный эпизод строительства Эрмитажа, говорит о том значении, которое Пётр придавал единственному моменту своего триумфа во время довольно бесславной из-за нерешительности союзников операции. Именно на борту «Ингерманландии» русский царь 5 августа 1716 г. вышел из Дании во главе огромной эскадры из 60 военных и более 400 торговых кораблей объединённого русско-датско-англо-голландского флота. Под русским царским штандартом крупнейшая европейская флотилия двинулась к острову Борнхольм, чтобы нанести решающий удар по шведским силам и перенести театр военных действий с Балтики на территорию самой Швеции²⁴.

Готовившаяся несколько месяцев операция ничем не закончилась²⁵, но Пётр не мог забыть этот миг европейского признания своего полководческого таланта и славы России. Таким образом,

²² По указанию Петра в Эрмитаже появились и первые живописные произведения. Это были несколько картин, об авторстве и сюжетах которых мы ничего не знаем и потому не можем судить о том, наследовало ли художественное оформление русского эрмитажа «овидиевой» программе эрмитажа егерсборгского. О внутренней отделке зала (до того, как Ф. Б. Растрелли украсил его в 1759 г. шпалерной развеской картин голландских и фламандских мастеров XVII—XVIII вв.), известно лишь, что там присутствовали дубовые панели и аллегорическая живопись в простенках.

²³ Знаменов В. В., Тенихина В. М. Указ. соч. С. 7.

²⁴ Шведская флотилия в это время состояла только из 14–16 линейных кораблей. (Подробнее см.: Баггер Х. Пётр I в Дании в 1716 году // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 194).

²⁵ После того как отплыли английские, затем русские и голландские корабли, выяснилось, что датский военный флот так и не снялся с якоря, и Пётр вынужден был встать южнее Амагера и послать гонца в Копенгаген за разъяснениями: «Тогда был у Его Величества (Фредерика IV. — А. К.) вице-адмирал Юдихер, которому от Е.В. с подтверждением говорено о транспортных судах к Копенгагену, и оный уверил, что в 24 часа пойдут к Ростоку» (Цит по: Баггер Х. Указ. соч. С. 196.) Это обещание выполнено не было и 17 августа



Эрмитаж в Петергофе.
Современное фото.

ники, был не просто навеян воспоминаниями о без малого двухлетнем путешествии «царской делегации» по Северной и Центральной Европе, но задумывался как своего рода мнемонический образ места, где состоялось одно из наиболее значимых для престижа России событий, и самой Дании как государства, союзу с которым русский государь был во многом обязан своей победой. По всей вероятности, Пётр вынашивал план создания Эрмитажа с момента своего возвращения, но решился приступить к его реализации только, когда исход Северной войны был предрешён и воспоминания о встречах с монархами европейских держав окрасились в тона ретроспективного дружественного союза. Военные заботы отступили на второй план, и принявший титул императора русский царь смог посвятить время и силы достойному его нового статуса преобразованию парадной резиденции.

английские, голландские и российские корабли вынуждены были стоять на якоре и ожидать прибытия датских военных судов. Более того, де факто командующий английской эскадрой адмирал Норрис категорически отказался ставить английский флот под иностранное командование, хотя по согласию русской и датской сторон главнокомандующим эскадрой был назначен царь Пётр. В результате уже в начале 20-х чисел августа 1716 г. стало понятно, что из-за разногласий в вопросе об использовании возможностей для уничтожения или нанесения урона шведскому флоту, единственным итогом этой грандиозной морской операции стала защита передислокации русских войск из Северной Германии в Данию. Но из-за колебаний Дании не состоялась и эта крупномасштабная десантная атака войск коалиции в направлении Сконе и Стокгольма, которая могла бы одним ударом завершить войну.

стоящий на берегу Балтийского моря Эрмитаж должен был стать своего рода воспоминанием о визите царя в Данию и одновременно символом морского могущества России.

Рискнём предположить, что уединённый банкетный павильон, оснащённый по последнему слову тех-

Пётр Егорович Сорокин
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник, заместитель директора
НИИ культурного и природного наследия*

Крепостные сооружения в устье Невы в 1611–1717 годах. От Ниеншанца к Санкт-Петербургу

Первой крепостью в устье Невы в новое время становится шведский Ниеншанц (1611–1703), построенный на месте средневековой шведской крепости Ландскрона в устье реки Охты, в 12 км от Балтики. После его взятия русскими войсками в 1703 г. он был переименован Петром I в Шлотбург. Здесь же военный совет принял решение выбрать новое место для крепости, поскольку «Он (Шлотбург. — П. С.) мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от природы»¹. Места расположения укреплений на Неве в XVII — начале XVIII в. выбирались в зависимости от ставившихся оборонительных задач. Ниеншанц — Шлотбург, бывший замком для русских, запиравшим вход в Неву с моря, не был им для шведов, для которых эту роль выполнял скорее Нотеборг — Шлиссельбург, закрывавший подходы к Неве и Карельскому перешейку с востока. Ниеншанц контролировал выход в Балтику и переправу в Карелию у устья реки.

Ниеншанц 1611–1703 гг. Укрепления Ниеншанца, основанного в 1611 г., развивались и перестраивались на протяжении всего XVII в. На первом этапе в их основу были положены проекты лифляндского инженера Георга Швенгеля и голландского инженера Фон Ро-

¹ Журнал или поденная записка Петра Великого. Ч. I. СПб., 1770. С. 69.

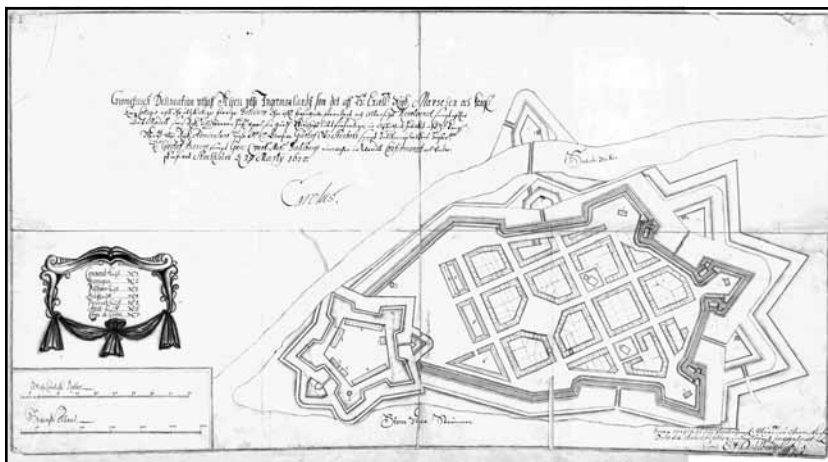
денбурга, разрабатывавшиеся в середине 1630-х — 1640-х гг. Осуществлением их занимался Генрих Фон Зойленберг². Судя по сохранившимся планам, крепостные сооружения, создававшиеся на Охтинском мысу в первой половине — середине XVII в., носят отчётливые черты старо-голландской фортификационной системы, широко распространённой в этот период в Северной Европе. Они характеризуются удлинёнными фасадами бастионов с острыми исходящими углами и небольшими фланками, расположенными перпендикулярно коротким куртинам крепости. В их составе помимо бастионов были рavelины, а для усиления оборонительных линий, судя по археологическим данным, использовались фоссербреи (дополнительный пониженный вал, находящийся между рвом и главным крепостным валом. — П. С.).

Город Ниен с крепостью Ниеншанц были разрушены русскими войсками во время войны в 1656 г. При их восстановлении в 1658—1666 гг. помимо новой цитадели на мысу в форме пятиконечной звезды были выстроены и бастионные укрепления вокруг городской застройки.

Планы строительства новых укреплений на мысу между Невой и Охтой разрабатывались лифляндскими инженерами братьями Иоганом и Якобом Шталь фон Гольштейн в 1665—1670-х гг. под контролем королевской фортификационной службы. На проектных чертежах этого времени, фортификационные сооружения по-прежнему сохраняют черты голландской системы. Начиная с 1670-х гг. планировался перенос под защиту новых укреплений всей городской застройки Ниена с правого берега Охты. Однако осуществление этих планов возлагалось на самих горожан, которые должны были построить новые дома в пределах распланированных участков на мало приспособленной для этого территории. Но уже в конце XVII в. вставал вопрос и о возможности переноса шведской крепости в низовьях Невы ближе к морю.

В проектировании Ниеншанца участвовал известный шведский фортификатор генерал-квартирмейстер Эрик Дальберг, составивший планы крепости в 1675 и 1681 гг. (*илл. 1*). Дальберг изучал фортификацию в Германии, посещал Францию, Голландию и Италию. Будучи руководителем фортификационного ведомства Швеции при Карле XI и Карле XII (до 1703), он составил планы многих укреплений городов Шведского королевства, в большинстве из ко-

² *Bonsdorff C.* Nyen och Nyenskans. Helsingfors, 1891. S. 5–10; *Ланно-Данилевский А. С.* Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб., 1913. № 3; *Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 37–45.

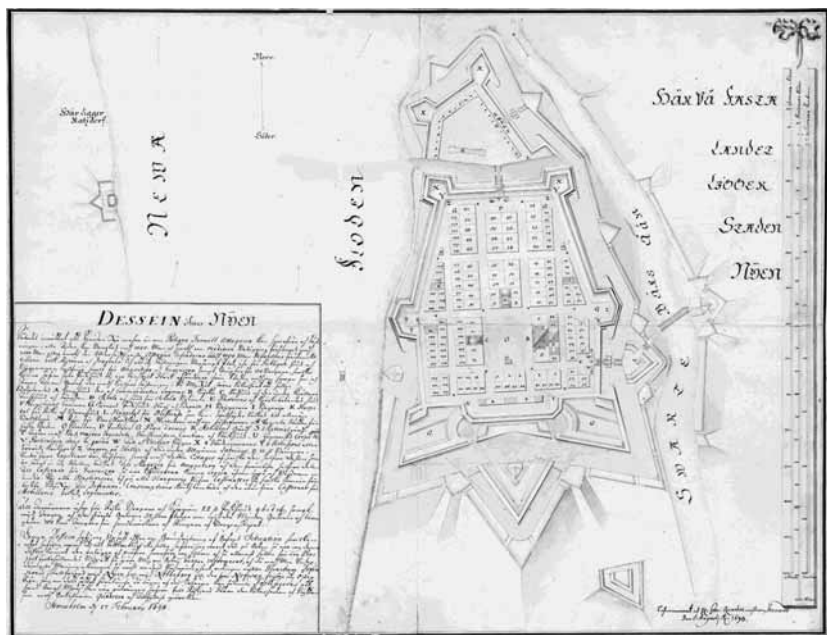


Илл. 1. План крепости Ниеншанц, Эрик Дальберг, 1675.
Военный архив, Стокгольм.

торых под его надзором проводились работы по улучшению оборонительных сооружений. Среди них: Рига, Ревель, Дерпт, Пернау, Нарва, Кексгольм, Нотеборг. Первоначально он отдавал предпочтение нидерландской, а затем французской школе, но, как и его современник Себастьян ле Престре де Вобан, главный военный инженер Франции при Людовике XIV, он не придерживался какой-то определённой системы укреплений, приспособливая свои планы к местным условиям. Эрик Дальберг неоднократно подчёркивал перед властями важность укрепления Ниеншанца, расположенного в стратегическом месте³.

Последователь Дальберга, Карл Магнус Стюарт, учитель Карла XII по фортификации, предложил в 1698 г. полностью перестроить Ниеншанц, отказавшись от маленькой пяти-бастионной цитадели и отодвинув основные укрепления от узкой оконечности мыса южнее — на более широкую площадку. Он спроектировал новую шести-бастионную крепость с симметричным построением укреплений и регулярной планировкой городских кварталов (илл. 2). Южная наиболее мощная линия с двумя бастионами была отделена от куртины. Перед ней располагалась теналь и вынесенный вперёд мощный редут с отделённым контргардом. Перед гласисом планировался прикрытый ход с орудийными площадками. Воротный равелин крепости, выходящий к Охте, был связан с её правым берегом мостом, прикрытым редутом. По правому берегу реки вдоль

³ Nordisk Familjebok. Vol. 5. Stockholm, 1906. S. 1090–1905.



Илл. 2. План крепости Ниеншанц, Карл Магнус Стюарт, 1698.
Военный архив, Стокгольм.

всей крепости должна была располагаться оборонительная линия с редутами. Северную часть старой цитадели Ниеншанца предполагалось сохранить в виде гонверка с 2 бастионами и рavelинами, выходящими к Неве и Охте. В проекте К. М. Стюарта уже прослеживается влияние французской фортификационной школы. Планы Ниена 1670–1690-х гг. предусматривали внутри крепости регулярную планировку городских кварталов с гармоничным размещением военных, общественных и церковных построек, восходящую к идеям создания европейских идеальных городов.

Однако, судя по последнему фиксационному плану Ниена, составленному в 1698 г. перед началом Северной войны И. Мейером, эти планы не были реализованы. Внешняя линия укреплений с тремя бастионами, примыкающая к старой цитадели, была построена самым простым образом, и многочисленные проектные предложения по её усилению остались на бумаге. Упоминания о спешной достройке крепости относятся к 1701–1702 гг., когда война уже началась. В этот период на противоположном берегу Невы были сооружены земляные укрепления в виде кронверка (на месте Смольного монастыря), прикрывавшие Ниеншанц с запада.

Во время осады Ниеншанца русскими войсками часть их, находившаяся на левом берегу Охты, разместилась под прикрытием именно этих трёх, захваченных с марша, внешних крепостных бастионов. Здесь находились царь, гр. Б. П. Шереметев, артиллерия, оба гвардейских полка и несколько других батальонов. Остальное войско расположилось на правом берегу Охты под прикрытием полевых укреплений — апрошей. Строительство их велось под руководством генерала инженерных войск Жозефа-Гаспара Ламбера де Герена⁴. Находясь на русской службе с 1701 г., он участвовал в походе Петра I по Государевой дороге и в штурме Нотебурга в 1702 г., а в 1704 г. принимал активное участие в штурме Нарвы⁵.

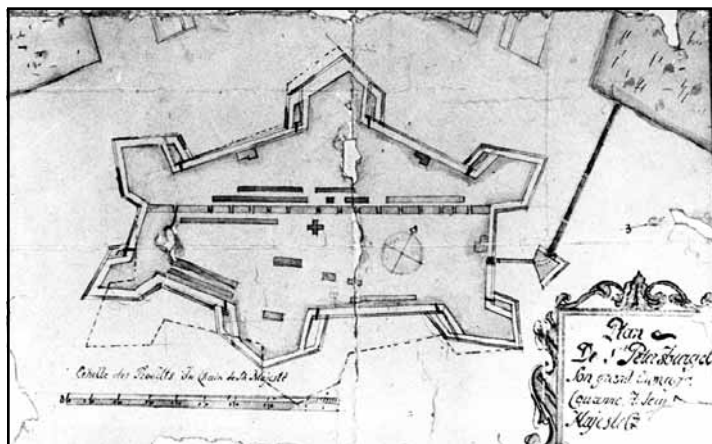
Крепости Санкт-Петербурга. Следующим этапом строительства оборонительных сооружений в устье Невы становится основание Петербурга и создание системы укреплений для защиты города и входа в реку со стороны моря. Комплекс укреплений, создававшийся европейскими фортификаторами при прямом участии Петра I, включал: Петропавловскую крепость, Адмиралтейство, малые земляные крепости в городе и его окрестностях и фортификационные сооружения Кронштадта. Строительство, растянувшееся на время Северной войны, велось не по единому проекту, а достаточно стихийно, отвечая на военные вызовы, возникавшие в ходе военных действий. Вскоре после завершения строительства петербургской крепости Ниеншанц был выведен из строя, т.к. существовала реальная опасность захвата его шведами.

Петропавловская крепость. Первая деревоземляная крепость с шестью бастионами на Заячьем острове строилась в короткие сроки — с мая по сентябрь 1703 г. Первоначально в письмах она называлась Петрополем и только после закладки Петропавловского собора 30 июня получила название Санкт-Петербурх⁶. Из документов явствует, что активное участие в создании новой крепости принимал Пётр I. Из двух сохранившихся проектных чертежей один принадлежит саксонцу В. А. Кирштенштейну, второй — французскому инженеру Ж.-Г. Ламберу де Герену. Сопоставление их с фиксационными планами крепости 1706–1709 гг. показывает, что по своим параметрам и устройству первоначальные укрепления ближе ко второму проектному варианту, а первый — более масш-

⁴ *Bonsdorff C.* Op. cit. S. 22.

⁵ *Данков М. Ю.* Баловень фортуны. О загадочной судьбе Ламбера де Герена // «Петровское время в лицах-2006». Труды ГЭ. XXXII. СПб., 2006. С. 113–121.

⁶ *Малиновский К. В.* Санкт-Петербург XVIII в. СПб., 2008. С. 14–15.



Илл. 3. План Петропавловской крепости. 1707. РГА ВМФ.

табный — лёг в основу последующей перестройки крепости в камне⁷.

Размеры и форма острова изначально были недостаточны для размещения таких укреплений, поэтому в процессе строительства он был увеличен в размерах за счёт подсыпок и ряжевых конструкций, сделанных на мелководье. Это подтверждается как планами крепости начала XVIII в., так и археологическими наблюдениями. Первоначальная (деревоземляная) крепость, возведённая в 1703 г., по размерам значительно уступала каменной, строительство которой уже в 1706 г. было начато. На совмещённых планах укреплений старой и новой крепостей 1706–1707 гг. видно, что новые северные бастионы и куртины в основном совпадают с прежними, лишь незначительно выходя за их границы, южные же ещё больше смещаются, выдвигаясь на 10–50 м в русло Невы⁸.

Первые изображения крепости, дающие общее представление о её внешнем виде и конструктивном устройстве, известны как на картографических материалах 1703–1707 гг., так и на гравюрах П. Пикарта (1704), Ф. Никитина (1705) (илл. 3). Судя по докумен-

⁷ План Санкт-Петербургской крепости с двумя рavelинами. Проект В. А. Кириштенштейна 1703 г. НИОР БАН. № F-266-2. Л. 113. Совмещённые планы деревоземляной и каменной Санкт-Петербургской крепости. Около 1706 г. Проектно-фиксационный чертёж. НИОР БАН. № F-266-3. Л. 13. Степанов С. Д. Петропавловская крепость. СПб., 2003. С. 34–40.

⁸ Бутми В. А. Начало строительства Петропавловской крепости // Научные сообщения Государственной инспекции по охране памятников. Л., 1959.

там, закладке новой крепости в устье Невы не придавалось первоначально большого политического значения. Грандиозность этого события, как первого шага к основанию Северной столицы, получает оценку только в конце царствования Петра Великого. Нельзя, однако, согласиться с выводами о том, что Петропавловская крепость была «последним словом фортификационного искусства»⁹. По своему устройству это была достаточно простая выстроенная в ускоренном и экономичном порядке, а по масштабам — относительно небольшая крепость. Авторы её проектов — Ж.-Г. Ламбер и В. А. Кирштертейн не были известными инженерами, хотя они использовали в своих построениях наиболее передовую для того времени французскую систему фортификации, однако в наиболее простых её вариантах. По размерам новая крепость была меньше Ниеншанца, с учётом трёх его внешних бастионов между Невой и Охтой, но островное положение делало её более защищённой природными рубежами. Выбор Заячьего острова для новой крепости, помимо некоторых преимуществ, таких, как близость к морю и расположение в окружении воды, имел и явные недостатки. Её положение не позволяло контролировать всех проток Невской дельты и сухопутную дорогу из Карелии в Ингерманландию, пересекавшую Неву выше Петербурга, в районе Ниеншанца. Отметки первоначальной дневной поверхности острова, зафиксированные в процессе раскопок, достигали 1,8 м над средним уровнем Балтики. При этом уровень её плавно понижался в сторону воды, находясь в зоне затопления даже незначительными наводнениями. Крепость со всех сторон была окружена водой, что было необычно для земляных укреплений из-за их постоянного размыва. У неё не было оборонительных рвов, составляющих важную часть фортификационных сооружений.

Учитывая постоянную опасность со стороны шведских войск, находившихся в Карелии, строительство нового города в первые годы находилось под угрозой. Основной лагерь русских войск в устье Невы переместился после взятия Ниеншанца и вывода из строя его укреплений в конце 1703 г. на левый берег, в район Летнего сада. В 1704 г. полевые укрепления в спешном порядке возводились по берегу Малой Невки, на Аптекарьском острове для отражения нападения Майделя. В 1704 г. строится форт Кроншлот и батареи на о. Котлине, закрывавшие проход к Петербургу шведского флота, в 1705 создаются укрепления вокруг Адмиралтейства, в 1706—1707 гг. — укрепления Кронверка.

⁹ Малиновский К. В. Указ. соч. С. 11.

Малые фортификационные сооружения в Санкт-Петербурге. Кроме основных крепостей уже в первые годы существования Петербурга создавались малые фортификационные сооружения, позволявшие защищать отдельные позиции на подступах к городу и важные объекты внутри него. С северной и восточной сторон Петроградского острова были устроены укрепления и артиллерийские батареи, препятствующие высадке десанта и проходу судов в Неву в обход Петропавловской крепости по Большой Невке¹⁰. Артиллерийская батарея располагалась какое-то время на стрелке Васильевского острова. Новые укрепления появляются на правом берегу Охты, на подступах к Ниеншанцу (в Матросской слободе). Оборонительную функцию могли выполнять и каналы, создававшиеся прежде всего для сообщений и осушения центральной части города.

Небольшой земляной шанец с пятью бастионами в форме пятиконечной звезды был сооружён на Выборгской стороне на берегу Невы (в районе современной пл. Ленина). Он упоминается в описании А. И. Богданова: «... Новая крепость, так называемая, то есть Правиянтския Магазины стояли, которые огорожены были полисадником, и земляным валом обведены, построена была 1711 году»¹¹. Г. И. Тимченко-Рубан относил время сооружения этой крепости к 1707 г.¹² Она показана на карте Петербурга и его окрестностей, датируемой 1706–1707 гг. и шведской карте 1708 г.¹³ Вероятно, крепость, расположенная неподалёку от Выборгской дороги, имела не только складские, но и военные функции — она защищала подходы к Городовому острову со стороны Карельского перешейка и не позволяла противнику занять выгодные позиции для его обстрела. Кроме того, она могла контролировать вход в Неву по фарватеру через Большую Невку, не защищённый Петропавловской крепостью, а также дорогу к Ниеншанцу. На тех же картах показан ещё один шанец, расположенный на южном берегу Большой Невы у её устья, восточнее Екатерингофа.

¹⁰ Луппов С. П. Планы Петербурга первых лет существования города: по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР // Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР, М.; Л., 1959. Т. IV. С. 39. Bagrow L., Köhlin H. Maps of Neva River and adjacent areas in Swedish archives. Malmö, 1953. XVI a; Базарова Т. А. Планы Петровского Петербурга. СПб., 2003. С. 59–68.

¹¹ Богданов А. И. Описание Петербурга. СПб., 1997. С. 184; Планы Санкт-Петербурга, составленные и гравированные по историческим сведениям, находящимся в Военно-Топографическом Депо. СПб., 1846. План 1725 г.

¹² Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 172.

¹³ Bagrow L., Köhlin H. Op. cit. XVI a.

Ещё одним важным военно-морским объектом на взморье, в юго-западной части Васильевского острова, была Галерная гавань, строившаяся в 1720-х гг. по проекту Д. Трезини. Первоначально предполагалось окружить её укреплениями, как Адмиралтейство, но впоследствии от этой идеи отказались¹⁴. На плане 1776 г. неподалёку, на берегу Финского залива, показана малая земляная крепость¹⁵, построенная, вероятно, одновременно с Галерной гаванью для её защиты, а также для контроля за корабельным фарватером при входе в Большую Неву. Артиллерийская батарея могла размещаться в этом стратегическом пункте и раньше, со времени основания Петербурга.

В 1704–1707 гг. шведы неоднократно подходили к Неве с севера и пытались переправиться через неё. С этим было связано строительство шанцев по южному берегу реки между Петербургом и Шлиссельбургом в 1707 г.¹⁶ Таким образом, в ответ на военные вызовы со стороны противника в первые годы существования город обрастает системой оборонительных сооружений, прикрывавших наиболее важные объекты и коммуникации в устье Невы.

Но общие оборонительные сооружения строящегося города отсутствовали, а учитывая его вытянутое положение вдоль берегов Невы и рассредоточенность на значительной площади их создание было затруднительно. Первоначальный городской центр располагался в юго-восточной части Петроградского (Городового) острова, находясь под защитой Петропавловской крепости. А. И. Богданов писал о созданных вокруг него внешних укреплениях городской застройки: «В 1711-м году для некоторого предохранения на сем острове обывательских домов построен был по манеру фортификационному палисадник, который начинался от Кронверка линиею мимо старого Отдаточного двора и оружейного и продолжался вдоль позади всей Оружейной улицы»¹⁷. Некий палисад показан на шведском плане «Основания крепости и города Санкт-Петербурга в 1703–1705 гг.» по берегу Петроградского о-ва. Т. А. Базарова предположила, что «рогатки были установлены в первые годы строительства Петербурга для предотвращения высадки вражеского десанта, а впоследствии сделаны в соответствии с описанием А. И. Богданова»¹⁸.

¹⁴ Лисаевич И. И. Доменико Трезини // Зодчие Санкт-Петербурга XVIII в. СПб., 1997. С. 58.

¹⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 20099.

¹⁶ Сорокин П. Е. О системе малых крепостей времён Северной войны в Приневье // «Петровское время в лицах-2012». Труды ГЭ. LXIV. СПб., 2012. С. 276–286.

¹⁷ Богданов А. И. Указ. соч. С. 205.

¹⁸ Базарова Т. А. Планы Петровского Петербурга. С. 44.

На ранних планах города эти укрепления не обозначались, т. к., вероятно, не считались фундаментальным сооружением. Оборонительная линия, описываемая А. И. Богдановым, показана на реконструктивном плане Санкт-Петербурга 1725 г., составленном в 1843 и повторенном затем в других изданиях¹⁹. Показанные на реконструкции две линии палисадных укреплений, сходящихся под прямым углом в северной части острова, замыкались на северо-западный угол Кронверка с одной стороны и на Большую Невку — с другой. В составе западной линии укреплений показаны 4 редута. Достоверные архивные материалы по этим сооружениям пока не выявлены, но дата их строительства, названная А. И. Богдановым в описании к реконструктивному плану 1711 г., представляется спорной, так как в 1710 г., после взятия Выборга, Кексгольма и Ревеля на суше шведы были далеко отодвинуты от Петербурга, а Кронштадт закрывал подходы к нему с моря. Возможности неожиданно атаковать город в этот период Северной войны у противника уже не было.

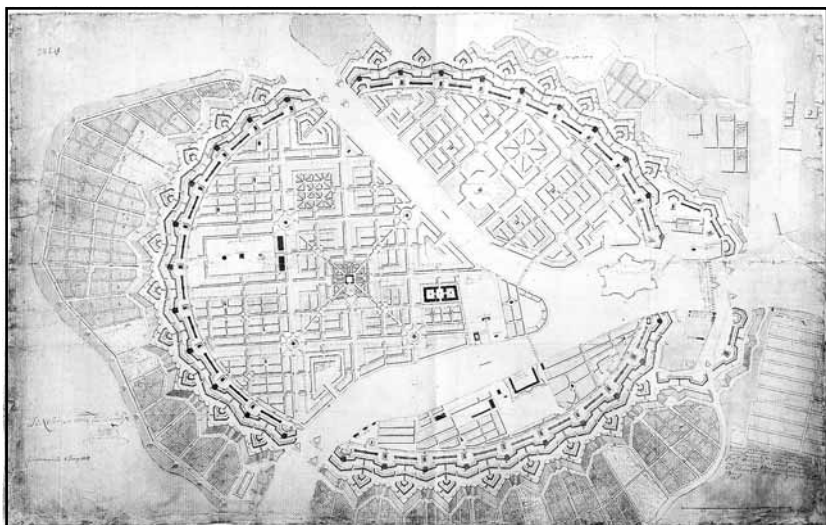
Учитывая, что описываемые палисады замыкались на Кронверк, можно предполагать, что они возводились одновременно с ним или вскоре после его строительства, несколькими годами раньше, когда застройка к северу от Троицкой площади уже существовала, также, как и реальная опасность нападения на город противника. Возможно, в 1711 г. мог происходить ремонт или модернизация более ранних укреплений Городового острова. Следует признать, что ещё в 1716 г. велось строительство Нового Кроншлота, а в 1723–1724 гг. городских укреплений Кронштадта, пересекших остров с севера на юг и отделивших городскую застройку от его западной части, защищённой «Александр-шанцем» и батареями. Однако Кронштадт, являвшийся морским форпостом Петербурга, постоянно укреплялся и в последующие годы, обеспечивая защиту города с моря.

Городские укрепления на планах Санкт-Петербурга 1716–1717 гг. Дальнейшие планы укрепления быстро растущего Санкт-Петербурга были связаны с проектами известных архитекторов Д. Трезини²⁰ и Ж.-Б. А. Леблона²¹ (*Илл. 4, 5*). Концепции их восходят в своей осно-

¹⁹ Исторические планы столичного города Санкт-Петербурга с 1714 по 1839 г. СПб., 1843; Планы Санкт-Петербурга, составленные и гравированные по историческим сведениям, находящимся в Военно-Топографическом Депо. СПб., 1846, План 1725 г.; *Цылов Н. И.* Планы Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 г. с приложением планов 13 частей столицы 1853 года. СПб., 1853. План 1725 г.

²⁰ *Лисаевич И. И.* Указ. соч.

²¹ *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Жан Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII век. СПб., 1997. С. 67–111; *Семенов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П.,*



Илл. 4. Проект укреплений Доменико Трезини на плане Санкт-Петербурга Оттенса, 1725.

ве к традиции идеальных городов эпохи Возрождения, популярной в Европе XVI–XVII вв. Особенно близок к ним проект Леблона с симметричной системой укреплений и регулярной планировкой городской застройки внутри них. Возможно, это был своеобразный «конкурс» на лучший проект городской планировки и фортификационных сооружений, который бы наиболее соответствовал европейским градостроительным стандартам той эпохи.

Городские укрепления Д. Трезини. Проект застройки Васильевского острова, как предполагаемого центра Петербурга, был составлен Доменико Трезини при участии Петра I и утверждён в январе 1716 г. за полгода до приезда в город Ж.-Б. А. Леблона²². Впоследствии он дорабатывался автором и с некоторыми дополнениями воспроизводился на общих планах Санкт-Петербурга с 1716 до 1725 г., и на плане Васильевского острова 1726 г.

Д. Трезини предлагал в своём проекте бастионно-реданные оборонительные сооружения по всему периметру Васильевского острова. На разных планах места размещения 56-ти бастионов и реданов

Шрадер Т. А. Первый единый генеральный план Петербурга // Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004; *Базарова Т. А.* Генеральный план Петровского Петербурга. Миф или реальность? // «Петровское время в лицах-2006». Труды ГЭ. XXXII. СПб., 2006. С. 39–47.

²² *Лисевич И. И.* Указ. соч. С. 53–54.

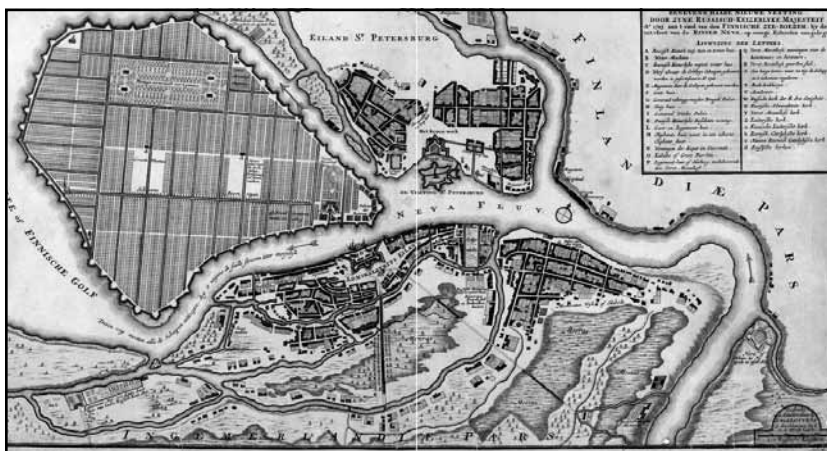
несколько различаются. Но в целом бастионы, как более мощные оборонительные сооружения, предполагалось разместить, в основном, на трёх участках: на берегу Финского залива в юго-западной и северо-западной частях острова, напротив судового фарватера при входе в Большую и Малую Неву, а также на Стрелке Васильевского острова. На планах И. Б. Хоманна около 1723 г. и Р. Оттенса около 1725 г. 11 бастионов показаны у входа в Большую Неву, 8 — в Малую Неву и 4 — на Стрелке Васильевского острова. На остальных участках размещаются реданы, представляющие собой более простой вариант оборонительных сооружений. Редан или редут (франц.) — открытое небольшое, временное полевое укрепление, состоящее из двух фасов под углом 60 — 120 градусов, окружённых рвом и валом, выступающим в сторону противника, и позволяющее вести ружейный и артиллерийский прямой и перекрёстный огонь. Такие укрепления возводились обычно на полях сражений и достигали в высоту около 2 м²³.

Городские укрепления Ж.-Б. А. Леблona. Разработка генерального плана Петербурга, составной частью которого стали городские фортификационные сооружения, была поручена Петром I приехавшему в Россию известному французскому архитектору Жану-Батисту Александру Леблону. В соответствии с разработанным ранее планом городской застройки центром её должен был стать Васильевский остров. «Сей презрядный остров император Пётр Великий вознамерен был наибогатейшим строением населить и украсить как деревянным, так и каменным и каналами устроить и фортецию укрепить наподобие Амстердама, что по всему тому обстоятельный план и модель зделанная имеются, по которому плану все строение на сем острове и производится», — писал впоследствии А. И. Богданов²⁴.

Проект Леблona был подготовлен в январе 1717 г. и вскоре отпечатан в Париже. В основе крепостных укреплений была геометрическая фигура эллипс, удачно выбранная для территории города с учётом проектируемого центра на Васильевском острове и уже существовавшей застройки Петербурга, вытянутой вдоль течения Невы. В кольцо укреплений предполагалось включить и незастроенную территорию Васильевского острова, где должны были разместиться новые регулярные городские кварталы. При этом часть уже существующей городской застройки, включая центр первоначального Петербурга, юго-восточную часть Городового острова и территорию Летнего сада, не попадала в пределы этого эллипса. Чтобы защитить их, предлагались дополнительные укрепления, полуколь-

²³ Шперк В. Ф. История фортификации. М., 1957. Рис. 59, 60.

²⁴ Богданов А. И. Указ. соч. С. 212.



Илл. 5. Генеральной чертеж Санкт-Петербургу, Ж.-Б. А. Леблон. 1717. СПбФ АРАН.

цом примыкавшие к основным. Некоторая часть старой застройки попадала под оборонительные сооружения и подлежала сносу, другая — оказывалась за их пределами. Таким образом, как и в случае с Ниеншанцем, для реализации нового градостроительного и фортификационного плана предлагалось значительно изменить городскую планировку и перенести застройки на новые места. Всё это ложилось бременем на жителей Петербурга. Основная оборонительная линия должна была включать 31 бастион и 26 равелинов — люнетов (из них на Василевском острове 11 и 10, на Петроградском и Адмиралтейском по 10 и 8 соответственно). Дополнительная линия укреплений, примыкавшая полукольцом с востока, включала ещё 7 бастионов.

В отличие от Д. Трезини, Ж.-Б. А. Леблон предлагал обнести город мощной оборонительной линией, общая ширина которой достигала около 300 туаз (585 м). В её состав входили 2 оборонительных рва. Ширина основного внутреннего рва составляла до 150 туаз (292 м), ширина валов куртины и бастионов — около 20 туаз (39 м). Строительство таких укреплений, зачастую разрушавших уже сложившуюся застройку, было обычным для многих европейских городов, включая столицы, где такие перестройки начинаются с середины XVI в. Зародившись в Италии, бастионная фортификация быстро распространилась в Центральную и Северную Европу, появляясь в последней четверти этого столетия и в России. Многие европейские города окружались новыми земляными укреплениями, включавшими старые каменные крепости и сложившуюся вокруг них городскую застройку. Однако в России они не получили широ-

кого распространения в допетровское время. Только в начальный период Северной войны до 1709 г. бастионные укрепления строились во многих западных русских городах. Существовали и планы бастионного укрепления Москвы в 1707–1708 гг.

С этой точки зрения, только что возникший Петербург с его преимущественно временными деревянными строениями, которые Ж.-Б. А. Леблон не мог воспринимать как ценную застройку, не был проблемным городом для перепланировки и нового крепостного строительства. В старых европейских городах, столетиями развивавшихся до строительства новых укреплений, приходилось жертвовать гораздо большим. Ко времени возникновения Петербурга многие из них заметно обветшали и устарели с точки зрения развития фортификации, что требовало их перестройки или создания новых оборонительных сооружений.

В составе укреплений Амстердама было 26 бастионов, выстроенных ещё в старо-голландской системе. В Вене укрепления были созданы по итальянской системе с длинными куртинами и 10 малыми бастионами. В Дрездене количество бастионов достигало 11, причём часть укреплений на левом берегу Эльбы также относится к старо-итальянской системе, другая, созданная позднее на правом берегу, — более современная. Таким образом, в сравнении со многими другими старыми европейскими городами, укрепления, предложенные Леблоном, были очень мощными, достаточно современными по своему устройству и достойными столицы империи. Они проектировались в соответствии с французской фортификационной системой и включали передовые идеи С. Вобана. Учитывая, что работа над проектом, который может считаться эскизным, велась очень короткие сроки, автор рассчитывал на возможность его последующей доработки и детализации.

Однако оба проекта создания укреплений вокруг городской застройки Петербурга не были реализованы. Есть мнение, что амбициозный проект Леблона был нужен Петру только для демонстрации в Европе своих серьёзных намерений по строительству Петербурга, и он не собирался воплощать его. Однако очевидными причинами отказа от реализации проектов городских укреплений были недостаток средств на проведение таких работ в разгар Северной войны и отсутствие в них необходимости после её окончания, когда по Ништадтскому миру новая столица оказалась в глубине территории империи, надёжно защищённая приграничными крепостями и вновь созданным флотом.

Юлия Гавриловна Клименко
(Москва)

*Профессор кафедры истории архитектуры
и градостроительства Московского архитектурного
института (Государственная академия)*

Николя Легран — первый (главный) архитектор Москвы последней трети XVIII века

Проблема изучения влияния французской архитектурной школы на московское зодчество Нового времени остаётся одной из ключевых в отечественной историко-архитектурной науке. Её основная задача состоит в необходимости определения точных границ проникновения французской культуры на различных исторических этапах архитектурного развития Москвы. Неравномерный характер франко-русских архитектурных связей на протяжении XVIII и XIX вв. очевиден для исследователей. Общеизвестно, что на фоне изученности этого вопроса в отношении Санкт-Петербурга характеристика присутствия в Москве французских архитекторов ещё требует значительного внимания.

Приоритет к работе в новой российской столице был заложен ещё Петром I, который переправлял сюда целые артели и кланы французских мастеров во главе с именитыми архитекторами. В летописи последующих приглашений парижских специалистов от российского императорского дома самая яркая страница связана с неудачной попыткой ангажирования знаменитого французского архитектора Ж.-Ф. Блонделя для создания в Москве Академии архитектуры. Выполненный им проект этого учебного комплекса был доставлен в Россию его кузеном Ж.-Б.-М. Валлен-Деламотом. Не-

смотря на подписанный в Париже контракт, после единственного посещения Москвы¹, где он пробыл менее месяца — с 8 апреля по 2 мая 1762, архитектор впоследствии работал исключительно в Петербурге. Именно в столице, а не в Москве им был реализован замысел по строительству здания Академии художеств, а также ряд других великолепных ансамблей. В 1775 г., когда Валлен-Деламот окончательно покинул Россию, в Москве был высочайше утверждён генеральный план развития города, проектированием и реализацией которого руководил Николя Легран (1738, Париж — 1798, Москва). Именно этот французский архитектор, проработав около трети столетия в древней российской столице, способствовал появлению здесь новых градостроительных идей, новых площадей и зданий, как частных, так и крупных государственных ансамблей. Благодаря его ученикам и последователям часть планировочных замыслов была реализована в ходе реконструкции Москвы после 1812 г.

Дата приезда Н. Леграна в Россию не установлена, но в 1768 г. он получил разрешение на строительную практику, будучи избранным «назначенным по представленной архитектурной работе» в Академии художеств Петербурга. Дальнейшая его деятельность была связана исключительно с Москвой и Подмосковьем². Первые упоминания о его заслугах можно встретить в документах П. А. Демидова. Один из самых влиятельных московских заказчиков, разыскивающих опытных архитекторов для строительства Воспитательного дома, 6 марта 1772 г. был информирован о появлении в городе французского мастера: «Есть здесь в Москве Архитект, по прозванию Ле-Гранъ, человек преискуссный и прилежный. Приобщаемые при сем планы его работы то докажут тебе отчасти. Зная что может быть такой ведун понадобится дам тебе о том знать»³. Благодаря сохранившейся переписке И. И. Бецкого и П. А. Демидова известно, что московский меценат высоко оценил присланные проекты Николя Леграна, сообщив: «Я видел архитектора француза работу чертежи — сделано не дурно, просил чтоб для поговорки прислали ко

¹ Деятельности Ж.-Б.-М. Валлен-Деламота в Москве посвящена публикация: Крашенинников А. Ф. Проект здания московской конторы Коллегии иностранных дел — неосуществлённый замысел архитектора Ж.-Б. М. Валлен Деламота // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. М., 1998. С. 141–144.

² Документальные сведения о работе Н. Леграна в других российских городах пока не обнаружены. Однако И. Э. Грабарь в 1947 г. настаивал на атрибуции ему дома Мятлевых в Петербурге.

³ РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 48. Л. 21. Ряд документов из переписки П. А. Демидова и И. И. Бецкого был опубликован в «Русском архиве». Цитируемое письмо было написано 6 марта 1772 г. Михаилом Верёвкиным.

мне, так я еще не видел; а как увижу и будет хорош так возьму»⁴. Через неделю их встреча состоялась благодаря куратору Московского университета И. И. Мелиссино, который привозил архитектора к Прокофию Акинфиевичу. С сожалением последний написал в Санкт-Петербург: «...только мне его нанять не удалось, потому что научили его много просить: квартира, дрова, и воду... жалования, которое будет коштовать дорого, так я на сей почте писал, чтобы летом ко мне прислали архитектора из Голландии...»⁵. Н. Легран был спасён от деспотизма одного из самых влиятельных московских заказчиков, разорившего В. Баженова, силой привозившего К. Бланка и других опытных мастеров на собственные стройки. Документы этого периода ярко раскрывают картину унижительного отношения к архитектурной профессии в Москве века Просвещения.

При содействии И. И. Мелиссино в 1773 г. Московский Императорский университет подписал «контракт с архитектором французской нации, уроженцем города Парижа Николаем Леграндом»⁶, согласно которому у мастера были обозначены две основные обязанности. Он проектировал и ремонтировал университетские постройки⁷, а также преподавал курс «гражданской архитектуры»⁸.

Вероятно, не без участия Мелиссино Н. Леграну было поручено проектирование ансамбля московского Кригскомиссариата. Грандиозный по габаритам военный комплекс должен был занимать район в Садовниках между обводным каналом и Москвой-рекой. Выполненный в 1776 г. мастером проект, одобренный императрицей,

⁴ РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 48. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 23.

⁶ Там же. Ф. 789. Т. 1. Д. 27. Л. 14.

⁷ Анализу реконструкции Н. Леграном старого университетского корпуса и участию в проектировании нового здания посвящены следующие публикации автора: Петровское здание Главной аптеки на Красной площади в Москве: о научной реконструкции памятника по архитектурным документам эпохи классицизма // Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм. СПб.: Европейский Дом, 2016. С. 128–150; Французский классицизм в творчестве М. Ф. Казакова. Реконструкция этапов проектирования здания Московского университета // Архитектурное наследие, Вып. 65. СПб., 2016. С. 149–163.

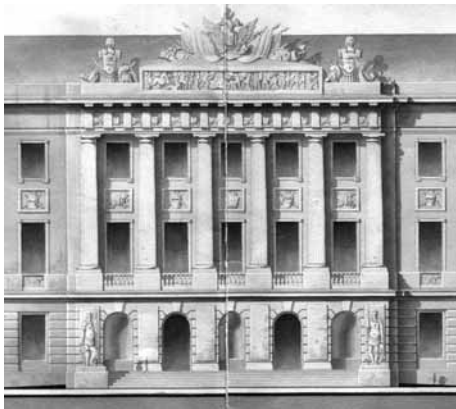
⁸ Согласно контракту, Н. Легран должен был «со всяческим прилежанием и усердием... стараться вверенному ему юношеству подать основательное сей науки познание». За эту работу ему полагалось жалование размером в 150 рублей в год. Договор с Университетом не был ограничен сроком действия: «силу свою иметь будет столько времени, сколько он, Н. Легранд при Университете быть пожелает». В случае, если архитектор захотел бы отойти от дел, он обязан был за полгода предупредить дирекцию. РГИА. Ф. 789. Т. 1. Д. 27. Л. 13.

был, по существу, первой очередью осуществления этого замысла и ограничивался территорией от набережной Москвы-реки до Садовнической улицы. Строительные работы начались после подписания в 1778 г. контракта с Н. Д. Дурново — Главным кригскомиссаром и продолжались в первой половине 1780-х гг.⁹ В этот период Н. Легран фактически отказался от других заказов и покинул пост первого (главного) архитектора Каменного приказа, чем вызвал гнев его директора, неоднократно пытавшегося оклеветать зодчего и обвинить в некомпетентности. Несмотря на многочисленные попытки отстранить Леграна от строительства, ему удалось успешно завершить возведение военного здания, ставшего одним из лучших произведений московского классицизма эпохи Екатерины II. За эту постройку, по сей день украшающую своим главным фасадом набережную Москвы-реки, архитектор был высочайше награждён в 1791 г. по представлению Г. Потёмкина.

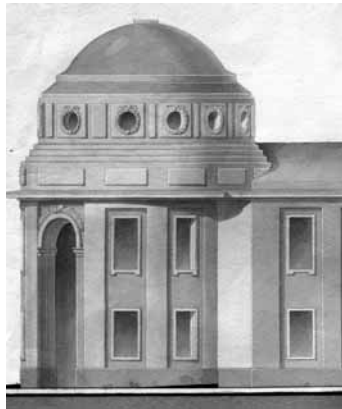
Ансамбль Кригскомиссариата включает главный корпус в три этажа и «магазинны» — складские помещения (первоначально двухэтажные), охватывающие каре внутреннего курдонёра. Его углы оформляют круглые в плане башни. Композиция главного корпуса была построена по классической трёхчастной системе со строгими дорическими портиками в центре. Со стороны набережной портик увенчан горизонтальным аттиком, а со стороны двора — треугольным фронтоном. Фасады богато украшены белокаменными рельефами с изображением военной арматуры в вертикальных и междуэтажных филёнках, а также в метопах фриза. Особую выразительность ансамблю придаёт оформление гирляндами арочных проёмов и круглых люкарн на угловых башнях. Удивительно их сходство не только с декором многих парижских произведений, но и с Французским собором в Берлине (1701—1705, 1785).

Примечательное решение конструктивного устройства угловых башен связано с использованием в них на первом и втором этажах кольцевого цилиндрического свода на центральной опоре. Этот свод,

⁹ Атрибуция этого здания долгое время оставалась спорной, и вплоть до 1950-х гг. его автором называли М. Ф. Казакова и В. И. Баженова, пока в фондах РГАДА не обнаружили документы по строительству и делопроизводству московского Кригскомиссариата. Возможно, в Москве учитывался опыт устройства Кригскомиссариата в Петербурге (ул. Глинки, 2), грандиозное здание которого возводилось в 1772—1777 гг. К сожалению, до сих пор не установлен архитектор. Сходство этих трёхэтажных военных сооружений, образующих каре, охватывающих кварталы со скошенными углами, дополняет внутренняя открытая галерея с крестовыми сводами на подпружных арках. Определён первоначальный облик Кригскомиссариата Петербурга и Москвы повторял устройство и декор внутренних дворов Дома инвалидов в Париже (1670—1679).



Москва. Кригскомисариат.
Фрагмент чертежа фасада со стороны
Москвы-реки. Центральный портик.



Москва. Кригскомисариат.
Фрагмент чертежа фасада
со стороны Москвы-реки.
Угловая башня.

широко используемый в белокаменной архитектуре французского классицизма¹⁰, не применялся в Москве до приезда Н. Леграна. Позднее можно видеть его в ряде партикулярных, общественных и церковных постройках города. Успешное возведение башен Кригскомисариата способствовало появлению первых московских «наугольных домов» — усадебных зданий с угловой ротондой (дома И. И. Юшкова на Мясницкой, А. К. Разумовского-Н. П. Шереметева на Воздвиженке, В. П. Разумовской на Маросейке, дом на ул. Гончарной и мн. др.)

Проекты Н. Леграна были востребованы в области церковного строительства. Толерантность Екатерины II к поискам новых архитектурных форм в храмовом зодчестве эпохи Просвещения способствовала появлению и распространению ротондальных и двухколоколенных церковных построек. Эти типы отражены в московских произведениях французского архитектора: церковь Успения на Могильцах и церковь Сошествия Св. Духа на Лазаревском кладбище. Проекты к указанным двухколоколенным храмам были выполнены Н. Леграном в 1770-е гг. и реализованы позднее другими мастерами. Копии московских храмов сохранились в других, порой весьма да-

¹⁰ Клименко Ю. Г. От парижского «партикулярного отеля» к московской усадьбе. Тема ротонды в архитектуре классицизма // Дом Бурганова. Пространство культуры. М., 2013. № 4. С. 60–72. Клименко Ю. Г. А. Палладио и генезис ротонды в партикулярном строительстве французского неоклассицизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 6. СПб., 2016. С. 474–483.



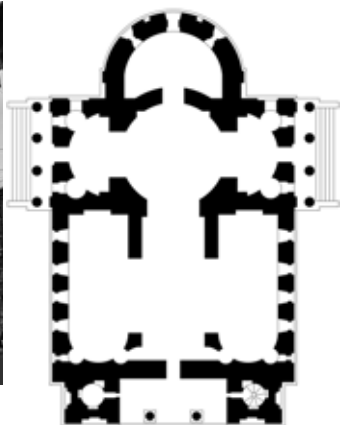
Москва. Кривокошарарат.
Фото белокаменного
декора здания.



Графическая реконструкция ансамбля Кривокошарарата на кон. XVIII в.
Модель выполнена в 2009 г. студ. МАРХИ А. Ю. Яньшиным,
науч. рук. — Ю. Г. Клименко.



Двуколоколенные храмы Н. Леграна.
Церковь Успения на Могильцах в Москве.
1791–1806 гг. Фото автора 2017 г.



План.

лѣких губерниях. Так, проект для Успенской церкви был повторен в с. Порошино (Пензенская обл.) и с. Бутаково (Нижегородская обл.). Учитывая, что чертежи Н. Леграна с проектами храмов до конца XIX в. хранились у Бобринских, нельзя исключать, что он выполнял работы для этих заказчиков и участвовал в создании их резиденций в Бобриках и Богородицке (Тульская обл.).

Среди сохранившейся архитектурной графики Н. Леграна интересен проект, выполненный в 1778 г. для реконструкции Саввино-Сторожевского монастыря (под Звенигородом). Здесь французский мастер создал ансамбль Духовной семинарии с расположенным в центре купольным храмом. В этой работе наиболее ярко воплощены идеи архитектурных трактатов французских теоретиков о допустимости дополнения древних построек новой классицистической архитектурой. Этот проект перепланировки повторяет другой проект Н. Леграна по реконструкции Московского Кремля — «Опыт Кремлевского строения», выполненный в 1776 г.¹¹ и частично реализованный М. Ф. Казаковым в 1790-е гг.

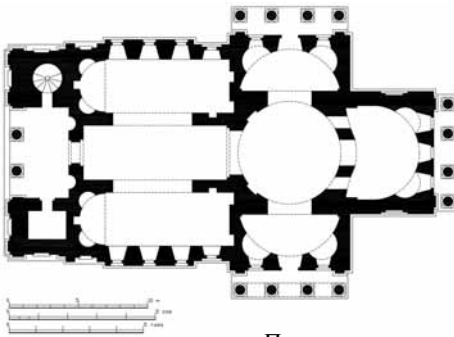
После принятия в 1778 г. российского подданства¹², летом 1779 г. в Академии художеств Н. Легран был избран «в академики по свидетельствам архитекторов, Академии известных и по полученным сочинениям». Высокие отзывы о работе французского зодчего были

¹¹ Клименко Ю. Г. Проект перепланировки Московского Кремля 1776 г. и другие неосуществленные градостроительные замыслы Каменного приказа // Архитектура в истории русской культуры. Вып. № 3. М., 2001. С. 128–138.

¹² В 1785 г. Н. Леграну было присвоено дворянское звание.



Двуколоколенные храмы Н. Леграна.
Церковь Архангела Михаила
в с. Порошино (Пензенская обл.). До
1806 г. План. Фото автора 2009 г.



План.

получены от В. Баженова и К. Бланка. Московские мастера высоко оценили возведённые Н. Леграном «многие строения в Москве в лучших и почитаемых пропорциях разными академиями, подражая вкусу древнего Витрувия и Палладия»¹³. В отношении архитектурной теории и графики К. Бланк отмечал «что господин Легранд... имеет об архитектуре надлежащее теоретическое сведение ..., притом и в рисовке довольно знающ»¹⁴. Также отмечалось, что архитектор «в поведении же и поступках же снискал себе любовь и почтение»¹⁵.

В московских документах сохранилась информация об адресах архитектора, где он не только давал ученикам уроки «гражданской архитектуры», но и проживал с женой Екатери-

ной Григорьевной Сытиной и их сыном Николаем Николаевичем Леграном (младшим), который позднее выбрал профессию отца, много строил и стал губернским архитектором в Твери.

На протяжении значительного периода Н. Легран (старший) руководил архитектурными командами в структуре государственных учреждений, ответственных за регулирование городской застройки и благоустройства Москвы. В 1770-е гг. как первый (главный) архитектор он числился в Отделённом департаменте Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы и Каменного Приказа. В архитектурной школе Приказа Н. Легран обучал архитекторских

¹³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 27. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ Там же. Л. 16.

помощников не только общим строительным и архитектурным вопросам, но и спецкурсу, согласно которому старшие классы по 9 часов в неделю должны были чертить «орнаменты и барельефы и прочего, что относится до внешних и внутренних украшений»¹⁶. В такой форме московские ученики получали возможность знакомиться с особенностями архитектуры французского неоклассицизма.

С 1791 г. Н. Легран приступил к работе в московской Управе благочиния, где вскоре возглавил Архитектурную часть. В это последнее десятилетие жизни зодчий продолжал реализацию своего «проектированного» плана Москвы 1775 г., корректируя отдельные его районы. В значительной степени этому подверглась территория за Земляным городом (за современным Садовым кольцом). Выдавая разрешения на каменное строительство, архитектор регулировал внутриквартальную планировку, добиваясь «спрямления» и расширения улиц, создания необходимых проездов, уничтожения тупиков, застройки пустырей, оформления главных улиц и водных магистралей регулярными фасадами новых зданий в формах классицизма. Он проектировал регулярные площади, создавал первые бульвары Москвы на месте сносимых древних фортификационных укреплений. От этого периода осталось наиболее значительное количество документов о градостроительной работе Н. Леграна. Свыше 500 его подписных чертежей с проектами внутриквартальных планировок Москвы сохранились в фондах Управы благочиния.

За годы работы в России Н. Легран регулярно ремонтировал и восстанавливал и многочисленные древние московские постройки. Он перестраивал храмы, дворцы, укреплял мосты, выполнял проекты по реконструкции Мытного и Кадашевского хамовного дворов, Большой суконной фабрики, Главной аптеки, Андреевского, Знаменского и Симонова монастырей, многих других памятников Москвы и Подмосковья.

Вероятно, не все произведения Н. Леграна нам известны сегодня, впрочем, даже выявленные проекты и его многочисленные ученики, ставшие впоследствии губернскими архитекторами, убедительно доказывают плодотворность деятельности этого французского мастера в России. Активно содействуя распространению идей французского неоклассицизма, этот парижский архитектор внёс значительный вклад в области градостроительного регулирования Москвы, государственного, частного и храмового строительства, реконструкции древних ансамблей, а также в развитие инженерного искусства и архитектурного образования века Просвещения.

¹⁶ РГАДА. Ф. 292. Оп. 1. Кн. 8. Л. 520.

Михаил Анатольевич Барашев
(Владимир)

*Доцент кафедры музеологии и истории культуры
Владимирского государственного университета
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Французские художественные идеи и новации в усадебном строительстве Российской провинции второй половины XVIII — начала XIX века

Вторая половина XVIII — начала XIX в. — время расцвета усадебного строительства в России. Ключевую роль в формировании и развитии его концепции в представлениях российского дворянства сыграли идеи европейского Просвещения о необходимости рационального ведения помещичьего хозяйства и эстетизации повседневного быта и досуга, о пользе сельского образа жизни и занятий науками и искусствами.

Просвещение как общеевропейское явление и во многом благодаря процессу европеизации российского общества, неразрывно связанному с петровскими преобразованиями, захватило в XVIII столетии и Россию. В эпоху Петра I и при его преемниках отечественное дворянство воспринимало идеи европейского Просвещения в основном в немецком варианте, где их главными носителями выступали сочинения С. фон Пуфендорфа или «Флоринова экономия в девяти книгах состоящая» в переводе С. С. Волчкова. В царствование императрицы Екатерины II европейское Просвещение заметно расширило влияние на мировоззрение и художественное мироощущение российского дворянства, но уже во французском варианте.

Наряду с философской мыслью французского Просвещения достоянием отечественного дворянства второй половины XVIII — начала XIX в. оказались и его художественные идеи и теории, в том числе нашедшие своё выражение в архитектуре Франции того времени. Широкой популярностью в различных кругах российского дворянства пользовались увражи архитектора и гравёра Ж.-Ф. де Неффоржа, поэмы Ж. Делиля, переводные сочинения архитектора Ф. Куантеро и писателя Л. Роза, отечественные учебники и практические руководства почётного члена Петербургской академии наук М. Е. Головина и архитектора И. М. Лема, где рассматривались достижения французской архитектурной теории и практики, садово-паркового искусства. Вместе с тем, влияние французской архитектуры в усадебном строительстве России было неразрывно связано с проектным творчеством архитекторов Ш. де Вайи, Ж.-Ж. Герна, Н. Леграна и др., а также отечественных зодчих, прошедших обучение в Париже — В. И. Баженова и И. Е. Старова или посещавшего Францию во время заграничных поездок Н. А. Львова.

Важную роль в усадебном строительстве российской провинции второй половины XVIII — начала XIX в. играло и непосредственное знакомство с французской культурой отечественного дворянства в ходе традиционных путешествий, где молодые люди наглядно знакомились с культурой и обычаями европейских стран. Они наблюдали за бытом и нравами европейского общества, рассматривали архитектуру городов, королевских резиденций и дворянских поместий, коллекционировали произведения скульптуры, живописи и графики, покупали книги по агрономии и ведению сельского хозяйства, наукам и искусствам. Владелец владимирской усадьбы в селе Андреевском граф А. Р. Воронцов в 1759—1761 гг. в ходе воспитательного тура обучался в военном училище в Страсбурге и кавалерийской школе в Версале, которая находилась «под собственным наблюдением французского короля», а в Париже встречался с Вольтером. Также российские дворяне посещали страны Европы в связи с делами государственной службы или для «поправления расстроенного здоровья». Например, владелец владимирской усадьбы в селе Снегирёве князь Н. И. Салтыков совершил в 1769 г. трёхлетний поездку в Париж и Берлин, чтобы восстановить расстроенное в ходе русско-турецкой войны (1769—1774) здоровье.

Провинциальное дворянство знакомилось с французской культурой, повседневным бытом и досугом из переводных трактатов, откуда заимствовали идеи и правила сельского образа жизни, организации помещичьего хозяйства и архитектуры усадебных строений, т.е. «<...> Каждой год <...> приезжаю туда с семейством своим

и некоторыми друзьями, и проживаю по три или по четыре месяца в хорошую погоду <...> это время есть для меня наиприятнейшим в жизни <...> Сие обиталище есть для меня как бы прибежище истинного покоя, добродетелей и чистого счастья. Там, то позволяется мне предаваться собственным своим вкусам, чудиться, восхвалять чудеса природы и благодеяния Всемогушего. Быть примечателем, философом, вертоградаром, земледельцем, всем тем, что я хочу <...> Постарался бы я, чтоб самые высокие строения, как напр. Житницы, были поставлены на полдень, а жилой корпус со всеми своими частями на север. Конюшни должны быть неподалёку от дому, коровьи хлевы подле конюшен. Для удобного смешения навозов, свиные хлевы должны быть об стену с коровьими, а овчарни на противной стороне. Должны быть хорошие обходы над кровлями дабы прервать сообщение огня в случае сего страшного приключения <...> Наконец надобно завести хороший и большой огород смежной с домом с одним или многими хорошими садами, где б находились всякого рода плодовые деревья <...>¹. Особое внимание в подобных трактатах уделялось требованиям к «отменному разумению сельской архитектуры» и рекомендациям к устройству усадебных строений, например «<...> Весьма выгодно иметь коровий хлев как можно ближе к поварне, потому что способнее носить к ним поило и оттуда приносить молоко и в смежности с конюшней чтоб удобнее было скидывать в одно место навоз. Хорошо если он будет со сводами, сколько по причине опасности от огня, столько и для того, чтоб в зимнее время долее держалось в нём тепло. И для сего то и должно делать в хлевах низкие своды. Фундаменту стен коровьего хлева дабы они долее могли простоять не худо быть из дикого камня вышиною футов на два и больше. Надобно, чтоб он был довольно пространен дабы можно было в нём свободно помещать коров, лохани с пойлом и потребной корм. Кажется, довольно быть ему в пятнадцать футов ширины. Пол должен быть выстлан кладенным на бок кирпичом или белым камнем, сделан с некоторою покатостью от яслей к противоположной стене на два фута, подле которой должен быть малый сток для стекания урины. Не надобно забывать и того, что должно впускать свежий воздух чрез решётчатые окна во весь коровий хлев, дабы от того в нём было сухо. Хлев сей должен

¹ *Роз Л.* Добрый помещик или Друг землевладельцев, сочинение, в коем предлагаются способы, как лучшим образом обрабатывать и удобрять землю, засеивать всякого рода хлеб и прочие как полевые, так и огородные растения, ходить за оными и собирать; также как разводить и содержать всякой скот. С приложением различных фигур. Перевод с французского. М., 1789. Ч. 1. С. 8–9, 64–66.

быть пространным, смотря по количеству скота в нём помещаемого <...>»². Предлагаемый в подобных трактатах рациональный подход к архитектуре усадебных строений был хорошо понятен отечественным помещикам, которые, следуя данным советам и рекомендациям, удачно соединяли у себя в усадьбах конструктивно-функциональные и художественные принципы своего времени с требованиями экономической целесообразности.

В усадебном строительстве российской провинции второй половины XVIII — начала XIX в. заимствования и интерпретации французских художественных идей и новаций нашли воплощение в объёмно-пространственных композициях, фасадных схемах, декоративных решениях и оформлении интерьеров жилых и культовых зданий. Об этом ярко свидетельствуют получившие достаточно широкое распространение в усадебном строительстве России 1770–1780-х гг. господские дома с овальными или круглыми залами, отражёнными в объёмно-пространственной композиции в виде выступа на фасаде здания, например в Зубриловке князей Голицыных (Пензенская область, 1780-е гг.), Богородицке графов Бобринских (Тульская область, 1771–1784, архитектор И. Е. Старов), а также Никольском — Гагарине (Московская область, 1774–1776, архитектор И. Е. Старов), где в плане господского дома органично соединяются три овала.

Интересным примером интерпретации французских архитектурных идей в усадебном строительстве российской провинции второй половины XVIII — начала XIX в. является господский дом во владимирской усадьбе в селе Ратислово³. Он был выстроен в 1780-х гг. по заказу владимирского губернского предводителя дворянства Андрея Алексеевича Кузьмина-Караваева. Усадебный дом представляет собой двухэтажный вытянутый прямоугольный объём. Перед домом располагался парадный двор, в 1790-е гг. окружённый полукруглыми галереями-переходами с небольшими флигелями в палладианском духе, а за ним регулярная часть парка. Повышенная центральная часть на обоих фасадах усадебного дома была выделена пилястровым портиком коринфского ордера и завершена ступенчатым аттиком. Изящный и лаконичный декор строгих фасадов зда-

² *Роз Л.* Добрая помещица или Подробное описание того, как сия сельская хозяйка должна смотреть за своим домом и за всем к сему принадлежащим, также за скотным и птичьим дворами. Перевод с французского. М., 1789. С. 163–169.

³ *Березин В. М., Добронравов В. Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1896. Вып. 3. С. 519–520; *Чижков А. Б., Графова Е. А.* Владимирские усадьбы: Каталог с картой расположения усадеб. М.: НП «Русская усадьба», 2015. С. 98–99.

ния отдалённо напоминает образцы французского классицизма середины XVIII в. В архитектурно-художественной организации внутреннего пространства усадебного дома ведущую роль играл симметрично-осевой принцип. В центре здания на пересечении двух композиционных осей располагались два главных помещения: круглое в плане помещение — боскетная (над боскетной находились антресоли) и прямоугольное в плане помещение «в два света» — большая гостиная, связанные между собой открытым проёмом с колоннами коринфского ордера. Парадный двор, большая гостиная, боскетная и регулярная часть парка образуют главную анфиладную перспективу. Остальные помещения дома, расположенные в перпендикулярном направлении, составляли вторую анфиладу. Все парадные помещения усадебного дома были богато декорированы стукковой лепниной и пейзажными росписями. В боскетной пейзажная роспись покрывала сплошь все стены, заходя даже в нишу, в которой стоит печь, в дверные и оконные проёмы. Пейзажи, с их огромными деревьями в достаточной мере фантастичны и вместе с тем наивно-натуралистичны. Над лепным карнизом уже на потолке нарисована как бы стоящая на карнизе ограда, за которой также виднеются деревья; далее вся поверхность потолка изображает небо с летающими птичками. Художник фактически превратил помещение в небольшую полянку в парке. В росписи стен он забывает об архитектуре, хотя помнит о ней в росписи потолка. Более связана с архитектурой пейзажная роспись малой гостиной. В ней пейзажи представлены как виды из лоджий и дверей. Роль последних играют парные колонны с антаблементом, которыми отделаны скосы углов. В росписи на продольных стенах внизу нарисована балюстрада, а у боковых обрамлений — перспектива стенового проёма. В малой гостиной также наблюдается изобилие пейзажей, занимающих все стены, причём в их сюжетах художник исходил из каких-то французских или итальянских картин с изображениями южных пейзажей, том числе с вулканами, отдалённо напоминающих живописные полотна Н. Пуссена и К. Лоррена. Росписи боскетной и гостиной при всей своей художественной наивности и непосредственности отличаются эмоциональной привлекательностью и репрезентативностью провинциального усадебного быта⁴. В целом, в архитектурно-художественном решении усадебного дома с предельной ясностью был воплощён важнейший принцип классицистической архитектуры — принцип симметрии. Здесь симметричны объёмно-пространственная композиция, фасадная схема и организация про-

⁴ Фёдоров-Давыдов А. А. Русский пейзаж XVIII — начала XIX века. М.: Искусство, 1953. С. 207.

УСАДЬБА А. А. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА
В СЕЛЕ РАТИСЛОВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ.
1780-е гг. ФОТО 1920-х гг.



Господский дом.



Боскетная.



Большая гостиная.



Малая гостиная.

странства интерьеров, где требования хозяйственной целесообразности заставляли допускать отклонения от строго геометрического подобия левой и правой половин дома.

В культовой архитектуре российской провинции второй половины XVIII — начала XIX в. французские заимствования отчётливо прослеживаются в усадебных церквях с двухбашенными фасадными композициями, например, церкви Владимирской Иконы Божьей Матери в селе Баловневе Липецкой области, выстроенной в 1797—1823 гг. по проекту архитектора В. И. Баженова, Сошествия Святого Духа в селе Шкинью Московской области, возведённая в 1794—1798 гг. архитектором Р. Р. Казаковым и Михаила Архангела в селе Порошине Пензенской области (1806) или оригинальными треугольными планами, т. е. колокольня Спасо-Преображенской церкви в Зубриловке князей Голицыных (1790-е) церковь Владимирской Иконы Божьей Матери в Виноградове (Москва, 1772—1778), церковь Воскресения Христова в селе Валуево Костромской области (1803—1808).

Более редкий тип усадебного храма представляет собой Крестовоздвиженская церковь, выстроенная во владимирской усадьбе Н. И. Салтыкова в селе Снегирёве в 1813 г. неизвестным французским архитектором⁵. Это небольшой храм «под колоколы» в строгих базиликальных формах позднего классицизма и с криптой под его алтарной частью. В крипте был устроен фамильный склеп владельцев усадьбы — Салтыковых. С востока к трёхнефной базилике примыкает крупный полукруглый объём апсиды. Центральный неф вытянут во всю длину здания и поднят значительно выше боковых нефов, где были устроены приделы в честь Святой Живоначальной Троицы и в воспоминания Сошествия Святого Духа. С востока и запада стены центрального нефа прорезаны крупными термальными оконными проёмами. Западный фасад храма завершён треугольным фронтоном с белокаменными карнизами. Над средокрестием расположена одноярусная круглая в плане башенка колокольни на круглом постаменте. Вход на колокольню устроен через круглое в плане боковое помещение с винтовой лестницей. Симметрично ему с южной стороны находится аналогичное помещение. В интерьере храм — четырёхстолпный (четыре столба с приставными полуколоннами) со сводчатым перекрытием центрального нефа.

Французские влияния наблюдаются и в усадебном садово-парковом искусстве, где принципы и приёмы регулярного паркостроения органично увязывались с пейзажными композициями и окружающим ландшафтом.

⁵ *Березин В. М., Добронравов В. Г.* Указ. соч. С. 523—525; *Чижек А. Б., Графова Е. А.* Указ. соч. С. 53—54.

Зоя Владимировна Юркова
(Санкт-Петербург)
Главный специалист
ООО «ЛенСтройУправления»

О деятельности архитектора А. Ф. Модюи в Петербурге (1809–1826)

Карл Иванович Росси традиционно считается автором всех петербургских градостроительных ансамблей. Однако вновь выявленные документы позволили установить, что эти проекты разрабатывались другим архитектором, а именно, французом Антуаном Франсуа Модюи.

Его коллега по Комитету для строений и гидравлических работ Ф. Ф. Вигель в своих мемуарах сообщил, что летом 1816 г. Модюи «принялся за составление проектов для нового устройства внутренних населённых частей города. В них было ещё много пустырей, обширных кварталов, одними садами и огородами занятых; через них стал он проводить линии и этим способом умножать сообщения и сближать расстояния. Все его планы были одобрены; но, увы, не ему было поручено их исполнение. Например, по его указаниям, по его рисункам, на месте грязного двора перед Аничковым дворцом устроена большая площадь со сквером, с Александрийским театром и с высокими вокруг него зданиями и пробита улица вплоть до Чернышёва моста. По его же проекту с Невского проспекта от городской башни открыта новая Михайловская улица, ведущая к новой площади, в глубине коей должен был возвыситься Михайловский дворец и которой однообразные большие строения должны были служить рамой. Всё это было начато и окончено без него и

даже после него»¹. Мемуарист очень точно охарактеризовал работу планировщика. Приведём описание работы архитектора второй половины XVIII в. Жака-Франсуа Блонделя над перепланировкой города: «Как и многим городам Франции, Страсбургу не достаёт площадей и проспектов. Блондель берёт карандаш и линейку и проводит на плане города широкую магистраль для разгрузки центра»². Это почти полностью совпадает с тем, что написал Вигель о работе Модюи, но никак не комментировалось исследователями. При этом Вигель отметил, что проекты Модюи были реализованы другими архитекторами и даже после его отъезда в 1827 г. из России.

Французский архитектор Антуан Франсуа Модюи родился в Париже 10 августа 1775 г. Его отец, Антуан Реми Модюи был известным во Франции учёным-математиком, преподавателем Коллеж де Франс, Академии художеств, консультантом короля Людовика XVI по вопросам архитектуры и строительства. Он сделал большой вклад в профессиональное образование сына, передав ему свой опыт практической работы, знания точных наук, свойств конструкций зданий, любовь к архитектуре. А. Ф. Модюи получил архитектурное образование, однако ему пришлось служить в инженерных войсках, которые занимались планировочными работами в городах³. Тогда он приобрёл знания и навыки, необходимые для градостроительной деятельности, поскольку именно инженеры-фортификаторы заложили основы теории и практики французского градостроения.

Модюи приехал в Петербург в 1808 г., чтобы реализовать себя в профессии. Он был вскоре представлен императору Александру I французским послом А. де Коленкуром — архитектор обратился к нему с проектом храма в память всех погибших воинов, который намеревался предложить русскому царю. Александр заинтересовался и, познакомившись с архитектором, предложил ему заняться проектами для Петербурга. После этого для совместной проектной работы по подготовке строительства Суворовского (Троицкого) моста через Неву Модюи познакомили с приглашённым в Петербург испанским инженером А. Бетанкуром. Эта работа привела Модюи и Бетанкура к идее создания специального комитета для осуществления предстоящих преобразований.

В 1810 г. Модюи представил свои первые градостроительные проекты по освоению и планировке Васильевского и Петербургского

¹ Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 802–803.

² Леврон Ж. Лучшие произведения французских архитекторов прошлого. М., 1986. С. 103.

³ Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle par Pierre Larousse. Paris, 1865. Tome dixième. P. 1356.

островов и первоначальный вариант проекта урегулирования центральных площадей. Проекты Модюи были одобрены императором.

Однако неизбежность войны с наполеоновской Францией была очевидной, и все общественные работы, выполнявшиеся за счёт казны, приостанавливались на неопределённое время. Граф Лаферроне, сменивший в посольстве Коленкура, посоветовал Модюи уехать. Однако Александр с этим не согласился, просил Модюи ещё раз представить свои проекты и что-то добавил к ним сам. После этого архитектор испросил позволение совершить путешествие в Грецию и Италию, чтобы познакомиться с архитектурой стран античного мира перед предстоящей проектной работой в русской столице. В 1811 г. он отправился в путь.

Только в 1814 г. Модюи приехал в Париж, где в это время находился Александр по случаю победного завершения войны, и ему даже удалось невзначай встретиться с ним — русский император знакомился с Лувром, его сопровождал архитектор П. Фонтен. Это произошло 3 апреля 1814 г. в галерее Лувра⁴. Тогда между архитекторами состоялась непродолжительная беседа.

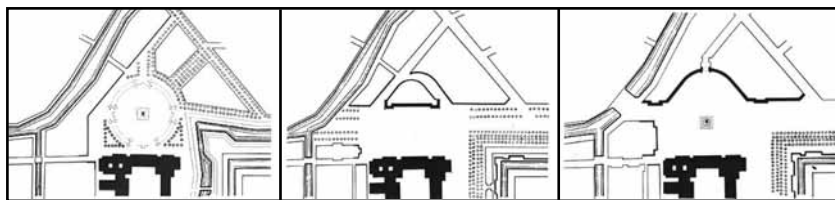
В Петербург Модюи вернулся во второй половине 1814 года. 3 мая 1816 он был введён в состав вновь созданного Комитета для строений и гидравлических работ и должен был продолжить начатые перед войной проектные работы. В том же году в Комитет поступил ряд новых проектов и в том числе «Об урегулировании Исаакиевской, Сенатской и Дворцовой площадей по проектам арх. Модюи и об оценке домов»⁵, о чём имеется запись в регистрационном журнале Комитета.

В 2016 г. удалось обнаружить подписную копию, выполненную в 1817 г. Модюи с его же утверждённого проекта преобразования центральных площадей Петербурга. В правом нижнем углу чертежа имеется надпись «Mauditinvenit. 1816» (Модюи изобрёл 1816)⁶. Чертёж представляет собой план Дворцовой и Исаакиевской площадей,

⁴ Никитин Н. П. Огюст Монферран. Л.: Издание ЛО СА, 1939. С. 284.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1133. Д. 1844. Опись дел Комитета для строений. 1816–1843. Л. 1.

⁶ НТБ ПГУПС. 15970. Дело Комиссии о построении Исаакиевского собора № 13. По отношениям члена комиссии инженер-генерала Оппермана, с сопровождением бумаг о строении Исаакиевского собора, найденных в Кабинете Императора Александра I. 5 ч. СПб. Ч. 5. Копия одного из планов урегулирования Исаакиевской площади, поданных в 1816 г. Е.И.В. Александру I через С.-Петербургский Комитет строений и гидравлических работ. Л. 10. Чертёж впервые опубликован в журнале «Реликвия». См.: Юркова З. В. Mauditinvenit. 1816 // Реликвия. № 32/2016. С. 47–51.



Проекты реконструкции Дворцовой площади:
1753–1761, арх. Ф. Б. Растрелли; 1806, предположительно арх. А. Ф. Модюи;
1816; арх. А. Ф. Модюи. Из кн.: История градостроительного искусства.
М., 1979. Т. 1. С. 432.

соединённых удлинённой площадью-перемычкой перед Адмиралтейством.

Сегодня мы имеем дело только с теми чертежами и документами, которые сохранились до наших дней. В данном случае это генплан центральных площадей. Однако на утверждение императора вряд ли мог быть представлен только один планировочный чертёж. Вне всякого сомнения, к нему прилагались и чертежи фасадов, и внутренние планировки предполагаемых к строительству зданий.

На чертеже абрис Дворцовой площади полностью совпадает с той, чуть крепованной линией зданий, что были осуществлены в натуре. Оба крыла широко распахнутой параболы в нижней точке разделены проездом, который своим переломом совпадает с изломанной трассой современной Большой Морской улицы. При этом Главный штаб встраивался в стены существовавших домов, возведённых по проекту архитектора Ю. М. Фельтена в 1778 г., а для зданий Министерств финансов и иностранных дел необходимо было выстроить новый корпус.

В издании, посвящённом Главному штабу, автор, генерал Я. Г. Жилинский, с 1911 по 1914 г. начальник Главного штаба, сообщал следующее: «<...> в начале 1819 года Главный штаб <...> представлял уже огромное здание, главная часть коего заняла всю левую сторону Дворцовой площади, а боковые фасады выходили на Малую Миллионную и Адмиралтейскую площадь <...> перестройка производилась по плану (проекту. —З. Ю.) и под непосредственным наблюдением известного в то время архитектора, коллежского советника России; помощник его был архитектор Ткачѳв»⁷. Далее автор записал, что «перестройка <...> вполне окончена лишь в 1823 году, <...> В то же время отделялся и наружный фасад здания». Из

⁷ Жилинский Я. Г. Здание Главного штаба. СПб., 1892. С. 10.

текста понятно, что речь идёт о западной, «левой» (если стоять лицом к Зимнему дворцу) части площади, что собственно, и есть Главный штаб, а также то, что Росси сделал проект перепланировки существовавших строений и руководил строительными работами. Ещё ниже читаем, что «на другой стороне Дворцовой площади симметрично отстраивалось здание Министерства Финансов и Иностранных дел, соединённое с Главным штабом с 2-мя арками». Примечательно, что Я. Г. Жилинский выделил Главный штаб в объект, который Росси проектировал, а также строил его и отделывал фасады. Министерства и арка по тексту представляются отдельным объектом, автор «плана» которого не назван.

Сегодня исследователями установлено, что Росси строил и восточное крыло, и соединительную арку. Но это совсем не означает, что он же был автором проекта. Единственный известный подписной планировочный чертёж Росси периода проектирования и строительства на Дворцовой площади — «Генплан с показанием частей, выстроенных в 1820–1824 годах, строящихся в 1825–1826 годах и проектировавшихся на будущее»⁸. Чертёж, датирован им самим 1825 г. и является фиксационным отчётным и, как следует из надписей на нём, проектным. Все более ранние планировочные чертежи анонимны.

В основу архитектурно-пространственной композиции Дворцовой площади в первой четверти XIX столетия А. Модюи положил проекты своих предшественников.

В 1753–1761 гг. Ф. Б. Растрелли, завершив строительство Зимнего дворца, составил три проекта устройства площади перед дворцом, не имеющих принципиальных различий. Растрелли организовал ориентированный на дворец въезд на площадь с помощью новой улицы, которую провёл от Большой Луговой к новой площади, и фактически «повернул» Невскую перспективу в сторону императорской резиденции. При этом, поскольку застройка угла между Невским проспектом и площадью ещё не существовала, то архитектор «нарисовал» планировку с помощью аллеиных посадок деревьев или кустарников. Дополнительными радиальными проездами в виде аллей площадь соединялась с Невским проспектом, сохраняя визуальную пространственную связь и словно расширяя в сторону главной улицы Дворцовую площадь.

⁸ Никулина Н. И. Карл Иванович Росси. 1775–1849. Каталог архитектурных чертежей и проектов предметов прикладного искусства / сост. кат., авторы вступит. ст. Н. И. Никулина, Н. Г. Ефимова; под общ. ред. Н. И. Никулиной. [Л.]: Искусство ЛО, 1975. С. 61, № 195, НИМ РАХ. А 325.



Арка Главного штаба со стороны Дворцовой площади. К. П. Бегров. Литография. 1822. Неосуществлённый вариант скульптурного оформления арки в проекте А. Ф. Модюи.

Согласно укоренившемуся мнению, дугообразная линия застройки западной части площади впервые появилась в проекте Дворцовой площади Ал. В. Квасова, архитектора времени правления Екатерины II, а поворот улицы на центр императорского дворца в 1820-х гг. сделан архитектором К. Росси⁹. Однако расходящиеся в стороны линии площади в виде круга имеются уже в чертежах Ф. Б. Растрелли. Квасов провёл линию будущей застройки, по которой позднее архитектор Ю. М. Фельтен выстроил четыре дома. В стенах трёх из них будет произведена перепланировка для размещения Главного штаба, четвёртый разберут, поскольку на его месте запланирован проезд на площадь.

Именно по проведённой Растрелли ломаной трассе через шесть с лишним десятилетий будет проложен дополнительный отрезок Большой Луговой (сегодня Большой Морской) улицы, выходящий через грандиозную веерную арочную конструкцию на Зимний дворец.

Первоначально предложенное Модюи скульптурное завершение арки в виде окружённых знамёнами женских фигур, держащих щит, не было осуществлено.

В 1829 г. Росси завершил оформление арки, разработав по повелению Николая I новый проект, в основу которого была положена скульптурная группа на Бранденбургских воротах в Берлине. В отличие от аналога, где изображена квадрига с гением Славы в ней, над аркой Дворцовой площади установлена колесница, запряжённая шестью лошадьми, которых придерживают два воина¹⁰.

⁹ Бунин А. В. История градостроительного искусства. В 2 т. Т. 1. Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма / А. В. Бунин, Т. Ф. Саваренская. М.: Стройиздат, 1979. С. 443, 66; История русской архитектуры / Ю. С. Ушаков, Т. А. Славина; под ред. Ю. С. Ушакова. СПб.: Стройиздат СПб., 1994. С. 198–199.

¹⁰ Аспидов А. П. «Слава» над городом // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб.: Издательство Чернышёва, 1999. 552 с., илл. С. 210–234.

Прот. Александр Бергаш
(Бремен – Санкт-Петербург)

*Настоятель храма
святых Царственных Страстотерпцев в г. Бремене,
научный сотрудник энциклопедического отдела
Института филологических исследований
Санкт-Петербургского государственного университета*

Архитектор Э. И. Жибер: Творческая биография

Эрнест Иванович Жибер (Ernest Gibert) – пожалуй, самый известный архитектор французского происхождения эпохи эклектики в России, он достиг вершины карьеры в избранной им области¹. Э. И. Жибер родился 25 декабря 1823 г. в семье университетского преподавателя в Париже, католика по вероисповеданию (сам Жибер до конца своих дней исповедовал католичество). В 10-летнем возрасте семья переехала в Санкт-Петербург, где отец Жибера получил звание надворного советника (8 класс) и должность адъютанта –

¹ Биография Э. И. Жибера составлена на основании следующих источников: ОР РНБ. Ф. 709 (Собко). № 865. Л. 5–7; *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет её существования. Ч. 3. СПб., 1866; [50-летие архитектурно-художественной деятельности Э. И. Жибера] // Неделя строителя. 1898. № 47. С. 277–278; Эрнест Иванович Жибер (По поводу 50-летия его служебной деятельности) // Зодчий. 1902. № 30. С. 335–336; Э. И. Жибер // Строитель. 1902. № 13–18. С. 659–660; *Бернгард В. Р.* Эрнест Иванович Жибер. Некролог // Зодчий. 1909. № 8. С. 77–79; Эрнест Иванович Жибер // Известия Общества гражданских инженеров. 1909. № 2. С. 7–10; Архитекторы-строители С.-Петербурга середины XIX – начала XX в. / Под общей ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 132–133; Личные дела Э. И. Жибера хранятся в РГИА (Ф. 789. Оп. 14 – «Ж». Д. 6) и ЦГИА СПб. (Ф. 184. Оп. 2. Д. 103).

преподавателя французской словесности историко-филологического отделения Главного педагогического института². Жибер учился в 3-й гимназии, первоначально с трудом по незнанию русского языка. 2 сентября 1840 г. он обратился в Императорскую Академию художеств (ИАХ) с просьбой принять его вольнослушателем, поступил в ИАХ в 1842, занимался в классе А. П. Брюллова, который оказал на юношу наибольшее влияние. 27 сентября 1846 г. Жибер получил первую серебряную медаль, звание неклассного художника и 14 класс. В 1847 за проект ярмарочных зданий получил золотую медаль 2-й степени, составил проект кладбищенской церкви. В 1849 за проект биржи с таможней и пакгаузом Жибер был удостоен 1-й золотой медали и звания классного художника архитектуры.

С 1 июня 1849 г. Жибер состоял старшим помощником арх. Р. И. Кузьмина при перестройке дворца и сооружении собора св. апостола Павла в Гатчине. Сначала было перестроено Кухонное каре (1845–1850), затем — Арсенальное (1847–1852). По словам Кузьмина, Жибер «занимается составлением практических чертежей — для всех работ; разбивкою плафонов и стен для штукатурных и лепных работ, рисованием лепных украшений в большом масштабе, а также рисунками на мебель и имеет надзор за правильным выполнением оных работ»³. За работу, законченную в 1852 г., он был награждён орденом св. Анны 3 степени и годовым окладом в 750 руб. серебром. Впоследствии он помогал Кузьмину при постройке дома И. О. Утина в Санкт-Петербурге на Конногвардейском бульваре, 17. 13 сентября 1850 г. Жибер был удостоен звания академика архитектуры за проект «гостиницы для столицы», 16 апреля 1859 г. — профессора архитектуры ИАХ (за проект одного из зданий Медико-хирургической академии).

В 1852 г. начался период деятельности Жибера на государственном поприще, по продолжительности и объёму которой он не имел себе равных среди русских зодчих Нового Времени. 26 июля Жибер с чином титулярного советника поступил на должность архитектора чертёжной в департамент рассмотрения проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий, ведавшего сооружением общественных зданий по всей России, с 1857 г. он — архитектор I отделения того же департамента, с 1862 — член общего

² Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833. СПб., 1833. Ч. 1. С. 251. Отец Жибера именуется здесь Эмилем.

³ *Петрова О. В.* Альбом чертежей и рисунков архитектора Э. И. Жибера из собрания Гатчинского дворца [Электронный ресурс] // http://gatchinapalace.ru/m/special/ov_petrova_quot_the_album_of_drawings_and_paintings_ei_zhiber_from_the_collection_of_the_gatchina_pa.php (дата обращения — 3.12.2017).

присутствия. В 1854 г. Жибер составил альбом проектов зданий присутственных мест для губернских городов (1854, не реализован)⁴, затем осуществлял работы в здании управления. Ему принадлежат образцовые проекты храмов, в частности, сельской деревянной церкви на 750 человек (1858, № 22)⁵.

После «польского восстания» 1863–1864 гг. правительство полагало необходимым интенсифицировать дело постройки православных церквей в Западном крае. Жибером была проведена большая работа по составлению образцовых проектов и реконструкции церквей для трёх Западных («белорусских») губерний: Минской, Могилёвской и Витебской, и трёх Юго-Западных («малороссийских»): Киевской, Волынской и Подольской. После преобразования Главного управления в 1865 г. в Министерство путей сообщения рассмотрение проектов, представляемых губернскими правлениями, и составление новых проектов и планов городов и различных сооружений перешло в специально учреждённый при МВД Техническо-строительный комитет, членом которого 24 июня 1865 г. и стал Жибер.

С 1887 до 1901 г. (до назначения членом совета МВД) Э. И. Жибер являлся его председателем. Он был одним из разработчиков инструкции Техническо-строительного комитета о порядке составления и утверждения существующих и проектных планов городов, одобренной комитетом 24 февраля 1870 г. и сохранявшей силу до 1917 г. С 1902 он состоял членом междуведомственной комиссии для пересмотра правил Строительного устава⁶.

Жибер не оставил и службу в Министерстве путей сообщения: с 1873 по 1887 г. он исполнял обязанности архитектора Техническо-инспекторского комитета шоссейных и водяных сообщений (с 1884 — Технического отдела департамента шоссейных и водяных сообщений). После преобразования департамента в 1899 г. в Управление водных и шоссейных сообщений и торговых портов являлся его членом. Он был также представителем от МВД в Учёном комитете Министерства народного просвещения по техническому и профессиональному образованию, членом, затем почётным членом комитета, выполнял работы для Министерств юстиции и финансов.

В 1860–1887 гг. Жибер — архитектор по ведомству Придворной Е. И. В. конторы (с 1882 — Главного дворцового управления), рабо-

⁴ Градостроительство России середины XIX — начала XX века / Под общей ред. Е. И. Кириченко. Т. 1. М., 2001. С. 194.

⁵ РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 1154. Л. 22, 1162. Л. 14.

⁶ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Т. 1. С. 253–254, 259.

тал также при Строительной конторе Министерства императорского двора. С 1871 по 1887 г. Жибер являлся членом Строительного комитета, в 1879–1887 гг. — также главным архитектором при IV отделении Собственной Е. И. В. канцелярии (с 1880 — Собственной Е. И. В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии).

Большую часть жизни, с 1858 до 1903 г., зодчий преподавал в Строительном училище — Институте гражданских инженеров, руководил занятиями по составлению учебных проектов. С 5 февраля 1873 г. он — член конференции Строительного училища, вместе с Р. А. Гедике, П. И. Балинским и М. Ю. Арнольдом⁷, участвовал в конкурсе проектов по сооружению его нового здания (1877). С 1882 г., после преобразования Строительного училища в институт, Жибер — ординарный профессор и член Совета института, с 1899 — почётный член Совета, с 1900 — заслуженный профессор. 8 февраля 1897 г. удостоен звания почётного члена ИАХ. Особое значение имела разработка под руководством Жибера в Институте гражданских инженеров форм зодчества Византии для российского храмостроительства⁸. Наряду с Д. И. Гриммом, Жибер выступил наиболее активным апологетом византийского стиля.

Всю свою творческую жизнь Жибер занимался вопросами профессиональных объединений русских зодчих: был членом-учредителем, старшиной (с 1870), председателем (1892–1907) и почётным членом Санкт-Петербургского императорского общества архитекторов, председателем I съезда русских зодчих (1892)⁹, членом, с 1899 — почётным членом Общества гражданских инженеров.

В разное время Жибер участвовал в деятельности комиссий по обсуждению проектов казарм для пехотного и кавалерийского полков, по постройке римско-католической духовной коллегии (1871–1872), двух тюрем: следственной краткосрочной (центральной одиночной «Кресты», 1872–1873) и пересыльной (с 1891, глава комиссий), дома предварительного заключения (1874–1875), центрального депо мер и весов (1874–1875), сенатской типографии, где он был производителем работ (1876), храма Воскресения Христова («Спаса на крови», с 1883), ссудной и сберегательной кассы Госбанка (1898–1902), по переустройству Большого театра под консерваторию в Санкт-Петербурге, архива Министерства юстиции в Москве (1876, с К. Я. Маевским).

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1039.

⁸ См.: Византийское зодчество // Зодчий. 1883. № 2. С. 39–40; *Савельев Ю. Р.* «Византийский стиль» в архитектуре России. СПб., 2005. С. 19–20, 49–52, 90–91, 120, 240, 246; *Кишкинова Е. М.* «Византийское возрождение» в архитектуре России. СПб., 2006. С. 32–33, 50, 57, 110, 132–133, 142.

⁹ См.: Труды I съезда русских зодчих. СПб., 1894.

По роду своей деятельности Жибер много путешествовал: в мае 1870 г. в Варшаву для осмотра места, выбранного под постройку Центрального дома умалишённых, в сентябре 1871 г. в Вильно, в июле 1872 — в Новгород для освидетельствования памятника Тысячелетию России, в мае 1873 — на Венскую Всемирную выставку, в августе 1874 — в Житомир для освидетельствования кафедрального собора, в январе 1877 — в Варшаву для осмотра зданий судебной палаты и окружного суда, тогда же он получил высочайшее благоволение «за особые труды в Комиссии по участию России в международной выставке и конгрессе в Брюсселе». В сентябре 1878 г. Жибер командировали в Севастополь в комиссию для расследования причин повреждений Владимирского собора, в июле 1880 — в Херсон для осмотра строительных работ в тюрьме, в октябре того же года в Тверь — для инспекции постройки семинарии, в декабре — для инспекции православного Христорождественского собора в Риге, в декабре 1881 — смоленского окружного суда. В 1887 г. он ездил в командировку в Варшаву, затем в г. Радин Седлецкой губернии и село Лабно Сувалкской губернии. С июня до конца августа 1888 г. и с 31 октября по 28 ноября 1889 Жибер инспектировал «строительную часть в губернских правлениях Московском, Владимирском, Нижегородском, Казанском, Симбирском, Самарском и Астраханском». 28 ноября 1889 г. он направился в Варшаву для выяснения причин недостатков в устройстве водоснабжения и канализации. В 1869, 1895, 1898, 1901 гг. и, видимо, в 1889 (был в Биаррице) он брал отпуска для отдыха и лечения¹⁰.

По словам В. Р. Бернгарда, поражал всех студентов «щепетильной аккуратностью», отличался «деловитостью, честным служением и редкой работоспособностью». Жибер и административную службу «исполнял ... с редкой любовью, уважаемый всеми, ... всегда бодрый, всегда готовый помочь и словом и делом, всегда доступный, простой в обращении и всегда корректный и приветливый»¹¹. Архитектор был удостоен высших наград империи, орденов св. Анны 3-й степени (1852) и 2-й степени с императорской короной, св. Станислава, св. Анны 1-й степени, св. Владимира 2-й степени, Белого Орла, св. Александра Невского с бриллиантами (1896); командорским крестом датского ордена Данеброга 2-й степени, а также медалями в память имп. Николая I, в память имп. Александра III, в память войны 1853—1856 годов, знаком отличия беспорочной служ-

¹⁰ *Петрова О. В.* Альбом чертежей и рисунков архитектора Э. И. Жибера из собрания Гатчинского дворца.

¹¹ *Бернгард В. Р.* Указ. соч. С. 78.



Илл. 1. Э. И. Жибер.
Фото конца XIX в.

бы «XL лет», перстнем, золотой табакеркой с вензелем императора, золотой табакеркой с бриллиантами с портретом имп. Александра III; чина тайного советника (27 марта 1877).

В 1898 г. отмечалось 50-летие окончания Э. И. Жибером ИАХ¹², в 1902 г. — 50 лет служебной и «более чем 45 лет» педагогической деятельности зодчего¹³ (илл. 1). Жибер умер после тяжёлой непродолжительной болезни, похоронен после отпевания 7 февраля 1909 г. рядом с супругой Ольгой, урожденной Фегин (1838—1900), в Санкт-

Петербурге на Смоленском лютеранском кладбище. Сохранилась могила с высоким обелиском из лабрадорита, увенчанным крестом, надпись на памятнике на французском языке¹⁴.

Жиберы имели трёх сыновей и дочь Ольгу. Сыновья тоже стали инженерами. Георгий-Генрих-Владимир Эрнестович (18 января 1872—?) окончил Николаевское инженерное училище, участвовал в Белом движении и дослужился до чина подполковника. Был женат на дочери Санкт-Петербургского городского головы П. И. Лелянова, а после её смерти — на Юлии-Оттилии-Амалии Сиверс, имел двоих сыновей. Евгений Эрнестович Жибер окончил Петербургский университет, инженер-строитель, юрист, был мужем поэта Мирры Лохвицкой (1869—1905). Семьи Жибер и Лохвицких были соседями по даче в «Ораниенбаумской колонии» — посёлке между Петергофом и Ораниенбаумом, что стало причиной их знакомства. У них было пятеро сыновей, судьба которых сложилась несчастливо. Александр Эрнестович Жибер стал инженером путей сообщения, членом Техническо-строительного комитета МВД, проектиро-

¹² [50-летие архитектурно-художественной деятельности Э. И. Жибера] // Неделя строителя. 1898. № 47. С. 277—278; Императорское С.-Петербургское общество Архитекторов // Строитель. 1898. № 22. Стлб. 896—898; В Императорском СПб Обществе Архитекторов // Неделя строителя. 1898. № 47. С. 277—278.

¹³ Эрнест Иванович Жибер (По поводу 50-летия его служебной деятельности) // Зодчий. 1902. № 30. С. 335—336; Э. И. Жибер // Строитель. 1902. № 13—18. С. 659—660.

¹⁴ Исторические кладбища Санкт-Петербурга / Авт.-сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. М., 2009. С. 375.

вал фермы Нового железнодорожного моста в Риге (1909–1914), дослужился до чина действительного статского советника.

«Мастер кропотливой, напряжённой и незаметной для большинства» технико-административной работы, занятый общественной и преподавательской деятельностью, Э. И. Жибер, несмотря на длительный период творческой деятельности, оставил немного построек, которые вошли в «золотой фонд» русской архитектуры периода историзма, при том, что они отличаются функциональным и стилевым разнообразием. «Технико-административная деятельность выпала ... на долю покойного; ему редко приходилось осуществлять собственные свои проекты, число же построенных по его рисункам сооружений трудно пересчитать, но зато в течение его долголетней деятельности почти ни одна выдающаяся правительственная постройка в Санкт-Петербурге не обходилась без его прямого или косвенного участия», — указывал в некрологе В. Р. Бернгард¹⁵. Стилистические предпочтения Жибера — в области византийской, романской архитектуры, русского стиля и неоренессанса. Возможно, что в этом сказались вкусы наставника Жибера — Р. И. Кузьмина, автора значимых сооружений как в русском (соборы св. ап. Павла в Гатчине, св. Александра Невского в Париже), так и в «византийском» (греческая церковь св. Димитрия Солунского в Санкт-Петербурге) стилях.

Другой причиной, возможно, явился интерес зодчего к наиболее распространённым стилистическим направлениям на его родине, во Франции в период эклектики. «Национальным стилем» в период эклектики во Франции можно считать, помимо неоготики, неоренессанс, «романский» и «византийский» стили. И, хотя уже в 1830-е гг. в сравнении с предшествующим периодом всё меньшее влияние на архитектуру России оказывали работы Французской академии, а интерес к французской архитектуре стал вытесняться авторитетом немецкой¹⁶, обращение к национальным истокам, в частности, в области архитектуры, являлось общеевропейской тенденцией. Французская церковная архитектура дала выразительные образцы неоренессансных (церкви св. Троицы, архит. Т. Баллу, 1867, и св. Франсуа Ксавье, 1861–1894 в Париже) и романо-византийских форм: базилика св. Августина /Огюста/, 1861–1871, архит. В. Балтар (Baltard), базилика св. Сердца Иисусова, П. Абади, 1876–1919, православный греческий собор св. Стефана, 1890–1895, архит. Ж. Водреме, церковь св. Анны de la-Butte-aux-Cailles, 1894–1912,

¹⁵ Бернгард В. Р. Указ. соч. С. 77.

¹⁶ Иконников А. В. Историзм в архитектуре. М., 1997. С. 190.



Илл. 2. Лисино-Корпус. Спасская церковь.
Арх. Н. Л. Бенуа. 1859–1862 гг. Фото автора. 2007.



Илл. 3. Санкт-Петербург. Скорбященская церковь
Новодевичьего монастыря. 1855–1856.
С гравюры втор. пол. XIX в. Из кн.: *Исакова Е. В.,
Шкаровский М. В.* Новодевичий монастырь. СПб., 2007.

архит. П. Бобин — все в Париже; кафедральный собор Божией Матери (1852–1893, освящён в 1897, архит. Л. Водуайе) и базилика Божией Матери (Нотр-Дам-де-ла-Гард, архит. А.-Ж. Эсперандье, 1853–1864) в Марселе. Сочетание европейских и русских исторических форм стало основой творческого метода Э. И. Жибера. Трёхчастная, со ступенчатым завершением основного объёма, композиция, использование треугольных фронтонов и щипцов, вызываю-

щих ассоциации с готикой, полуциркульных бифориев и трифориев — специфические черты построенных им храмов, которые можно видеть у старшего современника Жиберы — Н. Л. Бенуа (илл. 2).

Ранние проекты. Одной из первых крупных работ Жиберы стал храм в русском стиле на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге (Московский пр., 100), построенный по заказу и на средства А. К. Карамзиной (ур. Шернваль, в первом браке Демидовой) — усыпальницы погибшего в сражении с турками её мужа А. Н. Карамзина (заложена в июне 1855, освящена 24 октября 1856, разрушена, вероятно, в 1930)¹⁷ (илл. 3). Церковь в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» отличалась оригинальной композицией: она имела план в виде «латинского креста» и включала вытянутую по оси «запад-восток» трапезную с крыльцом, центричный основной объём — сравнительно небольшой, но с мощными боковыми ризалитами, увенчанный приземистым шатром и луковичной главкой, и сопоставимую с ним по габаритам гранёную алтарную апсиду. Основными декоративными элементами являлись фигурные, преимущественно трёхлопастные, кокошники, и лопатки, членившие фасады между полуциркульными оконными проёмами. Высокий сомкнутый свод шатра, прорезанный окнами-слухами, придавал особую выразительность открытому бесстолпному пространству интерьера. Вероятно, пристройка обширной западной части была обусловлена просьбой игуменьи Феофании (Готовцовой) увеличить размеры церкви, чтобы в ней могли отпевать погребаемых на монастырском кладбище.

Жибер проектировал также церковь в Новгородской губ. (1852–1853) и иконостасы Ильинского и Николаевского приделов церкви во имя св. Василия Кесарийского в Тверской Ямской слободе в Москве (1851–1853, церковь утрачена)¹⁸. Близка к образцовым проектам Тона по характеру используемых элементов (разномасштабные килевидные кокошники, луковичи, шатровая колокольня, наличники с разорванным фронтоном, лопатки), но значительно отличается по объёмно-пространственному решению церкви в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Богучар Воронежской обл. (1853–1862, сохранилась с утратами), проект которой был переработан Э. И. Жибером и в августе 1853 г. утверждён императором Александром II¹⁹.

¹⁷ *Снегирева С. И.* Санкт-Петербургский Воскресенский первоклассный общежительный женский монастырь. СПб., 1887; *Исакова Е. В., Шкаровский М. В.* Новодевичий монастырь. СПб., 2007.

¹⁸ РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1498. Л. 5, 6.

¹⁹ Там же. Оп. 4. Д. 469; *Кригер Л. В., Чесноков Г. А.* Архитектура исторических городов Воронежской области. Воронеж, 2002. С. 70–71.



Илл. 4. Ястребино.
Никольская церковь. 1855–1857.
Фото автора, 2011.

рована лопатками и килевидными кокошниками, оформляющими полуциркульные оконные проёмы и перспективные порталы (ныне в руинах, *илл. 4*).

Помимо храмов, Жибером в Санкт-Петербургской губернии были спроектированы дом князя Кочубея в Царском Селе и ферма в его имении, постройки для царской охоты в Гатчине (1857–1858). В столице при участии К. Я. Маевского Жибер составил проект и фактически руководил, будучи помощником производителя работ, постройкой комплекса зданий Экспедиции заготовления государственных бумаг Министерства финансов в столице (девять производственных, служебных корпусов и казарм для рабочих, наб. р. Фонтанки, 144, Рижский пр., 5–7; 1857–1863). Жибер являлся исполнителем архитектором при строительстве по проекту П. П. Меркулова (1857) пятиэтажного дома на 98 квартир Общества для улучшения в Санкт-Петербурге помещений рабочего и нуждающегося населения на Английском пр., 17, оконченного в ноябре 1862 г. Вместе с Маевским в 1859 г. он получил первую премию в городском конкурсе на устройство скотобоен на Гутуевском острове.

²⁰ Тон К. А. Церкви, сочинённые архитектором Его Императорского Величества профессором ... Константином Тоном. СПб., 1838.

По придворному ведомству Жибер в 1865–1866 гг., будучи архитектором Аничкова дворца, исполнил там перестройку и новое убранство интерьеров для цесаревича Николая Александровича (после кончины которого покои перешли к будущей императорской чете): кабинета «в стиле Людовика XIII» и уборной вел. кн. Александра Александровича, малой столовой и камердинерской; красного кабинета,

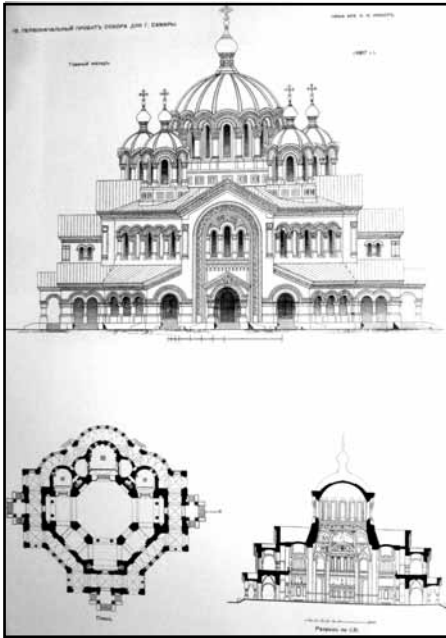


Илл. 5. Самара. Покровский собор. 1857–1861. Совр. Фото.

опочивальней и уборной вел. кн. Марии Федоровны в стиле Людовика XVI; собственного подъезда с подъёмной машиной; а также кухонного флигеля (1875)²¹. Не исключено его участие в отделке в «романо-византийском» стиле дворцовой Александро-Невской церкви (1866). Жибер проектировал также отделку кабинета императрицы Марии Александровны в Зимнем дворце (1866–1867).

Самара. Учреждение Самарской епархии и получение городом статуса губернского (1850–1851) привели к необходимости интенсификации храмостроительства и сооружения кафедрального собора. Как и в Санкт-Петербурге, первый, вероятно, спроектированный Жибером в Самаре храм — в «тоновском» («русско-византийском») стиле: Покровская церковь (в настоящее время собор). Проект храма на бывшем городском кладбище, составленный местным архитектором в 1854 г., не был согласован в Техническо-строительном комитете и в 1857 г. прислан заменительный. Строительством, завершённым в 1861 г., руководили братья-зерноторговцы, купцы 1-й гильдии Емеллиан и Антон Николаевичи Шихобаловы (*илл. 5*). Церковь — трёхчастная, с пятиглавым завершением основного объёма и высокой четырёхъярусной шатровой колокольней над притвором, трёхпрестольная. С востока — одна массивная апсида, в плане близкая к полукругу. Основания широко расставленных барабанов декорированы кокошниками, фасады — аркатурно-колончатыми поясами и нишками. Сохранился богато декорированный резной иконостас в русском стиле. По образцу Покровской церкви в Сама-

²¹ РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1383. Л. 1.



Илл. 6. Самара. Воскресенский собор. Первоначальный проект. 1867. Из кн.: Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Т. I. Архитектура исповеданий. СПб., 1902.

рожан не устроил размер храма, а новый вариант в Санкт-Петербурге признали неудовлетворительным с художественной стороны. Император распорядился составить планы в Министерстве внутренних дел, которое поручило проектирование Жиберу. Первый вариант проекта (1867), который предполагал сооружение приземистого пятиглавого центрического храма в византийском стиле с круговой

ре значительно позднее была сооружена церковь св. пророка Илии (1886–1889, не сохр.)²².

Воскресенский собор в Самаре (собор Христа Спасителя) в византийском стиле (1869–1894)²³ стал самой значительной постройкой Э. И. Жибера. В 1853 г. было решено начать строительство на специально устроенной громадной площади, однако помешала нехватка средств. Спасение императора Александра II от покушения на его жизнь 4 апреля 1866 г. вновь подвигнуло местные власти ходатайствовать о сооружении храма. 9 апреля 1866 г. император дал согласие и 17 апреля сам участвовал в освящении места под постройку. Первоначально предполагалось взять за образец Александро-Невский собор в Вятке (арх. А. Л. Витберг), но го-

²² См.: Жуков А. Н., Мельникова Н. В. Культурное зодчество Самары // Самарский краевед / Под ред. А. Н. Завального. Самара, 1994. С. 210–249; Православные святые Самарского края: Историко-церковная энциклопедия. Самара, 2001.

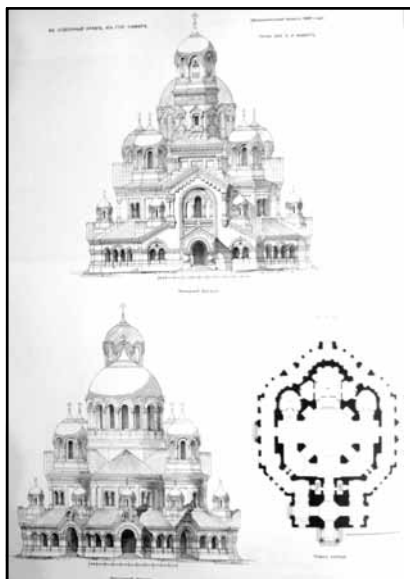
²³ См.: Перцов А. Н. Кафедральный собор в Самаре // Неделя строителя. 1889. № 49–50. С. 372–375; Алабин П. В. Во имя Христа Спасителя кафедральный соборный храм в г. Самаре. Самара, 1894; Два проекта профессора Э. И. Жибера // Строитель. 1899. № 19–20. С. 736–742, 753–754; Жуков А. Н., Мельникова Н. В. Указ. соч. С. 210–249; Православные святые Самарского края. Указ. соч.

галереей, близкого в плане к октоиху²⁴, не был одобрен (*илл. 6*). Новый проект храма на 2200–2500 человек был утверждён государем 11 апреля 1869 г. Закладку кафедрального собора совершил 25 мая 1869 г. епископ Самарский и Ставропольский Герасим (Доброседов) в годовщину очередного покушения на императора Александра II в Париже (1867). Главным строителем собора стал Е. Н. Шихобалов, после его кончины в 1888 г. — А. Н. Шихобалов. 29 августа 1871 г. Александр II собственноручно заложил камень в стену храма. В ходе строительства вместе с укреплением фундаментов появилась возможность устройства помещения для нижней церкви. Работы велись подрядчиком фактически самостоятельно, и для оценки прочности здания в Самаре в мае 1885 г. был приглашён Жибер. К марту 1886 г. он с помощником выполнил расчёт устойчивости сооружения и составил пояснительную записку.

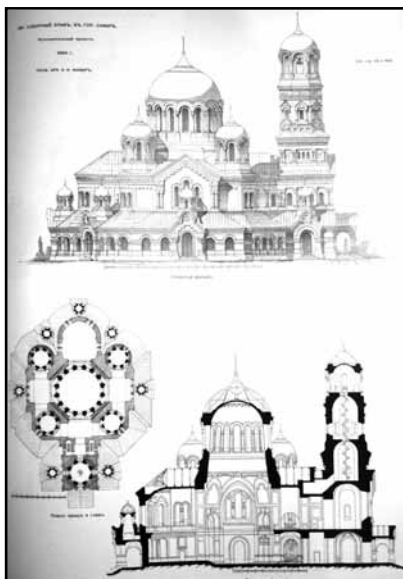
К 30 марта 1886 г. была возведена колокольня высотой 79 м, 22 октября 1887 установлен крест на главный купол. В 1888 г. Жибер составил два варианта плана внутренней отделки, один из которых — «в чисто византийском стиле» (без лепных украшений, фактически — в русском стиле XVII в.) был утверждён Самарской думой. Жиберу пришлось ещё раз побывать на стройке 9 апреля 1889 г. в связи с обнаружением трещин на двух западных пилонах храма и дать соответствующие указания архитектору А. А. Шербачёву (к осмотру привлекались также архитекторы Р. Я. Килевейн [1889] и К. Я. Маевский [1890]). Шербачёв с 1890 г. возглавил строительство и составил к 1891 проект отделки интерьеров на основе разработок Жибера. Нижний храм 7 января 1892, к годовщине кончины епископа Серафима (Протопопова), погребённого в крипте, был освящён епископом, впоследствии священномучеником, Владимиром (Богоявленским) во имя святителя Алексия Митрополита, покровителя Самары. 7 августа 1894 г. работа по отделке собора была закончена, 28–30 августа состоялось освящение епископом Гурием (Буртасовским) трёх верхних престолов во имя Воскресения Христова, св. Александра Невского и святых, празднуемых 4 апреля.

Жибер едва ли не первым столь смело и эклектично сочетал в проекте византийские, русские и романские черты (*илл. 7, 8*). Храм имел более выраженную, чем в первом варианте, ступенчатую композицию с высокой колокольней над притвором, в завершении доминировал мотив пятиглавия (первоначальный проект 1867 г. предусматривал также луковичные главки над шлемовидными купола-

²⁴ Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Т. 1. Архитектура исповеданий. СПб., 1902. С. 22.



Илл. 7. Самара. Воскресенский собор. Проект. Фасады, план. 1867. Из кн.: Барановский Г. В. Указ. соч.



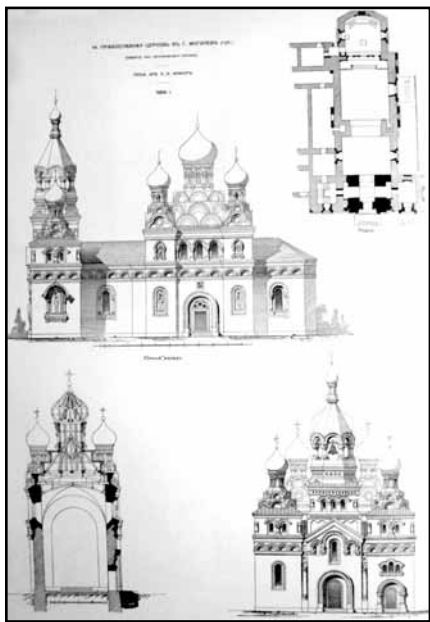
Илл. 8. Самара. Воскресенский собор. Проект. Фасад, план, разрез. 1867. Из кн.: Барановский Г. В. Указ. соч.

ми). Особой сложностью отличался план основного объёма, близкий к гексагону, с двускатными завершениями фасадов в «романо-византийском» духе. В центре возвышался высокий «византийский» барабан с русским шлемовидным куполом, меньшие барабаны были поставлены над скруглёнными в плане компартиментами между рукавами креста. Пятиярусная колокольня, значительно превосходящая храм по высоте, примыкала непосредственно к основному объёму; отсутствие традиционной трапезной придало композиционному решению необходимую цельность. Основной объём в половину его высоты окружала крытая галерея — гюльбище (Жибер был одним из первых русских зодчих XIX в., применивших подобный мотив), которую венчали семь малых главок, усиливавших впечатление ступенчатого характера силуэта (их не было в первом варианте). Галерея с восточной стороны — криволинейных очертаний, как и в первом варианте, выходящие на неё «внутренние» апсиды — полуциркульных. Дополнительную живописность сообщало композиции собора смещение боковых глав к притвору. В декоре к русским элементам можно отнести шипцы, колонки с муфтами, заимствования из народного деревянного зодчества в отделке кар-

низов, к «романо-византийским» — сдвоенные и строенные полуциркульные окна, аркатурно-колончатые пояса, ползучие арочки. В интерьере храма отчётливо читался пространственный крест, он сочетал византийские черты и формы русского крестово-купольного четырёхстолпного собора. Купол покоился на восьми опорах, образованных «расчленением» каждого из четырёх пилонов высокими узкими арками. 2 января 1930 г. пленум президиума Самарского горсовета постановил переоборудовать собор под дом культуры союза строителей, а 7 мая того же года горисполком принял решение здание разобрать и на его месте построить новый дом культуры. В результате выдающийся памятник был взорван, разрушение продолжалось до 1934 г.

Западные губернии. С середины 1860-х до начала 1870-х гг., особенно в завершение этого периода, Жибер, как уже указывалось, чрезвычайно активно работал в Западном крае. По заданию Техническо-строительного комитета вместе с академиком И. В. Штромом Э. И. Жибер в 1866—1869 гг. непосредственно работал в западных губерниях. Так, Комитет командировал Штрома в Подольскую и Могилёвскую губернии, и тот «построил семь новых каменных церквей, одну деревянную, и перестроил три католических костёла по проектам профессора Жибера, при том осмотрел более 300 церквей в губернии»²⁵. И. Н. Слюнькова указывает, что Э. И. Жибер стал родоначальником метода реконструкции католических костёлов для нужд православной Церкви. Основное внимание уделялось внешним формам, достижению подобия образу «греко-русской церкви». В связи с этим Жибер одним из первых русских архитекторов использовал формы русского узорочья XVII в., позволявшие «русифицировать» католические храмы, в частности, вместе с другими членами Академии художеств Р. И. Кузьминым и Д. И. Гриммом — базилики: «базиликальное пространство архитекторами расценивалось вполне естественным и органичным для православного богослужения». Согласно И. Н. Слюньковой, активное проектирование церквей-базилик по методу Жибера, «типологически близких Санкт-Петербургской архитектуре, создавало ощущение родственности, причастности мира российской провинции “идеальному” образу ... столицы империи». Жибером и его коллегами «максимально сохранялся общий объём и внутреннее пространство церковного сооружения и кардинально изменялись его внешние черты». Образцовым при реконструкции католических храмов в православные представ-

²⁵ Слюнькова И. Н. Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. М., 2009. С. 227–228.



Илл. 9. Могилёв. Проект перестройки католической церкви в православный храм. 1869. Из кн.: Барановский Г. В. Указ. соч.

ляется проект Э. И. Жиберы: перестройки бернардинского костёла в Могилёве (1869, проект не был реализован, здание снесено в 1950-е) (илл. 9): «монументальная подоснова костёла эпохи барокко закрывалась дробными рельефными узорами “русского стиля” ... Двухбашенное завершение нартекса костёла заменялось колокольней в духе московской архитектуры XVI века, окружённой двумя горками кокошников с маковками глав»²⁶. Колокольню фланкировали две квадратные в плане башни, завершённые луковичными главками на миниатюрных барабанах с двумя рядами полуциркульных профилированных кокошников в основании. Фасад декорирован профилированными наличниками, в

том числе с полуциркульными и килевидными кокошниками в наверху, которыми оформлены полуциркульные оконные проёмы, поясом полуциркульных кокошников по карнизу. Проект трёхчастного храма был опубликован в «Энциклопедии» Г. В. Барановского, который уделял проектам Жиберы повышенное внимание²⁷. Те же «намеченные Э. И. Жибером универсальные архитектурные решения» применялись, в частности, при реконструкции под Преображенский монастырь бенедиктинского монастыря в Минске, в стены которого перевели женские монастыри из Пинска и Вольны (1872–1874) и кафедрального Петропавловского собора в Минске, ранее перестроенного из базилианской Свято-Духовской церкви (1870–1878, повторно перестроен в 1893)²⁸. В архитектуре собора Преображенского монастыря — трёхчастного, с ярусной шатровой коло-

²⁶ Там же. С. 203, 206–207, 209.

²⁷ Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 24.

²⁸ Кулагин А. М. Православные храмы Беларуси. Минск, 2007. С. 538, 540; Слюнькова И. Н. Указ. соч. С. 214, 316. Оба монастыря уничтожены в 1930–40-е гг.

кольней над притвором и луковичным пятиглавием с доминирующей центральной главой над основным объёмом, можно видеть прямое соответствие проекту Жиберы для Могилёва.

Не столь декларативную русскую стилистику имеют спроектированные Жибером храмы в Юго-Западных губерниях. Они выдержаны в русском и «русско-романском» стилях, возможно, вследствие необходимости внесения русского элемента в архитектуру края, но с учётом осязаемого там многовекового западного влияния. Юго-Западного края «польское восстание» коснулось мало, и вследствие этого в данный период не было столь резкого, как в Западных губерниях, противостояния католичества и православия. Это как соборы, так и «в большинстве ... небольшие городские и сельские храмы, которые уже по назначению своему не предполагают богатства, но в самой простоте их композиции — столько грации, чувства и живописности, что по одним этим признакам проекты Э. И. Жиберы, никогда им неподписываемые, можно узнать среди подавляющего количества чертежей, хранящихся в ... архиве [Техническо-строительного комитета МВД]»²⁹, — указывал автор очерка о зодчем, справедливо подчёркивая, что очень значительное число его проектов не атрибутировано.

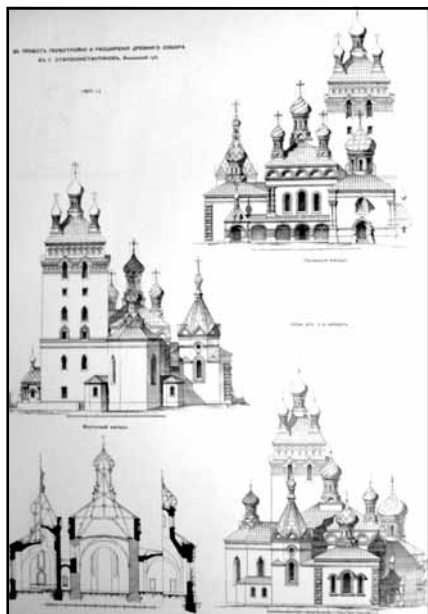
Возможно, что первое обращение Жиберы к храмостроительству Западного края относится к 1852 г.: предполагается, что он составил проект перестройки оборонной башни 1571 г. в г. Староконстантинове (совр. Хмельницкая обл.) с тёплой церковью в нижнем ярусе башни³⁰. В 1870—1871 гг. Жибер разработал проект обширного комплекса сооружений в Староконстантинове, в который входила и башня. Новопостроенный храм рядом с ней должен был получить завершение в виде пяти ступенчато расположенных луковичных глав на глухих барабанах. Отделка его должна была напоминать ярославские храмы XVII в., но проект не был реализован, башня в советское время руинирована³¹ (илл. 10).

В 1864 г. Жибер совместно с арх. В. Г. Шаламовым переработал начатый К. К. Рахау проект кафедрального собора Волынской епархии в Житомире. Постройка собора продолжалась с 1867 до 1874 год. 30 августа 1874 г. архиепископ Волынский Агафангел (Соловьёв) совершил освящение главного престола в честь Преображения

²⁹ Два проекта профессора Э. И. Жиберы // Строитель. 1899. № 19–20. С. 736.

³⁰ Тимофієнко В. Г. Зодчі України кінця XVIII – початку XX століть: Біографічний довідник. Київ, 1999.

³¹ Два проекта профессора Э. И. Жиберы. С. 743–752, 754; Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 32–33.



Илл. 10. Староконстантинов. Проект реконструкции и постройки церкви. 1871. Из кн.: Барановский Г. В. Указ. соч.

Господня в присутствии генерал-губернатора Юго-Западного края князя А. М. Дондукова-Корсакова, волынского губернатора П. А. Грессера, архитекторов Жибера и Шаламова. «Наружный вид храма представляет пропорциональные, постепенно к середине возвышающиеся массы средних и угловых выступов с пилястрами, колоннами и порталами, увенчанные пятью куполами. Архитектурный стиль собора — русско-византийский, соединяющий в себе характеристические черты древнерусского христианского зодчества и византийской архитектуры 7–9 вв.», — писал современник³² (илл. 11). Пятишатровый, высотой 53 метра, с четырёхъярусной 60-метровой колокольной, примыкающей к западному фасаду, собор имеет план в виде креста

и соответствует традициям русского «тоновского» стиля, в декоре присутствуют романские и византийский элементы. Двойные ряды гранитных колонн с лабрадоритовыми вставками разделяют храм, рассчитанный более чем на 3 000 человек, на три нефа. Приделы собора посвящены св. князьям Александру Невскому и равноапостольному Владимиру³³.

В 1872 г. Жибером был составлен проект Воскресенского собора в г. Ковеле. 19 июня 1874 г. храм был заложен, построен на средства казны и 16 октября 1877 г. освящён архиепископом Волынским Дмитрием (Муретовым)³⁴ (илл. 12). Архитектором при постройке был Алексей Скуратов. Храм в «русско-романском» стиле, к основному объёму примыкают трапециевидная в плане алтарная часть с

³² Теодорович Н. И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. 1. Почаев, 1888. С. 58.

³³ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 4.

³⁴ Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 34; Теодорович Н. И. Указ. соч. Т. 5. Почаев, 1903. С. 47.

угловыми компартиментами и три мощных ризалита с крыльцами, завершённых треугольными фронтонами. Благодаря ризалитам храм имеет план в виде греческого креста. Он увенчан массивной центральной главой и четырьмя малыми куполами. В завершении луковичными главами на фигурных ступенчатых постаментах можно видеть черты украинского барокко, в сдержанной отделке — «романские» черты. Храм рассчитан на 400 человек.

Жибер осуществлял также реконструкцию бернардинского храма (1614–1630) под соборную Николаевскую церковь в г. Дубно в русском стиле, сохранив общий вид трёхнефной базилики, но завершив её пятиглавием с низкими шатрами, а фасады — щипцами (1871–1875³⁵, повторно реконструирована под костёл в 1921 и 1937 г., ныне православная церковь).

Ещё два соборных храма были сооружены по проектам Э. И. Жибера в «русско-романском» стиле в уездных городах Киевской и Полтавской губерний. Георгиевский собор в Тараще был выстроен в 1869–1883, разрушен в 1938 году. Он представлял собой также крестово-купольный четырёхстолпный храм. К квадратному в плане основному объёму примыкали три



Илл. 11. Житомир. Преображенский собор. 1867, 1874–1877. Совр. Фото.



Илл. 12. Ковель. Воскресенский собор. 1872–1877. С открытия пер. пол. XX в.

³⁵ Теодорович Н. И. Указ. соч. Т. 2. Почаев, 1889–1890. С. 872 – 873; Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 34.



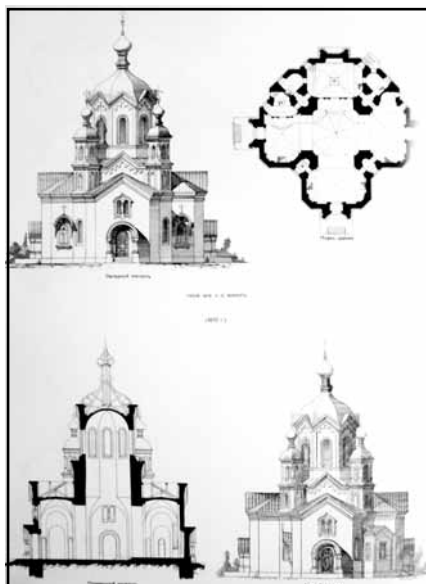
Илл. 13. Тараша. Георгиевский собор. Проект. 1869.
Из кн.: Барановский Г. В. Указ. соч.

полуциркульные алтарные апсиды и крестообразный в плане при-
твор с оригинальной столпообразной колокольной и тремя крыль-
цами. Центральная глава доминировала над боковыми, распо-
ложенными над пониженными угловыми компартиментами. Харак-
тер венчающей части был близок собору в Ковеле, боковые фасады
завершены четырьмя фронтонами-щипцами. Декор храма выдер-
жан в формах «фольклорного» варианта русского стиля, близкого
узорочью XVII в. (илл. 13).

Успенская церковь в Переяславле (Переяславле-Хмельницком)
была сооружена по проекту Э. И. Жиберы 1872 г.³⁶ (илл. 14) только
в 1896–1904 годах. Это центрический храм с элементами необарокко,
по силуэту напоминающий Воскресенский Смольный собор в Санкт-
Петербурге. Он имеет план в виде квадрифолия с угловыми компар-
тиментами с алтарной стороны. Фасады завершены треугольными
фронтонами, основной объём — компактным ступенчато распо-
ложенным пятиглавием, пониженные боковые главы расположены на
двухъярусных барабанах. Полуциркульные окна, перспективные
порталы, ползучие арочки, щипцы, тяги, килевидные кокошники в
навершиях бифориев составляют достаточно сдержанный декор со-
оружения из жёлтого кирпича. Полусферический центральный купол
на восьмигранном барабане и барочного типа боковые главки
на квадратных в плане барабанах завершены малыми луковичными
главками на шейках.

³⁶ Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 42.

Из числа немногочисленных атрибутированных работ Жибер для сельской местности известны авторские и образцовые проекты 1869 г. церквей в сёлах Подольской губернии (им построены более 18 церквей)³⁷. Жибер разработал единый «образцовый» проект³⁸ церквей в местечках Верховка (ныне село Барского района Винницкой области, церковь разрушена в 1960–1961), Соловковцы, Кирилловцы и Демковцы (Чемеровецкий район Хмельницкой обл.). Квадратный в плане четырёхстолпный храм с полуциркульной в плане алтарной апсидой, небольшим притвором и крыльцами на парных колонках с трёх сторон был спроектирован в византийском стиле, боковые главы со звонницами ступенчато понижены. Фасады и крыльца завершены щипцами-фронтами, карниз и основания барабанов декорированы арочками, в том числе ползучими.



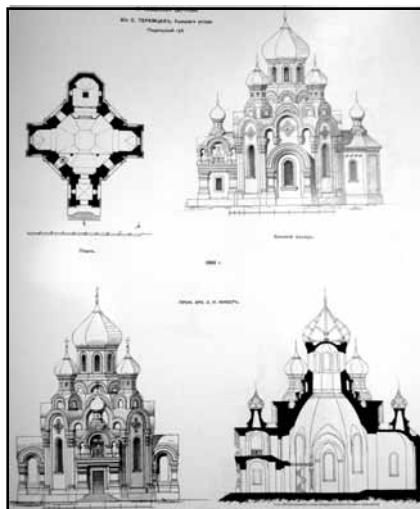
Илл. 14. Переяславль. Успенский собор. Проект. 1872. Из кн.: Барановский Г. В. Указ. соч.

Предположительно Э. И. Жибер составил в 1857 г. образцовый проект центрического бесстолпного храма, в основе которого лежал октагон с примыкающими к нему со всех сторон ризалитами: квадратными или трапециевидными (алтарная часть) и вариантами шатрового или купольного завершения. Проект Жиберы для с. Теремцы Ушицкого уезда Подольской губернии (1869, село затоплено Днестровским водохранилищем) соответствует этому образцу³⁹ (илл. 15). Храм увенчан ступенчато расположенными луковичными главами, основным мотивом насыщенного декора являются декоративные арки, фасады завершён полуциркульными закомарами. То же плановое решение бесстолпного храма Жибер развил в проектах церквей для местечек Китай-город (Собора Богородицы, построена в 1872–1876, не сохранилась) и Но-

³⁷ Тимофієнко В. Г. Указ. соч.

³⁸ Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 26.

³⁹ Там же. С. 27; Слюнькова И. Н. Указ. соч. С. 109.



Илл. 15. Теремцы. Церковь. Проект. 1869. Из кн.: Барановский Г. В. Указ. соч.

вое Село Подольской губ.⁴⁰. Эти храмы отличаются мощным компактным луковичным пятиглавием, наличием трапезной и высокой, обильно декорированной, шатровой колокольни над притвором. Такое же пятиглавие спроектировал Жибер для сельских церквей в местечках Носиковка (современного Шаргородского района Винницкой области) и Выхватовка Подольской губернии. Колокольня над притвором в данном проекте низкая, с миниатюрным шатром и главкой, она уравнивается главкой над трапециевидным в плане алтарём. Храм также бесстолпный, в плане квадратный, с боковыми крыльцами (илл. 16).

Трёхчастная деревянная церковь в Кузьминцах Могилевского уезда Подольской губ.⁴¹ в русском стиле, с одной стороны, была близка образцовым проектам К. А. Тона и из атласа, изданного Главным управлением путей сообщения и публичных зданий⁴², с другой — имеет оригинальный характер и отличается остротой силуэта. Особенно удачно решено сложное шатровое завершение основного объёма с осязательной динамикой устремлённых вверх масс (илл. 17).

«Проект каменной церкви для разных селений Подольской губернии»⁴³ представляет собой четырёхстолпный центричный, квадратный в плане, храм с полуциркульной апсидой и притвором. Фасады завершены щипцами, прорезаны типичными для Жиберы полуциркульными бифориями и трифориями с профилированными навершиями. Ступенчато расположенные пять восьмигранных барабанов увенчаны шатрами с малыми луковичными главами. Этот проект является репликой Благовещенской церкви лейб-гвардии Конного полка К. А. Тона⁴⁴ (илл. 18). «Тип сельской церкви для

⁴⁰ Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 29–30.

⁴¹ Там же. С. 35.

⁴² Тон К. А. Проекты церквей, сочиненные ... К. Тоном. Дополнение 1-е. СПб., 1844; Атлас сельских деревянных церквей. СПб., 1858.

⁴³ Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 28.

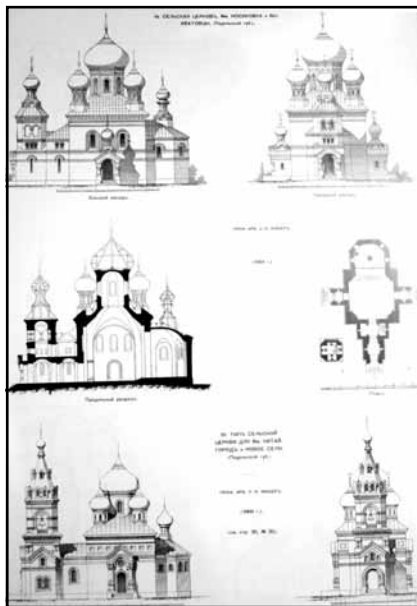
⁴⁴ Тон К. А. Проекты церквей, сочиненные ... К. Тоном. Дополнение 1-е. СПб., 1844. Т. IX.

шести селений Подольской губ.»⁴⁵ — проект трёхчастной церкви кораблём с шатровой колокольней над притвором, близок ещё одному образцовому проекту — церкви в имении Снявина К. А. Тона⁴⁶. Основной объём храма и трапециевидная в плане алтарная часть увенчаны крупными луковичными главами.

Поздние проекты Жиберы также отличаются разнообразием типологии и стилистики. В 1874–1875 гг. Жибер составил проект павильона в Шлиссельбурге для ботика Петра I, катера Александра II, знамён Ладожского канального батальона и других памятников построения Ладожских каналов и затем наблюдал за постройкой павильона (не сохранился).

В 1875–1877 гг. по проекту Жиберы было построено здание приюта для беднейших детей, с церковью свщмч. Мефодия Патарского⁴⁷ (Санкт-Петербург, Суворовский пр., 32). Отделка фасадов двухэтажного здания была выполнена с элементами византийского, романского стилей и неоренессанса. Учреждение стало 22-м по счёту приютом Санкт-Петербургского Совета детских приютов, которому благотворитель Мефодий Молчанов, член Кирилло-Мефодиевского братства, пожертвовал это здание. Оно было рассчитано на 80 приходящих детей обоёго пола и имело сиротское отделение для 25 девочек 11–17 лет. В 1878–1880 гг. арх. П. И. Буланов пристроил к зданию однурусную шатровую колокольню, в 1891 здание было расширено (не сохранилось).

В 1879 г. Жибер на основе проекта Г. Ф. Шрейбера составил проект евангелическо-лютеранской церкви св. Марии в Ялте⁴⁸ (Ялта,



Илл. 16. Носиковка, Выхватовка. Китайгород, Новое село. Церкви. Проекты. Из кн.: Барановский Г. В. Указ. соч.

⁴⁵ Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 30.

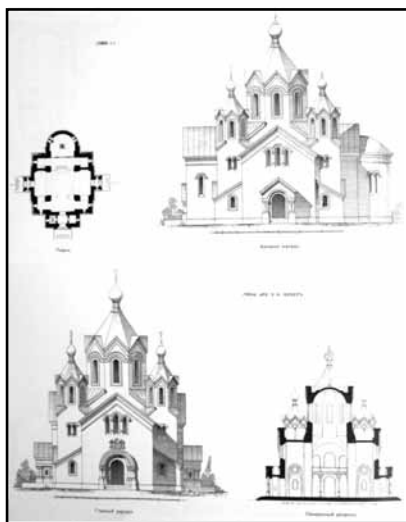
⁴⁶ Тон К. А. Церкви, сочинённые ... Константином Тоном. СПб., 1838.

⁴⁷ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 314–315.

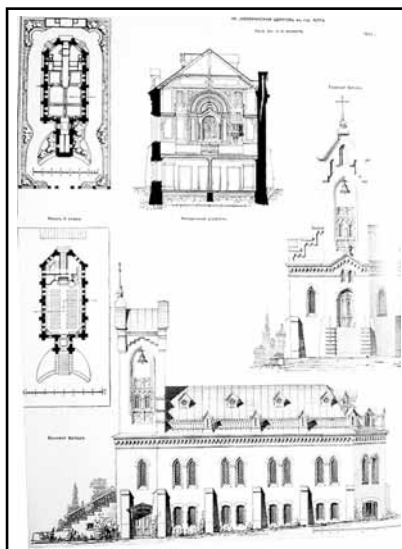
⁴⁸ Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 346.



*Илл. 17. Кузьминцы. Церковь. Проект.
Из кн.: Барановский Г. В. Указ. соч.*



*Илл. 18. Подольская губерния.
Образцовый проект церкви.
Из кн.: Барановский Г. В.
Указ. соч.*



*Илл. 19. Ялта. Лютеранская церковь
св. Марии. Из кн.: Барановский Г. В.
Указ. соч.*

ул. Чехова, 10) (илл. 19). Однонефная базилика сооружена в «романском» стиле с элементами неоготики в 1885 г. (возвращена общине и действует с 1993).

Жибер разрабатывал проект строительства Императорского Томского (Сибирского) университета на начальном этапе, с декабря 1878 года. Его проект 1879 г. имел преимущества в функциональной организации пространства, но превысил заданную сметную стоимость в два раза (она достигла 1 млн руб.). Работу передали архи-

тектору А. К. Бруни, который создал комплекс в неоклассицистическом стиле (1880–1888). Проект Жибера был использован для строительства каменной часовни с подвалом при анатомическом корпусе (1888, пр. Ленина, 36)⁴⁹. Скромное по декору здание с элементами «романского» стиля завершено треугольным фронтоном (используется как диспетчерская гаража). Возможно, не без участия Жибера, черты «византийского» стиля приобрёл в процессе строительства Казанский собор в Иркутске: Жибер консультировал архитектора барона Г. В. Розена, переработавшего первоначальный проект в 1885–1887 годах.

Последние работы зодчего вновь связаны со столицей. В 1881–1882 гг. по его проекту построен комплекс зданий Химической лаборатории в Санкт-Петербурге в сдержанной неоренессансной стилистике (Измайловский пр., 27, ныне колледж). Председателем правления лаборатории, занимавшейся разработками для косметического и парфюмерного производства, был купец 1-й гильдии Е. И. Жибер (1830/1831-после 1895), глава фирмы «Жибер и К», видимо, брат Э. И. Жибера. Вместе с И. В. Штромом Жибер руководил постройкой флигелей при Госбанке (1883 г.). В 1890 г. по его проекту надстроен третий этаж дома Е. П. Пашковой (Французского посольства) (наб. Кутузова, 10). В 1898 г. Жибер составил свой последний проект – комплекса зданий приюта-лечебницы Е. А. Евреиновой для хронически больных детей (Новороссийская ул., 1, Б. Сампсониевский пр., 107, Институтский пер., 5: главный корпус, прачечная, дворницкая, погреб-ледник)⁵⁰. Здания в «кирпичном стиле», с элементами неоренессанса построены к 1901 г., сохранились частично и используются Лесотехнической академией.

В заключение следует отметить: архитектурное наследие Э. И. Жибера чрезвычайно разнообразно по стилистике и функциональному назначению: пожалуй, нет таких типов зданий, которые он не проектировал, и исторических стилей, в которых он не работал, будучи одним из крупнейших отечественных мастеров эклектики. Однако оно до сих пор недостаточно изучено. Церковные проекты, наиболее значимая сторона его деятельности, могут быть использованы и для современного храмостроительства. Примером такого рода является сооружение в Самаре на основе проекта Э. И. Жибера пятиглавого храма-памятника в византийском стиле, посвящённого 2000-летию христианства и 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (1999–2002, архитектор Ю. И. Харитонов).

⁴⁹ Залесов В. Г. Архитекторы Томска (XIX – нач. XX вв.). Томск, 2004. С. 57–58, 107–108.

⁵⁰ Барановский Г. В. Указ. соч. Т. 2 (С-D). Общественные здания. СПб., 1908. С. 286–287.

Борис Михайлович Соколов
(Москва)

*Профессор кафедры теории и истории искусства
факультета истории искусства
Российского государственного университета*

Парки Людовика XIV и Петра I в интерпретации Александра Бенуа¹

В начальных главах книги «Мои воспоминания» А. Н. Бенуа объясняет природу того «пассеизма», страсти к прошедшим эпохам, который у него находила критика: «Из выдумок Уэллса мне особенно соблазнительной показалась “машина времени”, но, разумеется, я на ней не отправился бы вперёд, в будущее, а легонечко, постепенными переездами и с долгими остановками по дороге, посетил бы такие эпохи, которые мне наиболее по душе и кажутся особенно близкими. Вероятно, я в одной из этих станций и застрял бы навеки. Но очень далеко я бы при этом не забирался»². У каждого художника круга «Мира искусства» была своя эпоха и тема, в которой можно было жить, которую можно было воспевать и опосредовать в своём искусстве. Такими «станциями» могли быть не только исторические эпохи, но и обособленные области прошедшей жизни: гримасы города у Добужинского, лубочная Русь у Кустодиева, славянская древность у Рериха, классицистический Петербург у Остроумовой-Лебедевой, искусственные сады условного рококо у Сомова.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «История ландшафтного искусства в контексте национальных культур России, Запада и Востока: теория, практика, перспективы развития», грант РФФИ 18-012-00826.

² Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 1. М., 1980. С. 181.

Пассеистические поиски Бенуа были несколько другими. Он привязан к нескольким местам и эпохам, которые стали для него источником не только художественного, но и научного творчества. Работа над книгами о Царском Селе, о русской живописи и об истории пейзажа говорит о желании художника стать историком былых эпох, собрать знания о них, любить их не только сердцем, но и умом. Разносторонность и внимание к истории собственного развития привели Бенуа к темам двух парков, двух одинаково близких ему миров — Петергофа и Версаля.

В воспоминаниях Бенуа тщательно описывает свои детские впечатления от Петергофа и Петра I. В аллеях и павильонах парка он находил загадочные, таинственные и пугающие подробности, которые впоследствии помогли ему в создании символических образов. Нептун с трезубцем в Верхнем саду «более походил на Вельзевула, нежели на греческое божество», скошенные углы павильонов у фонтана Евы казались уходящими в таинственный иной мир: «Я даже видел сны, будто срезанные стены расступаются и я вхожу в какие-то новые и огромные палаты»³. Он много думал и о хозяевах резиденции, которые представлялись ему живыми людьми со своими пристрастиями: «В Петергофе образ двух русских государей, стяжавших себе славу неумолимой строгости, получает иной оттенок. Фигуры Петра Великого и Николая I приобретают в окружении петергофской атмосферы оттенок “милой уютности”. Один превращается в голландского средней руки помещика, радушного хозяина, любителя цветов, картин, статуй и всяких курьёзов. Другой рисуется романтическим мечтателем, увлечённым мыслями о далёком рыцарском средневековье или о менее далёкой эпохе грациозно-шаловливого рококо»⁴. Пётр I, которого будущий художник узнавал через застольные затеи Эрмитажа и Монплезира, представлялся ему родным: «Я ещё ровно ничего не знал о том, о чём читали и спорили “большие”, а уже был полон благоговейного восторга перед этим “весёлым великаном”, про которого мне рассказывали, что он был выше и сильнее “всех”, а широкое плоское лицо которого, с его вздёрнутыми и подбритыми усами, мне бесконечно нравилось»⁵.

Именно на фоне своего погружения в историю художник строит образ петровского Петергофа. В мемуарах он подчёркивает отличие русского парка от Версаля, указывая на его смешанное художественное происхождение и провинциальное своеобразие. Хотя Бе-

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 269.

нуа не написал книги о Петергофе, он прекрасно знал историю резиденции и её связь со вторым европейским путешествием Петра: «Но если, действительно, Пётр был в 1717 г. поражён резиденцией французского короля, если в память этого он и назвал один из павильонов в Петергофе Марли, если и другое петергофское название — Монплеизр — можно принять за свидетельство его “французских симпатий”, если встречаем как раз в Петергофе имена трёх художников, выписанных царём из Франции (архитектора Леблона, живописца Пильмана и скульптора Пино), то всё же в целом Петергоф никак не напоминает Францию и тем менее Версаль»⁶. «В Петергофе всё несколько грубее, примитивнее, менее проработано, менее сознательно продумано в художественном смысле», — утверждает художник, тут же добавляя: «И всё же Петергоф “сказочное место”».

Образ Петергофа в описании Бенуа связан также с противопоставлением северного и «подлинного российского» пейзажа, который открывается с Бабигонского холма. В нём присутствует вид на Петербург и на Петергофский вокзал, построенный Николаем Леонтьевичем Бенуа: «А сверху, с балкона Бельведера, открывался на все стороны прославленный и действительно изумительный вид — вовсе не какой-либо унылый финский пейзаж, а самый подлинный российский с нежными тенями облаков, скользящими по мягковолнистым полям, с разноцветными золотистыми нивами, зелёными лугами и тёмными лесами. В сторону Петергофа из-за деревьев торчала готическая башня “папиного” вокзала и сверкали купола Большого дворца, а вдали за горизонтом яркой звездой в лиловой дымке сиял купол Исаакия. Российский характер всего этого ладного, мягкого, чуть дремотного простора подчёркивался церковью в русском стиле, возвышавшейся на соседнем холме, а подальше силуэтом двухэтажной избы “Никольского домика”»⁷.

Петергоф в произведениях Бенуа часто предстаёт в окружении детских впечатлений. Гуашь «У Монплеизра в Петергофе» (1909) показывает уголок возле дворца с высоты детского роста. На листе «Карлик» из «Азбуки в картинах» изображены смеющиеся и сами вызывающие смех люди петровской эпохи в Ассамблейной зале Монплеизра. Фонтаны и дворцы Петергофа у Бенуа чаще всего даются в сильной перспективе и выглядят как «сказочные» места, впервые увиденные изумлённым ребёнком.

Долгим и поэтным был путь Бенуа к теме Версаля. За два года до знакомства с парком Людовика XIV он испытал художественное

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же. С. 270.

потрясение от его театрального воплощения. Именно так он воспринял пейзаж и обстановку балета «Спящая красавица», премьера которого в Мариинском театре состоялась в 1894 г. Бенуа вспоминал: «Чайковскому было дано вызывать самую атмосферу прошлого чарами музыки. Удача в воссоздании атмосферы Франции в дни юного Короля-Солнца в “Спящей красавице” такова, что лишь человек, абсолютно глухой к зовам минувшего, может оставаться равнодушным. <...> Благодаря именно ему мой пессимизм особенно обострился, Чайковский как бы открывал передо мной те двери, через которые я проникал всё дальше и дальше в прошлое, и это прошлое становилось моментами даже более близким и понятным, нежели настоящее»⁸. Этот театральный Версаль нашёл своё продолжение в постановке балета «Павильон Армиды», либретто и оформление которого Бенуа создал в 1907 г.

Готовясь к встрече с Версалем, художник проходит ещё один этап исторического погружения: он читает книги по истории резиденции, мемуары Луи де Сен-Симона. Он предполагает, что его эгипетские настроения «были в известной степени возобновлением или продолжением тех, что овладевали мной в Петергофе, в Ораниенбауме, в Царском Селе». Однако первое впечатление оказалось неожиданным: «Я не думал, что он до того грандиозен и в то же время исполнен какой-то чудесной меланхолии... Что-то даже грозное и трагическое почудилось мне как в самом дворце, так и в садах в тот мрачный ноябрьский вечер... Особенно меня поразили чёрные конусы и кубы стриженных туй и зеркальность бассейнов, отражающих серые, нависшие тучи и тёмные, гладкие бронзовые божества, что покоятся на беломраморных окаймлениях этих зеркал»⁹.

В восприятии Бенуа осенний парк связывается с «осенним периодом» жизни его создателя: «Почему-то я сразу перенёсся в последние годы царствования Людовика XIV. Я чуть не расплакался, когда под самый конец этого нашего первого посещения Версаля лучи заходящего солнца на минуту прорвали густую пелену туч и оранжевым пламенем засияли бесчисленные окна дворца. И почему-то именно этот момент показался мне тогда чем-то удивительно знакомым, точно я это самое уже когда-то видал и “пережил”. Подобные же ощущения я испытывал и в Петергофе, и в Царском, и в Ораниенбауме, но здесь, в Версале, они приобрели небывалую, почти до физического страдания дошедшую остроту»¹⁰. Он делает своей те-

⁸ Там же. С. 603–604.

⁹ Там же. Т. 2. С. 120, 185.

¹⁰ Там же. С. 185.

мой величественный закат Короля-Солнца: «Особенного культа к самой личности “Луи Каторза” у меня не было; находясь в каком-то постоянном общении с его тенью, я познал всё, что в нём было суетного и напыщенного. <...> Тем не менее, этот мир, в нарядах, поступках и обычаях которого так ясно выразилась старческая усталость эпохи, ханжество, раболепность, порочность и даже начавшийся упадок вкуса, явившийся на смену юной самонадеянности, беспечности и чувству величавой красоты (чувству, лежавшему в основе создания Версаля), этот мир сделался вдруг моим миром, чем-то родным, чем-то мне особенно близким»¹¹.

К альбому фотолитографий «Версаль», который был выпущен петроградским издательством «Аквилон» в 1922 г., Бенуа написал обширное предисловие, где он рассказывает не об исторических личностях, а об архитектурных и садовых впечатлениях от парка. В отличие от воспоминаний о Петергофе, этот текст написан с позиции взрослого человека, зрелого художника и специалиста по истории искусства. Бенуа прежде всего отмечает «морскую» широту и масштаб архитектурного ансамбля, аллеи которого он сравнивает с городскими улицами и площадями: «И то же ощущение чего-то лично близкого, давно знакомого, “родного” я почувствовал в ещё большей степени, когда впервые наяву ступил на хрусткий гравий садовых площадей и улиц Версаля, когда меня овевала его суровая, как морской воздух, атмосфера, пронизываемая неустанными ветрами, когда передо мной во все стороны раскинулись безграничные, опять-таки как море, пространства»¹². Художник, привыкший в Петергофе и европейских парках видеть многословные формы барокко, признаётся в неожиданном разочаровании: «В садах меня озадачивала сдержанность форм, отсутствие барочной разнузданности, которую я успел полюбить в предшествовавших путешествиях по Германии и Италии. Я даже был близок к тому, чтобы согласиться с теми соотечественниками, которые меня уверяли, что наш Петергоф куда великолепнее Версаля». Ощущение «своего мира» пришло к Бенуа через образ Версаля опустевшего и печального. Страдая летом от нашествия современных туристов, художник считает, что и прежние обитатели не были бы ему приятны: «Вероятно, впрочем, что и тогда, когда эти тени были ещё живыми существами, не было так хорошо в Версале, как теперь в пустынные будни. Пахло изысканнее, но больше пахло духами, нежели цветами и деревьями;

¹¹ Там же.

¹² Здесь и далее текст, не имеющий пагинации, цитируется по изд.: Бенуа А. Н. Версаль. Пг., 1922.

стройность и изящество движений соответствовали гармонии декораций, но столько при этом произносилось нелепостей <...> Без него, без этого требовательного, поглощавшего всякую личную жизнь деспота, теперь в Версале несомненно привольнее и отраднее».

В отличие от шумного и полного жизни Петергофа, Бенуа видит в Версале прощальную и даже «погребальную» красоту: «Осенью Версаль представляется самым роскошным и великолепным, и то, что в этом торжестве есть нечто погребальное и радость бесконечно разнообразных зрелищ сочетается с какой-то печалью прощания, лишь способствует особому выявлению его чар». Художник создаёт литературные картины, близкие к образам альбома «Версаль»: «Иногда в сумерки, когда запад сияет холодным серебром, когда с горизонта медленно наплывают сизые тучи, а на востоке потухают громаждения розовых апофеозов, когда всё странно и торжественно затихает, и затихает настолько, что слышно, как падает лист за листом на груды опавшего убора, когда пруды кажутся подёрнутыми серой паутиной, когда белки носятся как безумные по оголённым верхам своего царства и раздаётся преднощное карканье галок, — в такие часы между деревьями боскетов то и дело мерещатся какие-то не живущие уже нашей жизнью, но всё же человеческие существа, пугливо и любопытно наблюдающие за одиноким прохожим». В версальских сериях Бенуа подчёркнута пустыньность террас, лестниц и аллей, показана лаконичная выразительность зимнего парка, король и придворные кажутся марионетками на фоне огромных и таинственных зелёных форм¹³. Мотив призрачных существ реализуется в картине «Прогулка короля» (1906, ГТГ), где статуи фонтана Детский остров словно бы оживают и смотрят на людей, и в «Фантазии на Версальскую тему», где исполинские гермы противопоставлены крошечным фигуркам людей, согнувшихся под порывами ветра.

В эпоху Революции, когда Петергоф оказался под угрозой уничтожения, а Версаль стал казаться частью невозвратимого прошлого, Бенуа подводит итоги художественного освоения двух парковых «миров». Он предполагал вслед за альбомом «Версаль» выпустить похожий альбом по Петергофу, однако после закрытия издательства «Аквилон» и отъезда художника во Францию этот замысел остался незавершённым. Вступление к альбому 1922 г. завершается признанием в любви к далёкому теперь парку Людовика XIV: «Неужели в тот свежий, солнечный, ветреный июньский день, когда я гулял по

¹³ Подробнее см.: *Солонович Ю.* Место, не имеющее себе равного в мире... // Версальские грёзы Александра Бенуа. СПб., 2010. С. 5–10.

его дорогам и спускался по его лестницам в обществе моей жены, такой же его поклонницы, как и я, и моих детей, проводивших часть детства в тени его боскетов, неужели в тот день я был в гостях у Версаля в последний раз и никогда уже более я не посетю его в действительности? Всей душой рвусь к тебе, мой родной, мой милый Версаль. Однако найду ли я тебя таким, каким я тебя покинул? Ты-то, я знаю, всё тот же неизменный, не знающий старости и разрушения, но едва ли всё та же жизнь милой Франции, Парижа». А в воспоминаниях, написанных во Франции, в привычной теперь близости к Версалю, первенство впечатлений художник отдаёт Петергофу: «Версаль произвёл на меня в первый же день моего “личного знакомства” с ним, в октябре 1896 г., потрясающее впечатление. Однако это впечатление не может идти в сравнение с теми чувствами, которые я испытывал, когда маленьким мальчуганом ходил, держась за руку отца, по петергофским аллеям, когда я цепенел в восхищении от вида падающего по золотым ступеням каскада у Марли (так называемой Золотой горы) или когда, стоя совсем близко внизу у водопада Большого грота под Большим дворцом, меня осыпала водяная пыль, и я через неё видел, как взлетают среди сияющих на солнце золотых божеств струи водометов!»¹⁴.

Два садовых мира Александра Бенуа были окрашены как личными обстоятельствами жизни художника, так и сложившимися у него образами их владельцев. Петергоф «весёлого великана» Петра становится у Бенуа миром необычных, вызывающих восхищение аллей, павильонов и фонтанов, полным жизни и тепла. Показательно, что он почти не изображал дальние перспективы Петергофа и открытые морские виды. Туристический Версаль показался Бенуа слишком пышным, посещаемым и современным, и он создаёт образ стареющего Короля-Солнца, которому соответствует «погребальное торжество» осеннего и зимнего парка. Детский мир Петергофа и элегический мир Версаля сосуществуют в его творчестве, однако богатейшее историческое и архитектурное наследие французской резиденции порождает больше аллюзий, образов и проектов — от «Последних прогулок Людовика XIV» до «Фантазии на Версальскую тему» и «Павильона Армиды».

¹⁴ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 1. С. 198.

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, НАУКА

Сергей Олегович Андросов
(Санкт-Петербург)

*Заведующий отделом
западноевропейского изобразительного искусства
Федерального Государственного бюджетного
учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»*

Князь Б. И. Куракин как художественный агент

Имя князя Бориса Куракина (1676–1727), одного из самых известных русских дипломатов своего времени и широко образованного человека, достаточно часто встречается в литературе. Однако явно недостаточно изучена его роль в приобретении произведений искусства, особенно в последний период его жизни, когда он стал послом России в Париже. Куракин начал службу в «потешных» войсках Петра I, затем участвовал в Азовских походах и в 1697–1699 гг. изучал морское дело в Венеции. В 1707 г. он выполнил важное дипломатическое поручение царя в Риме. В результате его миссии папа Климент XI не поддержал признание Станислава Лещинского польским королём. В 1711 г. Куракин стал полномочным министром России в Великобритании, а затем — и в Голландии. Посетил Гаагу в марте 1717 г., Пётр I останавливался в доме Куракина, который затем последовал с ним во Францию. Позднее, с 1722 г. на Куракина были возложены функции руководства всеми русскими министрами в странах Европы, а с 1724 он стал русским министром

во Франции. Интересную характеристику Куракину дал герцог Сен-Симон, хорошо его знавший: «Он был высок, хорошо сложен, понимал высоту своего положения, обладал большим умом, хитростью и был весьма образован. Он достаточно хорошо говорил по-французски и на многих других языках, много путешествовал, принимал участие в войнах, а затем был посланником при разных дворах. Тем не менее, в нём ещё чувствовался русский, и его также портила крайняя скупость»¹.

Как представляется, Куракин, владевший несколькими иностранными языками, хорошо разбирался и в вопросах искусства, что неоднократно использовал и Пётр I. Так, из путешествия в Рим в 1707 г. Куракин привёз в Россию книги, посвящённые итальянским городам, а также отдельные гравюры². По-видимому, большинство из них предназначалось для царя, и некоторые книги, например, посвящённые римскому собору св. Петра и древнеримским гробницам, до сих пор хранятся в Библиотеке Российской Академии наук в составе библиотеки Петра I³. На гравюрах были представлены отдельные достопримечательности древнего и нового Рима, а также портреты тогдашних правителей итальянских стран, в том числе Козимо III Медичи и кардиналов.

Общеизвестно, что около 1715–1716 гг. Пётр I стал проявлять особенно большой интерес к искусству. Русские агенты и дипломаты в Европе в это время начинают получать указания о покупке картин и скульптур. Среди них, очевидно, был и Куракин. Можно предположить, что именно к нему относится поручение неназванному по имени «полковнику» «зделать в Голландии статуи свинцовые и урны»⁴. Этот черновик письма может быть соотнесён с посланием царя от 24 марта 1716 г., адресованным Куракину: «...подрядите зделать на пробу в Англии и Голландии по одному горшку медному и по одному свинцовому или оловянном чтоб всех было четыре в том числе чтоб два были против приложенного при сем рисунка а другие два зделать каким маниром лутче знают мастера толко чтоб мерою были таковы ж и в какову цену станут о том к нам пиши»⁵. По-видимому, расходы на эти «горшки» выходили за рамки бюджета

¹ Цит. по: *Мезин С. А.* Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 95.

² Архив князя Ф. А. Куракина. Т. 4. Саратов, 1893, С. 128, 129.

³ *Fontana C.* Il tempio Vaticano e sua origine con l'edifici piu' conspicui antichi e moderni... Roma, 1694; *Bartoli P. S.* Gli antichi sepolcri ovvero mausolei romani e etruschi disegnati e inagliati da Pietro Santi Bartoli. Roma, 1704. Ср: *Боброва Е. И.* Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л. 1978. С. 124, № 1123, С. 198, № 905.

⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 57. Л. 501.

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Д. 81. Л. 315.

Куракина, и он просил о выделении дополнительных денег на это задание. Поэтому 7 мая 1716 г. Пётр I дал указание русскому торговому агенту в Амстердаме Осипу Соловьёву: «Господин посол Куракин объявил нам что надобно ему денег на расплату <за медные и свинцовые горшки, которые он заказал делать в Англии и Голландии. — С. А.> около двух тысяч гульденов и то число денег дайте от себя...»⁶. Можно предположить, что столь крупная сумма денег предназначалась не только для оплаты «горшков», но и статуй, указание о заказе которых Пётр I дал, вероятно, несколько позднее.

Во всяком случае, уже 11 августа того же года Куракин писал царю о заказанных им статуях: «По указу вашего величества все статуи подряжены, а за какую цену в приложенной ведомости изволите усмотреть... а поспеют те две статуи на конец сентября месяца»⁷. К письму прилагалось «Ведение о подряде статуй», из которого видно, что речь шла о 60 статуях высотой в 6 футов и о 20 бюстах из свинца, которые следовало «лить из свинцу смешенными другими металми для крепости лутчей пропорциею и самым добрым мастерством». Предполагалось, что половина скульптур должна была быть готова к началу марта 1717 г., а оставшиеся — к июлю или августу того же года. В качестве аванса Куракин выплатил 1 000 гульденов⁸. Большой интерес представляют сведения о стоимости этих произведений из свинца. Согласно Куракину, позолоченные статуи «без платья» оценивались в 160 гульденов или 64 ефимка (талера), а «с платье» — в 185 гульденов или 74 ефимка. Статуи без позолоты стоили несколько дешевле: полностью нагие — 130 гульденов (52 ефимка), а с драпировками — 140 гульденов (70 ефимков). Кроме того, Куракин уточнял: «Ежели при которой статуи будет купидо или какой зверь, или птица за такую сверх вышепомянутой цены прибавить к золоченой 20: гульденов, а без позолоты 8: гульденов а есть ли на одной педестал две персоны такая считаются вдвое ценною»⁹. Первыми статуями, исполненными для России, должны были стать изображения «Гладиатора» (вероятно, «Гладиатор Боргезе») и «Венеры (Медичи?)»: «...вышеписанный мастер подряжен делать две статуи бес платья которые называются гладиаторис и венус, договорено за каждую по сту шестидесять гульденов с позолотою и червонным золотом вызолотить»¹⁰. Копия письма Куракина без даты, хра-

⁶ Там же. Л. 555.

⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 27. Л. 534.

⁸ Там же. Л. 537.

⁹ Там же. Л. 534.

¹⁰ Там же. Л. 534, 534 об.

нящаяся в том деле, даёт возможность понять сюжеты заказанных статуй, которые «выбраны из книг», причём здесь же приводится название книги по-французски (не без ошибок): *Recueil des figures, groups, thermes, fontaines, vases, statues et autres ornemens de Versailles*¹¹. Нет сомнений, что источником явилось гравированное издание скульптуры Версальского парка, опубликованное впервые в 1695 г. в Амстердаме Симоном Томассеном и потом неоднократно переиздававшееся¹². В приводимом Куракиным списке из 46 статуй указаны даже номера иллюстраций по книге Томассена. Из него видно, что Куракин (или его консультанты) произвёл некоторый отбор, отвергнув ряд произведений. Можно предположить, что он отдавал предпочтение более дешёвым статуям перед дорогими группами и сериям перед разрозненными фигурами. После этих 46 статуй Куракин приводит ещё 14 статуй, выбранных «из розных листов», а также 12 бюстов «цесарей римских» и 8 бюстов «философов старых». Сюжеты скульптур даются здесь по-французски, а также и в русском переводе¹³.

Первая партия свинцовых статуй и бюстов была закончена уже весной 1717 г., когда Пётр I находился в Париже. Он писал в Гаагу к комиссару Т. Т. Левкину 4 мая: «По приложенной при сем росписи за рукою господина князя Куракина отдайте за перевоз от Гаги до Амстердама статуй и горшков и на прочие мелочи... 851 гульден 16 штиверов»¹⁴. Тремя днями позднее царь давал указания Осипу Соловьёву об отправке статуй из Амстердама в Петербург: «...также штатой и педесталы, которые присланы к тебе от князя Куракина, и каменные плиты, которые у Христофора Бранта, и прочия наши вещи положите на тот же гукаръ вниз, вместо баласту»¹⁵.

Борис Неронов, заведовавший Садовой конторой, сообщал, что в 1717 г. в Петербург были привезены «27 фигур свинцовых», а также «8 фигур свинцовых поясных» и «8 горшков свинцовых болших для садки дерев». В следующем году им же было получено «статуй свинцовых с педесталами 32» и «статуй же свинцовых поясных 12»¹⁶. Поскольку общее число статуй составляет 60, а бюстов — 20, нет

¹¹ Там же. Л. 523.

¹² *Tomassin S. Recueil des figures, groups, thermes, fontaines, vases, statues, et autres ornemens de Versailles. Amsterdam, 1695.*

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 27. Л. 544–547. Опубликовано: *Androsov S. Нидерландская скульптура в России петровского времени // Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century. Groningen 1998. P. 187–189.*

¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Д. 84. Л. 405.

¹⁵ Там же. Л. 464.

¹⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 67. Л. 1037 об., 1038.

сомнений, что эти сведения относились именно к скульптуре, заказанной Куракиным. Как мы видели, статуи сначала перевозились из Гааги в Амстердам, а стоимость их давалась в гульденах. Поэтому следует предположить, что они создавались по гравюрам Симона Томассена именно в Голландии.

Свинцовые статуи, повторяющие оригиналы из Версаля, Пётр I смог увидеть после возвращения в Петербург, в октябре 1717 г. Повидимому, они вызвали одобрение царя, и Куракину были даны новые поручения, связанные с приобретением произведений искусства, в том числе и статуй. Так, 7 декабря 1721 г. Пётр I писал Куракину: «По приложенной при сем росписи велите подрядить сделать в Галандии статуи свинцовые и урны...». Речь шла здесь о заказе «12 статуй свинцовых которые показывают 12 месяцев своими знаками мерою как назначено на двух чертежах под номером девятым... 12 урнов свинцовых же против чертежа»¹⁷. Согласно справке, поданной Куракиным, эти статуи, изображавшие 12 месяцев, и урны должны были быть отправлены в Петербург в марте 1723 года¹⁸. Повидимому, они были посланы в срок, потому что 29 апреля 1723 г. царь дал распоряжение о пересылке 12 урн «которые из Галандии адресованы в Ревель... х Котлину острову на фрегате»¹⁹.

Судя по описям XVIII в., свинцовые статуи и бюсты нашли себе место в Летнем саду и в Петергофе. Однако петербургский климат оказался слишком суровым для относительно мягкого материала, каким является свинец. Уже к концу XVIII в. свинцовых статуй оставалось совсем немного в императорских садах. Описание скульптуры в императорских собраниях 1859 г. упоминает лишь несколько таких произведений в Петергофе с пометками «весьма ветхая и повреждённая». Ни одна из статуй до наших дней не дошла.

С Куракиным связано также завершение истории серии картин с изображением сражений Северной войны. У истоков этого заказа стоял Юрий Кологривов, первый, по преимуществу, художественный агента царя. Он покупал в Париже книги, инструменты и различные приборы, а также в ноябре 1717 г. заказал живописцу Дени Мартену Младшему серию картин с изображением сражений Северной войны. Картины затем должны были быть гравированы и даже переведены в шпалеры²⁰. Позднее за эти работы отвечал

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Д. 98. Л. 378, 379–379 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 566. Л. 2 об.

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Д. 103. Л. 452.

²⁰ Каминская А. Г. Пребывание Петра Великого в Париже в 1717 году // Санкт-Петербург – Франция. СПб., 2010. С. 76–77, 79–80.

остававшийся в Париже Алексей Юров, а после отъезда последнего — Куракин. Работа затянулась надолго, в том числе и из-за задержек с оплатой. В результате картины попали в Россию уже после смерти Петра I (отправлены Куракиным в сентябре 1725 и марте 1726)²¹.

Уже упоминавшийся документ даёт интересные сведения о разнообразных поручениях, которые с 1718 г. получал Куракин. Ему предписывалось, в частности, «после умерших картин, оранжереи, кабинеты куриозные о том писать а буде время не будет покупать» (по «очистке», представленной послом, «еще де не было okazji»). Используя связи Голландии с Ост-Индией, Куракин приобретал также экзотических животных и предметы обихода с Дальнего Востока. «В 719 м году в сентябре месяце писал что ... было мартышек 5: из которых 3 умерли... 6 попугаев разных... из оных 2 умерли... В 1719 м году по первому же указу о покупке всяких вещей к убору домов в покупке два убора каморные с кроватми хинской работы...»²². Он же должен был «персону его царского величества и ея величества государыни царицы резать к печати», на что отвечал: «...оригинальные портреты отправлены будут сухим путем в марте месяце» (1718 г.) и, согласно приписке, сделанной позднее, «10 го апреля того ж году писал он ж господин князь Куракин что отправил с подъячим Иваном Лебетьевым а потом з domestikом своим отпущенным с пороховым мастером портрета писма морова орижинальной и протчее...»²³. По-видимому, речь здесь могла идти о живописном портрете Петра I или царицы Екатерины, исполненных Карелом де Моором и оставленных Куракину для гравирования. Портрет царя действительно был гравирован Якобом Хаубракенем по оригиналу де Моора, тогда как изображение царицы было связано с другим живописным прототипом²⁴.

Судьба портрета Петра I работы де Моора до сих пор не совсем ясна. Связывавшийся с его именем портрет, происходящий из собрания Академии художеств и хранящийся ныне в Эрмитаже, в новейшей литературе приписывается Андрею Матвееву, копировавшему образец работы де Моора. Оригинал же голландского художника идентифицируется с картиной, продававшейся в 1982 г. в Па-

²¹ [Лантева Т. А.] «По указу вашего величества з живописцем договорился писать баталии» // Архивное дело 2011, № 1. С. 182–197.

²² РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 566. Л. 1 об.—2.

²³ Там же. Л. 1—1 об.

²⁴ Никулина Н. Неопубликованный портрет Екатерины I работы Карела де Моора // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1958. Вып. XIV. С. 22.

риже, настоящее местонахождение которой неизвестно²⁵. Как следует из другого документа, 30 мая 1718 г. «от посла князя Куракина» были получены «портрет писма Морова оригинальной и протчие», а также «роба напечатанная з доски медной персоны государевой»²⁶. Можно предположить, что портрет царицы, исполненный де Моором, в тот момент ещё оставался в Голландии. Дальнейшая судьба его не прослеживается до начала XX в., когда он был выставлен на знаменитой выставке в 1905 г. в Таврическом дворце как находившийся в имении Надеждино, которое принадлежало семье Куракиных. Возможно, по каким-то причинам, например, не получив одобрения заказчицы, портрет не был отправлен в Петербург и остался у Куракина, а затем перешёл к его потомкам. Только в 1956 г. портрет приобрёл Эрмитаж, где он занял почётное место.

Среди фрагментов разных архивных дел Кабинета Петра Великого в РГИА хранится документ под названием «Роспис что отправлено в Питербурх»²⁷, не имеющий ни даты ни имени отправителя. Почти наверняка он относится к Куракину, потому что в ней упоминаются «60 статоу болших свинцовых» и «20 статоу поясных». В него могли быть включены и покупки, сделанные во время пребывания царя во Франции. Здесь следует особенно выделить различные приборы, например, «5 бораметров, 2 фосфоруса (?), инструмент для снимания планов, трупка двойная, 2 трупки зрительные, часы с компасом, 2 готовални, 3 готовални с инструментом, 2 инструмента перья чинит». Другую группу предметов можно связать с декорацией Грота в Летнем саду. Это «раковины для Гроту присланные от беклемишева 4 ящика, раковины ж которые в амстердаме подарены от остиндской кампани», и ещё раз «раковины на убор грота» а также «мраморовые плиты и черной камен» и «плиток 10000». Наконец, в списке есть и произведения искусства: «ножик старинной в ножнах серебряных чеканных, ящик перспективной к нему 56 перемен листов, лист рисованны карандашем». Особый интерес в этой росписи представляют «3 <штуки-зачеркнуто. — С. А.> шпалер образцы», «картина на меди написан геркулес», а также (4) «ящичка с картинами» и «картина азии (?) вид енова <Дженова=Генуя? — С. А.>»²⁸. К сожалению, эти произведения никак не идентифицируются.

²⁵ См.: *Ильина Т. В., Римская-Корсакова С. В.* Андрей Матвеев. М., 1984. С. 68–80, 222, 268. № 4.

²⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 114. Д. 61588. Л. 1 об.

²⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 19. Л. 9–9 об.

²⁸ Там же. Л. 9 об.

Мы располагаем сведениями о том, что Куракин неоднократно посылал в Петербург купленные им картины, однако обычно в документах отсутствуют их списки или описания. Так, в письме к Ульяну Синявину, директору Канцелярии от строений, от 26 октября (9 ноября) 1722 г. Куракин упоминал о трёх ящиках с картинами, прилагая к письму опись произведений, которая до нас не дошла²⁹. В письме надворного интенданта Петра Мошкова к кабинет-секретарю Алексею Макарову от 12 ноября 1723 г. речь шла о 24 картинах, принятых в Зимнем дворце, «которые присланы были от князя Бориса Ивановича Куракина»³⁰.

Приходилось Куракину заниматься также улаживанием разных дел, в том числе связанных с оплатой товаров, посылаемых в Петербург. По-видимому, он имел хорошую репутацию в Голландии и Франции, поэтому нередко иностранцы со своими претензиями обращались именно к нему. Так, в конце 1723 г. он писал к А. В. Макарову по поводу жалобы купца Цезаря Сарди о деньгах, не заплаченных за провоз 22 ящиков с мраморными плитами для Петергофа³¹. Видимо, задержка вышла из-за наступления зимнего времени в Петербурге. В конце концов Сарди вернули долг, хотя и с некоторым опозданием.

Важным представляется письмо Куракина к царю от 21 марта (2 апреля) 1724 г., в котором он сообщал о своей встрече с герцогом д'Антенном: «Дюк дантейн надзиратель смотрения королевскаго по воли вашего величества зделал план кашкаты марлинской болшой которая противу палат со всеми профилми, и перспектив, работы мраморовой и фундамент весь кондоттов воды так полней во всем как надлежит и отдал мне, и притом письмо к вашему величеству которое при сем прилагаю...»³². Таким образом, мы можем утверждать, что и в последний год жизни Петра Великого Куракин выполнял функции агента царя, интересовавшегося королевскими парками в Версале и Марли.

Собранные нами материалы проливают новый свет на деятельность князя Куракина по заказу и приобретению произведений искусства в Голландии и Франции.

²⁹ Там же. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32а. Л. 679.

³⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 63. Л. 931.

³¹ Там же. Д. 67. Л. 29.

³² Там же. Д. 63. Л. 70.

Дмитрий Яковлевич Северюхин
(Санкт-Петербург)

*Профессор и заведующий кафедрой графики
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна*

Начало Петербургского художественного рынка

Художественный рынок Санкт-Петербурга, зародившийся в начале XVIII столетия ради удовлетворения нужд придворной аристократии, а позже распространившийся и на другие слои общества, долго носил неупорядоченный характер. Его основным механизмом являлись целевые закупки у иностранных купцов, а также нерегулярные частные или казённые распродажи предметов искусства, сообщения о которых публиковались в «Санкт-Петербургских ведомостях». На торги выносились как отдельные предметы, так и целые художественные коллекции, причём зачастую произведения искусства продавались «по случаю» вместе с другим движимым и недвижимым имуществом. Предметную основу художественного рынка составляли по большей части недорогие работы кисти второстепенных иностранных художников, а также гравюры и всевозможные произведения декоративно-прикладного искусства. Первенство здесь безраздельно принадлежало завезённому из-за границы антикварно-художественному товару.

Развитие художественного рынка в XVIII столетии существенно затруднялось относительно невысоким уровнем культуры основной массы зажиточных горожан, мало знакомых с изобразительным искусством. Краевед Пётр Столпянский, первым обратившийся к истории художественного рынка XVIII в., рассчитанного не на мещаната, а на «рядового, среднего обывателя», сетовал в 1913 г.: «В про-

даже художественных произведений мы не видали ни своего Новикова, ни своего общества, стремящегося издавать и популяризовать художественные произведения. О художественном воспитании, о воздействии на художественные вкусы массы никто не думал. Художественное произведение являлось или роскошью, доступной для немногих, или теряло своё художественное значение и становилось лишь мерою, способом для политического воздействия. В последнем случае было важно вовсе не выполнение, а сюжет»¹.

Тем не менее, интерес к искусству в петербургском обществе неуклонно возрастал. Увлекаться живописью, гравюрой и скульптурой, приобретать художественные предметы, составлять художественные коллекции стали со временем не только члены императорской семьи и аристократы, но и чиновники всех рангов, офицеры, представители духовенства и купеческого сословия, лица свободных профессий. Подъём интереса в обществе к искусству, увеличение спроса на художественные произведения стимулировали развитие рынка.

Значительную область петербургского художественного рынка в XVIII в. составляла продажа гравюр, напрямую связанная с книгоиздательским делом. Э. Ф. Голлербах в своей «Истории гравюры и литографии» пишет: «Благодаря тому, что гравюра на протяжении трёх столетий была почти единственным способом воспроизведения художественных созданий и выполняла многообразную и ответственную роль книжной иллюстрации, она проникла в народные массы глубже всякой другой отрасли искусства. Живопись и скульптура всегда носили более замкнутый, самодовлеющий характер. Широкие массы народа видели произведения живописи и скульптуры только в церквях, если не считать уличных памятников и случайных триумфальных украшений. Гравюра была всегда несравненно демократичнее, доступнее и дешевле, была больше средством, чем самоцелью»².

В мае 1698 г., в последние дни пребывания в Голландии во время Великого посольства, Пётр I дал привилегию купцу Яну Тессингу и переводчику и типографу Илье Копиевскому печатать для нужд России на церковнославянском, голландском и латинском языках, географические карты, чертежи, «персоны» (гравированные портреты), книги по архитектуре, инженерному строительству и военному делу. Наказ царя звучал так: «Чтоб те чертежи и книги напечатаны

¹ *Столянский П. Н.* Старый Петербург. Торговля художественными произведениями в XVIII в. // *Старые годы.* 1913. № 10. С. 41.

² *Голлербах Э.* История гравюры и литографии в России. М.; Пг., 1923; репринт: М., 2003. С. 7.

были к славе превысокому имени великого государя нашего царского величества и всему Российскому нашему царствию меж Европейскими монархи, цветущей наивящей похвале, и ко всеобщей народной пользе и прибутку и ко обучению всяких художеств и ведению, а понижения б нашего царского величества превысокой чести и государства наших славы в тех чертежах и книгах не было»³. 30 мая 1705 г. Пётр I подписал указ об открытии в Москве гражданской (светской) печатной типографии, а в следующем году по высочайшему повелению началось преобразование Московского печатного двора. Сюда из Оружейной палаты была переведена гравировальная мастерская голландца Питера Пикарта, автора первых гравированных пейзажей Санкт-Петербурга, а в ближайшие годы привезены из Голландии и сооружены по голландским образцам новые печатные станки. Следствием выработанной издательской программы Петра I стало развитие не только книгопечатания, но и гравировального искусства. Уже в первые двадцать лет XVIII в. выпуск книг и гравюр был приблизительно в сто раз больше, чем за всё предыдущее столетие.

С 1720-х гг. первенство в деле производства гравюр постепенно стало переходить к новой столице. В 1711 г., при деятельном участии Петра I, была основана Санкт-Петербургская типография (первоначально называлась «Государева письменопечатня»). В её гравировальной мастерской трудились переехавший из Москвы Пикарт, а также русские художники Алексей Зубов, Иван Мякишев, Алексей Ростовцев и др. К 1726 г. в штате типографии числилось 80 человек, на оплату штата шло более трёх с половиной тысяч рублей в год⁴. В числе первых иллюстрированных книг, выпущенных типографией, была «Книга Марсова» (1713), задуманная как памятник славы русского оружия и украшенная восемнадцатью гравюрами с изображением русских побед работы Адриана Шхонебека, Питера Пикарта и Алексея Зубова. «Дочерними» предприятиями Санкт-Петербургской типографии стали Сенатская типография (основана в 1718) и типография Александро-Невского монастыря (с 1719); с 1720 г. в Санкт-Петербурге действовала и типография Морской академии.

Ещё одним центром книгоиздательского и гравёрного дела в Санкт-Петербурге стала Российская Академия наук, подразделениями которой являлись Академическая типография и Гравировальная палата. В Гравировальной палате исполнялись не только различные

³ ПиБ. СПб., 1887. Т. 1. С. 333; см. также: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 20–25.

⁴ *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург. Три века истории. СПб., 2003. С. 13.

гравёрные работы для нужд книгоиздания, но и отдельные эстампы — образцовые портреты членов императорской фамилии, государственных деятелей, виды городов, аллегорические композиции, а также заказные альбомы, в частности, посвящённые коронации императриц Анны Иоанновны (1730—1731) и Елизаветы Петровны (1742—1745), палатам Академии наук (1741), иллюстрированный каталог Кунсткамеры (1747). Вершиной деятельности Гравировальной палаты стал альбом гравюр «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших онаго проспектов» (1749—1753), исполненный под руководством Джузеппе Валериани по рисункам Михаила Махаева. Этот альбом и его отдельные листы на протяжении трёх десятилетий оставались в числе наиболее популярных в столице произведений графического искусства⁵.

В торговле книгами и гравюрами первенство поначалу принадлежало книжной лавке Санкт-Петербургской типографии, открывшейся в 1714 г. в Гостином дворе на Троицкой площади. Монопольную продажу продукции Гравировальной палаты вела книжная лавка Академии наук, которая с 1725 г. располагалась на втором этаже пустовавшего дворца царицы Прасковьи Фёдоровны, жены царя Ивана Алексеевича (брата Петра I), на месте нынешнего дома № 1 по Университетской набережной. Время от времени эта лавка давала в газету объявления о наличном ассортименте гравюр. Гравюра, при сравнительно невысокой цене (от 20 до 60 копеек за лист), постепенно сделалась массовым видом изобразительного искусства и со второй половины XVIII в. получила широкое распространение во всех слоях общества⁶. Немаловажным является и то обстоятельство, что, начиная с 1740-х гг., ведущее положение в петербургском искусстве гравюры стали занимать отечественные мастера (Е. Г. Виноградов, А. Ф. Зубов, Г. А. Качалов, М. И. Махаев, И. А. Соколов, Е. П. Чемесов и др.), тогда как на рынке произведений живописи вплоть до начала XIX в. русские имена встречались довольно редко.

Ещё одним государственным учреждением, осуществлявшим продажу произведений искусства, была Академия художеств. С начала 1760-х гг. в книжной лавке Академии художеств стали широко продаваться исполненные её членами гравюры. Кроме того, Академия художеств несколько лет выступала в качестве комиссионера Московского университета и продавала в своей книжной лавке из-

⁵ *Алексеева М. А.* Михайло Махаев. Мастер видового рисунка XVIII века. СПб., ММШ. С. 78—108.

⁶ Подробный анализ книготорговой деятельности Академии наук дан в кн.: *Зайцева А. А.* Книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII века. СПб., 2005. С. 11—127.

дания и гравюры его типографии (в 1766 г. Московский университет отказался от комиссионерства Академии художеств и основал собственную лавку в Санкт-Петербурге).

В начале 1760-х гг. одновременно с устройством первых академических выставок решался и вопрос о создании при Академии художеств так называемой Факторской — коммерческого подразделения, ответственного за продажу созданных в её стенах художественных произведений, причём, не только гравюр, но также картин и гипсовой пластики⁷. 4 января 1764 г. А. Ф. Кокоринов, вступивший в должность директора и архитектора Академии художеств, направил ново назначенному президенту Академии И. И. Бецкому рапорт, в котором предложил продавать «аукционным порядком» скульптурные копии, выполненные учениками (исключая те, которые были отмечены наградами), а вырученные деньги перечислять к «экономической сумме» Академии художеств, сверх положенной по штату⁸. 16 января последовал ответ Бецкого, гласивший: «Писанные же учениками картины единственно для учения их, кроме тех, через которые экзаменованы бывают и получают награждения, приказать, сделав аукцион, продать и, собирая за оные сумму, причислять к экономической: дабы Академия могла возвращать хотя некоторые за издерживаемые для ученических учений материалы свой убыток и через тож самое публике показать пользу и сделать удовольствие, что, внеся в академический журнал, посему поступать ежегодно». Тем же распоряжением постановлялось: «Для отвращения мыслей ученических во время праздное от скуки, причиняющей угрюмость, и для недопущения их до самых недозволяемых шалостей: по желанию их дозволить играть комедии и трагедии при Академии художеств; чего ради небольшой театр приказать сделать в удобном месте»⁹. Устроенные тогда же первые аукционные торги сопровождались специально выпущенным каталогом, составленным Кокориновым¹⁰. На продажу были выставлены рисунки, выполненные учениками в качестве учебных программ, а также живописные копии, гравюры и гипсовые слепки; стоимость проданных работ доходила

⁷ Подробнее см.: *Северюхин Д. Я.* Первые шаги петербургского художественного рынка: Факторская в Академии художеств // *Антикварное обозрение.* 2007. № 3. С. 60–62.

⁸ Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет её существования / Под ред. П. Н. Петрова. Ч. 1. СПб., 1864. С. 79–80.

⁹ Там же. С. 81–82.

¹⁰ См.: *Р-ий Д. [Ровинский Д. А.]* Академия художеств до времён императрицы Екатерины II-й // *Отечественные записки.* Т. Сп. (сент. 1855). Отдел II. С. 67–68.

до 40–50 рублей, а общая выручка от аукциона составила 372 рубля. Эту сумму направили на устройство упомянутого театра, руководством которым было возложено на известного актёра и педагога Якова Даниловича Шумского. Роль академической факторской в общем товарообороте художественных произведений на петербургском рынке была весьма невелика. Однако историческое значение этого заведения состояло в том, что оно стало первой в столице и долгое время единственной специализированной структурой, связанной с продажей произведений искусства, созданных отечественными художниками, и прообразом будущих художественных магазинов.

В последней трети XVIII в., вслед за Академией наук и Академией художеств, торговлю гравюрами осуществляли и другие государственные учреждения, имевшие свои типографии, включая Правительствующий Сенат, Морской кадетский корпус, Военную коллегию, Императорский Сухопутный шляхетский кадетский корпус и др. Продажей художественных произведений занимался также Императорский воспитательный дом, при котором существовала «сохранная казна» (ломбард), принимавшая в заклад картины.

Торговля гравюрами производилась и частными лицами — книготорговцами, издателями, переплётчиками. Сенатским указом 1771 г. Иоганну Михелю Гартунгу было дано право на заведение в Санкт-Петербурге первой «вольной типографии и словолитной». Указ 1776 г. позволил устроить собственную типографию книгопродавцам Иоганну-Якобу Вейтбрехту (основателю и руководителю открытой в 1760 г. Императорской книжной лавки) и Иоганну Шнору. В 1781 г. компаньоны разделили дело. В дальнейшем Шнор стал одним из крупнейших типографов столицы, а Вейтбрехт руководил работой Императорской типографии, существовавшей с 1784 по 1814 год. Именной указ Екатерины II от 15 января 1783 г. «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранном языках, с освидетельствованием оных от Управы Благочиния» покончил с государственным монополизмом в этой области. Он давал право всем желающим заводить типографское дело, что способствовало увеличению выпуска книг и гравюр, а вместе с тем и расширению торговли в этих сферах.

В последнее десятилетие XVIII в. в Санкт-Петербурге было открыто до двадцати книжных лавок, в которых продажа гравюр составляла заметную долю товарооборота. В числе держателей этих лавок были как иностранцы (вышеупомянутые И.-Я. Вейтбрехт и И. Шнор, а также А. Роспини и Г. Клостерман, речь о которых пойдёт ниже), так и русские: И. П. Глазунов, Н. И. Кольчугин,

Т. А. Полежаев, М. К. Овчинников, В. А. Плавильщиков, В. С. Сопиков и др.¹¹

В истории сохранились некоторые сведения о двух коммерческих заведениях Екатерининской эпохи, специализировавшихся на художественном товаре.

В 1779 г. в Санкт-Петербурге был открыт один из первых в России художественных магазинов¹² — «эстампный кабинет», основанный австрийским подданным, переплётчиком по профессии, Андреем (Андрианом) Роспини представителем итальянского купеческого семейства. Точными сведениями об этой личности мы не располагаем. Немногим более мы знаем о его родственниках — купцах 1-й гильдии Иоганне Баптисте Роспини (род. в 1748, «австрийской нации итальянский купец, уроженец местечка Турина герцогства Майландского (Миланского. — Д. С.); записан в «иностранные гости» в 1-ю гильдию 19 марта 1787) и его компаньоне книготорговце Антоне Францевиче (Антуане Франсуа) Роспини (1772, Комо, Ломбардо-Венецианское Королевство — 19 декабря 1818 г., Санкт-Петербург¹³). Родители последнего приехали в Россию в 1767 г., а сам он по воле отца прибыл в Санкт-Петербург в 1793 г., навсегда остался здесь и в 1807 г. принял российское подданство¹⁴. Антон Роспини неоднократно дарил книги Императорской Публичной библиотеке, участвовал в учёных собраниях по вопросам каталогизации, а в 1812 г. был утверждён в звании Почётного библиотекаря. В представлении директора А. Н. Оленина на имя министра народного просвещения графа А. К. Разумовского говорилось, что он «нужен для Императорской Публичной Библиотеки по сношениям его с иностранными книгопродавцами, посредством коих она может с выгодой продать или променять имеющееся в оной значительное количество излишних экземпляров книг»¹⁵. Ещё одним компаньоном Антона Роспини был Иоганн Непомук Роспини (Johann Nepomuk Rospini; род. в 1764 или 1774 в Граце, судя по второму имени, имел славянские корни; в 1794 г. был записан в петербург-

¹¹ *Зайцева А. А.* Книжная торговля в Санкт-Петербурге... С. 178–209.

¹² Заметим, что слово «магазин» в современном значении стало применяться только в 1820-е гг., а широкое распространение получило во втор. пол. XIX в.

¹³ Записка А. Н. Оленина гр. А. К. Разумовскому с сообщением о смерти Роспини // РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 62. Л. 1.

¹⁴ *Шилов Л. А.* Роспини Антон Францевич [Электронный ресурс] // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1395 (дата обращения: 01.01.2017).

¹⁵ Отношение А. Н. Оленина на имя гр. А. К. Разумовского от 13 марта и ответ министра от 18 марта 1812 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 10. Л. 1–2.

ские купцы 3-й гильдии с капиталом в 1 050 рублей, заявив, что «торг желает производить книгами и эстампами»¹⁶). С 1790-х гг. торговлей книгами и эстампами в Санкт-Петербурге занимался и Жан (Иоганн) Роспини-племянник (нам не известно, чей именно племянник), основавший фирму *Rospini-neveu et C°*. К этому семейству, по всей вероятности, принадлежал и упомянутый Пушкиным в одной из юношеских эпиграмм другой Антон Роспини — «императорский физико-механик», изготовитель и продавец оптических и электрических приборов, сотрудник физического кабинета Царскосельского лицея, владевший домом на участке Миллионная ул., д. 10 / наб. р. Мойки, д. 9 (ныне там известный дом А. И. Штакеншнейдера).

Вернёмся, однако, к торговле художественными произведениями. Объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 22 октября 1779 г. гласило: «По Невской перспективе в Перкиновом доме (дом купцов Перкиных на углу Невского и Адмиралтейской площади [по тогдашней нумерации д. 69; на месте современного д. 2; почти одновременно с магазином в этом доме разместилось и Вольное экономическое общество. — *Д. С.*] у приехавшего недавно Италианца Роспини продаются собрания Англинских, Римских и Французских купферштихов (гравюр на меди. — *Д. С.*), в числе которых есть много архитектурных украшений, также исторические, мифологические, натуральной истории, Аглинские сады и прочие примечания достойные собрания Гугтона, Скородумова и других славных мастеров как тушеванной, так и новейшей миниатюрной работы. Сей Италианец проживет здесь не более 4 недель»¹⁷. Пребывание Роспини в Санкт-Петербурге, однако, затянулось на годы. Впрочем, в процитированном газетном объявлении, как и во многих последующих (а также и в известных нам архивных документах), не указывается имя этого «Италианца Роспини», что создало некоторую путаницу в позднейших исследованиях. Судя по всему, к художественной торговле в ближайшие три десятилетия было причастно несколько членов семейного клана, включая, не в последнюю очередь, вышеупомянутого книготорговца Антона Роспини. В октябре 1780 г. газетные объявления на русском и французском языках сообщали об открытии заведения Роспини по новому адресу: «на

¹⁶ *Зайцева А. А.* Иностранцы книготорговцы в Санкт-Петербурге в конце XVIII — начале XIX в. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 30–31, 35, табл. 2.

¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1779. № 85, 22 октября. Прибавление. С. 1278.

Невской перспективе супротив самой Казанской церкви в наугольном доме по Екатерининскому каналу в нижнем этаже наулицу»¹⁸ (современный адрес: Невский пр., д. 28, где ныне стоит знаменитое здание компании «Зингер» — «Дом книги»). К 1785 г. его магазин переселился «в Кондоидиевов дом № 6, противу Гостиного двора, возле Армянской церкви» (ныне Невский пр., д. 40–42), и стал называться «Эстампный кабинет и книжная французская лавка». Тогда же объявления о нём стали печататься и на французском языке¹⁹.

В магазине Роспини велась не только прямая торговля, но и принималась предварительная подписка на заказываемые работы русских и иностранных художников (в число таковых входили в основном портреты государственных деятелей и гравюры, посвящённые недавним историческим событиям). Значительное количество продававшихся в магазине эстампов составляли графические интерпретации произведений знаменитых западноевропейских живописцев. Много гравюр было куплено там по указанию Екатерины II для эрмитажного собрания. Так, в одном из документов, хранящихся в архивном фонде Кабинета Императорского двора, говорится: «Употреблено в расход по изустным повелениям в мае месяце 1785-го года из комнатной суммы Италианцу Роспини за эстампы, взятые в 1784 году по пяти счетам в число шести тысяч четырехсот пятидесяти шести рублей тридцати копеек (...)»²⁰. Можно представить себе, что речь шла о приобретении нескольких тысяч эстампов. Добавим, что в 1785 г. Роспини получил 14 080 рублей 60 копеек за книги, купленные для великих князей Александра Павловича и Константина Павловича²¹. Магазин Роспини существовал до 1812 г. Однако уже 1830-е гг. итальянское присутствие на петербургском художественном рынке возобновится благодаря деятельности семейств Фьетта, Аванцо, Дациаро, Буфа, Негри и Тоньолати, заведения которых займут свои места близ Невского проспекта.

¹⁸ Там же. 1780. № 87, 30 октября. С. 1033.

¹⁹ Там же. 1785. № 18. Текст французского объявления там же: «Le Sieur Rospini a l'honneur de faire part aux amateurs qu'il a un Cabinet d'Estampes Angloises, Françaises & Italiennes, livres d'Architecture d'Antiquitéz, d'Histoire Naturelle; et l'on peut les acheter tant en grandes collections separement; il demeure à la Grande Perspective vis-a-vis de l'Eglise de Notre Dame de Kasin au rez de chaussée, sur la rue».

²⁰ Роспись по именным Ее Императорского Величества указам на 1785. РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3900. Л. 198-об.

²¹ Там же. Л. 17-об., 18.

«Вслед за Роспини, — пишет Столпянский, — появился в Санкт-Петербурге ряд так же иностранцев, которые к своей книжной торговле присоединили торговлю эстампами и гравюрами, причём, торговля книгами отошла на задний план»²².

С 1783 г. в Санкт-Петербурге действовало торговое заведение Германа (Иоганна Германа) Клостермана (Johann Hermann Klosterman). Немец по происхождению, Клостерман родился 5 августа 1757 г. в голландском городе Гертруйденберге (Gertruydenberg) в Северном Брабанте. В 1768 г. он приехал в Санкт-Петербург с отцом, Иоганном Клостерманом-старшим, который в 1770 г. получил должность сначала преподавателя немецкого языка, а потом инспектора в Пажевском Корпусе. С тех пор и до конца жизни Клостерман-младший жил в российской столице, где открыл торговлю картинами, гравюрами и мраморной скульптурой, а позже и книжную лавку²³. Газетное объявление от 14 марта 1783 г. сообщало, что в заведении, расположенном напротив Адмиралтейства в доме Мещанского клуба под № 106 (современный адрес: Адмиралтейский пр., д. 10 / Вознесенский пр., д. 2), «продаются картины и рисунки знатных мастеров, эстампы Англинские и Французские, старинные и новые чёрные, красные и цветные, и до истории натуральной принадлежащие книги архитектурные, мраморы, терквиты [терракота. — Д. С.], музыкальные ноты и французские книги»²⁴. Несколько ранее появилось газетное объявление, сообщавшее, что в заведении Клостермана продаётся издание комедии «Недоросль» Д. И. Фонфизина («по 80 копеек, в турецкой бумашке по 1 рублю»²⁵).

Драматургу Д. И. Фонвизину Клостерман был во многом обязан началом своего коммерческого дела. Со своим покровителем он познакомился в 1777 г. в Париже, где тот находился в командировке от Иностранной коллегии в качестве переводчика. «С ним впоследствии находился я в очень близких сношениях, которые имели большое влияние на мою судьбу, — писал Клостерман в своих воспоминаниях о писателе, завершённых около 1830 г., — Как он, так и его достойная супруга оказывали мне до самой их кончины неограниченное доверие и неизменную любовь»²⁶.

²² Столпянский П. Н. Указ. соч. // Старые годы. 1913. № 9. С. 25.

²³ О Клостермане см.: Зайцева А. А. Иностранные книготорговцы в Санкт-Петербурге... С. 29–51. См. также: Пуртов Ф. Клостерман. Немцы в России. Энциклопедия. Т. 2. М., 2004. С. 122–123.

²⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1783. № 21, 14 марта.

²⁵ Там же. 1783. 28 февраля; отметим, что в объявлении речь шла о первом печатном издании комедии.

²⁶ Из неизданных записок Клостермана / Примеч. П. И. Бартенева // Русский архив. 1881. Кн. 3. № 6. С. 292.

Фонвизин был близок ко Двору и входил в дома петербургской знати, он поддерживал дружеские отношения с коллекционерами гр. Г. Г. Орловым и вице-канцлером А. М. Голицыным, имел репутацию тонкого знатока изящных искусств. В Париже он, помимо непосредственных служебных обязанностей, имел специальное задание от наследника престола Павла Петровича. «Великий князь-наследник и граф [Н. И.] Панин, — вспоминал Клостерман, — поручали ему покупать статуи и картины славных художников, книжные редкости, гравюры и проч. Я очень часто ездил с ним в лавки, в которых, равно как и на аукционах, случалось ему делать значительные закупки. Когда ему самому не хотелось ехать на общественную распродажу художественных произведений, он посылал торговаться меня, отметив предварительно в каталоге что нужно было купить. Таким образом я вошёл в сношения с главнейшими Парижскими книгопродавцами, именно Дебюром, Десеном (Dessaint), Панкуком, братьями Варуа, Жубером, Мериго, Фрудем, Дидотом, Мутаром, Базаном и Пеньо (Raignaut) и др., что доставило мне впоследствии значительная выгоды»²⁷. Располагая связями и значительными средствами, Фонвизин при участии Клостермана приобретал целые партии старинных и современных гравюр, а позже и живописных произведений французской, итальянской, голландской и немецкой школ.

Значительная часть приобретённого за границей художественного товара продавалась в Санкт-Петербурге в магазине, находящемся в ведении Клостермана. Духовное завещание Фонвизина, составленное в 1786 г., гласило: «Заведенная мною коммерция вещами до художеств принадлежащими и отправляемая ныне Санктпетербургским первой гильдии купцом Германом Клостерманом, должна остаться в полном и единственном хозяйстве и распоряжении жены моей, так что господин Клостерман повинен ей одной и моему душеприказчику, если он потребует, давать отчет в коммерции на следующем положении: 1. Прибыток в Коммерции должен быть обращен на оплату моих долгов, буде такие останутся, а по заплате прибыли весь да будет в пользу жены моей по смерть ее или пока она Коммерцию продолжать захочет. 2. Как господин Клостерман, во все времена доказал мне свою честность, рачение и разумение, то завещаю управление Коммерции от него и его наследников не отнимать, разве если захочет перестать продолжать сию Коммер-

²⁷ Там же. О взаимоотношениях Фонвизина и Клостермана см. также: *Рассадин С. Б.* Сатиры смелый властелин. Книга о Д. И. Фонвизине. М., 1985. С. 235–236.

цию. 3. Все вещи, кои жена моя иметь у себя захочет, ей немедленно отдать»²⁸.

Заведение Клостермана в 1785 г. расположилось «по Невской перспективе насупротив Ново-Исакиевской улицы в доме под № 69»²⁹ (ныне Невский пр., д. 2, в створе Адмиралтейского пр.), а с 1795 г. располагалось на Ново-Исакиевской ул. в доме № 96 (№ 99)³⁰.

Лавка Клостермана пользовалась популярностью у великосветского общества. Её неоднократно посещала для покупок сама императрица Екатерина II в сопровождении хранителя своей галереи, художника и реставратора Дж. А. Мартинелли. В 1782 г. здесь для Эрмитажного собрания было приобретено сразу 46 картин кисти старых и современных западных (преимущественно французских) мастеров на внушительную сумму 10 635 рублей. В выпущенном тогда же каталоге этого собрания значатся имена Де Виньи, Ш. Ванлоо, Н. Ланкре, Э. Лессюэра, К. Маратти, А. ван Остаде, А. Схоумана и др.³¹ В 1786 г. вышел на французском языке каталог продававшихся в лавке Клостермана предметов, насчитывающий 769 номеров.

Как и в заведении Роспини, значительную долю торговли у Клостермана составляли старинные и современные гравюры, стоимостью от 1 до 15 рублей. По сообщению Петра Столпянского, Клостерман особенно покровительствовал английскому гравёру Джеймсу Уокеру (James Walker; у Столпянского: Жамес Валкер), работавшему в Санкт-Петербурге в 1784–1801 гг. Известно также, что в его магазине продавались работы француза Ж.-Ж. Авриля, русских гравёров А. Ф. Березникова и Г. И. Скородумова, много безымянных гравюр, иллюстрирующих события отечественной истории.

Клостерман, судя по всему, был первенцем в области организованной продажи скульптурных произведений. В 1794 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали о том, что «продаются в лавке у г. Клостермана следующие под мрамор сделанные бюсты: 1) Виргилио [Вергилия. — Д. С.]; 2) Демосфена; <...> 9) Марка Аврелия;

²⁸ Фонвизин Д. И. Сочинения. СПб., 1866. С. 524; см. также: Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство // Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа. (1764–1917). Л., 1985. С. 346.

²⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1786. № 8. 27 янв. С. 89.

³⁰ Современный адрес установить не удалось. Отметим, что Ново-Исаакиевская улица (она же Адмиралтейская или Большая) фактически проходила тогда от Благовещенской пл. (ныне пл. Труда) до начала Невского пр.; ныне это ул. Якубовича (на юго-восток от Исаакиевской пл.) и Адмиралтейский пр.

³¹ Каталог полностью приведён в кн.: Левинсон-Лессинг В. Ф. Указ. соч. С. 356–359.

10) Агриппины; <...> 25) Лессинга; 26) Вольтера; 27) Жан Жака Руссо; 28) Винкельмана; 29) Менгеса; 30) аббата Рейнеля; 31) Фридриха II и др.»³²

Отметим попутно, что продажа скульптурных произведений получила распространение в Санкт-Петербурге ещё в середине XVIII в. В первую очередь, это были изделия декоративно-прикладного искусства — мраморные каминные, столы, постаменты, вазы и другие предметы обихода, реже — фигуративная пластика. Всё это поначалу в основном ввозилось из-за границы — Штелин, например, пишет о публичной продаже на бирже в 1756 г. около 50 больших, средних и малых мраморных скульптур, привезённых купцами Косселем и Хааком из Ливорно³³. К концу столетия значительную долю продаж в области скульптуры составляли резные памятники, монументы и надгробия. Это было время взлёта жанра отечественной мемориальной пластики, обусловленного разрывом с церковной традицией надгробия и распространением новых представлений о значении человеческой личности, созвучных эпохе Просвещения. Богатое скульптурное убранство могил в Санкт-Петербурге постепенно становилось нормой для постоянно растущего слоя состоятельных людей. Первенство в этой области, как и в других сферах пластического искусства, поначалу принадлежало иностранным мастерам. Однако уже в последней четверти столетия на первый план здесь постепенно выдвинулись отечественные монументалисты, питомцы Академии художеств — Ф. Г. Гордеев, М. И. Козловский и И. П. Мартос, «определившие своим творчеством весь дальнейший путь развития национальной школы ваяния»³⁴.

Но вернёмся к Клостерману. Фонвизин умер на его руках 2 декабря 1792 г. и спустя четыре дня был торжественно похоронен в Александро-Невской лавре. Вдова писателя скончалась в 1796 г. Общая оценка имущества, перешедшего от Фонвизина к Клостерману для продажи (обширная библиотека, картины и гравюры), составила, по словам последнего, 52 221 рубль (вероятно, ассигнациями), что являлось весьма внушительной суммой. Художественная торговля Клостермана продолжалась до начала 1810-х гг., о чём свидетельствуют изредка встречающиеся объявления в газетах.

³² Санкт-Петербургские ведомости. 1794. № 67.

³³ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Сост., пер. с нем. и прим. К. В. Малиновского. В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 169.

³⁴ Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI — начала XX в. М., 1978. С. 68. О торговле скульптурой в XVIII в. см.: Столянский П. Н. Указ. соч. // Старые годы. 1913. № 10. С. 35–38.

5 ноября 1804 г. Клостерман по рекомендации президента Императорской Академии художеств графа Александра Сергеевича Строганова стал официальным комиссионером этого заведения по продаже художественных произведений³⁵. В определении Совета Академии говорилось: «Совет свидетельствует чувствительную благодарность Его Сиятельству [гр. А. С. Строганову. — Д. С.] за сие полезное для Академии предложение, находит оное весьма выгодным и соответствующим целям Академии, как собственно потому, что она произведения свои, состоящие в Эстампах, Картинах и Статуях, может в пользу свою и воспитанников наиудобнейшим способом распространять, так и для того не менее, что послужит сие к распространению в России знания и вкуса в изящных искусствах»³⁶. В ближайшие годы Клостерман учредил несколько книжных и гравюрных лавок в разных городах России, где среди прочего продавались работы, выполненные в стенах Академии художеств. Российское подданство он принял только в 1807 г. и в том же году устроил в своём заведении аукционную распродажу собственного художественного собрания («живописных картин лучших мастеров — Пиетро Перужино [Перуджино], Солватора Розы, Пусеня [Никола Пуссена. — Д. С.], эстампы, английские часы, мебель, зеркала»³⁷).

Купец 1-й гильдии (с 1791 г.) Герман Клостерман умер в Санкт-Петербурге 4 января 1838 г. и был похоронен на Волковском лютеранском кладбище. Он оставил процитированные выше воспоминания под заглавием: «*Denkwürdigkeiten des ehemaligen Kunst und Buchhändlers Germann Johann Klostermann*», в которых описал свою жизнь от младенчества до 1830 г. Коммерческое дело с 1811 г. возглавлял его зять и компаньон Карл Вейе (Charles Weyher), издавший каталог книжного собрания тестя³⁸.

Наряду с Роспинеи и Клостерманом, во второй половине XVIII в. в Санкт-Петербурге действовали и другие коммерсанты, через руки которых, вероятно, проходили немалые художественные ценности — в их числе были купцы Линдемани и Лабенский (брат будущего хранителя картинной галереи Эрмитажа художника Ф. И. Лабенского), купеческая контора Брункс и Вре, придвор-

³⁵ Записка гр. А. С. Строганова вице-президенту ИАХ П. П. Чекалевскому (ноябрь 1804) // РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1778 (О комиссионере Клостермане). Л. 1, 1-об.

³⁶ Определение Совета ИАХ // Там же. Л. 2.

³⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1807. № 7. С. 75; орфография источника.

³⁸ *Catalogue général de la librairie ci-devant Klostermann actuellement Charles Weyher, commissionnaire du Département Impériale de l'Amirauté. Nouvelle rue d'Isaac No. 99. St. Petersburg, 1807–1827.*

ный банкир бар. И. Ю. Фредерикс, купец Штендер, продавший в 1785 г. Кабинету Ее Императорского Величества коллекцию мраморных скульптур на сумму 111 356 рублей³⁹. Среди коммерсантов были и подолгу работавшие в российской столице иностранные художники: И. Ф. Гроот, братья Л. Ж.-Ф. Лагрене и Ж.-Ж. Лагрене, Ж.-Б. Лепренс, Г. К. Пренер, А. Перезинотти и Л. К. Пфандцельт.

Наметившиеся в последней трети XVIII в. черты петербургского художественного рынка сохранялись до конца Александровского царствования. Но необходимые «воспитательная» и «накопительная» фазы его истории постепенно уступали место «созидательной» — по мере становления национальной художественной школы. Рост интереса к современному отечественному искусству, которое стало давать достаточно широкое поле для целенаправленного собирательства, настойчиво зывал к новым организационным инициативам. И они не заставили себя ждать: с конца 1820-х гг. петербургский художественный рынок являл собою сложную картину, в которой взаимодействовали и боролись многообразные тенденции как эстетического, так и коммерческого порядка.

³⁹ Роспись по именным Ее Императорского Величества указам на 1785. РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3990. Л. 153–157.

Адриан Воль
(Париж)

*Преподаватель Института истории искусства
Университета Париж I — Сорбонна*

14 мая 1717 года: Пётр I в Парижской Опере¹

Среди прочих тем, вызывающих интерес Петра I во время посещения Парижа в 1717 г., следует отметить производство предметов искусства. Утром 14 мая он побывал в Королевской Академии живописи и скульптуры, которая находилась в Лувре, с интересом расспрашивая о художниках членах Академии. После обеда царь отправился в находящийся в нескольких сотнях метров дворец Пале-Рояль, служивший тогда резиденцией Его Королевского Высочества Монсеньора герцога Регента Филиппа Орлеанского. Регент лично показал царю свою художественную галерею, которая изобиловала картинами. Вечером около 17 часов Пётр I и регент отправились в Оперу, находившуюся в Пале-Рояле, в ложу Филиппа II, чтобы посмотреть оперу «Гипермнестра»². В тот же самый вечер в другом парижском театре, Комеди Франсэз, давали «Электру» Креббийона-старшего, а вслед за ней и «Жоржа Дандена»³ Мольера.

С 1715 г. Франция переживала новую культурную эпоху, наступившую с окончанием царствования Людовика XIV, характеризо-

¹ Перевод с франц. Б. Лассерон под редакцией М. Щербины.

² *Jordan C. La Clef, ou journal historique sur les matières du tems. Verdun, Muguet, juillet 1717.*

³ *Registre des Comédiens du Roy, commencé après Pâques le 6 avril 1717 et finissant le 2 avril 1718, non paginé.*

вашегося унылой и строгой набожностью. Дворянство, которое до этого было полностью подчинено соблюдению правил придворного этикета⁴, ощутило дух свободы. Одним из важных новшеств эпохи Регентства был отъезд Двора из Версаля в Париж, чтобы снова сделать его центром власти, где избранная публика отныне собиралась не только в литературных, но и в философских салонах. По вечерам в роскошных апартаментах происходили обмен и распространение новых идей⁵.

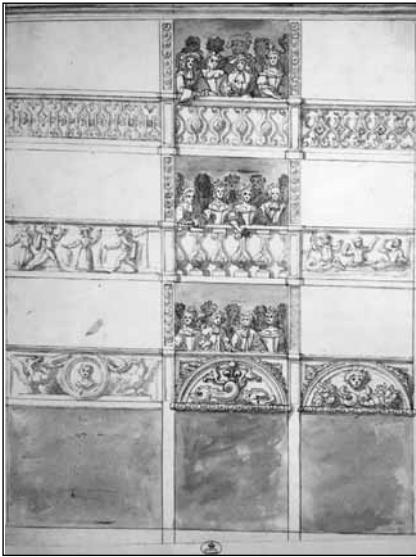
Опера, популярная в Италии уже целое столетие, во Франции в период Регентства была ещё очень молодым искусством, которое зародилось в последней трети XVII в. и было усовершенствовано композитором Люлли. Его продолжительные по времени спектакли были насыщены музыкой, танцами, разговорами и использовали сложную сценическую механику. Цель, которую преследовали эти постановки, была ясна: поразить публику зрительными образами и оглушить звуками. Во Франции в развитие оперного театра вкладывали огромные деньги, а в постановках доминировали помпезность и пышность.

Культ воображаемого, который распространялся из зрительного зала Пале-Рояль, бывшего тогда единственным оперным театром Парижа, отразится впоследствии на всём искусстве XVIII в. Героиня романа Филиппа Бридара де ла Гарда (*Bridard de la Garde*) «Вторая Жаннет, или Новая удачливая крестьянка» («*Jeanette seconde ou la Nouvelle paysanne parvenue*», 1750) так описывает атмосферу, обычно царившую на улицах Парижа вокруг здания Оперы в день спектакля: «Мы были вынуждены остановиться на площади Пале-Рояль из-за бесчисленного множества карет: близился час оперы. Я видела, как в экипажах, сияющих от обилия золота, на спектакль приезжали роскошно одетые дамы <...> Я видела также, как по улице Сент-Оноре ехало множество карет-купе поменьше, настолько переполненных молодыми людьми, что лошади едва тащили их изо всех сил к Опере»⁶. Часто после полудня весь квартал был буквально забит каретами ещё задолго до того, как в театре поднимали занавес. Несмотря на значительное стечение публики, в то время парижские улицы были небезопасны. Так, через два дня после посещения Петром I Оперы столицу облетела новость: в ночь с 16 на 17 мая, выходя

⁴ *Ribeiro A.* Dress in Eighteenth Century Europe, 1715–1789. New Haven: Yale University Press, 2002. P. 11.

⁵ *Ibid.* P. 15.

⁶ Cité dans *Lagrange H.* Le Théâtre et le Public à Paris de 1715 à 1750. Paris, Klincksieck, 1972. P. 520.



Илл. 1. Рис. Пьера-Поля Севена.

из таверны в Сен-Жерменском предместье, на улице Бушери (ныне улица де Корделье), грабителями, покусившимися на его деньги, был убит барон де Шеметав⁷.

Интерьер зала Оперы, который видел Пётр I, был создан при Жане-Батисте Люлли в самом конце XVII в. Люлли получил этот зал для постановок оперы после смерти Мольера в 1673 г. Тогда зал заново покрасили, чтобы добавить ему больше блеска. Вигарани расписал потолок зала аллегорическим сюжетом, изображавшим Аполлона, венчающего лавровым венком Музу музыки. Вокруг римского божества, покровите-

ля удовольствий и искусств, были представлены остальные восемь муз с соответствующими им атрибутами⁸. Сохранившаяся смета работ по обновлению театра в 1673 г. позволяет судить о том, как выглядел тогда зал, вид которого подтверждают также рисунки Пьера-Поля Севена (Pierre-Paul Sevin), хранящиеся в Национальном Архиве Франции (илл. 1). Фасады лож, в частности, были расписаны в подражание каменной балюстраде богатым орнаментом жёлтого цвета, а сверху украшены картушами. На ложах первого яруса такие картуши изображали гирлянды, либо два рога изобилия с расположенным над ним солнечным ликом. Балюстрада второго яруса была украшена панно с рельефами, изображавшими мифологических античных богов. Интерьеры лож были покрашены в серый цвет, но смета не позволяет судить, насколько они были роскошно украшены: посетители театра арендовали ложи на год и отделявали их по своему желанию⁹. Вечером 14 мая в ложе Регента из предметов обстановки находились две банкетки и «большой ковёр»¹⁰.

⁷ Le Nouveau Mercure. Mai 1717.

⁸ Cordey J. Lully installe l'Opéra dans le théâtre de Molière : la décoration de la salle // Bulletin de la Société de l'histoire de l'Art français. 1950. P. 137–142.

⁹ Ibid. P. 140.

¹⁰ Boislisle A. de (éd.), *Saint-Simon Louis de Rouvroy*. Mémoires de Saint-Simon. Paris: Hachette, 1879–1931. Vol. 31. P. 373.

Помимо лож зал был разделён на зоны, которые публика занимала в зависимости от своего статуса или благосостояния. Партер состоял из двух частей: «кресел партера», расположенных близко к музыкантам, где было несколько сидячих мест у оркестровой ямы, продававшихся по самой высокой цене, и остальных, более дешёвых, которые все были стоячими. Зрители в партере могли быть очень шумными и сурово судить игру актёров, если спектакль был не на высоте их ожиданий. Именно эта публика партера, состоявшая только из мужчин, обеспечивала успех или провал спектакля своими бурными аплодисментами или свистом, если представление



Илл. 2. Рис. Пьера-Поля Севена.

им не нравилось. Чтобы оградить других зрителей от этой шумной толпы, между партером и остальной частью зала была установлена решётка. Позади партера располагался амфитеатр, ряды в котором поднимались наклонно. Вдоль стен было возведено два яруса по 15 лож каждый, а на третьем ярусе — галёрка, где зрители могли передвигаться и сидеть на скамейках¹¹; среди посетителей галёрки можно было встретить лиц сомнительной репутации и проституток, которые использовали посещение Оперы как «витрину». Из партера можно было попасть в ложи, которые находились по краям сцены, как это можно увидеть на рисунках Пьера-Поля Севена (илл. 2).

Регент не занимал королевскую ложу, которая находилась в первом ярусе, справа от авансцены. Таким образом, место, предназначенное для герцога Орлеанского, находилось во втором ярусе, слева от сцены. Ложа Регента соединялась с его апартаментами в Пале-Рояль коридором, по которому, вероятно, проходил Пётр I, а рядом с ложей находилась небольшая смежная гостиная. Описанное здесь огромное пространство зала, вмещавшее от 1200 до 1500 зрителей, исчезло в ходе большого ремонта и перестройки, произведённой в 1732 г. Ремонт, несомненно, был необходим, потому что

¹¹ Lagrave H. Op. cit. P. 83.

украшения театральных залов чернели от копоти огромного количества горевших свечей и прочих осветительных приборов.

Если представление задумывалось грандиозным, то само здание Оперы не было настолько впечатляющим по своим масштабам. Не стоит сравнивать французские театры начала XVIII в. с просторными залами XIX в., каким был, например, зал Оперы Гарнье. В Пале-Рояль было недостаточно места для передвижения зрителей, поскольку большая часть пространства была занята сценой и зрительным залом в ущерб немногочисленным и узким лестницам и выходам. К счастью для зрителей пожары в театрах случались редко, а если и происходили, то после спектакля. Помимо той опасности, которую представляли трудности передвижения, в театре трудно было дышать из-за отсутствия вентиляции, дыма от свечей и пыли.

В этой накалённой и дымной атмосфере почти ничего не было слышно и плохо видно из-за прямоугольной формы зала: из боковых лож, как та, в которой находились Регент и Пётр I, сцена была видна плохо, зато хорошо были видны зрители и, особенно, зрительницы в соседних ложах, потому что зал оставался освещённым в течение всего спектакля¹².

Итак, зрители могли хорошо видеть друг друга. Женщины сидели в первых рядах лож в сопровождении мужчин, которые активно пользовались театральными биноклями, чтобы рассматривать своих соседей. Женщины не могли этого делать, т.к. такое поведение считалось неприличным для них. Многие внимательно следили, кто из высокопоставленных лиц посетил спектакль, у кого какие платья, причёски и украшения. В XVIII в. мужчины носили довольно простую одежду. В основном, это были короткие штаны с жилетом и плащ, подобранные в одном цвете¹³. Одежда, которую носили женщины, была гораздо сложнее по конструкции, особенно в Париже. Трудно определить основное направление моды, но в период Регентства, в особенности в столице, дамы часто носили открытые платья, состоящие из корсета и юбки, сшитых вместе. Как и в конце XVII в., в это время дамы ещё не носят каркас-панье для придания объёма платью, либо те только начинали входить в моду. Но с середины XVIII в. театральные залы стали напоминать современные модные дефиле: зрительниц и актрис тщательно разглядывали, ана-

¹² *Serre S.* L'Opéra de Paris (1749–1790): politique culturelle au temps des Lumières. Paris: CNRS Editions, 2011.

¹³ *Ribeiro A.* Op. cit. P. 17.

лизируя детали их одежды, чтобы позаимствовать идеи для собственного гардероба¹⁴.

Занятия зрителей на протяжении всего представления были разнообразными. Известно, что царь выпил несколько бокалов пива, которые ему подавали на подносе¹⁵, при этом он продолжал беседовать со своими спутниками. В вечер представления Петра I сопровождали Регент, вице-канцлер и другие придворные. Российский монарх сидел в первом ряду ложи, рядом с Герцогом Орлеанским¹⁶, наиболее заметный для всех в зале. За их спинами сидели маршал Франции де Тессе (Maréchal de Tessé) и князь Б. И. Куракин, канцлер царя¹⁷. В ложе были также Маркиз д'Этамп (Marquis d'Étampe) и Маркиз де Симиан (Marquis de Simianes), сидевший позади герцога Орлеанского¹⁸. Говорят, что Пётр I был поражён великолепием спектакля и сменой декораций, но особенно его впечатлило мастерство балерины Франсуазы Прево (Françoise Prévost)¹⁹. Наконец, как это было принято во Франции в XVIII в., царь покинул Оперу, не дожидаясь конца четвёртого акта. Регент сопровождал его до входа в Пале-Рояль²⁰, туда же, где Петра I встречали днём.

Опера «Гипермнестра», которую посмотрел царь, была новой трагедией на музыку Шарля-Юбера Жерве (Charles-Hubert Gervais). Премьера этого произведения впервые состоялась на сцене Пале-Рояль в ноябре 1716 г. Поначалу спектакль не имел успеха, постановку неоднократно приостанавливали для внесения изменений и улучшений. 20 апреля 1717 г. её вернули в репертуар. Если верить газете «Le Nouveau Mercure» за май того же года, новая постановка была успешной: «Изменения, сделанные автором и композитором, были благосклонно приняты любителями оперы»²¹. Либретто «Гипермнестры» было пёстрой смесью нескольких мифологических

¹⁴ *Gorget-Ballesteros P., Volle H.* «Andrienne et paniers ou l'argument de la scène dans la circulation des modes féminines au début du XVIIIe siècle», in JOIN-DIETERLE, Catherine (dir.), *Modes ! À la ville comme à la scène, catalogue de l'exposition de Moulins (8 avril – 17 septembre 2017)*. Paris; Somogy; Moulins: CNCS, 2017.

¹⁵ *Buchet P.-F.* *Abbrégé de l'histoire du Czar Peter Alexiewitz*. Paris: Pierre Ribou, 1717.

¹⁶ *Boislisle A. de* (éd.). *Op. cit.* P. 373.

¹⁷ *Campardon E.* (éd.), *Buvat J.* *Journal de la Régence (1715–1723)*. Paris: Plon, 1865. 2 vol.

¹⁸ *Buchet P.-F.* *Op. cit.*

¹⁹ *Idem.*

²⁰ *Idem.*

²¹ *Le Nouveau Mercure*. Mai 1717.

историй, игравших роль аллегорического посвящения Регенту Филиппу Орлеанскому. Может быть, именно поэтому он посмотрел её три раза в 1716–1717 гг. Кстати, Пётр I был большой любитель музыки. 13 июня 1717 г., когда царь был в Версале и Трианоне, для него из Парижа было приглашено 16 музыкантов, которые затем играли для него в течение четырёх дней, всякий раз до поздней ночи²².

Источники того периода (дневники, мемуары) сообщают только об одном посещении Петром I оперы: а именно 14 мая 1717 г. Вероятно, он не был ни в Комеди Франсез, ни в Итальянской комедии, которые были тогда двумя другими важнейшими театрами французской столицы, однако несколько раз ездил в Королевскую мануфактуру гобеленов, в Монетный двор и Обсерваторию. Это происходило по следующим причинам. Во-первых, во время своего визита в Париж деятельного Петра I больше интересовали науки, нежели искусства. Во-вторых, он был очень занят многочисленными протокольными визитами. Но ещё две другие причины, возможно, лучше объяснят игнорирование им театра. Первая — царь не понимал французского языка, а французы вокруг него не говорили по-русски. Все контакты происходили по-немецки. Французский театр XVIII в. был ориентирован именно на текст, а не на сценическое действие. Театральная механика, служившая для создания великолепных сценических эффектов в Опере, редко использовалась в драматических спектаклях. Для зрителя, не понимающего языка пьесы, представление могло показаться скучным. Другая причина, повлиявшая, возможно, на выбор Петра, — это то, что его характеризовали, хотя и лишь официально, как человека скромного, не любившего помпезности и публичности. Газета «La Clef» сообщала, что «Почти везде, где бы он ни был, он всегда отказывался от почестей, которые ему готовились воздать». Другая газета эпохи Регентства даже утверждала, что царь не любил показываться на публике. Говорят, что во время прогулки по Версальскому парку Пётр заявил, что «Не любит, когда за ним следует толпа всякого сброда, но ему доставляет удовольствие видеть вокруг себя порядочных людей»²³. Поскольку театр того времени был местом, где персонам высокого ранга часто оказывались особые почести, возможно, что Пётр хотел их избежать. Действительно, в XVIII в. спектакли часто прерывали, чтобы публика могла восторженно приветствовать появление в личной ложе какой-нибудь высокой особы²⁴. Однако это не означает, что

²² Campardon E. (éd.), *Buvat J.* Op. cit. P. 277.

²³ Idem.

²⁴ Lever M. *Théâtre et Lumières : les spectacles à Paris au XVIIIe siècle.* Paris: Fayard, 2001.

русский царь не испытывал никаких чувств к сценическому искусству. Во время своего первого посещения Версаля 12 мая 1717 г. Пётр очень заинтересовался альбомом, в котором были представлены гравюры со сценами и костюмами из «Королевского балета, посвящённого празднествам в честь Бахуса, в котором Его величество танцевал в Пале Рояль в 1651 году»²⁵.

Наконец, если Париж вдохновил Петра I на изменения в различных областях, чтобы по возвращении в Санкт-Петербург основать учреждения науки и культуры, то Франция также отдала дань уважения к нему через создание нескольких художественных произведений, например, «Россиянка» и «Марш царя» («Marche du Czar») Луи де Ке д'Эрвелуа. Таким образом «Московия», как называли Россию во Франции в то время, также оказала влияние на культурную жизнь Франции.

²⁵ Le Nouveau Mercure. Juin 1717.

Хендрикке Келенбек
(Гейдельберг)

Студентка Гейдельбергского университета и Школы Лувра,
волонтер Государственного Эрмитажа

Пётр I и «Индийская серия» шпалер в Эрмитаже¹

«Индийская серия» из 8 шпалер — одна из самых известных в эпоху барокко — изображает экзотическую природу Бразилии². В 1717 г. Пётр I получил их в подарок при посещении Королевской мануфактуры гобеленов в Париже.

Эти гобелены, по-видимому, украшали залы Зимнего дворца, однако были утрачены, вероятно, во время разрушительного пожара во дворце в 1837 г.³ Тем не менее, сохранились копии, сотканые на Петербургской шпалерной мануфактуре. Эрмитаж владеет тремя из них: в экспозиции — «Борьба хищных зверей» (*илл. 1*) и «Туземец с луком в руке под деревом» (*илл. 2*)⁴, «Слон и лошадь» (*илл. 3*) в запасниках.

Вначале мы расскажем об обстоятельствах, при которых Пётр I получил шпалеры, а также об основании шпалерной мануфактуры в Петербурге. Затем рассмотрим историю этой серии шпалер, изготовление которой было инициировано голландским принцем Иоган-

¹ Перевод с нем. С. Зуберова.

² Основой для нашей работы послужила самая полная и недавняя публикация об Индийской серии шпалер: см.: *Klatte G., Prüssmann-Zemper H., Schmidt-Loske K.* (ed.). *Exotismus und Globalisierung. Brasilien auf Wandteppichen. Die Tenture des Indes.* Berlin; Munich, 2016.

³ См.: *Klatte G.* *Die Anciennes Indes* // *Ibid.* P. 97.

⁴ По состоянию на май 2017 г. шпалеры выставлены в ГЭ, залы 167 и 168.



Илл. 1. Шпалера «Борьба хищных зверей». Императорская шпалерная мануфактура, Санкт-Петербург, 1757. ГЭ, инв. № ЭРТ-16182.

ном Морищем Нассау-Зигенским. В заключении проанализируем сами шпалеры, в особенности изображённых животных.

1. Визит царя на королевскую мануфактуру Гобеленов в Париже

Во время визита в Париж царь дважды посещал Мануфактуру гобеленов. Оба визита детально описаны французским писателем Луи-Франсуа Дюбуа де Сан-Желеном⁵. Согласно Желену, рано ут-

⁵ См.: *Dubois de Saint-Gelais L.-F. Histoire journalière de Paris (1716–1717)*, édité par Maurice Tourneux. Paris, 1885. P. 138–142, mis en ligne le 08.02.2010, consulté le 08.06.2017: [Электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5774869m.r> (дата обращения: 11.03.2018) = С. 413–416; *Henry Ch. Le Séjour de Pierre Le Grand à Paris. Contribution à l'histoire de la formation du cabinet de Saint-Petersbourg* // Publications du Groupe Histoire Architecture Mentalités Urbaine. P. 11–12, mis en ligne le 16.04.2011, consulté le 08.06.2017: [Электронный ресурс] // <https://www.ghamu.org/IMG/pdf/Pierre1er-txt-def-20-04-2011.pdf> (дата обращения: 11.03.2018).



Илл. 2. Шпалера «Рыбаки». Императорская шпалерная мануфактура, Санкт-Петербург, 1772. ГЭ. Из кн.: Русские шпалеры. Петербургская шпалерная мануфактура, 1975.

ром 12 мая 1717 г. Пётр I прибыл на мануфактуру, и в 7:30 утра был принят представителями королевского двора и директором мануфактуры Жюлем-Робером де Коттом⁶.

Работники специально подготовили двор мануфактуры к визиту высочайшего гостя, чтобы иметь возможность показать как можно больше шпалер. Они расположили шпалеры на стенах двора в два слоя. По пути в мастерские Пётр видел верхний слой шпалер, который после этого был убран, чтобы царь мог увидеть на обратном пути нижний слой. Посещая мастерские и красильни, Пётр беседовал с рабочими. Месяц спустя (15 июня) он возвращается на мануфактуру.

Ему позволено от имени короля Франции выбрать гобелены, которые ему понравились. Он выбирает две серии: «Индийскую», состоящую из 8 гобеленов, и «Сцены из Нового Завета», в которую входило 4 ковра (находятся в коллекции Эрмитажа)⁷.

⁶ Также присутствовали маркиз де Бельгард и Робер де Котт, первый архитектор короля. См.: *Dubois de Saint-Gelais L.-F.* Op. cit. P. 138–139.

⁷ «Сцены из Нового Завета» по картонам Жана Жувене изготовлены в мастерской Лефевра-сына на королевской Мануфактуре гобеленов, Париж, 1712–1723. Инвентарный номер: T-2898, T-2898, T-2901, T-2902. Царь получил также две небольших шпалеры: «Христос» по эскизам Шарля Лебрена и «Испанка» по картине Жана-Батиста Сантерра. Последние две шпалеры не сохранились. См.: *Dubois de Saint-Gelais L.-F.* Op. cit. P. 140–142; *Lekhovitch T.* Le travail de la tapisserie est extraordinaire ici // Gwenola Firmin [et. al.] (ed.) : Pierre Le Grand. Un tsar en France — 1717, cat. d'exp. Château de Versailles, Versailles, 2017. P. 141–142.



Илл. 3. Шпалера «Слон и лошадь». Императорская шпалерная мануфактура, Санкт-Петербург, 1742-1747. ГЭ, инв. № ЭРТ-21150. Фото Д. А. Бобровой.

Чем объясняется интерес, проявленный Петром I, к королевской мануфактуре? Царь задумал основать первую в России шпалерную мануфактуру в Санкт-Петербурге. Для реализации этого замысла мануфактура в Париже была очень важна в качестве примера — на ней производили лучшие в Европе шпалеры.

2. Основание шпалерной мануфактуры в Санкт-Петербурге

До правления Петра I шпалеры были в России большой редкостью. Они здесь не производились, немногие шпалеры попадали в страну в качестве дипломатических подарков из Европы⁸. Ситуация радикально меняется вследствие решения основать шпалерную мануфактуру в Петербурге. В родном городе Петра появился спрос на шпалеры, т.к. владельцы новых дворцов желали оформить их на европейский лад⁹. Кроме того, долгое и дорогое производство шпалер делало их объектом международного престижа, ради которого Пётр во многом и основал первую русскую мануфактуру. Страна-производитель шпалер вступала в соревнование с ведущими державами Европы¹⁰.

⁸ См.: *Biriukova N., Slive Z. I. Western European Tapestries in the Hermitage // The Burlington Magazine. Vol. 107, n° 749 (août 1965). P. 415.*

⁹ См.: *Lekhovich T. Op. cit. P. 139.*

¹⁰ См.: Там же; *Polovitsoff A., Chambers V. Some Notes on the St. Petersburg Tapestry Works // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 35, n° 198 (sept. 1919). P. 111.*

Отношения Петра с мастерами гобеленовой мануфактуры оказались плодотворными. По поручению царя Ж. Лефорт ещё в 1716 г. нанял опытных мастеров-ткачей, которые прибыли в Екатеринбург (месторасположение первой мануфактуры, основанной в 1717 г.) и передавали знания русским мастерам¹¹.

3. Русские копии «Индийской серии», изготовленные в Санкт-Петербурге

В начальный период деятельности мануфактуры привезённая из Франции «Индийская серия» сыграла важную роль в развитии российского ткачества, т.к. послужила моделью для многочисленных копий на протяжении всего XVIII в.¹²

«Слон и лошадь» (*илл. 3*) из коллекции Эрмитажа является примером копии, несколько изменённой по сравнению с оригиналом. На её изготовление, в котором участвовало от трёх до пяти человек, потребовалось 5 лет (с 1742 г. по 1747)¹³. Производство этой шпалеры размером 3 x 5 м обошлось в 1 500 рублей — невиданная по тем временам сумма. Ковёр соткан из шерсти и шёлка, что придаёт особый блеск одним частям изображения и матовость другим.

На всех шпалерах императорской мануфактуры Санкт-Петербурга имеется монограмма правящего монарха в верхней части орнаментальной рамы. На данной шпалере можно видеть монограмму дочери Петра I Елизаветы. «Слон и лошадь» считается одной из немногочисленных русских шпалер эпохи барокко, сохранившихся до наших дней.

4. Происхождение и история «Индийской серии»

Что означает название «Индийская серия»? Ведь само изображение отсылает к региону, который сегодня мы называем Бразилией¹⁴.

¹¹ В самом деле, уже в 1716 г. Пётр I распорядился найти для службы французских ткачей. Мастера прибыли в Санкт-Петербург в начале 1717 г. и в июле того же года. См.: *Polovtsoff A., Chambers V.* Op. cit. P. 110–111.

¹² См.: *Biriukova N., Slive Z. I.* Op. cit. P. 415–416; *Klatte G.* Op. cit. P. 97.

¹³ См.: [Электронный ресурс] // http://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/news/news-item/news/1999_2013/hm11_3_24/?lng=en (дата обращения: 08.06.2017).

¹⁴ Для историко-лингвистического анализа названия серии см.: *Prüssmann-Zemper H.* Exotische Welten im Spiegel der Sprache. Linguistische Anmerkungen zu Indes, «calecuttisch», Maures // *Klatte G., Prüssmann-Zemper H., Schmidt-Loske K.* (ed.). Exotismus und Globalisierung. Brasilien auf Wandteppichen. Die Tenture des Indes. Berlin; Munich, 2016. P. 25–27.

«Индия» — это исторический термин эпохи великих географических открытий, использовавшийся сначала для обозначения Юго-Восточной Азии. После открытия Америки так назвали этот континент.

Чтобы различать два географических региона, будем говорить об Ост-Индии и Вест-Индии. В случае с «Индийской серией» речь идёт о Вест-Индии, то есть о Южной Америке — в частности о Бразилии. В расширительном значении, слово «Индия» обозначало тогда большую неизведанную часть мира и стало синонимом чего-то необычного и экзотического, происходящего из далёких земель.

Инициатором создания этой серии был принц Иоганн Мориц Нассау-Зигенский (1604—1679) (Jean Maurice de Nassau-Siegen), фельдмаршал Соединённых провинций и крупный меценат¹⁵. В 1636—1644 гг. он занимал пост генерал-губернатора голландских колоний на северо-востоке Бразилии. Под его управлением колонии расширялись и процветали, но главная его заслуга состоит в том, что он начинает первое систематическое исследование флоры и фауны Нового Света, для чего собирает группу учёных и художников¹⁶.

Два опытных учёных приняли в этом участие: голландский врач и натуралист Виллем Пизо (1611—1678) (Willem Piso) и немецкий картограф Георг Маркграф (1610—1644) (Georg Marggraf)¹⁷. По возвращении в Европу они на средства Иоганна Морица опубликовали труд «*Historia naturalis Brasiliae*», который является первой научной работой, описывающей флору и фауну Бразилии, равно как и тропические заболевания. Эта работа на протяжении более чем столетия останется главным источником информации по этой теме¹⁸.

Иоганна Морица сопровождали два художника: Франс Пост (ок. 1612—1680) (Frans Post) и Альберт Экхаут (ок. 1610—1666) (Albert Eckhout), которые должны были выполнять различные задания.

¹⁵ См.: *Kürbis H.* Fürst Johann Moritz von Nassau-Siegen // *Ibid.* P. 38—39. В 1630 г. голландцы завоевали территории, прежде принадлежавшие Португалии, и дали им название «Новая Голландия».

¹⁶ См.: *Forti Grazzini N.* The Striped Horse, Cat. Nr. 48 // *Tapestry in the Baroque. Threads of Splendour, cat. d'exp.* Metropolitan Museum of Art. New York, 2007. P. 390.

¹⁷ См.: *Schmidt-Loske K.* Die Tierabbildungen der Wandteppichfolge Anciennes Indes. An der Schnittstelle zwischen Naturwissenschaft und Kunst // *Klatte G., Prüssmann-Zemper H., Schmidt-Loske K.* (ed.). *Exotismus und Globalisierung. Brasilien auf Wandteppichen. Die Tenture des Indes.* Berlin; Munich, 2016. P. 126—128. (p. 137—160)

¹⁸ *Piso W., Marggraf G.* *Historia naturalis Brasiliae in qua non tantum plantae et animalia, sed et indigenarum morbi, ingenia et mores describuntur et iconibus supra quingentas illustrantur.* Leyde; Amsterdam, 1648.

Франс Пост отвечал за картографирование и зарисовку местности для разработки планов постройки дворцов и укреплений. Он также работал над пейзажными этюдами, которые послужили основой для его картин¹⁹. Портретист и мастер натюрморта Эххаут создал изображения местных жителей и многочисленных экзотических животных. Он исполнил сотни рисунков и этюдов карандашом, акварелью и маслом²⁰.

После окончания службы Иоганн Мориц в 1644 г. возвратился в свой дворец в Гааге Маурицхёйс (la Mauritshuis). Там он разместил картины двух упомянутых мастеров, а также этнографические объекты, привезённые из Бразилии: чучела животных, оружие и инструменты, использовавшиеся коренными народами²¹. Пост и Эххаут остались на службе у Иоганн Морица. Эххауту было поручено создать картоны для шпалер на основе его зарисовок в Бразилии²².

В 1650-х гг. Иоганн Мориц преподнёс многие работы из своей бразильской коллекции в качестве дипломатического подарка двум правителям: Фридриху Вильгельму I (курфюрсту Бранденбурга) и Фредерику III (королю Дании). Таким образом реалистичные изображения природы Бразилии распространялись по Европе²³. Между тем, самый важный подарок был сделан в 1679 г. королю Франции

¹⁹ Эрмитаж владеет несколькими из них, датируемых возвращением художника в Европу. Например, «Бразильский пейзаж», 1650, холст, масло, 48 x 61 см, инвентарный номер: ГЭ-5359.

²⁰ Копии этих рисунков, изображающие животных, (так называемые *Libri Picturati*) кисти неизвестного художника датированы XVII в. и находятся в Петербургской академии наук. См.: *Boeseman M., Holthuis L. B., Hoogmoed M. S., Smeenk Ch.* Seventeenth Century Drawings of Brazilian Animals in Leningrad // *Zoologische Verhandelingen*. Vol. 267 (1990). P. 1–189; *Schmidt-Loske K.* Die Libri Picturati und weitere Zeichnungen aus Brasilien // *Klatte G., Prüssmann-Zemper H., Schmidt-Loske K.* (ed.). *Exotismus und Globalisierung. Brasilien auf Wandteppichen. Die Tenture des Indes*. Berlin; Munich, 2016. P. 123–124.

²¹ См.: *Klatte G.* *Op. cit.* P. 67–68.

²² Этот проект был реализован впервые в 1667 г. ткачом Максимилианом ван дер Гухтом (Maximiliaen van der Gucht) в Дельфте. Он создал две серии из 9 шпалер по картонам Эххаута, предназначенные для Фридриха Вильгельма Бранденбургского и Иоганна Морица Нассау-Зигенского, ныне утерянные. См.: *Klatte G.* *Op. cit.* P. 68, 76–81; *Kürbis H.* *Op. cit.* P. 40–41.

²³ В 1652 г. принц Иоганн Мориц Нассау-Зигенский передаёт курфюрсту Фридриху Вильгельму Бранденбургскому большое количество этюдов Бразилии: картоны и картины Эххаута, за которые он получает имение. В 1654 г. принц преподносит 26 картин Эххаута Фредерику III (королю Дании). Они сохранились в Национальном музее Дании в Копенгагене. См.: *Klatte G.* *Op. cit.* P. 68, 76, 81–82; *Kürbis H.* *Op. cit.* P. 42–43.

Людовику XIV²⁴. После долгого обмена письмами с королём и его двором Иоганн Мориц отправил Людовику картины Поста, рисунки и картоны Экхаута, этнографические объекты и книгу о природе Бразилии²⁵.

По прибытии во Францию все объекты были выставлены в Сен-Жерменском дворце, резиденции Людовика XIV²⁶. Придворные были восхищены изображениями природы Нового Света, совсем неизвестной в ту эпоху. Больше всего поразили воображение короля именно животные²⁷. В 1687 г. Людовик XIV даёт разрешение на производство шпалер по картонам Экхаута на Мануфактуре гобеленов.

В последующие десятилетия эта серия шпалер пользовалась огромным успехом, её копировали неоднократно²⁸. Всего по заказу короля Франции были исполнены 8 серий, не считая частных заказов²⁹. Экземпляр, полученный Петром I, был создан между 1692 и 1700 г. Это был третий королевский заказ серии³⁰.

5. Животные на двух шпалерах Эрмитажа

Иоганн Мориц желал, чтобы шпалеры передавали красоту и богатство природы Бразилии. В своих картонах для шпалер Альберт Экхаут показывает всё разнообразие флоры и фауны. Манера изображения животных настолько точна, что и сегодня специалисту под

²⁴ Этим щедрым подарком принц хотел поддержать хорошие отношения с королём в надежде получить, вероятно, финансовые преимущества, но в том же году Иоганн Мориц умер. См.: *Klatte G.* Op. cit. P. 69–70; *Vittet J.* Jean-Maurice de Nassau-Siegen et Louis XIV. Récit d'une passion partagée pour la vie sauvage du Brésil // *Klatte G., Prüssmann-Zemper H., Schmidt-Loske K.* (ed.). *Exotismus und Globalisierung. Brasilien auf Wandteppichen. Die Tenture des Indes.* Berlin; Munich, 2016. P. 60–61.

²⁵ По завершении двух серий шпалер в ателье ван дер Гухта картоны находились во дворце принца Нассау-Зигенского в Гааге. См.: *Klatte G.* Op. cit. P. 69.

²⁶ См.: *Vittet J.* Op. cit. P. 62.

²⁷ Иоганн Мориц Нассау-Зигенский приказал своему камердинеру Франсуа де Витту и художнику Полю де Милли сопровождать произведения на пути во Францию и рассказать о том, как их принял король и его двор. См.: *Vittet J.* Op. cit. P. 61–64.

²⁸ Мадлен Джарри насчитывает 170 копий, созданных по модели «Индийской серии» в мастерской Гобеленов между 1687 и 1794 гг. См.: *Jarry M.* L'Exotisme au temps de Louis XIV. Tapisseries des Gobelins et de Beauvais // *Medizinhistorisches Journal.* Vol. 11 (1976). P. 52.

²⁹ См.: *Klatte G.* Op. cit. P. 83.

³⁰ Одна из восьми копий серий была полностью уничтожена, три из них частично дошли до наших дней, и только четыре сохранились полностью. См.: *Klatte G.* Op. cit. P. 93–100.

силу определить их вид. В недавней публикации немецкий биолог Катарина Шмидт-Лоске (Katharina Schmidt-Loske) идентифицировала практически каждый вид животных на этих шпалерах³¹.

На шпалере «Слон и лошадь» из ГЭ в центре композиции изображён слон (см. *илл. 3*)³². Слева можно видеть встающую на дыбы лошадь. На дереве (кешью, или Анакардиум западный) висят жёлтые плоды — яблоки кажу, на завершении которых растут орехи кешью. Рядом изображены павлин и зелёная анаконда. На переднем плане, перед лошадью, стоит гигантский муравьед, который собирает муравьёв длинным липким языком. Вокруг горы фруктов и овощей, принесённых чернокожей женщиной, видны различные птицы и карликовая коза.

Шпалера «Борьба хищных зверей» из Эрмитажа изображает несколько видов животных (см. *илл. 1*)³³. Если рассмотреть шпалеру внимательно, можно увидеть шесть поединков между животными. В центре композиции ягуар впивается зубами в тапира, в то время как другой ягуар по правую сторону атакует вепря. Внизу пума перегрызает горло собаке, а слева кайман убивает водосвинку. Позади гуся, раскрыв клюв, размахивают крыльями. В небе две птицы гонят третью. В воде на переднем плане хищная рыба преследует морского конька.

Животные, изображённые на шпалерах, происходят из разных стран: большая часть из них обитает в Бразилии, точнее, в местах, бывших под управлением Иоганна Морица. Это верно в отношении представителей семейства кошачьих, таких как ягуар и пума, а также млекопитающих, таких как тапир или водосвинка. Экзотические птицы составляют им компанию³⁴.

Встречаются представители фауны других континентов: на той же шпалере можно видеть домашних гусей, а на шпалере «Слон и лошадь» — лошадь. Оба вида привезены в Бразилию из Европы голландскими и португальскими колонистами, которые использовали их в хозяйстве³⁵.

³¹ О животных, изображённых в этой серии см.: *Schmidt-Loske K. Die Tierabbildungen der Wandteppichfolge Anciennes Indes*; о растениях см.: *Schmidt-Loske K. Die Pflanzenabbildungen auf den Tapisserien der Anciennes Indes. Von der Färbepflanze zum Rauschmittel // Klatte G., Prüssmann-Zemper H., Schmidt-Loske K. (ed.). Exotismus und Globalisierung. Brasilien auf Wandteppichen. Die Tenture des Indes. Berlin; Munich, 2016.*

³² См.: *Schmidt-Loske K. Die Tierabbildungen der Wandteppichfolge Anciennes Indes. P. 149–151.*

³³ См.: *Ibid. P. 152–153.*

³⁴ См.: *Ibid. P. 152–153.*

³⁵ См.: *Ibid. P. 149, 157.*

Слон является обитателем саванны и происходит из Африки, как и карликовая коза. Эти виды были завезены в Бразилию голландцами, завоевавшими некоторые территории Западной Африки. Из африканских колоний голландцы экспортировали различные товары и рабов. Рабы были важным фактором для развития сахарной индустрии в Бразилии. Сахар же экспортировался в Европу³⁶. Африканские животные, представленные на шпалере, свидетельствуют о маршрутах голландской коммерции.

Среди животных из Азии мы находим павлина, происходящего из Индии. Он очень популярен в европейских зверинцах той эпохи, как и слон³⁷.

«Индийская серия» шпалер представляет большой интерес и с художественной, и с исторической точки зрения. Она является свидетельством не только колониальных завоеваний, но и первых ростков глобализации. Это ценная опись различных видов животных и растений, обитавших в Бразилии в XVII в. Кроме того, шпалеры рассказывают об истории дипломатических связей Франции с Россией, равно как и с другими странами Европы.

³⁶ О торговле сахаром в Нидерландах см.: *Roth H. J. Zuckerhandel als Quelle des Reichtums. Niederländisch-Brasilien im globalen Zusammenhang // Klatt G., Prüssmann-Zemper H., Schmidt-Loske K. (ed.). Exotismus und Globalisierung. Brasilien auf Wandteppichen. Die Tenture des Indes. Berlin; Munich, 2016. P. 51–58, в особенности, p. 54–57.*

³⁷ См.: *Schmidt-Loske K. Die Tierabbildungen der Wandteppichfolge Anciennes Indes. P. 151.*

Галина Ивановна Смагина
(Санкт-Петербург)

*Главный научный сотрудник Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники РАН*

Петровский «Проект положения об учреждении Академии наук» (1724) в европейском контексте¹

Первые академии наук в Европе возникли в эпоху Возрождения в XV–XVI вв. в Италии. Во второй половине XVII в. они создаются в Англии и Франции, на грани XVII–XVIII вв. — в Германии, позже в России и Швеции.

С Нового времени под академией наук понимается корпорация (объединение, союз, общество) учёных той или иной страны, и такое объединение становится главным центром по изучению какой-либо одной или нескольких областей науки. При всём разнообразии задач, которые обычно формулируются в уставах академий, можно выделить основную, общую для всех — развитие научных исследований для пользы своего государства или для блага всего человечества.

Конкретные особенности той или иной академии связаны с условиями экономической, научной и общественной жизни данной страны, с её политической системой, с культурно-историческими традициями. Устойчивость на протяжении столетий некоторых изначально созданных типов академий, по-видимому, объясняется главным образом силой традиции; однако серьёзные исторические

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ- № 17-03-00113.

потрясения и перемены в жизни государств подчас приводили к ломке и сдвигам в судьбах академий.

Ко времени создания Петербургской Академии наук в Европе существовало уже три модели организации науки.

Первая модель — это добровольное объединение людей. Таким было возникшее в 1660 г. Лондонское королевское общество. Число его членов не фиксировалось, научных заслуг не требовалось (т. е. в состав ассоциации могли входить не только учёные, но и любители, и люди далёкие от науки, которые, однако, интересовались её достижениями). Научный труд членов общества не только материально не вознаграждался, но связан был с расходами. Хотя общество находилось формально под королевским покровительством, оно не получало никаких государственных субсидий и располагало только средствами от взносов своих членов и от частных пожертвований².

Вторая модель — это когда общество или академия финансируется государством, а поэтому число членов такого общества строго ограничено и им выплачивается жалование. Такой была основанная в 1666 г. Французская академия. Около трети её членов получали академическое жалование. Оно было невелико, не могло обеспечить учёного и его семью, а было скорее лишь поощрительным вознаграждением. Поэтому члены Парижской академии наук, если они не были аристократами или состоятельными буржуа, как правило, находились на какой-нибудь службе — преподавательской, инженерной или медицинской³.

Промежуточный характер носило Научное общество в Берлине, учреждённое в 1700 г. по инициативе и замыслу великого немецкого математика и философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716). Оно очень незначительно финансировалось прусским королём, а существовало за счёт данной ему привилегии на издание и продажу календарей. Это была третья модель организации науки⁴.

Здесь названы лишь крупнейшие из ранних научных объединений. Их перечень можно было расширить, но это не изменило бы общий вывод — ни одно из научных объединений Европы, оказавшихся жизнеспособными, не существовало без поддержки государственной власти, но ни одно не было полностью государственным учреждением, каким станет Петербургская Академия наук.

Пётр I не спешил в вопросе об основании в России Академии наук, хотя обычно при проведении государственных реформ вёл

² *Копелевич Ю. Х.* Возникновение научных академий. Середина XVII — середина XVIII в. Л., 1974. С. 41–92.

³ Там же. С. 93–130.

⁴ Там же. С. 131–168.

себя резко и стремительно. Во время своих двух путешествий по Европе он познакомился с научными достижениями Нового времени и с уже сложившимися научными обществами и учреждениями. В январе-феврале 1698 г. в Лондоне Пётр посетил Лондонское королевское общество, Оксфордский университет, Монетный двор, Гринвичскую обсерваторию, побывал в английском парламенте, встречался и беседовал с известными английскими учёными⁵. Из всех научных корпораций того времени одна Парижская академия имела государственный характер, что уже тогда было наиболее привлекательно для Петра. В 1717 г. в Париже царь посетил Ботанический сад, Обсерваторию, Коллеж четырёх наций, Арсенал, Монетный двор, Сорбонну, Королевскую библиотеку и типографию в Лувре, Академию надписей, Академию живописи и скульптуры. Визит Петра 19 июня 1717 г. в Королевскую академию и коллизии с избранием его почётным членом академии хорошо известны и описаны⁶. Главное, Французская академия произвела наиболее яркое впечатление на Петра I.

В течение многих лет Пётр обсуждал вопросы организации науки в России с великим немецким учёным Готфридом Вильгельмом Лейбницем. Именно Лейбниц в ряде писем и записок, адресованных Петру I и его сподвижникам, предложил грандиозный план культурного строительства в России и высказал советы и рекомендации по организации высшего научного учреждения⁷.

В таблице представлены программные документы, существовавшие к 1724 г., к моменту создания Петербургской Академии.

1662–1663	Три Хартии и Устав Лондонского королевского общества
1699	Регламент Французской Академии
1700	Инструкция Г. В. Лейбница об организации Научного общества в Берлине
1710	Устав Научного общества в Берлине

Хотелось бы остановиться на некоторых моментах, на которые исследователи ранее не обращали внимания. В литературе советского периода по истории Академии наук обычно отмечалось, что исследователи не располагают данными о том, что Пётр решил взять какой-то из этих проектов за образец. С уверенностью можно сказать, что и

⁵ *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 214–215.

⁶ *Мезин С. А.* Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 188–211.

⁷ *Герье В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России. СПб., 1873.

Пётр, и его соратники в деле организации науки в России были знакомы с материалами по истории европейских академий и научных обществ и использовали их при создании программных документов.

Во-первых, в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук сохранился перевод на немецкий 1-й и 2-й частей Регламента Парижской академии⁸, а это значит, что с Регламентом работали при составлении Петровского проекта об учреждении Академии наук, т.к. в работе по составлению проекта принимали участие помимо самого Петра нем-



Готфрид Вильгельм Лейбниц
(1646—1716).

цы, лейб-медик царя Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (1692—1755) и библиотекарь Иоганн Даниэль Шумахер (1690—1761), то кажется возможным перевод материалов на немецкий язык.

Во-вторых, не только Пётр, который посетил основные академии Европы, но и его соратники были знакомы с историей европейских научных академий и обществ. Прежде всего, об этом говорят книги по истории академий, которые присутствуют в личных библиотеках сподвижников Петра.

В 1667 г. английским священником Томасом Спратом, ставшим первым историографом общества, была написана история Лондонского королевского общества⁹. Книга Спрата много раз переиздавалась в XVII и XVIII вв. и стала образцом для написания других трудов по истории научных обществ. Ранняя история Французской академии была представлена в книге первого секретаря академии Жан-Батиста Дюамеля¹⁰. Именно эти две книги давали возможность познакомиться и наиболее полно представить научно-организационное оформление современной науки.

Следует заметить, что в Библиотеке Петра I этих книг не было, но они присутствуют в библиотеках ближайших соратников: в

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 70. Л. 1—12.

⁹ *Sprat T.* History of Royal Society. London, 1667. 439 p. (Факсимиле 1958).

¹⁰ *Du Hamel (Duhamel) J.-B.* Regiae scientiarum Academiae historia. Paris, 1698.



Первый президент Академии наук
Л. Л. Блюментрост (1692–1755).

библиотеке одного из образованнейших людей своего времени Я. В. Брюса (1670–1735), который сопровождал царя в заграничном путешествии в Лондон 1697 г.¹¹, в библиотеке лейб-медика царя Р. К. Арескина (1674–1718), состоявшего при Петре во втором заграничном путешествии в 1717 г. и способствовавшего избранию Петра во Французскую академию¹². После кончины Арескина в 1718 г. на его место был назначен Л. Л. Блюментрост, на которого была возложена переписка с иностранными учёными и вся организационная работа по созданию Академии наук в Петербурге.

В 1721–1722 гг. во Францию, Германию, Голландию и Англию по поручению Петра был отправлен библиотекарь И. Д. Шумахер. Целью поездки стало установление контактов с европейскими учёными, покупка книг и музейных коллекций. Перед ним была поставлена также сложная задача: изучение опыта организации европейской академической науки, как записано в отчёте Шумахера, «для сочинения соиетета наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»¹³. Отчёт Шумахера представляет собой интереснейший документ по ранней истории Академии наук. Он привёз в Петербург 541 том (314 названий)¹⁴, среди них были книги по истории европейских академий и несколько периодических изданий, например, журнал Парижской академии «Histoire de l'Académie royale

¹¹ Библиотека Я. В. Брюса. Каталог / Сост. Е. А. Савельева. Л.: БАН, 1989.

¹² Архив Р. К. Арескина хранится в СПбФ АРАН. Ф. 120. Подробнее см.: *Лебедева И. Н.* Лейб-медик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // *Русские библиотеки и их читатель.* Л., 1983. С. 98–105. Принишу искреннюю благодарность В. А. Стасевичу за помощь в поиске указанных книг.

¹³ Отчёт, поднесённый Петру Великому от библиотекаря И. Д. Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 гг. // *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., Т. 1. 1862. С. 535.

¹⁴ Каталог книгам за морем купленным. См.: СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 255. Л. 1–17.

des sciences» 6 томов за 1714–1720 гг. Но главное, он приобрёл нужные знания и опыт.

«Проект положения об учреждении Академии наук в Петербурге»¹⁵ был утверждён 22 января 1724 г. на заседании высшего государственного органа в стране — Сената. Проект по указаниям и наброскам Петра был составлен Л. Л. Блюментростом при участии И. Д. Шумахера и являлся, прежде всего, программным документом, провозглашавшим о создании нового неизвестного для России учреждения. Петровский проект был похож на королевскую «Хартию» для Лондонского королевского общества или «Инструкцию» для Берлинского научного общества¹⁶. Документ излагал задачи нового учреждения, его особенности, связанные с условиями России, структуру, состав, управление, обязанности и права его членов.

Вскоре после провозглашения о создании Академии наук в России первый президент Академии Лаврентий Блюментрост в письме к немецкому философу, ученику Лейбница Христиану Вольфу (1679–1754) в феврале 1724 г. чётко определил характер создаваемого учреждения: «Это не университет, а также и не Академия наук (*academie des sciences*), а скорее некая композиция из того и другого...»¹⁷. Именно такой необычной и создавалась Петербургская Академия наук вместе с Университетом и Гимназией при полном государственном финансировании. Однако при всех отличиях Петербургская Академия по своим задачам, методам и формам деятельности создавалась и развивалась в контексте единого общеевропейского научного пространства.

Во главе Петербургской Академии, как и во всех европейских академиях, стоял Президент. Функции Президента в «Проекте об учреждении Академии наук» были чётко определены, в этом видится влияние Лондонского королевского общества, т. к. только в его Уставе этот вопрос проработан. Пётр предполагал, что Академия будет самостоятельным учреждением и сама станет избирать президента сроком на год или полгода. Но когда в январе 1725 г. Академия лишилась своего покровителя, президентов Академии вовсе не избирали, а они назначались императором или императрицей и так же увольнялись.

В «Петровском проекте» были прописаны обязанности академиков, т. к. они поступали на государственную службу. Эти пункты

¹⁵ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 31–39.

¹⁶ Об истории этих документов см.: *Копелевич Ю. Х.* Указ. соч. С. 48–49, 137–142.

¹⁷ *Wolff Ch.* Briefe aus den Jahren 1719–1753. Petersburg, 1860. S. 173.

совпадают с перечнем обязанностей штатных сотрудников Французской Академии. Академики должны были заниматься научными исследованиями в какой-либо из наук, результаты своих исследований оформлять в виде статей и монографий, которые Академия наук обещала издавать; они должны были участвовать в еженедельных научных заседаниях членов Академии.

А далее идут пункты, необходимость которых продиктована российской действительностью: выполнять различные экспертизы открытий и изобретений посторонних лиц, определяя «верны ли оные» и насколько они новы и полезны. От академиков ожидали, что они своими изобретениями будут содействовать развитию промышленности и ремёсел в стране, а также выполнять специальные исследования по поручению правительства. Кроме этого, каждый академик должен был написать учебник по своей специальности для студентов университета или гимназии и должен был преподавать в академических учебных заведениях. В целом, многие положения «Петровского проекта» перекликаются с пунктами Регламента Парижской Академии, например, по составу членов Академии, по организации и функциям Академического собрания и другим вопросам.

В завершение приведем отрывок из предисловия к первому тому главного печатного органа Академии «*Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», который печатался на латинском языке (СПб., 1728). Первый конференц-секретарь академик Х. Гольдбах счёл необходимым отметить, что «Парижская же Академия, славная полезными делами и заслугами своих академиков, так ему (Петру I. — Г. С.) понравилась, что он вступил в это Общество, что является прецедентом хотя необычным, но достопамятным <...> А после того, как завершил достопамятным и славным миром (Ништадский мирный договор. — Г. С.) тягостную и ожесточённую войну (Северная война, 1700–1721. — Г. С.), он особенно позаботился о взращивании и совершенствовании в своём царстве наук и собрал совет для обсуждения вопроса об учреждении Петербургской Академии, что давно уже следовало сделать. Ведь он так заботился о благе и славе своего народа, что во внутренних делах не упускал из виду ничего, что требовалось или для возведения города, достойного его имени, или для снаряжения блистательнейшего и снабжённого всяческим оружием флота, но, когда орудия стихли, счёл, что гораздо важнее подражать славной Академии Франции, и хотя прекрасно понимал, сколькими трудностями сопровождался этот труд, но был далёк от того, чтобы отказаться от замысла, а, скорее, удивительной щедростью преодолевал существовавшие препятствия».

Татьяна Борисовна Витман
(Санкт-Петербург)

*Доцент кафедры немецкого, романских
и скандинавских языков Санкт-Петербургского
государственного экономического университета*

Французские заимствования Петровской эпохи в русском языке (галлицизмы в области науки)

Значение Петра I для развития России огромно. Петровские реформы носили всеобъемлющий характер. Новизна коснулась всех сфер жизни, возникали новые ремёсла и профессии, предметы и понятия. Все они требовали своего названия. Церковнославянский язык не отвечал реалиям светского общества. Литературный русский язык требовал изменений. Именно этот период знаменуется огромным потоком иностранных слов, пришедших в русский язык для обозначения новых явлений.

Объектом данного исследования стали изменения в языке, произошедшие в Петровскую эпоху, а именно, появление галлицизмов в области науки. Отметим, что выявление источников заимствования и времени появления слова в языке представляет определённую сложность. Слова фиксируются в письменных источниках позже их употребления в речи. Сведения, полученные из разных словарей, часто не совпадают как относительно даты появления, так и источников заимствования. Одни авторы считают, что слово пришло из немецкого или польского, другие — из французского, третьи — напрямую из латыни или из западноевропейских языков. Последняя формулировка представляется наиболее удачной. В работе упоминаются только те слова, которые в одном из словарей отнесены к

галлицизмам. При Петре I, прорубившем «окно в Европу», развились связи со многими странами, влияние которых отразилось в русской культуре и в языке. Языковых заимствований было множество. Через голландский язык пришли морские термины, немецкий язык обогатил области наук, экономики и военного дела, но языком, повлиявшим на все сферы жизни, стал французский. В работе были использованы основные этимологические словари.

Далее в тексте используются следующие сокращения:

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (Ф);

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка (Е);

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка (Ч);

Даль В. И. Толковый словарь Даля (Д).

В статье приведены различные формы написания слова с указанием время их появления.

Пётр I прекрасно понимал значение научного знания и всячески способствовал развитию наук. Все современные научные понятия и термины пришли в язык во времена Петра. Речь идёт как об основных понятиях (*принцип, база, фундамент, система, структура, элемент, теория, практика*), так и о методах работы. Методы научного исследования предполагают наличие гипотез, критическое рассмотрение объекта (*анализ, синтез*), исследования по определённым критериям и классификацию (*категория, иерархия по классам, сортам, типам*), испытания (*пробы, апробацию, эксперимент*), приведение доказательств (*аргументы, демонстрации, аттестация*), соблюдение правил (*регламенты, инструкции*), работу с фактами (*факт, фактор*) и документами (*документ, акт, оригинал, копия, инструмент*).

Общими понятиями являются *натура, элемент, принцип, система, структура*. Почти все заимствования восходят к латыни и греческому, потом переходят в современные иностранные языки и из них приходят в русский язык. Слова *натура* и *элемент* связаны с понятием «природа». *Натура* (1704) образовано от лат. *natura* «природа, материя». Оно значило «характер», «природа» и «сущность». *Натуральный* значит «естественный, природный». Существительное *элемент*, от лат. *elementum* «стихия», пришло со значением «начало, основа». При Петре I появилось слово *элементарный* как «относящийся к основам». Познавать окружающий мир помогает *наука*. Именно русский термин стал основным для данного понятия. Наряду со словом *наука* существует термин *учение*. Синонимами понятия *учение* стали слова *дисциплина, доктрина*. Они являются однокоренными. У лат. форм *discere, disciplina* и *docere, doctrina* один

корень, означающий «учить». В русском языке слово дисциплина известно с Петровского времени. Слово *доктрина* пришло в XIX в.

Пётр I содействовал развитию российских наук, упорядочивая знания и создавая стройную конструкцию со своим понятийным аппаратом. Так в Петровскую эпоху вошли в русский язык такие заимствования как *база*, *фундамент*, *принцип*, *система*, *структура*, *теория*. *База*, пришла, через нем. или фр. *base* лат. *basis* «основание» (Ф). Слово *фундамент* известно с 1701 г. из лат. *fundamentum* «фундамент, основание» (Ф). Основные положения науки определяются её *принципами*. Слово *принцип*, *принципиум*, пришло через фр. из лат. *prīncipiūm* «начало, принцип» (Ф). Отдельные части должны быть соединены, создавая целостное «сооружение», т.е. *систему* и *структуру*.

Знания делятся на *практические* и *теоретические*. Слова *теория*, *феория* и *практика* вошли в русский язык при Петре. Научный подход предполагает определённые формы и методов работы и свой инструментарий. В начале XVIII в. вошли в язык слова: *метод*, *манера*, *фасон*. *Метод*, *метода*, из западноевропейских языков (Ч), или фр. (Ф) от лат. *metodus*, из греч. *metodos* «путь следования», «способ». Слово *метод* имело разные формы написания: *метод* (1721), *метода* (1708). Способ работы передаёт слово *манера*, *манер* (1703), *манира* (1705). Источником была лат. форма *manuarius*, от *manus* «рука». Именно при Петре изменились и манера работать, и манеры поведения в обществе. Другим синонимом является слово *фасон* (1713), *фасун* (1709), заимствованное через фр. *façon* из лат. *factio* «действие», от *facere* «делать». Семантика слова включает идею выполнения работы по некому образцу. Эти характеристики оказались востребованы в Петровскую эпоху, обогатившую русский язык словами *форма*, *модель*, *категории*. На примере эволюции значений слова *фасон* прослеживается «ухудшение» первичного значения, явление, типичное для заимствований. Наблюдается сужение значений слова и приобретение ими отрицательной коннотации. Как и в *манерах*, в *фасонах* ощущается нечто показное, идея, не свойственная русскому менталитету.

Понятие *форма* становится наиважнейшим. Слово *форма*, *фурма*, фр. *forme*, лат. *forma* «форма, вид», существует с XVII в. Первым было значение «литейная форма» (1705). От жёсткой литейной *формы* возникла идея «внешнего облика». Отмечается типичная для русского языка амбивалентность значений, когда форма означает «видимая сторона, не отражающая сути дела». От *форма* образованы: *формальный*, *формировать*, *формат*, *формация*, *формула*, *формуляр*, *информация*. Все они датируются Петровским временем. При-

лагательное формальный образовано раньше других. Оно имеет двойственную семантику. Первоначально *формальный* означало «настоящий, подлинный». Потом коннотация меняется, превращаясь в противоположность, «соблюдение формы ради формы». Слово *формация*, от лат. *formatio* «образование» пришло как военный термин (Ф). *Формула*, стар. *формулка* (1727), фр. *formule* означало «рецепт; общее краткое определение какого-л. положения, закона» (Е). Тогда же появились слова *формуляр*, означавшее «устар., дипл., воен. образец, пример», и *формат* (1735). Само время требовало формирования новых представлений, формулировок, иного оформления действий и мыслей. Чёткие формы начали обретать и *сведения*, превратившись в *информацию*, лат. *informatio* «разъяснение», *informare* «придавать форму, мыслить».

Внимание к внешнему виду, следование образцу, определило появление в русском языке слов *мода* (1702) и *модель* (1706). Оба слова, из фр. *mode* и *modèle*, пришли от лат. *modus* «мера, способ». Понятие *мода* стало ключевым. Перенимались *формы* и *модели* организации всех уровней жизни, включая способы мыслить, познавать и научно объяснять окружающее.

Размышления, особенно научные, приобретают форму *рефлексии* и рождают *идеи*, которые воплощаются в *планы*, *проекты*, потом, через опыт и *эксперименты*, превращаются в *факты*. Слово *рефлексия*, *рефлекция* (1705), *рефлексия* (1711), *рефлексия* (1717), от лат. *reflexio* «загибание», первоначально означало: «устар. мысль, размышление». Слово *идея* появилось с 1704 г. И употреблялось в обиходном языке военно-дипломатических кругов в значении «мысль, намерение», потом «убеждение» и «замысел» (Е).

Становится необходимым определить предмет рассуждений и исследования, планировать методы научных поисков. При Петре приходят слова *план* и *прожект*, *проект*. Слово *план* (1703), *плян* (1708), *плана* (1709) («чертёж»), *план*, *плян* (1711), *плант* (1719) «намерение» пришло из западноевропейских языков (Ч) от лат. *planum* «плоскость». Слова *проект*, *проэкт* (1705), *прожект* (1724) образованы от *projectum* «брошенный вперёд». Первым значением был «замысел», потом «чертёж».

Внимание сосредотачивается на *предмете*, *объекте*, *сюжете* и *теме* размышлений. От лат. формы *jectare* «бросать» произошли формы *objectum* (*ob -jacio* «бросать вперед»); *subjectum* (*sub -jacio* «бросать на себя»); *projectum* (*pro -jacio* «бросать перед собой»), давшие соответственно *объект*, *сюжет*, *субъект*; *проект*. Слово *предмет* является калькой лат. *objectum*. Слово *объект* в значении «предмет» получило распространение при Петре I. Слово «сюжет» употребляется в

русском языке с начала XVIII в. Форма «субъект» начинает употребляться с конца XVIII в. Актуальными понятия становятся *объективность* и *субъективность*. Русской культуре свойственен субъективизм. Именно поэтому *объективность*, т.е. отсутствие «личного участия», стала отличительным признаком Петровского времени.

Существительное *тема* (1748), *фема* (1719) со значением «устар. основная цель, задача» (Е) пришло через фр. *thème*, лат. *thema*, от греч. *thema* «установленное», от глагола *tithenai* «класть». От греческого первоисточника произошли слова: *hypothèse* «гипотеза», *thèse* «тезис», *antithèse* «антитеза», *synthèse* «синтез», без которых невозможны методы научного исследования. Научное предположение обозначается словом *гипотеза*, *гипотезис*, *гипотез*, *гипотезь* (1718), от фр. *hypothèse*, лат. *hypothesis*, из *hupo* «под» и *tithenai* «класть». Слово *синтез* заимствовано в XVIII в. из лат. *synthesis*, греч. *synthesis.*, от *sun* «вместе» и *tithenai* «класть».

Иным способом исследования чего-либо являются *анализ* и *критика*. Слово *анализ*, *анализис* (1709), *анализия* (1727), от фр. *analyse*, пришло из лат. *analysis*, от греч. *analysis* «разложение». Сходную семантику имеет слово *критика* (1726), фр. *critique*, лат. *critica*, греч. *kritikos* «способный судить», от *krinein* «судить». Однокоренными являются слова *кризис* (1756), *криза* (1728), фр. *crise*, и критерий, *критериум* (1779), от фр. *critère*.

Необходимость обозначать абстрактные понятия вызвала появление условной формы выражения идей, переход к знаку, т. е. *символу*, *сигналу*, *шифру*. Слово *символ* пришло в Петровскую эпоху, от фр. *symbole* из лат. *symbolum* «отличительный признак». Слово символ (1703), *символ* и *символ*, (Ф), *симбол* (1706), *зимболь* (1706) значило «что-либо, служащее условным обозначением какого-л. понятия, идеи» (Е). Слово *сигнал* пришло при Петре I от лат. *signum* «знак, сигнал» через фр. *signal* (Ф). *Шифр*, *шифра*, заимствованы через нем. из франц. *chiffre*. Первоисточником является араб. *sifr* «нуль» (Ф). *Шифр*, от фр. *chiffre* (1724) означал изначально «вензель; знак отличия в виде вензеля императрицы; число, количество, цифра» (Е). Постепенно первичные значения ушли из языка. *Шифр* обозначает «система условных знаков» и «сочетание знаков, служащих кодом». Другое образование от арабского корня *sifr*, *цифра*, стало употребляться для обозначения цифр. Объём понятия слова шифр больше, чем у слова *цифра*, являющегося «знаком, выражающим числа». Итак, *знаки* первоначально были признаком отличия людей, потом превратились в условные обозначения понятия. *Знак* стал относиться к числу, превратился в *цифру*. Первоначально наблюдалось смешение слов *шифр* и *цифра*. Слово *цифра*, *цифёрь* дати-

руется 1731. Происходит переход от конкретного числа, к условному его изображению, *цифре*.

Исследуемые явления требовали отнесения к определённом ряду (*категоризации* и *классификации*). Слово категория, фр. *catégorie*, лат. *categoria*, греч. *katégoria* «суждение», фиксируется с 1722 г. Прилагательное *категорический* появилось раньше (1718) со значением «решительный, безусловный». Порядок расположения в определённых категориях определяется их *иерархией*. Слово *иерархия* датируется 1704, от фр. *hiérarchie*, из греч. *hierarchia* «управление святыми вещами», из *hieros* «священный» и *arkhê* «правление». Изначально *иерархия* затрагивала только «порядок управления духовенства» (Д). Синонимами *категории* являются: *класс*, *сорт*, *тип*. Слово *класс*, *клас* (1709), *клясс* (1715), появилось в русском языке из франц. *classe*, от лат. *classis* «разряд, порядок» (Ф). Слово было социально значимым, т.к. означало не только «разряд однородных предметов», но и «чин в гражданской службе». Речь идёт об одном из четырнадцати подразделений в табели о рангах (введённой в России с 1722). *Сорт*, фр. *sorte* (1710) пришло от лат. *sors* «жребий», «вид», от *sego* «соединяю» (Ч). Слово *тип*, образованное от фр. *type* «оттиск», из лат. *tyrus* «лепное изображение», от греч. *typos* «удар, оттиск» (Ф), значило «изображение». Первым значением *typos* было «отпечаток» с матрицы. По семантике оно схоже с *формой*, *моделью*. Сегодня слово *тип* полисеманлично. Основным значением является классификация по определённому признаку.

При работе необходимы доказательства: *аргументы* и *демонстрация*, *апробация*, *аттестация*. Слово *аргумент*, *аргумѐнт*, встречается впервые у Шафирова (1717). Первоисточником является лат. *argumentum* «показ», (от *arguo* — «делаю ясным», «показываю», «доказываю», «осуждаю», которое одного корня с *argentum* — «нечто светлое, ясное», «серебро») (Ч). *Демонстрация* (1718) также представляет собой «показ». Первоначальное значение — «доказательство» (в естественных науках). К семантическому ряду «доказательство» относится и слово *апробация*. Слово существует в языке со времён Петра I. Оно пришло от *approbation* (E), из лат. *approbatio* «одобрение, доказательство». *Апробация*, старое написание *анпробация*, означала «согласие, подтверждение», «одобрение» и «опыт, проба» (E). Однокоренным словом является слово *проба*, *проб*, появившееся при Петре I. Идею «подтверждения» выражает слово *аттестация* (1711). Оно образовано от фр. *attestation*, из лат. *attestari* «свидетельствовать, подтверждать», от *testis* «свидетель».

Доказательства не должны быть голословными. Они нуждаются в *фактах* и *документах*. Лексика данных понятий пришла в русский

язык при Петре I. Обратимся к словам *факт* и *эксперимент*. Бесспорно, его происхождение из лат. *factum* «сделанное, деяние» от *facere* «делать». От того же корня образованы слово *фактор* и *фактум*. Слово *фактор*, от лат. *factor* «мастер», вошло в русский язык в XVIII в. из фр. *facteur* (Е) или из западноевропейских языков (Ч). Первым значением *фактор* было «поверенный в делах», «посредник». История слов *факт* и *фактор* подробно исследована В. В. Виноградовым. (См.: Виноградов В. В. История слов. С. 710–716) *Фактум*, употреблялось в дипломатии и значило «изложение дела, записка о деле» (Е). Слова *эксперимент*, от лат. *experimentum* «проба, опыт», от *experiri* «пробовать», и *экспериментальный* «опытный» пришли при Петре I.

Начало XVIII в. изобилует лексикой, обозначающей *документы*. Возникла потребность называть деловые бумаги и письменные свидетельства. Появились слова *документ*, *акт*, *диплом*, *сертификат*, *оригинал*, *копия*, *инструмент*. Слово *документ* существует, начиная с Петра I. Первоисточником является *documentum* «поучение, образец, доказательство» от *docēre* «учить, уведомлять, объяснять». Наблюдается стремление сделать свидетельство письменным и соответствующим закону. Одним из видов документа является акт, от лат. *actum* «деяние, дело» от *agere* «делать». Слово появилось в значении «документ». Для работы с документами при Петре был особый человек *актуарис* — «хранитель бумаг» (Ф). Слово *диплом*, *диплома*, от греч. *diploma* «сложенный вдвое письменный документ, отправленный в двух экземплярах» (Ф), также является документом. Первым значением слова *диплом* было «документ, подтверждающий право на какой-л. чин, звание, владение; жалованная грамота». Однокоренным является слово *дипломат*, стар. *дипломата*. Встречается у князя Куракина. Форма образована от *diplomatus* «лицо, снабжённое мандатом» (Ч). Ещё одним документом является *сертификат*, *цетификат*, от фр. *certificat*. Слово пришло из лат. *certum* «верно» и *facere* «делать» в 1713 г. Первым значением было «уверение», «письменное свидетельство» (Е). *Документы* делятся на подлинники, оригиналы, и их копии. Слово *оригинал* появилось при Петре I, от лат. *originalis* «первоначальный», от *origi* «рождаться» (Ф). Значение *оригинал* (подлинник) появилось с 1706, *оригинал* (чудак) — с 1747 г. (Е). Противоположностью оригинала является копия (1705), от лат. *copia* «богатство; множество», «количество», от *copiare* «воспроизводить (написанное)». Завершает семантический ряд, обозначающий документы, слово *инструмент*. Его происхождение неоднозначно. Слово *инструмент* впервые встречается у Петра I. Оно образовано от *instrumentum* «орудие, инструмент» из глагола *instruere*

«вставлять, вводить, обучать». Слово *инструмент*, фр. *instrument*, сначала означало «акт» 1698 (дипл.), потом «средство» (1714). Существовало две версии слова: *стумент* и *инструмент* (Д). Слово *инструмент* совмещает две смысловые линии, занимая пограничную позицию между *актом*, документом, результатом некоего действия, и *средством*, орудием его совершения.

В Петровскую эпоху, помимо *моделей* и *форм*, востребованным стало соответствие правилу во всех сферах жизни, включая науку. Появились и стали играть важную роль слова *инструкция*, *регула*, *регулярный*, *регламент*. *Инструкция*, *инструкцион* (1703), слово, однокоренное с *инструмент*, из *instructio* «вставка; выстраивание» от *instruere*. Слово *инструкция* появилось в языке, начиная с Петра I, пришло из лат. *instructiō* через польск. (Ф) или от фр. *instruction* (Е). При Петре I вошли слова, образованные от лат. *regula* «линейка, мерка, правило». Существовало слово *регула*, *регул* «правило». От этой формы пришли слова *регулярный* и *регламент*. Прилагательное *регулярный*, фр. *regulier* «имеющий силу правила, обязательный», датируется 1714 г. Его первым значением было «воен. имеющий твердо установленную постоянную организацию и систематический курс военного обучения (1714). Слово *регламент* существует с начала XVIII в. в значении «инструкция», от фр. *règlement*, *règle* «правило». Оно имеет особую значимость, т.к. при Петре I *регламенты* как законодательные акты, определяли структуру новых учреждений, созданных в процессе преобразований 1-й четверти XVIII в. Устав государственной гражданской службы в России, система делопроизводства назывался «Генеральным регламентом для коллегий (1720). Существовали «Духовный регламент» для Синода (1721), «Регламент Главного магистрата» (1721), «Регламент Адмиралтейства» (1722).

Анализ научной лексики, пришедшей при Петре I, отражает изменения языковой картины мира той эпохи. Очевиден интерес к научному объяснению мира с помощью новых слов, отражающих новые явления в жизни. Создан аппарат научных понятий. Наблюдается тенденция к упорядочиванию, исходя из правил, формализации понятий, следованию определённым образцам, моделям, которые смогли бы способствовать унификации знаний. Кроме того, происходит явный переход от предметного к абстрактному, от частного к общему, от конкретного к условному. На русскую языковую основу «наложилась» новая лексика. Это существенно обогатило русский язык. Причём, исконно русские слова, как правило, имеют более общее значение и более широкий объём понятий. Заимствования характеризуются более узкими, специальными значениями,

часто превращаются в термины. Они несут стилистическую окраску, часто наблюдается «ухудшение» исходных значений.

Значение заимствований Петровской эпохи невозможно переоценить. Они способствовали созданию современного русского языка, вошли в него настолько прочно, что сегодня трудно представить нашу лексику без них. Они обогатили лексикон, называя и именуя новые явления и понятия. Весь современный научный понятийный аппарат и инструментарий пришёл из Петровской эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Виноградов В. В.* История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Отв. ред. Академик РАН Н. Ю. Шведова. М., 1999.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Диамант, 1996.
3. Латинско-русский словарь / Под ред. С. И. Соболевского. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб: «Азбука», 1966.
5. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 2001.
6. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010 [Электронный ресурс] // http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения 18.03. 2018). Николай Иванович Епишкин epishkinni@mail.ru. 2010.

Вероника Дмитриевна Алташина
(Санкт-Петербург)

*Профессор кафедры истории зарубежных литератур
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Виже-Лебрен в России

«При переезде российской границы у меня полились слёзы, я чуть было не хотела уже повернуть назад и давала себе клятву вновь возвратиться к тем, кто столь долго осыпал меня изъявлениями дружественности и воспоминания о коих навсегда сохраняются в моём сердце. Но рассчитывала я, забыв о силе судьбы, ибо никогда уже не довелось мне вновь увидеть сию страну, каковую я до сего времени почитаю своим вторым отечеством»¹, — так завершает г-жа Виже-Лебрен (1755–1842) свои воспоминания о шести годах жизни в России, которые «могут считаться самыми счастливыми в её жизни и в то же время самыми доходными в смысле денег»².

На наш взгляд, существуют три причины, по которым «русская парижанка», как называли Виже-Лебрен, покидает Санкт-Петербург с такой печалью. Во-первых, она нашла в России своих давних знакомых, завсегдадаев её парижской мастерской, а также приобрела новых друзей, контакты с которыми продолжатся и после её возвращения на родину. Во-вторых, она обрела в России ту придворную обстановку, к которой привыкла благодаря покровительству Марии-Антуанетты. Виже-Лебрен была обласкана всеми тремя

¹ *Виже-Лебрен Л. Э.* Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании её в Санкт-Петербурге и Москве, 1795–1801. СПб.: Искусство-СПб., 2004. С. 134. Далее ссылки на это издание см. в тексте (стр.).

² *Макфол Х.* Виже Лебрен. Москва: Ю. И. Лепковский, 1909. С. 73.

императорами (Екатерина II, Павел I, Александр I), став придворным портретистом, что чрезвычайно льстило её статусу, её популярность была велика, от заказчиков не было отбоя. Когда граф де Коссе в 1800 г. приглашает её в Курляндию, где пребывала в то время королевская семья, она вынуждена отказаться из-за заказов «на портреты не только весьма важных особ, но и от императорской фамилии» (65). В-третьих, она обрела материальное благополучие. Когда она решила вернуться из Москвы в Санкт-Петербург, все стали уговаривать её остаться, предлагая платить дороже и согласны были ждать любое время до окончания портретов (119). Несмотря на то, что в это время в России не только работало много иностранных художников, но и были свои талантливые портретисты (Роко-тов, Боровиковский), у Виже-Лебрен появляется своя публика. В 1795 г. (14/09) Фёдор Васильевич Ростопчин писал С. Р. Воронцову: «госпожа Лебрен берёт по 1000 и 2000 рублей за портрет³, как в Лондоне платили бы две гинеи. Она в большой моде, вводит в моду новые наряды и в её честь устраивают праздники»⁴. Француженка «житейски и художественно изобретательна, склонна к устройству входящих в моду костюмированных вечеров, живых картин и шарад. Она органически сливается со стилем “красивой жизни” окружающей публики, отвечая нарастающей потребности в “тонном” искусстве»⁵. Она почувствовала ту театрализацию действительности, которая становится одной из основных тенденций начинающегося века, вводя в моду «живые картины»⁶.

Профессиональный успех, финансовая стабильность, дружеское окружение — всё для того, чтобы быть счастливой, несмотря на суровые зимы и плохие дороги — единственные недостатки, отмеченные мемуаристской в России.

Более того, появление самих мемуаров, неоднократно переиздававшихся во Франции на протяжении XIX–XXI вв., но ни разу не переведённых полностью на русский язык, также связано с Россией. По просьбе русской подруги художницы, Натальи Ивановны Куракиной (1766–1813), супруги известного государственного деятеля А. Б. Куракина, Виже-Либерн берётся за написание мемуаров.

³ Русским художникам в это же время платили по 50–100 рублей за картину.

⁴ Архив князя Воронцова, Книга восьмая, М., 1876. С. 113.

⁵ *Евангулова О., Карев А.* Портретная живопись в России второй половины XVIII века. М.: МГУ, 1994. С. 153.

⁶ О популярности «живых картин» в это время см. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века), СПб.: Азбука-классика, 2015. С. 294–297.

Первая часть воспоминаний, изображающая жизнь художницы от рождения до прибытия в Россию, представляет собой двенадцать писем, адресованных «добрейшему другу»: «вы с такой настоятельностью просите меня написать для вас мои воспоминания, что я всё-таки решилась удовлетворить желание ваше» (133). Владимир Смольянинов, опубликовавший дневник Куракиной в сборнике «Деятнадцатый век» в 1903 г., называет Виже-Лебрэн «её интимнейшей приятельницей» и приводит стихи Дэпрэ (1752–1832) на гравюре, сделанной с её портрета:

«L'amitié, par ces traits, lui rend un juste hommage : / Lebrun a pris plaisir é tracer son image » (В этом портрете дружба отдаёт ей должное: / Лебрэн с удовольствием запечатлела её образ).

В дневниковых записках Куракиной имя Лебрэн упомянуто 40 раз: оказавшись в Париже в 1817 г., она сразу же встретилась с «добррой и милой Лебрэн, которую я люблю, как свою сестру, она для меня идеальна. Я всегда встречаю у неё кого-нибудь или что-нибудь, что мне нравится. В жизни своей не встречала я женщины более приятной во всех смыслах этого слова. Кроме её личных качеств, которые делают её таковой, её отличает желание сделать таковыми других, забыв о самой себе. К тому же абсолютная конфиденциальность в общении делают её поистине бесценной»⁷.

Воспоминания Виже-Лебрэн были изданы в трёх томах в Париже в 1835–1837 гг. Как я уже отметила, они никогда полностью не были переведены на русский язык, поэтому позволю себе сказать несколько слов об этом интереснейшем документе эпохи, в котором нашли отражения не только знаменательные события французской и русской истории (Французская революция, смерть Екатерины II, убийство Павла I и др.), но и мастерской рукой художника запечатлены детали повседневной жизни, набросаны портреты известных лиц, отмечены художественные вкусы и увлечения. Первый том, кроме двенадцати уже упомянутых писем, содержит литературные портреты Вольтера, Шамфора, Делиля, Давида, Талейрана, принца де Линя и др., с которыми художница была лично знакома и образы которых набросала легко и непринуждённо, как и портреты на холсте. Том завершается списком работ данного периода, как это будет характерно и для двух последующих томов. Четырнадцать глав второго тома посвящены шести годам странствий по Европе: Рим, Флоренция, Сиена, Неаполь, Берлин, Вена. Живые впечатления от красот городов, дворцов и парков, знаменитые художники и картины

⁷ *Kourakine N. Souvenirs des voyages 1816–1830 Paris, Vienne, Carlsbad, etc. // Деятнадцатый век. Исторический сборник. Т. 1, СПб., 1903. С. 84.*

(Леонардо, Рафаэль), высший свет, французские эмигранты, иностранные посланники. Кажется, ничто не предвещает скорого отъезда в Россию — ведь художница так счастлива в Вене, что собирается остаться там до возвращения на родину. Как вдруг русский посол и его соотечественники, встреченные во время странствий, настоятельно рекомендует ей отправиться в Санкт-Петербург, уверяя, что она будет обласкана императрицей. И художница решается отправиться в Россию на самый краткий срок с тем, чтобы укрепить свой материальный достаток, который был ей так необходим⁸.

Главы с пятнадцатой по двадцатую посвящены России, пребывание в которой оказалось не столь уж коротким — шесть лет. «Я въехала в Санкт-Петербург 23 июля 1795 года по Петергофской дороге» (9). Здесь почти сразу её принимает императрица: «Меня крайне удивил весьма малый её рост, ведь я представляла её столь же большой, как и её слава» (13). Примечательно, что второй том завершается смертью Екатерины, о которой мемуаристка пишет с неизменной доброжелательностью: «На всём протяжении тридцати четырёх лет царствования сей императрицы благодетельный гений её создавал и поощрял всё полезное и величественное» (66). Считая её «великой государыней», составляющей «славу нашего пола» (67), Виге-Лебрен отмечает её простоту в обыденной жизни, весёлость и добродушие в общении с другими (69). Ужасное известие о её смерти вызывает скорбь и страх в душе эмигрантки, которая передаёт и нарастающую всеобщую тревогу, вызванную не только сожалением о смерти императрицы, но и безумной боязнью воцарения Павла (72). Следующий том начинается с изображения Павла I, который был «весьма умён, образован и деятелен, но странность его характера походила на безумие. У несчастного сего государя добрые порывы часто сменялись приступами озлобления; его гнев или милость, благосклонность или раздражение проистекали из одного лишь минутного каприза» (75). Из всех трёх российских государей, с которыми ей довелось близко общаться, он наименее симпатичен художнице, несмотря на то, что к ней он относился с благоволением и обходительностью (77). Зато его супруга, императрица Мария, великолепенный портрет которой был написан Виге-Лебрен по заказу императора, вызывает её восхищение: «с красотой соединился в ней и наисовершеннейший характер» (84). О смерти Павла она узнает по дороге из Москвы в Петербург, при въезде в который видит людей, безумствующих от радости: «люди пели, плясали и целова-

⁸ *Vigée-Le Brun Elisabeth-Louise. Souvenirs : 3 volumes. Paris, Librairie de H. Fournier, 1835–1837. V. 2. P. 235.*

лись прямо на улице. Встречавшиеся знакомые подбегали к моей карете и, пожимая мне руки, восклицали: «Теперь мы свободны! <...> Смерть несчастного сего государя вызвала всеобщее веселье» (121). Сообщая подробности заговора и убийства, художница выражает уверенность в том, что Александр «ничего не знал о намерении покуситься на жизнь отца своего; что бы тогда ни говорили, главное заключается в самой натуре сего человека. Он имел нрав благородный и великодушный; ему было свойственно не только сострадание, но и откровенность, он оставался чужд коварству и фальши» (125). После его воцарения «в России наступил золотой век» (127), однако состояние здоровья вынуждает мемуаристку покинуть страну в тот момент, когда всё так благоприятствует умножению её состояния, учитывая те дружеские отношения, которые сложились у неё с новым царём и его супругой. В конце пятой главы художница навсегда покидает свою вторую родину. Далее с шестой по двенадцатую главу следует рассказ о её возвращении в Париж, путешествии в Лондон, Голландию и окончательном возвращении во Францию, после чего она вновь обращается к эпистолярному жанру, повествуя о своём путешествии в Швейцарию в 1808–1809 гг. Смерть супруга, дочери и брата омрачают последние страницы воспоминаний, которые, тем не менее, завершаются на оптимистической ноте занятий живописью с племянницей, избравшей путь портретистки, как некогда и сама Виже-Лебрен. Завершается последний том списком созданных в Санкт-Петербурге работ, состоящем из 47 произведений, хотя Л. Николенко насчитывает 67⁹.

Значительная часть работ художницы связана с Россией, не случайно её творчество воспринимается в рамках русской портретной живописи конца XVIII — начала XIX в.: так, на выставке русского портрета в Таврическом дворце в 1905 г., куратором которой был Сергей Дягилев и каталог которой был составлен вел. кн. Николаем Михайловичем¹⁰, было представлено 30 работ художницы, и целый отдел носил имя «русской парижанки» Виже-Лебрен. О её популярности пишет в своей статье барон Врангель, называя её «знаменитой и в своё время прославленной художницей», несмотря на то, что она — весьма посредственный живописец: «Это пример лёгкого достижения громкой славы одним только умением угодливо льстить

⁹ *Nikolenko L.* The Russian Portraits of Madame Vigée Le Brun // *Gazette des Beaux Arts*, July-August 1967. P. 99–120.

¹⁰ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого князя Николая Михайловича. СПб., 1909.

всем. И вправду, среди сотен людей, написанных Виже, нет ни одного некрасивого»¹¹.

«Надо отметить, что Виже-Лебрен всегда пыталась избежать ограничений портретного жанра и разрабатывала новые эстетические критерии. Она предложила большое разнообразие в позах и костюмах моделей. Художница подчёркивала женскую красоту, выполняя портреты спонтанные и одновременно интимные, отказавшись от ярлыка “парадный портрет”. Под её кистью дамы кажутся более свободными и чувственными, особенно в деталях: они носят платья из лёгких тканей, у них красиво уложенные причёски... достаточно посмотреть на портреты, чтобы убедиться»¹².

Именно Виже-Лебрен вводит в моду портреты матерей с маленькими детьми: А. С. Строгановой с сыном Николаем, графини Самойловой с детьми (1797); использует ставшие популярными мотивы игры и салонности — портрет Чернышёва с маской (1793), умея любезно и со знанием дела отразить запросы вполне определённой части публики: в её портретах популярная в то время чувствительность (сентиментальность) балансирует на грани чувственности. Заказчики портретами весьма довольны: так, княгиня Долгорукова в благодарность за свой портрет дарит «браслет с бриллиантами, которые составляли надпись: “Украшение для украсившей своей век”» (56). Апофеозом признания становится принятие в члены Санкт-Петербургской Академии 16 июня 1800 г., для которой был написан знаменитый автопортрет «за мольбертом с палитрою в руках» (94).

Однако не обошлось и без критики. Так, сразу после приезда, в 1795 г., художница пишет портреты великих княжон, дочерей Павла, Александры и Елены, которых изображает в греческих одеяниях, но «весьма простых и скромных». Как пишет художница в своих мемуарах, по словам фаворита Екатерины Зубова, императрица была «скандализована костюмами», которые пришлось заменить «скучными амадисами». «На самом деле императрица вообще ничего не говорила, как она уверила меня» (30–31). В действительности же Екатерина была недовольна портретом, о чём писала Мельхиору Гримму, отмечая, что девочки не только похожи на «гадких крестьянок с причёсками, как у вакханок», но и настолько обезображены, что их невозможно узнать¹³. Об этом же инциденте пишет в

¹¹ Врангель Н. Н. Иностранцы художники XVIII столетия в России // Старые годы. СПб., 1911. С. 21.

¹² *Péchoix Ch. Elisabeth-Louise Vigée-Le Brun (1755–1842)* [Электронный ресурс] // URL: <https://mastersfdl.hypotheses.org/258> (дата обращения: 26.06.2017).

¹³ *Les Français en Russie au siècle des Lumières* : in 2 vol. Publications du Centre international d'étude du 18^e siècle, vol. 23, 24. Paris, 2011. V. 23. P. 820.

своём письме 8(19) декабря 1795 г. Ростопчин, полагая, что настал час австрийского живописца Людвиг Гуттенбрунна (около 1750–1819), работавшего в России в те же годы, ибо «императрица рассержена на г-жу Лебрен <...> Она нарисовала двух великих княжон, и даже не будучи знатоком живописи, очевидно, что картина очень плоха: явные ошибки в рисунке и фиолетовом колорите шокируют»¹⁴.

Разумеется, Виже-Лебрен надеялась, что Екатерина Великая закажет ей свой портрет, как несколькими годами ранее она заказала его австрийскому художнику Лампи (1751–1830), щедро заплатив за работу. Однако императрицу художнице написать не довелось, хотя Л. Николенко и указывает в своём списке её поясной пастельный портрет под № 1¹⁵. Сама художница рассказывает весьма примечательную историю несостоявшегося заказа в мемуарах. В последнее воскресенье перед своей кончиной, когда Виже-Лебрен приехала к императрице, чтобы представить ей портрет великой княгини Елизаветы, одно из наиболее удачных творений портретистки, Екатерина сказал ей: «У меня требуют, чтобы вы непременно написали мой портрет, хотя я уже изрядно стара; но раз этого все хотят, я дам первый сеанс сегодня в восемь» (72). Однако никаких подробностей этого якобы первого сеанса далее не сообщается — мемуаристка сразу же переходит к следующему четвергу, когда императрица не позвонила по своему обыкновению в восемь и вошедшие камеристки нашли её сраженной апоплексическим ударом. Скорее всего, художница всё же выдаёт желаемое за действительное, и столь значимый и знаковый заказ так и не был сделан!

Портреты Виже-Лебрен становятся крайне востребованными как благодаря царским заказам, так и благодаря тому, что она умеет, как никто другой, уловить вкусы и тенденции эпохи, когда в моду входят красивая обстановка, цветы, наряды в неоклассицистическом стиле — художница чутко реагирует на усиление гедонистических потребностей конца века. «Виже-Лебрен была модной портретисткой именно потому, что умела любезно и со знанием дела отразить запросы вполне определённой части публики», она — искусный мастер экспрессии и чувствительности¹⁶. Несмотря на привкус салонной слащавости, банальность и поверхностную красоту, именно портреты Виже-Лебрен становятся эталоном, которому следова-

¹⁴ Архив князя Воронцова. Указ. соч. С. 121.

¹⁵ *Nikolenko L.* Op. cit. P. 99.

¹⁶ *Евангулова О. С., Карев А. А.* Указ. соч. С. 154.

ло подражать русским художникам, в том числе и В. Л. Боровиковскому, которого искусствоведы часто сравнивают с художницей¹⁷.

Популярность французской художницы, сумевшей занять своё место в «россике»¹⁸ среди многочисленных именитых иностранцев, объясняется во многом тем, что она была одной из тех, кто привёз в Россию тенденцию к естественности, ставшую модной в конце XVIII в., она уловила, что именно женщине отведено «особое место в русской культуре»¹⁹: большинство портретов Виже-Лебрен — женские. Она предложила своим моделям платья à la grecque, что, хотя и вызвало неприятие Екатерины, стало крайне востребованным уже несколькими годами позже. Графиня Варвара Головина пишет в своих записках: «Известная г-жа Лебрен недавно приехала в Петербург; её платья и модные картины произвели переворот в модах; утвердился вкус к античному»²⁰. «Увлечение классицизмом было так сильно в России, что все художники, работавшие в этом направлении, пользовались огромным успехом у своих современников»²¹. «Женщина, с её напряжённой эмоциональностью, живо и непосредственно впитывает особенности своего времени, в значительной мере обгоняя его. В этом смысле характер женщины можно назвать одним из самых чутких барометров общественной жизни»²². Таким барометром придворной жизни Санкт-Петербурга стало и творчество «русской парижанки» Виже-Лебрен.

В 2016 г. в Париже прошла первая крупная ретроспектива творчества знаменитой портретистки XVIII в., где официальной художнице Марии-Антуанетты были отданы воистину королевские почести — более 150 работ, в том числе и 22 «русских» портрета из Эрмитажа, Пушкинского музея, Лувра, музеев Балтимора, Бостона, Токио, Милана и частных коллекций. Выставка побывала в Музее Метрополитен в Нью-Йорке и в Канадском музее искусств в Оттаве. До России, к сожалению, она не доехала — художница так и не побывала на своей «второй родине»!

¹⁷ Алексеева Т. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже 18–19 веков. М.: Искусство, 1975. С. 110.

¹⁸ Термин «россика» используют для обозначения произведений «иностранцев, работавших в России, главным образом, живописцев, а из них — портретистов (Евангулова О. С., Карев А. А. Указ. соч. С. 138).

¹⁹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 94.

²⁰ Белкова Г. Французский живописец при дворе трёх русских императоров // Наше наследие. 1992, № 25. С. 30.

²¹ Врангель Н. Н. История скульптуры // История русского искусства. Москва, б.г. Т. 5. С. 171.

²² Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 67.

Наталья Михайловна Вершинина
(Санкт-Петербург)

Главный научный сотрудник
Государственного музея-заповедника «Павловск»

Значение декоративных тканей и ковровых изделий производства французских мануфактур в формировании художественного убранства интерьеров Павловского дворца

Декоративные ткани и гобелены, украсившие залы Павловского дворца в конце XVIII в. и сохранившие своё значение ценнейших произведений декоративно-прикладного искусства эпохи Людовика XVI в собрании музея, были приобретены в результате посещения Франции русской делегацией во главе с великим князем Павлом Петровичем весной и летом 1782 г.

Наследник престола совершил путешествие по европейским странам совместно с супругой Марией Фёдоровной под именем графа и графини Северных (*Le comte et la comtesse Du Nord*). Павел Петрович был первым, после Петра Великого, представителем российской императорской семьи, покинувшим пределы родины ради заграничного путешествия. Подобный вояж был общепринятым этапом, завершавшим образование молодых людей из знатных европейских фамилий. Программа тура была составлена для цесаревича его мать, императрицей Екатериной II, и включала посещение Священной Римской империи, Венецианской республики, Папской области, Неаполитанского королевства, Пармского, Тосканского и Миланского герцогств, Швейцарии, Франции. Екатерина II придавала

большое значение путешествию своего сына. Отправляя наследника в Европу, царица имела в виду политические цели. Она хотела продемонстрировать европейским монархам просвещённый характер своего правления, как того требовал дух времени. Наравне с тем, поездка русской делегации была призвана, по замыслу Екатерины, показать богатство русского двора. Николай Александрович Саблуков, младший современник Павла I, сообщает в своих записках, по-видимому, со слов близких ко двору лиц, что императрица «послала сына путешествовать вместе с супругою и отдала самые строгие приказания, дабы не шадить денег, чтобы сделать эту прогулку по Европе столь же блистательной, сколь интересной, при помощи влияния на дворы, которые им придётся посетить. Путешествовали они incognito, под именем графа и графини Северных, и всем хорошо известно, что остроумие графа, красота графини и обходительность обоих оставили самое благоприятное впечатление в странах, которые они посетили»¹.

В ходе путешествия великий князь неуклонно стремился побывать там, где ранее побывал его прадед. Так, во время визита в Париж, куда русская делегация прибыла 18 мая, Павел Петрович один день выделил для присутствия на заседании Французской Академии, состоявшегося в понедельник 27 мая. Подробное описание этого визита приведено в «Ежедневной записке пребывания их императорских высочеств в Париже», составленной князем Александром Борисовичем Куракиным. При входе в Академию их встретил кардинал князь Луи де Роган в сопровождении членов Академии, один из которых, писатель Жан-Франсуа де Ла Гарп, приветствовал наследника российского престола специально сочинённой по этому случаю одой:

«Пётр, Ваш образец, и он живет в Вашей душе.
Чтобы создать народ он покинул Империю,
он учил трудом заслужить славу /.../
Ныне этот великий человек направляет свой взор на Вас.
Его тень — постоянная спутница Ваших шагов,
И чтобы увидеть Петровича, явившегося в Лувр,
она спускается и видит Вас здесь среди нас»².

¹ Саблуков Н. А. Записки генерала Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя // Фонд «Преображение». Общество сохранения литературного наследия. М., 2002. С. 13.

² А. Б. Куракин. Ежедневная записка пребывания их императорских высочеств в Париже // Русский Гамлет. М., 2004. С. 447.

В конце же заседания религиозный деятель аббат Арно прочитал посвящённое Павлу Петровичу прозаическое произведение «Портрет Юлия Цезаря», в котором нашли продолжение мысли, уже прозвучавшие в оде Ла Гарпа: «Время не смогло ослабить в нас память о том дне, когда Академия видела в первый раз монарха, присутствующего на её заседаниях, и интересующегося рассказом о её трудах, но эта память ещё более дорога нам сейчас, когда правнук этого государя пришёл спустя 60 лет занять то же самое место и показать этим свидетельством наследственной любви к наукам, что он призван унаследовать великие замыслы Петра I и его империю»³.

Действительно, в ходе всего путешествия и во время посещения Франции Павел Петрович и Мария Фёдоровна интересовались всеми достижениями европейской культуры: посещали мастерские знаменитых художников и скульпторов, библиотеки, осматривали достопримечательности и археологические раскопки, фортификационные сооружения, корабельные верфи и мануфактуры. Они старались усвоить новинки моды, чтобы применить их в убранстве своей резиденции в Павловске, где архитектор Камерон приступил в их отсутствие к строительству дворца.

20 мая состоялась встреча великокняжеской четы с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой в Версале. Людовик XVI в качестве дипломатических подарков преподнёс изделия ковровых мануфактур, вошедшие после их доставки в Россию в убранство резиденций великого князя, среди которых был дворец, строившийся в Павловске. Подаренные ковры перечислены в королевском распоряжении от 9 июня 1782 г. В список включены три гобелена из серии «Портъеры богов», четыре гобелена с воспроизведением фресок Рафаэля; четыре гобелена на сюжеты романа «Дон-Кихот»; четыре гобелена из серии «Новая Индия»; четыре «Пасторали» по картонам Буше; два тканых портрета «Генрих IV» и «Сюлли»; шесть ковров для ширм на сюжеты басен Лафонтена в технике ворсового ткачества производства мануфактуры Савонери, двенадцать обивок в технике шпалерного ткачества для табуретов, двенадцать обивок для банкеток и 2 панно для экранов. В общей сложности подарок оценивался в 118 тысяч ливров⁴.

До приезда в Париж российская делегация посетила Лион, в то время центр шелкоткацкого производства. Находясь там с 26 апреля по 1 мая, россияне осматривали знаменитые мануфактуры и совер-

³ Там же. С. 461.

⁴ *Fenaille M.* Etat general de tapisseries de la Manufacture de Gobelins, depuis son origine jusqu'à nos jour. Vol. V. P. 286. Paris, 1903—1923.

шили ряд заказов на поставки шёлковых тканей для оформления строившегося дворца. Через секретаря Марии Фёдоровны барона Андрея Львовича Николаи поддерживалась переписка с архитектором Камероном, сообщавшим размеры комнат с указанием количества и качества тканей, нужных для шитья портьер и обивочных работ. На основании пояснений архитектора и в соответствии со вкусами великокняжеской четы были сделаны заказы на изготовление и поставку шёлковых материй. К этому времени сложилось представление об ансамбле декоративных тканей в каждом помещении, соответственно которому подбирали комплект для обивки мебели в виде купонов для каждого предмета и бордюра для отделки края занавесей с таким же рисунком. Они были стилистически согласованы с архитектурной отделкой и в значительной мере определяли характер интерьера.

Ткани из Лиона, мебель из Парижа и часть дипломатических подарков были доставлены несколькими партиями в 1783 г. в Павловск и постепенно вошли в убранство дворца. Обстановку залов Мария Фёдоровна подробно описала в 1795 г. письме к своим родственникам⁵. Описание открывается *Большой гостиной*, позднее получившей название — *Греческий зал*. На балконных дверях поместили три комплекта занавесей с фигурными ламбрекенами. Они были изготовлены из белого шёлкового фая и украшены вышивкой в технике тамбурного шитья. Рисунок вышивки для бордюра составлен в виде гирлянды роз. На ламбрекенах вышиты небольшие букеты таких же цветов. В зал поставили гарнитуру мебели с соответствующими обивками, на которых вышиты пышные букеты роз⁶. Занавесы украшают зал до настоящего времени. Гарнитуру мебели ныне находится в Старой гостиной на первом этаже дворца.

Затем Мария Фёдоровна переходит к описанию комнат супруга. Первый зал на север от Большой гостиной — *Гостиная Великого князя*. Для этого зала подобрали ткань с рисунком, изображавшим левкой.

Следующий зал — *Ковровая, или Ковровый кабинет*. Французские текстильные изделия определили его название и были самым заметным элементом его декора в целом. На стенах зала поместили гобелены из серии «Любовь Богов»: «Венера на водах», «Венера и Вулкан», «Аврора и Кефал». Все гобелены по своим композиционным

⁵ Описание дворца в Павловске, составленное и собственноручно написанное Великой Княгиней Марией Фёдоровной в 1795 г. // Художественные сокровища России. 1903, № 9–11.

⁶ Мебель выполнена в мастерской парижского мебельщика Анри Жакоба.

особенностям относились к особой группе ковров, называемых алентурами (от франц. alentour – вокруг, окружение, окрестности). На узорчатом фоне, в окружении гирлянд и атрибутов, помещается сюжетная композиция, имитирующая картину в золочёной раме, висящую на шёлковой обивке стен. К этим гобеленам подобрали мебельный гарнитур золочёного резного дерева с обивкой жёлтого цвета с узором в виде букетов сирени в овальных медальонах. Портьеры на окнах были пошиты из однотонного жёлтого шёлка с бордюром, с вытканными гирляндами этих же цветов. Соединение в убранстве Коврового кабинета гобеленов с малиновым фоном и портьер из жёлтого шёлка с оторочкой в виде гирлянд сирени, в сочетании с золочёной мебелью, придавало помещению исключительно нарядный характер. Вид этого интерьера сохранился в иконографии 1900–1910-х гг. – на фотографиях и на картинах художника В. Н. Кучумова, написанных в 1926–1927 гг. Обивку мебели по причине обветшания сняли в начале XX в. и убрали в кладовые. Сейчас они находятся в фонде тканей. Гобелены были переданы в 1932 г. в Госфонд и затем проданы на международных аукционах. В настоящее время в зале экспонируется один из гобеленов, подаренных французским королём, но из другой серии, посвящённой приключениям Дон-Кихота – «Дамы служат Дон-Кихоту».

Библиотека продолжает анфиладу комнат Павла Петровича. В ней нашли себе место шесть ковровых панно с коротким ворсом производства мануфактуры Савонери на сюжеты басен Лафонтена: «Ворона и Лисица», «Волк и Журавль», «Петух и жемчужное зерно», «Лисица и Петух», «Лисица и виноград», «Олень и ручей». Фигуры животных принадлежат художнику анималисту Жан-Батисту Удри. Красочные ковры, воплощающие литературные сюжеты, помещённые на стенах в резных золочёных рамах, обогащают художественное решение зала и раскрывают его назначение как хранилища книг.

Для *Кабинета* Павла Петровича, находящегося за библиотекой, был подобран комплект тканей с изображением белых лилий на розовом фоне. Бордюр с изображением белых лилий был нашит по краям однотонных портьер из розового шёлка. На купонах для диванов и табуретов были вытканы букеты лилий, и небольшие букеты изображены на купонах, предназначенных для обивки локотников. Среди символических значений цветов лилии есть такие, как воплощение царственности, благородства и мужской силы. В распределении лионских тканей с цветочными рисунками в залах Павловского дворца была учтена не только их эстетическая роль в обстановочном комплексе, но и те аллегорические значения, которыми наделяли растения в XVIII в.

После описания анфилады комнат великого князя Мария Фёдоровна перешла к описанию собственных апартаментов, начиная от Гостиной на углу здания. В этом помещении для обивки мебели выбрали ткань с изображением кустов роз и соответствующий бордюр для занавесей с гирляндой роз.

После гостиной идет её *Библиотека*. Её планировка и отделка совпадали с отделкой Ковровой комнаты на половине комнат Павла Петровича. На стене напротив окон поместили большой гобелен с двумя овальными медальонами с сюжетами «Вертумен и Помона» и «Каллисто и Юпитер». По сторонам, на боковых стенах нашли себе место гобелены «Юпитер» и «Юнона», относящиеся к серии из восьми ковров с изображениями олимпийских богов, олицетворяющих четыре времени года и четыре стихии. Юнона — олицетворение воздуха, Юпитер — огня. Картоны серии были выполнены по заказу архитектора Мансара в 1699 г. художником Клодом Одраном Младшим. Фигуры богов, богинь и детей писали Л. Булонь и М. Корнель, животных — Ф. Депорт. Ковры серии повторяли восемь раз, с 1700 по 1789 г. Ковры, принадлежащие Павловскому дворцу, изготовлены с 1771 по 1782 г. в мастерской под руководством ткача Нельсона. Они украшают Библиотеку Марии Фёдоровны в настоящее время. Большой гобелен из серии «Любовь богов» разделит судьбу трех гобеленов из Ковровой комнаты. Обивочная ткань на мебели была также французская с изображением букетов разных цветов на зелёном фоне.

В *Будуаре* великой княгини использовали лионскую ткань для отделки драпировки и занавеса на балконной двери. Они обшиты по краю бордюром с тканой гирляндой цветов синих ирисов среди светло-зелёных заострённых листьев.

Парадная спальня была отделана по примеру парадной спальни Марии-Антуанетты в Версале. Затыжка стен, кроватный убор, драпировки окон выполнены из светлого однотонного шёлка с росписью в виде пышных цветочных композиций.

Небольшой *Кабинет* завершал череду покоев Марии Фёдоровны. В нём были использованы купоны из шёлковой ткани с вышивкой гладью разноцветными шёлковыми нитками для обивки мебели, и аналогичные бордюры служили оторочкой для оконных драпировок. Сюжет вышивки — причудливый арабесковый узор в стиле рисунков французского графика второй половины XVIII в. Фая.

Так французские шёлковые ткани и ковровые изделия были включены в убранство всех парадных залов великокняжеского дворца в Павловске и в значительной мере определили их художественные особенности. Из Франции во дворец были доставлены в 1780-х гг.

гарнитуры резной мебели, осветительные приборы и часы из золочёной бронзы, изделия из фарфора. Благодаря насыщению интерьеров этими предметами Павловский дворец являлся в России наиболее выразительным примером стиля придворного французского искусства эпохи Людовика XVI и Марии-Антуанетты. К сожалению, ткани — самая недолговечная часть убранства. Со временем они выцветают, ветшают и выходят из моды. Некоторые лионские шёлковые ткани были заменены во второй половине XIX — начале XX в. Большой урон понёс художественный ансамбль Павловского дворца в 1932 г., когда из залов были изъяты гобелены, имевшие огромное значение как для художественного ансамбля, так и в качестве исторического памятника.

В Греческом зале, Будуаре Марии Фёдоровны и в Старой гостиной лионские шёлковые ткани представлены в экспозиции в настоящее время. В залах можно видеть несколько гобеленов и ворсовых ковров, входивших в число подарков Людовика XVI. Образцы всех тканей, изготовленных для дворца во Франции, хранятся в фондах музея.

Хотя первозданный комплекс французского текстиля, сложившийся в 1780-х гг., не сохранился до наших дней, знакомство с ним дополняет картину истории русского дворцового интерьера в конце XVIII в. Значение рассмотренных экспонатов не исчерпывается их высокой художественной ценностью, с ними неразрывно связан один из эпизодов сближения России с такой ведущей европейской державой, как Франция, которая в то время в силу ряда политических и экономических обстоятельств была в этом весьма заинтересована.

Использованная литература

Гузанов А. Н. Культура Малого двора Павла Петровича и Марии Фёдоровны. Французское влияние // Труды ГЭ XXXVI. Российский императорский двор и Европа диалоги культур. СПб., 2007. С. 102–113.

Начертаніе путешествія Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Великаго Князя Павла Петровича и Государыни Великой Княгини Маріи Θεодоровны подъ именемъ Графа и Графини Сѣверныхъ, Указующее дневные переѣзды, с означеніемъ числа верстъ, мѣста и домы, въ коихъ имѣлись ночлеги, и многоневныя пребыванія, границы раздѣляющія государства и области, лежащія на пути, съ частными и общимъ перечнями всего путешествія, предпрѣятаго въ 1781 году и окончаннаго въ 1782 году. СПб., 1783.

Описаніе дворца въ Павловскѣ, составленное и собственноручно написанное Великой Княгиней Маріей Θεодоровной въ 1795 г. // Художественные сокровища России. СПб., 1903. № 9–12.

Елена Эдуардовна Эльц
(Санкт-Петербург)

*Доцент кафедры международных гуманитарных связей
Санкт-Петербургского государственного университета*

Вклад Л. Рео и Г. К. Лукомского в развитие русско-французских художественных связей¹

Луи Рео, первый директор Французского института в Санкт-Петербурге, историк искусства, известен как автор многочисленных работ об экспансии французской культуры в Европе и России, отличающийся оригинальностью суждений и вместе с тем новым уровнем обобщений в рассуждениях о русском искусстве. Архитектор, художник, краевед, искусствовед Г. К. Лукомский, который, эмигрировав из России в 1921 г., стал секретарём парижской группы «Мир искусства» и поставил задачу привлечь интерес к русскому искусству за рубежом, называл Рео первым французским историком русского искусства и часто цитировал его работы. Без обращения к

¹ За последние два десятилетия биографическая литература о Г. К. Лукомском пополнилась многими ценными публикациями. Отметим, в частности, следующие: *Кобак А. В., Северюхин Д. Я.* Г. К. Лукомский: Очерк жизни и творчества // Невский архив: Историко-краеведческий сб. Вып. VI. СПб., 2003. С. 528–555; Г. К. Лукомский [Электронный ресурс] // Искусство и архитектура Русского зарубежья. URL: <http://www.artz.ru/texts/1804805756.html> (дата обращения 01.01.2018); *Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Г. К. Лукомский // Художники Русского зарубежья: 1917–1939. СПб., 1999. С. 393–396; *Шехурина Л. Д.* «Странствующий энтузиаст». Георгий Лукомский в эмиграции // Зарубежная Россия. 1917–1939. Сборник статей. Кн. 2. СПб., 2003. С. 458–463. Прим. науч. ред.

роли этих деятелей в популяризации русской культуры во Франции представление французского общества о русской литературе и искусстве обрисовывается неполно.

Художественные связи России и Франции на рубеже XIX—XX вв. переживали период активного подъёма. Во Франции неуклонно рос интерес к России и русской культуре; усиливались контакты в художественной сфере благодаря многочисленным поездкам русских художников во Францию, в важнейший европейский художественный центр — Париж, где развивались новые формы их организации (например, выставочные инициативы и собрания «Союза русских художников — Монпарнас», образованного в Париже в 1903 г.²) и русское искусство всё чаще выставлялось в салонах. Особый вклад в художественный обмен внесла деятельность мирискусников и их идеологов А. Н. Бенуа и С. П. Дягилева, для которых воспитание эстетических вкусов русского общества, прежде всего, через знакомство с произведениями мирового искусства, а также продвижение русского искусства на Западе являлись важнейшими задачами. Дягилев в 1906 г. организовал при Осеннем салоне в Гран Пале первую в Европе большую ретроспективную выставку «Два века русской живописи и скульптуры», представившую русское искусство как цельную художественную школу европейского уровня. Мероприятие участников общества «Мир искусства» проводилось при поддержке московских и петербургских коллекционеров и меценатов, посла России во Франции А. И. Нелидова и заместителя государственного секретаря Франции по изящным искусствам А. Ш. Дюжардена-Боме³. Выставка вызвала большой резонанс и положила начало новому отношению парижского общественного мнения к русскому искусству. Рео писал: «Публика, наивно ожидавшая увидеть произведения византийского или азиатского вкуса, была разочарована этим “европеизированным” искусством, которое она упрекала в отсутствии экзотизма, *couleur locale*, а значит — оригинальности». В духе панфранцузской концепции истории искусства критики приводили списки повлиявших на русских художников французских мастеров⁴. Среди проявивших интерес к выставке

² Толстой А. В. Русское искусство: зарубежные маршруты // Русское искусство. 2004. № 3. С. 6—20.

³ Хмельницкая И. И. Русско-французские культурные связи конца XIX — начала XX века и начало Парижских сезонов С. П. Дягилева // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. Т. 190.

⁴ Толстой А. В. Русская художественная эмиграция в Европе, первая половина XX в.: дис. на соиск. уч. степ. докт. искусствоведения. М., 2002. С. 31.

французских интеллектуалов особо выделяется Л. Бенедит — хранитель Люксембургского национального музея, пожелавший приобрести произведения русских художников и даже выступивший с инициативой создания в музее отдела русского искусства⁵.

Специальные выставки организовывались для демонстрации художников, участвующих в оформлении «Русских сезонов»: летом 1910 г. в галерее Бернгейма-младшего искусствовед, издатель и редактор петербургского журнала «Аполлон» С. Маковский представил театральные эскизы мирискусников А. Н. Бенуа, Л. С. Бакста, Н. К. Рериха, А. Я. Головина, Б. М. Кустодиева, И. Я. Билибина, К. Ф. Юона⁶. А уже через год в сотрудничестве с Рео, директором Французского института (1911–1913), журнал «Аполлон» осуществляет грандиозный проект в Петербурге — выставку «Сто лет французской живописи (1812–1912)».

Кто бы ни был инициатором выставки (в разных исследованиях ответственность возлагается и на Французский институт, и на журнал «Аполлон») в год столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г., отмеченного широким празднованием, мероприятиями в сфере культуры, поддержанными как гражданской инициативой, так и правительством, очевидна тесная взаимосвязь события с вкладом в развитие художественных связей России и Франции дягилевских сезонов и деятельностью мирискусников.

Об этом свидетельствуют: участие в проекте хранителя Люксембургского музея Бенедита, который в рамках петербургской выставки прочитал две лекции о развитии французской живописи в XIX в.; состоявшееся ещё до открытия Французского института знакомство Рео с искусствоведом Н. Н. Врангелем, «наследником идей “Мира искусства”, открывателей и поэтов старины»; тесное общение директора Французского института с А. Н. Бенуа⁷.

Соответствовала идеям мирискусников и концепция французской выставки с обширным ретроспективным отделом: «наше внимание было направлено не на официальных академических или же салонных живописцев... но — на художников-вожаков, на художников, которые в своё время открывали новые пути и вместе с тем умели беречь старые прекрасные традиции французской школы...

⁵ Чернышова-Мельник Н. Д. Дягилев. М., 2011. С. 37.

⁶ Толстой А. В. От крайнего севера до Атлантиды (Картины русских художников на парижских выставках начала XX века) // «Новая Юность». 2003, № 1 (58).

⁷ Ржеуцкий В. С. Французский институт в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Альянс Франсез и Французский институт в Петербурге. Сборник исторических очерков. URL: http://www.af.spb.ru/af10/if1_ru.htm (дата обращения: 16.05.2017).

Одна из задач выставки — показать эту преемственность и связь современных течений со славным прошлым французской живописи, с заветами её великих учителей». Рерих писал о французской выставке: «Давно уже хотелось увидеть действительно хорошую выставку. Выставку первоклассных вещей... на которую хотелось бы придти вне всякой нашей партийности, где никто предвзято не злобствует, а только любит прекрасными картинами. И поучается. Прошлая историческая выставка портретов, сделанная Дягилевым, показала, что такую выставку и у нас сделать можно. И тем большую признательность теперь нужно высказать редакции “Аполлона”, блестяще решившей трудную задачу французской выставки. Выхлопотать и, несмотря на все трудности привезти из Франции музейные картины, добиться разрешения подчас слишком строгих частных коллекционеров... сделать отличный каталог... Выставка составит настоящее явление нашей художественной жизни, и она прекрасно решена С. Маковским и бар. Н. Врангелем»⁸.

Весной 1911 г. Врангель и Рео предприняли совместную поездку во Францию, где заключили целый ряд предварительных соглашений. 21 мая 1911 г. Врангель писал Маковскому из Парижа: «Réau надеется даже, что нам дадут некоторые картины из Люксембурга!! Решено, как мы улаживались, взять 300 картин (за 100 лет). Réau надеется, что нам также дадут картины не только частных лиц, но даже некоторые провинциальные музеи, и в последнем случае я, устроив всё в Париже, поеду в Lyon, Dijon, Nantes и проч...»⁹.

Учреждение в Петербурге Французского института в 1911 г. и проведение масштабной выставки, поддержанной послом Франции в России Ж. Луи и включившей произведения из общественных музеев Франции: Люксембургского, Версальского музеев, Дома Инвалидов, музея Гренобля, а также произведения из частных французских и русских коллекций, отражало стремления французских правительственных кругов и общественности к культурной экспансии. Идеи соперничества и необходимости ослабления германского влияния, не только политического и военного, но и культурного оказались созвучны представлениям о доминирующем французском воздействии на русскую культуру Рео и других крупнейших французских учёных того времени, Э. Омана и Л. Пенго.

⁸ Автобиография Н. К. Рериха [Электронный ресурс] // URL: http://www.rerich9.sitcity.ru/ltext_0204005540.phtml?p_ident=ltext_0204005540.p_0906144439 (дата обращения: 16.05.2017).

⁹ *Лауров А. В.* Французская выставка под знаком «Аполлона» // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011. С. 221–238.

Крупнейшая в истории Франции зарубежная выставка, выполнив культурно-просветительскую миссию, продемонстрировала также европейский статус России, её полноценное вхождение в систему общекультурных ценностей западного мира. В изданной в Париже в 1913 г. книге «Петербург», посвящённой многоликому городу, выделяющемуся среди многих европейских столиц своей яркостью и неординарностью, Рео прослеживает непрерывную связь истории Петербурга с Францией и французским искусством. В 1921–1922 гг. он издал первую французскую монографию о русском искусстве, написанную на основе личных наблюдений, а также опирающуюся на опыт русских искусствоведов. В межвоенные годы Рео принадлежит исключительная роль в осмыслении творчества русской эмиграции во Франции. Его наследие во многом определило формирование представлений о русском искусстве во Франции в 1920-е гг.

Выставка 1912 г. положила начало совместной деятельности Рео и взаимодействующего с группой «Мир искусства», журналами «Старые годы» и «Аполлон» художника-архитектора и искусствоведа Лукомского, принимавшего активное участие в популяризации и сохранении старинных памятников архитектуры. Их сотрудничество продолжилось и после революции. Объединил двух деятелей не только интерес к коллекциям Петербургских музеев, архитектурным достопримечательностям столицы и окрестностей, загородным резиденциям царей и аристократии, но и тема вандализма. К юбилейному 1912 г. был приурочен и выход книги Лукомского «Прогулки по старым кварталам Парижа», связанной с журналом «Старые годы» (отсюда взяты заставки и концовки) и выпущенной той же типографией, что и посвящённое французской выставке издание журнала «Аполлон»; средства от издания были предназначены для «Общества защиты и сохранения памятников истории и старины». Искусствовед писал: «Недавно я пережил вновь одно из увлечений моей юности: я заглянул в старинные кварталы Парижа; с ними связывали меня многие воспоминания... Однако я не мог отыскать многих построек... не только отдельные порталы, кариатиды, башни, не только прекрасные дворцы и пышные особняки, но целые нагромождения домов, огромные куски кварталов с их вросшими друг в друга крышами, трубами, ажурными решётками, увитыми плющом балконами исчезли навсегда! Соседние дома, обнажившие свои уютно, целые столетия примыкавшие к погибшим зданиям стены, теперь подпёрты лесом балок, напоминающим о примитивнейших конструкциях. Мои тетради были полны набросков и заметок о парижской старине... Многого из зарисованного на моих этю-

дах и закреплённого в эскизах уже не существует! Мне казалось поэтому, что я был обязан присоединить свою работу к общему усилию борющихся за сохранение исторических памятников искусства опубликованием этих строк»¹⁰.

Лукомскому было поручено оформление выставочных помещений. В сотрудничестве с французским архитектором М. Робеном русский художник-архитектор все комнаты выполнил в различных стилях в соответствии с теми разделами выставки, которые в них размещались. Высказывания Лукомского о подготовке мероприятия появлялись в изданиях периодической печати: «устроительному комитету нашей выставки удалось осуществить замысел по представлению в наступающем юбилейном 1912 г. полного отчёта французского искусства за сто лет. Труды комитета облегчились благодаря высокому покровительству, а также участию в парижском комитете таких лиц, как министр иностранных дел де Сельв, российский посол в Париже <А. П.> Извольский, советники посольства барон <М. Ф.> Шиллинг и князь В. Н. Аргутинский-Долгоруков, выдающихся профессоров Байе, Мишель, художников Роден, Бланш, хранителя Версальского музея де Нолак, художественных критиков Арсен, Тиссоля, редакторов художественных журналов и различных меценатов». Лукомский обращал внимание на то, что устроителями выставки предусмотрена демонстрация картин французских мастеров, хранящихся в русских коллекциях: «... на выставке появятся не только картины, находящиеся во Франции, в Париже. Мы живо интересуемся тем французским искусством, которое расцвело на русской почве. Имеется очень много картин, написанных французскими художниками, жившими у нас в России в первой половине XIX столетия. Эти произведения и до сих пор сохраняются у частных лиц, в старинных барских усадьбах»¹¹.

Среди русских деятелей культуры, оказавших помощь в организации французской выставки 1912 г., особо выделяют группу искусствоведов — П. Вейнера, В. А. Верещагина, Бенуа, Врангеля (и художника К. А. Сомова), так или иначе приближённых к группе «Мир искусства» и сплотившихся вокруг журнала «Старые годы» и «Общества защиты и сохранения памятников истории и старины», куда и был направлен весь доход от выставки. Журнал «Старые годы», пользовался популярностью среди любителей искусства и коллекционеров, публиковал объявления о выставках, циклах лек-

¹⁰ Лукомский Г. К. Прогоулки по старым кварталам Парижа. СПб., 1912.

¹¹ Лавров А. В. Указ. соч.

ций по истории искусств, листовки «Общества защиты и сохранения в России памятников истории и старины».

В 1917 г., многие участники перечисленной группы сумели наиболее быстро и эффективно отреагировать на угрозу революционных потрясений. В тесном взаимодействии с Временным правительством, а потом с большевиками, они организовали работу по сохранению памятников истории и культуры. Вейнер, Верещагин, Лукомский, Бенуа возглавляли работу художественно-исторических комиссий, направленную на защиту культурного наследия, императорских резиденций, и сыграли важнейшую роль в становлении государственной системы охраны культурного наследия Советской России.

После долгих попыток построить успешное взаимодействие с новой властью многие мирискусники оказались за границей. Судьбу культурной эмиграции разделил и Лукомский, прославившийся в первые революционные годы как успешный хранитель дворцов-музеев, прежде всего, музея Царского Села и устроитель киевского государственного музея им. Ханенко.

В биографии художника исследователи расходятся в вопросе приезда Лукомского в Париж. Часто отсчёт парижского периода его деятельности ведут с 1925 г., тогда как доступные источники — отзывы критиков во французской периодике, подписи его статей в сборниках — подтверждают его пребывание здесь в более ранние сроки. Так, например, Ж. Баше в 1922 г. в крупном французском еженедельном журнале назвал Лукомского «нашим (французским) постояльцем, приехавшим в Париж продолжить личную карьеру художника и ни в коем случае не являющегося человеком политическим».

Деятельность Лукомского во Франции в 1920-х гг. была довольно разнообразной. В 1921 г. он стал секретарём парижской группы «Мир искусства», и основным вдохновителем выставки русских художников в известной галерее La Voetie. Среди других организованных им выставок — посвящённая пейзажам славянских стран выставка в парижской галерее Le Gouyr, осуществлённая в Париже в ноябре 1920 г., выставка в галерее Devambeze, организованная им в 1921 г. под именем русского общества истории и искусства. В галерее выставка объединила произведения XVIII—XIX вв. из русских собраний в Париже, произведения мирискусников и некоторых новых художников, а также коллекции прикладного искусства. Лукомский вместе с Рео и бывшим послом Франции в России М. Палеологом составили предисловие к каталогу коллекций русского искусства. Примерно в это же время Палеолог выпустил во Франции роскошное и широко известное издание, украшенное иллюст-

рациями Лукомского — «Царская Россия накануне революции». Рео стал автором предисловия к каталогу выставки Лукомского в галерее Le Gouru. Лукомский же в трудах на французском языке часто цитировал его работы. В 1930 г. они в соавторстве написали книгу «Екатерина II, вдохновительница искусства и меценат». Таким образом, продолжилось во Франции сотрудничество русского художника-архитектора и искусствоведа с бывшим директором Французского института.

Работы Лукомского появлялись в парижской галерее Повлоски, галерее Devambe, в галерее Varenne, галерее Летуаль (1926), галерее Симонсон (1927), Georges Petit. Он принимал также участие в выставке «Художник императорской Академии художеств в Петрограде» в галерее Magellan.

Рео составил предисловие к ряду сочинений русского искусствоведа, к каталогу выставок, в организации которых он принимал участие, написал статью для сборника «Русское искусство» (1923), главным редактором которого стал Лукомский. В этой книге, составленной и опубликованной в Берлине в издательстве Гутнова, которое объединило массовую эмигрантскую публику, Лукомский пишет о необходимости привлечь к русскому искусству ещё больший интерес — чисто просветительской, но важнейшей задаче, которую выполняли в том числе и русские журналы, такие как «Современные записки», «Русская мысль». Задача сборника — восполнить имеющиеся пробелы в освещении наиболее интересных тем — о древнем русском искусстве, об искусстве петербургского периода XVIII—XIX вв.

Русский искусствовед, художественный критик, библиограф и автор монографий о творчестве художников Серебряного века, Э. Ф. Голлербах, работавший под руководством Лукомского в 1919 г. в Царскосельской художественно-исторической комиссии, характеризует его как художника, получившего европейское признание, искусствоведа, и, одновременно, агитатора, представившего иноземной «публике лучшие образцы нашей художественной культуры» и убедившего её, что «легенды об “уничтожении” революцией памятников старины — не более, как злостное измышление». В описании наследия и биографии художника Голлербах включает материалы к библиографии — список известных ему изданных за рубежом трудов Лукомского, а также посвящённых ему отечественных и зарубежных работ. Этот неисчерпывающий перечень включает книги на французском и русском языках, статьи в эмигрантских и французских художественных журналах¹².

¹² Голлербах Э. Ф. Георгий Крескентьевич Лукомский. Казань, 1928. 32 с.

Многочисленные упоминания о Лукомском в отзывах французских художественных критиков и музейных работников позволяют предположить, что столь редкая для его соотечественников популярность у иноземных почитателей была приобретена им благодаря активному участию в судьбе Парижа, а также благодаря дореволюционным связям. Автор искусствоведческого очерка «Прогулки по старым кварталам Парижа» 1912 г., художник и «поэт Старого Парижа», в послереволюционные годы стал документировать в своём творчестве старые дома, улочки, дворы, фонтаны. Как и в дореволюционном Петербурге, Лукомский нашёл в Париже идейных соратников, энтузиастов, защищавших город от необдуманного строительства. Его творчество привлекло внимание группы «Спасение французского искусства», которая помогла организовать одну из его выставок.

Помимо изображений Парижа, французский зритель обнаруживал в его творчестве картины, посвящённые итальянской архитектуре, русской провинции, Петербургу и другим русским городам. Высокие оценки получил живописный стиль художника.

Ему посвящены многочисленные заметки французской прессы, статьи авторитетных искусствоведов Франции в каталогах выставках, в специальных работах, посвящённых творчеству художника. Искусство Лукомского привлекло внимание представителей ведущих французских музеев: известного искусствоведа Г. Бриера (Музей Версаля), Л. Дезера (Музей декоративного искусства), Л. Откера (Лувр, в 1911–1919 гг. преподавал во Французском институте в Санкт-Петербурге, был автором книги о петербургской архитектуре, в 1912 г. познакомился с книгой Лукомского «Прогулки по старым кварталам Парижа»), Р. Эсколье (музей Виктора Гюго), А. Мореля (Инспектора по делам национальных музеев и музеев изящных искусств)¹³. Исследователи и современники отмечают, что некоторые работы художника были приобретены французскими музеями, такими как Люксембургский музей, Музей декоративных искусств, Музей Карнавале.

Лукомский прославился за границей, во Франции как иллюстратор, архитектор-художник, писатель, посвящающий своё творчество искусству. Ему принадлежит важная роль в продвижении русского искусства за рубежом: организации выставок художественных работ соотечественников и собственных произведений, учреждении эмигрантских периодических журналов и агитаторской деятельности.

¹³ Aquarelles, gouaches, sanguines dessins rehausses de G.-K. Loukanski / Preface de Camille Mauclair — Paris: G. Petit, 1929. 37 p.

Усилия мирискусников, направленные на расширение представлений французской публики о русском искусстве, демонстрировавшие его европейский характер были восприняты и подхвачены французскими интеллектуалами, интересам которых соответствовало и развитие русско-французского культурного сотрудничества, и экспансия французского влияния. Рео — один из выдающихся деятелей французской культуры, осуществивший значимый вклад в развитие общего дела. Его взгляды оказались созвучны идеям мирискусников об охране памятников искусства и старины. Примкнувший к мирискусникам Лукомский стал одним из лидеров ретроспективного движения и, начиная с организации выставки французского искусства в Петербурге в 1912 г., стал сотрудничать с первым директором Французского института. Изучение наследия двух выдающихся деятелей, сыгравших важнейшую роль в популяризации русского искусства во Франции в 1920-е гг. неотделимо от обращения к многочисленным примерам их совместной деятельности, бесспорно оказавшим влияние на вклад, осуществлённым каждым из них в развитие представлений во Франции о русском искусстве.

Владимир Александрович Сомов
(Санкт-Петербург)

*Заведующий сектором научно-исследовательского
отдела рукописей
Научной музыкальной библиотеки
Санкт-Петербургской государственной
консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова*

Деятельность в России французских обществ по защите авторских прав (1912–1918)

В начале XX в., когда Россия постепенно входила в международную систему по защите авторских прав, в самой империи был принят закон, охраняющий права российских авторов (1911). За ним последовали соглашения с несколькими странами и прежде всего с Францией, что определялось как традиционным интересом к французской культуре, так и политическим сближением двух стран в то время. В 1911 г. была подписана, а в 1912 вступила в силу русско-французская конвенция, по которой иностранные авторы получили в империи те же права, что и отечественные¹. Документы о деятельности в России французских авторских обществ имеются как в русских², так и во французских архивах. Здесь кратко рассмотрены

¹ См.: *Богуславский М. М.* Вопросы авторского права в международных отношениях. М., 1973. С. 99–102; *Николаев В. Е.* Организации по защите авторских прав драматургов в годы Первой мировой войны // Театры Первой мировой: Материалы международной научной конференции. 24–25 октября 2014 года. СПб., 2014. С. 39–46.

² См.: *Николаев В. Е.* Французские общества по защите авторских прав в России в XIX столетии // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной

соответствующие материалы фонда французского посольства в Петербурге, хранящегося в Дипломатическом архиве Франции³.

После заключения конвенции многие русские деятели искусства открыто выражали беспокойство, считая её условия для России невыгодными: «До настоящего времени русский театр много заимствовал из Франции. <...> Теперь нужно за любой идиотский парижский водевиль или за тривиальную драму о супружеской неверности платить сумасшедшие суммы. Наши друзья французы не замедлили в связи с этим проявить свои неумеренные аппетиты»⁴. Тогда же в петербургском журнале «Театр и искусство» появилась резко критическая статья под заглавием «Аппетиты гг. французов». Автор предупреждал, что «сильное и могущественное общество “Société des auteurs dramatiques et compositeurs de musique” <...> решает направить в “варварскую страну” своего специального агента, который будет иметь пребывание в Петербурге и отсюда охранять права соотечественников во всей России»⁵.

Действительно, в 1912 г. в Петербург прибывает парижанин Жак Торайе (Francisque Gaston Jacques Thorailier, 1869–1918, в России – Торалье), который представляет два общества: «Société des auteurs et compositeurs dramatiques» (SACD, Общество драматических писателей и композиторов) и «Société des auteurs, compositeurs et éditeurs de musique» (SACEM, Общество авторов, композиторов и издателей му-

собственности и Российского авторского общества. Ежеквартальный научно-практический журнал. 2014. № 1. С. 54–67; Николаев В. Е. Организации по защите авторских прав России и Франции в начале XX века: К истории взаимоотношений // Авторское право и смежные права. Научно-практический журнал. 2014. № 12. С. 47–55.

³ Фонд французского посольства в Санкт-Петербурге находится в Дипломатическом архиве Франции, центр в Нанте (Centre des Archives diplomatiques de Nantes, далее: CADN). Он содержит материалы самого посольства и консульских представительства. См.: *Cras J. Les fonds du ministère des Affaires étrangères relatifs à la France et aux Français en Russie (1789–1917): présentation archivistique et critique // La France et les français en Russie. Nouvelles sources, nouvelles approches (1815–1917). Études réunies par Annie Charon, Bruno Delmas et Armelle Le Goff. Paris, 2011. P. 78–87; Ржеуцкий В. С., Сомов В. А. Французы в России в эпоху Просвещения (материалы к истории русско-французских связей 1760–1780-х гг. из архива французского посольства в С.-Петербурге) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001. С. 285–300.*

⁴ CADN. Fonds Saint-Petersbourg (598 PO / 2). Carton 538. P. 40–42 (сплошной нумерации листов в данном картоне нет. В досье, содержащем документы Общества, проставлены страницы).

⁵ Аппетиты гг. французов // Театр и искусство. 1912. № 17. С. 353–354. В конце текста: «Переводчик».

зыкальных произведений). Его домашний адрес — Литейный проспект д. 15, кв. 37 — становится официальным адресом агентства. Вскоре у него появляются сотрудники в Москве, Варшаве, в Одессе, Риге, Киеве, в Ростове-на-Дону. Помощником Торайе в Петербурге был артист французской труппы и библиотекарь Михайловского театра Жан Брюно (Bruno), который свободно владел русским языком⁶.

По прибытии в Петербург Торайе заключает соглашения с русскими авторскими обществами, частными антрепренёрами, учреждениями, например, с Дирекцией императорских театров. Соглашение с Дирекцией вступило в силу 1 сентября 1913 г., действовало в течение двух лет и впоследствии продлевалось на три года, т.е. до 1 сентября 1918 г.⁷

Основной целью деятельности агентов SACD и SACEM были денежные сборы за исполнение французских произведений в России⁸. Контролировались театры, концертные залы, рестораны, издательства и т.д. Одновременно Торайе и его сотрудники занимались рекламой, распространяли издательские каталоги, организовывали публикации в газетах. Соглашения с клиентами включали предоставление оригинального материала, т.е. европейских изданий нот и либретто. В сложных случаях, например, при заключении очередного контракта с Дирекцией императорских театров Торайе был вынужден прибегать к помощи посла Франции, который обращался к российским властям: в Министерства Юстиции, Внутренних дел, Министерство Иностранных Дел⁹. В свою очередь, В. А. Теляковский, возглавлявший Дирекцию, свидетельствовал в своём дневнике в октябре 1912 г.: «Сегодня пришлось послать телеграмму обществу авторов в Париже по поводу дела их представителя Торайе, который требует дарового кресла на все первые представления и иначе не хочет подписывать контракт. Мы не можем дать кресло

⁶ Ж. Брюно, католик по вероисповеданию, имел итальянское подданство. См.: РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 130. За сведения о Ж. Брюно благодарю В. Е. Николаева (Саратов).

⁷ Николаев В. Е. Дирекция императорских театров и иностранные авторы: от противостояния к сотрудничеству // В. А. Теляковский и русский театр на рубеже XIX—XX веков. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвящённой 155-летию последнего директора Императорских театров В. А. Теляковского (1860—1924). М., 2016. С. 65—73.

⁸ См., напр.: «Квитанция об оплате авторских прав, выданная Обществом авторов, композиторов и издателей музыкальных произведений. Правление: Париж. Улица Шапталъ. Д. 10». Выдана в Санкт Петербурге 8 / 21 мая 1914 г. Квитанция подписана Ж. Торайе и Ж. Брюно. ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 797. Л. 43. Благодарю В. Е. Николаева за указание на этот документ.

⁹ CADN. P. 151—152.

без разрешения Министерства, а в контракте о кресле ничего не говорится»¹⁰.

Объёмное досье (более 400 страниц) из архива французского посольства содержит около 150 документов за период с 1912 по 1918 г.: проекты договоров (например, с Цирком Чинизелли¹¹), финансовые ведомости, копии отчётов, которые посылались в Париж, переписку между агентами. Несмотря на особый интерес Торайе к драматическому театру (он сам писал пьесы)¹², эти документы сообщают прежде всего сведения о музыкальных произведениях, об исполнении и издании французской музыки в России. Учитывались сочинения и других иностранцев, сотрудничающих с парижскими Обществами. Так, агентство много занимается правами миланского издательства Рикорди.

Сохранившиеся ведомости содержат отчёты о расходах и доходах за 1914–1918 гг., они свидетельствуют о сборах с представлений и концертов в разных залах. Приводятся следующие сведения: плательщик, вид использования (т.е. мюзик-холл, концерт, оперетта, миниатюра, кино), место, дата исполнения либо оплаты, величина сбора.

Например:

Плательщик: «Летний театр буфф».

Характер использования: мюзик-холл.

Место: Петроград.

Период: с 15 июня по 15 июля 1914 года.

Величина сбора: 100 рублей¹³.

Или:

Театр «Музыкальной драмы».

Концерты.

Петроград.

13 и 31 июля 1917 года.

35 рублей¹⁴

¹⁰ *Теляковский В. А.* Дневники директора императорских театров. СПб., 2016. Т. 5. С. 568.

¹¹ CADN. P. 169–170.

¹² Ж. Торайе был автором комедии «Последние тучки» (См.: ОР РНБ Ф. 263 Н. В. Дризен. № 37. Корректурный экземпляр комедии) и соавтором пьесы «Злые вихри». Театрально-литературная комиссия, в которую входил А. А. Блок, прослушав пьесу «Злые вихри», признала её «неприемлемой» (27 октября 1917). См.: Блок в Театрально-литературной комиссии и ТОО Наркомпроса: Документальная хроника / Пред. и публ. Е. В. Ивановой // Литературное наследство. М., 1993. Т. 92. С. 138.

¹³ CADN. P. 154.

¹⁴ *Ibid.* P. 158. Театр «Музыкальной драмы» находился в здании Консерватории.

Что касается Петербурга, ведомости фиксируют около 50 русских клиентов. Здесь учтены симфонические и камерные концерты (А. И. Зилоти¹⁵, С. А. Кусевичский, Я. Хейфец), оперные и драматические спектакли (Дирекция императорских театров, театра С. И. Зимины). Преобладают оперетта, варьете и лёгкая музыка (театр Зона, «Луна-Парк», «Аквариум», «Вилла Роде», «Палас-театр», «Ренессанс»; рестораны: Отель «Астория», «Медведь», «Данон», «Кафе де Пари» и т.д.). Учтены концерты в парках и садах: Павловск¹⁶, Сестрорецк, Ораниенбаум, Зоологический сад. В списке всего один кинотеатр — «Паризиана», видимо, только с ним Торайе удалось заключить соглашение.

Если в Петербурге французские авторские общества представлял парижанин, то на пост агента в Москве был выбран местный житель, молодой присяжный поверенный Григорий Григорьевич Конский. Это была весьма удачная кандидатура — сын музыканта, скрипача оркестра Большого театра, Конский, благодаря своему происхождению, хорошо знал артистическую среду, гораздо лучше, чем его французский начальник, представлял ситуацию в России. Как

¹⁵ В КР РИИИ хранятся два письма Ж. Торайе к А. И. Зилоти. В них идёт речь об исполнении в концертах Зилоти французской музыки. Увидев анонс одного из концертов, Торайе предлагает встретиться: «Я к вашим услугам, чтобы определить, когда Вы пожелаете, оплату за авторские права» (Письмо от 30 января / 12 февраля 1916 г.). КР РИИИ. Ф.17. Оп. 1. Д. 134. Л. 2.

¹⁶ В библиотеке Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д. Д. Шостаковича среди деловых бумаг Павловского вокзала (подчинявшегося Обществу Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, С.-Петербургская сеть) сохранились документы, свидетельствующие о регулярных контактах с Ж. Торайе. В своём первом письме, датированном 3 апреля / 6 мая 1913, Торайе предупреждает о необходимости получать разрешение на исполнение французской музыки, сам посылает список членов SACEM, просит приложить программы будущего сезона, а также предоставить 2 постоянных места в зале «на все концерты, не исключая экстраординарных». Обычно Павловский вокзал платил за год вперед по 400 руб. За неполный 1913 г. было заплачено 250 руб. См., напр.: «Счёт Доверенного представителя французского общества авторов, композиторов и издателей музыкальных произведений Г. Ж. Торалье <...> на июнь 1916 года. <...> За право публичного исполнения в Павловском вокзале в 1916 г. всех без исключения произведений всех членов французского общества авторов, композиторов и издателей музыкальных произведений, согласно конвенции, заключённой между Россией и Францией, опубликованной в Собр. Узак. и распор. правит. от 25-го Мая 1912 г., Отд. Первый № 87 ст. 738, в полное удовлетворение означенного Общества. Четыреста рублей. Зав. Павл. Вокз. (подпись)». («Дело об авторском гонораре за исполнение музыкальных и других произведений». Без пагинации). Благодарю за указание на эти документы П. В. Дмитриева, заведующего библиотекой Санкт-Петербургской академической филармонии.

юрист по образованию, он обладал необходимыми познаниями для участия в переговорах, оформления документов, предъявления исков, ведения судебных процессов.

Многочисленные письма Конского к Торайе, сохранившиеся в архивном фонде французского посольства, очень большие, иногда 5–6 страниц машинописи. Они полны сведений о театральном-концертной жизни Москвы и вместе с тем, ставят множество вопросов, касающихся всей России. Конский даёт своему начальнику рекомендации по ведению дел, по взаимоотношениям с музыкантами, антрепренёрами, издателями, рестораторами и т.д. Например, 1 января 1913 г. предупреждает, что по праздникам в России ничего нельзя сделать¹⁷.

Конский регулярно посещает Петербург, где встречается с Торайе, его секретарём Брюно, своими клиентами. Срочные вопросы между Петербургом и Москвой обсуждаются с помощью телеграфа. В первое время Конский очень решителен, настаивает, что в случае необходимости нужно устроить скандал и запретить спектакль или организовать показательный процесс и т. п. Затем он стал осторожнее, понял, что лучше избегать конфликтов, нежели начинать судебное дело, которое обходится слишком дорого.

У агента есть информаторы в самих антрепризах, за что он платит им комиссионные. Однако свидетелей исполнения французской музыки найти очень трудно: так как артисты опасаются испортить отношения с антрепренёрами. Дирижёры также не слишком полезны. Те, что являются серьёзными музыкантами, не знают авторов песенок, полек, других танцев и т. п. Так, нужно было объяснить дирижёру оркестра театра Эрмитаж, что «Прекрасная Елена» Оффенбаха это французская оперетта, и «он рассмеялся мне в лицо, пишет Конский, когда я сказал ему, что “Пророк” Мейербера, французская, а не немецкая опера»¹⁸. Сам Конский неплохо подготовлен: «Никогда бы раньше не поверил, если бы мне сказали, что моя хорошая музыкальная память и особенно моя любовь к фривольной и лёгкой музыке и мои обширные познания в этом жанре могли бы когда-нибудь сослужить мне службу»¹⁹.

Русский адвокат ревностно защищает «общее дело всех французских издателей»²⁰ и сетует на их разрозненность. По его мнению, французы, опасаясь платить комиссионные сборы своей корпора-

¹⁷ CADN. P. 431.

¹⁸ Ibid. P. 416.

¹⁹ Ibid. P. 416.

²⁰ Ibid. P. 299.

ции, несут потери, действуя порознь. Иногда он указывает на их завышенные требования и говорит, что нужно считаться с условиями русского рынка. Например, за «Корневильские колокола» Планкета нельзя добиться той оплаты, которую требует издатель Жубер, так как оперетта широко распространена в России и ее можно найти почти даром. Напротив, трудно найти материал «Синей бороды» Оффенбаха, который стоит очень дорого²¹.

Со многими артистами и предпринимателями налаживается плодотворное сотрудничество. Например, с театром Зимина. По мнению Конского, Сергей Иванович Зимин важный клиент для французских издателей, честный и состоятельный. Однако «Зимин настоящий московский русский купец, со всеми его недостатками, любящий торговаться и тянуть с оплатой безо всякой на то причины»²². Конский объясняет, что французские оперы обходятся Зимину дешевле, чем русские, это побуждает его ставить их у себя в театре. Среди прочих «Пеллеас и Мелизанда» Дебюсси. В конце 1913 г., как раз в то время, когда сам Дебюсси посещает Россию, Зимин просит исключительное право на исполнение его оперы как в Москве, так и в Петербурге²³.

С русскими издателями отношения были очень сложными. Конский считал, что они, как и музыканты, должны платить за права. «Дерзость издательских домов переходит все границы <...>. Именно издатели являются нашими самыми большими врагами, они, чувствуя свою ответственность, пытаются вредить нам, обещая, например, исполнителям материал без всякого ограничения и убеждая их в бесполезности уплаты, ссылаясь на свою надёжность, и, говоря, что если произведения были бы запрещены конвенцией, они их не печатали бы»²⁴. Среди приведённых им примеров – модные танцы, выпущенные издательством Эдуарда Салабера в Париже. Они «мошеннически изданы в России и продаются в огромном количестве, например, в Москве домом Зейванг, в Петербурге “Северной Лирой”, в Киеве..., наконец, повсюду»²⁵.

Регулярно возникали споры с театром оперетты, принадлежащим Игнатию Сергеевичу Зону, «Зоном и его кликой», как пишет Конский. Они ничего не платят, делают всевозможные гадости, от-

²¹ Ibid. P. 340.

²² Ibid. P. 335.

²³ Ibid. P. 348.

²⁴ Ibid. P. 273.

²⁵ Ibid. P. 322.

казываются предоставить место в зале, вынуждая агента стоять позади кресел²⁶.

Летом 1914 г. разгорелся конфликт с Анной Павловой, который получил широкую огласку. Конский пишет: Павлова устроила большой шум, «я совершенно замучен интервьюерами петербургских и московских газет, ответить которым считаю своим долгом, чтобы не позволять бросить тень на нас и на Общество. Вот уже 4 дня как это занимает всё моё время, но нельзя поступать иначе, так как эта интриганка доходит до того, что говорит, будто Г-н Сен-Санс позволил ей бесплатно исполнять свои произведения. <...> Ясно, что в петербургских газетах эта дамочка (*bonne femme*) тоже должна распространяться на наш счёт»²⁷. Французский начальник Конского пытается избегать конфликтов с влиятельной артисткой. Находясь в Париже, Торайе пишет: «Вы хорошо сделали, завершив дело с Павловой полюбовно, я оплачу издержки»²⁸.

Деятельность Торайе и его сотрудников была в первую очередь направлена на защиту авторских прав. Одновременно их работа способствовала развитию контактов между писателями, музыкантами, издательствами, антрепренёрами, распространению оригинального материала, т.е. давала русским артистам и, тем самым, русской публике доступ к произведениям европейских мастеров в их первоисточниках, а иногда принуждая пользоваться таковыми. В их руках был самый широкий репертуар: произведения Массне, Бизе, Гуно, Дебюсси, Равеля, Пуччини, Верди, Леонкавалло, Россини. Так, осенью 1913 г. Российское музыкальное издательство С. А. Кусевицкого заказывает у Рикорди «Реквием» Верди, чтобы исполнять его в связи со столетием композитора. Конский провёл необходимые переговоры и отправил подготовленный контракт в Петербург, где должны были состояться концерты. Посылка от Рикорди задерживалась, и Кусевицкий под этим предлогом хотел отказаться от своего заказа, однако агентство заставило принять его²⁹.

Чаще всего требовался материал оперетт. Среди них «Корневильские колокола» Планкета, «Мушкетеры в Монастыре» Варне, «Сто дев» Лекока, оперетты Оффенбаха и др. В июне 1913 г. Конский рекомендует смелее «конкурировать» с немецкой опереттой³⁰. Очень популярна была танцевальная музыка: танго, польки, канка-

²⁶ Ibid. P. 244–245.

²⁷ Ibid. P. 275–277.

²⁸ Ibid. P. 185.

²⁹ Ibid. P. 355–356.

³⁰ Ibid. P. 384.

ны и т.п. Конский сообщал Торайе, что танго приносит издателям большую прибыль³¹.

В целом документы фонда французского посольства в Петербурге позволяют уточнить наши представления о столь малоизученном, но актуальном вопросе как история авторского права в России. Если в известных юридических документах зафиксированы нормы, то эти материалы свидетельствуют о повседневной практике.

Нужно отметить, что революция 1917 г. не внесла изменений в практику авторского вознаграждения иностранцам. Поскольку отношения в творческой среде сохранялись, выплаты продолжались и в 1918 г.

Символично, что русско-французские профессиональные контакты, сложившиеся в эпоху бурных политических событий, отразились и в судьбах людей, о которых шла речь. Парижанин Жак Торайе, который женился в России, оставался здесь и после революции. Он умер внезапно в Петрограде 14 августа 1918 г. в возрасте всего лишь 49 лет³², а многие, если не большинство его русских клиентов, завершили свой жизненный путь во Франции, куда были вынуждены эмигрировать.

³¹ Ibid. P. 322.

³² В фонде французского посольства сохранилось дело о наследстве Ж. Торайе (CADN. Fonds Saint-Petersbourg. 598 PO / 2. Carton 653). Благодаря этим документам, известно, что Торайе скончался на одном из железнодорожных вокзалов при выходе из поезда. По заключению врачебной службы Николаевской ж. д. «причину смерти установить не удалось». Похоронен на католическом участке Успенского (ныне Северного кладбища) в Парголово. Обедня была заказана в Римско-католическом кладбищенском костёле. Наследницей Торайе стала его вдова, Мария Николаевна Фредерикс, брак с которой был заключён в Петрограде 25 мая 1918 г. Она была воспитанницей барона Николая Павловича Фредерикса и получила право на эту фамилию по указу Сената. Вдова (Marie Thoraillet) передала деловые бумаги, оставшиеся в её квартире на Таврической улице, в консульство Франции. Делами агентства после смерти Торайе занимался Ж. Брюно. Французские родственники Ж. Торайе заказали 7 ноября 1918 г. заупокойную мессу в Париже, в церкви Сен-Пьер де Шайо (Saint-Pierre de Chaillot, chapelle de la Sainte Vierge). Сообщение о мессе было помещено в газете «Фигаро» (Figaro. 05.11.1918).

Алексей Дмитриевич Ерофеев
(Санкт-Петербург)
Член Правления
Санкт-Петербургского Союза краеведов

Революционный держите шаг. Франция на карте Петербурга

«Революция есть по сути дела одна из форм того имманентного явления, которое теснит нас со всех сторон и которое мы зовём Необходимостью.

И перед лицом этого загадочного переплетения благодетелей и мук История настойчиво задаёт вопрос: *Почему?* «*Потому* — ответит тот, кто ничего не знает, и таков же ответ того, кто знает всё» (Виктор Гюго, «Девяносто третий год»)¹.

В столетнюю годовщину русских революций трудно удержаться от того, чтобы не обратить внимания на Великую Французскую революцию, положившую начало грандиозным переименованиям. В России не переименовывали месяцы, однако идеологический аспект возымел главенствующую роль, и в ленинском плане монументальной пропаганды деятели французской революции заняли первые места.

Но прежде чем мы рассмотрим вопрос о том, почему увековеченными оказались именно Марат, Робеспьер и Жорес, обратим внимание на французский след в топонимике города, начиная с XVIII столетия.

Уже в петровское время появляется Французская слобода, в эпоху Екатерины II в Петербург приезжает немало французов, и это

¹ Гюго В. Собрание сочинений в 15 томах. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 11. С. 170.

находит отражение в названиях. И не только в официальных. В самом городе появляется Французская набережная, а в Павловске — Пиков переулок. Название набережной было связано с нахождением на ней французского посольства²; Пиков переулок в Павловске — по фамилии владельца дачи, французского балетмейстера Шарля Ле Пика — отчима Карла Росси³.

В период Первой Мировой войны некоторые организации получают имена французских государственных деятелей, в том числе главнокомандующего французской армии генерала Жоффра. Его имя носил городской лазарет № 5 на Кабинетской, 22 (ныне улица Правды)⁴.

Жозеф Жак-Сезар Жоффр (1852–1931) — французский генерал времён Первой мировой войны. Он получил наибольшую известность за перегруппировку отступающей союзной армии, за стратегически верное решение, приведшее к разгрому немцев во время Первой битвы на Марне в 1914 г. Это сражение стало окончательным провалом планов «молниеносной войны». Популярность генерала привела к рождению его прозвища Папа Жоффр.

Жоффр отличался умением сохранять спокойствие под давлением и способностью принимать решения на основании фактов. Он не церемонился со своим окружением и за лето 1914 г. отстранил от обязанностей трёх армейских командиров, десять командиров корпусов и тридцать восемь командиров дивизий, которые потерпели неудачи. Жоффр был молчаливым человеком, иногда он прибывал в штаб военного подразделения, где без единой реплики выслушивал подотчётных ему офицеров, приходивших в ужас от его молчания⁵.

Помимо Жоффра, удостоился чести и сам президент Франции. В его честь назвали городской лазарет имени президента Французской республики в доме 12 по Троицкой улице (ныне улица Рубинштейна)⁶. Вот так, без имени и фамилии. Между тем, вспомним, что это был Раймон Пуанкаре (1860–1934), человек, отмеченный Рос-

² Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / Авт.-сост. А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев, А. Б. Рыжков и др. СПб.: ЛИК, 2013. С. 228.

³ Там же. С. 870.

⁴ Весь Петроград: адресная и справочная книга г. Петрограда. СПб.: Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1915–1922. До 1915 г. изд. под загл.: Весь Петербург; с 1924: Весь Ленинград. Весь Петроград на 1917 год: 24-й год издания — 1916 (раздел «Городские госпитали»).

⁵ Биография Жоффра на сайте «Хронос» [Электронный ресурс] // http://www.hrono.ru/biograf/bio_zh/zhoffr.php (дата обращения: 08.12.2017).

⁶ Весь Петроград на 1917 год (раздел «Городские госпитали»).

сией за ярко выраженные антинемецкие настроения. Кроме того, Пуанкаре дважды посещал Российскую империю.

Естественно, после революции эти имена исчезают, а на их место приходят другие. И первыми были вожди Великой Французской революции.

Жан-Поль Марат (1743–1793). Штрихи к его портрету мы найдём в том же романе Гюго «Девяносто третий год»: «...низкорослый желтолицый человек, в сидячем положении казался горбуном; голову с низким лбом он держал закинутой назад, вращая налитыми кровью глазами; лицо его безобразили синеватые пятна... огромный рот был страшен в своём оскале»⁷.

Таким Марат рисуется во время встречи с Дантоном и Робеспьером, которая состоялась 28 июня 1793 г. в одном историческом парижском кабаке. Но всегда ли он был таким?

Жан Поль Марат родился в Швейцарии. Получил хорошее образование в доме отца Жана-Батиста Мара, довольно известного врача. В 1773 г. он издал книгу «О человеке, или Принципы и законы влияния души на тело и тела на душу», вовлёкшую его в полемику с Вольтером; за ней последовала революционная брошюра «Цепи рабства». В 1775 г. Эдинбургский университет присудил ему степень доктора медицины. С 1779 по 1787 г. Марат состоял врачом в придворном штате графа д'Артуа.

В 1780 г. он представил на конкурс свой «План уголовного законодательства», в котором он примкнул к криминалистам-филантропам. В частности, он заявлял о необходимости заботы о семьях преступников, чтобы позор не распространялся на неповинных людей, пусть и близких родственников того, кто нарушил закон.

Высказываясь в духе эпохи Просвещения о правах низших классов, Марат высказал весьма злободневную мысль о том, что «никакой избыток не должен принадлежать кому-либо по праву, пока есть люди, нуждающиеся в насущном».

В 1789 г. он написал «Дар отечеству», составил проект установления конституционной монархии и наконец начал издавать газету «Друг народа» («Amidureuple»), вышедшую с 12 сентября 1789 г. по самый день смерти Марата, под разными названиями. Ожесточённый тон газеты, в котором доставалось многим, несмотря на звания, вызвал преследования Марата. Гонения придали ему ещё больше энергии, но при этом пробудили настоящую свирепость: он стал говорить о необходимости обновления общества принесением в жертву сотен и тысяч голов изменников.

⁷ Гюго В. Указ. соч. С. 163.

И вот, в декабре 1792 г. Людовик XVI был предан суду Конвента. Марат, больше и громче всех взывавший к расправе над тиранами и их приспешниками, отказался принять предложение покарать короля без суда. Он считал, что надо провести процесс над королём с соблюдением всех формальностей. Он писал, что «такой образ действий был необходим для просвещения народа потому, что нужно убедить различными путями, соответствующими степени развития умов, всех жителей Республики». 14 января началось голосование по трём вопросам: виновность, обращение к народу и мера наказания. Именно Марат добился того, чтобы решение о короле было поставлено на поимённое голосование Конвента. По последнему вопросу о мере наказания королю из семисот двадцати одного голосовавшего депутата триста восемьдесят семь подали голос за безоговорочную смертную казнь, признав его «предателем французской нации».

«Когда Конвент выносил смертный приговор Людовику XVI, Робеспьеру оставалось жить восемнадцать месяцев, Дантону пятнадцать, Верньо — десять, Марату — пять месяцев и три недели, Лепеллетье Сен-Фаршо — один день. «Как коротко и страшно дыхание человеческих уст»⁸.

Франция показала миру, как революции любят пожирать собственных детей, видя в огромном их количестве предателей и врагов народа. Смерть Марата была отнюдь не героической. Страдая от тяжёлой кожной болезни, Марат постоянно принимал ванны; во время одной из них, 13 июля 1793 г., его посетительница, ставшая республиканкой дворянка Шарлотта Корде предложила ему новый список «врагов народа». Пока Марат записывал их имена, Шарлотта заколола его кинжалом. 16 июля его тело с большим торжеством было похоронено в саду клуба Кордельеров; сердце покойного было извлечено и помещено в зале заседаний клуба. В честь Марата были ненадолго переименованы Монмартр и город Гавр.

В Советской России имя Марата получило наибольшее распространение. Улицы Марата есть в Нижнем Новгороде, Новороссийске, Новосибирске, Пензе, Севастополе, Курске, Калининграде, Екатеринбурге, Омске, Иркутске, Красноярске, Ижевске, Перми, Ульяновске, Минске, Мурманске, Туле, Калуге, Мичуринске...

В 1921 г. флагман Краснознамённого балтийского флота, бывший линкор «Петропавловск» получил новое имя: «Марат». Линкор «Марат» упомянут в стихотворении Сергея Михалкова про Дядю Стёпу. В 1943 г. линкору было возвращено его прежнее название.

⁸ Там же.

В советское время получило распространение мужское имя Марат, считавшееся интернациональным.

В Петербурге имя Марата носит бывшая Николаевская, переименованная в марте 1917 в проспект 27 Февраля. Когда в 1960-е гг. на месте снесённой церкви построили Невские бани на углу Стремянной и Марата, остроумцы присвоили ей имя Шарлотты Корде (1768–1793).

1 июля 1793 г. Корде прибыла во французскую столицу для совершения расправы над одним из вождей революции, ещё не сделав выбор между Робеспьером и Маратом. Всё решила статья в газете Марата «Друг народа», в которой Марат говорил о том, что для упрочения революции нужно ещё двести тысяч голов.

В одном из своих писем, датированных январём 1793 г., она писала: «Будущее, подготовленное настоящими событиями, грозит ужасами, которые только можно себе представить... Совершенно очевидно, что самое большое несчастье уже случилось... Люди, обещавшие нам свободу, убили её, они всего лишь палачи»⁹.

Шарлотту Корде казнили через четыре дня после убийства Марата. Имя Корде ушло в небытие вместе с банями.

Ушло в прошлое и имя Максимилиана Робеспьера (1758–1794), «Неподкупного», каковым он вошёл в историю. В 1918 г. петроградские большевики, в отличие от Шарлотты Корде, не делали выбора между Маратом и Робеспьером в плане увековечения. Оба заслуживали на это право. Но, в отличие от улицы Марата, название которой давно уже живёт само по себе, вошло в фольклор благодаря песне Александра Розенбаума («Но знают все ребята на улице Марата, что он имел большой авторитет»), набережной Робеспьера вернули название Воскресенской. Как это ни удивительно, возвращению исторического наименования поспособствовал тот же Розенбаум, который прислал в топонимическую комиссию письмо с просьбой о переименовании набережной в честь Вадима Шефнера. Для Шефнера нашли более подходящее место, а набережная вновь стала Воскресенской.

Литературный портрет Робеспьера можно найти у того же Виктора Гюго, а также у Романа Роллана и Стефана Цвейга. Вот фрагмент из пьесы Романа Роллана «Дантон»:

Робеспьер — Камиллу Демулену: «С помощью Свободы свободного строя установить нельзя. Подобно Риму в годину испытаний, наше государство перед лицом опасности подчинилось диктатуре для того, чтобы преодолеть все препятствия и победить. Смешно

⁹ Голиков А. А. Шарлотта Корде — национальная героиня Франции [Электронный ресурс] // <https://www.proza.ru/2015/08/24/217> (дата обращения: 08.12.2017).

было бы думать, что в то время, как Европа вместе с нашими внутренними врагами грозитя не оставить от Республики камня на камне, мы вправе всё говорить, всё делать и своими словами, и действиями играть на руку неприятелю»¹⁰.

(Параллель с ленинскими действиями по свободе печати и свободе слова. — А. Е.).

Как это согласуется с революционными событиями 1917 г. и первыми шагами победивших большевиков в плане диктатуры одной партии. В видении Маратом правил демократических процедур в революционном вихре Великой Французской революции, в вышеприведённых словах Робеспьера и кроется объяснение того, почему именно Марат и Робеспьер были выбраны для увековечивания, как образцы героев революции.

Не будем вдаваться во все перипетии кровавых лет времён Великой Французской революции. Обратимся к Стефану Цвейгу, его произведению «Жозеф Фуше»:

«В этом одна из тайн почти всех революций и трагическая судьба их вождей: все они не любят крови и всё же вынуждены её проливать. Демулен, сидя за письменным столом, требует с пеной у рта суда над жирондистами; но, услышав в зале суда смертный приговор двадцати двум человекам, которых сам же посадил на скамью подсудимых, он вскочил и, дрожащий, смертельно бледный, в отчаянии выбежал из зала: нет, этого он не хотел! Робеспьер, поставивший свою подпись под тысячами роковых декретов, за два года до этого восставал в Национальном собрании против смертной казни и клеймил войну как преступление. У Дантона, хотя он и был создателем смертоносного трибунала, вырвалось из глубины души: “Лучше быть гильотинированным самому, чем гильотинировать других”. Даже Марат, требовавший в своей газете триста тысяч голов, старался спасти каждого отдельного человека, приговорённого к смерти. Вина французских революционеров не в том, что они опьянились запахом крови, а в их кровожадных речах: они совершали глупости — только для того, чтобы воодушевлять народ, для того, чтобы доказать самим себе свой радикализм, они создали кровавый жаргон и постоянно бредили изменниками и эшафотом. И когда народ, опьянённый, одурманенный, одержимый этими возбуждающими речами, действительно требует осуществления тех самых “энергичных мер”, в необходимости которых его убедили, у вождей не хватает мужества оказать сопротивление: они обязаны гильоти-

¹⁰ *Роллан Р.* Собрание сочинений в 14 томах. М.: Гослитиздат, 1954–1958. Т. 1. С. 139.

нирывать, чтобы избежать обвинения в лживости разговоров о гильотине. Их действия вынуждены мчаться вдогонку за их бешеными речами, и вот начинается жуткое соревнование, ибо никто не осмеливается отстать от другого в погоне за народным благоволением. В силу неудержимого закона тяготения одна казнь влечёт за собой другую: игра кровавыми словами превращается в дикое нагромождение человеческих казней. И отнюдь не потребность, даже не страсть и меньше всего решительность, а как раз нерешительность, даже трусость политиков, партийных деятелей, не имеющих мужества сопротивляться воле народа, в конечном счёте именно трусость заставляет их приносить в жертву тысячи жизней. К сожалению. Мировая история — история не только человеческого мужества, как её чаще всего изображают, но и история человеческой трусости, и политика — не руководство общественным мнением, как хотят нам внушить, а, напротив, рабское преклонение вождей перед той инстанцией, которую они сами создали и воспитали своим влиянием»¹¹.

Позволю себе выдержки из пьесы Ромена Роллана «Робеспьер», её последней части, когда Робеспьер уже ожидает казни.

«Я думаю о кумире моей юности, о Жан-Жаке, моём учителе и спутнике. Я как будто слышу его голос. Он говорил: “Ничто на земле не стоит цены крови человеческой” и ещё: “Кровь одного человека драгоценнее, чем свобода всего человеческого рода...”» (Роллан Р. «Робеспьер»).

«Народ — наш подлинный властелин. Во Франции есть только две партии: народ и его враги. Есть только два класса: одни — это защитники бедных и обездоленных, другие — покровители несправедливого обогащения, приспешники тех, чья тирания зиждется на крови и золоте. Вот как в действительности разделена Франция. Кто не стоит за народ, тот наш враг». (Роллан Р. Из речи Робеспьера в Клубе якобинцев 8 мая 1793 года)¹².

Голос Жан-Жака Руссо Робеспьеру: «Для души, подобной твоей, горше всего то зло, которое ты сам причиняешь людям, желая сделать им добро...»¹³. Думается, Роллан правдиво передал ощущения этого человека перед смертью.

Я говорил о линкоре «Марат». Он упоминается в стихотворении Сергея Михалкова про ядую Стёпу. Помогал громить фашистов «Камиль Демулен», о котором говорится в документальной повести Михаила Дудина «Где наша не пропадала».

¹¹ Цвейг С. Собрание сочинений в 7 томах. М.: Правда, 1963. Т. 4. С. 434–436.

¹² Роллан Р. Указ. соч. С. 414.

¹³ Там же. С. 412.

В 1918 г. в Петрограде, помимо Марата и Робеспьера, был увековечен и Жан Жорес (1859–1914). Республиканец, а затем социалист, профессор Тулузского университета и депутат французского парламента, один из вождей европейского социализма, чьим идеалом была социальная республика, то есть республика организованного и суверенного труда. Правда, имя Жореса существовало в городе на Неве недолго. В 1945 г. её переименовали в набережную Кутузова¹⁴.

В советское время в Выборгском районе появилась Гаврская улица, в ряду городов-побратимов Ленинграда¹⁵. В том же районе сразу после смерти руководителя французской компартии Мориса Тореза (1900–1964) в его честь переименовали Старо-Парголово-Васильевский проспект¹⁶, а через одиннадцать лет был увековечен и его преемник Жак Дюкло (1896–1975), ставший последним французом, в честь которого была названа улица в Ленинграде¹⁷.

Из неидеологических французских наименований советской эпохи можно найти лишь одно: 1 декабря 1967 г. в посёлке Мартышкино (город Ломоносов) появилась улица Дюма. Имя едва ли не самого популярного в СССР французского писателя Александра Дюма-отца (1802–1870) увековечили в связи с тем, что в 1858 г. он гостил в Мартышкине на даче Николая Алексеевича Некрасова и Авдотьи Яковлевны и Ивана Ивановича Панаевых¹⁸.

Уже в постсоветское время, не в Ленинграде, а в Петербурге появились школы, которым были присвоены имена знаменитых французов. Школа № 4 на Васильевском острове получила имя Жака-Ива Кусто (1910–1997), исследователя мирового океана, фотографа и режиссёра, автора многих научно-популярных фильмов и книг, а школе № 200 Центрального района присвоили имя французского писателя, культуролога, героя французского Сопротивления, министра культуры Франции в правительстве де Голля (1958–1969) Андре Мальро (1901–1976).

Держать «революционный шаг» сегодня уже не время. Однако строчка Александра Блока из поэмы «Двенадцать» неслучайно вынесена в название статьи, ибо в ней упомянуты двенадцать французских имён, которые были или существуют по сей день в Петербурге в наименованиях различных городских объектов.

¹⁴ Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д. Петербург в названиях улиц. СПб.: Астель, 2009. С. 329.

¹⁵ Там же. С. 116.

¹⁶ Там же. С. 660.

¹⁷ Там же. С. 198.

¹⁸ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. С. 805.

Григорий Львович Тульчинский
(Санкт-Петербург)

*Профессор факультета свободных искусств и наук
Санкт-Петербургского государственного университета
и НИУ Высшая школа экономики — Санкт-Петербург*

Франция и французская культура в творческой судьбе М.М. и Н.М. Бахтиных

Братья Бахтины — известные фигуры в российской, европейской и мировой гуманитарной мысли. Творческие судьбы каждого из них своеобразны, но для каждого нетривиальную роль сыграли Франция и французская культура.

Схождения и расхождения философских взглядов М. М. Бахтина и его старшего брата Н. М. Бахтина — задача, интригующая для выявления важных линий развития как отечественной, так и мировой философии новейшего времени, в силу ряда обстоятельств. Помимо масштаба обоих мыслителей и личностей, это глубокая духовная близость братьев в юности и молодости, общность интересов и круга общения в студенческие годы, их интерес к философской персонологии, в основе которой лежит метафизика свободы и ответственности, и которая была сформулирована М. М. Бахтиным и Н. М. Бахтиным минимум за семь лет до публикации «Бытие и время» М. Хайдеггера. Оба мыслителя в 1929–1932 гг. вышли к глубоким культурологическим обобщениям. При этом, несмотря на большое влияние старшего брата, признававшееся М. М. Бахтиным на закате жизни, в зрелые годы между братьями сложились неоднозначные отношения, причины чего, похоже, крылись в усилившемся с годами расхождении в их отношении к христианству.

Начинали братья-погодки вместе, активно участвуя в начале XX в. в создании и работе Союза Третьего (Славянского) Возрождения. Первая мировая и Гражданская войны резко развели их жизненные пути¹.

Николай Михайлович Бахтин, в отличие от брата, прожившего относительно тихую жизнь, был человеком яркой судьбы. Рано заявивший о себе филолог, активно участвующий в культурной жизни столицы, поэт, недоучившийся года в университете ради участия в Первой мировой войне. Окончив к февралю 1917 г. кавалерийское училище, он воевал всю Гражданскую войну в рядах Белой армии и уехал в эмиграцию из Крыма. Плавал матросом, почти пять лет служил во французском Иностранном легионе, участвовал в военных действиях на севере Африки. Получив тяжёлое ранение, в 1924 г. приехал в Париж, активно публиковался в эмигрантском еженедельнике «Звено» (эссе, статьи, диалоги, «разговоры», рецензии, обзоры), выступал с докладами о современной поэзии, в февралемарте 1927 г. выступил со ставшей ярким событием серией лекций «Современность и наследие эллинства», содержание которых бурно обсуждалось в печати, им было посвящено специальное заседание общества «Зелёная лампа».

Бывшая на этих лекциях З. Гиппиус назвала Н. М. Бахтина «Ницше сегодня». Как писал слышавший эти лекции Г. Адамович, «Бахтин говорил об эллинстве, но по сути он страстно проповедовал о единственно “интересном” — о жизни и судьбе человека. И столько вложил он в свою проповедь огня, столько непримиримости, что, право, “в наш равнодушный век” эти мало обычные лекции почти ошеломляли. Станный и сложный облик Бахтина достоин самого пристального внимания. Pro domo mea: лично я не нахожу в себе силы согласиться ни с одной его мыслью, ни с одной частицей этих мыслей, меня всё от них отталкивает, всё в них коробит. Но мне хотелось бы самого широкого распространения этих мыслей, потому что в них есть подлинная энергия, а это большая редкость, и большое благо»². Будучи непримиримым оппонентом Н. М. Бахтина в проблемах поэзии и культуры, Г. Адамович — не последний специалист в этих вопросах — писал в связи со смертью Н. М. Бахтина: «Это был один из самых даровитых людей, которых приходилось мне в жизни встречать... В этом человеке были проблески

¹ *Тульчинский Г. Л.* Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 62–90.

² *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. № 215 от 13.03.1927.

гениальности»³. И такие оценки характерны для всех, близко знавших этого человека⁴.

Однако, выучив английский язык, Н. М. Бахтин неожиданно для многих уехал в Бирмингем, где состоялась его успешная академическая карьера. За рубежом Н. М. Бахтин известен, но прежде всего как филолог. Широкой гуманитарной общественности он известен, скорее, как факт биографии своего младшего брата и до сих пор пребывает преимущественно в его тени. Парадокс: на базе Шеффилдского университета, недалеко от Бирмингема, в котором работал Н. М. Бахтин с 1932 г. до самой кончины в 1950, создан единственный в мире Бахтинский научный центр, деятельность которого направлена на изучение творчества ... М. М. Бахтина (!?). Дело усугубляется различной транскрипцией фамилий: N. Vachtin и M. Bakhtin. Поэтому в философских кругах Бахтин-старший всё ещё остаётся своеобразной *persona incognita*. В России Н. М. Бахтин стал привлекать к себе серьёзное внимание только в последние годы, после публикации сборника его работ парижского периода⁵, доброту прокомментированного С. Р. Федякиным.

Однако исследование роли Н. М. Бахтина в философии XX столетия может открыть нетривиальные и головокружительные траектории такого влияния. Он был близким другом Л. Витгенштейна, который весьма дорожил их отношениями, часто подолгу гостя в доме Николая и Констанции Бахтиных. Именно под влиянием Н. М. Бахтина, проявлявшего к тому времени симпатии к Советской России, Витгенштейн взялся за изучение русского языка (они вместе читали русских поэтов, Достоевского, Толстого) и даже в 1935 г. предпринял поездку в СССР с намерением переселиться туда⁶. Прослеживается бахтинский след и в знаменитом конфликте Л. Витгенштейна и К. Поппера⁷. Но старт его академической дея-

³ *Он же*. Памяти необыкновенного человека // Новое русское слово. № 14030 от 24.09.1950.

⁴ *Эджертон В.* Ю. Г. Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» // Пятые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990.

⁵ *Бахтин Н. М.* Из жизни идей. Статьи, эссе, диалоги. М.: Лабиринт, 1995.

⁶ Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Прогресс/Культура, 1993. С. 18, 104–108, 129–134. Во время этой поездки Л. Витгенштейн встречался и имел длительные беседы с С. А. Яновской, результатом которых стали, с одной стороны, возвращение философа в Великобританию, а с другой — интерес советского профессора к математической логике и последовавшая организационная активность по её изучению в СССР.

⁷ *Тулъчинский Г. Л.* Николай и Михаил Бахтины...

тельности дала именно Франция. Да и Иностраннный легион Н. М. Бахтин не забывал, к опыту службы в нём всегда относился с пиететом и посвятил Иностранному легиону специальные воспоминания⁸.

Не менее отчётлив «французский след» в творчестве и его социальном позиционировании у М. М. Бахтина. Михаил Михайлович Бахтин — фигура в философии более чем известная. Для философии XX столетия это один из титульных, если не культовых авторов. Для отечественной философии М. М. Бахтин авторитет непререкаемый, фактически вся нынешняя философия культуры немыслима без соотнесения с бахтинским наследием. За рубежом же М. М. Бахтин воспринимается как единственный оригинальный, мирового масштаба российский мыслитель советского периода. Творчеству, идеям и личности М. М. Бахтина посвящён чрезвычайно широкий круг литературы, издаются специальные журналы⁹, серии публикаций, у нас в стране и за рубежом регулярно проходят бахтинские чтения и конференции, в Интернете можно обнаружить множество сайтов, посвящённых М. М. Бахтину.

М. М. Бахтин жил и работал в СССР. После ссылки смог продолжить работу в Мордовском университете. Несколько запоздалое признание пришло к М. М. Бахтину уже в 1960-е, после защиты кандидатской диссертации, посвящённой смеховой культуре в творчестве Франсуа Рабле, корни которого М. М. Бахтин видел в народной культуре. Диссертация легла в основу книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса»¹⁰, вышедшей в 1965 г. Мировая известность к М. М. Бахтину пришла после публикации этой работы. С работы о Рабле начинается «французский след», который был продолжен публикацией во Франции её перевода с комментариями Ю. Кристевой. Этот перевод усилил эффект «обратной перспективой» рецепции творчества М. М. Бахтина на родине и за рубежом. Дело в том, что резонанс, вызванный книгой о Рабле, резко и существенно усилил интерес к опубликованной в 1963 г. работе «Проблемы поэтики Достоевского» (переработанного варианта опубликованной в 1929 г. книги «Проблемы творчества Достоевского»).

В 1960—1970 гг. М. М. Бахтин воспринимался как автор идей «диалога», «хронотопа», «карнавала», «смеховой культуры», связан-

⁸ *Bachtin N. Lectures and Essays. Birmingham, 1963.*

⁹ Диалог. Карнавал. Хронотоп. Научный журнал. Минск, 1992. № 1 и последующие.

¹⁰ *Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990.*

ной с ними амбивалентности в культуре оппозиций народного низа и официального верха, а также духовного верха и телесного низа. При этом идеи диалога и диалогичности были поняты в духе теории коммуникации, а отнюдь не как метафизика человеческого бытия как «события». Сыграло свою роль и то, что рецепция эта осуществлялась преимущественно через чрезвычайно авторитетную в те годы московско-тартускую школу структуральной семиотики.

Более того, поскольку эти авторы были фактически единственным кругом отечественных гуманитариев, пользовавшихся заслуженно высоким авторитетом за рубежом, то и за рубежом М. М. Бахтин первоначально предстал как автор структуралистской парадигмы. В закреплении такого восприятия сыграло и широкое цитирование бахтинских идей Ю. Кристевой и другими представителями французского структурализма и постструктурализма. Так что упомянутый «французский след» протягивается от материала знаменитой книги о Франсуа Рабле до позиционирования бахтинского наследия в зарубежном интеллектуальном пространстве.

«Бахтин-структуралист» — обстоятельство в высшей степени парадоксальное, что очевидно для любого, кто хоть немного знаком с историей бахтинского творчества, с тем, сколько сил им и его коллегами было потрачено на борьбу с формальным методом и структуральным подходом как таковым! Не следует забывать и то, что 1960-е гг. были эпохой «оттепели», и пострадавший от сталинского режима М. Бахтин воспринимался как диссидент. А поскольку московско-тартуская семиотическая школа в советское время была своего рода отдушиной свободной гуманитарной мысли, а её представители были яркими выразителями либеральных взглядов, это, в свою очередь, обусловило и политизированное восприятие бахтинских идей диалогичности и Другого в духе либеральной толерантности и мультикультурализма.

Причём не менее очевиден и другой факт — если кого и можно в отечественной гуманитарной мысли связывать со структуралистской традицией, так это В. Б. Шкловского со товарищи, а также младших авторов опоязовского круга. Однако в 1960-е гг. выживший в годы сталинщины В. Б. Шкловский воспринимался гуманитарной интеллигенцией либеральной ориентации как коллаборационист, как «изменщик», отрёкшийся от своих ранних работ. Новое поколение гуманитариев выбирало духовных учителей. И хотя в позднейших работах В. Б. Шкловский вновь вернулся к кругу идей ОПОЯЗ'а, на роль «культурного героя» он не годился. Таким Прометеем и Вьянемейненом в 1960-е гг. стал М. М. Бахтин. Стоит отметить двойную парадоксальность сложившейся тогда ситуации.

Активный критик структурализма (М. М. Бахтин) предстал одним из столпов структурализма и постструктурализма, а один из классиков структурализма (В. Б. Шкловский) был вынужден критиковать М. М. Бахтина за схематизм и абстрактность в концепции смеха, нашедшей выражение в той же книге о Рабле¹¹.

Со временем подобное поверхностно-некорректное толкование взглядов М. М. Бахтина становилось всё более очевидным. Только с публикацией раннего текста «К философии поступка»¹² М. М. Бахтин стал понятен как мыслитель. В главных своих интенциях и интуициях он был, прежде всего, персоналистом. Сам он неоднократно идентифицировал себя как философа, в силу ряда обстоятельств биографии вынужденного заниматься филологией и историей литературы. Основными его интересами были философия поступка и метафизика нравственности. Текст о философии поступка является ключевой работой для понимания истоков и векторов бахтинского мировоззрения. Содержание идей из его цикла работ по поэтике Достоевского, творчеству Рабле — только веточки и листики на этом стволе, уходящем корнями в метафизику нравственности и персонологическую онтологию. Бахтинский дискурс, как и дискурс Ф. М. Достоевского, анализу которого М. М. Бахтин уделил столько внимания, есть дискурс поиска оснований личности. В этом плане, конечно же, в своих ключевых работах об авторе и герое, о диалогизме Достоевского он, по сути дела, разворачивает феноменологию формирования сознания и самосознания. Диалог, смех, жанры речи были средствами и поводами решения этой главной задачи. И главная проблема в таком дискурсе, при всей его диалогичности, не деконструкция, а проблема конструкции самосознания личности. А его книга о Рабле (самая парадоксальная и «не бахтинская» книга М. Бахтина) представляет собой, по сути дела, попытку поздней защитной рационализации бытия интеллигента в подавляющей среде тоталитарного общества. Поэтому вполне правомерно рассматривать его тексты как жанр персонажного мышления, когда автор вкладывает свои идеи в реальных или выдуманных персонажей. В этом плане Достоевский и Рабле у М. Бахтина — персонажи, аналогичные Сократу у Платона, Заратустре у Ф. Ницше, дону Хуану у К. Кастанеды...

Однако за рубежом пока ещё продолжают сказываться последствия отмеченной выше «обратной перспективы» рецепции бахтин-

¹¹ Шкловский В. Б. Повести о прозе. Размышления и разборы. Т. 1–2. М.: Худ. лит., 1966.

¹² Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986.

ского творчества, когда его предыдущие работы воспринимаются через призму последующих. Обстоятельства эти усугубились именно обратным порядком появления бахтинских работ в зарубежных переводах, в результате чего идеи М. М. Бахтина первоначально были восприняты в русле французского структурализма.

Поэтому, признавая заслугу французского постструктурализма в знакомстве мировой гуманитаристики с творчеством и кругом идей М. М. Бахтина, нельзя и пройти мимо последствий «обратной рецепции» этого творчества: в сложившемся зарубежном корпусе работ по бахтиноведению его главный персонаж предстал адептом структуралистского либерализма, что, в свою очередь, немало поспособствовало лёгкой адаптации бахтинских идей в идеологический контекст эпохи конца прошлого столетия. Это ярко и наглядно проявилось, например, на XIV международной Бахтинской конференции (04–08.07.2011, Бертиноро, Италия), на которой самой многочисленной была делегация из... Бразилии — более 20 человек. И это неспроста — бразильское бахтиноведение одно из наиболее активных в мире. Показательно, что в Бразилии уже несколько лет в средних школах (!!!) читается курс, посвящённый кругу идей М. М. Бахтина. И в этих курсах М. М. Бахтин представлен как, прежде всего, теоретик карнавала¹³.

В результате зарубежным бахтиноведением практически не учитывается ряд важнейших источников идей и концепций самого М. Бахтина и его соратников. Речь идёт о традиции, восходящей к В. Гумбольдту, В. Вундту, К. Фосслеру, А. Марти, продолженной в России А. А. Потебней. В отечественной литературе эта традиция получила название «глубокой семиотики», потому что она основана на принципиальной роли личности как источнике, средстве и результате смыслообразования и осмысления. К этой традиции (с учётом всех различных философских позиций и сфер деятельности) принадлежали П. А. Флоренский, Г. Г. Шпет, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, Д. Ф. Егоров, Н. Н. Лузин, О. Э. Мандельштам... К ней же принадлежал и М. М. Бахтин. Немаловажно и то, что на взглядах большинства перечисленных (титულных для отечественной культуры) мыслителей существеннейшим образом сказало осмысление духовного опыта православного исихазма, ярко выразившегося в вызвавшем немалый резонанс в предреволюционной России дви-

¹³ См.: *Тульчинский Г. Л.* Уроки бахтиноведения по-бразильски // *Философские науки.* 2013. № 2. С. 79–83; а также: *Камарело Грилло Ш. В., де, Волкова Америко Е.* Идеи «бахтинского круга» в Бразилии // *Философские науки* 2013. № 2. С. 84–94.

жении «имяславия», восходящего к неоплатонизму и паламизму. Вся эта глубокая традиция достаточно чужда западноевропейским и американским гуманитариям. Поэтому недавние публикации ранних работ М. М. Бахтина оказались за рубежом, в лучшем случае, неверно понятыми, а то и просто вызвавшими отторжение. Более того, за рубежом уже нередко можно столкнуться с непониманием — зачем, мол, переводить уточнённые бахтинские тексты — ведь сложилась обширная англоязычная бахтинская литература, и что именно в английских переводах и представлен «настоящий Бахтин».

Стоит отметить и роль двойного перевода работ отечественных мыслителей с их публикаций на итальянском, французском, английском языках, что привело к неизбежным абберациям, некоторым упрощениям, дополнительным коннотациям. И, в свете сказанного выше, — доминирующему редуцированию бахтинских идей, к их структуралистски-коммуникативной трактовке.

Круг публикуемых за рубежом работ отечественных мыслителей всё расширяется, как расширяется и круг их идей, вводимых в актуальный философский дискурс в других странах. И в этой связи нельзя не испытывать чувство глубочайшей признательности к специалистам, берущим на себя колоссальный труд перевода, выступающим в роли «сталкеров» по весьма непростой, а иногда и неожиданной «Зоне» отечественной философии, особенно Новейшего времени. Поэтому расширение контактов, конструктивного диалога с такими специалистами представляется чрезвычайно важным и плодотворным. Отечественная философия и гуманитаристика остро нуждаются в диалоге с зарубежными коллегами. Это может и должен быть диалог равных. Иначе волна иногда культивируемой закомплексованности, неполноценности перед современной зарубежной гуманитарной мыслью, способна смыть собственный культурный слой в сознании новых поколений, которым придётся понимать актуальное значение собственного философского наследия в переводе, в том числе и — с португальского.

Корректировка таких редуций, однако, не входит в предмет данного рассмотрения. В его заключении надо подчеркнуть, что в обоих случаях — как Н. М., так и М. М. Бахтиных — Франция и французская культура открывала перед творчеством обоих мыслителей новые горизонты позиционирования.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ СВЯЗИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Наталья Юрьевна Болотина
(Москва)

*Главный специалист
Российского государственного архива древних актов*

Грамоты французских монархов русским царям в собрании РГАДА

После посещения в 1717 г. Петром I Парижа двусторонние отношения России и Франции вышли на новый уровень, и впервые состоялось назначение во французскую столицу российского чрезвычайного посланника, тайного советника барона Г. Х. Шлейница. Дипломатические отношения двух государств гораздо старше и начинаются ещё в XV в. По свидетельству выдающегося архивиста прошлого Н. Н. Бантыш-Каменского, ещё в 1518 г. великий князь Иван III писал к королю Франции Франциску I по просьбе бранденбургского курфюрста Альбрехта о своём союзе с ним против польского короля и просил помощи¹. Свидетельство о получении царём Иваном Грозным грамоты короля Генриха III и его планах послать гонца во Францию с предложением об установлении дружеских отношений имеется в книге Посольского приказа о приёме 8 декабря 1583 г. английского посла И. Бауса².

¹ См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4. М., 1902. С. 78.

² См.: РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 1. Л. 176об.

В старейшем отечественном архиве — РГАДА сохранилось 24 грамоты французских королей к российским монархам за 1595–1718 гг., из них большинство подлинников³. Это немного, например, по сравнению с количеством английских — только за время правления Петра I их насчитывается 54, а австрийских — около 40⁴. Грамоты французских королей дошли до нас в составе архива Посольского приказа (затем Коллегии иностранных дел), который осуществлял внешнеполитическую деятельность государства, и в настоящее время составляют две описи Ф. 93 «Сношения с Францией» РГАДА.

Подлинные послания были написаны на французском языке, на пергаменте, часть из них разглажена, некоторые хранятся сложенными и даже вшитыми в архивные бумажные папки ещё во второй половине XVIII в. при их систематизации. По местам сгибов можно представить, в каком виде доставлялись послания из Франции в Москву в Посольский приказ. Основная часть грамот XVII в. написана на больших листах пергамента («в лист»), в петровское время можно отметить изменение их размера в сторону уменьшения. Каждое подлинное послание российским государям было подписано собственноручно королём, причём формула подписи со временем менялась: к Михаилу Фёдоровичу — «Ваш добрый приятель», Алексею Михайловичу — «Ваш дражайший и добрый друг», Петру I — «Ваш добрый друг и совершенный приятель». Можно назвать основные места подписания грамот: Париж, Версаль, Фонтенбло, но также и Сен-Жермен, Бордо, Мец, Куртрей. На обороте посланий располагался адрес, а края листа в месте соединения запечатывались сургучной печатью под бумажной кустодией, которая должна была защищать её от повреждений во время доставки документа из Франции в Россию. До нашего времени сохранились лишь немногие из печатей.

Грамоты французских королей поступали в Посольский приказ, где их переводили на русский для ознакомления монархов. Как свидетельствуют регистрационные записи и состав архивных дел, в которых находятся грамоты, в некоторых случаях переводы делались не с подлинника, а с копий. Часть переводов сохранилась в

³ Материалы фонда после 1718 г. хранятся в АВПРИ МИД РФ.

⁴ См.: *Болотина Н. Ю.* Грамоты английских монархов Петру I в собрании Российского государственного архива древних актов // Россия-Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 715–723; *Она же.* Грамоты императора Священной Римской империи Карла VI русскому царю Петру I в собрании РГАДА // Вестник архивиста. М., 2013. № 3. С. 244–261.

делах о приездах французских послов и гонцов. В ряде архивных папок вместе с грамотами находятся их списки на французском языке, сделанные во второй половине XVIII в., когда под руководством архивиста и историка Г. Ф. Миллера в Московском архиве Коллегии иностранных дел началась систематизация дипломатических документов.

Самая ранняя грамота французского короля Генриха IV от 7 апреля 1595 г. сохранилась в подлиннике⁵. Несмотря на то, что после смерти Ивана Грозного в 1584 г. и вступления на российский престол его сына Фёдора Ивановича прошло 10 лет, в Париже наверняка не знали имя русского царя и в грамоте его не



Царь Михаил Фёдорович.
Рисунок в Титулярнике. 1672.
РГАДА.

указали. Послание французского короля было связано с желанием расширить торговые рынки для своих подданных, он просил предоставить купцу М. Мушерону право свободной торговли в России. Вскоре в России началась Смута, русско-французские контакты прервались и возобновились уже после вступления на российский престол первого из династии Романовых — Михаила Фёдоровича.

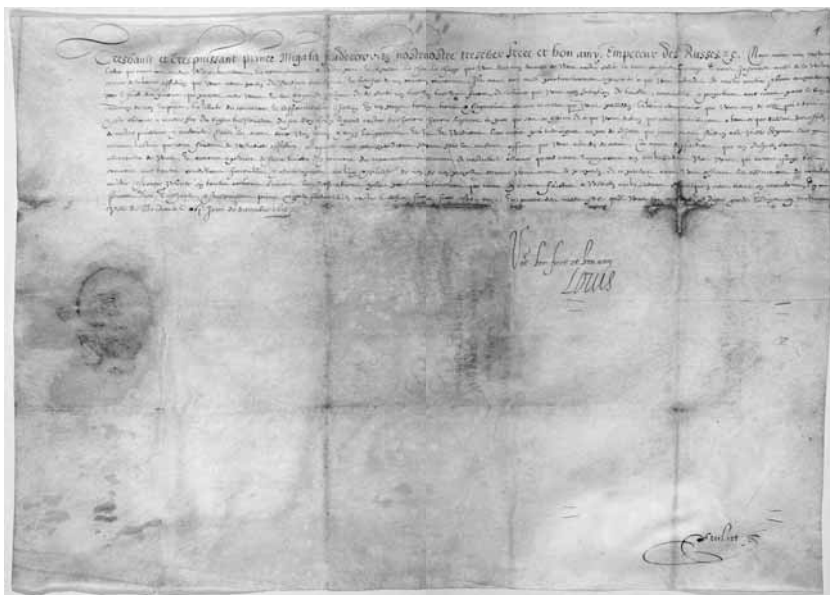
Молодой российский царь известил европейские дворы об этом событии, во Францию он отправил посланника И. Г. Кондырева, который привёз ответную грамоту от 16 декабря 1615 г. В ней Людовик XIII положительно ответил на просьбу Михаила Фёдоровича и обещал запретить своим подданным служить в шведской и польской армиях. Также король соглашался начать переговоры о восстановлении дружественного союза⁶. За годы правления царя Михаила Фёдоровича Людовик XIII прислал ему ещё три грамоты от 8 декабря 1630, 28 декабря 1631 и 3 марта 1635 г.⁷

Первые две связаны с закупками ржи и другого хлеба в России, а последняя посвящена судьбе французского подданного Карла Талле-

⁵ См.: РГАДА. Ф. 93. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁶ См.: Там же. Д. 2. Л. 1.

⁷ См.: Там же. Д. 3. Л. 1; Д. 4. Л. 1; Д. 5. Л. 1.



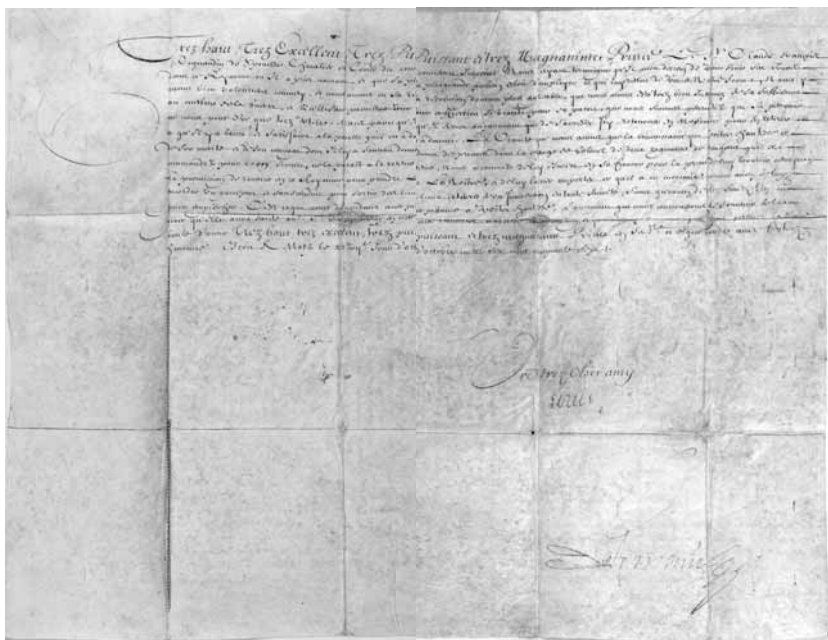
Грамота Людовика XIII с обещанием запретить своим подданным служить в шведской и польской армиях и согласием начать переговоры о восстановлении дружественного союза. 1615 г. декабря 16. РГАДА.

рана, маркиза Дасседевиля. В 1630 г. он вместе с ещё одним французом, Русселем приехал в Москву послами от Бетлем Габора, называвшегося королём венгерским. Руссель обвинил своего спутника в шпионаже и желаний «выведать ваши гавены, проходы и леса»⁸, и маркиз был арестован. Об его освобождении просил царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета Никитича в январе 1631 г. английский король Карл I, но безуспешно⁹. И только после обращения короля Франции маркиз Дасседевиль был освобождён.

В годы правления царя Алексея Михайловича контакты России и Франции усилились, и в Москву было прислано уже шесть грамот от короля Людовика XIV. Пять посланий были связаны с активной внешней политикой России и войнами с Польшей (1654–1667) и Швецией (1656–1658). В грамотах к Алексею Михайловичу король писал о своём недовольстве его действиями, советовал заключить мир и предлагал посредничество.

⁸ См.: Там же. Д. 5. Л. 2.

⁹ См.: Там же. Д. 54, 55.



Грамота Людовика XIV с просьбой об увольнении из российской службы полковника де Спевия. 1657 г. октября 27. РГАДА.

Первая из грамот от 19 ноября 1654 г., связанная с началом русско-польской войны, вызванной решением Земского собора 1653 г. принять в российское подданство Войска Запорожского с Киевом, сохранилась только в переводе. Людовик XIV писал о получении грамоты Алексея Михайловича с печальной для него новостью о начале военных действий против «добролюбительного брата и племянника короля польского и свейского и великого князя литовского и финдлянского» Яна II Казимира Вазы и указывал, что «зачатое дело нам нелюбо и неприятно было слышать»¹⁰.

Особый интерес для изучения порядка дипломатической переписки имеет обсуждение внешнего оформления грамоты при её получении в Посольском приказе. По сложившемуся порядку такого уровня документы имели живописное украшение, титулы и имена монархов выполнялись золотой краской, — всё это свидетельствовало о взаимном уважении и почитании чести государственной. Французские грамоты не имеют никаких элементов украшения и, несом-

¹⁰ Там же. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 97.



Царь Алексей Михайлович.
Рисунок в Титулярнике. 1672.
РГАДА.

ненно, внешне значительно проигрывают, например, английским или голландским.

Чтобы выяснить, что означало такое скромное оформление грамоты и написание имени Алексея Михайловича обычными чернилами и, как сказано в документе, почему «согнута мала не так, как изыных окрестных государств грамоты присылают» и не оскорбление ли это государя, в Посольский приказ был вызван переводчик Иван Абрамов и «про ту французского короля грамоту допрашиван». Он пояснил, что в таких посланиях короли своё имя и имена адресатов «золотом пишут мало и згибают грамоты не

широко»¹¹. Такое объяснение успокоило руководство Посольского приказа.

При составлении в 1672 г. знаменитой иллюстрированной рукописи «Титулярника» — «Большой Государственной книги», которая являлась справочником-письмовником по титулам русских и иностранных царствующих лиц, было указано, что в грамоте к французскому королю в 1667 г. «кайма и фигуры, и славословие Богу, и великого государя имя — до слова “Московский”, и королевское — до слова “Французскому”, писаны золотом»¹². В «Титулярник» вошли изображение французского герба и портрет Людовика XIV, выполненные золотыми, серебряными и цветными красками Иваном Максимовым, учеником знаменитого Симона Ушакова, и патриаршим иконописцем Дмитрием Львовым.

Несмотря на то, что французские грамоты не имели никаких украшений, послания из России в Париж оформлялись по сложившимся в Посольском приказе правилам и богато украшались растительным орнаментом, выполненным золотой краской, титулы и имена государей также были написаны золотом. Об этом свидетель-

¹¹ Там же. Л. 101.

¹² Царский Титулярник. Кн. 2. М., 2007. С. 149.

ствует послание царей Ивана и Петра Алексеевичей от 30 января 1687 г. королю Людовику XIV с известием о заключении вечного мира между Россией и Польшей, но грамота не была вручена из-за того, что гонца вынуждали подать её министру, а не самому королю, и это сочли оскорблением российских государей. Также золотом была оформлена и верительная грамота для дипломата П. В. Постникова, назначение которого российским послом во Францию так и не состоялось¹³.

Вопросам торговых отношений была посвящена единственная грамота Людовика XIV к недолго царствующему царю Фёдору Алексеевичу, в которой король благодарил за данное французским подданным разрешение свободно приезжать в Архангельск со своими товарами, а также обещал прислать своих полномочных представителей для заключения коммерческого трактата между Россией и Францией¹⁴.

В международной переписке на высшем уровне существовала традиция поздравлять вновь вступивших на престол государей с этим событием. В корпусе французских грамот можно назвать только одну, от 3 июня 1685 г., в которой Людовик XIV поздравлял царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича с восшествием на российский престол и уверял в продолжении «доброй дружбы»¹⁵. Во время их совместного царствования в Москву было прислано ещё две грамоты, от 20 декабря 1685 г. и 8 октября 1687 г., сохранившиеся в переводах¹⁶. Первая, традиционно, посвящена взаимотно-



Герб и печать французского короля.
Рисунок в Титулярнике. 1672.
РГАДА.

¹³ См.: *Болотина Н. Ю.* «Получил я честь видеть в Версалии короля французского». Российский дипломат П. В. Постников во Франции. 1702–1710 гг. // Исторический архив. М., 2010. № 6. С. 176–187.

¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 93. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–2.

¹⁵ См.: Там же. Д. 12. Л. 1–1об.

¹⁶ См.: Там же. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 1–3; 1687 г. Д. 3. Л. 1–3.



Король Франции Людовик XIV.
Рисунок в Титулярнике. 1672.
РГАДА.

шениям России и Польши. Людовик XIV сообщал, что «королевство Польское посылают вскоре к вам к Вашему величеству чрезвычайных послов постановления ради ими благого и совершенного выразумления», и высказывал пожелание о скорейшем заключении мира между двумя державами¹⁷. Действительно, 26 апреля 1686 г. был заключён Вечный мир между Россией и Польшей. Во второй грамоте французский король просил разрешить беспрепятственный проезд по территории России французским иезуитам Филиппу Аврилю и Антонию Боволеру в Индию и Китай.

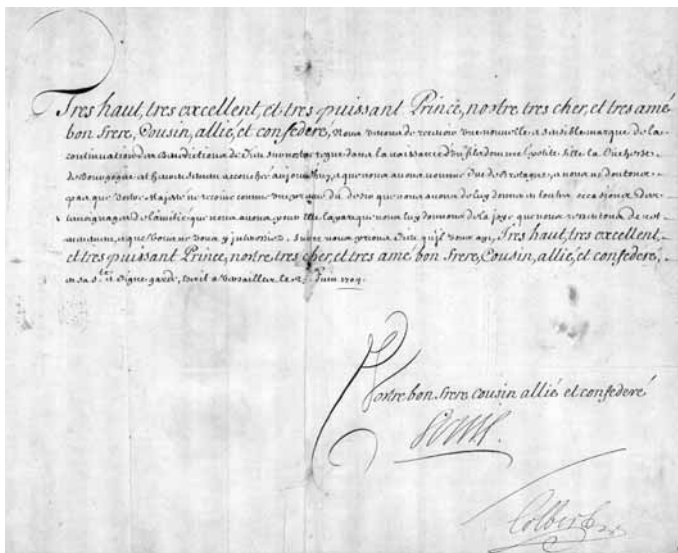
В годы единоличного правления Петра I, в 1704–1718 гг., из Франции в его адрес было прислано 8 грамот Людовика XIV, Людовика XV и регента герцога Филиппа Орлеанского. Они отражают активизацию двусторонних отношений, расширение тематики переписки и общее намерение не только в поддержании дружеских отношений, но и их переходом на новый уровень. Важным этапом можно считать заключение 4 августа 1717 г., всего через несколько месяцев после посещения Петром I Парижа, первого союзного русско-французского договора — Амстердамского трактата с сепаратными секретными статьями, в котором третьей стороной выступила Пруссия. Этот важный документ, а также две ратификации на трактат и статьи короля Людовика XV за подписанием регента герцога Орлеанского также хранятся в РГАДА¹⁸.

Среди грамот петровского времени следует обратить внимание на те, которые связаны с семейными делами французской и российской династий, такого рода посланий в более раннее время не встречается. В 1704 г. Людовик XIV известил Петра I о рождении правнука Людовика I Французского герцога Бретонского, который прожил всего 9 месяцев¹⁹. О кончине Людовика XIV сообщалось в грамоте

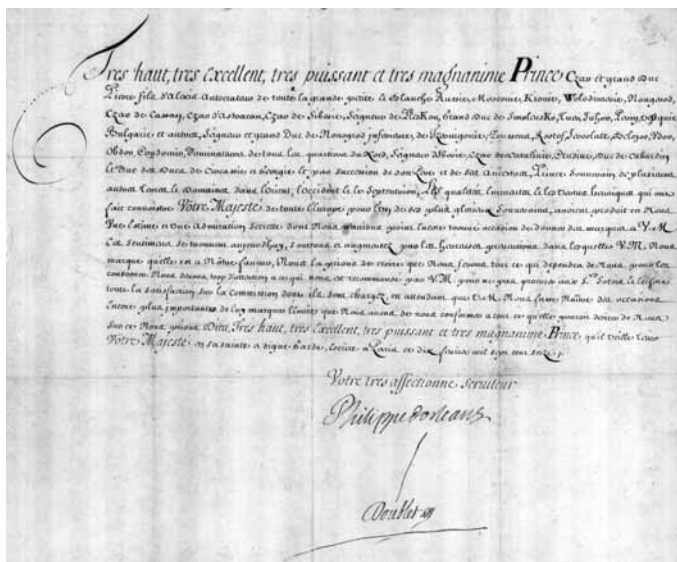
¹⁷ Там же. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 2.

¹⁸ См.: Там же. Оп. 3. Д. 1, 2.

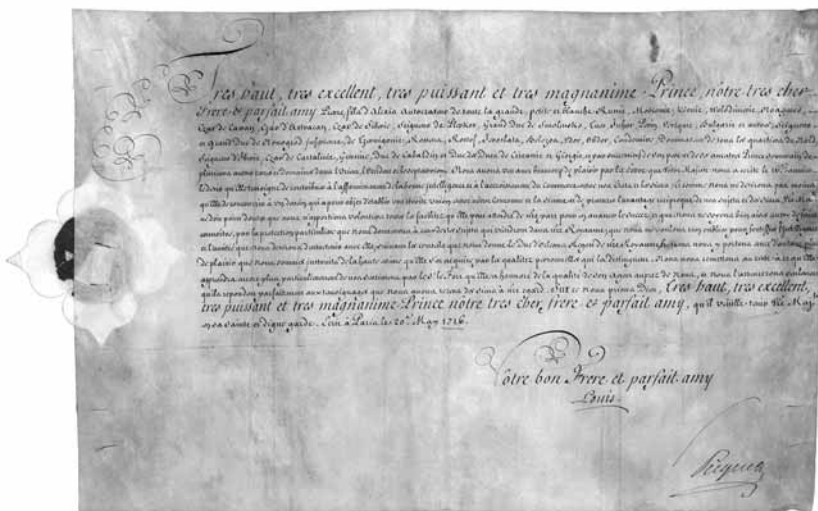
¹⁹ См.: Там же. Д. 1. Л. 1.



Грамота Людовика XIV с известием о рождении Людовика I Французского герцога Бретонского. 1704 г. июня 25. РГАДА.



Грамота регента Франции герцога Ф. Орлеанского о помощи И. И. Лефорту и К. Н. Зотову 1716 г. февраля 10. РГАДА.



Грамота Людовика XV о продолжении дружественных отношений между Россией и Францией. 1716 г. мая 20. РГАДА.

его малолетнего правнука, единственного выжившего законного наследника Людовика XV, от 5 сентября 1715 г.²⁰ В третьем послании король высказывал соболезнование в ответ на получение известия от русского посла барона Шлейница о кончине царевича Алексея Петровича, но об обстоятельствах этой истории французский двор не оповещали, и в грамоте говорится только о «внезапной смерти царевича»²¹.

Ряд грамот французских монархов был связан с активизацией дипломатических отношений между двумя государствами. 20 сентября 1706 г. Людовик XIV извещал Петра I о предоставлении ему верительной грамоты посланником боярином А. А. Матвеевым, который прибыл из Гааги в Париж с царскими грамотами. Особо король отмечал высказанное Петром I желание «союзится с нами, которое пользует как нашим, тако и вашим подданным»²².

В 1712 г. состоялась отзывная грамота, согласно которой французский «чрезвычайный посланник» в России Жан Каземир де Балюз по завершении всех поручений должен был вернуться во Францию²³. 11 октября того же года в королевской грамоте сообщалось о

²⁰ См.: Там же. Д. 6. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 10. Л. 4.

²² Там же. Д. 2. Л. 1.

²³ См.: Там же. Д. 3. Л. 2.

получении верительных грамот от посольского секретаря Г. И. Волкова, который по выполнении царских указов отправлялся обратно в Россию²⁴.

Несколько грамот малолетнего короля Людовика XV и регента Франции герцога Филиппа Орлеанского состоялось накануне посещения Петром I Парижа, а затем через несколько месяцев после этого события. 10 февраля 1716 г. регент обещал помощь посланным во Францию И. И. Лефорту и К. Н. Зотову в приглашении на русскую службу французских мастеров живописи, скульптуры и других искусств, а 9 июня на немецком курорте Бад-Пирмонте Пётр I получил грамоту Людовика XV, в которой говорилось о продолжении дружественных отношений между Россией и Францией²⁵. 30 июня 1718 г. об этом же писал к царю и герцог Филипп Орлеанский, причём его послания оформлены на бумаге, что показывает более низкий статус грамоты по сравнению с королевской²⁶.

Как показывает обзор французских грамот в собрании РГАДА, переписку между монархами Франции и России нельзя назвать обширной и интенсивной, но сохранившиеся послания свидетельствуют о постоянных контактах, особо усилившихся в правление Петра I. Грамоты являлись высшим видом дипломатической переписки между монархами, они оформлялись по определённому формуляру с указанием полных титулов государей, и даже наличие или отсутствие живописного оформления имело большое значение. Изучение грамот позволяет выявить, какие вопросы выносились для решения на самом высоком уровне, в какой период наиболее активной была межгосударственная переписка, а также оценить степень дипломатических отношений двух стран.

²⁴ См.: Там же. Д. 5. Л. 2–2об.

²⁵ См.: Там же. Д. 7. Л. 1; Д. 8. Л. 1.

²⁶ См.: Там же. Д. 9. Л. 1.

Тамара Петровна Мазур
(Санкт-Петербург)

*Главный специалист
Российского государственного архива
Военно-морского флота*

История российско-французских отношений в материалах Российского государственного архива Военно-морского флота

Российский государственный архив Военно-морского флота по составу документов уникален. В его фондах сосредоточено собрание документов конца XVI—XX в. по вопросам истории военно-морского флота, гражданской истории, науки, культуры и международных отношений России, а также истории стран, в том числе Франции.

Отношения России и Франции имеют многовековую историю. Не всегда они были мирными. Неоднократно возникали противоречия, приводившие к вооружённым конфликтам. Но войны не смогли уничтожить дружественных связей между нашими народами.

Начало тесных дружественных отношений, в том числе и по военно-морским вопросам, было заложено преобразователем России императором Петром I в 1717 г. при посещении Парижа во время второго путешествия в Европу, они продолжают с переменным успехом уже 300 лет. Свидетели этому — хранящиеся в архиве документальные источники.

Документы по французской тематике отложились в более 50 фондах Российского военно-морского и Советского военно-морского флотов. Это фонды центральных управлений флота, учреждений морского ведомства, канцелярий ведущих деятелей военно-морско-

го флота; фонды флотов и флотилий, личного происхождения; коллекции и среди них: рукописи Петра Великого, высочайшие повеления, рескрипты, картографические материалы; материалы по истории русского и советского флотов; вахтенные журналы судов, заходивших в порты Франции.

Фонды Российского военно-морского флота хранят интереснейшие документы о политических, дипломатических, научно-технических и культурных связях России и Франции с начала XVIII в. по 1917 г.

В первую очередь это документы о развитии политических и дипломатических связей и прежде всего материалы о втором путешествии императора Петра Великого в Европу и посещении Парижа в 1717 г., посещении Франции представителями императорской фамилии, в том числе генерал-адмиралом вел. кн. Константином Николаевичем; о поездке императора Николая II во Францию в 1901–1902 гг. и визите президента Французской республики Э. Лубе в 1902 г. в Россию, учреждении и деятельности посольств и агентств; назначении военно-морских агентов и их деятельности на благо наших стран; поездках во Францию русских миссий, возглавляемых командованием флота, для заключения различных договоров между министерствами; посещении французских портов российскими эскадрами; подготовке и проведении международных конференций и выставок в Париже и участии в них российских предприятий, учреждений и учёных.

Богат комплекс архивных документов по вопросам экономических, торговых и военно-морских отношений. Это указы, высочайшие распоряжения, договоры и переписка о заключении коммерческих, торговых и морских трактатов, «зачатии морской торговли с Францией» по повелению Петра I; развитии торговых отношений с французскими компаниями, закупке во Франции различного оборудования для нужд флота и российской промышленности; покупке, строительстве и ремонте на французских верфях в Париже, Ля-Роше, Алжире и других портов Франции крейсеров, миноносцев, канонерских и подводных лодок и торговых судов, их вооружении и испытании; изготовлении во Франции двух опытных минных аппаратов системы С. К. Дзевецкого; приспособлений и автомашин для Балтийского, Ижорского и Обуховского заводов; производстве французскими фирмами строительных работ в портах и верфях России; привозе на французских торговых судах различного оборудования для флота, промышленных предприятий России; поставках во Францию для продажи различных товаров; организации товарообмена через торговые дома.

Фонды хранят документы о научно-техническом и культурном сотрудничестве двух стран. Это материалы об обмене технической и оперативной информацией и опытом в военно-морских вопросах между морскими ведомствами России и Франции; командировках во Францию российских специалистов, учёных, офицеров морского и других ведомств для изучения новых технических разработок, ознакомления с деятельностью заводов и учебных заведений; проведении в лаборатории в Париже П. Н. Яблочковым опытов по созданию и усовершенствованию электрической лампочки; командировках преподавателя химии И. Б. Чельцова для изучения работы пироксилиновой промышленности и А. С. Попова по вопросам радиотелеграфирования; покупке во Франции книг, карт для библиотек морского ведомства; заказе проживающему в Париже художнику Е. Егорову написания образов для Храма св. Владимира в Севастополе; о необходимости постройки в Париже православной церкви.

Необходимо упомянуть о документах, свидетельствующих об учёбе гардемарин Морской академии в Морских кадетских корпусах в Париже и Тулоне и прохождении ими практики на судах французского флота. Начало этому было положено Петром I в 1717 г., который взял в поездку в Европу первую группу гардемарин для определения на учёбу во Франции. На французских верфях и заводах проходили обучение российские специалисты по вопросам кораблестроения, создания технического оборудования для оснащения флота. Полученные знания они применяли в России. Архивные документы свидетельствуют о поручении в 1731 г. обучавшимся во Франции кораблестроению Гавриле Окуневу и Ивану Рамбургу построить на Адмиралтейской верфи фрегат «по французскому манеру».

С момента создания Российский военно-морской флот был многонациональным. Представители многих стран, в том числе и выходцы из Франции, пришли на русскую службу в царствование Петра Великого и последующих правителей страны. В фондах архива есть материалы, свидетельствующие о вкладе пришедших на русскую службу французских моряков, кораблестроителей и мастеровых. Это документы о службе на благо России моряков, пришедших на русский флот в период царствования Петра I. В первую очередь надо назвать Франца Вильбоа. Он единственный из французов петровского призыва достиг наибольших успехов в службе и закончил военную карьеру в звании вице-адмирала, отдав службе России 50 лет. С первых шагов на русской службе Ф. Вильбоа смелостью и находчивостью настолько понравился царю, что часто находился при особе государя и исполнял ответственные поручения.

В фондах архива имеются сведения о деятельности кораблестроителя Жозефа Пангало — сына известного французского корабеля Б. А. Пангало. Ж. Пангало, пришедший на русскую службу в 1716 г., построил по своему проекту корабль «Пантелеймон-Виктория», занимался на Адмиралтейской верфи вопросами возведения эллингов для ремонта кораблей.

О деятельности первого директора созданной в 1715 г. в Санкт-Петербурге Морской академии генерал-лейтенанта барона Пьера Антуана Сент-Илера свидетельствует хранящаяся в архиве подлинная резолюция Петра I на представленный им проект об устройстве Морского корпуса, а не Морской академии, как считал Пётр I. Не согласившись с проектом, в 1717 г. царь отстранил Сент-Илера от службы.

Следующий массовый приём на морскую службу был произведён в правление Екатерины II. Французские моряки в это время охотно шли на русскую службу, героически отстаивали в морских сражениях независимость России и достигли больших успехов по службе. Архивные источники дают сведения о маркизе И. И. де Траверсе, прослужившем 37 лет в Российском военно-морском флоте и в 1809 г. ставшим управляющим Морским министерством; о деятельности командовавшего Черноморским и Балтийским гребным флотами адмирала принца Нассау-Зигена.

Приход французских моряков и специалистов продолжался до 1917 г. Оставшиеся в России посвящали свою жизнь новой Родине, были преданными её сыновьями и учили этому своих потомков. И Россия не осталась в долгу, наградив их высшими российскими орденами.

О вкладе Франции в развитие мировой картографии свидетельствуют материалы архивной коллекции «Атласы, карты и планы архива Центрального картографического производства ВМФ». Это атласы морских карт морей и океанов земного шара, собрания географических карт всех частей света, планы и карты Парижа и различных регионов Франции. Прекрасный, уникальный картографический материал был собран выдающимися французскими специалистами, издан Французским морским депо и другими издательствами Франции на протяжении XVII—XIX вв. и является неоценимым источником для исследователей.

Историю российско-французских отношений с октября 1917 г. можно проследить по материалам фондов Советского военно-морского флота. Более десятка фондов хранят свидетельства о постепенном возобновлении вековых связей наших стран.

С приходом к власти большевистского правительства отношения с мировым сообществом, в том числе с Францией, складываются весьма непросто. Несмотря на длившуюся с октября 1917 по 1924 г. международную дипломатическую блокаду советской России, как свидетельствуют документы, отношения между нашими странами не были прерваны окончательно. В фондах есть материалы о разработке в январе 1918 г. проекта соглашения между командующим военно-морских сил Франции и командующим Черноморским флотом контр-адмиралом А. В. Немитцем об учреждении французских представительств в Яссах и Симферополе; передаче представителям Франции капитаном 1-го ранга Пети в апреле 1918 г. официального заявления о военной и экономической поддержке Мурманского края и заключении Мурманским краевым Советом с главой французской миссии соглашения о совместной обороне края от немецких войск. В 1921 г. штаб Рабоче-Крестьянского Красного флота вносит предложение в Наркомат иностранных дел в интересах морской политики государства о посылке в Марсель судна для эвакуации российских солдат и желающих возвратиться в Россию гражданских лиц, а также ведутся переговоры о возвращении на родину французских поданных.

Архивные документы за 1925–1939 гг. хранят сведения об обмене военными миссиями, деятельности военных атташе по вопросам сотрудничества двух флотов и оказании друг другу технической помощи; заключении договоров с французскими фирмами о постройке судов, на изготовление артиллерийского вооружения и механизмов для оснащения судов и судостроительной промышленности.

Интересны материалы о визитах руководства управлений морского ведомства, учёных и морских специалистов для ознакомления с постановкой военно-морского дела, техникой и промышленностью, по вопросам закупки оборудования. Среди них: отчёты и рапорты председателя военно-морской комиссии Наркомата морских сил академика А. Н. Крылова о результатах его командировки в 1925 г. для ознакомления с французскими заводами и заключении договоров с французскими фирмами на строительство судов; доклад начальника Главного управления морской промышленности Р. А. Муклевича о результатах его поездки во Францию в 1934 г., переговорах с морским министром, начальником управления кораблестроения и начальником Морского генерального штаба Франции; визитах в СССР в 1933–1936 гг. представителей французского военно-морского флота для ознакомления с постановкой военно-морского дела и обсуждения вопросов о перспективах развития флота СССР и оказании ему помощи со стороны Франции

по проектированию и постройке эсминцев, подводных лодок и надводных судов.

В декабре 1927 г. прибывшая в Ленинград делегация французских красных фронтовиков наносит визит в Военно-Морское училище им. М. В. Фрунзе. В донесении начальника училища Ю. Ф. Ралля имеются сведения о мероприятиях, проведённых в училище в связи с этим событием; беседах членов делегации с курсантами, целью которых было сопоставить условия службы двух флотов для дальнейшей агитации среди моряков французского флота.

Представляют интерес документы о деятельности Французского Красного Креста по оказанию помощи голодающим в российских регионах. И среди них сведения об установлении контактов с Российским обществом Красного Креста, прибытии в июле 1922 г. в Петроград миссии Французского Красного Креста и парохода «Калифорния» с грузом для миссии, оказании помощи голодающим в Екатеринбургской губернии и сборе пожертвований во Франции в пользу голодающих.

В фондах коллекций «Материалы по истории Советского ВМФ» и «Материалы по истории флота, поступившие из-за границы» имеются документы о деятельности русской морской эмиграции во Франции, Всезарубежного объединения морских организаций в Париже (1931–1957), Морского собрания в Париже (1948–1976), Военно-морского исторического кружка им. адмирала А. В. Колчака, прекратившего деятельность в начале Второй мировой войны (1927–1939).

Заканчивая обзор материалов, необходимо отметить, что они являются ценнейшими источниками для исследователей и доступны для изучения. Мы надеемся, что не только российские исследователи, но и учёные из Франции продолжают исследования по вопросам истории отношений между нашими странами. Мы будем рады принять их в читальных залах архива и оказать помощь.

Источники и литература

Фонды Российского военно-морского флота: 6, 16, 19, 131, 132, 144, 147, 148, 164, 165, 166, 172, 176, 212, 223, 227, 232, 233, 234, 256, 283, 315, 408, 410, 417, 418, 421, 423, 434, 443, 443, 462, 466, 476, 501, 510, 539, 544, 610, 781, 935, 1139, 1331, 1335.

Фонды Советского военно-морского флота: р.-1, р.-12, р.-46, р.-61, р.-62, р.-84, р.-92, р.-130, р.-180, р.-303, р.-315, р.-342, р.-360, р.-378, р.-910, р.-914, р.-1483, р.-1678, р.-2246.

Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875.

Давид Иосифович Раскин
(Санкт-Петербург)

*Профессор кафедры архивоведения Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета*

Русские дипломатические представительства
и духовная миссия во Франции,
французские дипломатические
представительства в России
в архивных документах гражданского
и придворного ведомств Российской
империи XVIII – начала XX века

Основные архивные источники по истории русско-французских дипломатических отношений имперского периода хорошо известны всем специалистам. Это в основном материалы Министерства (а ранее – Коллегии) иностранных дел, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, а также документы (ок. 88 фондов) Российского государственного исторического архива. Среди последних примерно 34 % составляют фонды личного происхождения. Такая доля личных фондов является беспрецедентно высокой по сравнению с другими тематическими комплексами, что характерно для материалов по истории внешних сношений России, а также по истории зарубежных стран. В данном документальном комплексе заметное место занимают материалы по истории экономических отношений, а также документы придворного ведомства, связанные с церемониальной стороной дипломатичес-

ких сношений, и, конечно, документы высших государственных учреждений Российской империи.

Среди архивных источников по истории внешней политики Российской империи особое место занимают источники по истории дипломатических представительств России в иностранных государствах и, соответственно, представительств этих государств в России. Эти сюжеты, пожалуй, даже больше отражены в фондах гражданского и придворного ведомств, чем дипломатического, что объясняется особым значением для функционирования дипломатических представительств финансово-хозяйственных и придворно-церемониальных вопросов. И, конечно, ценные материалы по данной теме имеются в фондах личного происхождения, причём далеко не только в фондах дипломатов.

Не составляет исключения из этой закономерности и история русских дипломатических представительств во Франции и французских представительств в России.

Самые ранние из хранящихся в РГИА документов по истории российских дипломатических представительств во Франции относятся к 1723 г. Среди них можно выделить документы о назначении и выдаче содержания русским дипломатам во Франции (от Б. И. Куракина и А. Г. Головкина до А. П. Извольского): именные указы и высочайшие повеления Сенату за XVIII век¹, журналы заседаний Комитета министров² и Департамента государственной экономии Государственного совета³, дела Министерства финансов (Особенной канцелярии по кредитной части⁴ и Департамента Государственного казначейства⁵), и др., а также программу церемониала представления ко двору в Версале в сер. XVIII в. в документах личного фонда гр. И. П. Салтыкова⁶, материалы о приёмах русского посольства в Париже за 1856–1862 гг., отложившиеся в личном фонде гр. П. Д. Киселёва⁷, материалы Министерства юстиции об инструкциях российским послам во Франции за период с 1723 г. по 60-е гг. XIX в.⁸, отдельные материалы со сведениями о об отчётах и донесениях русских дипломатов и агентов во Франции (за 1739–1914 гг.), отло-

¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1–3.

² Там же. Ф. 1263. Оп. 1.

³ Напр., РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1869 г. Д. 178.

⁴ Там же. Ф. 583. Оп. 4.

⁵ Там же. Ф. 565. Оп. 2.

⁶ Там же. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 317.

⁷ Там же. Ф. 958. Оп. 1. Д. 753.

⁸ Там же. Ф. 1405. Оп. 44.

жившиеся в коллекции рукописей Синода⁹, в фондах Министерства финансов¹⁰, Министерства торговли и промышленности¹¹ и др.

Эти документы — отчасти довольно полно, отчасти относительно фрагментарно — отражают историю русских дипломатических представительств во Франции XVIII — начала XX в.

Среди них можно найти именные указы Сенату и переписку Особенной канцелярии по кредитной части министра финансов об учреждении русской миссии в Париже после Тильзитского мира (за 1807—1809 гг.)¹², всеподданнейший доклад министра финансов о выделении кредита посольству в Париже за 1826 г.¹³, материалы Департамента Государственного казначейства МФ, Совета министров, Государственной думы I—IV созывов и Финансовой комиссии Государственного совета, о покупке, ремонте и аренде зданий для посольства в Париже за 1838—1914 гг.¹⁴, о бюджете посольства и консульств во Франции за 1856—1914 гг. (последние есть также в личном фонде гр. П. Д. Киселёва)¹⁵, материалы Собственной е.и.в. канцелярии, Совета министров, Государственной думы I—IV созывов, Департамента законов Государственного совета о штатах посольства и консульств за 1904—1914 гг.¹⁶ и материалы Совета министров, Государственной думы IV созыва, Финансовой комиссии Государственного совета об учреждении новых консульств во Франции за 1907—1913 гг.¹⁷, материалы всеподданнейших докладов по части торговли и промышленности, журналы заседаний Комитета министров, Финансовой комиссии Государственного совета, дела Департамента Государственного казначейства МФ, Министерства торговли и промышленности, департаментов Мануфактур и внутренней торговли, Торговли и мануфактур и Центральных учреждений МФ по части торговли и промышленности, Дирекции императорских теат-

⁹ Там же. Ф. 834. Оп. 4.

¹⁰ Там же. Ф. 20. Оп. 7, 10.

¹¹ Там же. Ф. 23. Оп. 1, 25.

¹² Там же. Ф. 583. Оп. 4; Ф. 1329. Оп. 3.

¹³ Там же. Ф. 583. Оп. 4. Д. 221.

¹⁴ Там же. Ф. 1276. Оп. 9; Ф. 1278. Оп. 6, 7; Ф. 1158. Оп. 1. 1914 г.; Ф. 565. Оп. 3, 13, 14.

¹⁵ Там же. Ф. 398. Оп. 20; Ф. 565. Оп. 6; Ф. 958. Оп. 1; Ф. 1276. Оп. 2, 10, 20; Ф. 1278. Оп. 2, 7; Ф. 1358. Оп. 1.

¹⁶ Там же. Ф. 1409. Оп. 6; Ф. 1276. Оп. 8, 10; Ф. 1278. Оп. 2, 6; Ф. 1149. Оп. 13. 1903 г.

¹⁷ Там же. Ф. 1276. Оп. 9; Ф. 1278. Оп. 5; Ф. 1158. Оп. 1. 1913 г.

ров, Русского общества пароходства и торговли о назначении, содержании и награждении военных агентов и агентов министерства финансов во Франции за 1839–1915 гг.¹⁸

Интерес представляют материалы Особенной канцелярии министра финансов по секретной части МФ и документы из личного фонда гр. И. П. Салтыкова о дипломатической почте за 1741–1911 гг.¹⁹

Среди дел Канцелярии Министерства императорского двора вызывают интерес документы об отпуске из Эрмитажа картин для украшения российского посольства в Париже (1910–1911)²⁰.

И, конечно, сведения о деятельности российского посольства во Франции имеются в различных фондах личного происхождения. В качестве характерных примеров можно привести переписку Е. И. Нелидовой с русским послом в Париже А. Б. Куракиным в её личном фонде²¹, письма российского консула А. К. Эбелинга А. И. Философову в личном фонде последнего²², письма разных лиц послу П. Г. Чернышёву в материалах личного фонда гр. И. П. Салтыкова²³ и т.п. за 1742–1853 гг.

Всего сведения о деятельности русских дипломатических представительств во Франции за XVIII – нач. XIX в. имеются примерно в 30 фондах РГИА, в том числе в 10 фондах высших государственных учреждений, 15 — центральных, в одном фонде полугосударственного акционерного общества (РОПиТ²⁴) и в 4 фондах личного происхождения.

И исторически, и содержательно с историей российских дипломатических представительств тесно связана история русской духовной миссии во Франции, а с нею, в свою очередь, история православных церквей в этой стране. Эта история отражена как в материалах Синода, так и в документах других высших и центральных учреждений Российской империи.

Так, например, сведения о штатах, содержании и деятельности духовной миссии во Франции за 1740–1916 гг. имеются в делах и переписке Департамента экономии Государственного совета, Финансовой комиссии реформированного Государственного совета, а

¹⁸ Там же. Ф. 40. Оп. 1; Ф. 1263. Оп. 1. 1839 г.; Ф. 1158. Оп. 1. 1912 г.; Ф. 565. Оп. 1, 2, 8; Ф. 23. Оп. 1; Ф. 18. Оп. 7; Ф. 20. Оп. 3, 7; Ф. 22. Оп. 2, 3; Ф. 497. Оп. 2; Ф. 107. Оп. 1.

¹⁹ Там же. Ф. 561. Оп. 1; Ф. 1117. Оп. 1.

²⁰ Там же. Ф. 472. Оп. 43.

²¹ Там же. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 37 – 43, 59.

²² Там же. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 33.

²³ Там же. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 302, 319, 326, 328.

²⁴ Там же. Ф. 107. Оп. 1.

также Государственной думы (3-го созыва), Совета министров, Кабинета е.и.в., Департамента Государственного казначейства МФ, Канцелярии Синода, Канцелярии обер-прокурора Синода, Хозяйственного управления при Синоде, Контроля Синода, а также в личном фонде К. С. Сербиновича²⁵.

Материалы о назначении и увольнении членов миссии за 1785–1913 гг. хранятся, как и следовало ожидать, в составе фондов Канцелярии Синода и Канцелярии обер-прокурора²⁶. Там же можно найти сведения о донесениях членов миссии (за 1785–1913 гг.)²⁷. В составе синодальных фондов есть дела о награждении членов духовной миссии, протоиереев православных храмов в Париже и в Ницце (1823–1892)²⁸.

Сведения о строительстве и ремонте православных храмов во Франции (в Париже, Ницце, Ментоне, Биаррице, Виши и По) за 1846–1915 гг. содержат материалы Совета министров, Кабинета е.и.в., Канцелярии имп. Марии Федоровны, Департамента Государственного казначейства МФ, Департамента рассмотрения проектов и смет ГУПС и ПЗ, Учебного отдела Министерства торговли и промышленности, личного фонда П. П. Извольского (бывшего в 1906–1909 гг. обер-прокурором Синода) и, конечно, Канцелярии Синода и Канцелярии обер-прокурора Синода²⁹.

Имеются также документы об освящении православных церквей в Париже и часовни в Ницце за 1861–1870 гг. (в фондах Канцелярии МИДв и Канцелярии обер-прокурора Синода³⁰), об изготовлении для них икон и церковной утвари за 1855–1909 гг. (фонды Кабинета е.и.в., Канцелярии МИДв, Канцелярии Синода, Академии художеств³¹) и т. п.

К ним примыкают материалы Кабинета е.и.в., Канцелярии МИДв, Канцелярии обер-прокурора Синода, и Академии художеств

²⁵ Там же. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г.; Оп. 12. 1898 г.; Оп. 13 1901 г.; Ф. 1158. Оп. 1. 1909, 1912, 1913, 1916 гг.; Ф. 1278. Оп. 2, 6, 7; Ф. 1276. Оп. 4, 7; Ф. 468. Оп. 16; Ф. 565. Оп. 8, 9; Ф. 796. Оп. 21, 45, 48, 57, 135, 150, 173, 178, 187, 190, 193, 445; Ф. 797. Оп. 1, 36, 39, 44, 50, 51, 55, 62, 76, 77, 81, 82; Ф. 799. Оп. 26, 31; Ф. 801. Оп. 1; Ф. 1661. Оп. 1.

²⁶ Там же. Ф. 796. Оп. 61, 81, 84, 85, 88, 97, 127, 130, 187, 197; Ф. 797. Оп. 16, 18, 19, 21.

²⁷ Там же. Ф. 796. Оп. 93, 161, 173; Ф. 797. Оп. 16, 22, 23, 26, 28, 30.

²⁸ Там же. Ф. 796. Оп. 104, 113, 173; Ф. 797. Оп. 62.

²⁹ Там же. Ф. 1276. Оп. 4; Ф. 468. Оп. 14, 16, 17, 42; Ф. 472. Оп. 45; Ф. 482. Оп. 6; Ф. 544. Оп. 2; Ф. 565. Оп. 7, 14; Ф. 220. Оп. 1; Ф. 25. Оп. 5; Ф. 1569. Оп. 1; Ф. 796. Оп. 138, 167, 181, 182, 205; Ф. 797. Оп. 18, 22, 28, 35, 37, 54, 60, 77, 78, 83.

³⁰ Там же. Ф. 472. Оп. 6; Ф. 797. Оп. 31.

³¹ Там же. Ф. 468. Оп. 8; Ф. 472. Оп. 6; Ф. 796. Оп. 136; Ф. 789. Оп. 22.

о награждении архитекторов, участвующих в строительстве православных церквей в Париже, Ницце, Ментоне (за 1861–1913 гг.)³².

Интерес представляют материалы о пожертвованиях на строительство и перестройку православных церквей в Париже и Ницце за 1849–1912 гг., хранящиеся в фондах Кабинета е.и.в. МИДв, Собственной е.и.в. канцелярии по учреждениям имп. Марии, Канцелярии обер-прокурора Синода, Хозяйственного управления при Синоде и Департамента Государственного казначейства МФ³³. Имеются также отдельные документы о православном Михаило-Архангельском братстве при православной церкви в Каннах за 1896–1905 гг., хранящиеся в составе фондов канцелярии Синода, Канцелярии обер-прокурора Синода, а также Департамента Государственного казначейства³⁴. Проект постройки, фотографии, планы и чертежи православной церкви в Ницце (1896–1906) хранятся в составе фонда Придворной конторы вел. кн. Михаила Николаевича и в коллекции строительных планов и фотографий Синода³⁵.

И, наконец, клировые ведомости и формулярные списки священно- и церковнослужителей православных церквей во Франции (за 1909–1920 гг.) сохранились в фонде Канцелярии обер-прокурора Синода³⁶.

Сведения о православной церкви в Париже можно найти также в переписке и др. материалах фондов личного происхождения. Иногда личная переписка сохранялась и в составе фондов Синодального ведомства. Например, личная переписка знаменитого настоятеля православной церкви в Париже протоиерея И. В. Васильева с обер-прокурором Синода А. П. Ахматовым хранится в фонде Канцелярии обер-прокурора Синода³⁷.

Всего сведения о русской духовной миссии и о православных церквях во Франции имеются в материалах более чем 20 фондов, в том числе (в соответствии со спецификой данной темы) в 5 фондах синодального ведомства, 6 — придворного (включая Академию художеств), 4 — высших государственных учреждений, 3 — центральных учреждений других ведомств и 2 фондах личного происхождения.

³² Там же. Ф. 468. Оп. 1, ч. 2; Ф. 472. Оп. 28, 51; Ф. 797. Оп. 64; Ф. 789. Оп. 3.

³³ Там же. Ф. 468. Оп. 8, 13; Ф. 759. Оп. 32; Ф. 797. Оп. 16; Ф. 799. Оп. 4; Ф. 565. Оп. 1.

³⁴ Там же. Ф. 796. Оп. 186; Ф. 797. Оп. 66; Ф. 565. Оп. 14.

³⁵ Там же. Ф. 547. Оп. 3; Ф. 835. Оп. 1.

³⁶ Там же. Ф. 797. Оп. 79, 80, 81.

³⁷ Там же. Ф. 797. Оп. 33. I отд. Д. 313.

Те же закономерности, которые определили нахождение в составе фондов гражданского и придворного ведомств документов о российских дипломатических представительствах во Франции, обусловили нахождение в составе этих фондов и документов по истории французских дипломатических представительств в Российской империи.

Это, прежде всего, именные указы и высочайшие повеления Сенату и журналы заседаний Комитета министров, а также некоторые материалы Канцелярии Синода о признании французских дипломатов в России (за 1745–1917 гг.)³⁸, материалы Церемониальной части МИДв (преобладающие в этой группе), Совета при высочайшем дворе, Журнала заседаний Комитета министров, Департамента экономии Государственного совета о прибытии и отбытии французских послов (за 1792–1914 гг.)³⁹, высочайшие повеления по придворному ведомству, дела и переписка Придворной е.и.в. Канторы МИДв, Гофмаршальской части, Церемониальной части МИДв, и записи в камер-фурьерских журналах об аудиенциях, данных императором и членами императорского двора французским дипломатам (в основном за 1819–1914 гг.)⁴⁰, а также материалы Церемониальной части МИДв о представлениях французских дипломатов российским монархам (за 1757–1811 гг.)⁴¹.

Материалы о зданиях французских дипломатических представительств в России имеются в фондах Кабинета е.и.в., Канцелярии МИДв, Придворной е.и.в. канторы, Главного управления уделов МИДв, Департамента Государственного казначейства МФ, Департамента окладных сборов МФ, Хозяйственного департамента МВД (за 1807–1890 гг.)⁴².

Сведения о приёмах у французских послов (за 1856–1910 гг.) можно найти в материалах фондов Собственной е.и.в. канцелярии,

³⁸ Там же. Ф. 1329. Оп. 3; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 119–297, 356–379, 450–473, 646–670, 693–704, 831–862, 903–931, 1044–1069, 1105–1127, 1130–1131, 1176–1204, 1321–1352, 1383–1450, 1470–1502, 1543–1576, 1771–1774, 1776–1785, 1787–1902, 1924–1926, 1929–1959, 2007–2008, 2012–2023, 2025–2038, 2092–2095, 2099–2112, 2114–2124, 2245–2256, 2260–2263, 2265–2266, 2268–2275, 2277–2278, 2325–2342, 2344–2345, 2347–2366, 2536–2565, 2604–2621, 2623–2630, 2633–2636; Ф. 796. Оп. 26, 39, 41, 46, 65, 67.

³⁹ Там же. Ф. 473. Оп. 1–3; Ф. 1146. Оп. 1; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 73–87; Ф. 1152. Оп. 1. 1812 г.

⁴⁰ Там же. Ф. 466. Оп. 1; Ф. 469. Оп. 1; Ф. 476. Оп. 1; Ф. 473. Оп. 1–3; Ф. 516. Оп. 1.

⁴¹ Там же. Ф. 473. Оп. 3.

⁴² Там же. Ф. 468. Оп. 43; Ф. 472. Оп. 14, 60; Ф. 469. Оп. 14; Ф. 515. Оп. 29; Ф. 565. Оп. 4. Ф. 573. Оп. 12; Ф. 1287. Оп. 30.

Гофмаршальской части, Церемониальной части МИДв.⁴³, а о поездках послов по России (за 1865–1881 гг.) — в фондах Канцелярии министра внутренних дел, а также Горного департамента⁴⁴.

В коллекции высочайших указов и повелений Сенату, фондах Кабинета е.и.в., Капитула российских орденов МИДв, Управления императорскими фарфоровым и стеклянным заводами, а также Горного департамента (среди материалов его Монетного отделения, ведавшего в том числе производством медалей) имеются материалы о награждении французских послов (за 1742–1906 гг.)⁴⁵.

В делах уже неоднократно упомянутой Церемониальной части МИДв имеются документы со сведениями о кончине в России французских послов и членов их семей (за 1889–1907 гг.)⁴⁶, а в фонде Департамента полиции исполнительной МВД — дело о духовных завещаниях, обнаруженных в канцелярии французского посланника (1851–1852)⁴⁷.

Сведения о дипломатической почте представителей Франции в России (за 1808–1822 гг.) сохранились в фондах Комитета министров и Управления делами вел. кн. Николая Михайловича (в собранных им исторических материалах)⁴⁸.

Отдельную группу составляют материалы Капитула российских орденов и Департамента полиции исполнительной МВД о представлении французским дипломатам сведений о французах, проживающих в России и сведений о России за 1886–1916 гг.⁴⁹

Интерес представляют материалы Министерства юстиции о защите французских консулов от нападков прессы и освобождении их от подсудности судам России за 1869–1908 гг.⁵⁰ К этим материалам примыкают документы Совета министров и Особенной канцелярии по кредитной части МФ о кредитах французскому правительству и о льготах французским дипломатам (за 1909–1915 гг.)⁵¹.

В коллекции именных указов и высочайших повелений Сенату, в фондах Департамента торговли и мануфактур МФ, Департамента полиции исполнительной МВД, Министерства торговли и промыш-

⁴³ Там же. Ф. 1409. Оп. 4; Ф. 476. Оп. 1; Ф. 473. Оп. 1–3.

⁴⁴ Там же. Ф. 1282. Оп. 2–3; Ф. 37. Оп. 53.

⁴⁵ Там же. Ф. 1329. Оп. 1–3; Ф. 468. Оп. 8, 44; Ф. 496. Оп. 2; Ф. 503. Оп. 1; Ф. 37. Оп. 17.

⁴⁶ Там же. Ф. 473. Оп. 2.

⁴⁷ Там же. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 1863.

⁴⁸ Там же. 1263. Оп. 1. Д. 7–9; Ф. 549. Оп. 1.

⁴⁹ Там же. Ф. 496. Оп. 2; Ф. 1286. Оп. 33.

⁵⁰ Там же. Ф. 1405. Оп. 67, 539.

⁵¹ Там же. Ф. 1276. Оп. 1, 5; Ф. 583. Оп. 1.

ленности, Совета министров, а также Управления делами вел. кн. Николая Михайловича (в числе собранных им исторических материалов) есть материалы об учреждении и деятельности французского дипломатического коммерческого агентства за 1805–1906 гг.⁵²

И, наконец, личные письма и визитные карточки отдельных французских послов хранятся в составе некоторых личных фондов (гр. Шереметевых, гр. Толстых, В. Г. Глазова и др.⁵³).

Всего материалы по истории французских дипломатических представительств в Российской империи содержатся в 34 архивных фондах, в том числе в 11 фондах придворного ведомства, 13 — других ведомств, 6 — высших государственных учреждений и в 4 фондах личного происхождения.

Архивные материалы, сохранившиеся в составе фондов высших и центральных (гражданского ведомства) учреждений Российской империи, связанных с ними фондах личного происхождения и отчасти фондах общественных и частных учреждений и организаций, являются ценным источником по истории российских дипломатических представительств во Франции и французских в России. А в сочетании с документами дипломатических ведомств обоих государств (и, конечно, печатными источниками) они могут служить и достаточно полной и репрезентативной источниковой базой по истории дипломатических представительств России во Франции и Франции в России XVIII — нач. XX века.

⁵² Там же. Ф. 1329. Оп. 3; Ф. 20. Оп. 7; Ф. 1286. Оп. 17; Ф. 23. Оп. 3; Ф. 1276. Оп. 2; Ф. 549. Оп. 1.

⁵³ Там же. Ф. 1088. Оп. 1 Д. 319; Ф. 696. Оп. 1; Ф. 922. Оп. 1.

Елена Игоревна Жерихина
(Санкт-Петербург)

Сотрудник Института историко-культурных проектов

Аббат Ж. Маскле и книга французского прихода

Кюре католической церкви святой Екатерины Жан-Батист Луи Жозеф Маскле (*Jean-Baptiste Loise Jozeph Maschlet, Маселет, Мауле*) в 1792–1800 гг. вёл Книгу записи браков, крещений, отпеваний католиков Петербурга¹. Вероятно, книга была начата в связи с указами императрицы Екатерины II об ограничении въезда французских эмигрантов в Россию в эпоху Революции, поскольку подавляющее большинство записей относится к французским семьям, при небольшом числе итальянских, незначительном австрийских и почти полном¹ отсутствии польских фамилий.

Аббат Ж. Маскле, закончив Сорбонну, получил учёные степени доктора философии и кандидата теологии. Затем он принял рукоположение² в ордене францисканцев, и в 1790 г. был «призван» в Петербург кюре французской части прихожан католической церкви святой Екатерины Александрийской³. В отличие от многих эмигрантов, выехавших из революционной Франции, он был «...Пригла-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 29. Книга записи браков, крещений, отпеваний французов Санкт-Петербурга в церкви св. Екатерины (на французском языке).

² Маскле, уже покинув пост кюре церкви св. Екатерины, отпел служанку-полячку капитула св. Иоанна Иерусалимского. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 29. Л. 179 об.

³ РГИА. Ф. 822. Оп. 12. Д. 2588. Рапорт М. Ростоцкого архиепископу Могилевскому от 22 декабря 1797 г. Л. 9.

шён в Санкт-Петербург письмом Министерства иностранных дел по требованию господина Симолина⁴, в то время в Париже находившегося российским посланником». С того времени он безвыездно находился в Санкт-Петербурге, где «...Отправлял в течение 10 лет должность свою с всевозможным рачением и ревностию в доказательство чего служит пожалованный ему орден, а более сожаление, какое оказали все прихожане при отступлении его от должности...»⁵. Кюре Ж. Маскле занял свой пост 1 сентября 1791 г. С зимы 1791 он начал регулярно заполнять на французском языке приходскую книгу, где кроме фактов браков, крещений и отпеваний, приложил отдельные алфавитные списки-«индексы» прихожан-французов. В списках под одной фамилией числились несколько членов семьи, упомянутых в этой книге, всего около 300 человек.

Собственно, ныне под одной обложкой собраны три тетради. Тетрадь записи браков «Registre des mariage de l'eglise paroissiale catolique romane de St Petersburg tenu par M. Jeanbaptiste Loise Joseph Maschlet cure' de ladite paroisse poure la nation francaise annees 1792...» с общим алфавитным списком-«индексом»⁶. Далее идёт тетрадь записи крещений «Registre des Batemes...» с алфавитным списком⁷ и записи отпеваний «Registre des Enterrements...»⁸. В книге упомянуты семьи неизвестных негоциантов, ремесленников и слуг; знатных французских аристократов, эмигрантов-роялистов, служивших в русской гвардии, видных петербургских архитекторов и художников. Запись бракосочетания занимала, как правило, половину страницы, запись крещения – треть, а отпеваний было наибольшее число, и записывались они по шесть-семь на одной странице.

Кюре упоминал место рождения, происхождение, описывал должности и награды, имена вступающих в брак и родителей новорожденных, свидетелей, посаженных родителей, особенно описывая «блестящие» и межнациональные браки⁹. В текстах упомянуты не только имена самих вступающих в брак или родителей новорождённых, но и свидетелей, посаженных родителей. Кюре упоминает не только место рождения, происхождение, но и подробно описывает должности и награды. Особенно он старается, описывая аристокра-

⁴ Симолин Иван Матвеевич (1720–1799), барон, с 1784 – посол во Франции, где находился вплоть до 1792 г.

⁵ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 315. Прошения кюре Ж. Маскле... Л. 46. 1802.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 29. Книга записи... Л. 1–52, 80–98.

⁷ Там же. Л. 53 об.–135. Список алфавитный Л. 136–139.

⁸ Там же. Л. 140–179 об. Список алфавитный Л. 181–184.

⁹ Там же. Л. 96–102.

тические браки или рождения, например, когда у графа, адмирала Жана де Траверсе и Мари Мадлен де Риуфф родился сын Александр, то посаженной матерью названа императрица Екатерина II, конечно, отсутствовавшая. В 1793 г. сочетались браком офицер королевского флота Эммануил Северино Селестин де Вельо, кавалер ордена Христа, и дама София Вельо, урождённая Северин. Представляют интерес и лица, присутствовавшие на венчании: на свадьбе между Альбертиной, дочерью Дидье де Морекура, уроженца Бургони, и шведом Ф. Викманом посаженным отцом был президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки граф О. де Шуазэль-Гуфье.

Из книги мы узнаём о трагедиях, постигших французские семьи на чужбине, когда умирали военачальники и простолюдины, малые дети и их родители, исчезали целые семьи: в мае 1793 г. в храме отпели маршала армии генерала Алексиса Луи Жозефа де Боллегард де Вильнев. В 1792 г. скончалась дочь лейтенанта артиллерии Мари де Мармон, в 1793 — другая его дочь, Анна-Катерина, в 1795 отец, уже капитан, потерял сына Жака-Николя. Родившийся в 1793 г. племянник, сын капитана драгун, Жан-Эркуль Пьер де Мармон, умер в 1795 г. Тогда же скончался сын художника, учащийся Академии художеств Жан-Мишель Бодэ (по прозвищу Шарлемань), а также Пьер де ла Гард (по прозвищу Ларошель) 23 лет¹⁰. В 1793 г., как и в другие годы, умирали и малоизвестные персоны: Жан Клод Мюссар, «называемый Серви», Аркадий-Франсуа Вион, Юлия, дочь Готье де Моно, «негоциант Ливио», Наталья Франсуа Дебу, урождённая Родофиникин, из Ливорно и многие другие.

В 1793 умерла дочь, а в январе 1796 — жена адмирала Ж.-Б. Траверсе де Сансака, кавалера военного ордена св. Людовика. В 1797 — кадет Гласко. Особенно трагичной была осень 1798 г., когда умер капитан Серж де ла Мотт; сын кораблестроителя Брюн де Сен-Катерина 6 лет; дочь капитана де Моранкура; супруга полковника кавалерии Мария-Магдалина графиня де Морсан, а в октябре-ноябре скончались за один месяц супруги Л'Аббедеслон. Они родились в Кайене, в Нормандии, где он владел фабрикой карт. В ноябре умерли две дочери Мажиса, Мария и Елизавета, их похоронили на кладбище для католиков на Васильевском острове¹¹. Л. Дюгамель, рождённая д'Алансон, скончалась в 1797 г. в Обуховской больнице для бедных.

¹⁰ Там же. Л. 156–162.

¹¹ Там же. Л. 141. Обычно, как явствует из «Книги...», в те годы хоронили католиков-французов на Волковом кладбище.

В книге записаны и крестины новорождённых: в 1793 г. крёстной матерью дочери «французского министра» графа Эстергази и его супруги, урождённой графини Хольбе, значилась императрица Екатерина II. В Петербурге в 1795 г. рождались дети в семьях Анны-Марии Демут, лейтенанта артиллерии де Мармон Готье де Монт, де Брюно, Ладено и Давид, чьей супругой с 1792 г. была Женевьева Дешан, и другие. В 1798 на крестинах мальчика Леконт, крёстная мать — Анн Бенуа¹². Здесь же записано рождение её сыновей Луи Мишеля Бенуа в августе 1799 г. и Шарля-Жана в 1800, где крёстным отцом был английский посол лорд Витфорт (Уитфорт)¹³. Жена Луи (Луиджи) Руска, Маргерит, урождённая Боден-Шарлемань осенью 1797 г. пришла на крестины сына Жана-Мари Руска, уроженца Лугано, и его супруги Кристины Руска¹⁴, где присутствовала вся семья известного архитектора. Уже в 1798 г. состоялись крестины и её ребенка, сына Луи Руска и Мари Маргерит Боден-Шарлемань¹⁵.

Вскоре после вступления на трон императора Павла, с 1798 г. ведение служб в храме св. Екатерины было передано священникам ордена иезуитов, и Ж. Маскле вместе с другими священниками-францисканцами был уволен. Он, тем не менее, продолжал записи в книге регистраций вплоть до 1800 г., когда была полностью установлена новая администрация. В том же 1798 г. Ж. Маскле получил от императора Павла I орден св. Иоанна Иерусалимского и был назначен капелланом орденского храма во имя Рождества св. Иоанна Иерусалимского¹⁶. Когда Павел I выкупил Воронцовский дворец на Садовой улице и разместил в нём капитул Мальтийского ордена св. Иоанна Иерусалимского, Джакомо Кваренги возвёл во дворе дворца «Мальтийскую капеллу». 17 июня 1800 г. архиепископ Могилёвский Станислав Сестренцевич освятил церковь. С этих пор Маскле жил в церковном доме при храме, получая в должности капеллана жалование до 600 рублей в год.

В 1798 г. к обязанностям доктора богословия Ж. Маскле прибавилось преподавание катехизиса ученицам-католичкам Воспитательного общества благородных девиц и Училища ордена Святой Екатерины, — «знак особенной благосклонности которой удостои-

¹² Там же. Л. 117.

¹³ Там же. Л. 132, 146.

¹⁴ Там же. Л. 102 об.

¹⁵ Там же. Л. 113 об.

¹⁶ С.-Петербургская адресная книга на 1809 год. Второе отделение. (Реймерс Г.). СПб.: Тип. Плавильщикова В., 1809. С. 326. «Маскле Иван католический духовный при малом капитуле. В 3 Адмиралтейской части 1 квартале в доме означенного капитула, без номера».

ла его Ее императорское величество Мария Фёдоровна»¹⁷. Как свидетельствует переписка с секретарём императрицы Григорием Вилламовым, Маскле за эту службу жалования не брал. Ему полагалось по 600 рублей в год, но он довольствовался предоставленным ему экипажем для поездок в институты «и находил себя счастливым, что может хоть тем оказать своё усердие»¹⁸. В должности преподавателя аббат, затем епископ Маскле служил 20 лет.

Павел I, тем не менее, в 1798 г. обещал, по словам Маскле, «поместить их (священников церкви св. Екатерины) в приходы, приносящие подобные выгоды». Поэтому в 1798 г. Маскле был «назначен по тем причинам епископом Могилёвским каноником при соборе его, от которого звания он ничего не получил...»¹⁹, именно с этим связаны его многочисленные просьбы в консисторию и даже разбирательство. Вскоре после вступления на трон Александра I Ж. Маскле, являясь каноником Могилёвского собора, просил передать ему доходы освободившегося прихода Могилёвской епархии, поскольку со смертью могилёвского епископа Павловского «открылась в моей епархии вакантная Могилевская канония с престимониумом²⁰ так называемая Мариенгаузская, годового дохода около 1000 рублей»²¹. Он гарантировал, что в его постоянном отсутствии будет оплачивать труды местных священников. В этой переписке выдвинуто традиционное для роялистской Франции требование Маскле получать доходы с синекуры Мариенгаузенского прихода, оплачивая из них службу местных священников, и стремление Могилёвского митрополита С. Богуш-Сестренцевича²² заменять на ме-

¹⁷ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 315. Л. 46.

¹⁸ Там же. Л. 46–49, 87. Григорий Вилламов в письмах к прокурору А. А. Беклешову и министру юстиции Г. Р. Державину в 1801–1803 гг. подтверждал слова Маскле, что тот преподавал в Воспитательном обществе благородных девиц и Училище бесплатно. Одна записка Вилламова (Л. 44–45, с ответом на Л. 29–30), дошла и до императора Александра I.

¹⁹ РГИА. Ф.1374. Оп. 4. Д. 315. Прощения юре Ж.Маскле о передаче ему пробожства Минской епархии. Л. 46. Объяснительная записка Маскле на французском языке с переводом.

²⁰ Канония, или пробожство — католический приход. Престимониум — доход, идущий на содержание священника. *Petit Larousse illustre*. Paris, 1904. С. 793.

²¹ Там же. Записка Г. Р. Державина к графу Н. И. Салтыкову в декабре 1802 г. Л. 40–41.

²² Станислав Богуш-Сестренцевич (1731–1826), архиепископ Могилёвский, митрополит всех римско-католических церквей в России. В 1798–1800 гг. — председатель Католического департамента Юстиц-коллегии, в 1801–1810 гг. — председатель Римско-католической духовной коллегии.

стах подобных прелатов местными польскими патерами, знающими национальные — польский и литовский — языки.

Маскле в письме императору от 21 сентября 1801 г., ссылаясь на гарантии Павла I компенсировать священникам, покинувшим свои посты, средства, которых они лишились²³, просил доставить ему сумму доходов, равную с доходами каноника церкви св. Екатерины: не только 500 рублей годовой оплаты, но и ту же сумму столовых, на дрова, на выезд и других доходов. Он требовал от нового настоятеля храма св. Екатерины патера Габриэля Грубера до 18 тысяч рублей возмещения убытков за 1798—1802 гг.²⁴, объясняя, что получал ещё около 2 000 рублей в год «других заработков», видимо, платы частных лиц за требы в храме и при разъездах. Эта сумма, по сравнению с окладами других чинов в то время представляется крайне завышенной, причём, что, как видно из записей «Книги», аббат Ж. Маскле продолжал вести крещения, венчания и отпевания в храме св. Екатерины и в 1798—1800 гг.²⁵, вплоть до вступления Грубера в должность.

Влиятельные знакомые Ж. Маскле и два письма, одно от 15 апреля 1801 г.²⁶ Александра I, которому представили обширную записку 22 марта 1801, решили дело в пользу Маскле. Но С. Богуш-Сестренцевич, несмотря на Высочайшие указы Александра I от 14 октября 1800 и 16 мая 1801 г., препятствовал получению Маскле дополнительных бенефиций, и тот за «неполучением денег от иезуитов не в состоянии себя содержать малым жалованием в 550 рублей»²⁷. На это прошение последовал донос, что Маскле не может управлять каким-либо пробожеством²⁸ и пользоваться доходами, «будучи уже определен священником при церкви орденской Святого Иоанна Иерусалимского, без особого на то от папы римского дозволения, называемого “Breve retentionis”», почему, представляя при сем намерение всеподданейше донести, не благоугодно будет Вашему Императорскому Величеству высочайше повелеть замену полного дохода, каковой получал аббат Маскле при церкви святой Екатерины производить ему полный пенсион из доходов ордена Святого Иоанна Иерусалимского»²⁹. Записки Богуш-Сестренцевича наме-

²³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 315. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 19.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 29. Книга записи... 1798—1800. Л. 48—51 об., 135, 148 об., 181—184.

²⁶ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 315. Л. 1—7.

²⁷ Там же. Л. 16.

²⁸ Приход на территории польской губернии.

²⁹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 315. Л. 17.

ренно искажают факты, что видно из разбора их спора с прокурором А. А. Беклешовым³⁰ и министром юстиции Г. Р. Державиным³¹.

Дело иллюстрирует разногласия внутри католической общины в начале XIX в., когда иезуиты, вопреки указу Павла I, отказывались компенсировать снятым с должностей священникам хотя бы номинальный (без льгот и доплат) доход по приходу, а председатель Римско-католической духовной коллегии митрополит С. Богуш-Сестрэнцевич предпочитал давать доходы с местных приходов польским прелатам. Дело длилось почти три года, не закончившись 21 апреля 1803 г. Указом Александра I Римско-католической коллегии о передаче двух частей пробожства Мариенгаузенского Маскле. При этом в письме-прошении от 28 декабря 1801 года Жан-Батист Маскле уже подписывается саном епископа Могилёвского³².

В годы службы капелланом Мальтийского храма св. Иоанна Иерусалимского кюре Ж. Маскле вписал в книгу несколько браков, совершённых в этой капелле. Теперь он писал ещё подробнее, и каждая статья занимает целую страницу: в 1799 г. скульптор Андре Жан де Врен, называющийся Лебрэн, венчался здесь с Мари Моро. В том же 1799 г. Валентин Претриоло де Скванси женился на армянке Марии Сумбатовой. В Мальтийской капелле в 1802 г. капитан гвардии маркиз Шарль де Виллерау вступил в брак с графиней Елизаветой Апраксиной. Жан-Батист д'Андре женился на Маргарите Батищевой в 1807 г., брак был совершён де Мохильо, капелланом ордена св. Иоанна Иерусалимского в Санкт-Петербурге. В 1808 г. полковник гвардии Пётр Иванович Балабин, кавалер орденов св. Георгия, св. Анны, св. Владимира, сочетался браком с мадам Барбарой Паулиной де Сарис, дочерью доктора медицины³³. Некоторые подобные браки интересны с точки зрения истории русской культуры и литературы. В 1804 г. Ж. Маскле венчал Александра Давыдова с Аглаей, дочерью герцога де Граммон и принцессы Полиньяк³⁴. Позже А. С. Пушкин близко познакомился с этой семьёй в годы южной ссылки. Фрейлина Екатерины II, известная мемуаристка, «Её превосходительство» Глафира Ивановна Алымова, вдова сенатора Ржевского, была в 1805 г. повенчана кюре Маскле с его однофамильцем

³⁰ Там же. Л. 18. Александр Андреевич Беклешов (1743—1808), действительный тайный советник, с 1799 г. генерал-прокурор Правительствующего Сената, член Императорского совета, кавалер ордена св. Иоанна Иерусалимского.

³¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 315. Л. 80—81 от октября 1802 г. Гавриил Романович Державин состоял на посту министра юстиции в 1802—1803 гг.

³² РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 315. Л. 12.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 29. Л. 33—51 об.

³⁴ Там же. Л. 49.

или дальним родственником савойцем Ипполитом Дезире Жозефом Маскле, тоже вдовым по Жозефине де Фарже, уроженке Фландрии. В книге³⁵ записи браков Ипполит Маскле записан «лейтенант-полковником», хотя в России он преподавал французский язык, был переводчиком. В обществе считали, что брак вдовы сенатора с французом на 20 лет её младше и не дворянином был мезальянсом. Поэтому в первых строках записи брака специально упоминается, что накануне венчания, как и положено, в храме трижды проводилось оглашение.

В начале 1800-х гг. Ж. Маскле также продолжил тетрадь записи отпеваний: он отслужил панихиды по умершим ученицам Воспитательного общества благородных девиц и Училища св. Екатерины. Он также провёл панихиду и записал, что вдова барона де Бодэ, кавалера ордена св. Людовика, полковника французского короля, умершего в 1797, скончалась в Москве 24 мая 1812 г.³⁶ Вдова несколько раз заказывала поминание де Бодэ, скончавшегося в Малороссии. Закончив исполнение треб, Маскле аккуратно собрал записи и составил «индексы» — алфавитные списки персоналий к каждой из трёх тетрадей, которые потом были вместе переплетены. К этому времени положение Маскле изменилось.

Вскоре после вступления на трон Александр I российское мальтийское приорство упразднил, но рыцарей и священников из Воронцовского дворца не изгнал, поручив им воспитание молодых русских аристократов в Пажеском корпусе, располагавшемся здесь с 1810 г. В «Росписях чиновных особ...» за 1810—1814 гг. в департаменте Католических дел духовной коллегии среди заседающих от епархий членов капитула упоминали епископа-суфрагана³⁷ Минского Иоанна Маскле³⁸, от Могилёвской епархии, доктора богословия, кандидата теологии, капеллана Мальтийской церкви. Но позже 1818 г. Ж. Маскле в петербургских документах не значился³⁹. Воз-

³⁵ Там же. Л. 50—50 об. Александр I пожаловал И. Маскле дворянство по просьбе Г. И. Ржевской, затем назначил камергером и консулом в Ницце. Переводчик И. Маскле был членом Общества любителей российской словесности.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 29. Л. 179—180.

³⁷ Суфраган — католическое наименование епископа по его епархии. Petit Larousse illustre. Paris, 1904. С. 954.

³⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ..., СПб.: Тип. Академии наук, 1810. С. 496; 1814. С. 641.

³⁹ На посту учителя римско-католического исповедания Маскле в 1818 г. сменил ксёндз И. Томашевич. *Черепнин Н. П.* Императорское Воспитательное Общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764—1914. Т. 3. Пг., 1915. С. 422.

можно, это связано с объявлением в 1817 г. указа, что «Мальтийский орден в Российской империи более не существует», и, возможно, Ж. Маскле не мог с этих пор продолжать служить в храме и жить в церковном доме. Скорее всего, подобно многим французам, он покинул Петербург⁴⁰ при восстановлении монархии во Франции. Предварительно он передал уже сшитую церковную книгу приходу св. Екатерины, управлявшемуся в конце 1810-х гг. орденом доминиканцев. Эта единственная сохранившаяся книга католического прихода XVIII в. служит важным источником для изучения генеалогии, социального положения, родственных и дружеских связей многих французских семей.

⁴⁰ В Указателе жилищ и зданий в С.-Петербурге (С. Аллер) на 1823 г. он не упомянут, как и в III томе Петербургского Некрополя 1912 г.

Карол Лопатецкий
(Белосток)

*Сотрудник университета в Белостоке,
Институт истории и политических наук, адъюнкт*

Павел Кркош
(Краков)

*Сотрудник Папского университета Иоанна II в Кракове,
Исторический институт, адъюнкт*

Военные обозы в Российской империи, Австрии и Французском королевстве в середине XVIII века в свете трактата Антония Леопольда Эльсница¹

Военный обоз — сопровождающие армию подводы, перевозящие орудия, оружие, порох, снаряжение, скот, еду, а также больных и раненых солдат. На эту тему обращается мало внимания в исторических исследованиях. Между тем, военный обоз обеспечивал эффективную работу всей военной машины. Его функции должны были учитываться при стратегическом планировании (коммуникации для снабжения армии) и во время самих операций, связанных с движением военных колонн.

Огромная масса транспорта снижала мобильность и принуждала командование охранять и конвоировать маршевые колонны. В XVI

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта Национального центра науки (Польша), № 2016/23/D/HS3/03210: «Rewolucja militarna jako czynnik modernizacyjny skarbowości i organizacji państwa polsko-litewskiego na tle europejskim».

и XVII вв. обоз с успехом использовали для повышения боеспособности польской и литовской армии². В XVIII в. тактическая ценность обоза перестала иметь значение, однако можно напомнить об успехах гуситов, которые использовали возы при проведении военных операций³. Изучать военный обоз в эпоху Нового времени затруднительно прежде всего потому, что подводы считались повседневным и второстепенным элементом и почти не упоминались в нарративных источниках. Чаще поднимался вопрос о них в актовой документации⁴.

Первый обширный европейский трактат, полностью посвящённый проблемам военного обоза, был написан в 1769 г. Его автором был Антоний Леопольд Эльсниц, знаковая фигура для центрально-европейской культуры и военной мысли⁵. Его знания, полученные в прусской армии Фридриха II, были использованы в Шляхетской академии Кадетского корпуса в Варшаве, называвшейся в обиходе Рыцарской школой⁶. О его заслугах в модернизации польско-литовской армии свидетельствует то, что уже через год Сейм выдал ему свидетельство⁷.

В данной статье представлены взгляды Антония Эльсница в работе «*Traité des bagages d'une armée en campagne divisé en deux parties*

² Łopatecki K. Organizacja, prawo i dyscyplina w polskim i litewskim pospolitym ruszeniu (do połowy XVII wieku). Białystok, 2013. S. 198, 210–211, 308; *Spierski Z.* Kampania obertyńska 1531 roku. Warszawa, 1962. S. 56–58; *Sikorski J.* Polskie piśmiennictwo wojskowe od XV do XX wieku. Warszawa, 1991. S. 80–81.

³ *Spierski Z.* Z problematyki wzajemnych kontaktów między polską i husycką sztuką wojenną, «*Wojskowy Przegląd Historyczny*» 2 (1957). S. 260–284; *Franz M.* Wojskowość Kozaczyzny Zaporoskiej w XVI–XVII wieku. Geneza i charakter. Toruń, 2007. S. 125–133.

⁴ Łopatecki K. «Disciplina militaris» w wojskach Rzeczypospolitej do połowy XVII wieku. Białystok, 2012. S. 144, 160.

⁵ Антоний Эльсниц был автором по крайней мере шести трактатов военной тематики. Подробнее см.: Łopatecki K. Działalność naukowa Antoniego Leopolda Oelsnitz'a prowadzona w Szkole Rycerskiej, [w:] *Szkoła Rycerska Kadetów Jego Królewskiej Mości i Rzeczypospolitej* / red. W. Bednaruk, K. Jaszczuk, Lublin, 2016. S. 93–96.

⁶ *Zakrzewski A.* Szkoła Rycerska — między Koroną a Litwą, [w:] *Szkoła Rycerska Kadetów Jego Królewskiej Mości i Rzeczypospolitej* / red. W. Bednaruk, K. Jaszczuk. Lublin, 2016. S. 35–44. Рыцарская школа возникла весной 1765 г., а набор первой организованной группы учащихся состоялся в конце июня того же года. См.: *Bednaruk W.* Narodziny Szkoły Rycerskiej, [w:] *Szkoła Rycerska Kadetów Jego Królewskiej Mości i Rzeczypospolitej* / red. W. Bednaruk, K. Jaszczuk. Lublin, 2016. S. 30.

⁷ *Volumina legum.* T. VII, wyd. J. Ohryzko, Petersburg, 1860. S. 372; *Album armorum nobilium Regni Poloniae XV–XVIII saec.,* oprac. B. Trelińska. Lublin, 2001. S. 562, poz. 1705.

savoir du charroi et de l'escorte» (Трактат об армейском обозе в кампании при гужевой перевозке и эскортировании). В настоящее время она хранится в Национальном музее Кракова под шифром 92⁸. Трактат появился на немецком языке в 1769 г., переведён на французский, а потом представлен на пасхальной ярмарке в Лейпциге в 1770 г., чтобы издатели опубликовали его⁹. К сожалению, такой план осуществить не удалось. Вместо этого началось переписывание и перевод работы. С новой инициативой выступил выходец из Франции капитан и бригадир Пётр Хеннкан (Hennequin)¹⁰, преподаватель архитектуры и геометрии. Он вычертил для труда Эльсница карты, которые потом дал учащимся для копирования. Благодаря этому появился польский перевод, названный «Об обозах находящегося в поле войска» и хранящийся ныне в Библиотеке Польской Академии наук в г. Курнике под двумя шифрами 667 и 668 (без рисунков, составляющих суть трактата). Кроме краковского и курницкого вариантов существовала и петербургская копия на французском языке¹¹.

Также существуют две книги, содержащие только рисунки, одна — с подписями на немецком языке, другая на французском (библиотека князей Чарторыйских в Кракове, рукопись 1848, 1849)¹². Источниковедческое исследование этого трактата было опубликовано в 2014 г.¹³

⁸ *Wojakowski J.* Biblioteka Królewskiego Korpusu Kadetów w Warszawie. Warszawa, 1989. S. 267.

⁹ Muzeum Narodowe w Krakowie, гкпс. 92. S. 7; *Wojakowski J.* Op. cit. S. 267.

¹⁰ Выходец из Франции Пётр Хеннкан был католиком и в 1766–1780 гг. преподавал гражданскую и военную архитектуру, а также геометрию в Рыцарской школе. См.: *Mrozowska K.* Szkoła Rycerska Stanisława Augusta Poniatowskiego, 1765–1794. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961. S. 161, 193; *Gdański J., Machynia M., Szrednicki Cz., Stepan K.* Oficerowie wojska koronnego 1777–1794. Spisy, cz. 4: Formacje Targowicy, szkolnictwo wojskowe, varia, uzupełnienia. Kraków, 2003. S. 72.

¹¹ Это было полное двухтомное издание *Traité des bagages...* Антония Эльсница, выполненное в Варшаве в 1769 г. Оно хранилось в Библиотеке Главного Штаба в Петербурге (L. 37670, шифр 31 а-I-3). Несмотря на неоднократные просьбы, оно не было выдано польской стороне и считается погибшим. См.: *Bańkowski P., Ptaszycki S.* Rewindykacja rękopisów z b. Biblioteki Sztabu Głównego w Petersburgu, wywiezionych z Polski po upadku Powstania Listopadowego. «Archeion» 9 (1930). S. 29; *Les archives de l'Est et la France des Lumières. I: guide des archives. II: inédits. Guide des archives et inédits / red. G. Dulac, S. Karp, 2007. S. 160, 845.*

¹² *Wojakowski J.* Op. cit. S. 266.

¹³ *Oelsnitz A. L.* O bagażach wojska w polu będącego / Oprac. K. Łopatecki, Oświęcim, 2014. Все цитаты, использованные в этой статье, заимствованы из этого издания.

Жизнь и деятельность Антония Леопольда Эльсница

Антоний Леопольд Эльсниц родился около 1723 г. в семье с военными традициями¹⁴. Его отец Казимир Райнхольд фон Эльсниц с 1739 г. и до смерти в 1753 г. был комендантом прусского Кадетского корпуса в Берлине. В супружестве с Луизой фон Мельхайм он нажил пять сыновей и трёх дочерей¹⁵. Бесспорным было влияние отца на воспитание детей. Четверо сыновей выбрали военную карьеру, заслужив высокие офицерские чины. Старший из братьев (р. 1717) Вильгельм Людвиг стал в 1741 г. флигель-адъютантом, а на следующий год — капитаном. Во время Семилетней войны он получил чин полковника и назначение на должность генерального квартирмейстера и адъютанта Фридриха II. Вскоре после этого назначения он умер от ран, полученных в битве под Прагой 7 мая 1757 г. Следующим сыном был Антоний Леопольд¹⁶. Третьим стал Генрих Ернст, который умер 5 января 1784 г. в чине полковника 32 пехотного полка (командир Ганс Христоф фон Роткирх)¹⁷. Четвёртый сын — Фридрих Вильгельм фон Эльсниц — уже к 1760–1762 гг. был командиром гренадёрского батальона. Он умер 11 марта 1787 г. в чине подполковника в гарнизоне в Хойницах¹⁸.

¹⁴ *Lopatecki K.* Działalność naukowa Antoniego Leopolda Oelsnitz'a prowadzona w Szkole Rycerskiej, [w:] *Szkoła Rycerska Kadetów Jego Królewskiej Mości i Rzeczypospolitej* / red. W. Bednaruk, K. Jaszczuk, Lublin, 2016. S. 83–106.

¹⁵ *OEuvres de Frédéric le Grand*, hrsg. J.D.E. Preuss, t. XXX, Berlin, 1856. S. 3–4; Friedrich der Grosse: Eine lebensgeschichte, hrsg. J.D.E. Preuss, Bd. I. Berlin, 1832. S. 156, 162, 230–231; *König A. B.* Biographisches Lexikon aller Helden und Militärpersonen. Bd. III: *M-See*, Berlin, 1790. S. 112; *Crousaz A.* Geschichte des Königlich Preußischen Kadetten-Corps nach seiner Entstehung. Berlin, 1852. S. 52, 64–74, 91, 101–116; *Zedlitz-Neukirch L. F.* Neues preussisches Adels-Lexicon. Bd. III, Leipzig, 1837. S. 411, 474.

¹⁶ *Sammlung ungedruckter Nachrichten, so die Geschichte der Feldzüge der Preußen von 1740–1779.* Bd. II, Dresden, 1783. S. 559; *Straubel R.* «Er möchte nur wissen, dass die Armée mir gehöret»: Friedrich II. und seine Offiziere. Ausgewählte Aspekte der königlichen Personalpolitik. Berlin, 2012. S. 165; *Zedlitz-Neukirch L. F.* Op. cit. S. 474; *König A. B.* Op. cit. S. 112.

¹⁷ *König A. B.* Op. cit. S. 112; *Sammlung ungedruckter Nachrichten, so die Geschichte der Feldzüge der Preußen von 1740–1779.* Bd. III. Dresden, 1783. S. 7; *Zedlitz-Neukirch L. F.* Op. cit. S. 474.

¹⁸ *König A. B.* Op. cit. S. 112; *Zedlitz-Neukirch L. F.* Op. cit. S. 474. В 1785 г. Фридрих II издал приказ о постройке казарм в Хвойницах, рассчитанных на 400 солдат. См.: *Szwankowski J.* Pruski garnizon w Chojnicach (część I) // «Zeszyty Chojnickie». 25 (2010). S. 67.

Антоний Леопольд по крайней мере с 1743 г. служил в прусской армии в пехотном полку Ганса Карла Винтерфельдта. Участвовал в Семилетней войне; в 1756 г. получил чин капитана. В 1765 г. оставил службу в прусской армии. Через два года приехал в Варшаву, где в Рыцарской школе служил в чине обер-лейтенанта. Одновременно служил в Коронной армии, поначалу майором, потом подполковником (1771). Закончил карьеру полковником (1773). Несмотря на продвижение по службе, под конец жизни Эльсниц хотел бросить службу из-за задержек жалованья и уехать из Речи Посполитой. Однако свои намерения не осуществил¹⁹ и умер в Варшаве в 1776 г.²⁰

Без сомнения, Эльсниц был одним из самых интересных и недооценённых теоретиков военного искусства XVIII века. Ещё до приезда в Речь Посполитую он прославился переводом с французского на немецкий популярного тогда труда Жана Шарля де Фолара «История Полибия»²¹. Как преподаватель, в Рыцарской школе отличался эрудицией и трудолюбием²². Он совмещал практические навыки с теорией, что было в те времена довольно редким явлением. В Рыцарской школе, помимо порученных ему предметов, он обучал и строевой подготовке²³. Составил подробный план занятий

¹⁹ *Mrozowska K.* Op. cit. S. 192.

²⁰ *Szule E.* Cmentarz Ewangelicko-Augsburski w Warszawie: zmarli i ich rodziny Warszawa, 1989. S. 408; *Idem.* Cmentarze ewangelickie w Warszawie: Cmentarz Ewangelicko-Augsburski, Cmentarz Ewangelicko-Reformowany. Warszawa, 1989. S. 134. Неверной кажется информация, якобы А. Л. Эльсниц служил в Рыцарской школе уже в 1783 г. См.: *Miterzanka M.* Działalność pedagogiczna Adama ks. Czartoryskiego generała ziem podolskich. Kraków, 1931. S. 31, 54. Среди прежних прусских историков было мнение, что А. Л. Эльсниц умер в 1786 г. См.: *Zedlitz-Neukirch L. F.* Op. cit. S. 474; *König A. B.* Op. cit. S. 112. В российской историографии даются годы 1722–1757. *Зайцева А. А.* Книжная Торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII века. СПб., 2005. С. 247.

²¹ Этот труд насчитывал всего VII томов, изданных в 1755–1769 гг. См.: *Bardin É. A.* Dictionnaire de l'armée de terre: ou, Recherches historiques sur l'art et les usages militaires. T. I. Paris, 1851. S. 508. Интересен факт, что изданные в 1769 г. тома VI и VII не вышли под именем Антония Эльсница, который был тогда уже на службе короля Станислава Августа Понятовского. На титульных листах было указано, что переводчиком был «офицер прусского короля» (нем. «einem Königl. Preußischen Officier»).

²² *Lisowski W.* Polskie Korpusy Kadetów 1765–1956. Warszawa, 1983. S. 76; *Wojakowski J.* Op. cit. S. 99.

²³ *Julian Ursyn Niemcewicz: fragment biografii 1758–1796.* Oprac. A. Czaja. Toruń, 2005. S. 24. А. Л. Эльсниц отвечал за дисциплину в Кадетском корпусе, о чём свидетельствует журнал, который он вёл в 1770–1772 гг. См.: Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаника, отдел рукописей. Ф. 4. Оп. 1. № 717.

на 1769/1770 г.²⁴ Эта программа считается одной из лучших в военной дидактике эпохи Просвещения²⁵. Проводил практические занятия для кадетов — в 1771 г. под Варшавой, в дальнейшем под Седльцами и Вилянуве²⁶.

Оценка сочинения «*Traité des bagages d'une armée en campagne divisé en deux parties savoir du charroi et de l'escorte*»

Инициатором разработки проблем, связанных с военными обозами, был старший из братьев — Вильгельм Людвиг фон Эльсниц. Он предложил новые решения по использованию армейских обозов на основе опыта войн середины XVIII в. (в особенности Семилетней войны). Его смерть в 1757 г. остановила эти планы, однако через год его брат Антоний Леопольд начал новые научные разработки²⁷. На первых порах эта работа проводилась для берлинского Кадетского корпуса (*Kadettenkorps*), и за основу, разумеется, были приняты прусские образцы. Однако в ней нашла место и общеевропейская проблематика — кроме положений Фридриха II, автор продемонстрировал добротное знание систем французской, австрийской и русской армий²⁸. Предпринятый Антонием Эльсницем научный труд и сейчас, по прошествии двух с половиной веков, вызывает уважение. Работа построена на солидных научных основаниях. Автор ушёл от распространённого в то время сугубо академического описания²⁹. Предложенные им решения имели строго прикладной характер³⁰.

²⁴ Plan d'un cours militaire et analyse de la methode... Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Zbiór Popielów, sygn. 224, k. 179–186.

²⁵ Mrozowska K. Op. cit. S. 96; Bratkowski S. Z czym do nieśmiertelności. Katowice, 1977. S. 371; Rosołowski S. Z dziejów kultury intelektualnej wojska polskiego. Warszawa, 1980. S. 102.

²⁶ [Эльсниц А. Л. фон]. Офицерские упражнения / пер. [А. Н. Радищева] // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Содержание. Т. II / под ред. Г. А. Гукковского, В. А. Десницкого. М.; Л., 1941. С. 335–342.

²⁷ Oelsnitz A. L. O bagażach... S. 35–36.

²⁸ Фиксация внимания на этих странах была осознанной, о чём пишет Антоний Эльсниц: «не спускаю глаз в этой работе со способа, которым эти четыре государства, имеющие в нашем веке больше всех полноценного войска, распоряжаются своими обозами» (Ibidem. S. 40).

²⁹ Por. Furman M. «Sprawa rycerska» Marcina Bielskiego — staropolski traktat czy podręcznik wojskowy? // Studia nad staropolską sztuką wojenną. Т. II / red. Z. Hundert. Oświęcim, 2013. S. 45–58.

³⁰ Oelsnitz A. L. O bagażach... S. 40. Por. [Эльсниц А. Л. фон]. Op. cit. S. 331–336.

Первым этапом исследования было изучение трудов, которые давали существенную информацию по теме армейского обоза³¹. Во введении автор упоминает 12 использованных работ, отмечая при этом, что «ни один из военных составителей не писал так, как я желал бы»³². Во-первых, предмет прошлых исследований имел второстепенный характер и никогда не становился темой самостоятельной работы. Это означало, что автор должен был создать собственную методологию и рабочий план³³. Во-вторых, он не искал в книгах общей информации, но использовал только те факты, которые предполагали практические решения³⁴. При этом Антоний Эльсниц мало ценил работы, которые представляли компиляцию более ранних трудов³⁵. Суммируя предыдущие исследования, он создавал новаторский труд, в котором впервые представлен комплексный анализ армейского обоза³⁶.

Другим источником, на основе которого автор строил свои гипотезы, были дискуссии и беседы. Много лет он был связан с Потсдамом, где стоял полк, в котором служил его брат Вильгельм Людвиг. Там Антоний Эльсниц участвовал в формальных и неформальных военных советах, касавшихся обоза при передвижении армии³⁷. Этот приём работы он перенёс в Варшаву³⁸. Была даже попытка создать исследовательское сообщество. Не будучи знакомым с современными научными изысканиями, касавшимися физических законов движения транспортных средств, он попросил своего друга и преподавателя Рыцарской школы Христофа Фридриха Пфляйдерера написать физико-математический трактат о движении колёсного транспорта³⁹.

³¹ Автор также использовал и картографические источники, необходимые при анализе организации и передвижения обозов. См.: *Oelsnitz A. L. O bagażach...* S. 160, 226.

³² *Ibidem.* S. 36.

³³ *Ibidem.* S. 38.

³⁴ *Ibidem.* S. 149.

³⁵ Так был оценён труд: *Maase J. F. von. Manuel militaire: ou Cayers détachés sur toutes les différentes parties de l'art de la guerre. Cater I. Sur les convois.* Copenhague-Leide, 1761.

³⁶ *Ibidem.* S. 44.

³⁷ *Oelsnitz A. L. O bagażach...* S. 141; О специфике Потсдама как гарнизонного места, см.: *Schobeß V. Friedrich der Große und die Potsdamer Wachtparade 1740–1786.* Berlin, 2009. S. 46–58.

³⁸ *Oelsnitz A. L. O bagażach...* S. 143–144.

³⁹ *Łopatecki K. Najstarszy polskojęzyczny traktat o ruchu pojazdów kołowych z 1769 roku autorstwa Christopa Friedricha Pfeleiderera // «Kwartalnik Historii Nauki i Techniki».* 60 (2015), № 2. S. 57–68.

Помимо бесед с офицерами и учёными, он охотно знакомился с мнением нижних чинов — солдат, охранявших повозки, или лиц, профессионально занимавшихся транспортировкой обоза⁴⁰.

Третьим компонентом был его собственный военный опыт. С 1758 г. он собирался написать книгу об обозе, поэтому отмечал все особенности данной проблемы. Зачастую опыт был негативный — Антоний Эльсниц записал, что, будучи начальником охраняемого обоза, он дважды терял фуры в результате атак неприятеля⁴¹. Один раз за недосмотр и дезертирство рекрутов его посадили на две недели на гауптвахту⁴². Он был участником многих прусских парадов и военных учений, после которых фиксировал свои наблюдения и выводы.

Наконец, автор старался показать в своём труде материальные объекты — инструменты и части экипажей. Он искал оригинальные решения⁴³. Заслуживающие внимания предметы он собирал, другие зарисовывал, чтобы они вошли в регулярное употребление⁴⁴. Создал даже модель маленького резака для соломы, который можно было поместить в деревянную лошадиную кормушку⁴⁵.

Не только исследовательские цели, но и сама его методология была любопытной. Во-первых, Антоний Эльсниц старался уйти от исторических аналогий⁴⁶. Прежние авторы, описывавшие армии Нового времени, охотно использовали свидетельства древних римлян⁴⁷. Согласно Антонию Эльсницу, в древние времена, в Средневековье и в начале Нового времени боевые действия велись по-другому. Близорукое следование старым образцам бессмысленно. Автор обращался к ситуациям и решениям современного и актуального военного искусства.

⁴⁰ *Oelsnitz A. L.* O bagażach... S. 44, 143.

⁴¹ *Ibidem.* S. 42–43.

⁴² [*Эльсниц А. Л. фон*]. *Op. cit.* S. 333.

⁴³ *Oelsnitz A. L.* O bagażach... S. 76.

⁴⁴ *Ibidem.* S. 125.

⁴⁵ Biblioteka książąt Czartoryskich, rkps. 1848. S. [10], Biblioteka PAN w Kórniku, sygn. 667. S. 15; Muzeum Narodowe w Krakowie, rkps. 92. S. 210.

⁴⁶ Анализ явлений с помощью примеров из античности, иногда дополненных Средними веками и Новым временем, был типичным научным и дидактическим приёмом. Ещё в 1808 г. Pierre Nicolās Chantreau в работе «*Éléments d'histoire militaire ...*», написанной для военной школы в Париже, именно так характеризует обоз и военный конвой. Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаника. Ф. 4. № 491. С. 73–83.

⁴⁷ См.: *Parker G.* Od domu orańskiego do domu Bushów: czterysta lat «rewolucji militarnej» / пер. М. Копczyński // «Przegląd Historyczny», 2 (2005). S. 220–226.

Самые ранние примеры в его работе относятся к 1690-м гг. Он писал: «Каждый может легко понять, что я поставил себе за правило не давать неприемлемых примеров и ошибок, поскольку уважаю кости мёртвых и считаюсь с живыми. Вот две причины, которые претят мне в этом»⁴⁸. Автор подчеркнул, что его выводы основаны на многих проведённых кампаниях⁴⁹.

В соответствии с духом эпохи Просвещения Антоний Эльсниц стремился предложить новые решения, основанные на разуме и опыте⁵⁰. Он был сторонником практического опыта по сравнению с самыми отработанными теоретическими положениями. Он ссылался на мнение Блеза Паскаля: «Те, кто в теории не ошибаются, <...> часто оплошны на практике и только опыт нас учит»⁵¹. Поэтому Антоний Эльсниц предлагал проверять на практике содержащиеся в его трактате выводы⁵².

Проблематика военного обоза

Под обозами Антоний Эльсниц подразумевает всё, что перемещается на колёсах конями и волами⁵³. При этом он учитывает и возниц, управляющих повозками. Он выделяет четыре части обоза: 1. артиллерия; 2. пекарня и фуры снабжения; 3. аптека и госпиталь; 4. багажные фургоны.

Антоний Эльсниц, как и прочие авторы XVIII в., обратил внимание, что древние римляне военный обоз называли «impedimenta», т.е. препона (помеха)⁵⁴. Почти философскую суть транспорта дал Раймунд Монтекукколи, который указал, что упреки в трудностях, вызванных обозом, так же бессмысленны, как желание чтобы солнце не давало тени. Армия не может обойтись без сна, еды, питья, одежды, отдыха, и для этого нужен транспорт, перемещаемый силой

⁴⁸ Oelsnitz A. L. O bagażach... S. 140.

⁴⁹ Ibidem. S. 139–142.

⁵⁰ Ibidem. S. 206–207.

⁵¹ Ibidem. S. 140–141.

⁵² Ibidem. S. 56, 143–146. В работе «Офицерския упражнения» он подчёркивает необходимость практических упражнений для офицеров и унтер-офицеров. Они должны выработать перцепцию — прежде всего правильно оценивать состояние. [Эльсниц А. Л. фон]. Op. cit. S. 336.

⁵³ Oelsnitz A. L. O bagażach... S. 51.

⁵⁴ Ibidem. S. 41; [Chenaye-Desbois F.-A. A. de La]. Dictionnaire militaire, portatif, contenant tous les termes propres à la guerre; sur ce qui regarde la tactique, le génie, l'artillerie, la subsistance, la discipline des troupes et la marine. T. I. Paris, 1758. S. 140–144.

тягловых животных. Конечно, обоз должен быть как можно короче, чтобы негативные влияния были минимальны. Излишне большой обоз разоряет страну и уменьшает армейские запасы, потребляя огромное количество продовольствия и фуража⁵⁵. С другой стороны, число подвод не может быть слишком малым, так как вследствие этого армия разлагается и теряет боеспособность. Золотой серединой должно быть самое необходимое, при ликвидации всего лишнего⁵⁶.

Подобных позиций придерживался и писавший в начале XVIII в. Антуан де Па де Фёкьер (Antoine de Pas de Feuquière). Он также исходил в своих выводах из латинского слова «impedimenta», подчёркивая обязательность обоза для армии. Для его ограничения он усматривал три способа. Во-первых, уменьшение числа возов, использованием вьючных коней и мулов, которые могут идти сбоку от повозок, благодаря чему маршевые колонны не удлиняются. Во-вторых, он рекомендовал соблюдать в маршевых колоннах военную дисциплину, чтобы воспрепятствовать нежелательной перетасовки подвод. В-третьих, для артиллерийских и провиантских повозок он предлагал формировать отдельную маршевую колонну, идущую по мере возможности лучшими путями. Такая колонна должна охраняться войском⁵⁷. Де Фёкьер обратил внимание на то, что успешные атаки на обозный конвой приводят к утрате боеспособности армии и её деморализации, и привёл примеры подобных операций⁵⁸.

Несколько иначе проблему обозов видел Себастьян Вобан (Sébastien La Prestre de Vauban). Основная трудность, считал он, состоит в недостатке порядка и дисциплины. Каждый возница ехал в обозе сам по себе, полагая, что чем скорее он прибудет на место, тем больше получит похвал. Из-за этого в маршевой колонне повозки перемешивались, что приводило к серьёзным транспортным осложнениям. Чтобы избежать этого, приходилось держать цель маршрута в строгой тайне и использовать проводников, выбиравших хорошие и быстрые пути. На перекрёстках дорог должны помещаться указатели⁵⁹.

Антоний Эльсниц начинает свой трактат с анализа трудностей, сопряжённых с обозом и армейским конвоем. Основная причина

⁵⁵ *Montecuccoli R.* Memoires, ou principes de l'art militaire en general. Paris, 1712. S. 74–75, 271.

⁵⁶ *Ibidem.* S. 269–271.

⁵⁷ *Feuquière A. de Pas, de.* Mémoires de M. le marquis de Feuquière. T. I. Amsterdam, 1741. S. 166–167.

⁵⁸ *Ibidem.* T. III. Amsterdam, 1741. S. 72–79.

⁵⁹ *Vauban S. La P., de.* De l'attaque et de la defense des places. T. II. La Haye, 1742. S. 98–99.

неудач, считал он, состояла в слишком большом числе транспортных средств в постоянно растущих армиях. Отсюда возникали такие сложности, как медленное движение, ограничение возможностей оперативных стратегических и даже тактических действий. Бесконечная линия обоза растягивала маршевую колонну и приводила к беспорядку и падению дисциплины. Дополнительное осложнение появилось в первой половине XVIII в., когда европейские армии, частично используя опыт юго-восточных стран (в том числе и Речи Посполитой), начали формировать отряды лёгкой конницы, которые успешно нападали на противника, уничтожая и грабя обозные колонны⁶⁰.

Военный обоз в оценке Антония Леопольда Эльсница

Антоний Эльсниц старался оптимально определить общее число повозок обоза. Одновременно он не упускал детали, например, укладку багажа на фуре, устройство специальных ящиков, на которых могли бы сидеть больные солдаты, и т.д.

а) Обозные повозки

В российской армии в каждом полку для перевозки грузов требовалось 60 транспортных средств. Для каждой роты предусматривалась одна подвода для экипировки офицеров, другая для вещей и продуктов питания солдат, третья для хлеба и прочего продовольствия. Был также фургон для перевозки больных. Дополнительно при роте имелась двухколёсная упряжка с двумя лошадьми для палаток и один конь для перевозки котлов. Кроме такого минимума при полку находилось ещё 17 подвод: две для маркитантов (по одной на батальон), одна для квартирмейстера, одна для цирюльника, по три для двух майоров и подполковника и четыре для полковника. Всего за полком шло 77 экипажей. В начале Семилетней войны было ещё 12 дополнительных порожних телег (по одной для роты), от чего вскоре отказались⁶¹.

Нужно отметить, что с 1731 г. в мирное время только пехота составляла 138 полков⁶². Таким образом, (без конницы и артиллерии) возов, сопровождавших армию, было 10 626, столько же воз-

⁶⁰ *Kisiel R. Pierwsze formacje ułańskie na Śląsku 1741–1745 // Śląsku Kwartalnik Historyczny Sobótka. 1 (2001). S. 45–55.*

⁶¹ *Oelsnitz A. L. O багажах... S. 68–69.*

⁶² *Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne za Panowania Piotra I. Kraków, 2010. S. 374.*

ниц и более 42 000 лошадей. Такая маршевая колонна растягивалась больше, чем на 100 км! Но это количество выглядит относительно скромно по сравнению с гигантским числом повозок польско-литовской армии. Как правило, каждый всадник в чине товарища гусарской или панцерной конницы имел для себя одну подводку. В середине XVII в. Шимон Старовольский приводит случай — одна хоронгва (подразделение) из 60 гусар имела 225 подвод, «из которых почти половина <...> была сверх меры раздута запасными конями, псами, женщинами, хлопцами»⁶³.

Антоний Эльсниц предлагал убрать в русской армии лазаретные подводы, а больных размещать на ротных обозных повозках. Помочь в этом могла установка трёх ящиков, на которых могли попеременно сидеть больные. Аннулировать предполагалось и фургоны для палаток. Вместо этого следовало использовать запасных коней, которые могли идти по обочине, не включаясь в маршевую колонну. Офицеры не должны иметь больше одного экипажа, а при крайней необходимости взять себе свободных вьючных коней. Авангардный квартирмейстер должен следовать со своим экипажем перед армией.

Подобные реформы могли бы снизить число транспортных средств в каждом полку с 77 до 55. Их общее количество при этом уменьшилось бы на 28,5%. Маршевая колонна пехоты стала бы короче на 25 км.

Такое же фатальное, по мнению Антония Эльсница, положение было в австрийской армии⁶⁴. При каждом полку находилось по крайней мере 69 подвод. Армия имела по 2 экипажа для штаб-офицеров, по одному для 12 капитанов и для аудитора, капеллана, квартирмейстера, а также 18 повозок для 36 лейтенантов, 4 — для профосов (нижних чинов) и 1 — для полковой канцелярии. Дополнительно каждый полк получал от властей 19 подвод, 12 — под палатки, 6 — для провианта и 3 воза для кассы, аптеки и церковных принадлежностей. Кроме этого, маркитанты имели 4 фуры, но количество их не было точно определено, так как каждый унтер-офицер и жена солдата могли иметь свой фургон для торговли. Часто офицеры (начиная с капитана) имели в армии свою карету.

В продолжении трактата Антоний Эльсниц предлагает оптимальное число подвод для армии⁶⁵. Автор исходит из того, что полевая

⁶³ [Starowski Sz.]. Robak sumienia złego, człowieka niebogobojnego i o zbawienie swoje niedbałego, wyd. [J. Czech]. Kraków, 1853. S. 112.

⁶⁴ Oelsnitz A. L. O bagażach... S. 71–72.

⁶⁵ Ibidem. S. 119–120.

армия состоит из 92 батальонов (46 полков пехоты, насчитывающих 53 860 чел.) и 145 эскадронов (29 кавалерийских полков, насчитывающих 22 446 чел.). Он не включает в это количество провиантские, аптекарские, лазаретные фуры, а также возы под осадную артиллерию, которые должны идти вслед за армией с запозданием на один день.

Для нужд главнокомандующего следовало дать 3 кареты (с 6—8 лошадьми), плюс 9 повозок под провиант и кухню, по 3 телеги для слуг и секретарей, одну телегу для корреспонденции, 2 — для почты, 4 — для нужд общей охраны и генерал-квартирмейстера, 3 подводы для инженеров, и по одной для адъютанта, казначея, генерального аудитора, армейского судьи, генерал-вагенмейстера, главного капеллана, капелланов других религий, провиант-мейстера и, наконец, 12 повозок для нужд кассы и 8 телег для маркитантов. В сумме насчитывалось, по крайней мере, 60 подвижных средств. А включая других генералов и фельдмаршала, такой обоз насчитывал 176 подвод.

На ступень ниже — 36 генерал-майоров должны были иметь 108 экипажей. Всего для пехоты — 1156, для конницы — 406, плюс ещё 200 возов полевой артиллерии, 46 — для нужд лекарей и 37 — для маркитантов. Таким образом, армию, состоящую из 75 полков, должны сопровождать как минимум 2131 подвод. Получается, что при самом строгом подсчёте одна повозка должна приходиться на 36 солдат.

Следует отметить, что Антоний Эльсниц представил только проект реформ. По его расчётам, следовало ограничить количество обозных средств, по крайней мере, наполовину⁶⁶.

Представляется, что на практике повозок было почти втрое больше, чем подсчитал автор. Об этом свидетельствуют расчёты, приведённые им самим по подводам в российских и австрийских полках. По этим выкладкам в российской армии должно было быть 5313 подвод, а в австрийской — 5175. Причём в это число не включён обоз главного командования, артиллерии и маркитантов.

б) Полевые лазареты

Антоний Эльсниц критически оценивал раздутую структуру армейской госпитальной службы. Он обратил внимание, что только две страны развернули и содержали широкую сеть обозных госпиталей: «Только во французской армии есть передвижной лазарет и его служба. В то же время и в русской армии при каждой роте есть

⁶⁶ Ibidem. S. 120.

фургон для больных, что похоже на передвижной французский лазарет». В большинстве же государств действовали временные госпитали, расположенные в непосредственной близости от армии⁶⁷.

Видимо, обозные лечебные центры казались практичнее. Однако детальное сравнение баланса выгод и потерь склонило многие страны к более постоянным формам. Антоний Эльсниц обращал внимание, что иностранцы с энтузиазмом оценивали французский опыт (хотя часть французских офицеров не была этим довольна). Сам он к этому опыту относился скептически, полагая, что это дорого и трудно, как по организационным мотивам, так и по транспортным. К тому же этим снижается дух армии⁶⁸. Совершенно нецелесообразным казалось ему российское решение: «Нет никакой необходимости, чтобы армия, участвующая в военной кампании, тащила за собой беспомощных солдат, не годных ни к какой службе. Всегда лучше оставлять таких раненых в каком-нибудь месте или деревне, где стоит гарнизон и заложен лазарет, позволив им, когда они полностью выздоровеют и будут готовы к службе, вернуться в армию»⁶⁹.

в) Организация обоза и приёмы использования транспортных средств

Антоний Эльсниц считал, что государства должны заняться организацией постоянной обозной службы, функционирующей и в мирное время. Тогда было правилом, что страны, лишь начиная готовиться к войне, *ad hoc* собирали обозные службы, транспорт и животных. Преобладал метод, применяемый во Франции, где на обозные нужды выделялись деньги для покупки лошадей, подвод и оплаты возниц. Иначе было в России, где обоз и в мирное время содержался за счёт государства. Каждый месяц выделялась квота на фураж, каждый год — деньги на содержание повозок и закупку лошадей⁷⁰.

⁶⁷ Oelsnitz A. L. O bagażach... S. 51–52; Łopatecki K. U genezy państwowej opieki społecznej i zdrowotnej — szpitalnictwo wojskowe w epoce nowożytnej // Medycyna Nowożytna. 1 (2016). S. 55–77.

⁶⁸ Выразителем других взглядов, распространённых в XVII в., был Луи де Гайя (Louis de Gaya). Он считал, что полевые госпитали давали наилучшее решение, так как раненые и больные вблизи армии получали быструю и профессиональную помощь, а в тяжёлых случаях их перевозили в более отдалённые госпитали. См.: Gaya L. de. L'art de la guerre et la maniere dont on la fait à present. Paris, 1679. S. 35–36.

⁶⁹ Oelsnitz A. L. O bagażach... S. 52–53, 70.

⁷⁰ Ibidem. S. 52–53.

Относительно российского метода автор занял неоднозначную позицию. С одной стороны, Антоний Эльсниц счёл русский способ очень дорогим, а с другой — подтвердил, что это даёт большие возможности для унификации обоза и обучения возниц всем приёмам при движения транспорта большими колоннами⁷¹. В заключение он предложил модификацию системы — содержание подвод и возниц переложить на дворянство, которое за это получало бы деньги. Такие лица после каждого призыва властей обязаны выставлять соответствующее количество коней (предварительно тавренных) и obsługi⁷².

В дальнейшем тексте Антоний Эльсниц предлагает ещё одно решение: приватизацию обозных лошадей. Лучше всего была бы передача коней в собственность капитанам. Такой способ он пояснил на примере Пруссии. Капитан получал бы 100 талеров, за что был бы обязан при необходимости доставлять коней и упряжь. Возможна квота в 1200 талеров, и эта обязанность могла бы быть передана полковникам. После войны лошади продаются, это увеличивало бы государственную казну, и вся процедура могла быть повторена. Автор трактата готовил даже проект договора, который полковник или капитан мог бы заключать с купцом. Из его текста следует, что за 1200 талеров мещанин (или полковник) должен поставить в полк в целом 50 коней. Антоний Эльсниц обратил внимание, что ссуда в 1200 талеров за 6% годовых после шести лет должна принести капитал в 1632 талера⁷³.

Антоний Эльсниц в своём труде выступал против существовавшего обычая добавки к обозу 10–12% порожних подвод. На них перекладывался груз при поломке транспортных средств, ибо добавка поклажи на уже загруженные телеги могла привести к очередной аварии и ухудшению общего состояния обоза⁷⁴. Он считал это слишком большой тратой денег, ресурсов и лишним удлинением маршевой колонны. Антоний Эльсниц знал, что даже добротные фургоны после 8–15 дней непрерывного хода выходят из строя. Для таких случаев он предлагал заготавливать комплекты запасных частей: 10 необходимых предметов, среди прочего — колесо переднее и заднее (как правило, они были разного размера), ось задняя и передняя (тяжёлую кладь везли на нескольких возах). В целом комплект запасных частей должен занимать 4 или 5 повозок⁷⁵.

⁷¹ Ibidem. S. 94.

⁷² Ibidem. S. 70–71.

⁷³ Ibidem. S. 80–82.

⁷⁴ *Villeneuve B., de*. Cours de la science militaire: a l'usage de l'Infanterie, de la Cavalerie, de l'Artillerie, du Genie [et] de la Marine. T. II. A La Haye, 1740. S. 142.

⁷⁵ *Oelsnitz A. L.* O bagażach... S. 59–60.

Книга «*Traité des bagages d'une armée en campagne divisé en deux parties savoir du charroi et de l'escorte*» предназначалась для офицеров, в частности для вагенмейстеров и лиц, приставленных для конвоирования обоза⁷⁶. Автор считал, что в основе бесперебойной работы обозной колонны лежат навыки офицеров, которые способны справиться практически со всеми проблемами⁷⁷.

Трактат должен был стать проектом общегосударственной реформы. До половины XVIII в. проблема военного обоза поднималась только военными теоретиками. Как отметил Антоний Эльсниц, такая «неказистая» военная тема имеет большие перспективы для реформирования. Ключевым вопросом была численность повозок, сопровождавших армию. Её Антоний Эльсниц предлагал радикально ограничить, чтобы одна повозка приходилась на 36 солдат. На практике же количество подвод было вдвое-втрое больше (1 подвода на 12 или 18 солдат).

Необходимо отойти от схем, принятых в исследованиях по военной истории, где основными темами были стратегия и тактика, общая или частная организация вооружённых сил, состояние вооружения или конкретные операции всех родов войск на войне. Проблематика военного обоза, доставлявшего солдатам продовольствие и снаряжение, представляется существенно важной, так как от эффективного движения обозного транспорта в значительной мере зависели успехи линейных войск.

⁷⁶ Ibidem. S. 130.

⁷⁷ Ibidem. S. 40.

Дмитрий Юрьевич Гузевич
(Париж)

*Сотрудник Центра российских,
кавказских и центрально-европейских исследований
Школы высших социальных исследований*

Ирина Давидовна Гузевич
(Париж)

*Сотрудник Центра Мориса Альбвакса
Школы высших социальных исследований*

Французские инженеры — члены Петербургской Академии наук: Обзор архивов России и ближнего зарубежья¹

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые источниковедческие проблемы, встающие при изучении истории русско-французских инженерных связей и, в том числе, биографий ряда крупных французских инженеров и учёных, служивших в России: П. П. Базена [1], М. Г. Дестрема [1; 2], Б. П. Э. Клапейрона и Г. Ламе [3], А. Рокура де Шарлевиля [2; 4], Ж. Гаюи [2]. Все они входили в состав Петербургской Академии наук: четверо последних как члены-корреспонденты, Дестрем — почётный член; Базен имел оба эти звания.

¹ Все документы описаны исключительно de visu. Для уменьшения объёма перечисляемых материалов, при первом упоминании имён инженеров даны ссылки на наши работы о них, содержащие указания на большое число источников. Французские имена инженеров см. в прилагаемой таблице.

Указанные инженеры оставили после себя несколько сот научных трудов, добрую тысячу проектов, многие из которых были осуществлены; руководили ведущими строительными, проектными организациями (Базен был председателем Комитета для строений и гидравлических работ в Петербурге и Главным производителем работ Комиссии по построению Шлиссельбургских шлюзов; Дестрем стоял во главе Комиссии проектов и смет, в которую входили Ламе и Клапейрон; Базен и Дестрем руководили соответственно первым и вторым округами путей сообщения и т.п.), высшим техническим учебным заведением — Институтом корпуса инженеров путей сообщения (ИКИПС; Базен был его директором в 1824—1834 г.), Учёным комитетом путей сообщения (Базен — председатель, Дестрем и Ламе — редакторы по французской части), издававшим один из первых технических журналов в стране — Журнал путей сообщения (ныне — «Железнодорожный транспорт»).

Перечисленные деятели составляли своеобразное ядро, вокруг которого существовал ещё один круг (вторая группа) инженеров, быть может, не столь блестящих, но тем не менее оставивших след в науке, технике и педагогике России и Франции: А. В. Ганри, К. И. Потье [2], И. С. Резимон, С. И. Сеновер [5], А. Я. Фабр, В. П. Феррандин-Газан. Все представители этого круга инженеров были профессорами (а Потье в 1834—1836 — директором) ИКИПС. Помимо десятков построенных по их проектам сооружений, они создали множество учебников, литографированных курсов, отдельных статей.

Картина не будет полной, если мы обойдём вниманием ещё одну (третью по счёту) весьма многочисленную группу французских инженеров-практиков, занимавшихся в основном строительными работами в рамках Корпуса инженеров и Строительного отряда путей сообщения. Среди них можно назвать И. Я. Фабра, Е. О. Ташузена, Ф. Дюкуэдика [2], А. И. Резимона.

К четвёртой группе относятся деятели, хотя и не порывавшие связей с французской колонией, но в значительной степени обрусевшие: Л. Л. Карбоньер, Ф. О. Термин, Д. М. и В. М. Дестремы.

И, наконец, стоящая особняком пятая, очень немногочисленная группа инженеров и учёных, пришедших в Россию с армией Наполеона и проведших здесь, в плену, около двух лет. К ним относятся Глейз, преподававший в ИКИПС, и Ж.-В. Понселе, создавший в саратовском лагере для военнопленных, где он находился с марта 1813 по июнь 1814 г., новый раздел математики — проективную геометрию, и почти через полвека, в 1857 г., ставший членом-корреспондентом Петербургской Академии наук [6].

В предлагаемом обзоре речь пойдёт об уже обнаруженных материалах. Его общие хронологические рамки (в хранилищах России) — 1800-е — 1850-е гг. Поиски же потомков отодвинут верхнюю границу в наше время.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ввиду того, что все инженеры, относящиеся к первым четырём группам, служили в Корпусе инженеров путей сообщения (КИПС), основной массив документов о них сконцентрирован в фондах Главного управления путей сообщения, хранящихся в РГИА:

- ♦ фонд Экспедиции водяных коммуникаций (ф. 159, 780 ед. хр., 1809–1820);
- ♦ фонд Совета путей сообщения (Совета министра; ф. 199, 912 ед. хр., 1810–1917) содержит протоколы и журналы Совета, членами которого в разное время были Сеновер, Карбоньер, Базен, Потье, Дестрем;
- ♦ фонд Штаба КИПС (ф. 200, 9121 ед. хр., 1802–1871), в котором хранятся нормативные документы по КИПС, личные дела инженеров, материалы о их награждениях, формулярные списки (о Рокуре см.: оп. 1, д. 116);
- ♦ фонды Департаментов шоссейных и водяных сообщений (ф. 174, 9261 ед. хр., 1814–1914), путей сообщения (ф. 206, 4028 ед. хр., 1820–1842), хозяйственных дел (ф. 217, 1587 ед. хр., 1827–1871) и искусственных дел (ф. 218, 8300 ед. хр., 1814–1871) содержат дела по строительству и ремонту дорог, каналов, искусственных сооружений, публичных зданий и т. п., многие из которых велись под руководством интересующих нас лиц (в т. ч. с именем Рокура связано дело по Нарвскому мосту — ф. 206, оп. 2, д. 17);
- ♦ фонд Особенной канцелярии главноуправляющего (ф. 207, 8463 ед. хр., 1797–1867), в котором помимо данных о ремонтно-строительных работах хранится коллекция формулярных списков ведомства (формуляры Рокура — оп. 16, д. 100, Сеновера — оп. 16, д. 105, Резимона — оп. 16, д. 98; имеется именной указатель);
- ♦ фонд Комиссии проектов и смет (ф. 208, 176 ед. хр., 1822–1842), через которую проходили все проекты по Ведомству путей сообщения (в Комиссию в разное время входили Карбоньер, Потье, Ламе, Клапейрон, а Дестрем с 1828 г. был её бессменным руководителем. В журналах Комиссии мы мо-

жем встретить имена Рокура (оп. 1, д. 41, 42), Базена, Резимона, Сенонера. Здесь же имеется личное дело Дестрема (оп. 1 д. 13) и др.;

- ♦ фонд Комитета по изданию Журнала путей сообщения (ф. 210, 287 ед. хр., 1826–1843), в который в разное время входили Базен (председатель до 1834), Дестрем (председатель с 1834), Ламе, Карбоньер, Сенонер, Резимон, и через который прошли труды большинства из интересующих нас лиц;
- ♦ фонд Комиссии по устройству Шлиссельбургских шлюзов (ф. 164, 21 ед. хр., 1824–1867), Главным производителем работ которых являлся Базен;
- ♦ фонд Высочайших повелений и всеподданнейших докладов по ведомству путей сообщения (ф. 446, 499 ед. хр., 1797–1917);
- ♦ фонд Аудиториата (ф. 221, 978 ед. хр., 1811–1871), где могут храниться военно-судные дела Дестрема, Потье, Гаюи, а также А. Бодэ (презусом (председателем) комиссии в последнем случае был Базен);
- ♦ фонд Комиссии о построении Исаакиевского собора (ф. 1311, 2455 ед. хр., 1818–1865), в строительстве которого принимали участие Базен, Дестрем, Ламе;
- ♦ Коллекции чертежей шоссейных и водяных путей сообщения (ф. 1487, 16 442 ед. хр., 1798–1911) и гражданской архитектуры (ф. 1488, 5841 ед. хр., 1822–1850).

Дела, связанные с именами А. Фабра и Базена, занимавшихся одно время строительством Московского шоссе, могли сохраниться в фонде Военно-рабочей бригады путей сообщения (ф. 202, 99 ед. хр., 1816–1843); дела, относящиеся к М. Дестрему — в фондах Комитета и Строительной комиссии Петербурго-Московской железной дороги (ф. 248, 9 ед. хр., 1836–1842) и Департаментов: Первого (ф. 215, 64 ед. хр., 1840–1844), Второго (ф. 216, 474 ед. хр., 1840–1842), Хозяйственных дел (ф. 217, 1587 ед. хр., 1827–1871), Железных дорог (ф. 219, 25 990 ед. хр., 1842–1901) и Рассмотрения проектов и смет (ф. 220, 657 ед. хр., 1842–1865). Последним департаментом долго руководил Дестрем.

В генеральном каталоге РГИА есть именная картотека, а также хранящиеся в читальном зале картотеки: именная и предметная, являющиеся приложением к указателю Иогансен М. В., Маркова Н. Г. и Наспер Г. М. «Обзор документов по строительству Ленинграда, хранящихся в ЦГИА» (Л., 1963). В последней именной картотеке встречаются имена Базена и Дестрема (Дестрёма).

Ввиду близких связей КИПС и Академии художеств, в фонде последней (ф. 789, 30 620 ед. хр., 1757–1929, алфавитный указатель)

имеется ряд интересующих нас документов (о Базене: оп. 1, ч. II, д. 1536; о Гаюи — там же, д. 1108; материалы о Дестреме надо искать в делах за 1840 г., когда обсуждался вопрос об «Архитектурном училище корпуса путей сообщения»). Формулярные данные Дестрема хранятся в фонде Департамента герольдии (ф. 1343, оп. 37, д. 30696).

По Базему мы встречаем документы также в фондах: Кабинета Е.И.В. (ф. 468, оп. 35, д. 7, 9, 27, 132, 133, 139, 145, 155, 157, 270, 274), Гоф-интендантской конторы (ф. 470, оп. 1(86/520), д. 39), Коллекции планов и чертежей Министерства императорского двора (ф. 485, оп. 2, д. 1078, 1079), Дирекции императорских театров (ф. 497, оп. 1, д. 3553, 3616, 4112, 4644, 4680), Общей канцелярии министра финансов (ф. 560, оп. 4, д. 572, 737, 840; оп. 6, д. 761), Строительной комиссии Министерства финансов (ф. 562, оп. 1, д. 13, 14, 59), князей Кочубеев (ф. 971, оп. 1, д. 175), Департамента полиции исполнительной (ф. 1286, оп. 3-1824, д. 120; оп. 3-1825, д. 33), Коллекции карт, планов и чертежей Петербургского сенатского архива (ф. 1399, оп. 1, д. 684, 689–691, 695, 697), Собственной Е.И.В. канцелярии (ф. 1409, оп. 1, д. 3570), Коллекции карт, планов и чертежей, ведавших промышленностью, торговлей и финансами (ф. 1424, оп. 4, д. 470), а также Департамента народного просвещения (ф. 733, оп. 16, д. 139) и в различных делах фондов Временного комитета для перестройки Сенатского и Синодского зданий (ф. 1373, 202 ед. хр., 1829–1837) и Александро-Невской лавры (ф. 815, 33 808 ед. хр., 1713–1919), связанных со строительной деятельностью Базена.

Документы о Рокуре, строившем Стрельнинские водоспуски, возможно, имеются в фонде Стрельнинского дворцового правления (ф. 495, 5 768 ед. хр., 1788–1917).

Многие из интересующих нас инженеров достигли высоких чинов: С. Сеновер, И. Резимон и А. Фабр — генерал-майора (IV класс по Табели о рангах); П. Базен и К. Потье — генерал-лейтенанта (III класс); М. Дестрем и Л. Карбоньер были полными генералами (II класс). Особы первых трёх классов (реже — четырёх) бывали часто приглашаемы ко двору, и в этих случаях их имена могли появляться в камер-фурьерских журналах (ф. 516, 1 246 ед. хр., 1734–1917; о Карбоньере см.: оп. 120/2322, д. 103).

И, наконец, все французские инженеры должны были хотя бы раз пересечь границу, а значит их имена имеются в соответствующих ведомостях пограничных застав и таможен, хранящихся ныне в фонде Комитета охранения общей безопасности (ф. 1163, 193 ед. хр.; 1807–1829). Желательно также ознакомиться с фондом Комитета министров (ф. 1263, 6 005 ед. хр., 1802–1905), ибо в частично опубликованных журналах Комитета (СПб., 1888) некоторые интересу-

ющие нас имена встречаются неоднократно; с фондом (коллекцией) гербов, жалованных грамот, дипломов и патентов на чины (ф. 1411, 1 073 ед. хр., 1549–1917), в котором хранятся жалованные грамоты на дворянство (в частности, и на иностранцев, принявших российское подданство. Так, в Сводном указателе к общему гербовнику на с. 40 мы встречаем имя Дестрема), патенты на чины, дипломы членов различных обществ (не там ли ответ на вопрос: когда Базен был принят в члены Петербургского минералогического общества?), дипломы на ордена; с фондом Технико-строительного комитета МВД (ф. 1293, 34 699 ед. хр., 1768–1917); с фондом Капитула российских императорских и царских орденов (ф. 496, 6 522 ед. хр., 1713–1918); с фондом Кабинета архитектора Монферрана (ф. 502, 2 410 ед. хр., 1818–1927); с коллекциями Планов и чертежей по строительству железных дорог и искусственных сооружений (ф. 350, 57 620 ед. хр., 1836–1918) и Строительных планов и фотографий Синода (ф. 835, 2 369 ед. хр., XIX–XX вв.).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Для поиска могут быть использованы довольно полная именная и предметная картотеки.

Дела, связанные с именем Базена, хранятся в фондах:

- ♦ Канцелярии Военного министерства (ф. 1, оп. 1, д. 12106);
- ♦ Канцелярии начальника штаба Е.И.В. (ф. 35, оп. 4/245, д. 229; оп. 1/242, д. 2798);
- ♦ Канцелярии дежурного генерала Главного штаба Е.И.В. (ф. 36, оп. 7/850, д. 60, 60а);
- ♦ Инспекторского департамента военного министерства (ф. 395, оп. 271, д. 49);
- ♦ Главного штаба Е.И.В. по военным поселениям (ф. 405, оп. 2, д. 867, 1497, 3427; оп. 5, д. 207);
- ♦ Главного управления военно-учебных заведений (ф. 725, оп. 56, д. 2183, 5497, 5501, 5503; оп. 57, д. 29, 63, 64);
- ♦ Инженерного департамента Военного министерства (ф. 827, оп. 1, д. 929, 1954);
- ♦ Совета о военно-учебных заведениях (ф. 943, оп. 1, д. 128, 111, 187, 284);
- ♦ (Коллекции) Военно-ученого архива (ф. ВУА, оп. 1, д. 595).

Большое количество дел в фонде Главного штаба Е.И.В. по военным поселениям (ф. 405) связано с Александром Фабром и двумя его братьями, Иваном и Яковом (оп.1, д. 486, 506; оп. 2, д. 49, 631,

869, 880, 1330, 3170, 7131, 8543, 8884, 9072). В этом же фонде значительная часть дел посвящена Карбоньеру, формулярный список которого имеется в коллекции таковых (ф. 489, оп. 1, д. 7036).

Формулярный список А. Фабра хранится в фонде 395 (оп. 22, д. 438). О Потье и Гаюи говорится в ф. 405, оп. 2, д. 1415, а о Потье и Базене — в ф. 35, оп. 4/245, д. 208.

Дестрему посвящено несколько дел: ф. 827, оп. 1, д. 1804; оп. 2, д. 98. Письмо Рокура де Шарлевиля от 1827 г., очень важное для понимания обстановки в КИПС, хранится в фонде П. К. Сухтелена (ф. 93, оп. 1, д. 697); о Рокуре также см.: ф. 827, оп. 1, д. 892.

По нашему мнению, продолжение поисков в РГВИА должно вестись также в фондах: Иностранной экспедиции Канцелярии военной коллегии (ф. 16, 2 089 ед. хр., 1738–1812); А. А. Аракчеева (ф. 154, 957 ед. хр., 1711–1834); Управления генерал-инспектора по инженерной части (ф. 312, 5 566 ед. хр., 1818–1863); Коллекции карт и описаний водных сообщений (ф. 420, 927 ед. хр., 1701–1912) и путей сообщения (ф. 422, 2 530 ед. хр., 1771–1913) Российской империи; Коллекции материалов по истории Франции (ф. 440, 1 390 ед. хр., 1633–1916); Штаба войск Кавказской линии и в Черномории расположенных (ф. 13454, 5 444 ед. хр., 1772–1860), а также в фондах, вобравших в себя документы по реконструкции Охтинского порохового завода, и в фондах, связанных с пребыванием военнопленных французов.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ)

Довольно много дел, хранящихся здесь, раскрывают факты строительной деятельности Рокура де Шарлевиля, Дюкуэдика, Потье и Гаюи в 1820-е гг. на юге страны — в Николаеве, Севастополе, Одессе.

О Рокуре и Дюкуэдики см. фонды: А. С. Меншикова (ф. 19, оп. 1, д. 587); Строительного департамента (ф. 84, оп. 1, д. 137; оп. 2, д. 34); Канцелярии морского министра (ф. 170, оп. 1, д. 265); Управления Главного командира Черноморского флота и портов Чёрного моря (ф. 243, оп. 1, д. 1216, 1275, 1278, 1457, 1552, 1904, 1917, 2200, 2201, 2393), а также фонд Грейгов (ф. 8, оп. 1, д. 34 и др.).

О Потье и Гаюи см.: ф. 170, оп. 1, д. 265; ф. 243, оп. 1, д. 1216, 1278, 1457, 1917.

Документы о Базене хранятся в фонде 19 (оп. 1, д. 509); в фонде 84 (оп. 1, д. 501, 502, 598–602, 668, 754, 2272; оп. 2, д. 34, 41, 46 и др.); в фонде 170 (оп. 1, д. 215, 666; оп. 3, д. 183); в Графической коллекции Инженерного управления (ф. 3л, оп. 34, д. 3599, 3630, 3631;

оп. 35, разл. д. с 7739 по 7771); в Коллекции чертежей (ф. 326, оп. 1, разл. д. с 8430 по 8557).

Материалы о Дестреме осели в фонде 19 (оп. 1, д. 188; оп. 2, д. 82); в фонде 84 (оп. 1, д. 1253, 1840, 1841, 2747–2761 2788–2790, 2928, 2931, 2933, 2973 и др.); в фонде Департамента морского министерства (ф. 166, оп. 1, д. 3545); в фонде 243 (оп. 1, д. 2044); в фонде 326 (оп. 2, д. 599); в фонде Кронштадтского крепостного инженерного управления (ф. 1341, оп. 3, д. 22 и др.).

Ввиду того, что Карбоньер в последние годы жизни заведовал Строительным департаментом по морской части, его бумаги сохранились как в фонде департамента (ф. 84), так и во многих других (ф. 19, 170, 326 и др.).

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

В архиве имеется активно пополняемый предметный каталог — важное подспорье в поиске необходимых документов.

Основной массив документов, связанных с именами почти всех интересующих нас французов, хранится в фонде ИКИПС (ныне ПГУПС; ф. 381, 687+4224 ед. хр., 1809–1917). Описи фонда снабжены обширным именованным указателем, где встречаются имена Базена, Ганри, Дестрема с сыновьями, Клапейрона, Ламе, Потье, Резимона с сыном, Рокура, Фабра.

О Рокуре говорится в нескольких делах (оп. 13, д. 62, 76, 314, 3834); о Феррандин-Газане см.: оп. 13, д. 76, 79, 144 и др. С именем Базена связана значительная часть дел по ИКИПС за 1810–1823 гг. и подавляющее большинство дел за 1824–1834 гг. (а также: оп. 13, д. 3038, 3077 за 1870–1871 гг.), а с именем Потье — за 1835–1836 гг. и т. д.

Материалы по Базену надо также искать в фондах Комитета городских строений (ф. 823, 1794–1884, 288 ед. хр.), Правления Петроградского округа путей сообщения (ф. 921, оп. 91, кн. 2), Комитета для строений и гидравлических работ в Петербурге (ф. 1133, 1 850 ед. хр., 1822–1842); они имеются в фондах Петроградского университета (ф. 14, оп. 1, д. 3999, 4625), Петроградской городской управы (ф. 513, оп. 169, д. 321; оп. 101, д. 630).

Практически все французские инженеры были католического вероисповедания, поэтому материалы о них могут находиться в фондах католических религиозных организаций: Петербургского деканата римско-католических церквей (ф. 1822, 1824–1912, 86 ед. хр.) и самих Римско-католических церквей (8 фондов, 324 ед. хр., 1746–1923).

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

В фондах Конференции Академии наук (ф. 1, оп. 1, 1а: протоколы заседаний Конференции, оп. 2: протокольные бумаги) и в Коллекции рукописей трудов и отдельных документов, поступающих от разных учреждений и лиц в XIX и XX вв. (Разряд IV—Р.IV, оп. 1), в делах за разные годы неоднократно встречаются имена всех инженеров, ставших членами Петербургской Академии наук, а также тех, кто поддерживал с нею научные связи, присылал рукописи и книги. Это — Базен, Гаюи, Дестрем, Ламе, Клапейрон, Понселе, Термин, Феррандин-Газан. Их имена встречаются в именной картотеке, находящейся в читальном зале архива. Так, например, имя Рокура упоминается в следующих делах: ф. 1, оп. 1а, 1827, д. 38; 1829, д. 41; Р.IV, оп. 1, д. 23, 1826, 8 л.; д. 323, 1829, 26 л.

В фонде А. Н. Крылова имеются материалы о Ламе (ф. 759, оп. 1, д. 431), а в фонде Петербургского минералогического общества — о Базене, Ламе и Клапейроне (ф. 766, оп. 1, д. 4, 5).

Областные и республиканские архивы, архивы ближнего зарубежья

Французские инженеры, служившие в КИПС, вели работы практически на всей территории Российской империи. Нитями инженерной и научной деятельности, обстоятельствами личной жизни они были связаны со многими её городами, в том числе ныне оказавшимися за пределами России.

В Государственном историческом архиве Литвы, в фонде Вильнюсского университета мы встречаем материалы о приёме Базена в почётные члены университета (ф. 721, оп. 1, д. 228, 607, 1191).

В Государственном архиве Херсонской области, в фондах Новороссийской губернской чертёжной (ф. 14, оп. 2, д. 142) и Херсонской палаты Гражданского суда (ф. 191, оп. 1, д. 66) сохранились документы, связанные с биографией Потье и судьбой его имения Кларовка (Карловка).

В Государственном архиве Одесской области, в фондах Канцелярии Одесского градоначальника (ф. 2) и Одесского строительного комитета (ф. 59) мы встречаем материалы, освещающие деятельность Базена и Дестрема в Одессе и Херсоне в 1810—1812 гг. (ф. 2, оп. 5, д. 2; ф. 59, оп. 1, д. 55; оп. 3, д. 4). В этих же фондах (ф. 2, оп. 5, д. 7, 25, 33 и др.; ф. 59, оп. 1, д. 319; оп. 3, д. 143 и др.), а также в фонде Канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора (ф. 1, оп. 190, д. 40/1823, 14/1824, 62/1825, 65/1825 и др.) имеются документы о Потье и Гаюи.

Из ряда хранилищ, в которые мы посылали запросы о материалах, связанных с именами Базена, Дестрема, Потье и Фабра, пришли отрицательные ответы. Однако значение каждого из этих ответов различно. Так, отсутствие искомых материалов в Государственном архиве Республики Крым, наряду с некоторыми другими прямыми и косвенными аргументами, позволяет утверждать, что Базен и Дестрем, вопреки распространённой версии, не успели принять участия в проектировании Евпаторийского порта. Отсутствие документов в Иркутске, где инженеры пробыли 2 года и 4 месяца (1812–1815) в ссылке (Государственный архив Иркутской области и Иркутский государственный областной музей), объясняется гибелью архивов при пожаре в 1879 г. Иначе обстоит дело с Государственным архивом Ярославской области, в котором также не удалось найти соответствующих материалов — слишком кратковременно было пребывание всех четырёх инженеров в Ярославской губернии (ссылка в июле и августе 1812 г.). Однако надзор за ними вели местные власти и полиция, а это значит, что искомые документы неизбежно должны были сохраниться в соответствующих фондах, и требуется более детальный поиск².

Ведомственные и частные архивы

Особое внимание необходимо обращать на различные ведомственные архивы, которые можно разделить на четыре основные категории:

а) Технические архивы эксплуатационных и проектных организаций, связанных с объектами, создававшимися при участии интересующих нас лиц. В данном случае наиболее интересные материалы удалось обнаружить в архивах: петербургских Мостотреста (папки и исторические справки на различные гидротехнические сооружения, в т.ч. на мосты: Аларчин, Бумажный, Введенский, Гутуевский, Егерский, Елагины, Инженерные № 1 и 2, Каменноостровский, Лейтенанта Шмидта, Молвинский, Монастырский № 2, Нижне-Лебяжий, Ново-Калинкин, Ново-Каменный, Ново-Кирпичный, Садовый № 1, Шлиссельбургский и др.), Ленгипроречтранс (Историческая справка «Мало-Невский мост», 1967. № 12365), Леноблпроект (Отчёт «Петровский мост...», 1975), Зонального научно-исследовательского и проектного института жилищно-гражданских зданий — СПбЗНИиПИ (Отчёт «Исследование новых простран-

² В июне–июле 2017 г. более детальный поиск в архивах Ярославля по нашей просьбе провела Виктория Марсанова. Однако ей также не удалось найти никаких документов, касающихся французской четвёрки.

ственных конструктивно-тектонических систем в русской архитектуре второй половины XIX — начала XX в.» / Науч. рук. С. Г. Фёдоров. Л., 1984. № 1-Д-8).

б) Кладбищенские архивы, в которых находятся материалы о захоронениях. В частности, в ходе поиска могилы М. Дестрема, погребённого на Смоленском лютеранском кладбище, были обследованы архивы Смоленских кладбищ и Архив ЗАГС Санкт-Петербурга, Сектор по регистрации смерти № 2 (ул. Достоевского, д. 9). Особое внимание следует обращать на регистрационные книги, которые могут помочь в поиске генеалогических связей интересующих нас лиц.

с) Архивы различных управлений, инспекций, бюро и обществ по охране памятников. В них сконцентрировано большое количество рукописей (исторических справок, материалов к ним, диссертаций, отчётов, технических актов), паспортов, обмерных чертежей, проектов реставраций, фотоматериалов по объектам, создававшимся при участии французских инженеров. Интересные материалы, связанные, в основном, с именем Базена и, в меньшей степени, Дестрема, находятся в архиве бывшей Инспекции по охране памятников ныне — в Комитете по культуре) Ленинградской области (по комплексу Шлиссельбургских шлюзов) и в архиве КГИОПа (*Пиллявский В. И.* Троицко-Измайловский собор: Л., 1960. Н-1155; *Он же.* Творчество В. П. Стасова. Дисс. ... докт. архитектуры. Л., 1957, Н-1378—1380; *Фомичёв.* Материалы к паспорту церкви «Троицы». [Л.], 1938. Н-84; *Петрова Е. Н.* Здание [б.] Троицко-Измайловского собора. [Л.], 1947. Н-422/3; *Толстов М.* Отчёт о производстве реставрационных работ ... [Л.], 1956. Н-1023 и др.).

д) Архивы бывших паспортных столов жилищно-эксплуатационных контор, трестов и организаций, пришедших им на смену. Хранящиеся в них домовые книги содержат ценнейший генеалогический материал по советскому периоду. Изучение их является одним из немногих путей, позволяющих выявить недавно умерших или ныне здравствующих потомков интересующих нас лиц и, в конечном счёте, использовать материалы, имеющиеся в личных архивах. Так, в ходе поиска потомков М. Дестрема в 1980-х гг. были изучены домовые книги из архивов Трестов жилищного хозяйства № 2 тогда ещё Ленинского и Дзержинского районов Ленинграда и Домового эксплуатационного участка № 9 (ДЭУ-9) Бауманского района Москвы. В результате были получены новые данные о судьбе внучки Дестрема, писательницы А. Н. Волкович-Вель (Анны Величковской), и обнаружен тогда здравствовавший потомок — праправнучка Мориса Дестрема — Кира Алексеевна Колыско (Дестрем), предоставившая нам ряд фотографий.

Не должны оставаться вне сферы внимания также личные архивы, принадлежащие как потомкам интересующих нас лиц, так и отдельным исследователям, занимающимся смежной тематикой. Например, в ходе работы над книгой о П. Базене нами в той или иной степени были использованы материалы из личных архивов К. А. Дестрем, Е. Н. Краева, Ю. С. Крючкова, В. П. Лишевского, Г. И. Пахомова, Е. Н. Петровой, Т. А. Славиной, В. К. Шуйского, А. Е. Шнейдера и некоторых других.

Рукописные отделы научно-исследовательских институтов и библиотек

Кроме документов непосредственно архивного характера, в этом разделе будут рассмотрены и некоторые материалы исключительно библиотечного хранения (диссертации, литографированные издания и т.п.). В первую очередь необходимо отметить несколько биобиблиографических картотек: Б. Л. Модзалевского и дополняющие её картотеки Л. Б. Модзалевского и В. И. Саитова, картотеку С. А. Венгерова, хранящиеся в Пушкинском доме (Институте русской литературы РАН), и картотеку С. Д. Полторацкого, находящуюся в НИОР РГБ.

В Пушкинском Доме собран богатейший библиографический материал по интересующим нас французам. Что касается архивных документов, то в фонде Д. И. Хвостова (ф. 322) мы встречаем имена Карбоньера (№ 31) и Дестрема (№ 30, 74, 75, 76); богатые материалы о Дестреме и его потомках сохранились в фондах: его внучки А. Н. Величковой (ф. 44, № 1, 29, 33), «Русской старины» (ф. 265, оп. 2, № 887), К. В. Чевкина (ф. 518, № 1, 57). Однако наиболее любопытными, на наш взгляд, являются две записки П. П. Базена к А. П. Керн (Собрание П. Я. Дашкова, ф. 93, оп. 4, № 20).

В картотеке Полторацкого фигурируют имена Дестрема (ф. 233, 25, 9), Потье (ф. 233, 59, 11, л. 27), Клапейрона (ф. 233, 57, 17, л. 5–6). В НИОР РГБ имеется также письмо Дестрема С. Д. Киселёву (ф. 129, 16, 62).

В ОР РНБ хранятся три письма Дестрема: Ф. Л. Переверзеву (ф. 569, № 231), доктору Гассингу (ф. 124 (собрание П. Л. Вакселя), № 1495) и неустановленному лицу (ф. 124, № 1497).

Материалы о Базене имеются в фонде В. П. Стасова, в том числе в бумагах о постройке Троицко-Измайловского собора (ОР РНБ, ф. 737, № 10). Здесь же находится один из 4-х известных в настоящее время экземпляров так и оставшейся в рукописи книги П. Базена «*Mémoire sur les moyens de préserver les machines*», SPb., 1835 (ОР РНБ, Фр. F.IX. № 44. Подарочный экземпляр; предназначался

вел. кн. Михаилу Павловичу). Три других хранятся: один — в библиотеке ПГУПС (Г.ІV.30) и два — в Париже (в Национальных архивах — ANF, 320 AP¹, и в частном архиве).

В отделе эстампов РНБ находятся портреты Базена, Сенонера, Ламе (Э осн./56-(3-4); Э Ров ГП/3-С 314 П; Э Ал П_{/3-146/2}); в библиотеке ПГУПС хранится гравированный портрет Дестрема (21929). Они не имеют датировок. Для восполнения этого пробела требуется проведение анализа с использованием данных униформистики. Таким образом, например, удалось установить, что оригинал портрета Базена был создан между маем и октябрём 1834 г.

Особую группу рукописей составляют диссертации, обязательный экземпляр которых хранится в РГБ (филиал в Химках). В то же время экземпляры диссертаций имеются и в других библиотеках, чаще всего связанных с теми учреждениями, в которых проходила защита. Ниже мы назовём некоторые из известных нам работ, в которых упоминаются имена интересующих нас французских инженеров, с указанием мест хранения:

Воронин М. И. Исследование становления и развития транспортной науки и техники в области изысканий и проектирования железных дорог от их возникновения до начала социалистической индустриализации в СССР: Дисс. ... докт. техн. наук. Л., 1973. 2 т. (РГБ, Дд^{76-5/134}; НТБ ЛИИЖТа, С. 19307р);

Воронина М. М. Становление прикладной механики в России (пер. пол. XIX в.): Дисс. ... канд. физ.-мат. наук. М., 1980. 165 с. (РГБ, Дк.^{80-1/982}; библиотека ИИЕТ АН СССР, В-75);

Зильберминц Л. В. Возникновение технического журнала в России (1825—1830): Дисс. ... канд. педагогич. наук. Л., 1947. [252] с. (РГБ; РНБ, Б^{Б200/3.615}).

Калмыков И. Я. История развития и некоторые современные вопросы мостовой техники: Дисс. ... д-ра техн. наук. Б.м., 1947. 744 с. (РГБ, Дд.^{50-5/3});

Лишевский В. П. Развитие механики нити: Дисс. ... канд. физ.-мат. наук. М., 1983 (РГБ);³

Лоханов Г. И. Творчество архитектора В. И. Беретти (1781—1842): Дисс. ... канд. архит. Л., 1979. 2 т. (РГБ);⁵

Пилявский В. И. Творчество В. П. Стасова; Дисс. ... д-ра архит. Л., 1957. 5 т. (РГБ, Дд^{58-18/1}; архив КГИОП);

³ Мы пользовались экземплярами, которые любезно предоставили нам авторы, В. П. Лишевский и Г. И. Лоханов.

Пунин А. Л. Архитектура мостов: Эволюция стилистических особенностей от античной эпохи до начала XX века и архитектурно-художественные проблемы современного зарубежного мостостроения: Дисс. ... д-ра искусствовед. Л., 1984. 4 т. (РГБ; библиотека Академии художеств).

Богатая коллекция материалов о французских инженерах находится в библиотеке ПГУПС. Существует каталог «Рукописный фонд библиотеки ЛИИЖТа», составленный И. В. Шкляр (Л., 1969),⁴ в именном указателе которого (с. 150–159) можно найти ссылки на материалы и личные рукописи Базена (14 ед. хр., в т.ч. 1 ед. хр. утеряна полностью после 1979 г. и 2 — частично (пояснения см. далее)), Дестрема (12 ед. хр.), Ламе (9 ед. хр.), Клапейрона (4 ед. хр.), Гаюи (2 ед. хр.), Сенювера (1 ед. хр.).

Что касается А. Рокура, то в ПГУПС сохранились бумаги, связанные с его проектами защиты Петербурга от наводнений: Мнение комиссии проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий о проектах предохранения С.-Петербурга от наводнений. СПб., 1824–1838. Л. 135–152 (6–23), 195–205 (27–38), 221–226 (55–60). 18511; Планы и чертежи к проектам предохранения С.-Петербурга от наводнений. СПб., 1824–1825. Л. 4, 5, 7, 22. 19431; Дело с проектами и планами о предохранении С.-Петербурга от наводнений. СПб., 1838. 86 л. 18512. В ПГУПС хранятся также проекты адмиралтейства, казарм, обсерватории, госпиталя, доков и других сооружений, выполненные Рокуром для Николаева и Севастополя (*Viollier G. Travaux maritimes des ports de la mer Noire. Projets faits par ... Raucourt de Charleville. S. 1. 1823. 50f. dess. squar. 7213*)⁵.

Кроме того, имя Рокура встречается в отчёте П. П. Мельникова о путешествии по Европе в 1837 и 1838 г. (ч. III (или Т. 2): «Франция». С. 15, 309. 8393), а один его чертёж госпиталя, по-видимому, в атласе к этому отчёту (6105) и в отчёте Базена (*Observations relatives à l'art des constructions. 1837. P. 453–458. 8300*).

Упоминания о Базене, Дестреме, Потье, Сенювере, Гаюи, Глейзе и некоторых других деятелях имеются в: Подлинных высочайше утверждённых докладах (Бетанкура) и рескриптах императора Алек-

⁴ В библиотеке ПГУПС эта книга в своё время была причислена к служебной литературе и читателям не выдавалась (так же как был закрыт в 1985 г. алфавитный каталог старых книг, и проведены строительные работы для прекращения к нему доступа читателей). Экземпляры книги Шкляр имеются в РНБ, библиотеке СПбФ ИИЕТ РАН и др. В библиотеке ПГУПС хранятся также рукописи И. В. Шкляр, много лет собиравшей материалы, связанные с деятельностью П. Базена. В каталоги они не включены и исследователям не выдаются.

⁵ В своё время нам отказали в праве ознакомиться с этими чертежами.

сандра I к бывшему инспектору Института генерал-лейтенанту Бетанкуру с 1813 по 1819 год. (СПб. 128 с. 5331); Мемуарах А. И. Штукенберга (СПб., 1836. Т. 1. Разные страницы с 95 по 176. 21994); Журналах Конференции ИКИПС за 1836–1839 гг. (КР.IV.42–45); Исторических сведениях об основании Института (После 1842; КР.IV.49), а также в упомянутых выше отчётах Мельникова.

Работы А. Фабра не выделены в указателе каталога И. Шкляр, однако его чертежи сохранились в Бумагах по инженерной части А. Ф. Львова 2^{го} (З.IX.17).

Весьма важным представляется изучение судеб интересующего нас рукописного наследия, путей, которыми оно попало в те или иные хранилища, и дат. В отношении библиотеки ПГУПС богатые материалы на эту тему хранятся в ЦГИА СПб (ф. 381). Однако ответить на все вопросы без изучения регистрационных книг, находящихся в самой библиотеке и недоступных исследователям, не всегда возможно.

К сожалению, ряд рукописей в библиотеке ПГУПС был утерян в первой половине 1980-х гг. (см. Распоряжение директора НТБ ЛИИЖТа № 1 от 25.4.1985 и Докладную записку директора НТБ ректору ЛИИЖТа Е. Я. Красковскому от 12.11.1986), из которых нам известны: *Bazaine*. *Projet de pont mobile et submercible*. Odessa, 1811. 3f. (22009); Книга Института КИПС на записку прихода и расхода моделей машин и орудий. СПб., 1836; 92 листа из 366-ти, хранившихся в двух альбомах Базена «*Travaux projetés et exécutés*». Pt. I, II (18560, 18561). Также не удалось получить (хотя они, по-видимому, сохранились) подписанные Базеном классные рапорты за 1830 г. (С.VIII.29) и чертежи Рокура (*Viollier G. Travaux maritimes des ports de la mer Noire. Projets faits par ... Raucourt de Charleville*. S. 1. 1823. 50f. dess. squar. 7213), а некоторые дела (Дело с проектами и планами о предохранении С.-Петербурга от наводнений. СПб., 1838. 18512) выдавались в виде отрывочных копий с искажёнными выходными данными или на негативных пленках (*Lamé P. Sur la démonstration du Théorème de Taylor*. SPb., 1826. P.IV.22.).

Завершая разговор о библиотеке ПГУПС⁶, упомянем о литографированных учебных курсах. Они издавались малыми тиражами; часть курсов не обнаружена до сих пор, а некоторые выявлены лишь в этой библиотеке: *Мельников П. П.* Записки практической механики ([1838]. 9887; экземпляр не полный; о Базене см. л. 137–139, 152–155); *Clapeyron B. P. E.* *Précis du cours d’Astronomie ...* (SPb., 1828.

⁶ В библиотеке имеется также ряд рукописей, подготовленных сотрудниками тогда ещё ЛИИЖТа и связанных с рассматриваемой тематикой, но крайне неравноценных по научному уровню.

22004); *Ibidem*. Leçons de mécanique appliquée (SPb., 1828. 9196); Résimont J. Précis du cours de minéralogie... (SPb., 1828. 21946).

Поэтому так важен их поиск в других библиотеках и хранилищах. Например, в РНБ в фонде Россики удалось обнаружить труд Ганри «Cours de Construction à l'usage de l'institut des voies de communication» (SPb., 1827. [Непгу]. В7/160 и 15а.51.1.4).

Безусловной ценностью обладают маргиналии на печатных изданиях. Так, на экземпляре «Mémoire sur la théorie du mouvement...» (SPb., 1817) Базена, хранящемся в отделе редкой книги РГБ, имеется дарственная надпись Н. П. Румянцеву (МК XIX/40 ин.В), а на экземпляре «Mémoires sur les objets relatifs à la science de l'ingénieur» (SPb., 1825) Дестрема, хранящемся в РНБ (5.4.2.17.), — Н. И. Гречу, которого Морис Гугович называет «почтенным другом». Таким образом, известный нам круг общения обоих инженеров пополняется новыми, интересными фигурами.

Музеи

В Государственном музее истории Санкт-Петербурга собраны богатые материалы по истории застройки города. В них достаточно широко представлена градостроительная и архитектурная деятельность Базена, Дестрема и, в меньшей степени, других инженеров. В частности, к Рокуру имеет отношение лишь одно дело (1-А, № 4384-и, с. 258–274, 651), в котором содержатся данные о защите Петербурга от наводнений, в основном повторяющие те, что хранятся в библиотеке ПГУПС.

В Научно-исследовательском музее Академии художеств хранится чертёж за подписью Базена, связанный с проектированием Московских триумфальных ворот в Петербурге (А-942).

В Центральном музее железнодорожного транспорта массив интересующих нас материалов весьма обширен. Начнём с того, что там имеется писанный маслом портрет М. Г. Дестрема, приобретённый, по-видимому, в 1903 г. (См. ПД, ф. 265, оп. 2, № 887, л. 3).

В фонде альбомов хранятся «Четыре чертежа Московского экзерциргауза» Базена (ФА, № 1307^(10/2-2)).

Наибольшее богатство музея составляют его модели, при работе с которыми большую помощь может оказать рукописный «Каталог фондов моделей, макетов и натуральных экспонатов» В. П. Здешнева (под общей редакцией Г. П. Закревской. Л., 1985).

К Базену имеют отношение различные модели мостов (ФМ, № 42, 51, 54, 58, 218, 226, 429), стропил Александринского театра (ФМ, № 107) и экзерциргауза (ФМ, № 595); к Фабру — модели мостов ч/пр.

Малую Неву, Мшагу, Лажитовский ручей (ФМ, № 40, 48, 49), мостового плашкоута (ФМ, № 330), стропил экзерциргаузов (ФМ, № 329, 353), к Рокуру — модели Нарвского моста (ФМ, № 44, 45).

К сожалению, нам пока не удалось выяснить судьбу и местонахождение моделей ряда гидротехнических сооружений и перекрытий, в основе которых лежат проекты Базена и которые исчезли из музея после революции.

Не ясна также судьба скульптурного портрета П. Базена (бюста), переданного его вдовой в 1839 г. в дар ИКИПС. Впрочем, Александрина-Стефания Базен привезла из Парижа в Петербург ещё несколько бюстов своего покойного мужа. Один был подарен вел. кн. Михаилу Павловичу, а другой — близкому другу Базена, человеку удивительной судьбы — Я. И. Ростовцеву. Быть может, хотя бы один из них сохранился и осел в фондах Эрмитажа или Русского музея?

В архиве департамента артиллерии ВИМАИВиВС, в коллекции чертежей (ф. 27, оп. Р0-2, д. 88, 95, 96 и др.; оп. Картотека ОПЗ, разные дела) и в коллекции документов, поступивших из библиотеки ВИМАИВиВС (ф. 57, оп. 1, д. 30), хранятся дела, освещающие деятельность Базена по реконструкции Охтинского порохового завода.

Материалы на эту тему (натурные экспонаты, фотокопии документов и т.д.) сконцентрированы также в МОНПО «Пластполимер». Здесь же имеются документы, освещающие дальнейшую судьбу построенной по проекту и под руководством Базена плотины на Охте (МОНПО, ф. Д-265, Союзводоканалпроект, чертежи).

В заключение остановимся на фондах Центрального военно-морского музея, в котором имеются две модели землерыхлительного судна с аппаратом некоего Базена (№ 401, 402). Упоминания об этом встречаются в литературе о музее (например, Краткий каталог Морского музея. 2-е изд. СПб., 1887. С. 41). Однако этот аппарат изобретён инженером Bazin'ом, который даже не является однофамильцем П. П. Базена (Bazaine).

В целом, интересующий нас иконографический материал (портреты; архитектурная и инженерная графика; виды городов с изображением объектов, в создании которых принимали участие французские инженеры) мог осесть практически в любом художественном, краеведческом, техническом и т. п. музее, в котором имеются соответствующие фонды.

Чтобы не быть голословными, приведём пример. Богатейшие материалы по истории Тихвинской водной системы (более 2,2 тыс. ед. хр.) находятся ныне... в доме-музее Н. А. Римского-Корсакова (г. Тихвин), сотрудники которого спасли их когда-то от унич-

тожения, заботливо сохранили и описали. Ну, а в фондах музея производственного объединения «Севастопольский морской завод им. С. Орджоникидзе» хранится макет наливных сухих доков, основной проект которых принадлежит Рокуру.

Натурные объекты

Значительная часть перечисленных выше материалов, которые могут быть использованы в качестве источников при создании научных биографий французских инженеров, работавших в России, относятся к движимым памятникам науки и техники: письменным, изобразительным, вещественным. Однако вне нашего внимания остались натурные объекты — недвижимые памятники, ценнейшие источники при исследованиях в области истории техники, науки, архитектуры. Мы имеем в виду каналы, дороги, мосты, набережные, плотины, шлюзы; гражданские, общественные и церковные здания; крупные перекрытия; малые архитектурные формы (решётки, фонари и т. п.).

Так, в книге о Базене нами были использованы материалы, полученные в ходе обследования более чем 60 натуральных объектов. Опыт работы показал, что без натурального изучения конструкций и сооружений невозможно разобраться во многих конфликтах той эпохи, возникавших между инженерами и архитекторами. Базен, Дестрем, Потье, Рокур, Гаюи, Карбоньер и некоторые другие были их активными участниками и при этом часто оказывались по разные стороны баррикад. В частности, такие разногласия возникали в связи со строительством Исаакиевского собора, перекрытий Александринского театра, Троицкого собора и т.д. Восстановить реальную картину событий без натурального изучения объектов и сопоставления полученных данных с письменными и изобразительными источниками было бы практически невозможно.

Особую категорию недвижимых памятников составляют захоронения, надгробия, мемориальная скульптура. К сожалению, за прошедшие десятилетия кладбища понесли невосполнимый урон. С лица земли исчезли сотни тысяч захоронений. Впрочем, они продолжают исчезать и ныне. Иногда мы шли буквально «по горящим следам». Так, могилу М. Дестрема на Смоленском лютеранском кладбище, хотя и с разграбленным надгробием, ленинградский исследователь А. В. Позднухов видел ещё в 1983 г. Но уже в 1984—1986 гг. предпринятые нами попытки её обнаружить результатов не дали.

Заключение

Основную массу описанных документов и объектов авторы выявили ещё в 1980-е гг., когда работали в СССР над биографией П.-Д. Базена [1], и в 90-е годы во время регулярных приездов в Россию. Именно в эти два десятилетия были наработаны методы, которые позволили значительно расширить источниковую базу исследований. Во-первых, это разработка методологии поиска копий или дублей документов, если хранилище, в котором находятся оригиналы, по каким-либо причинам устраивает обструкцию исследователю (так, в разных архивах и в частных коллекциях нами были выявлены другие экземпляры всех сколько-нибудь важных документов, которые нам отказывались выдавать в библиотеке ПГУПС — тогда ещё ЛИИЖТа). Затем, перефразируя Парацельса, формулирование основополагающего принципа «Всё есть источник, надо только уметь с ним работать». Отсюда — предельно широкий охват хранилищ и частных архивов, максимально возможное использование специальных⁷ исторических дисциплин (униформистики, фалеристики, нумизматики, сфрагистики, некрополеведения, исторической метрологии и др.) и таких групп первоисточников, как натурные объекты, топографические объекты, трасса. А также налаживание широких контактов и привлечение к работе других исследователей в самых широких пределах — от получения материалов и помощи в расшифровках документов до приглашения их в соавторы работ. Опробовано всё это в широком масштабе было уже за пределами России.

Если при работе над книгой о Базене в 1984–1988 гг. мы провели поиск более чем в 60 хранилищах (в основном, советских) и привлекли к работе более 40 исследователей, имена которых указали в предисловии к книге и примечаниях, то сейчас число хранилищ, в которые мы обращались, превышает две сотни в 15 странах. Соответственно, в несколько раз увеличилось и число лиц, с которыми мы сотрудничаем.

Такое объединение особенно эффективно при разработке биографий лиц или являющихся «гражданами мира», как Августин Бетанкур, или просто оставивших свой след в большинстве европейских стран, как Пётр I.

Обобщение полученного опыта вылилось в предложение по новой классификации первоисточников [7]. Авторы не питают ника-

⁷ Мы категорически возражаем против распространённого термина «вспомогательные дисциплины», ибо каждая из перечисленных ниже дисциплин вполне самостоятельна, и для каждой из них все остальные могут рассматриваться в качестве «вспомогательных», начиная с общей истории.

ких иллюзий в отношении того, что эта классификация будет где-либо принята, но должны заметить, что она очень эффективна в работе.

Описанные в данной статье материалы легли в основу не только книги о Базене [1], но и в диссертацию одного из авторов статьи [8], а позднее ещё и в основу целой серии монографий и статей — об истории технических наук [9], о Ш. Потье [2], о Г. Ламе [3] и др.⁸ Правда, в двух последних уже широко использовались западные источники, в т.ч. и из частных архивов. А сейчас завершается монография о Бетанкуре.

Очень надеемся, что этот обзор, как и идеи, высказанные в связи с ним, окажутся полезными для любого, кто в дальнейшем займётся таким сюжетом, как циркуляция технических и научных знаний между Францией и Россией, какую бы форму ни приняло это исследование — от биографий конкретных лиц, истории учреждений и отдельных дисциплин до работ обобщающего характера.

Что касается авторов статьи, то они надеются закончить свои изыскания по этой теме как раз такой обобщающей монографией «Парижские политехники в России: Коллективный портрет социальной группы».

Работы авторов, в которых имеется большая библиография и списки первоисточников по сюжету

1. *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Базен Пётр Петрович (1786–1838). СПб.: Наука, 1995. 240, 4 с.
2. *Они же, Елисеев Н. А.* Карл Иванович (Шарль Мишель) Потье: 1785–1855: Третий директор Института Корпуса инженеров путей сообщения / Науч. ред. *В. Е. Павлов*. СПб.: Наука, 2012. 491 с.
3. *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Габриэль Ламе в России, или Один из ликов Януса / Науч. ред. *В. Е. Павлов*. СПб.: Полтораки, 2015; *Gouzévitich D., Gouzévitich I.* Gabriel Lamé à Saint-Pétersbourg: 1820–1831 // SABIX: Bulletin de la Société des Amis de la Bibliothèque de l'École polytechnique (Palaiseau). № 44. 2009, oct. P. 20–43.
4. *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д., Верен Э., Гийерм Ж.* «Господин Рокур, которого я люблю ...»: Антуан Рокур де Шарлевиль: К 200-летию со дня рождения // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 76–88; *Gouzévitich D., Gouzévitich I.* Note de l'ingénieur-colonel Raucourt de Charleville concernant des voies de communication en Russie / Avec la particip. de *W. Bérélowitch* // Cahiers du monde russe. 1996, oct.-déc. T. 37, n°4. P. 479–

⁸ В настоящее время также готовится и должен в январе 2018 г. выйти из печати № 62 журнала SABIX, посвящённый А. Фабру.

- 504; *Idem*. Les projets de Raucourt pour les ports de la Mer Noire // Cahiers d'histoire et de philosophie des sciences (Paris). № 51. 2002. P. 141–162.
5. *Gouzévitich D., Gouzévitich I.* Etienne-François de Sénovert, traducteur en français des oeuvres de J. Steuart: Trois volets d'une vie: 1753–1831 // James Steuart en 1995: Colloque International (14–15–16 septembre 1995, Musée de la Révolution française, Château de Vizille): [Textes des communications]. [Grenoble, 1995]. 1, 22 p.
 6. *Idem*. La guerre, la captivité et les mathématiques // SABIX. 1998, juin. № 19: [Jean Victor Poncelet]. P.31-68; *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Война, плен и математика // Историко-математич. исследования. II сер., вып. 4 (39). 1999. С. 189–230; *Они же.* И вновь о Понселе // Там же. II сер., вып. 7 (42). 2002. С. 291–301.
 7. *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Группы первоисточников и соотношение «архива» и «библиографии» в историческом исследовании // Материалы Международного библиографического конгресса (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2010 г.). СПб.: РНБ, 2012. С. 35–45.
 8. *Гузевич Д. Ю.* Развитие мостостроения в России в XVIII – первой половине XIX века и проблемы сохранения и использования творческого наследия отечественных мостостроителей: Дисс. ... канд. техн. наук. 3 т. Л., 1990.
 9. *Они же.* Становление системы научно-технического знания и профессиональной деятельности во 2^{ой} половине XVIII – начале XIX века. СПб., 1998. 112 с.; *Формирование и развитие технических наук в 20^е–70^е годы XIX века.* СПб.; Paris, 2001. 105, 8 с. (Очерки истории технических наук. Ч. 3 и 4).

Список сокращений

- АВПРИ МИД РФ — Архив внешней политики Российской империи
Архив СПбИИ РАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)
- ВЭО — Вольное экономическое общество
- ГАВО — Государственный архив Воронежской области
- ГТГ — Государственная Третьяковская Галерея
- ГУПСиПЗ — Главное управление путей сообщения и публичных зданий
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ИАХ — Императорская Академия художеств
- ИЖСА — Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина
- ИИЕТ — Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
- КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга
- КИПС — корпус инженеров путей сообщения
- КР РИИИ — Кабинет рукописей Российского института истории искусств
- ЛО СА — Ленинградское отделение Союза архитекторов
- МАРХИ — Московский архитектурный институт (государственная академия)
- МВД — Министерство внутренних дел
- МИД — Министерство иностранных дел
- МИДв — Министерство императорского двора
- МОНПО — Музей Охтинского научно-производственного объединения «Пластполимер»
- МФ — Министерство финансов
- НИМ РАХ — Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств
- НИОР БАН — Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки РАН

НИОР РГБ	— Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	— Народный комиссариат государственной безопасности
НКВД	— Народный комиссариат иностранных дел
НТБ	— Научно-техническая библиотека
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПГУПС	— Петербургский государственный университет путей сообщения, старые названия: ИКИПС, ЛИИЖТ, ПИИТ, ПУПС
ПиБ	— Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1-е
РАН	— Российская академия наук
РБС	— Русский биографический словарь
РГА ВМФ	— Российский государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РОПиТ	— Русское общество пароходства и торговли
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований
Сб. РИО	— Сборник Императорского русского исторического общества, издание
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
СПбФ ИИЕТ РАН	— Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
ТЕО Наркомпроса	— Театральный отдел Народного комиссариата просвещения
ЦГА СПб	— Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет

Указатель имён

- Aiguillon Marie-Madeleine de Vignerot d' (1604–1675), племянница кардинала Ришельё, писательница, хозяйка домашнего салона — 184
- Alain Viala — см. Ален Виала
- Anderson R. C. — 27
- Androsov S. — см. Андросов Сергей Олегович
- Antal Geza, von* (1866–1934), нидерландский историк — 15
- Appleby John. H.* — 28
- Bachtin Nicolas — см. Бахтин Николай Михайлович
- Vagrow Leo* — см. Вагров Лев Соломонович
- Bańkowski Piotr* (1885–1976), польский историк литературы, архивист — 468
- Barante, de — см. Барант Проспер, де
- Bardin Étienne Alexandre* (1774–1841), французский воен. историк, почётный бригадный генерал — 470
- Barnard Toby* — 32
- Bartlett Roger P.*, американский историк — 140
- Bartoli Pietro Santi (1635–1700), итальянский гравёр и худ. — 324
- Vauditz Ove — см. Баудиц Уве
- Vazaine — см. Базен Пётр Петрович
- Vazin, инж. — 498
- Bednaruk Waldemar* (р. 1972), польский юрист, историк — 467, 469
- Bencard Mogens* (р. 1930), датский историк искусства — 246
- Bernoulli Johann — см. Бернулли Иоганн
- Besançon A.* — см. Безансон Ален
- Bialuschewski Arn*, исследователь раннего Нового времени, специалист по истории пиратства, работорговли — 30
- Biriukova Nina* — см. Бирюкова Нина Юрьевна
- Boeseman Marinus* (1916–2006), голландский ихтиолог — 360
- Boislisle Arthur, de*, французский историк — 348, 351
- Bonsdorff Carl Gabriel, von* (1862–1951), финляндский историк — 256, 259
- Bosc Jaques, du* — см. Боск Жак, дю
- Bouvet Révérend Péré* — см. Буве
- Bratkowski Stefan* (р. 1934), польский историк — 471
- Braun Léopold — см. Браун Леопольд
- Bruce M. W.* — 27
- Brucour Charles-Francois Olivier Rosette chevalier, de — см. Брюкур Шевалье, де
- Buchet Pierre-François* (1679–1721), французский историк — 351
- Buvat Jean* (1660–1729), французский мемуарист — 351–352
- Campardon Emile* (1837–1915), французский историк, архивист, писатель — 351–352
- Chambers V.* — 357–358
- Chance J. F.* — 28
- Chantreau Pierre Nicolás* (1741–1808), французский историк, журналист — 473

¹ Курсивом выделены авторы публикаций, чьи имена встречаются только в ссылках. Жирным шрифтом выделены номера страниц авторов данного сборника.

- Charon Annie*, историк книги — 406
- Chenaye-Desbois François-Alexandre Aubert, de La* (1699–1784), французский историк — 474
- Clareuon В. Р. Е. — см. Клапейрон
- Бенуа Поль Эмиль
- Collis R. (Коллис Роберт)*, специалист по истории России XVIII в. — 27–28
- Cordey Jean*, французский историк — 348
- Coroban C. (Коробан Костел)*, историк — 27
- Cras Jérôme*, архивист — 406
- Crousaz Adolf Friedrich Johannes, von* (XVIII–XIX вв.), военный историк, майор прусской армии — 469
- Cruikshanks E. (Крюйскхэнкс Эвелин; р. 1926)*, исследователь политической истории Великобритании XVII–XVIII вв. — 30, 32
- Cussy chevalier, de* (1795–1866), французский дипломат — 60
- Delmas Bruno* (р. 1941), французский архивист — 406
- Delphine Denis* — см. Дельфин Дени
- Dens Jean-Pierre* — 180
- Dickson W. K. (Диксон Уильям Кирк; 1860–1949)*, шотландский юрист, писатель — 27
- Djuvara Neagu* (р. 1916), румынский историк, философ, писатель, дипломат — 75
- Drakenlordh Rikard (Дракенлорд Рикард; р. 1967)*, специалист по истории международных отношений XVIII в. — 30–31
- Du Hamel Jean-Baptiste — см. Дюамель Жан-Батист
- Dubois de Saint-Gelais Louis-François* — см. Дюбуа де Сан-Желен Луи-Франсуа
- Dulac Georges* (р. 1935), французский научный редактор и издатель — 468
- Erskine-Hill H. (Эрскин-Хилл Ховард; 1936–2014)*, британский литературовед — 30
- Faret Nicolas — см. Фаре Николая
- Fedosov D. G. (Федосов Дмитрий Геннадьевич; р. 1962)*, специалист по истории Шотландии и русско-британским отношениям — 29
- Fenaille Maurice* (нач. XX в.), французский искусствовед — 390
- Fenlon Jane* — 32
- Féraud Jean-François* (1725–1807), французский иезуит и грамматик — 165
- Feuquiéге A. de Pas, de — см. Фёкьер Антуан де Па, де
- Fontana Carlo* (1634 или 1638–1714), итальянский архитектор — 324
- Forti Grazzini Nello*, искусствовед — 359
- Fox E. T. (Фокс Эд (Эдвард); р. 1978)*, музейный работник, специалист по истории Великобритании XVII–XVIII вв. — 30–31
- Franz Maciej* (р. 1969), польский историк — 467
- Fritz P. S. (Фриц Пауль С.)*, специалист по британской истории XVIII в. — 28
- Furman Michał*, польский историк — 471
- Gaillardet F. — см. Гайярде Фредерик
- Gdański Jarosław*, польский историк — 468
- Gercais Petre (нач. XIX в.), преподават. фр. яз., уроженец Франции, офицер польской армии, с 1794 на русской службе — 158
- Germiny Marc, de* (1860–19??), гр., воен. историк — 60
- Girault René* — см. Жиро Пене
- Gleason Abbott* (1938–2015), американский историк — 167
- Gorguet-Ballesteros Pascale*, французский историк — 351
- Grimm Ulrike*, немецкий историк — 246
- Guichen E., de* (нач. XX в.), историк — 15
- Guizot F. — см. Гизо Франсуа
- Haase Gisela*, немецкий историк искусства — 246
- Halfond Irwin* (р. 1944), американский историк — 74

- Henry Christophe* — 355
Holthuis Lipke Bijdeley (1921–2008), голландский карцинолог — 360
Hoogmoed Marinus Steven, зоолог — 360
- Jarry Madeleine* — см. Джарри Мадлен
Jaszczuk Kamil, польский историк — 467, 469
Jordan Claude, историк — 346
- Karp Serguei* — см. Карп Сергей Яковлевич
Kaufmann Eugen (нач. XX в.), немецкий экономист — 122
Kéralio Louis-Félix Guinement, de — см. Кералио Л.-Ф. Гинемо, де
Khmelevskikh Iryna — см. Хмелевских Ирина Васильевна
Kisiel Robert (р. 1964), польский воен. историк — 476
Klatte Gerlinde, немецкий историк — 354, 358–363
Köhlin Harald (сер. XX в.), историк — 262
König Anton Balthasar (1753–1814), немецкий историк и генеалог — 469–470
Korczyński Michał (р. 1964), польский историк — 473
Kourakine N. — см. Куракина Наталья Ивановна
Krokosz Paweł — см. Крокош Павел
Kürbis Holger, немецкий историк — 359–360
- Lagrave Henri*, французский историк — 347, 349
Lamé G. — см. Ламе Габриэль
Le Goff Armelle, французский архивист — 406
LeDonne John P., американский историк — 167
Lekhovich Tatiana — см. Лехович Татьяна Николаевна
Lenman V. (Leman Брюс Филип), специалист по истории британской экспансии и политической истории Великобритании XVI–XVIII вв. — 28
- Lever Maurice* (1935–2006), французский историк литературы — 352
Lincoln M. (Линкольн Маргарет), военно-морской историк — 30
Lisowski Witold, польский историк — 470
Łopatecki Karol — см. Лопатецкий Карол
Lortholary A. — см. Лортолари Альбер
- Maase J. F., von der* (XVIII–XIX в.), воен. историк — 472
Machynia Mariusz, польский историк — 468
MacKenzie N. (Hain), специалист по истории Великобритании XVIII в. — 27
Magendie Maurice — см. Маженди Морис
Manteuffel Ernst Christoph, von — см. Мантейфель Эрнест Христоф, фон
Marggraf Georg — см. Маркграф Георг
Marot Daniel — см. Маро Даниэль
Mauduit Antoine-François — см. Модюи Антуан-Франсуа
Mézin Anne, историк, сотрудник Национального архива Франции — 36, 140
Milles Robert S. (нач. XX в.), немецкий экономист — 122
Miterzanka Mirosława (Mietera-Dobrowolska Mirosława); 1900–1992, исследователь польской литературы — 470
Montecuccoli Raimondo — см. Монтекуколи Раймунд
Mrozowska Kamilla (1917–2002), польский историк — 468, 470–471
Murdoch S. (Мурдох Стюв), специалист по истории Великобритании XVII–XVIII вв. — 27
Murray John J. (1898–1975), шотландский историк и богослов — 26
- Nikolenko Lada* — см. Николенко Лада Ростиславовна
Noulens Joseph — см. Нуланс Жозеф
- Oelsnitz A. L.* — см. Эльсниц Антоний Леопольд, фон

- Ormonde, duke — см. Батлер Джеймс Фитцджеральд, 2-й герцог Ормонд
- Paléologue Georges Maurice — см. Палеолог Жорж Морис
- Parker Geoffrey (р. 1943), британский историк — 473
- Pater J. C. H., de (сер. XX в.), нидерландский историк — 15
- Piso Willem — см. Пизо Виллем
- Polovitsoff A. — 357–358
- Post Peter — см. Пост Питер
- Preuß Ulrich Klaus (р. 1939), немецкий исследователь — 165
- Prüssmann-Zemper Helga — 354, 358–363
- Praszycki Stanisław (1853–1933), польский историк литературы, архивист — 468
- Pufendorf Samuel, von — см. Пуфендорф Самуэль, фон
- Pur Michele, de — см. Пюр Мишель, де
- Rambaud A. — см. Рамбо Альфред Никола
- Raskin Abram — см. Раскин Абрам Григорьевич
- Résimont J. de Genneret de — см. Резимон Иван Степанович
- Ribeiro Aileen, историк, автор книг по истории костюма — 347, 350
- Rjéoutski Vladislav — см. Ржеуцкий Владислав Станиславович
- Robien Louis, de — см. Робьен Луи-Мари-Анн-Жозеф, де
- Rosółowski Stefan (1918–2007), польский историк, полковник — 471
- Roth Hermann J. — 363
- Saint-Simon Louis de Rouvroy — см. Сен-Симон Луи де Рувруа
- Schalk Ellery — см. Шалк Элери
- Schmidt-Loske Katharina — см. Шмидт-Лоске Катарина
- Schuhard M. K. (*Шучард Марша Кум*), американский литературовед, историк культуры, специалист по истории мистицизма и масонства — 28, 33
- Serre Solveig, французский историк музыкальных учреждений — 350
- Seydewitz Thea, von (пер. пол. XX в.), немецкий историк — 11
- Sikorski Janusz (втор. пол. XX в.), польский воен. историк, полковник — 467
- Sinanoglou Ioannis (втор. пол. XX в.), французский историк — 87
- Skodock Cornelia, немецкий историк — 241
- Slive Zoya Iurevna, искусствовед — 357–358
- Smeenk Chris — 360
- Smith Douglas (р. 1962), американский историк — 176
- Smith L. B. (Смит Лоуренс Бартлам) — 27
- Sophie Rollin — см. Софи Роллан
- Spierski Zdzisław (1927–1983), польский историк — 467
- Sprat Thomas — см. Спрат Томас
- Szrednicki Czesław, польский историк — 468
- Stählin J., von — см. Штелин Якоб
- Stählin Karl (1865–1939), немецкий историк — 98
- Starowski Szymon — см. Старовольский Шимон
- Stapan Kamil, польский историк — 468
- Straubel Rolf (р. 1951), немецкий историк — 469
- Surgue Adrien — см. Сюррюг (Сюррюг) Адриан
- Suyeton G. G. (*Суветон Габриэль*; 1864–1904), французский историк и политический деятель — 26
- Szule Eugeniusz (1919–1991), польский историк религии — 470
- Szwankowski Jerzy, польский историк — 469
- Tacuber B. (нач. XX в.), немецкий экономист — 122
- Thoraille Francisque Gaston Jacques — см. Торайе Жак
- Thoraille Marie — см.: Фредерикс Мария Николаевна

- Tomassin S. — см. Томассен Симон
Tourneux Maurice (1849–1917), французский литератор и библиограф — 355
- Vauban Sébastien Le Prestre, de — см. Вобан Себастьян Ле Претр, де
Veucelin Ernest (1846–1914), историк — 94
- Vidal J.-M. — см. Видаль Жан-Мари
Villeneuve Bardet, de (1680–?), французский воен. историк — 480
Viollier G. — 495–496
Vittet Jean — 361
 Volle Hadrien — см. Воль Адриан
- Wanner M.* — 30
Ward William Henry (1865–1924), британский архитектор, искусствовед — 216
- Welter Gustav — см. Вельтер Густав
Wenger Antoine — см. Венгер Антуан
Wild Reiner (р. 1944), немецкий историк, философ, литературовед — 171
Wills Rebecca (*Уиллс Ребекка*), шотландский историк, специалист по истории русско-британских отношений — 27–28
Wirtschaftler Elise Kimerling, современный американский историк — 176
 Wittram Reinhard — см. Виттрам Райнхард
Wojakowski Józef (1939–2006), польский историк — 468, 470
Wolff Christian (1679–1754), немецкий философ — 369
Wolff Larry (р. 1957), американский историк — 47
Woodard C. (*Вударт Колин*; р. 1968), американский журналист, политолог, писатель-пиратолог — 30
- Zakrzewski Andrzej* (р. 1955), польский юрист — 467
Zedlitz-Neukirch Leopold F. (1792–1864), немецкий историк — 469–470
- Абади Поль (1812–1874), французский архитектор — 297
 Абе де Лондес Магдалена (втор. пол. XVIII в.), французская иммигрантка в России, владелица карточной фабрики в Петербурге — 151
 Абрамов Иван (сер. XVII в.), переводчик — 436
 Аваков Пётр Ашотович (р. 1978), историк — 98, 160
 Аванцо (пер. треть XIX в.), семья итальянских купцов, торговавших на петербургском художественном рынке — 339
 Август II Сильный (August II Моспу; 1670–1733), курфюрст Саксонии с 1694, король польский и великий князь литовский с 1697 г. — 11, 125, 227, 246
 Август III (August III; 1696–1763), король польский и великий князь литовский с 1734, курфюрст Саксонский с 1733 как Фридрих Август II — 125
 Август Сильный — см. Август II Сильный
 Авриль Жан-Жак (Avril Jean-Jacques; 1744–1831), французский гравёр — 342
 Авриль Филипп (1654–1698), французский иезуит — 438
 Агафангел (Соловьёв; 1812–1876), архиепископ Волынский и Житомирский — 307
 Адамович Георгий Викторович (1892–1972), поэт, литературный критик, переводчик — 423
 Айдемир (пер. треть XVIII в.), кумыкский князь — 105
 Акиншин Александр Николаевич (р. 1955), историк — 155, 158, 161–163
 Аксельрод Павел Борисович (1849 или 1850–1928), социал-демократ, один из лидеров партии меньшевиков — 87
 Алабин Пётр Владимирович (1824–1896), воен. писатель, журналист — 302

- Александр I Павлович (1777–1825), российский император — 51, 54, 59–61, 74, 206, 286–287, 339, 381, 384, 461–464, 495–496
- Александр II Николаевич (1818–1881), российский император — 74, 299, 302–303, 313
- Александр III Александрович (1845–1894), российский император — 74, 295–296, 301
- Александр Павлович, вел. кн. — см. Александр I Павлович, император
- Александра Павловна (1783–1801), вел. кнж., дочь Павла I, позже палатина венгерская — 385
- Алексеева Мария Андреевна* (1930–2011), искусствовед, историк русской гравюры — 334
- Алексеева Татьяна Васильевна* (втор. пол. XX в.), искусствовед — 387
- Алексеев-Попов Вадим Сергеевич* (1912–1982), историк — 48
- Алексей Михайлович (1629–1676), царь — 152, 431, 434–436
- Алексей Петрович (1690–1718), царевич, сын Петра I — 24, 440
- Ален Виала (Alain Viala; р. 1947), историк, социолог, специалист по французской литературе — 179, 184
- Аллер Самуил Иванович (1788–1860), гласный Петербургской городской думы, член церковного совета евангелическо-лютеранской церкви св. Петра — 465
- Алташина Вероника Дмитриевна (р. 1961), филолог — **380**
- Альберони Джулио (Alberoni Giulio; 1664–1752), кардинал, испанский государственный деятель — 27
- Альберт Мишель (втор. пол. XVIII в.), уроженец Бордо, московский знакомый А. С. Пушкина — 148
- Альбрехт Бранденбургский (Albrecht von Brandenburg; 1490–1545), кардинал, курфюрст и эрцканцлер Священной Римской империи — 430
- Альбрехт Людвиг (Иван Иванович; пер. пол. XVIII в.), выходец из Пруссии, генерал-майор — 127–129
- Амброаз Барбазан (втор. пол. XVIII в.), французский иммигрант в России, владелец суконной фабрики в Петербурге — 151
- Амудрю Иоанн Морис-Мария-Феликс (Amoudru Jean Maurice-Marie-Felix; 1878–1961), католический епископ — 189–192
- Андреев Александр Николаевич (кон. XX в.), историк — 101, 160
- Андреева Екатерина Александровна (р. 1975), историк — **231**
- Андросов Сергей Олегович (р. 1948), искусствовед — **323**
- Анисимов Евгений Викторович (р. 1947), историк — 40, 46, 238–239
- Анна Иоанновна (1697–1740), российская императрица, племянница Петра I — 100–101, 107, 109–110, 113–115, 125–130, 132–135, 187, 334
- Анна Леопольдовна (1718–1746), принцесса Мекленбург-Шверинская, регентша при Иване VI — 41–42, 132–133
- Анна Петровна (1708–1728), герцогиня Голштинская, мать имп. Петра III — 25
- Анна София (Anna Sophie; 1647–1717), курфюрстина саксонская, дочь короля Дании и Норвегии Фредерика III — 246
- Антен Луи Антуан де Пардайан де Гондрен (Louis Antoine de Pardaillan de Gondrin, marquis puis duc d'Antin; 1665–1736), герцог д'Антен, пэр Франции, директор резиденций французского короля — 222–224, 232, 330
- Антон Ульрих Брауншвейгский (1714–1774), герцог, отец императора Ивана VI — 116
- Антонов Виктор Васильевич* (1938–2014), церковный историк, искусствовед, краевед — 189, 233–234, 236, 313
- Антуан Николя (Antoine Nicolas), французский рабочий — 140

- Апраксин Фёдор Матвеевич (1661–1728), гр. с 1710, генерал-адмирал с 1708, брат царицы Марфы Матвеевны — 92
- Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), гр. с 1799, воен. министр — 488
- Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич (1874–1941), кн., дипломат, искусствовед, коллекционер, меценат — 400
- Ардуэн-Мансар Жюль (Hardouin-Mansart Jules, урожд. Ардуэн Жюль; 1646–1708), французский зодчий, придворный архитектор Людовика XIV, внучатый племянник Франсуа Мансара — 245
- Арескин Роберт Карлович (Эрскин, Erskine Robert; 1674–1718), доктор медицины и философии, лейб-медик имп. Петра I, архиатр, президент Медицинской коллегии — 28–29, 368
- Аристов Вадим Владимирович (р. 1959), историк, писатель, краевед — 125
- Арле де Шанваллон Франсуа (Harlay de Champvallon François; 1625–1695), французский иерарх, архиепископ Руана 1651–1671, архиепископ Парижа 1671–1695 гг. — 23
- Арно Франсуа (François Arnaud; 1721–1784), аббат, писатель и филолог, член Французской академии с 1771 г. — 390
- Арнольд Максимилиан Юрьевич (Георгиевич; 1838–1897), инж.-архитектор — 294
- Арсен Александр (Arsène Alexandre; 1859–1937), французский художественный критик, коллекционер, журналист — 400
- Артельева Татьяна Владимировна (р. 1955), философ, историк — 54
- Артуа д', гр. — см. Карл X, король Франции
- Ару Павел Петрович (1749–?), французский иммигрант в России, часовый мастер в Смоленске — 151
- Архипов Николай Ильич (1887–1967), историк, искусствовед — 224, 228–229
- Аспидов Альберт Павлович (р. 1931), реставратор — 290
- Аттербери Фрэнсис (1663–1732), епископ Рочестерский, глава заговора якобитов — 26, 30–33
- Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871), фольклорист — 157
- Ахматов Алексей Петрович (1817–1870), генерал-адъютант, обер-прокурор Святейшего Синода — 453
- Бабичев Пётр Иванович (втор. пол. XVIII в.), кн. — 152
- Бабст Иван Кондратьевич (1823–1881), историк, экономист, публицист — 120
- Баггер Ханс (Bagger Hans; 1942–2016), датский историк — 253
- Багров Лев Соломонович (1881–1957), историк, путешественник — 262
- Баженов Василий Иванович (1737–1799), архитектор — 142, 218, 271–272, 276, 279, 284
- Базан (нач. XIX в.), французский книготорговец — 341
- Базарова Татьяна Анатольевна (р. 1969), историк — 262–263, 265
- Базен Александрина-Стефания (урожд. Сеновер Александрина Софи Стефани; 1801–1847), супруга П. П. Базена — 498
- Базен Пётр Петрович (Пьер-Доминик; Bazaine P. D.; 1786–1838), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1803, инж. мостов и дорог, механик, математик, генерал-лейтенант КИПС — 482–501
- Байе Шарль (Bayet Charles; 1849–1918), искусствовед, специалист по византийскому искусству, его труды «Византийское искусство» и «Очерк истории искусства» были изданы в русском переводе в 1888 и 1904 гг. соответственно — 400
- Баиов Алексей Константинович (1871–1935), воен. историк, генерал-лейтенант — 113

- Бакст Лев Самойлович (наст. имя Розенберг Лейб-Ха́им Изра́илевич; 1866–1924), худ., иллюстратор, дизайнер — 397
- Балабин Пётр Иванович (1776–1856), генерал-лейтенант гвардии — 463
- Балабина Барбара Паулина (урожд. де Сарис, пер. пол. XIX в.) — 463
- Баландин Тихон Васильевич (1745–1830), литератор, краевед, автор первого исторического исследования о Петрозаводске — 142–143
- Балахнин Иван Савинович — см. Белавин Иван Савинович
- Балинский Пётр Иванович (1861–1925), инж., архитектор — 294
- Балланш Пьер Симон (Ballanche; 1776–1847), французский писатель и поэт — 52
- Баллен де Балю Карл (втор. пол. XIX в.), учитель фр. яз. в Воронежском кадетском корпусе — 161
- Баллу (Баллю) Теодор (Ballu Théodore; 1817–1885), французский архитектор — 297
- Балтар Виктор (Baltard; 1805–1874), французский архитектор — 297
- Бальбони Екатерина (кон. XIX в.), владелица аптеки в уездном Острогоске — 162
- Бальзак Оноре, де (Balzac Honoré de; 1799–1850), французский писатель — 188
- Бальмен Антон Богданович, де (1741–1790), генерал-поручик — 160
- Бальмен Елена Антоновна, де (урожд. гр. Девиер; втор. пол. XVIII в.), жена генерал-поручика — 160
- Балюз Жан Казимир, де (Baluze Jean Casimir; 1648–1718), французский дипломат польского происхождения, в 1702–1713 посланник Франции в России — 440
- Бантыш-Каменский Николай Николаевич* (1737–1814), историк — 116, 430
- Баньоль Берта — см. Кологривова Берта
- Бараль Пётр — см. Барраль Пьер-Жан
- Баранов Алексей, судомоделист — 92
- Барановский Гавриил Васильевич (1860–1920), архитектор, гражд. инж., искусствовед — 302–304, 306–315
- Барант Проспер, де (Prosper Brugière, baron de Barante; 1782–1866), барон, французский историк, публицист, дипломат — 63–64, 74
- Барашев Михаил Анатольевич (р. 1966), искусствовед, историк, краевед — 278
- Барбье Антуан (Barbier Antoine; пер. треть XVIII в.), французский подмастерье Г. Белина — 238
- Баренбаум Иосиф Евсеевич* (1921–2006), книговед, филолог — 333
- Барраль Давид (Barral David), уроженец Лиона, купец, брат Пьера-Жана Барраля — 140
- Барраль Пьер-Жан (Barral Pierre-Jean, Барраль Пётр; втор. пол. XVIII в.), уроженец Лиона, фабрикант — 136–143
- Бартнев Пётр Иванович (1829–1912), историк, литературовед, зачинатель пушкиноведения — 240, 340
- Бастьянов Ганц (Ганс; 1754–?), французский мастер кузнечного дела — 146
- Бастьянова Агафья (урожд. Денисьева; втор. пол. XVIII в.) — 146
- Бателье Франсуа (Batellier François; нач. XVIII в.), французский каменотёс, резчик по камню — 233
- Батлер Джеймс Фитцджеральд, 2-й герцог Ормонд (Butler James, second duke of Ormonde; 1665–1745), один из руководителей якобитского движения — 27–29, 32, 34
- Баудиц Уве (Bauditz Uve; сер. XX в.), датский историк архитектуры — 243–244, 248
- Баус Иероним (втор. пол. XVI в.), английский посол — 430
- Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975), философ, культуролог — 422–429
- Бахтин Николай Михайлович (1894–1950), философ, историк античности — 422–425, 429

- Бахтина Констанция (урожд. Пэнтлинг; ум. 1959) — 424
- Баше Жак (Baschet Jacques; 1872–1952), литератор, художественный критик, искусствовед — 401
- Бегров Карл Петрович (1799–1875), русский художник немецкого происхождения — 290
- Безансон (Besançon) Ален* (р. 1932), французский политолог, историк — 49
- Безбородко Александр Андреевич (1747–1799), гр., светл. кн. с 1797, российский государственный деятель — 173
- Бейлал Жан (нач. XIX в.), дезертир-француз — 156
- Беккариа Чезаре (Beccaria Bonesana Cesare; 1738–1794), итальянский мыслитель, публицист, правовед — 166
- Беккер Феликс (Becker Felix; 1864–1928), немецкий историк — 244
- Беклешов Александр Андреевич (1743–1808), генерал-прокурор Правительствующего Сената, член Императорского совета, кавалер ордена св. Иоанна Иерусалимского — 461, 463
- Белавин Иван Савинович (1745–1807), воен. и государственный деятель — 150
- Белин (Белен) Гийом (Bellin Guillaume; нач. XVIII в.), кузнец, слесарь — 232–233, 237–239
- Белкова Гелия В.* (кон. XX в.), искусствовед — 387
- Бенда Владимир Николаевич*, историк — 107
- Бенедит Леонс (Bénéдите Léonce; 1859–1925), французский искусствовед, автор книг о французской живописи XIX в. — 397
- Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), художник, историк искусства — 82, 84–86, 211, 316–322, 396–397, 400–401
- Бенуа Анн (пер. треть XIX в.) — 460
- Бенуа Леонтий Николаевич (1856–1928), архитектор, педагог — 189
- Бенуа Луи Мишель (1799–?) — 460
- Бенуа Николай Леонтьевич (1813–1898), архитектор — 298–299, 318
- Бенуа Шарль-Жан (1800–?) — 460
- Берар Ева* (р. 1949), французский историк — 76
- Березин Василий Маркович* (1857–1912), преподаватель Владимирской духовной семинарии, краевед — 281, 284
- Березников Андрей Филиппович (1771–1830-е), гравёр — 342
- Беретти Викентий Иванович (1781–1842), архитектор — 494
- Бернгард Вильгельм Рудольфович (Bernhard; 1856–1909), гражданский инж. — 291, 295, 297
- Бернулли Иоганн (Bernoulli Johann; 1667–1748), швейцарский математик, механик, астроном, врач, филолог-классицист — 240–241
- Берольдинген (Берольдинглен, Бероль Динглен, Бероль Делинген, Бероль Деменглен (возможно, Мангэн Грегори, де; кон. XVIII в.), пастор в Санкт-Петербурге — 153
- Берри Альфред (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Берташ Александр Витальевич (р. 1964), протоиерей, историк архитектуры — **291**
- Берх Василий Николаевич (1781–1834/1835), историк флота и морских географических открытий, полковник — 91
- Беспятых Юрий Николаевич* (р. 1949), историк — 99, 249
- Бесслер Иоганн Эрнст Элиас (Bessler Johann Ernst Elias; 1680–1745), известный также как Орфиреус, саксонский врач алхимик, инж.-механик, создавший действующий образец «вечного двигателя» — 249
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693–1766), гр. с 1742, государственный деятель, дипломат, канцлер Российской империи при имп. Елизавете Петровне — 43, 45

- Бетанкур Августин Августинович (Agustín José Pedro del Carmen Domingo de Candelaria de Betancourt y Molina; 1758–1824), испанский, а затем российский государственный деятель, архитектор, строитель, инж.-механик, организатор транспортной системы в России, генерал-лейтенант Свиты Е.И.В. — 99, 102, 286, 495–496, 500
- Бетлем Габор (1580–1629), руководитель антигабсбургского движения в Венгерском королевстве, король Венгрии в 1620–1621 гг. — 434
- Бецкой Иван Иванович (1704–1795), президент Академии художеств — 171, 270, 335
- Бибиков Иван Иванович (1703–1745), генерал-майор, обер-прокурор Сената — 110
- Бизе Жорж (Александр Сезар Леопольд, Bizet Georges; 1838–1875), французский композитор — 412
- Билибин Иван Яковлевич (1786–1942), худ., книжный иллюстратор — 397
- Бильфельд Якоб Фридрих, фон (1711 или 1717–1770), барон, немецкий писатель, мыслитель — 166
- Биргер Леонтий (втор. пол. XVIII в.), французский иммигрант в России, токарный мастер — 151
- Бирон Эрнст Иоганн (Ernst Johann von Biron; 1690–1772), герцог Курляндии и Семигалии — 45, 132–133
- Бирюкова Нина Юрьевна*, искусство-вед — 357–358
- Бисмарк Отто, фон (Bismarck Otto, von; 1815–1898), первый канцлер Германской империи — 67, 69–70
- Бланк Карл Иванович (1728–1793), архитектор — 271, 276
- Бланш Жак-Эмиль (Blanche Jacques-Émile; 1861–1942), французский худ. и писатель — 400
- Бле Никола Шалон, дю — см. Юк-селья Никола дю Бле, д'
- Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт, писатель, драматург, публицист — 408, 421
- Блондель Жак-Франсуа (Blondel Jacques-François; 1705–1774), французский архитектор, теоретик искусства и архитектуры — 269, 286
- Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич (Blumentrost Laurentius; 1692–1755), лейб-медик Петра I — 367–369
- Бобин Проспер (Bobin Prosper Étienne; 1844–1923), французский архитектор — 298
- Бобринские, графский род — 275, 281
- Боброва Д. А., фотограф — 357
- Боброва Елизавета Ивановна*, историк — 324
- Боволер Антоний (втор. пол. XVII в.), французский иезуит — 438
- Богданов Андрей Иванович (1692–1766), книговед, автор первого описания Санкт-Петербурга — 119, 262–264, 266
- Богуславский Марк Моисеевич* (1924–2017), юрист, специалист в области международного частного права — 405
- Богущ-Сестрэнцевич Станислав (1731–1826), архиепископ Могилёвский, митрополит всех римско-католических церквей в России — 196, 460–463
- Бодэ Анна Петровна (1824–1867), основательница монастыря — 159
- Бодэ Карл (сер. XVIII в.), французский иммигрант в России — 159
- Бодэ Лев Львович (1820–1855), помещик — 159
- Бодэ Яков Львович (1846 — после 1892), барон, помещик — 159
- Бодэ, де (ум. 1797), барон — 464
- Бодэ-Шарлемань Жан-Мишель (ум. 1795), сын художника, учащийся Академии художеств — 459
- Боллегард де Вильнев Алексис Луи Жозеф, де (ум. 1793), маршал — 459
- Болотина Наталья Юрьевна (р. 1969), историк — 430–431, 437
- Болотников Алексей Ульянович (1753–1828), генерал-лейтенант — 77

- Болховитинов Евфимий Алексеевич — см. Евгений (Болховитинов), митрополит
- Бонтан Александр (1626–1701), управляющий версальским двором — 23
- Боньер Жак (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России, владелец карточной фабрики в Петербурге — 151
- Бордоский, герцог — см. Генрих (Анри) д'Артуа, герцог Бордо, граф де Шамбор
- Боровиковский Владимир Лукич (1757–1825), худ., портретист — 208, 381, 387
- Боск Жак, дю (Bosc Jaques, du; 16??–1664), французский монах, писатель, известен своими моралистическими трудами — 184
- Босс Кондер, де (втор. пол. XVIII в.), французский дипломат — 196
- Боссе Гаральд Андреевич (Bosse Harald Julius, von; 1812–1894), российский архитектор — 77
- Брандт Карл Иванович (1810–1882), архитектор — 300
- Брант (Брантс) Христофор (пер. треть XVIII в.) — 326
- Браун Леопольд (Braun Léopold; 1903–1964), католический священник из ордена ассумпционистов — 194–195, 201
- Браунштейн Иоганн Фридрих (Braunstein Johann Friedrich; нач. XVIII в.), немецкий архитектор, на службе Петра I с 1714 г. — 229, 250
- Бремер Оттон Васильевич (1812–1873), архитектор — 300
- Бридар де ла Гард Филипп (Bridard de la Garde Philippe; 1710–1767), французский писатель, аббат — 347
- Бриер Гастон (Brière Gaston; 1871–1962), французский историк искусства — 403
- Брикнер Александр Густавович (1834–1896), русский историк немецкого происхождения — 12, 203
- Брилли Андрей, де (Дебрилли или Дебрильи Андрей Францевич; ум. в 1754), инж., генерал-лейтенант русской службы итальянского происхождения, будущий комендант Баку — 99–102
- Бриньи Адриен, де (Дебриний, Дебриньи Андреян Петрович; ум. 1746), генерал-майор, воен. инж. французского происхождения — 98–105, 109–117
- Бриньи Клод Пьер, де (Дебриний, Дебриньи Пётр Петрович, Vigny Pierre, de; ум. 1742), генерал-майор, воен. инж. французского происхождения — 98–104, 106–109, 111–112, 114–117, 160
- Бриньи, де, супруга Бриньи Адреяна Петровича — 110
- Бродель Фернан (Braudel Fernand; 1902–1985), французский историк — 122*
- Бродянский Виктор Михайлович (1919–2009), специалист по проблемам термодинамики и криогенной технике — 249*
- Брокгауз Фридрих Арнольд (Brockhaus Friedrich Arnold; 1772–1823), немецкий издатель, основатель издательской фирмы — 99*
- Бросс Саломон, де (Brosse Salomon, de; 1571–1626), французский архитектор, представитель маньеризма — 216, 218
- Бруни Александр Константинович (1825–1915), архитектор — 315
- Брюжьер А.-Г.-П., барон де Барант — см. Барант
- Брюкур Шевалье, де (Brucour Charles-Francois Olivier Rosette chevalier, de; 1712–1755), французский военный, писатель, историк, филолог — 185
- Брюллов Александр Павлович (1798–1877), худ., архитектор — 292
- Брюн де Сен-Катерин Дан Балтазар (Яков Яковлевич; 1759–1835), кораблестроитель — 459
- Брюнет Матвей Яковлевич (1708–?), французский иммигрант в России — 149
- Брюно Давид, де (нач. XIX в.) — 460

- Брюно Жан (Bruno Jean; нач. XX в.), артист французской труппы и библиотечарь Михайловского театра — 407, 410, 413
- Брюно Женестьева (урожд. Дешан; кон. XVIII в.) — 460
- Брюно Ладено, де (нач. XIX в.) — 460
- Брюно, де (кон. XVIII в.) — 460
- Брюс Генри Джеймс (Bruce Henry James; 1880–1951), британский дипломат — 81
- Брюс Яков Вилимович (Брюс Джеймс Дэниэл, Bruce James Daniel; 1670–1735), гр. с 1721, государственный деятель, военный дипломат, инженер, учёный — 368
- Буве (Bouvet Révérend Père; нач. XIX в.), преподобный отец из ордена иезуитов — 197
- Будагов Рубен Александрович* (1910–2001), лингвист — 165
- Будри Давид Иванович, де (Boudry David, de; 1756–1821), в России с 1784, профессор французской словесности Царскосельского лицея, младший брат революционера Ж.-П. Марата — 148
- Будри Мария Тимофеевна (урожд. Лобкова; втор. пол. XVIII в.), жена Д. И. де Будри — 148
- Будрио Жан, французский архитектор, чертёжник, специалист по корабельной архитектуре XVII–XVIII вв. — 95, 97
- Буданже Карл (1860–1913), учитель фр. яз. в Воронежском реальном училище — 161
- Буланов Пётр Иудович (втор. пол. XIX в.), архитектор — 313
- Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), философ, богослов, священник — 428
- Булгаков Яков Иванович (1743–1809), дипломат — 149
- Булла Карл Карлович (Bulla Carl Oswald; 1855–1929), портретист, мастер документальной фотографии — 78
- Булонь Младший Луи, де (Boullogne Louis, de; 1654–1733), французский придворный живописец, гравёр, директор Королевской Академии живописи и скульптуры (1722) — 393
- Бунге Николай Христианович* (1823–1895), государственный деятель, экономист — 120
- Бунин Андрей Владимирович* (1905–1977), архитектор, историк архитектуры — 290
- Бурбон Луи Огюст, де (Bourbon Louis Auguste, de; 1670–1736), герцог Мэнский, внебрачный сын короля Людовика XIV — 22, 24
- Бурбон Луи-Александр, де (Bourbon Louis Alexandre de, comte de Toulouse; 1678–1737), граф Тулузский, внебрачный сын короля Людовика XIV — 24
- Бурбон Луиза Франсуаза, де (1673–1743), герцогиня, внебрачная дочь короля Людовика XIV — 22
- Бурбон Эдмед (Бурбом, Бурман, Эдм, Bourbon Edmede; кон. XVII в.), каменотёс, резчик по камню — 232–233
- Бурбоны, королевская династия — 54, 59
- Бурганов Александр Николаевич (р. 1935), скульптор, искусствовед — 273
- Бургуэн Поль, де (Bourgoing; 1791–1864), барон, секретарь посольства Франции в России — 62
- Бурджуа Шарль (сер. XX в.), французский католический священник, служивший в 1945 в Ленинграде — 195
- Буссероль (Букероль; втор. пол. XVIII в.), французский предприниматель — 155
- Бутми Ванда Андреевна* (1919–1974), архитектор — 260
- Бутурлин Александр Борисович (1694–1767), гр. с 1760, генерал-фельдмаршал — 38, 43
- Бутурлин Пётр Александрович (в крещении Иона; 1734–1789), гр. с 1760, тайный советник, камергер — 38

- Буфа (пер. треть XIX в.), семья итальянских купцов, торговавших на петербургском художественном рынке — 339
- Буше Франсуа (François Boucher; 1703–1770), французский живописец, гравёр, декоратор — 390
- Быков Александр Владимирович* (р. 1962), историк, этнограф — 87
- Бьюкенен Джордж Уильям (Buchanan George William; 1854–1924), британский дипломат — 77–78, 86
- Бэр Адольф* (1831–1902), австрийский историк торговли — 120
- Бюрг Йоханнес, ван ден (Burgh Johannes, van den; ок. 1670–1731), нидерландский купец; с 1703 русский агент в Амстердаме — 14
- В. Т.** — см. *Тимирязев Василий Аркадьевич*
- Ваксель Платон Львович (1844–1919), музыкальный критик, коллекционер — 493
- Вагеманс Эммануэль (Waegemans Emmanuel; р. 1951), бельгийский историк — 11, 14
- Вадковская Екатерина Ивановна (урожд. гр. Чернышёва, 1766–после 1826), фрейлина Екатерины II — 184
- Вайи Шарль, де (Wailly Charles, de; 1730–1798), французский архитектор — 279
- Ваксель Платон Львович (1844–1918), музыкальный критик, коллекционер — 493
- Валериани Джузеппе (Valeriani Giuseppe; 1708 (?)–1761), итальянский худ. — 334
- Валлен-Деламот Жан-Батист-Мишель (Vallin de la Mothe Jean-Baptiste; 1729–1800), французский архитектор — 187, 269–270
- Вандаль Альбер (Vandal A.; 1853–1910), гр., французский историк — 36, 59
- Ван-дер-Гульд Андрей (Ван-дер-Гульст, Фандергульст, ван дер Хюлст, Van der Hulst; нач. XVIII в.), голландский купец, резидент Голландии в Архангельске и Петербурге — 119
- Ванлоо (ван Лoo) Шарль-Андре (van Loo Charles-André; 1705–1765), французский придворный худ. — 342
- Варне Луи (Varney; 1844–1908), французский композитор — 412
- Варуа (нач. XIX в.), братья, французские книгопродавцы — 341
- Васильев Иосиф Васильевич (1821–1881), свящ., основатель собора Александра Невского в Париже — 453
- Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), живописец, архитектор — 210
- Вассу Франсуа Паскаль (Vassou François Pascal; нач. XVIII в.), литейщик — 235–236
- Васу Филипп (Vassoux Philippe; нач. XVIII в.), литейщик — 236
- Ватто Антуан (Жан Антуан; Watteau Jean Antoine; 1684–1721), французский живописец — 227
- Вахтанг VI (1675–1737), царь Картли — 107
- Вейе Карл (Weyher Charles; нач. XIX в.), книготорговец, зять и компаньон Г. Клостермана — 344
- Веймарн Александр Фёдорович (1791–1882), обер-прокурор Сената — 300
- Вейнер Пётр Петрович (1879–1931), общественный деятель, издатель, коллекционер — 400–401
- Вейтбрехт Иоганн-Якоб (Weitbrecht J.-J.; 1744–1803), книготорговец, издатель — 336
- Вельо София (урожд. Северин; 1770–1839), — 459
- Вельо Эммануил Северино Селестин, де (кон. XVIII в.), офицер флота — 459
- Вельтер Густав (Welter Gustav; сер. XX в.), нидерландский историк — 16
- Венгер Антуан (Wenger Antoine; 1919–2009)*, французский католический священник, церковный историк — 201

- Венгеров Семён Афанасьевич (1855–1920), литературный критик, историк литературы, библиограф — 493
- Верак Шарль-Оливье де Сен-Жорж, де (Vérac Charles-Olivier de Saint-Georges, de; 1743–1828), маркиз, французский консул в Петербурге (1782–1784) — 149
- Верди Джузеппе (Verdi Giuseppe; 1813–1901), итальянский композитор — 412
- Верёвкин Михаил Иванович (1732–1795), переводчик, писатель — 270
- Верен Элен (Vérin Hélène; р. 1940)*, супруга Ж. Гийерма, французский историк науки — 501
- Верещагин Василий Андреевич (1859–1931), библиограф, историк искусства — 400–401
- Верлен (нач. XX в.), жена французского полковника — 77
- Верлен (нач. XX в.), французский полковник, член военного представительства в России — 76–77
- Верньо Пьер Витюрниен (Vergniaud Pierre Victorin; 1753–1793), французский политический деятель, революционер — 417
- Вершинина Наталья Михайловна (р. 1951), искусствовед — **388**
- Веселаго Феодосий Фёдорович* (1817–1895), историк военно-морского флота, генерал флота — 447
- Вивиани Рене (Viviani René; 1863–1925), французский политический и государственный деятель — 79–80
- Вигарани Карло (Vigarani Carlo; 1637–1713), итальянский худ. — 348
- Вигель Филипп Филиппович (1786–1856), мемуарист — 206, 285–286
- Видаль Жан-Мари (Vidal J.-M.; нач. XX в.), французский католический священник, с 1913 настоятель прихода в Москве — 200
- Виге-Лебрен Элизабет-Луиза (1755–1842), французская худ., мемуаристка — 380–387
- Викман Альбертина (урожд. де Морекур) — 459
- Викман Ф., швед — 459
- Вилламов Григорий Иванович (1771–1842), статс-секретарь при имп. Марии Фёдоровне, супруге имп. Павла I — 461
- Виллерау Елизавета, де (урожд. гр. Апраксина, нач. XIX в.) — 463
- Виллерау Шарль, де (нач. XIX в.) — 463
- Вильбоа Франц (Никита Петрович, Villebois François Guillemot de; 1681–1760), русский вице-адмирал французского происхождения — 444
- Вильгельмина Фридерика София Бранденбург-Байрейтская (Wilhelmine Friederike Sophie von Preußen; 1709–1758), маркграфиня, мемуаристка, старшая дочь прусского короля Фридриха Вильгельма I — 240, 246
- Вильруа Франсуа де Нёвиль (Villeroi François de Neufville, duc de; 1644–1730), герцог, маршал Франции, команд. французскими войсками в войне за испанское наследство — 221
- Вильстер Даниэль Якоб (1669–1732), вице-адмирал — 95
- Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969), лингвист, филолог, литературовед — 377, 379
- Виноградов Ефим Григорьевич (1725 или 1728–1769), гравёр на меди — 334
- Винтерфельдт Ганс Карл, фон (Winterfeldt Hans Karl, von; 1707–1757), прусский генерал, ближайший советник и друг Фридриха II — 470
- Виньи, де — см. Девиньи Феликс
- Вион Аркадий-Франсуа (ум. 1793) — 459
- Виппер Борис Робертович (1888–1967), историк искусства, педагог, музейный деятель — 226, 229
- Витберг Александр Лаврентьевич (1787–1855), архитектор — 302
- Витворт Чарльз (Whitworth Charles; 1675–1725), барон, английский дипломат, автор мемуаров — 11, 460

- Витгенштейн Людвиг (Wittgenstein Ludwig; 1889–1951), австрийский философ и логик — 424
- Витман Татьяна Борисовна (р. 1953), филолог — **371**
- Витрувий Марк (I век до н. э.), римский архитектор, механик — 276
- Витт Франсуа, де (сер. XVII в.), камердинер принца Иоганна Морица Нассау-Зигенского — 361
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), гр. с 1905, государственный деятель — 80
- Виттрам Райнхард (Wittram Reinhard; 1902–1973), немецкий историк — 15, 17
- Витфорд (Уитфорд, нач. XIX в.), английский посол в России
- Владимир (Богоявленский; 1848–1918), епископ Самарский и Ставропольский, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский с 1912, митрополит Киевский и Галицкий с 1915, впоследствии свщмч. — 303
- Владимирович Алексей Георгиевич* (р. 1961), краевед, член Топонимической комиссии Петербурга — 415, 421
- Владиславич-Рагузинский Савва Лукич (1669–1738), гр., дипломат, торговый агент — 233
- Власов Виктор Георгиевич* (р. 1947), искусствовед — 215
- Вобан Себастьян Ле Претр, де (Vauban Sébastien Le Prestre, de; 1633–1707), маркиз, воен. инж., маршал Франции, писатель — 105, 114, 257, 268, 475
- Воган Чарльз (1698?–1752?), больше известен, как «шевалье Воган», ирландский офицер, участник якобитского движения — 28
- Водрёй Франсуа, де (Vaudreuil François, de; 1740–1817), гр., французский дворянин времён короля Людовика XVI, приближённый королевы Марии-Антуанетты — 209
- Водреме Жозеф (Vaudremer Joseph; 1829–1914), французский архитектор — 297
- Водуайе Леон (Vaudoyer Léon; 1803–1872), французский архитектор — 298
- Воейков Владимир Николаевич (1868–1947), военачальник, приближённый Николая II, дворцовый комендант (1913–1917) — 88
- Воель Мари Феофиль (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России — 149
- Волер (Вулер; кон. XVIII в.), лютеранский священник в Петербурге — 153
- Волков Григорий Иванович (ум. после 1713), секретарь посольского Приказа — 441
- Волкова Америко Екатерина*, филолог, переводчик — 428
- Волкович-Вель Анна Николаевна (наст. фамилия Величковская, 1854–1941), писательница, внучка М. Дестрема — 492–493
- Волконский Дмитрий Петрович (1764–1812), кн., генерал-лейтенант, воен. губернатор Архангельской губернии (1797) — 58
- Волуа Ефросиния Васильевна (урожд. Порецкая; кон. XVIII в.), капитанская дочь — 153–154
- Волуа Пётр Христофорович (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России, отставной подпоручик, житель Смоленской губернии — 153
- Волчков Сергей Саввич (1707–1773), переводчик, советник Петербургской академии наук, директор Сенатской типографии — 278 II
- Вольнский Артемий Петрович (1689–1740), дипломат, кабинет-министр при Анне Иоанновне — 107
- Воль Адриан (Volle Hadrien), французский историк — **346**, 351
- Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ; 1694–1778), французский философ-просветитель, поэт, историк — 10, 16, 37, 47–49, 56, 279, 382, 416
- Вольф Христиан фон (Wolff Christian von; 1679–1754), немецкий учёный-

- энциклопедист, философ, юрист, математик — 369
- Воронин Михаил Иванович* (1906–1996), профессор, инж. путей сообщения, историк техники — 494
- Воронина Маргарита Михайловна* (в замужестве — Манида), историк математики — 494
- Воронцов Александр Романович* (1741–1805), гр., с 1802 канцлер Российской империи — 38, 279
- Воронцов Михаил Илларионович* (1714–1767), гр. с 1744, дипломат, канцлер — 43, 45
- Воронцов Семён Романович* (1744–1832), гр. с 1797, дипломат, посол в Великобритании — 381, 386
- Воронцова Мария Романовна* (в замужестве Бутурина; 1738–1765), гр., фрейлина — 38
- Вотье* (нач. XX в.), французский коммерческий атташе — 76–77
- Врангель Николай Николаевич* (1880–1915), барон, искусствовед — 384–385, 387, 397–398, 400
- Врен Андре Жан, де* (Лебрен; кон. XVIII в.), скульптор — 463
- Врен Мари* (урожд. Моро; кон. XVIII в.), жена скульптора — 463
- Вуаль Жан-Луи* (Voille Jean-Louis; 1744–1806), французский худ., почти неизвестный на родине, придворный худ. имп. Павла I — 148
- Вундт Вильгельм Максимилиан* (Wundt Wilhelm Maximilian; 1832–1920), немецкий физиолог, психолог — 428
- Вэкэреску* (Văcărescu), валашский род — 75
- Вэкэреску Елизавета* (Văcărescu; нач. XIX в.), мать Александра Палеолога — 75
- Гайя Луи, де* (Gaya Louis, de; втор. пол. XVII в.), французский военный историк — 479
- Гайярде Фредерик* (Gaillardet F.; 1808–1882), французский журналист, драматург — 35
- Галло* (нач. XX в.), жена Ж.-Ж. Галло — 77
- Галло Жан-Жюль* (нач. XX в.), французский военно-морской атташе, капитан 2-го ранга — 77
- Галуччо Поль-Франсуа*, маркиз де Л’Опиталь — см. Л’Опиталь
- Ганнибал Абрам Петрович* (1696–1781), воен. инж. — 115
- Ганри Андрей Вильгельмович* (Henry A. G.; 1785–1828), год поступления в Парижскую политехническую школу 1804, инж. мостов и дорог, подполковник КИПС — 483, 489, 497
- Гард Пьер, де ла* (по прозвищу Ларошель; 1772–1795) — 459
- Гарденин Онуфрий Иванович* (1765–1832), купец, фабрикант — 159
- Гарп Жан-Франсуа, де Ла* (Harp Jean-François, de La; 1739–1803), французский писатель, драматург, литературный критик, член Французской академии — 389–390
- Гартунг Иоганн Михель* (втор. пол. XVIII в.), немецкий печатник, типограф — 336
- Гартунг Людвиг* (пер. треть XVIII в.), полковник, инж. — 115
- Гарунова Нина Нурмагомедовна*, историк — 104
- Гассинг Александр Иванович* (Hassing С.Е.Е.А.; 1778–1844), генерал-штаб-доктор флота — 493
- Гаюи Жюст* (Юст) Валентинович (Haüy Ph. J.; 1792–1856), инж. путей сообщения, майор КИПС — 482, 485–486, 488, 490, 495, 499
- Ге Григорий Николаевич* (1830–1911), драматург — 158
- Ге Елена Яковлевна* (урожд. Садовская), мать художника Н. Н. Ге — 158
- Ге Матвей* (Gay; пер. пол. XVIII в.), французский эмигрант-роялист — 158
- Ге Николай Николаевич* (1831–1894), художник — 158

- Ге Николай Осипович (1796–1855), чиновник, офицер русской армии — 158
- Ге Осип Николаевич (1828–1892), математик — 158
- Ге Фёдор*, переводчик — 74
- Гегбард Клаудиа (кон. XIX в.), француженка, проживавшая в Воронеже — 162
- Гедике Роберт Андреевич (1829–1910), архитектор — 294
- Гей Уильям (нач. XVIII в.), деятель якобитского движения, капитан I ранга Российского флота — 29
- Гейм Иван Андреевич* (1759–1821), экономист, географ, лингвист — 167
- Гейрот Александр Фёдорович* (1817–1882), генерал, издатель — 224
- Геккерен Екатерина Николаевна (урожд. Гончарова; 1809–1843), баронесса, фрейлина, сестра Н. Н. Пушкиной — 188
- Геккерен Жорж Шарль, де (Heeckeren d'Anthès Georges Charles, de; 1812–1885), барон, французский офицер — 188
- Гемар де Лавальер Иван Петрович (втор. пол. XVIII в.), француз, жил в Воронеж. наместничестве — 156
- Генрих (Анри) д'Артуа, герцог Бордо, граф де Шамбор (1820–1883), внук Карла X, претендент на французский престол как Генрих V, глава легитимистской партии — 62
- Генрих III Валуа (Анри, Henri III de Valois; 1551–1589), король Франции — 430
- Генрих IV Великий (Henri IV, Henri le Grand, Henri de Navarre; 1553–1610), король Франции с 1589, основатель династии Бурбонов — 246, 390, 432–433
- Георг I (Georg Ludwig von Hannover; 1660–1727), курфюрст Ганновера с 1698, король Великобритании с 1714 г. — 11, 26–28, 33
- Георге III Дмитрие Бибеску (1804–1873), господарь Валахии — 75
- Герасим (Доброседов; 1809–1880), епископ Самарский и Ставропольский — 303
- Герн Жак-Жакоб (1743 или 1748–1797), французский архитектор — 279
- Гёртц Георг Хайнрих, фон (Генрих, Görtz Georg Henrik, von; 1668–1719), барон, шведский государственный деятель немецкого происхождения, советник Карла XII — 12, 27–30
- Герье Владимир Иванович* (1837–1919), историк, общественный деятель — 366
- Гёте Иоганн Вольфганг, фон (Goethe Johann Wolfgang von; 1749–1832), немецкий поэт, философ, государственный деятель, естествоиспытатель — 182
- Гизо Франсуа (Guizot François; 1787–1874), французский политик и историк — 64–65
- Гийерм Жак (Guillerm J.; 1927–1996)*, муж Э. Верен, французский историк науки — 501
- Гийом Бартеlemi (Barthélémy Guillaume; нач. XVIII в.), подмастерье резчика, шурин Николая Пино — 233, 235–236
- Гильо Батист (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России — 148
- Гильот Жан (Guillot Jean; нач. XVIII в.), литейщик — 236
- Гиляровский Владимир Алексеевич (1855–1935), писатель, журналист, бытописатель Москвы — 211
- Гиппинг Андреас Иоганнес (1788–1862), финляндский историк и священник — 256
- Гиппиус Зинаида Николаевна (по мужу Мережковская; 1869–1945), поэтесса и писательница — 423
- Глазов Владимир Гаврилович (1848–1920?), государственный деятель — 456
- Глазунов Иван Петрович (1762–1831), издатель, книготорговец — 336

- Гласко (ум. 1797), кадет — 459
- Глейз Жозеф Мари Анн Жан Антуан Огюст (Gleizes J. M. A. J. A. A.; 1781—1863), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1798, французский воен. инж., полковник — 483, 495
- Глиноецкий Николай Павлович* (1830—1892), генерал, воен. писатель — 103, 110
- Глюк Эрнст (Glück Johann Ernst; 1652—1705), немецкий лютеранский пастор и богослов — 20—21
- Гогенцоллерны, германская династия швабского происхождения, династия курфюрстов Бранденбурга, затем прусских королей — 80
- Гоголь Николай Васильевич (фамилия при рождении Яновский; 1809—1852), прозаик, драматург, поэт, критик, публицист — 212
- Гогуэль (Goguel; сер. XVIII в.), помощник фабриканта Д. Шанони — 141
- Годо Андрей (Gaudet; нач. XVIII в.), садовник — 234
- Годунов (втор. пол. XVIII в.), московский мещанин — 154
- Годунова Анна (урожд. Филен; втор. пол. XVIII в.) — 154
- Голенищев-Кутузов Александр Григорьевич (пер. пол. XVIII в.), бригадир, комендант Нарвы — 127
- Голиков Альберт Александрович*, писатель — 418
- Голиков Иван Иванович* (1735—1801), историк, предприниматель — 120
- Голицын Александр Михайлович (1723—1807), кн., дипломат, меценат, коллекционер — 179, 341
- Голицын Пётр Михайлович (1682—1722), кн., военачальник — 235
- Голицыны, кн., род — 281, 284
- Голлербах Эрих Фёдорович (1895—1942), искусствовед, художественный и литературный критик, библиограф — 332, 402
- Голь Шарль Андре Жозеф Мари, де (Gaulle Charles André Joseph Marie, de; 1890—1970), французский генерал, основатель и первый президент Пятой республики — 193, 421
- Головин Александр Яковлевич (1863—1930), худ., декоратор — 397
- Головин Иван Михайлович (1680—1737), адмирал — 95, 126, 133
- Головин Михаил Евсеевич (1756—1790), математик и физик, почётный член Петербургской Академии наук — 279
- Головин Фёдор Алексеевич (1650—1706), боярин, гр. с 1702, посол, генерал-адмирал с 1699
- Головина Варвара Николаевна (урожд. кнж. Голицына; 1766—1821), гр., фрейлина, мемуаристка, худ. — 387
- Головкин Александр Гаврилович (1689—1760), гр., дипломат, посол России в Пруссии, Франции, Голландии — 449
- Головкин Гавриил Иванович (1660—1734), гр. с 1707, первый канцлер Российской империи с 1709 г. — 14
- Гольдбах Христиан (Goldbach Christian; 1690—1764), немецкий математик — 370
- Гончарова Екатерина Николаевна — см. Геккерен Екатерина Николаевна
- Гончарова Татьяна Николаевна (р. 1970), историк — 58
- Горбатенко Сергей Борисович* (р. 1950), историк архитектуры — 250
- Гордеев Фёдор Гордеевич (1744—1810), скульптор — 343
- Гордон (Фома) Томас (Gordon Thomas; ок. 1658—1741) — деятель яacobитского движения, адмирал Российского флота, племянник Патрика Гордона — 29, 126
- Гордон Александр Владимирович (р. 1937), историк — 47
- Гордон Патрик Леопольд (Gordon Patrick Leopold; 1635—1699), шотландский и российский военачальник — 126
- Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917), российский государственный деятель — 83

- Горн Эдуард* (наст. имя Игнац Эйнхорн; 1825–1875), венгерский раввин, политический деятель, экономист, статистик — 120–121
- Грабарь Игорь Эммануилович* (1871–1960), живописец, реставратор, искусствовед, педагог — 216, 226–227, 270
- Граммон Антуан, де* (нач. XIX в.), герцог — 463
- Графова Елена Анатольевна* (нач. XXI в), историк — 281, 284
- Грейги*, российский дворянский род шотландского происхождения — 488
- Грессер Пётр Аполлонович* (1833–1892), волынский губернатор — 308
- Гретри Андре* (Grétry André-Ernest-Modeste; 1741–1813), французский композитор валлонского происхождения — 17
- Греч Николай Иванович* (1787–1867), писатель, издатель, редактор, переводчик, журналист, публицист — 497
- Гримальдо, де* (de Grimaldo; пер. пол. XVIII в.), маркиз, испанский дипломат — 13
- Гримм Давид Иванович* (1823–1898), архитектор — 294, 305
- Гримм Фридрих Мельхиор* (1723–1807), барон, немецкий публицист — 385
- Громыко Андрей Андреевич* (1909–1989), советский дипломат, министр иностранных дел СССР, председатель Президиума Верховного совета СССР — 88
- Грон Жан, де* — см. Дегронов Антон
- Грон Карл, де* — см. Дегронов Данила
- Гроот Иоганн Фридрих* (Иван Фёдорович, Grooth Johann Friedrich; 1717–1801), немецкий живописец-анималист — 345
- Грубер Габриэль* (1740–1805), член Ордена иезуитов, с 1799 в России — 462
- Грюнвальд* (*Grunwald C., de*; сер. XX в.), французский историк — 12
- Гузанов Алексей Николаевич* (р. 1959), историк, музейный деятель — 394
- Гузевич Дмитрий Юрьевич* (р. 1955), инж. путей сообщения, историк науки и техники, историк эмиграции — 366, 482, 501–502
- Гузевич Ирина Давидовна* (урожд. Долинская, р. 1953), историк науки и техники — 366, 482, 501–502
- Гуковский Григорий Александрович* (1902–1950), литературовед, филолог, критик — 471
- Гумбольдт Вильгельм, фон* (Humboldt Wilhelm; 1767–1835), немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат — 428
- Гуно Шарль Франсуа* (Gounod Charles François; 1818–1893), французский композитор, музыкальный критик — 412
- Гурий* (Буртасовский; 1845–1907), епископ Русской православной церкви, епископ Симбирский и Сызранский — 303
- Гусарова Елена Васильевна* (р. 1953), искусствовед, историк архитектуры — 101, 116
- Густав III* (Gustav III; 1746–1792), шведский король — 184
- Гутнов Евгений Александрович* (1888–?), владелец типографии в Берлине — 402
- Гутт* (сер. XIX в.), учитель фр. яз. в Воронежском кадетском корпусе — 161
- Гуттенбрунн Людвиг* (ок. 1750–1819), австрийский худ., гравёр — 208, 386
- Гуттон* (втор. пол. XVIII в.), гравёр — 338
- Гухт Максимилиан, ван дер* (Gucht Maximiliaen, van der; втор. пол. XVII в.), нидерландский ткач — 360–361
- Гучков Александр Иванович* (1862–1936), политический и государственный деятель, военный и морской министр Временного правительства — 83

- Гуэт Катерина (нач. XVIII в.), племянница архитектора Ж.-Б. А. Леблонна — 232
- Гюго Виктор Мари (Hugo Victor Marie; 1802–1885), французский писатель — 414, 416, 418
- Гюльенштедт Иоганн Антон (1745–1781), естествоиспытатель, путешественник — 155
- Д'Андре Жан-Батист (нач. XIX в.) — 463
- Д'Андре Жан-Мари (André Jean-Marie-Armand, d'; 1804–1880), барон, французский дипломат — 65
- Д'Андре Маргарита (урожд. Батищева, нач. XIX в.) — 463
- Д'Анжен — см. Ментенон Шарль-Франсуа д'Анжен, де, маркиз
- Д'Арле — см. Арле Франсуа де Шанваллон
- Д'Артуа, гр. — см. Карл X, король Франции
- Д'Этамп (Marquis d'Étamp; нач. XVIII в.), маркиз — 351
- Давид Жак-Луи (David Jacques-Louis; 1748–1825), французский худ. — 382
- Давыдов Александр Львович (1773–1833), генерал-майор — 463
- Давыдова Аглая (урожд. де Граммон де Полиньяк) — 463
- Даль Владимир Иванович (1801–1872), писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач — 372, 379
- Дальберг Эрик Ёнссон (Dahlbergh Erik Jönsson; 1625–1703), шведский инж.-фортификатор — 256–257
- Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), социолог, культуролог, публицист — 50
- Данкерте Корнелис (Danckertsz Cornelis; 1603–1656), нидерландский гравёр и издатель — 217*
- Данков Михаил Юрьевич, историк — 259*
- Дантен (д'Антен), герцог — см. Антен Луи Антуан, д'
- Дантес (д'Антес) Жорж Шарль — см. Геккерен Жорж Шарль, де
- Дантон Жорж Жак (Danton Georges Jacques; 1759–1794), французский политический деятель, революционер — 416–419
- Д'Аржанвиль Антуан-Жозеф Дезалье (d'Argenville Antoine-Joseph Dezallier; 1680–1765), французский натуралист, историк искусства — 222, 225
- Дациаро (пер. треть XIX в.), семья итальянских купцов, торговавших на петербургском художественном рынке — 339
- Дашков Павел Яковлевич (1849–1910), коллекционер рукописей Пушкина, рисунков, портретов гравиур, чертежей — 493
- Дашкова Екатерина Романовна (урожд. гр. Воронцова, 1743–1810), кн., директор Петербургской Академии наук — 182, 184, 205
- Деболи Августин (втор. пол. XIX в.), учитель фр. яз. в Воронежском кадетском корпусе — 161
- Дебриньи (Бриньи, де) Аграфена Васильевна (втор. пол. XVIII в.) — 160–161
- Дебриньи (Бриньи, де) Александр Петрович (Фредерик-Якоб; ок. 1727–между 1795 и 1810), чиновник — 159–160
- Дебриньи (Бриньи, де) Егор Александрович (ок. 1778–1857), полковник — 161
- Дебриньи (Бриньи, де) Елизавета (сер. XVIII в.) — 160
- Дебриньи (Бриньи, де) Иван Петрович (Иоанн-Александр; ок. 1742–1794), полковник — 159–160
- Дебриньи (Бриньи, де) Михаил Александрович (кон. XVIII в.), ротмистр — 161
- Дебриньи (Бриньи, де) Пётр Александрович (кон. XVIII в.), ротмистр — 161
- Дебриньи Клод Пётр — см. Бриньи Клод Пьер, де

- Дебу Наталья Франсуа (урожд. Родофиникин; ум. 1793), дочь купца — 459
- Дебюр Гийом-Франсуа (Debure, Guillaume-François; 1731–1782), французский библиограф и книготорговец — 341
- Дебюсси Ашиль-Клод (Debussy Achille-Claude; 1862–1918), французский композитор — 411–412
- Девиньи (де Винье) Феликс (1806–1852), бельгийский живописец — 342
- Дево Антон (втор. пол. XVIII в.), французский иммигрант в России с 1779, учитель по контракту — 150
- Девользай Пётр Петрович (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России, учитель в Курске — 147
- Дегронов Антон (де Грон Жан, втор. пол. XVII в.), француз на русской службе — 152
- Дегронов Данила (де Грон Карл; втор. пол. XVII в.), француз на русской службе — 152
- Дегтярёва Мария Игоревна (кон. XX в.), историк — 50–53
- Дежай (Mère Marie-Adèle Dejay, в миру Claudine Dejay; 1862–1958), монахиня конгрегации св. Иосифа — 199
- Дезер Леон (Deshairs Léon; 1874–1967), французский искусствовед — 403
- Декарт Рене (Descartes René; 1596–1650), французский философ, математик, механик, физик, физиолог — 182, 184
- Декер Иоганн Баптист (кон. XVIII в.), владелец шёлковой фабрики в Могилёвском уезде — 152
- Деюри де Сен-Совёр Жан-Батист (сер. XVIII в.), французский консул в России — 102
- Деламбер Анна-Тереза (урожд. де Маргена де Курсель, 1647–1733), маркиза, французская писательница, хозяйка литературного салона — 180, 182, 184
- Делери Жан (кон. XVIII в.), француз, суконный фабрикант в Петербурге — 151
- Делиль Жак (Delille Jacques; 1738–1813), аббат, французский поэт и переводчик — 279, 382
- Делонжевил (Лонгсевиль, де; кон. XVIII в.), владелица пильной мельницы — 143
- Делькассе Теофиль (Delcassé Théophile; 1852–1923), французский дипломат — 74
- Дельфин Дени (Delphine Denis)* специалист по французской литературе — 179
- Дем Александра (кон. XIX в.), французенка, проживавшая в Воронеже — 162
- Дем Генриетта (кон. XIX в.), французенка, проживавшая в Воронеже — 162
- Дем Генрих (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Демидов Прокофий Акинфиевич (1710–1786), купец, владелец крупных горнопромышленных предприятий, меценат, благотворитель — 270–271
- Демут Анна-Мария (пер. треть XIX в.) — 460
- Ден Джон (1679–1761), офицер военно-морского флота Российской империи — 93, 96–97
- Депорт Александр-Франсуа (Desportes Alexandre-François; 1661–1743), французский живописец и декоратор, известный работами в анималистическом жанре — 393
- Депре (Derpez), семья московских виноторговцев — 199
- Державин Гаврила Романович (1743–1816), поэт, государственный деятель — 461, 463
- Десен (Dessaint; нач. XIX в.), французский книготорговец — 341
- Десницкий Василий Алексеевич* (1878–1958), революционер, литературовед, педагог — 471

- Дестрем Владимир Морисович (Destrem; XIX в.), ст. сын М. Г. Дестрема, инж. путей сообщения — 483, 489
- Дестрем Дмитрий Морисович (Destrem; 18??—1866), мл. сын М. Г. Дестрема, инж. путей сообщения, генерал-лейтенант — 483, 489
- Дестрем К. А. — см. Колыско Кира Алексеевна
- Дестрем Морис Гугович (Жан-Антуан-Морис; Destrem J.-A.-M.; 1787—1855), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1804, инж. мостов и дорог, инженер-генерал — 482—495, 497, 499
- Детуш (Detouches, урожд. Депре; сер. XIX в.), основательница реального училища св. Филиппа Нерийского в Москве (1861), меценат — 198—199
- Дефрак Марк — см. Верак Шарль-Оливье де Сен-Жорж, де
- Дезизо Пьер* (1687—1730), французский ботаник — 106
- Джарри Мадлен, искусствовед — 361
- Джевецкий Степан (Стефан) Карлович (1843—1938), исследователь и изобретатель в области подводного кораблестроения, авиации и минного оружия — 443
- Джернингхэм Джордж (нач. XVIII в.), доверенное лицо Джеймса Батлера, одного из руководителей якобитского движения — 28
- Джонс Иниго (Jones Inigo; 1573—1652), английский архитектор, дизайнер, худ., сценограф — 216
- Дидо Оскар-Жан Францевич (ок. 1841—после 1902), гражд. инж., архитектор — 199
- Дидот Франсуа-Амбруаз (Дидо, Didot François-Ambroise; 1730—1803), французский книготорговец и издатель — 341
- Дидро Дени (Diderot Denis; 1713—1784), французский писатель, философ-просветитель — 10
- Дилер Жозеф (втор. пол. XVIII в.), французский иммигрант в России, мастеровой — 150
- Диллон Артур (нач. XVIII в.), генерал-лейтенант французской службы, представитель якобитов во Франции — 32
- Димитрий (Муретов; 1811—1883), архиепископ Херсонский и Одесский — 308
- Димитрий* (Самбкин; 1839—1908), архимандрит — 160
- Дмитриев Виктор Васильевич* (втор. пол. XX в.), архитектор, худ. — 108
- Дмитриев Павел Вячеславович (р. 1962), литературовед — 409
- Добренко Александр Алексеевич (р. 1953), судомоделист — 90
- Добронравов Василий Гаврилович* (1861—1919), преподаватель Владимирской духовной семинарии, краевед — 281, 284
- Добужинский Мстислав Валерианович (1875—1957), худ., мастер гордского пейзажа — 316
- Долгоруков Василий Владимирович (1667—1746), кн., генерал-фельдмаршал — 105
- Долгоруков Василий Лукич (ок. 1670—1739), кн., дипломат — 26, 31—32, 91—92
- Долгоруков Иван Алексеевич (1708—1739), кн., сын кн. А. Г. Долгорукова, фаворит имп. Петра II — 45
- Долгорукова Екатерина Фёдоровна (урожд. Барятинская; 1769—1849), кн., статс-дама — 385
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820—1893), кн., генерал-губернатор Юго-Западного края — 308
- Дорофеева Людмила Павловна*, искусствовед — 229
- Достоевский Фёдор Михайлович (1821—1881), писатель, философ, публицист — 424, 427
- Дризен Николай Васильевич (1858—1935), барон, историк театра, мемуарист — 408

- Дубинин Фаддей (пер. треть XVIII в.), кузнец — 238
- Дубяго Татьяна Борисовна (1899–1959), ландшафтный архитектор — 241
- Дудин Михаил Александрович (1916–1993), поэт, переводчик, журналист, воен. корреспондент — 420
- Дульсе Мари-Огюстен-Жан (нач. XX в.), французский полномочный министр — 76, 87
- Думер Поль (Doumer Paul; 1857–1932), французский политик времён Третьей республики — 80
- Думерг Гастон (Doumergue Gaston; 1863–1937), французский государственный и политический деятель, президент Франции времён Третьей республики — 81
- Думитреску Александр (Dumitrescu; нач. XIX в.), отец Александра Палеолога — 75
- Дурново Николай Дмитриевич (1725–1816), генерал-аншеф — 272
- Д'Элестрад Севастьян Степанович (втор. пол. XVIII в.), французский иммигрант в России, содержатель пансиона в Нижнем Новгороде — 154
- Д'Элестрадова Анна Егоровна (втор. пол. XVIII в.) — 154
- Дэпрэ Жан-Батист-Дэни (Despré Jean-Baptiste-Denis; 1752–1832), французский литератор, политический журналист, автор водевилей и либретто — 382
- Дэш Матильда (кон. XIX в.), французская женщина, проживавшая в Воронеже — 162
- Дюамель Жан-Батист (Du Hamel Jean-Baptiste; 1624–1706), французский философ — 367
- Дюбуа Гийом (Dubois Guillaume; 1656–1723), премьер-министр Франции в 1718–1723, кардинал — 232
- Дюбуа де Сан-Желен Луи-Франсуа (Dubois de Saint-Gelais Louis-François; 1669–1737), французский литератор — 355–356
- Дюгамель Л. (урожд. д'Алансон, ум. 1798) — 459
- Дюжарден-Боме Анри Шарль (Dujardin-Beaumetz Henri-Charles-Etienne; 1852–1913), французский художник и политик, заместитель государственного секретаря Франции по изящным искусствам — 396
- Дюкло Жак (Duclos Jacques; 1896–1975), французский политический деятель, фактический преемник Мориса Тореза — 421
- Дюкуэдик Фома Францевич (Дю Куэдик; Дюкудик; Discouëdic Th. M. L.; 1801–1829), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1817, инж. — 483, 488
- Дюлон Жорж-Фердинанд-Шарль (нач. XX в.), французский дипломат — 76
- Дюма Александр-отец (Dumas Alexandre; 1802–1870), французский писатель, драматург, журналист — 188, 421
- Дюма Пий (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Дюмесни Иван (втор. пол. XVIII в.), французский военный, в России с 1773 г. — 146
- Дюпуи Прасковья (нач. XX в.), жена француза, жительница Воронежа — 163
- Дюран де Дистрофф Франсуа-Мишель (Durand de Distroff François-Michel; 1714–1778), посол Франции в России в 1772–1774 гг. — 141
- Дюфу (Дюфур) Жиль (Dufour Jille; нач. XVIII в.), чеканщик и полировщик — 236
- Дюшен Анри (втор. пол. XVIII в.), французский иммигрант в России — 150
- Дюшен Елизавета (втор. пол. XVIII в.), французская иммигрантка в России — 150
- Дюшен Жан (втор. пол. XVIII в.), французский иммигрант в России — 150
- Дюшен Жозеф (втор. пол. XVIII в.),

- французский иммигрант в России, учитель — 150
- Дюшен Мария (втор. пол. XVIII в.), французская иммигрантка в России — 150
- Дюшен Элеонора (втор. пол. XVIII в.), французская иммигрантка в России — 150
- Дягилев Сергей Павлович (1872–1929), театральный и художественный деятель — 213, 384, 396, 398
- Евангулова Ольга Сергеевна (1933–2016), историк искусства, педагог — 230, 381, 386–387
- Евгений (Болховитинов; 1767–1837), митрополит Киевский и Галицкий — 156
- Евдокия Фёдоровна (урожд. Лопухина; 1669–1731), царица, супруга Петра I, в иночестве Елена — 130
- Евреинова Е. А. (кон. XIX в.), дочь статского советника — 315
- Егоров Дмитрий Фёдорович (1869–1931), математик — 428
- Егоров Евдоким Алексеевич (1832–1891), художник — 444
- Екатерина I Алексеевна (1684–1727), российская императрица — 19–25, 106, 160, 249, 328
- Екатерина II Алексеевна (урожд. Софья Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg; 1729–1796), российская императрица — 10, 45, 49, 56, 63, 74, 136–137, 139, 145, 151–152, 167, 171–173, 176, 179, 182–184, 196, 203–205, 272–273, 278, 290, 336, 339, 342, 381–382, 385–388, 402, 414, 445, 457, 459–460, 463
- Елазин Сергей Иванович* (1824–1868), историограф Российского флота, капитан 1-го ранга — 95
- Елена Павловна (1784–1803), вел. кнж., дочь Павла I, позже герцогиня Мекленбург-Шверинская — 385
- Елизавета Алексеевна (1779–1826), российская императрица, супруга имп. Александра I — 386
- Елизавета Петровна (1709–1761), российская императрица — 13, 25, 35, 38, 40–46, 73, 116, 127, 132–133, 145, 150, 176, 334, 358
- Елисеев Николай Александрович*, инж. путей сообщения, математик, историк науки — 501
- Елчанинов Матвей Максимович (1756–1816), генерал-майор флота — 148
- Елчанинов Николай Тимофеевич (кон. XVIII в.), генерал-поручик — 148
- Елчанинов Яков Васильевич (1710–1781), генерал-поручик — 148
- Епишкин Николай Иванович (р. 1939), филолог — 372, 379
- Ермонская Вера Васильевна* (сер. XX в.), искусствовед — 343
- Еропкин Пётр Дмитриевич (1724–1805), военный и государственный деятель — 196
- Ерофеев Алексей Дмитриевич (р. 1958), краевед, член Топонимической комиссии Петербурга, журналист — 414–415, 421
- Есаков Иван Иванович (р. 1745), первый русский консул в Кёнигсберге (1783–1799) — 149
- Ефимова Н. Г.*, историк — 289
- Ефрон Илья Абрамович* (1847–1917), типограф и книгоиздатель — 99
- Жаке** (сер. XIX в.), учитель фр. яз. в Воронежском кадетском корпусе — 161
- Жакоб Анри (втор. пол. XVIII в.), французский мебельщик — 391
- Женев Евгения (кон. XIX в.), француженка, проживавшая в Воронеже — 162
- Женет (Жене Эдмон-Шарль; Genêt Edmond-Charles; 1765–?), французский поверенный в делах при русском дворе с 1789 г. — 149
- Жерве (пер. треть XIX в.), француз, владелец винного погреба в Воронеже — 158

- Жерве Шарль-Юбер (Gervais Charles-Hubert; 1671–1744), французский композитор — 351
- Жерихина Елена Игоревна (р. 1950), историк, краевед — 457
- Жибер Александр Эрнстович (кон. XIX — нач. XX в.), инж. путей сообщения — 296
- Жибер Георгий-Генрих-Владимир Эрнстович (1872–?), воен. инж. — 296
- Жибер Е. Иванович? (1830/1831–после 1895), купец — 315
- Жибер Евгений Эрнстович (кон. XIX — нач. XX в.), инж.-строитель, юрист — 296
- Жибер Мария Александровна (псевдоним Мирра Лохвицкая; 1869–1905), поэт — 296
- Жибер Ольга (урожд. Фегин (1838–1900), жена архитектора — 296
- Жибер Ольга Павловна (урожд. Лелянова; кон. XIX в.), 1-я жена Г. Э. Жибера — 296
- Жибер Эмиль (пер. пол. XIX в.), отец архитектора — 292
- Жибер Эрнест Иванович (Gibert Ernest; 1823–1909), архитектор французского происхождения, работавший в России — 291–315
- Жибер Юлия-Оттилия-Амалия (урожд. Сиверс; нач. XX в.), 2-я жена Г. Э. Жибера — 296
- Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918), генерал — 288–289
- Жилярди Александр Осипович (Gilardi Alessandro; 1808–1871), швейцарский и российский архитектор итальянского происхождения — 198
- Жилярди Дементий Иванович (Gilardi Domenico; 1785–1845), швейцарский архитектор, работавший в Москве — 198
- Жирар Никола (Girard (Gérard) Nikolas; кон. XVII в.), рисовальщик — 232
- Жиро Рене (Girault René; 1929–1999), французский историк — 71
- Жокур Франсуа, де (Jaucourt François, de; 1757–1852), французский политический деятель — 60
- Жорес Жан (Jaurès Jean; 1859–1914), французский философ, историк, деятель международного социалистического движения — 414, 421
- Жофрен Мария Тереза (урожд. Роде, Rodet Geoffrin Marie Thérèse; 1699–1777), хозяйка литературного салона в Париже — 182, 184
- Жоффе Жозеф Жак-Сезар (Joffre Joseph Jacques-Césaire; 1852–1931), французский воен. деятель — 415
- Жубер Поль Рейналь (нач. XIX в.), французский издатель, книготорговец — 341
- Жубер Селестэн (нач. XX в.), французский музыкальный издатель — 411
- Жувене Жан (Jouvenet Jean; 1644–1717), французский живописец — 356
- Жуков А. Н. (кон. XX в.), историк архитектуры — 302
- Журдан Карл Иванович (ок. 1792–1847), преподав. фр. языка в Воронежской гимназии — 157–158
- Заборов Пётр Романович (р. 1931), филолог — 398
- Завальный А. Н. (кон. XX в.), историк архитектуры — 302
- Зайцев Л., переводчик — 74
- Зайцева Александра Александровна (1929–1996), филолог, историк книги, переводчик — 334, 337–338, 340, 470
- Зайцева Наталья Владимировна (р. 1966), искусствовед — 178
- Закревская Галина Петровна (р. 1937), музейный деятель — 497
- Залесов Валерий Геннадиевич (р. 1961), архитектор, историк архитектуры — 315
- Захаров Виктор Николаевич (р. 1951), историк — 142
- Зверев Стефан Егорович (1860–1922), краевед — 161

- Звитен Стефен, ван (Zwieten Steven, van; кон. XVII—пер. треть XVIII в.), голландский архитектор, работал в Петербурге с 1721 по 1727 г. — 216
- Згура Владимир Васильевич (1903–1927), искусствовед, историк, москвовед — 218
- Здешнев В. П. (XX в.), музейный деятель — 497
- Зейванг А. Ф., московский нотоиздатель — 411
- Земсков Игорь Николаевич* (1921–1982), советский дипломат — 88
- Земцов Михаил Григорьевич (1688–1743), архитектор — 216
- Зилоти Александр Ильич (1863–1945), пианист, дирижёр, музыкально-общественный деятель — 409
- Зильберминц Людмила Вениаминовна* (1909–1972), библиограф — 494
- Зимин Сергей Иванович (1875–1942), театральный деятель, меценат, основатель театра «Опера С. Зимина» — 409, 411
- Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фамилия Радомысльский; 1883–1936), революционер — 87
- Знаменов Вадим Валентинович* (р. 1936), историк, музейный деятель — 241, 252–253
- Зограф Наталья Юрьевна*, искусствовед — 158
- Зойленберг Генрих, фон (сер. XVII в.), инж. — 256
- Зон Игнатий Сергеевич (нач. XX в.), театральный деятель, антрепренёр — 409, 411
- Зорин Андрей Леонидович* (р. 1956), литературовед, историк — 56, 156
- Зотос Конон Никитич (1690–1742), контр-адмирал — 90, 94–95, 231, 233, 439, 441
- Зубеев Сергей*, переводчик — 354
- Зубов Алексей Фёдорович (1682–1751), гравёр чёрной манерой и резцом — 333–334
- Зубов Платон Александрович (1767–1822), гр. с 1793, светл. кн. с 1796, генерал-губернатор Новороссии, фаворит Екатерины II — 385
- Иван III Васильевич (1440–1505), вел. кн. Московский — 75, 430
- Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), царь — 430, 433
- Иван V Алексеевич (1666–1696), царь — 334, 437
- Иван VI Антонович (1740–1764), император — 42, 45
- Иван Алексеевич, царь — см. Иван V Алексеевич, царь
- Иван Антонович, император — см. Иван VI Антонович, император
- Иван Грозный, царь — см. Иван IV Васильевич Грозный, царь
- Иванов Фёдор (нач. XVIII в.), столяр — 236–237
- Иванова Евгения Викторовна* (р. 1948), филолог — 408
- Извольский Александр Петрович (1856–1919), дипломат, государственный деятель — 400, 449
- Извольский Пётр Петрович (1863–1928), обер-прокурор Святейшего Синода 1906–1909, в эмиграции протоиерей — 452
- Измайлова Анастасия Михайловна (урожд. Нарышкина; 1703–1761), статс-дама при дворе имп. Елизаветы Петровны — 43
- Иконников Андрей Владимирович* (1926–2001), историк и теоретик архитектуры — 297
- Ильина Татьяна Валериановна (р. 1934), искусствовед — 230, 329
- Иоанн Алексеевич, царь — см. Иван V Алексеевич, царь
- Иоганн Мориц Нассау-Зигенский (Johann Moritz Fürst von Nassau-Siegen; 1604–1679), голландский принц, меценат — 355, 359–362
- Иоганн-Георг III (Johann Georg III; 1647–1691), курфюрст саксонский с 1860 г. — 246
- Иогансен Марина Викторовна (1924–2006), искусствовед, историк архитектуры — 221, 485
- Иоффе Абрам Фёдорович (1880–1960), физик — 77
- Исакова Елена Валентиновна*, историк — 298–299

- Казаков Матвей Фёдорович (1738–1812), архитектор — 271–272, 275
- Казаков Родион Родионович (1758–1803), архитектор — 284
- Казанская Евгения Владимировна (1915–1996), архитектор-реставратор — 252
- Казимир-Перье Камила (сер. XIX в.), супруга дипломата Огюста Казимира-Перье — 64–65
- Казимир-Перье Огюст (Casimir-Perier Auguste; 1811–1876), секретарь посольства Франции в России — 64–65
Калмыков И. Я. — 494
- Калязин Евгений Андреевич (1929–2014), инж., историк — 225–226, 228–229, 264
- Калязина Нинель Васильевна (1930–2000), искусствовед, историк архитектуры — 216, 225–226, 228–229, 233–234, 236, 264
- Камарело Грилло Шейла Виейра, де*, бразильский филолог, лингвист — 428
- Камерон Чарльз (Cameron Charles; 1745/1746–1812), шотландский архитектор, в Петербурге с 1779, в 1782 приступил к формированию резиденции наследника Павловска — 390–391
- Каминская Анна Генриховна* (р. 1939), искусствовед — 327
- Кампен Якоб, ван (Campen Jacob, van; 1596–1657), нидерландский худ., архитектор — 215
- Кампиони Сантин Петрович (Сантино, Сентин; 1774–1847), российский скульптор итальянского происхождения — 198
- Кампредон Жак, де (Campredon Jacques, de; 1672–1749), французский дипломат, представитель Франции в России — 102, 105
- Каравак Луи (Каравакк, Caravaque Louis; 1684–1752 или 1754), французский худ., работавший с 1716 в России — 223
- Карамзин Андрей Николаевич (1814–1854), полковник, сын историка Н. М. Карамзина — 299
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, литератор — 50–51, 53, 122–123, 173
- Карамзина Аврора Карловна (урожд. баронесса Шернваль, в первом браке Демидова; 1808–1902), фрейлина, статс-дама, благотворительница — 299
- Карбоньер д'Арсит Лев Львович (Карбонье Луи Бартоломей; Carbonnier d'Arsit L. V.; 1770–1836), воен. инж., инженер-генерал — 483–486, 488–489, 493, 499
- Кардасиер (Кандастер) Антон (нач. XVIII в.), подмастерье чертёжного дела — 232
- Карев Андрей Александрович* (р. 1950), искусствовед — 381, 386–387
- Карем Мари-Антуан (Carême Marie-Antoine; 1784–1833), французский повар, работавший в 1819 в Зимнем дворце — 206–208
- Кариньо (Кариньяно, Vittorio Amedeo I di Savoia; 1690–1741), принц из Савойского дома, 3-й принц Кариньяно — 122
- Карл I (Karl I; 1600–1649), английский король — 434
- Карл VI (Karl VI; 1685–1740), император Священной Римской империи — 431
- Карл X (Karl X; 1757–1836), король Франции с 1824 по 1830, до 1824 — граф д'Артуа — 62, 416
- Карл XI (Karl XI; 1655–1697), шведский король — 256
- Карл XII (Karl XII; 1682–1718), король Швеции — 11–12, 26–30, 241, 256–257
- Карл Генрих (Николай Оттон) Нассау-Зигенский (Karl Heinrich Nikolaus Otto, prince de Nassau-Siegen; 1743–1808), принц, адмирал, командующий Балтийским и Черноморским гребными флотами — 445
- Карначёв Александр Евгеньевич* (р. 1972), историк, филолог — 216–217, 219, 224, 227

- Карон (Caron; сер. XVIII в.), французский металлург — 140
- Карп Сергей Яковлевич* (р. 1959), историк — 34, 47
- Каррер д'Анкосс Элен* (урожд. Зурабишвили, р. 1929), постоянный секретарь Французской академии, историк, политолог — 49
- Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978), балерина — 81
- Кастанеда Карлос (Castañeda Carlos; 1925 или 1931 или 1935–1998), американский писатель, антрополог, этнограф — 427
- Качалов Григорий Аникиевич (1711 или 1712–1759), гравёр резцом и офортом — 334
- Кашен Марсель (Cachin Marcel; 1869–1958), французский коммунист — 81
- Каштанов Сергей Михайлович (р. 1932), историк — 166–167
- Кваренги Джакомо (Quarenghi Giacomo; 1744–1817), итальянский архитектор, с 1780 работавший в Санкт-Петербурге — 460
- Квасов Алексей Васильевич (нач. 1720-х–1777), архитектор — 290
- Кейзер Хендрик, де (Keyser Hendrick, de; 1565–1621), нидерландский архитектор и скульптор — 217–218
- Келенбек Хендрике, немецкая студентка — 354
- Кене (Кенэ) Франсуа (Quesnay François; 1694–1774), французский экономист, основоположник и лидер учения физиократов — 185
- Кералио Л.-Ф. Гинемо, де (K?ralio Louis-Félix Guinement, de; 1731–1793), французский военный историк — 99–100
- Керн Анна Павловна (урожд. Полторацкая, по второму мужу Маркова-Виноградская; 1800–1879), автор мемуаров — 493
- Керсновский Антон Антонович* (1907–1944), публицист, воен. историк — 125
- Килевейн Роберт Яковлевич (1825–1895), архитектор, реставратор — 303
- Киндинов Михаил Александрович* (р. 1989), историк — 73
- Кириков Борис Михайлович (р. 1948), искусствовед, историк архитектуры — 230, 291
- Кириченко Евгения Ивановна* (р. 1931), историк архитектуры, искусствовед — 293
- Кириштенштейн Вильгельм Адам (ум. 1705), немецкий инж., архитектор — 259–261
- Киселёв Павел Дмитриевич (1788–1872), гр. с 1839, государственный деятель, посол во Франции в 1856–1862 гг. — 449–450
- Киселёв Сергей Дмитриевич (1793–1851), подполковник, московский вице-губернатор — 493
- Кит (Кейт) Джордж (Keith George, 10-th Earl Marischal; 1693–1778), шотландский дворянин, деятель якобитского движения, 10-й лорд-маршал — 29
- Кишкинова Евгения Михайловна* (р. 1967), искусствовед — 294
- Клапейрон Эмилий Клавдиевич (Бенуа Поль Эмиль; Clapeyron V. P. E.; 1799–1864), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1816, горный инж., французский физик и механик — 482–484, 489–490, 493, 495–496
- Клапье де Колонг Александр (ум. 1743), полковник, начальник инженерной школы — 109
- Клейн Иоганн Якоб (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России — 152
- Клейнер С.* (нач. XX в.), историк, переводчик — 240
- Клименко Сергей Васильевич (р. 1969), историк архитектуры — 230
- Клименко Юлия Гаврииловна (р. 1971), историк архитектуры, педагог — 269, 273–275

- Климент XI (Clemens XI, в миру Джан-франческо Альбани; 1649–1721), папа Римский с 1700 — 323
- Клинкштрём Отто Вильгельм, фон (нач. XVIII в.), шведский государственный деятель, секретарь Карла XII — 30, 33
- Клостерман Герман (Иоганн Герман, Klosterman Johann Hermann; 1757–1838), немец, с 1768 в Петербурге, российский подданный с 1807, книготорговец — 336, 340–344
- Клостерман Иоганн (втор. пол. XVIII), немецкий подданный, с 1768 в Петербурге, педагог — 340
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк — 46
- Кобак Александр Валерьевич (р. 1952), историк архитектуры, краевед — 10, 189, 296, 313, 395
- Кобеко Дмитрий Фомич* (1837–1918), государственный деятель, историк, библиограф — 37
- Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), историк, юрист, социолог — 13, 83
- Козимо III Медичи (Cosimo III. de' Medici; 1642–1723), великий герцог Тосканы — 324
- Козицкий Григорий Васильевич (1724–1775), писатель, журналист — 175
- Козловский Михаил Иванович (1753–1802), скульптор — 343
- Кокоринов Александр Филиппович (1726–1772), архитектор — 335
- Коленкур Арман, де (Saulaincourt Armand, de; 1773–1827), маркиз, герцог Виченцкий, французский дипломат, представлявший Францию при дворе Александра I — 59, 74, 286–287
- Колиньи Рок, де (Coligny Roch, de), эксперт по антиквариату, руководитель кабинета экспертизы «Оноре д'Юфре» (Париж) — 35, 37
- Кологривов Юрий Иванович (1680 или 1685–1754), денщик Петра I, агент по найму мастеров и покупке художеств. произведений в Европе, архитектор — 327
- Кологривова Берта (урожд. Баньоль; кон. XIX в.), преподаватель в Воронеже — 162
- Кольско Кира Алексеевна (Дестрем; кон. XX в.), праправнучка Мориса Дестрема — 492–493
- Кольбер Жан-Батист (Colbert Jean-Baptiste; 1619–1683), французский государственный деятель, фактический глава правительства при короле Людовике XIV после 1665 г. — 24, 90
- Кольчугин Н. И. (кон. XVIII в.) книготорговец — 336
- Компанилий Павел (пер. треть XVIII в.), каменных дел мастер — 238
- Компасси Фердинанд (сер. XVIII в.), итальянский певец, придворный оперный певец в Петербурге при Елизавете Петровне и Екатерине II до 1765 г., шут — 39
- Кондырев Иван Гаврилович (ум. 1635), дипломат, посланник во Франции — 433
- Конингсбрюгге Ханс, ван* (р. 1959), голландский историк — 12, 28
- Конский Григорий Григорьевич (нач. XX в.), юрист — 409–413
- Констан Бенжамен (Constant de Rebecque Henri-Benjamin; 1767–1830), францужско-швейцарский писатель, публицист, политический деятель — 168
- Константин Николаевич (1827–1892), вел. кн., второй сын имп. Николая I, генерал-адмирал — 443
- Константин Павлович (1779–1831), вел. кн., второй сын имп. Павла I — 60, 339
- Копелев Дмитрий Николаевич (р. 1963), историк — 26–27, 30, 34
- Копелевич Юдифь Хаимовна* (1921–2009), филолог — 365, 369
- Копиевский (Копиевич) Илья Фёдорович (ок. 1651–1714), просветитель белорусского происхождения, издатель, переводчик, поэт, писатель — 332

- Корбо Жан (втор. пол. XVIII в.), французский иммигрант в России — 150
- Корде Шарлотта (1768–1793), французская дворянка, убийца Марата — 417–418
- Корндорф Анна Сергеевна (р. 1975), искусствовед — **240**
- Корнель М. (нач. XVIII в.), французский живописец — 393
- Коробов Иван Кузьмич (1700–1747), архитектор — 221
- Король-Солнце — см. Людовик XIV
- Корсакова Наталия Леонидовна, историк — **73**
- Космолинская Галина Александровна*, историк — 34
- Коссе Гиацинт-Уг-Тимоллеон, де (пер. пол. XIX в.), гр. — 381
- Коссель (сер. XVIII в.), итальянский купец — 343
- Костомаров Николай Иванович (1817–1885), историк — 157
- Котт Жюль-Робер, де (Cotte Jules-Robert, de; 1683–1767), французский архитектор, сын архитектора Робера Котта — 356
- Котт Робер, де (Cotte Robert, de; 1656–1735), французский архитектор, дизайнер — 226
- Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), гр. с 1799, кн. с 1831, государственный деятель — 300
- Кочубеи, княжеский род — 486
- Коэн Александр (кон. XIX в.), владелец модного магазина в Воронеже — 162
- Краев Евгений Николаевич (втор. пол. XX в.), фотограф — 493
- Красковский Евгений Яковлевич (1918–1993), специалист в области железнодорожного транспорта — 496
- Красникова Ольга Алексеевна* (р. 1956), историк — 264
- Крашенинников Аркадий Фёдорович* (1922–2016), историк архитектуры — 270
- Кребийон Проспер Жолио, де (Crébillon Prosper Jolyot, de; 1674–1762), французский драматург — 346
- Крейц, вице-адмирал — см. Крюйс Корнелий Иванович
- Кригер Лариса Валерьевна* (р. 1961), архитектор, историк архитектуры — 299
- Кристева Юлия Стоянова (р. 1941), французская исследовательница литературы, писательница, психоаналитик болгарского происхождения — 425–426
- Кристиан V (Christian V; 1646–1699), король Дании и Норвегии — 244–246, 248
- Кристиан VI (Christian VI; 1699–1746), король Дании и Норвегии — 247
- Крокош Павел (р. 1976), польский историк — **466**, 476
- Кротов Павел Александрович (р. 1961), историк — 90, 93, 96
- Крылов Алексей Николаевич (1863–1945), математик, механик, кораблестроитель — 446, 490
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844), публицист, поэт, баснописец — 212
- Крюйс Корнелий Иванович (Crøys Kornelius; 1655–1727), русский адмирал (1721), норвежского происхождения — 92
- Крючков Юрий Семёнович (1928–2015), инж.-механик по судовым паросиловым установкам, историк, краевед — 493
- Куан Александр (кон. XIX в.), преподаватель в Воронеже — 162
- Куантеро Франсуа (кон. XVIII в.), французский архитектор — 279
- Кузьмин Осип (ум. 1722), караульный — 238
- Кузьмин Роман Иванович (1811–1867), архитектор — 292, 297, 305
- Кузьмин-Караваев Андрей Алексеевич (втор. пол. XVIII в.), владимирский губернский предводитель дворянства в 1797–1802 гг. — 281, 283
- Кулагин А. М.*, историк — 306
- Кулишер Иосиф Михайлович* (1878–1933 или 1934), экономист — 122

- Кулон Алферий Степанович (Альбрехт), де (?—1735 или 1740), инж.-подполковник — 106–108
- Кумпф З. (Kumpf)*, немецкий историк — 67, 69
- Куник Арист Аристович (Kunick Ernst-Eduard; 1814—1899), российский историк — 256
- Купер Уильям (Вилим; нач. XVIII в.), якобит, экипажмейстер Российского флота — 29
- Куракин Александр Борисович (1752—1818), кн., дипломат, друг детства вел. кн. Павла Петровича, сопровождал цесаревича в путешествии по Европе — 207–208, 210, 381, 389
- Куракин Алексей Борисович (1759—1829), кн., государственный деятель — 210
- Куракин Борис Иванович (1676—1727), кн., дипломат, посол России в Париже — 12, 15, 132–133, 323–330, 351, 377, 449, 451
- Куракин Иван Борисович (1761—1827), кн., гвардейский полковник — 210
- Куракин Степан Борисович (1754—1805), кн., офицер и чиновник — 208, 210–211
- Куракин Фёдор Алексеевич* (1842—1914), кн., издатель семейных архивов — 324
- Куракина Наталья Ивановна (урожд. Головина; 1766—1813), кн. — 381–382
- Куртолье Жан Людвиг (?—1883), французский клоун в Воронеже — 163
- Курукин Игорь Владимирович (р. 1953), историк — 100, 103, 107
- Кусевицкий Сергей Александрович (Koussevitzky Serge; 1874—1951), русский и американский контрабасист, дирижёр, композитор — 409, 412
- Кусто Жак-Ив (Cousteau Jacques-Yves; 1910—1997), французский исследователь мирового океана, фотограф, режиссёр — 421
- Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927), худ., портретист, декоратор — 316, 397
- Кухтырев Степан (пер. треть XVIII в.), караульный солдат — 238
- Кучумов Василий Никитович (1888—1959), живописец, пейзажист, театральный художник — 392
- Кшесинская Матильда Феликсовна (1872—1971), балерина — 81
- Кюи Александр Антонович (1824—1909), архитектор — 161–162
- Кюи Антуан (Антон) Леонардович (Сui; нач. XIX в.), фр. офицер — 161
- Кюи Наполеон Антонович, фотограф — 161
- Кюи Николай Антонович — 161
- Кюи Цезарь Антонович (1835—1918), композитор и воен. инж. — 161
- Кюстин Астольф Луи Леонор, де (Custine Astolphe Louis Léonor, de; 1790—1857), маркиз, французский писатель, путешественник, автор записок о России — 49, 53–56, 209–210
- Л'Аббедеслон (ум. 1798), супруги — 459
- Л'Опиталь Галуччо Поль-Франсуа, де (сер. XVIII в.), маркиз, французский посол в России при дворе Елизаветы Петровны — 37, 73
- Ла Ферронэ Пьер-Луи-Огюст Феррон, де (Ferron Pierre-Louis-Auguste; 1777—1842), гр., посол Франции в России — 60–61
- Лабенский Ксаверий Иванович (1771—1815), дипломат, коммерсант — 344
- Лабенский Франц Иванович (1780—1850), худ., хранитель картинной галереи Эрмитажа — 344
- Лабулэ Эдуар, де (Laboulaye Édouard, de; 1811—1883), французский писатель, публицист, политический деятель — 168
- Лави Анри, де (Lavie, La Vie Henry de; нач. XVIII в.), французский мор-

- ской комиссар, дипломатический представитель Франции в России — 73, 106
- Лавров Александр Васильевич* (р. 1949), литературовед — 398, 400
- Лавров Пётр Иванович (1907–1983), худ., график-иллюстратор — 212
- Лагарп Жан-Франсуа, де — см. Гарп Жан-Франсуа, де Ла
- Лагиш Пьер-Адольф-Анри-Викторьен, де (de Laguiche; 1859–1940), маркиз, французский военный аташе, генерал — 76
- Лагрене Жан-Жак (Lagrenee Jean-Jeasque; 1739–1821), французский живописец, гравёр — 345
- Лагрене Луи Жан-Франсуа (Lagrenée Louis Jean-François; 1725–1805), французский художник — 345
- Лагрене Мари Мельхиор Жозеф Теодор, де (Lagrene Théodore Marie Melchior Joseph de; 1800–1862), секретарь посольства Франции в России — 62–63
- Ламбер Анна-Тереза де — см. Деламабер Анна-Тереза
- Ламбер де Герен Жозеф-Гаспар (Lambert de Guérin Joseph-Gaspard; ум. после 1711), французский инж., с 1701 на русской службе — 259, 261
- Ламбо Пьер (Lambot Pierre; пер. треть XVIII в.), французский фонтанный мастер — 231
- Ламе Габриель (Lamé G.; 1795–1870), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1814, горный инж., французский математик, механик, физик — 482–485, 489–490, 494–496, 501
- Ламотт (Ламот) де Лапейруз Габриель, де (la Motte la Peirouse Gabriel, de; ум. 1738), французский генерал — 126, 131–133
- Лампи Старший Иоганн Батист (Lampi Johann Baptist, von; 1751–1830), австрийский худ. — 386
- Ланжерон Александр Фёдорович (1763–1831), гр., французский иммигрант в России, военачальник, глава Новороссии — 148
- Ланкре Никола (Lancret Nicolas; 1690–1743), французский худ. — 342
- Ланн Гюстав-Луи, маркиз де Монтебелло — см. Монтебелло Гюстав-Луи
- Ланн Луи-Огюст-Наполеон, герцог де Монтебелло — см. Монтебелло Луи-Огюст-Наполеон
- Лапьер Франсуа (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России, резчик, житель Саратова — 152
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич* (1863–1919), историк — 256
- Лаппо-Данилевский Константин Юрьевич* (р. 1962), литературовед — 155
- Лаптева Татьяна Александровна* (р. 1955), историк — 328
- Ласковский Фёдор Фёдорович* (1802–1870), воен. инж., преподаватель фортификации — 108–109, 111, 116–117
- Лассерон Бертий (Lasseron Bertille), переводчик — 346
- Ласси (Лесси) Пётр Петрович (1678–1751), гр., генерал-фельдмаршал — 99, 112–113, 125, 160
- Ласунский Олег Григорьевич* (р. 1936), литературовед — 158, 163
- Лафайет Мари Мадлен, де (урожд. Пиош де Ла Вернь, Marie-Madeleine Pioche de La Vergne; по мужу де Лафайет, Comtesse de La Fayette; 1634–1693), французская писательница — 184
- Лафеттоне Пьер Луи Огюст, де (La Feronnays; 1777–1842), гр., французский дипломат, посол в Петербурге в 1819–1827 гг. — 287
- Лафон Эрнест (Lafont Louis-Ernest; 1879–1946), французский политик-социалист — 81
- Лафонтен Жан, де (La Fontaine Jean, de; 1621–1695), французский баснописец — 390, 392
- Лашез Франсуа д’Экс, де (de La Chaise François d’Aix; 1624–1709), французский иезуит, духовник короля Людовика XIV — 23

- Лебедев Сергей Константинович* (р. 1956), историк — 72
- Лебедева Ирина Николаевна* (1932–2013), историк-византинист, источниковед — 28, 368
- Лебетьев Иван (пер. треть XVIII в.), подьячий — 328
- Леблон Жан-Батист Александр (Le Blond Jean-Baptiste Alexandre; 1679–1719), архитектор, мастер садово-парковой архитектуры — 222–229, 231–237, 264–268, 318
- Леблон Мария Маргарита (урожд. Левек; нач. XVIII в.), жена архитектора — 232
- Лебрен Шарль (Le Brun Charles; 1619–1690), французский худ. — 356
- Лебцельтерн Людвиг Йозеф, фон (Lebzelteln Ludwig, von; 1774–1854), гр., посланник Австрии в России — 61
- Левашов Василий Яковлевич (1667–1751), генерал-аншеф, русский наместник Закавказья — 110
- Лёвенвольде Рейнгольд Густав (Loewenwolde Reinhold Gustaw, von; 1693–1758), гр. с 1726, влиятельный придворный в правление Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны — 132–133
- Левендаль Ульрих Фридрих Вольдемар, фон (Léwendahl; 1700–1755), гр., генерал-аншеф российской армии, маршал Франции — 115
- Левинсон-Лессинг Владимир Францевич* (1893–1972), искусствовед, музейный работник — 342
- Левкин Т. Т. (пер. треть XVIII в.), комиссар в Гааге — 326
- Леврон Жак (Levron Jacques; 1906–2004)*, французский историк, архивист — 286
- Легран Екатерина Григорьевна (урожд. Сытина, втор. пол. XVIII в.) — 276
- Легран Никола-младший (Николай Николаевич; 1782–1826), губернский архитектор в Твери — 276
- Легран Никола-старший (1738–1798), французский архитектор, работавший в Москве — 269–273, 275–277, 279
- Леец Георгий Александрович* (1896–1975), воен. историк — 115
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz Gottfried Wilhelm; 1646–1716), немецкий математик и философ — 17, 250, 365–367, 369
- Лейкинд Олег Леонидович* (р. 1953), историк, общественный деятель — 395
- Лейпольд Якоб (пер. треть XVIII в.), саксонский механик и математик — 249
- Лекок Шарль (Lescocq Charles; 1832–1918), французский композитор — 412
- Леконт (1798–?) — 460
- Лебянов Павел Иванович (1850–1932), предприниматель, Санкт-Петербургский городской голова — 296
- Лем Иван (Иоганн) Михайлович (1738–1810), архитектор — 279
- Ленин Владимир Ильич (наст. фамилия Ульянов; 1870–1924), революционер, теоретик марксизма — 83
- Леонардо да Винчи (Leonardo di ser Piero da Vinci; 1452–1519), итальянский худ., учёный — 383
- Леонкавалло Руджеро (Leonsavallo Ruggero; 1857–1919), итальянский композитор — 412
- Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), врач, дипломат, философ, писатель, публицист, социолог, в конце жизни принял монашеский постриг с именем Климент — 56
- Леонтьев Михаил Иванович (1672–1752), генерал-аншеф, двоюродный дядя Петра I, генерал-губернатор Киева — 111
- Лепелетье Сен-Фаршо (Lepelletier; 1760–1793), французский политический деятель, революционер — 417
- Лепельтье Валентин Людвигович (кон. XIX в.), преподаватель в Воронеже — 162

- Лепельтье Георгий Людвигович (кон. XIX в.), преподаватель в Воронеже — 162
- Лепельтье Людвиг (кон. XIX в.), преподаватель в Воронеже — 162
- Лепковский Ю. И. (нач. XX в.), книгоиздатель — 380
- Лепотр Пьер (le Pautre; 1648–1716), французский проектировщик украшений — 226
- Лепренс Жан-Батист (Le Prince Jean-Baptiste; 1734–1781), французский живописец и гравёр — 345
- Лерхе Йохан (Иоганн) Якоб (1708–1780), врач, ботаник — 102, 110
- Леспинас Жанна Жюли Элеонора, де (Lespinasse Jeanne Julie Éléonore, de; 1732–1776), хозяйка литературного салона в Париже — 184
- Лессепс Жан-Батист Бартелеми, де (Lesseps Jean-Batiste Barthélémy, de; 1766–1834), дипломат, писатель, член экспедиции Лаперуза — 149
- Лессюэр Эсташ (Ле Сюэр, Lesueur или Le Sueur Eustache; 1616–1655), французский худ. — 342
- Лестан Футон, де (пер. пол. XVIII в.), французский посланец — 131
- Лефебр Осип Михайлович (втор. пол. XVIII в.), французский иммигрант в России, с 1774 г. владелец полотняной фабрики — 151
- Лефевр Леонила (кон. XIX в.), французка, проживавшая в Воронеже — 162
- Лефорт Иван Исаевич (Жан, Lefort, Le Fort Jean; 1685–1739), торговый агент и консул России в Париже, затем — саксонский и польский чрезвычайный посланник при русском дворе, племянник генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта — 102–103, 223, 234, 358, 439, 441
- Лефорт Франц Яковлевич (Lefort, Le Fort Franz Jakob; 1655–1699), государственный и военный деятель, сподвижник Петра I — 234
- Лехович Татьяна Николаевна*, искусствовед — 356–357
- Лещинский Станислав — см. Станислав I Лещинский
- Ливри Дюбуа, де (нач. XIX в.), преподаватель французского яз. — 156
- Лизунов Павел Владимирович (р. 1960), историк — 118
- Линдемман (втор. пол. XVIII в.), купец — 344
- Линь Шарль-Жозеф, де (Ligne Charles-Joseph, de; 1735–1814), принц, австрийский фельдмаршал, дипломат, воен. писатель, мемуарист — 382
- Лион Мартин Львович (?–1836), фабрикант в Воронежской и Тамбовской губерниях — 159
- Лион Сергей Мартинович (1820 — после 1896), предприниматель, благотворитель — 159
- Липгарт Эрнест Карлович (1847–1932), худ., декоратор — 189
- Лисаевич Ирина Игнатьевна* (р. 1928), историк архитектуры — 263–265
- Лисаневич Анастасия Александровна (урожд. Дебриньи; ?–1861), жена подпоручика — 161
- Лисаневич Василий Тихонович (ок. 1774 — между 1854 и 1861), подпоручик — 161
- Литвинова Татьяна Николаевна*, историк — 161
- Литтл (Литтель) Роберт (нач. XVIII в.), якобит, офицер Российского флота — 29
- Лихач Е.*, историк — 99
- Лишевский Володар Петрович (1930–2000), физик, математик, историк науки — 493–494
- Лишер Пьер (Lechere Pierre; пер. треть XVIII в.), литейщик — 236
- Лиштенан Франсина-Доминик (Liechtenhan Francine-Dominique; р. 1956), французский историк — 14, 16, 36–37, 46
- Ло Джон оф Лористон (Law John of Lauriston; 1671–1729), шотландский финансист — 118, 120–124
- Лобановы-Ростовские, кн., владельцы дома на Большой Морской ул., 31 — 81

- Локк Джон (1632–1704), английский педагог и философ — 181
- Ломазин Никита Андреевич* (р. 1964), историк — 195
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), учёный-естествоиспытатель — 176, 181
- Лонглюн З. (нач. XVIII в.), французский архитектор, работавший у короля Августа II Сильного — 227
- Лонгсевиль (Лонжевиль) Франциск, де (ум. 1795), француз, домашний учитель в семье наместника Т. И. Туголмина — 144
- Лонгсевиль, де — см. Делонжевиль
- Лонжевиль (Longueville; кон. XVIII в.), актёр французской труппы, выступавшей в Петербурге в 1794 г. — 144
- Лонсевиль Шарль (нач. XIX в.), пленный офицер наполеоновской армии — 144
- Лоос, фон (нач. XVIII в.), барон, польский посланник — 248
- Лопатецкий Карол (р. 1979), польский юрист, историк — 466–467, 469, 472, 479
- Лопатто Михаил Иосифович (Осипович; 1892–1981), поэт, литературовед — 424
- Лопиталь Поль Голлюцио, де — см. Л’Опиталь Галуччо Поль-Франсуа, де
- Лопухин Василий Абрамович (Авраамович; 1711–1757), военачальник, племянник царицы Евдокии Фёдоровны — 129–131, 133
- Лопухина Екатерина Павловна (урожд. гр. Ягужинская; 1713/1714–1738) — 129
- Лоррен Клод (Claude Lorrain; настоящая фамилия Желле или Желе, Gellée, Gelée; 1600–1682), французский худ. и гравёр — 282
- Лортолари Альбер* (Lortholary; сер. XX в.), французский историк — 16, 47
- Лосев Алексей Фёдорович (1893–1988), философ, филолог, антиковед, переводчик — 428
- Лотман Юрий Михайлович (1922–1993), литературовед, культуролог, семиотик — 170, 176, 381, 387
- Лоханов Георгий Иванович* (1929–2010), художник, историк архитектуры — 494
- Лохвицкая Мирра — см. Жибер Мария Александровна
- Лохвицкие, семья — 296
- Лубе Эмиль (Loubet Émile François; 1838–1929), французский политический деятель, президент Французской республики (1899–1906) — 443
- Лувау Франсуа-Мишель Летелье, де (Louvois François-Michel Le Tellier, de; 1641–1691), маркиз, французский государственный деятель — 24
- Лузин Николай Николаевич (1883–1950), математик — 428
- Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгьенский (Louis Antoine Henri de Bourbon-Condé, duc d’Enghien; 1772–1804), герцог, французский принц крови, единственный сын последнего принца Конде (одна из младших ветвей королевского дома Бурбонов) — 59
- Луи де Роган — см. Роган-Гемене Луи Рене Эдуард, принц
- Луи Жорж (Louis Georges; 1847–1917), посол Франции в России — 398
- Луи-Филипп I (Louis-Philippe I; 1773–1850), король французов с 1830 по 1848 — 59, 62–63, 65
- Лукомский Георгий Крескентьевич (1884–1952), историк архитектуры, искусствовед, худ. — 395, 399–404
- Лутнов Сергей Павлович* (1910–1988), историк — 262
- Лурье Яков Соломонович (1921–1996), филолог, историк, литературовед — 166
- Львов Алексей Фёдорович (1798–1870), инж. путей сообщения, скрипач — 496
- Львов Дмитрий (втор. пол. XVII в.), патриарший иконописец — 436

- Львов Николай Александрович (1753–1803), архитектор, график, поэт, переводчик, музыкант — 279
- Люберас фон Потт Йохан (Иоганн) Людвиг (Любрас, Luberas von Pott Johann Ludwig; 1687–1752), барон, генерал-майор, инж., дипломат шведского происхождения — 107
- Любомирская (втор. пол. XIX в.), кн., меценат — 199
- Людовик I (Louis I; 1704–1705), Французский герцог Бретонский — 438–439
- Людовик IX Святой (Louis IX, Saint Louis; 1214–1270), французский король — 197
- Людовик XIII (Louis XIII; 1601–1643), король Франции и Наварры, сын Генриха IV — 225, 301, 433–434
- Людовик XIV (Louis XIV; 1638–1715), король Франции — 13, 18–19, 22–24, 147, 178, 204, 216, 221, 225, 245–246, 257, 301, 316, 318–322, 346, 361, 434–440
- Людовик XV (Louis XV; 1710–1774), король Франции, правнук Людовика XIV — 13, 38, 41, 104, 125, 127, 134, 149, 204–205, 246, 438, 440–441
- Людовик XVI (Louis XVI; 1754–1793), король Франции из династии Бурбонов — 205, 286, 388, 390, 394, 417
- Людовик XVIII (Louis XVIII; 1755–1824), король Франции из династии Бурбонов — 60, 122
- Люлли Жан-Батист (Lully Jean-Baptiste; 1632–1687), французский композитор, скрипач, дирижёр — 347–348
- Люц Мария (урожд. Ларионова; ум. 1867), жена француза, жительница Воронежа — 163
- Лямарш Ирма (кон. XIX в.), француженка, проживавшая в Воронеже — 162
- Лямарш Константин (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Лямарш Мишель (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Ляреноль Анжелика (кон. XIX в.), француженка, проживавшая в Воронеже — 162
- Маевский Карл Яковлевич (1824–1897), инж.-архитектор — 294, 300, 303
- Маженди Морис (1884–1944), специалист по французской литературе — 178
- Мажис Елизавета (ум. 1798) — 459
- Мажис Мария (ум. 1798) — 459
- Мазур Тамара Петровна (р. 1942), историк — 264, **442**
- Майдель Георг Юхан (Maidel Georg Johan; 1648–1710), барон, шведский военачальник — 261
- Маион Николай Балтазар (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России — 149
- Макаров Алексей Васильевич (1674 или 1675–1740), кабинет-секретарь Петра I — 104, 234–235, 330
- Макензи Дуглас А.-П. (сер. XVIII в.), шотландский посланник в России — 36, 38–39
- Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), российский государственный деятель — 83
- Маковский Сергей Константинович (1877–1962), поэт, организатор художественных выставок, основатель и редактор художественного журнала «Аполлон» — 397–398
- Максимов Иван (ум. 1688), иконописец — 436
- Макфол Х.* (нач. XX в.), искусствовед — 380
- Малиновский Константин Владимирович* (р. 1937), историк архитектуры, искусствовед — 215, 233–234, 259, 261, 343
- Мальро Андре (Malraux André; 1901–1976), французский писатель, культуролог, министр культуры Франции в правительстве де Голля — 421

- Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938), поэт, прозаик, переводчик — 428
- Мансар Жюль Ардуэн — см. Ардуэн-Мансар Жюль
- Мансар Франсуа (Mansart или Mansard François; 1598–1666), французский архитектор — 217
- Мантейфель Эрнест Христоф, фон (Manteuffel Ernst Christoph, von; 1676–1749), граф, камергер, кабинет-министр при прусском дворе — 11
- Манштейн Христоф Герман (1711–1757), историк — 99, 102, 112–113
- Мар — см. Эрскин Джон, 6-й граф Мар
- Мара Жан-Батист (Marat Jean-Baptiste; 1704–1783), французский врач, отец Ж.-П. Марата — 416
- Марасинова Елена Нигметовна (р. 1962), историк — **164**
- Марат (Мара) Давид, граф Нефшательский — см. Будри Давид Иванович, де
- Марат Жан-Поль (Marat Jean-Paul; 1743–1793), французский политический деятель, врач, журналист — 414, 416–419, 421
- Марат Мария — см. Будри Мария Тимофеевна
- Маратти (Маратто) Карло (Maratta Carlo; 1625–1713), итальянский худ. и архитектор — 342
- Маретт Гуля (Marette Goula), современный французский эксперт по антиквариату — 35
- Мариэтт Пьер-Жан (Mariette Pierre-Jean; 1694–1774), французский гравёр, историк искусства, библиотечкарь, коллекционер эстампов — 226–227
- Мария Александровна (1824–1880), российская императрица, супруга Александра II — 301
- Мария Лещинская (1703–1768), королева Франции, супруга короля Людовика XV — 104, 125
- Мария Медичи (Marie de Médicis; 1575–1642), королева Франции, вторая жена Генриха IV, мать Людовика XIII — 246
- Мария Моденская (Мария Элеонора Беатрис д'Эсте, 1658–1718), королева Англии и Шотландии, супруга Якова II — 27, 29
- Мария Павловна (1890–1958), вел. кн., внучка Александра II — 81, 85
- Мария Фёдоровна (урожд. Мария София Фредерика Дагмар (Дэгмара), Marie Sophie Frederikke Dagmar; 1847–1928), вел. кн., позже российская императрица, супруга Александра III — 301
- Мария Фёдоровна (урожд. София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская, Sophia Marie Dorothea Auguste Luise von Württemberg; 1759–1828), российская императрица, супруга Павла I — 294, 383, 388, 390–391, 393–394, 452–453, 461
- Мария-Антуанетта (Marie-Antoinette; 1755–1793), королева Франции, младшая дочь императора Франца I и Марии-Терезии, супруга короля Франции Людовика XVI с 1770 г. — 77, 209, 380, 387, 390, 393–394
- Маркграф Георг (Marggraf Georg; 1610–1644), немецкий картограф — 359
- Марков Н. Г. — 485
- Маркович (Маркевич) Яков Андреевич (1696–1770), казначей Войска Запорожского, писатель-мемуарист — 102, 104–105, 107
- Мармон Анна-Катерина, де (ум. 1793), дочь лейтенанта артиллерии — 459
- Мармон Готье де Монт, де (кон. XVIII в.), лейтенант, затем капитан артиллерии — 460
- Мармон Жак-Николя (ум. 1795), сын капитана артиллерии — 459
- Мармон Жан Эрколь Пьер, де (1793–1795), сын капитана драгун — 459
- Мармон Мари, де (ум. 1792), дочь лейтенанта артиллерии — 459
- Маро Даниэль (Marot Daniel; 1661–1752), французский протестант,

- архитектор, гравёр, дизайнер интерьеров, паркостроитель — 219
- Марсанова Виктория Михайловна (р. 1966), историк — 491
- Марген Пьер-Дени Младший (Martin Pierre-Denis; 1663–1742), французский живописец — 327
- Марти Антон (Marty Anton; 1847–1914), австрийский филолог и философ, один из создателей концепции внутренней формы слова — 428
- Мартинелли Джузеппе Антонио (ок. 1730–1802), венецианский худ., реставратор — 342
- Мартос Иван Петрович (1754–1835), скульптор — 343
- Маскле Жан-Батист Луи Жозеф (Jean-Baptiste Loise Jozeph Maschlet, Маселет, Машле; кон. XVIII в.), выпускник теологического факультета Сорбонны, в Петербурге в 1791, кюре, префект французской общины в Петербурге — 153, 457–458, 460–465
- Маскле Жозефина (урожд. де Фарже, нач. XIX в.), уроженка Фландрии — 464
- Маскле Ипполит Дезире Жозеф (пер. треть XIX в.), учитель французского, переводчик, консул России в Ницце — 464
- Масловский Дмитрий Фёдорович* (1848–1894), воен. историк, генерал-майор — 113
- Масселети Жан-Батист — см. Маскле Жан-Батист
- Массне Жюль Эмиль Фредерик (Massenet Jules Émile Frédéric; 1842–1912), французский композитор — 412
- Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728), боярин, представитель Петра I за границей, мемуарист — 12, 440
- Матвеев Андрей Иванович (1701–1739), худ. — 328
- Матью Иван Гаврилович (втор. пол XVIII в.), французский иммигрант в России — 149
- Махаев Михаил Иванович (1718–1770), худ., мастер архитектурного пейзажа — 334
- Махров Кирилл Васильевич* (1923–2012), искусствовед, коллекционер — 395
- Мезин Сергей Алексеевич (р. 1958), историк — 13, 15–16, 27, 35–36, 39, 46–47, 73, 221, 223, 225, 232–233, 236–237, 324, 366
- Мезон Николя-Жозеф, де (Maison Nicolas Joseph, de; 1771–1840), маркиз с 1817, французский маршал, губернатор Парижа, посол в России при дворе Николая I — 74
- Мейер И. (кон. XVII в.), инж. — 258
- Мейербер Джакомо (Meyerbeer Giacomo; 1791–1864), немецкий и французский композитор — 410
- Мелиссино Иван Иванович (1718–1795), директор и куратор Московского университета — 271
- Мельгунов Пётр Павлович* (1847–1894), ботаник и историк — 119
- Мельников Павел Петрович (1804–1880), инж. путей сообщения, инженер-генерал — 495–496
- Мельникова Н. В.* (кон. XX в.), историк архитектуры — 302
- Менглет Георгий Павлович (1912–2001), актёр — 162
- Менглет Людовик (?–после 1830), французский офицер — 162
- Меннер (Menner), братья, швейцарские рабочие — 140
- Ментенон Франсуаза д’Обинье, де (Maintenon Françoise d’Aubigné Marquise, de; 1635–1719), маркиза, фаворитка короля Людовика XIV, с 1683 его морганатическая жена — 18–25
- Ментенон Шарль-Франсуа д’Анжен, де (1648–1691), маркиз — 22
- Мену, де (de Menou; сер. XIX в.), графиня, акварелистка — 209
- Меншиков Александр Данилович (1673–1729), гр. с 1702, кн. с 1705, светл. кн. с 1707, государственный деятель — 12–13, 21–23, 45, 93, 229, 233–235

- Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869), светл. кн., адмирал, морской министр, генерал-губернатор Финляндии, правнук петровского фаворита — 488
- Мере, де (наст. имя Гомбо Антуан; 1607–1684), французский писатель, использовал в своих сочинениях имя «Шевалье де Мере» для персонажа, выразившего мнение автора, математик-любитель — 183
- Мери (втор. пол. XIX в.), учитель фр. яз. в Воронежском кадетском корпусе — 161
- Мериго (нач. XIX в.), французский книготорговец — 341
- Мерие Матвей Антонович (1710–?), французский иммигрант в России, учитель французского яз. — 149–150
- Меркулов Пётр Петрович (1835–1901), инж.-архитектор — 300
- Мессельер, де ла (1709–1777), гр., один из секретарей французского посла маркиза Лопиталя — 45
- Местр Жозеф-Мари, де (Maistre Joseph, de; 1753–1821), гр., подданный Сардинии, католический философ, литератор, политик, дипломат — 50–56, 169, 188
- Меттерних Клеменс Венцель Лотар, фон (Metternich Klemens Wenzel Lothar, von; 1773–1859), кн., австрийский дипломат — 61
- Мешеряков Самуил Никитич (ум. 1823), воронежский городской голова, купец, благотворитель — 157
- Мигулин Пётр Петрович* (1870–1948), экономист, издатель, редактор — 68, 72
- Мизери Жан Филип (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Микетти Николо (Michetti Nicola; 1675–1759), итальянский архитектор, работавший в России в 1718–1723 гг. — 219
- Микишатёв Михаил Николаевич (р. 1945), архитектор, историк архитектуры, реставратор, краевед — 214, 218, 225
- Миллер (Мюллер) Герард Фридрих (Müller Gerhard Friedrich; 1705–1783), российский историограф немецкого происхождения — 433
- Милли Поль, де (втор. пол. XVII в.), нидерландский худ. — 361
- Мильчина Вера Аркадьевна* (р. 1953), историк литературы — 52, 54
- Милюков Павел Николаевич (1859–1943), политический деятель, историк, публицист — 83, 86–87
- Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович) фон (1683–1767), гр. с 1728, фельдмаршал — 45, 106–115, 117, 125–126, 128, 133
- Минчаки Иосиф (1754–1823), архитектор — 187
- Мион Агей, де (пер. треть XVIII в.), французский офицер, автор воспоминаний — 126, 128–129, 131–132, 134
- Миранвиль Анна Степановна (кон. XVIII в.), французская иммигрантка в России — 151
- Миранвиль Иосиф Этьен (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России, учитель танцев и театрального искусства — 151
- Михаил Николаевич (1832–1909), вел. кн., сын имп. Николая I
- Михаил Павлович (1798–1849), вел. кн., единственный порфирородный сын Павла I — 494, 498
- Михаил Фёдорович (1596–1645), царь — 431, 433–434
- Михайлов Григорий Владимирович* (р. 1948), архитектор — 229
- Михайлова Алла Юрьевна*, искусствовед — 231, 234
- Михалков Сергей Владимирович (1913–2009), поэт, драматург, баснописец, воен. корреспондент — 417, 420
- Мишеле (возможно, Мерсье Филип; кон. XVIII в.), католический священник в Петербурге — 153

- Мишель Андре (Michel André; 1853–1925), художественный критик, сотрудничавший с французскими художественными журналами, искусствовед — 400
- Мишель Жан (Михель Иван, Michel Jean; нач. XVIII в.), французский придворный мебельный мастер, в России с 1718 г. — 232–233, 235–237, 251, 253
- Мобеш Адольфина (кон. XIX в.), француженка, проживавшая в Воронеже — 162
- Мобеш Анна (кон. XIX в.), француженка, проживавшая в Воронеже — 162
- Мобеш Людовик (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Модзалевский Борис Львович (1874–1928), генеалог, библиограф, литературовед-пушкинист, историк литературы — 493
- Модзалевский Лев Борисович (1902–1948), историк литературы, пушкинист, архивист — 493
- Модюи Антуан Реми (1731–1815), французский математик — 286
- Модюи Антуан Франсуа (Антон Антонович, Mauduit Antoine François; 1775–1854), французский архитектор, на русской службе с 1810 по 1826 г. — 285–290
- Молво Пётр Петрович (втор. пол. XVIII в.), француз, проживавший в Воронеже — 156
- Молок Александр Иванович* (1898–1977), историк — 62
- Молчанов Мефодий Миронович (1824–1893), чиновник Министерства народного просвещения — 313
- Мольер (Поклен Жан-Батист, Roquelin Jean-Baptiste; 1622–1673), французский драматург — 346, 348
- Монвуазен Катрин (Montvoisin Catherine, урожд. Дез; 1640–1680), французская авантюристка, замешанная в «деле о ядах» — 22
- Моно Готье, де — 459
- Моно Юлия, де (ум. 1793) — 459
- Монс Анна Ивановна (Mons Anna; 1672 или 1675–1714), фаворитка Петра I — 23
- Монтебелло Гюстав-Луи Ланн, де (Lannes Gustave-Louis; 1838–1907), маркиз, французский дипломат при дворе Александра III — 74
- Монтебелло Луи-Огюст-Наполеон Ланн, де (Lannes Louis-Auguste-Napoléon; 1801–1874), герцог, французский дипломат при дворе Александра II — 74
- Монтекуколи Раймунд (Montecucoli Raimondo; 1609–1680), герцог, полководец итальянского происхождения — 474–475
- Монтень Мишель, де (Montaigne Michel, de; 1533–1592), французский писатель, философ — 183
- Монтескье Шарль, де (Montesquieu Charles, de; 1689–1755), французский писатель, философ — 166
- Монтеспан Франсуаза Атенаис де Рошешуар де Мортемар, де (Montespan Françoise de Rocheschouart Marquise, de; 1641–1707), маркиза, фаворитка короля Людовика XIV с 1667–1683, мать его 7-х детей — 22–24
- Монферран Огюст (Montferrand Henri Louis Auguste Ricard, de; 1786–1858), французский архитектор, работавший в России — 10, 188, 287
- Моор Карел, де (Moog Carel de; 1655–1738), нидерландский худ. — 328–329
- Моранкур, де (пер. треть XIX в.), капитан — 459
- Морган Джаспер Уильям (нач. XVIII в.), военно-морской офицер, тайный якобитский агент — 30–31, 33–34
- Морекура Дидье, де — 459
- Морель Андре (Maure, André; 1863–1943), французский художественный критик, писатель, журналист — 403
- Морни Шарль-Огюст-Жозеф-Луи, де (Charles-Auguste-Joseph-Louis

- Demorny, duc de Morny; 1811–1865), гр., позднее герцог, финансист, единоутробный брат Наполеона III — 74
- Моро Жан Виктор (Moreau Jean Victor Marie; 1763–1813), французский генерал — 188
- Морсан Мария-Магдалина, де (ум. 1798), супруга полковника кавалерии — 459
- Мортемар Казимир Луи Викторньен де Рошешуар (1787–1875), герцог, французский генерал и дипломат — 62
- Мортье Адольф Эдуар Казимир (Mortier Adolphe Edouard Casimir; 1768–1835), герцог Тревизский, маршал, посол Франции в России — 62
- Мосолов Александр Александрович (1854–1939), военачальник, дипломат — 79
- Мотре Обри, де ля (Mottraye Aubrey, de la; 1674–1743), французский путешественник — 187
- Мотт Серж, де ла (ум. 1798), капитан — 459
- Мохильо, де (нач. XIX в.), капеллан ордена св. Иоанна Иерусалимского в Петербурге — 463
- Мошков Пётр Иванович (ум. 1739), гоф-интендант — 330
- Муклевич Ромуальд Адамович (1890–1938), военно-морской деятель — 446
- Муо (сер. XIX в.), учитель фр. яз. в Воронежском кадетском корпусе — 161
- Муравьёв Михаил Никитич (1757–1807), писатель, поэт, государственный деятель — 175
- Мурашова (Глинка) Нонна Васильевна* (р. 1938), искусствовед — 127
- Мутар (нач. XIX в.), французский книготорговец — 341
- Муте Мариус (пер. пол. XX в.), французский социалист — 81
- Мушерон Мишель (кон. XVI в.), французский купец — 432–433
- Мыслина Лина Петровна* (р. 1937), ландшафтный архитектор — 127
- Мэнский герцог — см. Бурбон Луи Огюст, де
- Мюссар Жан Клод (ум. 1793) — 459
- Мякишев Иван (нач. XVIII в.), гравер, ученик Пикарта — 333
- Мяло Ксения Григорьевна (р. 1936), политолог, культуролог, публицист — 56
- Мятлевы, семья — 270
- Навайль Филипп де Монто де Бенак, де (Navailles Philippe de Montaut-Bénac, de; 1619–1684), герцог, французский военачальник, маршал и пэр Франции — 19
- Назарова Ирина Николаевна* (р. 1947), библиограф, кингесеппский краевед — 128
- Наполеон I Бонапарт (Napoléon I Bonaparte; 1769–1821), император французов — 48, 51, 58–60, 157, 198, 483
- Наполеон III Шарль-Луи Бонапарт (Charles-Louis Napoléon Bonaparte; 1808–1873), первый президент Французской республики, император французов — 74
- Нартов Андрей Константинович (1693–1756), учёный, механик, скульптор — 16, 249
- Наследова Евгения Дмитриевна*, искусствовед — 227
- Наспер Галина Марковна (втор. пол. XX в.), историк-архивист — 485
- Нассау-Зиген — см. Карл Генрих (Николай Оттон) Нассау-Зигенский
- Наталья Алексеевна (1673–1716), царевна, сестра Петра I — 24, 242
- Невё Пий Эжен (Neveu Pie Eugéne; 1877–1946), епископ Римско-католической церкви — 200–201
- Негри (пер. треть XIX в.), семья итальянских купцов, торговавших на петербургском художественном рынке — 339
- Нейан, де (нач. XVII в.), гр. родственница г-жи Ментенон, мать супруги герцога Навайля — 19–20

- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877), поэт, писатель, публицист — 421
- Нелидов Александр Иванович (1835–1910), дипломат, государственный деятель — 396
- Нелидова Екатерина Ивановна (1756–1839), одна из первых выпускниц Смольного института, фаворитка имп. Павла I — 451
- Нелипович Сергей Геннадиевич (р. 1963), историк — 100
- Нельсон Жак (Neilson Jacques; 1714–1788), французский художник английского происхождения, работал в технике пастели — 393
- Немитц Александр Васильевич (1879–1967), контр-адмирал, командующий Черноморским флотом — 446
- Неронов Борис Иванович (пер. треть XVIII в.), садовый смотритель — 326
- Нессельроде Мария Дмитриевна (урожд. Гурьева, 1786–1849), гр., фрейлина, статс-дама, супруга гр. Карла Васильевича Нессельроде — 65
- Нетуахина Галина Дмитриевна* (1905–1988), искусствовед — 343
- Неффорж Жан-Франсуа, де (1714–1791), французский архитектор и гравёр — 279
- Никитин Николай Петрович* (1884–1971), архитектор — 287
- Никитин Фёдор (нач. XVIII в.), гравёр — 260
- Николаев Владимир Евгеньевич*, историк права — 405–407
- Николай (Ярушевич; 1891/1892–1961), митрополит с 1941 г. — 191
- Николай I Павлович (1796–1855), российский император — 54, 59–64, 74, 290, 295, 317
- Николай II Александрович (1868–1918), российский император — 74, 76, 79–80, 84–86, 88, 189, 211, 443
- Николай Александрович (1843–1865), цесаревич, сын имп. Александра II — 301
- Николай Андрей Львович, фон (Nicolay Ludwig Heinrich, von; 1737–1820), барон с 1782, поэт, библиотекарь, педагог, с 1769 наставник вел. кн. Павла Петровича, с 1773 секретарь вел. кн. Натальи Алексеевны, затем — Марии Фёдоровны — 391
- Николай Михайлович (1859–1919), вел. кн., внук Николая I, генерал, учёный энтомолог, историк — 81, 384, 455
- Николай Павлович, вел. кн. — см. Николай I Павлович
- Николенко Лада Ростиславовна (урожд. Влинова; 1915–1996), искусствовед, писатель — 384, 386
- Никулина (Глинка) Наталья Ивановна* (1923–2000), искусствовед — 289, 328
- Нилов С. А.*, историк
- Ницше Фридрих (Nietzsche Friedrich; 1844–1900), философ — 427
- Ноайль Антуан Клод Доминик Жюст, де (1777–1846), гр., посол Франции в России — 60–61
- Новиков Николай Иванович (1744–1818), журналист, издатель и общественный деятель — 168, 173–175, 332
- Ноздрин Олег*, историк — 29
- Нолак Пьер, де (Nolhac Pierre, de; 1859–1936), французский историк, искусствовед, поэт, хранитель Версальского музея с 1892 по 1920 г. — 400
- Ноннот Клод Франсуа (Nonnotte; 1711–1793), французский писатель — 156
- Нордстет Иван Иванович* (втор. пол. XVIII в.), государственный служащий — 167
- Норкросс (Норкрюс) Джон (1688–1758), военно-морской офицер, якобитский агент — 31–32, 34
- Норрис Джон (Norris; 1660–1749), английский адмирал, командующий британским флотом, полномочный представитель Англии в России

- (в 1717), морской лорд Адмиралтейства — 254
- Нуазвиль Альбертина, де (урожд. де Фьерваль; 1766—после 1842), побочная дочь гр. де Водрёя — 209
- Нуланс Жозеф (Noulens Joseph; 1864—1939), французский политический деятель, дипломат — 77, 87
- О'Брайен Дэниэл, граф Лисмор (нач. XVIII в.), полковник, доверенное лицо Джеймса Батлера, одного из руководителей якобитского движения — 28, 31—32
- Обезьянинов Василий Фролович (втор. пол. XVIII в.), помещик — 149
- Обер Катерина (кон. XVIII в.), французская иммигрантка в России — 148
- Овчинников Михаил К. (втор. пол. XVIII в.), книготорговец — 337
- Одран Клод III (Claude Audran III, 1658—1734), французский придворный художник и декоратор, принадлежит к династии художников, ведущих своё начало от гравёров времени Людовика XIII — 393
- Оксман Юлиан Григорьевич (1894/1895—1970), литературовед, историк, пушкинист — 424
- Окунев Гаврила Афанасьевич (1699—1781), кораблестроитель — 444
- Оленин Алексей Николаевич (1763—1843), историк, археолог, худ., российский государственный деятель — 77, 337
- Олигард Пётр Петрович (1746—?), французский иммигрант в России — 149
- Олсуфьев Василий Дмитриевич (ум. 1723), обер-гофмейстер Петра I — 13
- Олсуфьев Матвей Дмитриевич (ум. до 1750), обер-гофмейстер Петра I — 13
- Оман Эмиль (нач. XX в.), французский филолог, литературовед — 398
- Опперман Карл Иванович (1766—1831), гр., инж., картограф и фортификатор, боевой офицер, участник наполеоновских войн — 287
- Орлеанский, герцог — см. Фердинанд Филипп Орлеанский, герцог
- Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), гр., светл. кн. с 1772, генерал-фельдцейхмейстер, фаворит имп. Екатерины II — 205, 341
- Ормонд, герцог — см. Батлер Джеймс Фитцджеральд, 2-й герцог Ормонд
- Орфиреус — см. Бесслер Иоганн Эрнст Элиас
- Осипова Ирина Ивановна*, историк — 189
- Остаде Адриан, ван (Ostade Adriaen, van; 1610—1685), нидерландский худ. — 342
- Остерман Андрей Иванович (1686—1747), гр. с 1730, вице-канцлер, первый кабинет-министр, генерал-адмирал с 1740 — 45, 132
- Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871—1955), худ., гравёр, акварелист — 316
- Откер Луи (1884—1973), французский историк искусства — 403
- Отт Алиса (урожд. Лапьер; 1886—?), староста католического прихода в Москве — 200—201
- Отт Алиса Альбертовна (1912—1991), прихожанка храма св. Людовика, в Москве, работала во французском посольстве — 200—201
- Отт Альберт (1881—1939), инж.-механик — 200—201
- Отт Луи Альбертович (ум. 1919), умер в младенчестве — 200
- Оттенс Рейнер (Ottens Renier; 1698—1750), голландский гравёр, издатель карт — 265—266
- Оффенбах Жак (Offenbach Jacques; 1819—1880), французский композитор, театральный дирижёр — 410—412
- Павел I Петрович (1754—1801), российский император — 165, 172—173, 252, 341, 381—383, 385, 388—390, 392—393, 460—463

- Павел Александрович (1860–1919), вел. кн., сын Александра II, генерал-адъютант — 81
- Павел Петрович, вел. кн. — см. Павел I Петрович, император
- Павленко Николай Иванович* (1916–2016), историк — 143
- Павлов Владимир Егорович* (р. 1931), историк транспорта и строительной техники — 501
- Павлова Анна Павловна (Матвеевна; 1881–1931), прима-балерина Мариинского театра — 412
- Паж Иосиф (втор. пол. XIX в.), учитель фр. яз. в Воронежском кадетском корпусе — 161
- Пален Пётр Петрович (1777–1864), гр., генерал-адъютант, посол России во Франции — 64
- Палеолог Александр (1824–1866), валахский революционер, отец дипломата — 75
- Палеолог Жорж Морис (Paléologue Georges Maurice; 1859–1944), французский политик, дипломат — 73–89, 401
- Палеолог Софья — см. Софья Палеолог
- Палеолог Фредерика (урожд. Риддер, de Ridder; 1829–1902), бельгийка, хозяйка музыкального салона в Париже, мать дипломата — 75
- Палладио Андреа (Palladio Andrea; 1508–1580), итальянский архитектор — 276
- Панаев Иван Иванович (1812–1862), писатель, литературный критик, журналист — 421
- Панаева Авдотья Яковлевна (урожд. Брянская, во втором браке Головачёва, 1820–1893), писательница, мемуаристка, жена И. И. Панаева, гражданская жена Н. А. Некрасова — 421
- Пангало Блэз (Бьяджио, Антуан Блэз Блуаз, Pangalo Blaise-Antoine; 1650–1720), французский кораблестроитель — 90–93, 95–97, 445
- Пангало Жозеф (Осип, ум. 1722), французский кораблестроитель — 90, 93–97, 445
- Панин Никита Иванович (1718–1783), гр., дипломат, государственный деятель — 172–173, 175, 341
- Панин Пётр Иванович (1721–1789), гр., генерал-аншеф — 172–173
- Панкук Шарль Жозеф (1736–1798), французский книготорговец, литератор — 341
- Панов Леонид Сергеевич* (р. 1955), историк-краевед — 87
- Пантелеевский Николай Никитович* (1851–1917), краевед — 158
- Паон Яков Иванович (1723–?), французский иммигрант в России — 149
- Парацельс (наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм, Paracelsus; 1493–1541), швейцарский алхимик, врач, философ — 500
- Паскаль Блез (Pascal Blaise; 1623–1662), французский математик, механик, физик, философ, литератор — 474
- Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968), писатель — 143–144
- Пахомов Г. И., коллекционер — 493
- Пашков Александр Васильевич (1792–1868), генерал-майор — 77
- Пашков Александр Михайлович, историк — 136
- Пашков Василий Александрович (1831–1902), полковник, основатель движения евангельских христиан — 77
- Пашкова Елизавета Петровна (урожд. Киндякова, в первом замужестве кн. Лобанова-Ростовская; 1805–1854), владелица дома на Кутузовской наб., 10 — 315
- Пекарский Пётр Петрович* (1827–1872), историк литературы — 123, 333, 368
- Пенго Леон (Pingaud Léonce; 1841–1923), французский историк — 398
- Пеньо (Paignaut; нач. XIX в.), французский книготорговец — 341
- Пёппельман Карл Фридрих (Röppelmann; 1696/97–1750), при-

- дворный архитектор короля Августа II Сильного — 246
- Пёппельман Маттиас Даниель (Röppelmann Matthäus Daniel; 1662–1736), представитель дрезденского барокко, придворный архитектор короля Августа II Сильного — 227
- Перар Николя (Nicolas Perard; ум. 1722), подмастерье резчика Н. Пино — 233, 235–236
- Переверзев Фёдор Лукич (1792–1861), саратовский губернатор, позже киевский губернатор — 493
- Перезинотти Антонио (1708–1778), итальянский худ., декоратор — 345
- Перетяткович Мариан Марианович (1872–1916), архитектор, преподаватель — 189
- Перкины (втор. пол. XVIII в.), купцы — 338
- Перон (Перрон) Шарль (Peron Charles; нач. XVIII в.), столяр — 235
- Перрье Людовик (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Перужино (Перуджино) Пиетро (Perugino Pietro; 1446–1524), итальянский живописец — 344
- Перцов А. Н. (кон. XIX в.), историк архитектуры — 302
- Перье Камила — см. Казимир-Перье Камила
- Песков Алексей Михайлович (1953–2009), филолог, литературовед — 165
- Петерс Татьяна Павловна (р. 1950), историк — 145, 156
- Пети (нач. XX в.), капитан 1-го ранга французского флота — 446
- Пётр I Алексеевич (1672–1725), российский император — 10–19, 22–29, 32, 34–37, 42, 47–50, 52, 54, 73, 87, 91–97, 100–106, 118–120, 123–124, 130, 155, 160, 162, 166, 171, 203, 214–219, 221–223, 226–227, 231, 233–235, 239, 241–244, 248–255, 259, 261, 265–266, 268–269, 278, 313, 316–318, 323–328, 330, 332–334, 346–354, 356–358, 361, 365–378, 388, 390, 430–431, 437–438, 440–445, 500
- Пётр II Алексеевич (1715–1730), российский император, сын царевича Алексея Петровича — 102, 107
- Пётр III Фёдорович (урожд. Карл Петер Ульрих, Karl Peter Ulrich, von Schleswig-Holstein-Gottorf; 1728–1762), российский император — 25
- Пётр Алексеевич, царь — см. Пётр I, император
- Петров Пётр Николаевич (1827–1891), историк искусств, писатель, генеалог, библиограф — 291, 335
- Петрова Евгения Николаевна (1908–1992), историк архитектуры — 492–493
- Петрова Ольга В., музейный деятель — 292, 295
- Петрово-Соловово Н. (нач. XIX в.), отставной полковник — 159
- Петрухинцев Николай Николаевич (кон. XX в.), историк — 100
- Пизо Виллем (Piso Willem; 1611–1678), голландский врач и натуралист — 359
- Пик Шарль, ле (Le Picq Charles; 1744–1806), французский танцовщик, хореограф — 415
- Пикар Жан (Picard Jean-Felix; 1620–1682), французский астроном и священник — 245
- Пикарт Питер (Pieter Picart; 1668–1737), голландский гравёр, с 1702 работал в России — 260, 333
- Пикуль Валентин Саввич (1928–1990), писатель — 36
- Пиллон (Пилон) Никола (Pillon Nicolas; пер. треть XVIII в.), позолотчик — 236
- Пильман Филипп (Pillement Philippe; 1684–1730), французский живописец, работал в России с 1717 по 1724 г. — 223, 227, 229, 237, 318
- Пилявский Владимир Иванович (1910–1984), архитектор, историк архитектуры — 492, 494

- Пино (Пинау) Николая (Pineau Nicolas; 1684–1754), скульптор, резчик — 223, 227–229, 232–233, 235–237, 318
- Пино Марианна (урожд. Гийом; нач. XVIII в.), жена скульптора — 236
- Пирютко Юрий Минаевич* (1946–2014), искусствовед — 296
- Писаренко Константин Анатольевич (р. 1971), историк — 46
- Плавильщиков Василий Алексеевич (1768–1823), издатель, библиотекарь, книготорговец — 337, 460
- Планкет Жан Робер Жюльен (Планкетт, Planquette; 1848–1903), французский композитор — 411–412
- По П. (Рау; нач. XX в.), французский генерал — 80
- Позднухов Александр Владимирович (р. 1951), историк-краевед — 499
- Позье Иеремия (Pauzié Jérémie; 1716–1779), франко-швейцарский ювелир, худ., мемуарист — 45
- Покровский Николай Николаевич (1865–1930), государственный деятель — 78
- Полежаев Тимофей Анисимович (втор. пол. XVIII в.), книготорговец — 337
- Полиньяк (нач. XIX в.), принцесса — 463
- Полторацкая Софья Борисовна (урожд. кнж. Голицына; 1795–1871), фрейлина высочайшего двора — 209
- Полторацкий Константин Маркович (1782–1858), ярославский военный, гражданский губернатор (1830–1842) — 209
- Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803–1884), библиофил и библиограф — 493
- Полянский Андрей Иванович (1698–1764), капитан, адъютант адмирала Патрика Гордона, адмирал с 1764 г. — 129–130
- Помпадур де, маркиза — см. Пуассон Жанна-Антуанетта
- Понселе Жан-Виктор (Poncelet J.-V.; 1788–1867), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1805, инж., бригадный генерал, французский математик, механик — 483, 490, 502
- Попов Александр Степанович (1859–1906), изобретатель радио — 444
- Попов Павел Александрович*, историк — 158
- Попов Тимофей Иванович* (нач. XX в.), краевед — 155
- Попова Тамара Феодосьевна* (1904–1980), музейный деятель — 343
- Поповский Николай Никитич (ок. 1730–1760), переводчик, магистр философии, ученик М. В. Ломоносова — 181
- Поппер Карл Раймунд (Popper Karl Raimund; 1902–1994), австрийский и британский философ и социолог — 424
- Пост Питер (Post Pieter; 1608–1669), голландский архитектор — 215, 218
- Пост Франс (Post Frans; ок. 1612–1680), нидерландский худ. — 359–361
- Постников Пётр Васильевич (1666 — после 1716), представитель Петра I за границей, доктор философии и медицины — 437
- Потапов Иван Алексеевич (1722–1791), воронежский губернатор — 156
- Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891), языковед, литературовед, философ — 428
- Потёмкин Григорий Александрович (1739–1791), светл. кн. с 1776, государственный деятель — 272
- Потье Карл Иванович (Шарль Мишель; Potier Ch. M.; 1785–1855), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1805, инж. мостов и дорог, генерал-лейтенант — 483–486, 488–491, 493, 495, 499, 501
- Правдин Александр Матвеевич* (1846–1907), краевед — 159

- Прасковья Фёдоровна (урожд. Салтыкова; 1664–1723), царица, супруга царя Ивана V — 24, 334
- Прево Франсуаза (Prévost Françoise; ок. 1680–1741), французская балерина — 351
- Пренер Георг Каспар Иосиф, фон (сер. XVIII в.), живописец — 345
- Пресси Габриель Багарет, де (Pressi G. Bargauret, de; нач. XVIII в.), француз на русской службе, ассессор Берг- и Мануфактур-коллегий — 123–124
- Петриоло де Скванси Валентин (кон. XVIII в.) — 463
- Петриоло де Скванси Мария (урожд. Сумбатова, кон. XVIII в.) — 463
- Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953), композитор, пианист, дирижёр — 81
- Проскуракова Мария Евгеньевна* (р. 1983), историк — 107
- Протопопов Д.*, переводчик — 74
- Прянишников Иван Данилович (1752 — после 1805), коллежск. советник в Перми — 154
- Прянишникова Марья Ивановна (втор. пол. XVIII в.) — 154
- Пуанкаре Раймон Николая Ландри (Poincaré Raymond Nicolas Landry; 1860–1934), французский политический деятель, президент Третьей республики (1913–1920) — 75, 78–79, 415–416
- Пуассон Жанна-Антуанетта (Poisson Jeanne-Antoinette; 1729–1764), маркиза де Помпадур, фаворитка (с 1745) короля Людовика XV — 205
- Пуле Александр Петрович (1827–1873), учитель нем. яз. Воронежского кадетского корпуса, прадед М. Л. Ростроповича — 162
- Пунин Андрей Львович (р. 1932), инж.-мостостроитель, искусствовед, историк архитектуры — 215, 495
- Пуртов Феликс Эрнестович* (р. 1963), искусствовед, музыковед — 340
- Пуссен Никола (Poussin Nicolas; 1594–1665), французский худ. — 282, 344
- Путилов Алексей Иванович (1866–1940), промышленник, финансист, масон — 83
- Пуфендорф Самуэль, фон (Pufendorf Samuel, von; 1632–1694), немецкий юрист-международник, историк и философ — 168, 278
- Пуччини Джакомо (Puccini Giacomo; 1858–1924), итальянский композитор — 412
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт, писатель, драматург — 115, 148, 176–177, 338, 463
- Пушкин Алексей Михайлович (1699/1700 — между 1762 и 1775), чиновник воронежский губернатор (1747–1760), дипломат — 155
- Пушкин Василий Львович (1766–1830), поэт, дядя А. С. Пушкина — 210
- Пфандцельт (Пфанцельт) Лукас Конрад (Pfundzelt Lucas Conrad; 1716–1786), немецкий живописец и реставратор, с 1743 работавший в России — 345
- Пфаффенбихлер Матиас (р. 1960), австрийский историк — 18
- Пфляйдерер Христоф Фридрих (сер. XVIII в.), друг А. Л. фон Эльсница, и преподаватель Рыцарской школы — 472
- Пюр Мишель, де (Pur Michele, de; 1620–1680), писатель, переводчик, известен более как автор книг, посвящённых танцам и балетам своего времени, а также сатирического памфлета на прециозниц, изданном в 1658 г. — 182
- Рабле Франсуа (Rabelais François; 1494? –1553), французский сатирик — 425–427
- Равель Андрей Безансонович (1753–?), французский иммигрант в России — 149
- Равель Жозеф Морис (Ravel Joseph Maurice; 1875–1937), французский композитор, дирижёр — 412

- Рагузинский Савва Лукич — см. Владиславич-Рагузинский Савва Лукич
- Радецкий Игнатий Михайлович (сер. XIX в.), кулинар, основатель русской кухни — 204, 206
- Радищев Александр Николаевич (1749–1802), прозаик, поэт, философ — 154, 174–175, 471
- Разумовская Варвара Петровна (урожд. гр. Шереметева, 1750–1824), гр. — 273
- Разумовский Алексей Григорьевич (1709–1771), гр. с 1744, фаворит имп. Елизаветы Петровны, генерал-фельдмаршал — 42–43
- Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822), гр., министр народного просвещения — 273, 337
- Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803), гр. с 1744, гетман Войска Запорожского, генерал-фельдмаршал, президент Российской Академии наук — 43
- Ралль Юрий Фёдорович (1890–1948), вице-адмирал — 447
- Рамбо Альфред Никола (Rimbaud Alfred Nicolas; 1842–1905), французский историк — 15–16
- Рамбург Иван Степанович (ок. 1694–1770), кораблестроитель — 444
- Рамзи (Рамзай) Джордж (Георг; нач. XVIII в.), якобит, офицер Российского флота, судостроитель, капитан-командор — 29
- Расин Луи (1692–1763), французский поэт — 169
- Раскин Абрам Григорьевич (р. 1924), историк искусства, краевед — 219, 224, 228–229
- Раскин Давид Иосифович (р. 1946), историк — **448**
- Распутин Григорий Ефимович (1869–1916), крестьянин — 83–84
- Рассадин Станислав Борисович* (1935–2012), литературный критик, литературовед — 341
- Растрелли Бартоломео Карло (Rastrelli Bartolomeo Carlo; 1675–1744), итальянский скульптор и архитектор — 223, 228
- Растрелли Франческо Бартоломео (Rastrelli Francesco Bartolomeo; 1700–1771), архитектор итальянского происхождения — 228, 253, 288–290
- Рафаэль Санти (Raffaello Santi; 1483–1520), итальянский живописец, график, архитектор — 383, 390
- Рахау Карл Карлович (1830–1880), архитектор — 307
- Резимон Альфонс Иванович (ок. 1811–после 1838), инж. путей сообщения — 483, 489
- Резимон Иван Степанович (Résimont de Genneret J. de; 1768–1844), французский инж., педагог, минералог, генерал-майор КИПС — 483–486, 489
- Рейбан Григорий (пер. треть XVIII в.), садовник — 238
- Реймерс Генрих Христиан, фон (1767–1812), составитель адресной книги Петербурга — 460
- Рёмер Оле (Олаф) Кристенсен (Rømer Ole Christensen; 1644–1710), датский астроном и механик, первый измеривший скорость света — 245–249, 251
- Рен Кристофер (Wren Christopher; 1632–1723), английский архитектор, математик — 215
- Ренан Жозеф Эрнест (Renan Joseph Ernest; 1823–1892), французский философ, писатель, историк религии — 75
- Рено Элеонора (кон. XIX в.), француженка, проживавшая в Воронеже — 162
- Рео Луи (Réau Louis; 1881–1961), французский историк искусства, первый директор Французского института в Петербурге и директор Французского института в Вене — 395–399, 401–402, 404
- Рерих Николай Константинович (1874–1947), худ., философ-мистик, писатель, путешественник, общественный деятель — 316, 397–398

- Ретруде Франц Иванович (1746–?), французский иммигрант в России, мастер кузнечного дела в Олонецкой губернии — 151
- Решильё Арман Жан дю Плесси (Armand-Jean du Plessis, duc de Richelieu; 1585–1642), кардинал Римско-католической церкви
- Ржевская Глафира Ивановна (урожд. Алымова, во втором браке Маскле, 1758–1826), фрейлина Екатерины II — 463
- Ржевский Алексей Андреевич (1737–1804), поэт — 463
- Ржеуцкий Владислав Станиславович* (р. 1970), историк — 36, 103, 140, 397, 406
- Риддер Фредерика де — см. Палеолог Фредерика
- Рикорди Джулио (1840–1912), итальянский музыкант и редактор — 412
- Римская-Корсакова Светлана Викторовна* (р. 1938), искусствовед — 329
- Ринальди Антонио (Rinaldi Antonio; 1709–1794), итальянский архитектор, работавший в России — 187
- Робен М. (нач. XX в.), французский архитектор — 400
- Робеспьер Максимилиан (1758–1794), французский политический деятель, революционер — 414, 416–421
- Робенс Лор, де (урожд. виконтесса дю Пон де Го Сосин, Laure du Pont de Gault Saussine; 1892–1985), гр., жена французского дипломата, гр. Луи де Робьена — 77, 82
- Робьен Луи-Мари-Анн-Жозеф, де (Robien Louis-Marie-Anne-Joséph, de; 1888–1958), гр., французский дипломат — 77, 82, 85
- Ровинский Дмитрий Александрович* (1824–1895), юрист, историк искусства, составитель справочников по русским портретам и гравюре — 335
- Роган-Гемене Луи Рене Эдуард, де (Louis René Édouard, prince de Rohan-Guéméné; 1734–1803), французский кардинал и дипломат, член Французской академии — 389
- Роден Франсуа-Огюст Рене (Rodin François-Auguste-René; 1840–1917), французский скульптор — 400
- Роденбург, фон (перв. пол. XVII в.), голландский инж. — 255–256
- Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), председатель Государственной думы 3-го и 4-го созывов — 83
- Родофиникин Константин (ум. 1793)
- Роз Луи (ум. 1776), французский писатель — 279–281
- Роза Солватор (Rosa Salvator; 1615–1673), итальянский худ.
- Розен Генрих Владимирович (1847–после 1892), гражд. инж. — 315
- Розенбаум Александр Яковлевич (р. 1951), автор-исполнитель, поэт, музыкант — 418
- Рокотов Фёдор Степанович (1730–е–1808), худ. — 381
- Рокур де Шарлевиль Антуан (Raucourt de Charleville A.; 1789–1841), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1809, французский инж. мостов и дорог, философ, полковник КИПС — 482, 484–486, 488–490, 495–499, 501
- Роллан Ромен (Rolland Romain; 1866–1944), французский писатель, общественный деятель, музыковед — 418–420
- Ромер (Рёмер) Михал Йозеф (Römer Michał Józef; 1778–1853), гр., польский и российский полит. деятель — 158
- Рондо Клавдий (Rondeau Claudius; 1695–1739), английский посланник при русском дворе — 126, 135
- Ронин Владимир Карлович* (р. 1958), историк, филолог, переводчик — 28
- Роспини Андрей (Андриан; втор. пол. XVIII в.), австрийский подданный итальянского происхождения, представитель итальянского купеческого семейства, переплётчик — 336–340, 344
- Роспини Антон (нач. XIX в.), «физико-механик», изготовитель и про-

- давец оптических и электрических приборов — 338
- Роспини Антон Францевич (Антуан Франсуа; 1772–1818), книготорговец, библиотекарь, с 1807 российский подданный — 337–338
- Роспини Жан (Иоганн; кон. XVIII в.), торговец книгами и эстампами — 338
- Роспини Иоганн Баптист (1748–?), итальянский купец — 337
- Роспини Иоганн Непомук (Rospini Johann Nepomuk; 1764 или 1774–?), купец — 337
- Росси Карл Иванович (Rossi Carlo di Giovanni; 1775–1849), российский архитектор итальянского происхождения — 285, 288–290, 415
- Россини Джоакино (Rossini Gioachino; 1792–1868), итальянский композитор — 412
- Ростовцев Алексей Иванович (ок. 1690 — после 1746), гравёр — 333
- Ростовцев Яков Иванович (1803/1804–1860), генерал от инфантерии, основной разработчик крестьянской реформы — 498
- Ростопчин Фёдор Васильевич (1763–1826), гр. с 1799, государственный деятель, генерал-губернатор Москвы во время наполеоновского нашествия — 197, 381, 386
- Ростоцкий М. — 457
- Ростропович Мстислав Леопольдович (1927–2007), виолончелист, дирижёр, педагог — 162
- Роткирх Ганс Христоф, фон (втор. пол. XVIII в.), прусский командир 32 пехотного полка — 469
- Рош Дени (1868–1951), франц. искусствовед — 236
- Руер Антон Иванович (втор. пол. XVIII в.), француз, проживавший в Воронеж. наместничестве — 156
- Руер Екатерина (втор. пол. XVIII в.), француженка, проживавшая в Воронеж. наместничестве — 156
- Руер Маргарита (втор. пол. XVIII в.), француженка, проживавшая в Воронеж. наместничестве — 156
- Румянцев Николай Петрович (1754–1826), гр., государственный деятель, меценат, коллекционер — 497
- Румянцев-Задунайский Пётр Александрович (1725–1796), гр. с 1744, полководец — 150
- Руска Жан Мари — 460
- Руска Кристина — 460
- Руска Луиджи (Rusca Luigi; 1762–1822), российский архитектор швейцарского происхождения — 460
- Руска Мари Маргерит (урожд. Бодешарлемань) — 460
- Руссель Яков (пер. пол. XVII в.), французский посол в Москве — 434
- Руссо Жан-Батист (Rousseau Jean-Baptiste; 1670–1741), французский поэт, драматург — 155
- Руссо Жан-Жак (Rousseau Jean-Jacques; 1712–1778), французский философ, писатель, мыслитель — 47–48, 57, 169–170, 174, 420
- Руст (Рюст) Шарль (Ruste Charles; нач. XVIII в.), французский резчик — 235, 237
- Рыжков Андрей Борисович* (р. 1969), краевед, член Топонимической комиссии Петербурга — 415
- Сабатье д’Эспейран Фредерик (нач. XX в.), французский дипломат — 76–77
- Саблуков Николай Александрович (1776–1848), генерал-майор, командовал эскадроном Конного полка, шефом которого был вел. кн. Константин Павлович — 389
- Саваренская Татьяна Фёдоровна* (1923–2003), архитектор, педагог — 290
- Савари Рене (Savary René, duc de Rovigo; 1774–1833), герцог Ровиго, адъютант Наполеона — 58–59
- Савельев Александр Иванович* (1816–1907), ротный офицер и воспитатель при Главном инженерном училище в Петербурге — 102, 106–107
- Савельев Юрий Ростиславович* (р. 1959), искусствовед, историк архитектуры — 294

- Савельева Елена Алексеевна* (р. 1937), историк, филолог — 368
- Садовский Яков Леонтьевич, капитан, дед художника Н. Н. Ге — 158
- Сазерленд Кеннет, 3-й лорд Дуффас (Даффус, Sutherland Kenneth, 3-rd Lord Duffus; ум. 1732 или 1734), шотландский лорд, деятель якобитского движения, контр-адмирал Российского флота — 29
- Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), российский государственный деятель — 78
- Сайтов Владимир Иванович (1849–1938), библиограф, историк литературы — 493
- Салабер Эдуард (Salabert Edouard; 1838–1903), французский музыкальный редактор — 411
- Салтыков Иван Петрович (1730–1805), гр., генерал-фельдмаршал — 449, 451
- Салтыков Николай Иванович (1736–1816), гр. с 1790, светл. кн. с 1814, генерал-фельдмаршал, с 1812 г. председатель Государственного совета и Комитета министров — 279, 284, 461
- Салтыковы, род — 284
- Самойлова Екатерина Сергеевна (урожд. Трубецкая; 1763–1830), гр. — 385
- Сандерс (Саундерс) Томас (ум. 1733), вице-адмирал Российского флота, деятель якобитского движения — 29
- Сантерр Жан-Батист (Santerre Jean-Baptiste; 1651–1717), французский живописец — 356
- Санти Франц Матвеевич (Мартынович, Santi Francesco; 1683–1758), гр. геральдист из Пьемонта, заложивший основы русской геральдики — 45
- Сарди Цезарь (пер. треть XVIII в.), купец — 330
- Свифт Джонатан (1667–1745), англо-ирландский писатель-сатирик, публицист, философ — 183
- Севен Пьер-Поль (Sevin Pierre-Paul; 1650–1710), французский худ. — 348–349
- Северюхин Дмитрий Яковлевич (р. 1954), искусствовед, краевед, литератор — 331, 335, 395
- Сегюр Луи-Филипп, де (Séguir Louis-Philippe, de; 1753–1830), гр., французский историк и дипломат, посол Франции при дворе Екатерины II — 74, 204–205
- Сельв Жюстен, де (1848–1934), французский государственный деятель — 400
- Семенов Сергей Владимирович* (р. 1952), архитектор, историк архитектуры — 219, 264
- Сен-Лоран (Селдран, Селирам, Селерам) Жан, Яган, Saint-Laurent Jean; нач. XVIII в.), французский резчик — 235, 237
- Сен-Манж (Саманж, Сенкт Манж, Санкт-Манж) Жан (Иван) Нуазе (Ноазет), де (de Saint-Mange Jean Noiset; нач. XVIII в.), полировщик на меди, штукатур — 232
- Сеновер Степан Игнатьевич (Senovert E. F.; 1753–1831), французский воен. инж., экономист, генерал-майор КИПС — 483–486, 494–495
- Сен-При Алексис, де (Saint-Priest Alexis Guignard, de; 1805–1851), гр., французский историк, дипломат, посланник Франции в Португалии — 63
- Сен-Санс Шарль-Камиль (Saint-Saëns Charles-Camille; 1835–1921), французский композитор, органист, дирижёр, пианист, критик, педагог — 75, 412
- Сен-Симон Луи де Рувруа (Saint-Simon Louis de Rouvrou; 1675–1755), герцог, мемуарист, автор хроники событий версальского двора — 18–20, 22–23, 184, 245, 251, 319, 324, 348
- Сент-Илер Пьер-Антуан (Saint-Hilaire; нач. XVIII в.), барон, генерал-лейтенант, директор Морской академии — 250, 445
- Сеппи Александра (нач. XX в.), французская, жительница Воронежа — 163

- Серафим (Протопопов; 1818–1891), епископ Русской православной церкви, епископ Самарский и Ставропольский — 303
- Сербинович Константин Степанович (1797–1874), государственный деятель, литератор, переводчик, меценат — 452
- Серова Ирина Александровна (р. 1960), музейный деятель — **203**
- Серсэ Эдуар, де (сер. XIX в.), секретарь посольства Франции в России — 63
- Сестак Альберт (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Сестак Жанна (кон. XIX в.), француженка, проживавшая в Воронеже — 162
- Сестак Пьер (кон. XIX в.), француз, проживавший в Воронеже — 162
- Сестреневич-Богуш Станислав — см. Богуш-Сестреневич Станислав
- Сиверс Карл Ефимович (1710–1774), имперский барон с 1745, гр. с 1760, обер-гофмаршал, генерал-аншеф — 44
- Сидоров Аркадий Лаврович* (1900–1966), специалист по экономической истории — 72
- Симиан, де (Marquis de Simianes; нач. XVIII в.), маркиз — 351
- Симолин Иван Матвеевич (1720–1799), барон, с 1784 — посол во Франции, где находился вплоть до 1792 г. — 458
- Синявин (Сенявин) Дмитрий Николаевич (1763–1831), флотоводец, адмирал — 313
- Синявин (Сенявин) Ульян Акимович (ок. 1679–1740), организатор судостроения — 238–239, 330
- Скавронская Марта Самуиловна — см. Екатерина I Алексеевна
- Скавронский Самуил (XVII в.), литовский крестьянин — 20
- Скаррон Поль (Scarron Paul; 1610–1660), французский романист, драматург, поэт — 20, 22
- Скородумов Гавриил Иванович (1754/1755–1792), гравёр, автор миниатюрных портретов — 338, 342
- Скуратов Алексей (кон. XIX в.), архитектор — 308
- Скюдери Мадлен де (1607–1701), французская писательница — 184
- Славина Татьяна Андреевна (урожд. Слепухина, р. 1934), архитектор, историк архитектуры — 290, 493
- Слюнькова Инесса Николаевна (р. 1953), историк архитектуры, искусствовед — 305–306, 311
- Смагина Галина Ивановна (р. 1951), историк — **364**
- Смолянинов Владимир Николаевич (1864–1942), гофмейстер — 382
- Снегирева Софья Ивановна* (1816–1904), детская писательница, переводчица — 299
- Соболевский Сергей Иванович* (1864–1963), филолог-классик, переводчик — 379
- Соваж (Саваж) Этьен (Степан, Стефан, Sauvage Estienne; кон. XVII в.), литейщик — 232–233
- Соколов Александр Михайлович (1901–1984), архитектор — 225
- Соколов Борис Михайлович (р. 1959), историк искусства — **316**
- Соколов Иван Алексеевич (1717–1757), гравёр на меди — 334
- Соловьёв Осип Алексеевич (1671–1747), барон с 1727, купец, торговый комиссар в Голландии — 234, 325
- Соловьёв Сергей Михайлович* (1820–1879), историк — 112, 114
- Соловьёв Юрий Борисович* (1929–1995), историк, специалист в области русско-французских экономических отношений конца XIX — нач. XX в. — 70
- Солонович Юлия Львовна*, искусствовед — 321
- Сомме Карл Николаевич (1821–1886), учитель французского яз. в Воронежской гимназии — 158

- Сомме Николай Иванович (ум. 1838), учитель французского яз. в Воронежской гимназии — 158
- Сомме Шарлотта Ивановна, жена учителя — 158
- Сомов Владимир Александрович (р. 1951), историк — 405–406
- Сомов Константин Андреевич (1869–1939), живописец, график — 316, 400
- Сопиков Василий Степанович (1765–1818), библиограф, составитель росписи русских книг — 337
- Сорокин Пётр Егорович (р. 1962), археолог — 255–256, 263
- Софи Роллан* (Sophie Rollin), специалист по французской литературе — 179
- Софья Палеолог (ок. 1455–1503), великая княгиня Московская, 2-я жена Ивана III, бабушка Ивана IV Грозного — 75
- Спалайкович Мирослав Иванович (Спалајковић Мирослав; 1869–1951), сербский дипломат, политик — 79
- Спевиль Клавдиус Францискус, де (кон. XVII в.), полковник — 435
- Споль Филипп (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России — 152
- Спрат Томас (Sprat Thomas; 1635–1713), английский священник, епископ Рочестерский с 1684 г. — 367
- Спримон Феликс (втор. пол. XIX в.), учитель фр. яз. в Воронежском кадетском корпусе — 161
- Срезневский Измаил Иванович (1812–1880), филолог, этнограф, палеограф — 165–167
- Станислав I Лещинский (1677–1766), король польский и великий князь литовский, затем герцог Лотарингии, тесть короля Франции Людовика XV — 125, 323
- Станислав Август Понятовский (1732–1798), король польский и великий князь литовский — 470
- Старов Иван Егорович (1745–1808), архитектор — 279, 281
- Старовольский Шимон (Starowolski Szymon; 1588?–1656), польский писатель, историк — 477
- Стасевич Владислав Александрович*, историк — 368
- Стасов Василий Петрович (1769–1848), архитектор — 492–494
- Стенвинкель Ханс, ван (Steenwinckel Hans, van; 1639–1700), придворный архитектор и скульптор датского короля Кристиана V, сын датского архитектора Ханса ван Стенвинкеля-младшего (1587–1639) — 244
- Степанов Валерий Леонидович (р. 1957), историк — 67
- Степанов Пётр Алексеевич (втор. пол. XVIII в.), титулярный советник в Костроме — 146
- Степанов Сергей Дмитриевич*, историк архитектуры — 260
- Степанова Анна (урожд. Миранвиль; кон. XVIII в.) — 151
- Степанова Жанна Фёдоровна (сер. XX в.), прихожанка французской церкви в Ленинграде — 195
- Стирлинг Генри (нач. XVIII в.), адвокат, деятель яacobитского движения, племянник Р. К. Арескина, зять Т. Гордона — 28
- Столпянский Пётр Николаевич (1872–1938), журналист, историк, краевед — 331–332, 340, 342–343
- Строганов Александр Сергеевич (1733–1811), гр. с 1761, государственный деятель — 344
- Строганов Николай Григорьевич (1794–1824), барон — 385
- Строганов Сергей Григорьевич (1707–1756), барон с 1722, горнозаводчик, камергер, генерал-поручик — 43
- Строганова Анна Сергеевна (урожд. кнж. Трубецкая; 1765–1824), баронесса, фрейлина — 385
- Строев Александр Фёдорович, современный литературовед — 36
- Стромилова (втор. пол. XVIII в.), коллежская советница — 151
- Стюарт Карл Магнус (Stuart Carl Magnus; 1650–1705), генерал-квартирмейстер — 257–258

- Стюарты, династия королей Шотландии (1371–1651, 1660–1707), Англии (1603–1649, 1660–1694, 1702–1707), Ирландии (1603–1649, 1660–1694, 1702–1714) — 26, 28–30, 33
- Суалем Жерар (Sualem Girard; ум. 1718), французский мастер машинного и фонтанного дела — 232
- Субботин Юрий Филиппович*, историк — 67
- Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), журналист, издатель, писатель — 203, 415
- Суворов-Рымникский Александр Васильевич (1730–1800), гр. с 1789, кн. с 1799 полководец — 50
- Сузальцева Ирина Анатольевна*, историк — 104
- Сухтелен Пётр Корнилович, фан (Suchtelen J. P., van; 1751–1836), воен. инж., инж.-генерал, дипломат — 488
- Схоуман Мартинус (Schouman; 1770–1853), голландский живописец — 342
- Сыроватко Антон (кон. XIX в.), преподаватель в Воронеже — 162
- Сюррюг (Сюрюг) Адриан (Surgugue Adrien; 1753–1812), аббат — 197
- Талейран Шарль Морис, де (Talleyrand Charles Maurice, de; 1754–1838), кн., французский политик, дипломат — 60, 382
- Таллеран Карл, маркиз Дасседевилл (пер. пол. XVII в.), французский посол в Москве — 433–434
- Тараканов Алексей Иванович (1678–1760), генерал-аншеф, губернатор Смоленска — 109
- Татаринов Александр (втор. пол. XVIII в.), коллежск. советник в Боровицкой округе Нижегородской губернии — 154
- Татищев Василий Никитич (1686–1750), историк, географ, экономист — 116, 167
- Ташузен Ефросин Осипович (Tachousin/Tachouzin J.; ок. 1787– после 1838), французский изобретатель, капитан КИПС — 483
- Теляковский Владимир Аркадьевич (1860–1924), театральный деятель, администратор, мемуарист — 407–408
- Тенихина Валентина Михайловна*, искусствовед — 241, 252–253
- Теодорович Николай Иванович* (1856–1920-е), писатель, историк, краевед — 308–309
- Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), предприниматель, банкир, в 1917 министр финансов, позднее министр иностранных дел Временного правительства России — 86
- Термин (Термен) Франц Осипович (Thérémin F.; ок. 1801–1872), инж. путей сообщения, генерал-майор КИПС — 483, 490
- Тессе Рене де Фруле, де (Maréchal de Tessé; 1648–1725), гр., маршал Франции — 351
- Тессинг Ян (Tessing Jean; ум. 1702), голландский купец, типограф — 332
- Тетау, фон (пер. пол. XVIII в.), капитан лейб-гвардии Измайловского полка — 128
- Тиме Ульрих (Thieme Ulrich; 1865–1922), немецкий историк искусства — 244
- Тимирязев Василий Аркадьевич* (1841–1912), литератор, журналист и переводчик — 125, 127–128, 130–131
- Тимофiанко В. Г.*, украинский историк архитектуры — 307, 311
- Тимченко-Рубан Георгий Иванович (1861–1917), генерал-лейтенант — 262
- Тиссольт, художественный критик — 400
- Титов Андрей Александрович* (1844–1911), археолог, этнограф, предприниматель, специалист по древностям Ростова — 211
- Ткачёв Никита Андреевич (1785 или 1787–1848), архитектор, помощник К. И. Росси — 288
- Толстов М. И.* (сер. XX в.), архитектор, реставратор — 492

- Толстой Андрей Владимирович* (1956–2016), искусствовед — 396–397
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910), писатель, мыслитель — 424
- Толстые, графы — 456
- Тома Альбер (Thomas Albert; 1878–1932), французский государственный деятель, историк — 80–81, 87
- Тома де Томон Жан-Франсуа (Thomas de Thomon Jean-François; 1760–1813), французский архитектор, работавший в России — 188
- Томановский Николай Владимирович* (нач. XX в.), краевед — 155
- Томассен Симон (Tomassin S.; 1655–1733), французский придворный гравёр Людовика XIV — 326–327
- Томашевич И. (пер. треть XIX в.), ксёндз — 464
- Тон Константин Андреевич (1794–1881), архитектор — 162, 299–300, 312–313
- Тоньолати (пер. треть XIX в.), семья итальянских купцов, торговавших на петербургском художественном рынке — 339
- Торайе (Торалье) Жак (Thorailler Francisque Gaston Jacques; 1869–1918), представитель двух французских театрално-музыкальных обществ, драматург — 406–410, 412–413
- Торайе Мария Николаевна (нач. XX в.) — 413
- Торалье Жак — см. Торайе Жак
- Торез Морис (Thorez Maurice; 1900–1964), генеральный секретарь французской коммунистической партии (1930–1964) — 421
- Торопицын Илья Васильевич* (р. 1970), историк — 116
- Траверсе Александр Иванович, де (1796–1878), маркиз, генерал — 459
- Траверсе Иван Иванович, де (Жан-Батист, Jean-Baptiste Prévost de Sansac, marquis de Traversay; 1754–1831), адмирал, командующий Черноморским флотом, губернатор Николаева, морской министр в 1811–1828 гг. — 159, 445, 459
- Траверсе Мари Мадлен, де (урожд. де Риуфф, ум. 1796), первая жена адмирала — 459
- Трезини Доменико (Trezzini Domenico; ок. 1670–1734), архитектор — 263–265, 267
- Трезини Пьетро Антонио (Trezzini Pietro Antonio; 1692–1760), архитектор — 187
- Трике Андрей Иосиф (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России — 148
- Трике Елизавета (кон. XVIII в.) — 148
- Троицкий Сергей Мартинович* (1930–1976), историк — 120, 123
- Тротти Жак-Иоахим (Жаокен), маркиз де ла Шетарди — см. Шетарди, маркиз де ла
- Трофимов Сергей Викторович (р. 1968), социолог — 196
- Трубецкой Василий Сергеевич (1776–1841), кн., генерал — 77
- Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860), кн., полковник гвардии, декабрист, автор воспоминаний — 61
- Трюбле Никола (1697–1770), французский аббат, богослов — 156
- Тулинов (нач. XIX в.), воронежский купец — 157
- Тулуз-Лотрек Анри-Мари, де (Toulouse-Lautrec Henri Marie, de; 1864–1901), гр., французский худ. — 148
- Тулуз-Лотрек Жозеф-Пьер, де (втор. пол. XVIII в.), гр., французский иммигрант в России, покинул Францию в 1796, генерал-майор французской службы — 148
- Тулуз-Лотрек Пьер-Александр, де (1769–?), гр., французский иммигрант в России, майор — 148
- Тулуз-Лотрек, де (кон. XVIII в.), аббат, проживал в Петербурге — 148
- Тулузский граф — см. Бурбон Луи-Александр, де
- Тулчинский Григорий Львович (р. 1947), специалист по философии культуры — 422–424, 428

- Тура Лауриц, де (Thurah Lauritz, de; 1706–1759), придворный архитектор, датского короля Кристиана VI — 242–243, 247
- Турвиль Анн Илларион де (1642–1701), французский адмирал — 90
- Тутолмин Тимофей Иванович (1740–1809), генерал, государственный деятель — 144
- Тэн Ипполит Адольф (Taine Hippolyte Adolphe; 1828–1893), французский философ, писатель, историк — 75
- Тюреин Аделаида (кон. XVIII в.), французская иммигрантка в России — 149
- Удри Жан-Батист (фр. Jean-Baptiste Oudry, 1686–1755), французский живописец, гравёр, рисовальщик, автор проектов для создания декоративных панно в технике ткачества на мануфактуре Гобеленов и Савонери — 392
- Уилмот Кэтрин (нач. XIX в.), англичанка, компаньонка кн. Е. Р. Дашковой — 205
- Ульрик Фредерик Гюлленлёве (Gyldenløve Ulrik Frederik; 1638–1704), датский государственный деятель, наместник Норвегии, сводный брат короля Кристиана V — 248
- Ульрих Карл Густав (1677–1730), генерал-адъютант, командор Шведского флота, руководитель шведской Мадагаскарской экспедиции — 31, 33–34
- Уокер Джеймс (Walker James; ок. 1760–после 1823), английский гравёр, работавший в Петербурге в 1784–1801 гг. — 342
- Уркварт (Орварт, Урварт Эдмунд) Адам (ум. 1719) — якобит, капитан-поручик Российского флота — 29
- Урусов Сергей Петрович (1859–1918), кн., историк, шталмейстер, конезаводчик, зоолог — 99
- Утин Исаак Осипович (1812–1876), купец — 292
- Ухналёв Андрей Евгеньевич (р. 1960), искусствовед, историк архитектуры — 230
- Ушаков Андрей Иванович (1672–1747), гр. с 1744, генерал-аншеф — 93
- Ушаков Симон Фёдорович (1626–1686), иконописец и график — 436
- Ушаков Юрий Сергеевич (1928–1996), архитектор, историк архитектуры, худ. — 290
- Уэллс Герберт Джордж (Wells Herbert George; 1866–1946), английский писатель и публицист — 316
- Фабр Александр Яковлевич (1782–1844), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1801, инж. мостов и дорог, генерал-майор КИПС — 483, 485–489, 491, 496–497, 501
- Фабр Иван Яковлевич (ок. 1788 — после 1838), подполковник КИПС, брат А. Я. Фабра — 487
- Фабр Яков Яковлевич, врач, брат А. Я. Фабра — 487
- Фабрициус И. Г. (нач. XX в.), генерал-майор — 107
- Фай (втор. пол. XVIII в.), французский график — 393
- Фальконе Этьен Морис (Falconet Étienne Maurice; 1716–1791), французский скульптор — 10, 188
- Фаре Николя (Faret Nicolas; 1600–1646), французский писатель, член первого состава Академии — 184
- Фарсюр Луи (Farsure Louis; пер. треть XVIII в.), столяр — 235
- Фасмер Максимилиан Романович (Макс Юлиус Фридрих, 1886–1962), языковед, славист, балканист — 372, 379
- Фёдор I Иванович (1557–1598), царь, сын царя Ивана IV Грозного — 433
- Фёдор III Алексеевич (1661–1682), царь, сын царя Алексея Михайловича, единокровный брат Петра I — 437
- Фёдор Алексеевич — см. Фёдор III Алексеевич

- Фёдор Иванович — см. Фёдор I Иванович
- Фёдоров Сергей Георгиевич, историк архитектуры — 492
- Фёдоров-Давыдов Алексей Александрович (1900–1969), искусствовед — 282
- Федякин Сергей Романович (р. 1954), писатель, литературовед, филолог — 424
- Фейгина Софья Ароновна (1897–1983), историк — 11–15
- Фёкьер Антуан де Па, де (Feuquière A. de Pas, de; 1648–1711), французский генерал — 475
- Фельтен Юрий Матвеевич (1730–1801), архитектор — 288, 290
- Фенелон Франсуа (François de Salignac de La Mothe-Fénelon; 1651–1715), французский священник, писатель, богослов — 24
- Феофан (Прокопович; 1681–1736), архиепископ Новгородский и Великолуцкий — 119
- Феодания (урожд. Щупленникова, в замужестве Готовцова; 1787–1866), игуменья — 299
- Фердинанд I Медичи (1549–1609), великий герцог Тосканы, дядя королевы Франции Марии Медичи — 246
- Фердинанд Филипп Орлеанский (Ferdinand Philippe Louis Charles Éric Rosalino (Henri) d'Orléans; 1810–1842), герцог, представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов, старший сын короля Луи-Филиппа I — 65
- Феррандин-Газан Вильгельм Петрович (Ferrandin-Gazan J. G.; 1792–после 1826), год поступления в Парижскую Политехническую школу 1811, инж.-географ, майор КИПС — 483, 489–490
- Ферронэ Пьер-Луи-Огюст Ла — см. Ла Ферронэ Пьер-Луи-Огюст Феррон, де
- Фиетта (пер. треть XIX в.), семья итальянских купцов, торговавших на петербургском художественном рынке — 339
- Филарет (Фёдор Никитич Романов; ок. 1553–1633), патриарх Московский и всея Руси — 434
- Филимонов Владимир Сергеевич (1787–1858), государственный деятель, беллетрист, драматург — 208
- Филипов (Филиппов) Юрий Дмитриевич (1867–1926), экономист, юрист — 122
- Филипп II Орлеанский (Philippe, duc d'Orléans; 1674–1723), герцог, регент Французского королевства при малолетнем короле Людовике XV, племянник короля Людовика XIV — 102, 121, 346, 351–352, 438–439, 441
- Филипп V (Felipe V; 1683–1746), король Испании — 26
- Филипп Орлеанский — см. Филипп II Орлеанский
- Философов Алексей Илларионович (1800–1874), генерал-адъютант, воспитатель младших сыновей имп. Николая I — 451
- Фингбонс Филипс (втор. пол. XVII в.), голландский архитектор — 215
- Фингбонс Юстас (втор. пол. XVII в.), голландский архитектор — 215
- Флиз Доменик Пьер, де ла (Flise Dominique Pierre, de la; 1787–1861), французский этнограф, исследователь, хирург, автор воен.-исторических мемуаров — 198
- Флоран Михаил-Кловис (Florent Michel Clovis-François; 1902–1995), католический священник — 192–194
- Флоренский Павел Александрович (1882–1937), священник, религиозный философ, учёный-физик и математик — 428
- Фолар Жан Шарль, де (Folard Jean-Charles, de; 1669–1752), французский воен. писатель — 470
- Фолле (Фоллет) Этьен (Follet Estienne; нач. XVIII в.), французский резчик — 235, 237

- Фомичёв Демьян Галактионович* (1876–1943), архитектор, историк архитектуры — 492
- Фонвизин Денис Иванович (1745–1792), литератор, государственный деятель — 172, 175–176, 207, 340–343
- Фонтен Пьер Франсуа Леонар (Fontaine Pierre François Léonard; 1762–1853), французский архитектор, дизайнер и декоратор мебели и внутреннего убранства — 287
- Фонтенель Бернар Ле Бовья, де (Fontenelle B. Le B.; 1657–1757), французский писатель, учёный — 16
- Форе Габриель (Fauré Gabriel; 1845–1924), французский композитор, педагог, дирижёр — 75
- Формаж Софья (кон. XIX в.), владелица модного магазина в Воронеже — 162
- Фосслер Карл (Vossler Karl; 1872–1949), немецкий лингвист, литературовед и философ — 428
- Франциск I (François I; 1494–1547), король Франции — 430
- Фредерик III (Frederik III; 1609–1670), король Дании и Норвегии — 360
- Фредерик IV (Frederik IV; 1671–1730), король Дании и Норвегии — 241–242, 244, 248, 253
- Фредерикс (Фридрикс) Иван Юрьевич (1723–1779), барон, придворный банкир — 345
- Фредерикс Мария Николаевна — см. Торайе Мария Николаевна
- Фредерикс Николай Павлович (1835–1908), барон, государственный деятель — 413
- Фридрих II Великий (Friedrich II; 1712–1786), прусский король — 467, 471
- Фридрих Август I Саксонский — см. Август II Сильный
- Фридрих Вилгельм I (Friedrich Wilhelm I; 1688–1740), прусский король с 1713, курфюрст Бранденбурга — 11, 14, 360
- Фрудь (нач. XIX в.), французский книготорговец — 341
- Фуллон Александр Андреевич (1764–1844), горный инж., сын французского купца — 144
- Фуллон Анри (Foulon Henri; кон. XVIII в.), французский купец — 143–144
- Фулон Андрей Михайлович (1726–?), французский иммигрант в России, фабрикант в Олонецкой губернии — 151
- Фюзиль Луиза (1771–1848), французская актриса — 197–198
- Хаак (сер. XVIII в.), итальянский купец — 343
- Хавен Педер, фон (1715–1757), датский дипломат, философ, пастор — 112
- Хайдеггер Мартин (Heidegger Martin; 1889–1976), немецкий философ — 422
- Ханковская Р.*, польский историк — 188
- Харитонов Юрий Иванович (р. 1948), архитектор — 315
- Хаубракен Якоб (1698–1770), гравёр-портретист — 328
- Хвостов Владимир Михайлович* (1905–1972), историк, специалист по истории международных отношений — 88
- Хвостов Дмитрий Иванович (1757–1835), поэт, воен. и государственный деятель — 493
- Хейфец Яша (Heifetz Jascha; 1901–1987), американский скрипач — 409
- Хеннкан Пётр (втор. пол. XVIII в.), французский капитан и бригадир, преподаватель архитектуры и геометрии — 468
- Хмельевская Ирина Васильевна* (р. 1969), искусствовед — 216–217, 219, 224, 227
- Хмельницкая Ирина Ивановна*, культуролог — 396
- Хоманн (Гоманн) Иоганн Баптист (Homann Johann Baptist, 1664–

- 1724), немецкий гравёр, картограф — 266
- Хомич Павел Семёнович (1893–1942), католический священник — 194–195
- Хорошкевич Анна Леонидовна* (1931–2017), историк — 166
- Цвейг Стефан (1881–1942), австрийский писатель, драматург, журналист — 418–420
- Церетели Иракий Георгиевич (1881–1959), политический деятель России и Грузии — 87
- Цылов Николай Иванович* (1799–1879), генерал-майор, член Русского географического общества — 264
- Чаадаев Пётр Яковлевич (1794–1856), философ, публицист — 52
- Чайковский Пётр Ильич (1840–1893), композитор, педагог, дирижёр, музыкальный критик — 319
- Чап Семён (втор. пол. XVIII в.), купец — 151
- Чаплицкий Бронислав*, польский католический священник — 189
- Чарторыйские, княжеский род — 468
- Чевкин Константин Владимирович (1803–1875), генерал от инфантерии, генерал-адъютант — 493
- Чекалевский Пётр Петрович (1751–1817), писатель, государственный деятель — 344
- Чекулаев Николай Дмитриевич* (р. 1974), историк — 104
- Чельцов Иван Михайлович (1848–1904), специалист в области исследования взрывчатых веществ — 444
- Чемесов Евграф Петрович (1737–1765), гравёр, худ.-портретист — 334
- Черепенина Надежда Юрьевна (р. 1950), историк — 193
- Черепнин Николай Петрович (1877–?), историк, писатель — 464
- Черепов Кирила (втор. пол. XVIII в.), помещик — 151
- Черкасов Пётр Петрович (р. 1946), историк — 36, 73
- Черкасский Алексей Михайлович (1680–1742), кн., государственный деятель — 92, 132, 237
- Черников Сергей Васильевич* (нач. XXI в.), историк — 160
- Чернушенко Владислав Александрович (р. 1936), дирижёр — 10
- Черных Павел Яковлевич (1896–1970), языковед, филолог — 372, 379
- Чернышёв Григорий Иванович (1762–1831), гр. обер-шенк — 385
- Чернышёв Иван Григорьевич (1717 или 1726–1797), гр., генерал-фельдмаршал — 184
- Чернышёв Пётр Григорьевич (1712–1773), гр., дипломат — 451
- Чернышёва Екатерина Ивановна — см. Вадковская Екатерина Ивановна
- Чернышова-Мельник Наталия Дмитриевна*, журналист, редактор — 397
- Чернявская Елена Николаевна* (р. 1947), архитектор — 158
- Чертков Василий Алексеевич (1726–1793), генерал-губернатор Воронежского, Харьковского, Саратовского наместничеств — 155–156
- Чесноков Геннадий Анатольевич* (р. 1956), архитектор, историк архитектуры — 299
- Чечулин Николай Дмитриевич* (1863–1927), историк, археограф, коллекционер — 167
- Чижков Андрей Борисович* (р. 1950), историк — 281, 284
- Чинизелли Гаэтано (Ciniselli Gaetano; 1815–1881), итальянский цирковой наездник и дрессировщик лошадей, основатель цирка в Петербурге в 1877 г. — 408
- Чичерин Денис Иванович (1720–1785), генерал-поручик — 149
- Чулков Михаил Дмитриевич (1743–1792), издатель, писатель, историк — 120
- Чхеидзе Николай Семёнович (1864–1926), политический деятель России и Грузии — 87

- Шаберт Иоганн Батист Иосиф** (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России, домашний учитель — 151
- Шаламов Владимир Григорьевич** (ок. 1836—ок. 1880), архитектор-худ. — 307—308
- Шаликов Пётр Иванович** (ум. 1852), писатель, журналист, издатель — 210
- Шалк Элери** (Schalk Ellery), историк, искусствовед — 179
- Шаляпин Фёдор Иванович** (1873—1938), оперный певец — 81
- Шамбрэн Луи-Шарль Пенетон**, де (нач. XX в.), гр., французский дипломат — 76, 82
- Шамбрэн М.**, де (нач. XX в.), гр., жена французского дипломата — 77
- Шамфор Николая**, де (Chamfort Nicolas, de; 1741—1794), французский писатель, мыслитель, моралист — 382
- Шанони Дени** (Chanony Denis, Шаноний Денис; ум. До 1793), уроженец Лиона, фабрикант — 136—143
- Шаноний Денис** — см. Шанони Дени
- Шапп д'Отерош Жан** (Charpe d'Auteroche Jean; 1722—1769), аббат, французский астроном и путешественник — 48—50
- Шаркова И. С.* (втор. пол. XX в.), историк
- Шатийон Клод**, де (1547—1616), французский архитектор — 225
- Шатонёф Пьер-Антуан**, де (Pierre Antoine, marquis de Châteauneuf; 1647—1728), маркиз, французский посол в Гааге с 1714 г. — 12, 15
- Шафиров Пётр Павлович** (1669—1739), барон, дипломат — 15, 376
- Шварц Антон Евграфович** (1818—1892), скульптор — 162
- Шведова Наталия Юльевна* (урожд. Айхенвальд, 1916—2009), лингвист, филолог — 379
- Швенгель Георг** (перв. пол. XVII в.), лифляндский инж. — 255
- Шевалье Жан** (нач. XVIII в.), царский агент в Париже — 234
- Шеленговский Иван Андреевич* (нач. XX в.), капитан 69-го пехотного Рязанского полка — 110
- Шеметав**, де, барон — 348
- Шенье Мари-Жозеф** (1764—1811), французский драматург, политический деятель — 168
- Шереметев Борис Петрович** (1652—1719), гр. с 1706, генерал-фельдмаршал — 21, 181, 259
- Шереметев Николай Петрович** (1751—1809), гр., покровитель искусств, меценат, музыкант — 181, 273
- Шереметев Пётр Борисович** (1713—1788), гр., генерал-аншеф — 43
- Шереметева Варвара Алексеевна** (урожд. кнж. Черкасская, 1711—1767), гр. — 181
- Шереметевы**, графы — 456
- Шетарди Жак-Иоахим Тротти**, де ла (Trotti Jacques-Joachim, marquis de la Chétardie; 1705—1759), маркиз, французский дипломат и генерал — 73, 114
- Шефнер Вадим Сергеевич** (1914/1915—2002), поэт, прозаик, фантаст, переводчик — 418
- Шехурина Людмила Диодоровна*, филолог — 395
- Шикер Александр Константинович*, историк — 193
- Шиллинг Маврикий Фабианович** (1872—1934), барон, дипломат, государственный деятель — 400
- Шилов Лев Алексеевич* (1932—2004), искусствовед, прозаик, архивист — 337
- Шингарёв Андрей Иванович** (1869—1918), российский общественный и политический деятель, врач, публицист — 83
- Шипов Иван Павлович* (1865—1919?), финансист, министр финансов (1905—1906), министр торговли и промышл. (1908—1909), управляющий Гос. банком (1914—1917) — 120
- Шихобалов Антон Николаевич** (1827—1908), купец, общественный деятель, благотворитель — 301, 303

- Шихобалов Емеллиан (Емельян) Николаевич (ум. 1888), купец, городничий Самары, благотворитель — 301, 303
- Шкаровский Михаил Витальевич (р. 1961), историк — 187, 193, 298–299
- Шкловский Виктор Борисович (1893–1984), писатель, литературовед, киносценарист — 426–427
- Шкляр Ирина Викторовна (19??–197?), библиограф, историк — 495–496
- Шлейниц Ганс Христофор (Schleinitz Johann Christoph, von; нач. XVIII в.), барон, выходец из герцогства Брауншвейг-Вольфенбюттель, с 1711 посланник России в Ганновере, с 1717 — посланник в Париже — 430, 440
- Шлютер Андреас (Schlüter Andreas; 1660–1714), немецкий архитектор, с 1713 на русской службе — 249
- Шмидт-Лоске Катарина (Schmidt-Loske Katharina), немецкий биолог — 354, 358–363
- Шнейдер Александр Еремеевич (1913–199?), историк-архивист — 493
- Шнор Иоганн Карл (Schnoor; 1738–1812), издатель, типограф, литограф — 336
- Шоль Жак (кон. XVIII в.), французский иммигрант в России, фабрикант в Петербурге — 151
- Шперк Вендикт (Фёдорович) Фридрихович* (1895–1978), воен. инж., историк — 266
- Шпет Густав Густавович (1879–1937), философ, психолог, теоретик искусства — 428
- Шпигель К. Л. (пер. треть XVIII в.), барон, генерал-лейтенант — 113
- Шпиталев (Шпитальов) Геннадий Георгиевич (р. 1968), украинский историк — 101
- Шрадер Татьяна Алексеевна* (р. 1939), историк — 265
- Шрейбер Густав Фёдорович (ок. 1850–ок. 1927), архитектор — 313
- Штакеншнейдер Андрей Иванович (1802–1865), архитектор — 338
- Шталь фон Гольштейн Иоган (втор. пол. XVII в.), лифлянский инж. — 256
- Шталь фон Гольштейн Якоб (втор. пол. XVII в.), лифлянский инж. — 256
- Штелин Якоб (Яков Яковлевич; 1709–1785), гравёр, картограф, мемуарист — 16, 98–99, 105, 178–179, 181, 183, 185–186, 343
- Штендер (втор. пол. XVIII в.), купец — 345
- Штер Матвей Петрович (1776–1847), воронежский губернатор — 156
- Штром Иван Васильевич (1823–1887/1888), архитектор — 305, 315
- Штукенберг Антон Иванович (1816–1887), инж. путей сообщения, писатель — 496
- Штюмер Борис Владимирович (1848–1917), российский государственный деятель — 78
- Шуазэль-Гуфье Огюст, де (Гавриил Августович, 1752–1817), французский дипломат, археолог, исследователь и коллекционер греческих древностей — 459
- Шувалов Андрей Петрович (1744–1789), гр., государственный деятель, любитель истории, писатель, переводчик — 37, 42, 180
- Шувалов Иван Иванович (1727–1797), государственный деятель, генерал-адъютант, меценат, основатель Московского ун-та и Академии художеств — 37, 42–43, 177
- Шувалова Мавра Егоровна (урожд. Шепелева; 1708–1759), гр. с 1746, статс-дама при дворе Елизаветы Петровны — 43
- Шуйский Валерий Константинович (1939–2008), искусствовед, историк архитектуры — 493
- Шульц Сергей Сергеевич* (1934–2004), геолог, историк-краевед — 187–189, 192
- Шумахер Иван Данилович (Иоганн Даниэль, Schumacher Johann Daniel; 1690–1761), деятель русской

- науки немецкого происхождения — 249, 367–369
- Шумигорский Евгений Севастьянович* (1857–1920), историк — 172
- Шумков Андрей Александрович* (р. 1956), генеалог — 162
- Шумский Яков Данилович* (1732–1812), актёр, оперный певец (баритон) — 336
- Шхонебек (Схонебек) Адриан* (Adriaan Schoonebeek или Schoonebeck; 1661–1705), голландский гравёр — 333
- Щелкунов Иоанн Яковлевич* (пер. треть XX в.), священник датской православной церкви, учитель — 242, 244
- Щербатов Иван Андреевич* (1696–1761), кн., дипломат — 123
- Щербатов Михаил Михайлович* (1733–1790), кн., историк, публицист, философ — 54
- Щербачёв Александр Александрович* (1858–1912), архитектор — 303
- Щербина Михаил Георгиевич*, филолог — 18, 346
- Эбелинг Александр Карлович* (ум. 1855), дипломат, генеральный консул Марселя и Парижа — 451
- Эджертон Вильям*, американский филолог — 424
- Экхаут Альберт* (Albert Eckhout; ок. 1610–1666), нидерландский худ. — 359–361
- Эльсниц Антоний Леопольд, фон* (ок. 1723–1776), прусский полковник — 466–467–474, 476–481
- Эльсниц Вильгельм Людвиг, фон* (1717–1757), прусский полковник, адъютант Фридриха II — 469, 472
- Эльсниц Генрих Ернст, фон* (ум. 1784), прусский полковник — 469
- Эльсниц Казимир Райнхольд, фон* (ум. 1753), комендант прусского кадетского корпуса в Берлине — 469
- Эльсниц Луиза, фон* (урожд. фон Мельхайм; сер. XVIII в.) — 469
- Эльсниц Фридрих Вильгельм, фон* (ум. 1787), прусский подполковник — 469
- Эльц Елена Эдуардовна* (р. 1983), историк — 395
- Энгиенский, герцог* — см. Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский
- Эон де Бомон Шарль Женевьев Луи Огюст Андре Тимоте, шевалье д'* (chevalier d'Éon; 1728–1810), французский авантюрист, дипломат, писатель — 35–46
- Эрвелуа Луи де Ке, д'* (d'Hervelois Louis de Caix, 1670–1759), французский композитор — 353
- Эрскин Джон, 6-й граф Мар* (Erskine John; ок. 1687–1737), один из руководителей якобитского движения — 27–28, 31
- Эсколье Раймон* (Raymond Escholier; 1882–1971), французский журналист, искусствовед и литератор — 403
- Эсперандье Анри-Жак* (1829–1874), французский архитектор — 298
- Эстергази* (пер. треть XIX в.), гр., французский государственный деятель — 460
- Эстергази* (урожд. Хольбе), гр. — 460
- Юдихер* (Judichær; нач. XVIII в.), датский вице-адмирал — 253
- Юкселль Николая дю Бле, д'* (д'Юксель Nicolas, de Blé; 1652–1730), маркиз, маршал Франции с 1703 г. — 27
- Юлленборг Карл* (Гюлленборг Карл, Gyllenborg Carl; 1679–1746), гр., шведский дипломат, посланник в Лондоне — 28–29
- Юмбер Дмитрий* (втор. пол. XIX в.), учитель фр. яз. в Воронежском кадетском корпусе — 161
- Юон Константин Фёдорович* (1875–1958), живописец, мастер пейзажа — 397
- Юркова Зоя Владимировна* (р. 1950), кандидат архитектуры — 285, 287

- Юров Алексей Иванович (1690–1732), денщик, казначей, крестник Петра I — 328
- Юшков Иван Иванович (17?? –1786), генерал-поручик, государственный деятель — 273
- Яблочков Павел Николаевич (1847–1894), изобретатель электрической лампочки — 444
- Ягужинский Павел Иванович (1683–1736), гр. с 1731, государственный деятель, дипломат — 129
- Яик Василий (пер. треть XVIII в.), служитель — 238
- Яков II Стюарт (James II; 1633–1701), король Англии, Шотландии и Ирландии — 27
- Яков III (Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт, 1688–1766), претендент на Английский престол под именем Яков III, сын Якова II, «шевалье де Сент-Джордж» — 27–29, 32–33
- Яковлев Пётр Осипович (ок. 1748–?), ростовский дворянин, капитан — 206
- Ян II Казимир Ваза (1609–1672), король польский, великий князь литовский — 435
- Яновская Софья Александровна (урожд. Неймарк; 1896–1966), математик, философ, педагог — 424
- Яньшин Андрей Юрьевич (р. 1988), выпускник МАРХИ, архитектор — 274
- Ярцов Аникита Сергеевич (1737–1819), деятель горнозаводской промышленности, историк горного дела — 142

Х Международный петровский конгресс
Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года



Директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский
выступает на открытии X Международного петровского конгресса.
Эрмитажный театр. 9 июня 2017 года.



Пленарное заседание в Эрмитажном театре. 9 июня 2017 года.



С пленарным докладом выступает Б. М. Кириков.
Ведущие И. Д. Гузевич и Н. Н. Смирнов. Эрмитажный театр.
9 июня 2017 года.



Научный руководитель Института Петра Великого Е. В. Анисимов
выступает на торжественном вечере в честь Дня рождения Петра Великого.
Концертный зал Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга.
9 июня 2017 года.



Вице-губернатор Санкт-Петербурга В. В. Яковлев вручает знамя программы Генеральному консулу Франции. Концертный зал Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга. 9 июня 2017 года.



Директор Фонда имени Д. С. Лихачева А. В. Кобак вручает юбилейную медаль директору Фонда «Константиновский» Г. А. Явнику. Концертный зал Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга. 9 июня 2017 года.



Дирижер В. А. Чернушенко открывает концерт в честь Дня рождения Петра Великого. Концертный зал Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга. 9 июня 2017 года.



Д. Ю. Гузевич (Париж) представляет книгу Ханса Баггера «Пётр Великий в Дании в 1716 году». Академическая капелла Санкт-Петербурга. 10 июня 2017 года.



Н. Ю. Болотина (Москва), А. Н. Акиньшин (Воронеж),
А. А. Севастьянова (Рязань). Академическая капелла Санкт-Петербурга.
10 июня 2017 года.



Н. Л. Корсакова (Санкт-Петербург) и С. А. Мезин (Саратов).
Академическая капелла Санкт-Петербурга. 10 июня 2017 года.



Е. А. Андреева (Санкт-Петербург) и Б. М. Соколов (Москва).
Академическая капелла Санкт-Петербурга. 10 июня 2017 года.



Маттиас Пфaffenбихлер (Вена).
Академическая капелла Санкт-Петербурга. 10 июня 2017 года.



Д. И. Раскин (Санкт-Петербург).
Академическая капелла Санкт-Петербурга. 10 июня 2017 года.



А. А. Добренко (Санкт-Петербург).
Академическая капелла Санкт-Петербурга. 10 июня 2017 года.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. **Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.** Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.



Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. **Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.



Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.





Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский Дом, 2011 178 с., илл.



Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. 416, 453, 464 с.



Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М.Г. Вадейша, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е.А. Рождение Петербурга.
СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.



Юркин И.Н. Пётр железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.



Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свищерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.





Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Сви-дерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.



Кросс Э. Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков. Пер. с англ. М.А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.



Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.). Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

Гузевич Д.Ю. **Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.** СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.



Макаров Б. **Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.** СПб.: Из-во ВМА, 2013. илл.



Россия—Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 558 с., илл.

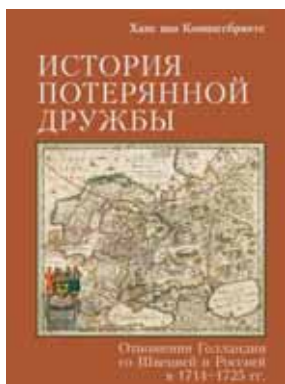




Царь-плотник во Фландрии: История одной легенды. Две повести Абрахама Ханса. Публ., коммент., статьи: Эммануэль Вагеманс, Дмитрий Гузевич; пер. с нидерланд.: Владимир Ронин; рис.: Владимир Ненашев. СПб.: Европейский Дом, 2014. 106 с., илл.



А.Л. Пунин. **Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко.** Часть 1. СПб.: Лики России, 2014. 216 с., илл.



Ханс ван Конингсбрюгге. **История потерянной дружбы: Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг.** Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 256 с., илл.

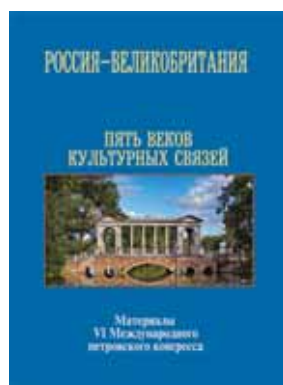
Сергей Мезин. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с., илл.



Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы международной конференции. Санки-Петербург—Царское Село—Петергоф, 7–9 октября 2013 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, А.Д. Марголис. СПб.: Европейский Дом, 2015. 540 с., илл.



Россия—Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2015. 768 с., илл.





Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм. *Материалы VII Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург 5–7 июня 2015 года. Сост. А.В. Кобак, О.В. Кувалдина СПб.: Европейский Дом, 2016. 696 с., илл.

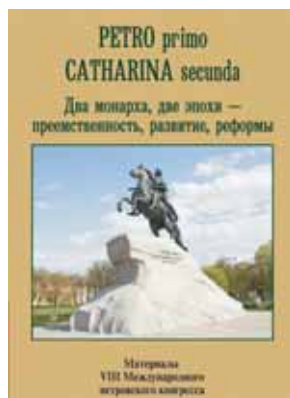


Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенном в 1717 году. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц. СПб.: Европейский Дом, 2017. 396 с., илл.



Баггер Ханс. Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич. Пер. с датского Борис Жаров. СПб.: Европейский Дом, 2017. 188 с.

PETRO primo CATHARINA secunda. Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы. *Материалы VIII Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М.В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2017. 570 с., илл.



Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию. *Материалы IX Международного петровского конгресса.* Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 года. Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М. В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2018. 464 с., илл.



Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков. *Материалы X Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года. Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М. В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2018. 584 с., илл.



РОССИЯ И ФРАНЦИЯ



Культурный диалог

в панораме веков

Материалы
X Международного петровского конгресса

Санкт-Петербург
9–10 июня 2017 года



978 5 8015 0391 2

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков
Оформление, оригинал-макет
Т.Б. Николаева

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 36,5.
Тираж 350 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 27-29
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28